This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

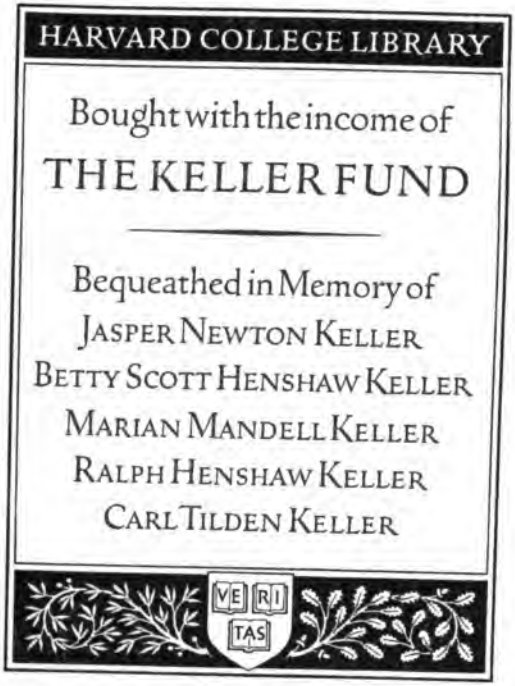
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Slav 1455.1.10



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

В. А. Мякотинъ.

На зарѣ русской общественности.

Изд. „Донская Рѣчь"
Парамонова
въ Ростовѣ н-Д.

Digitized by Google

Slav 1455.1.10

Дозв. цензурою 21 октября 1904 года. Ростовъ на Дону.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY APR 22 1966

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва „Донская Рѣчь".
1904.

Digitized by Google

На зарѣ русской общественности.

Восемнадцатое столѣтіе, открывшее собою новый періодъ въ исторіи русскаго государства, въ жизни русскаго общества явилось временемъ рѣзкаго разграниченія сословныхъ группъ. То зданіе «крѣпостного устава», фундаментъ котораго былъ заложенъ еще въ старомъ московскомъ государствѣ, было быстро достроено въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Крестьянское прикрѣпленіе за это время окончательно превратилось въ крѣпостную неволю, и одновременно бывшій государевъ служилый человѣкъ выросъ въ благороднаго россійскаго дворянина, привилегированнаго владѣльца крѣпостныхъ душъ. Освободившись отъ личныхъ обязанностей по отношенію къ государству, дворянинъ XVIII вѣка вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ значительную долю государственной власти надъ массою крѣпостного крестьянства. Ко второй половинѣ столѣтія воздвигавшееся такимъ путемъ зданіе сословныхъ привилегій дворянства было въ общихъ чертахъ уже готово и на долю Екатерининской эпохи досталось лишь завершеніе и увѣнчаніе его.

Но наряду съ этимъ процессомъ измѣненій соціальнаго строя въ жизни общества шелъ и другой процессъ,

Digitized by Google

лишь на первыхъ порахъ совпадавшій въ своихъ результатахъ съ упомянутымъ выше. Сближеніе съ Западомъ, предпринятое первоначально государственною властью ради ея спеціальныхъ нуждъ, скоро стало цѣлью самостоятельныхъ стремленій русскаго общества. Правда, на первыхъ порахъ стремленія, направленныя въ эту сторону, не отличались ни особенной глубиной, ни большою сознательностью. Верхи русскаго общества, располагавшіе теперь большимъ досугомъ и щедро надѣленные матеріальными средствами, жадно набросились на внѣшнюю оболочку европейской цивилизаціи, мало обращая вниманія на внутреннее ея существо. Нерѣдко такое заимствованіе шло и далѣе условій матеріальной обстановки, продолжая, однакоже, оставаться чисто поверхностнымъ. Идеи, составлявшія на Западѣ величайшія завоеванія человѣческой мысли, дававшія содержаніе жизни цѣлыхъ поколѣній, переносились въ Россію въ качествѣ болѣе или менѣе красивыхъ декорацій барскаго быта, не оказывая на него сколько-нибудь глубокаго вліянія. Фразы о равенствѣ людей спокойно уживались въ этомъ быту рядомъ съ грубѣйшими насиліями крѣпостного права, восхваленія свободы нисколько не мѣшали широкому распространенію культа безправія. Заимствованныя слова не претворялись въ идеи и, не проникая въ глубину сознанія, не находили себѣ никакого реальнаго примѣненія въ жизни. На этой своей ступени европейское вліяніе лишь расширяло и углубляло ту пропасть, какая была вырыта между русскими общественными классами условіями ихъ соціальнаго развитія. Грубая роскошь барства, ослѣплявшая глаза современниковъ этой эпохи, оплачивалась быстро возраставшею тяжестью невольнаго крестьянскаго труда, а верхушки европейскаго просвѣщенія, схваченныя высшими классами общества, лишь рѣзче подчеркивали грань, раздѣлявшую эти классы отъ невѣжественной массы народа.

Однакоже, разъ войдя въ русскую жизнь, западное вліяніе постепенно стало отвоевывать себѣ въ ней и иного

Digitized by Google

рода роль, болѣе самостоятельную и активную. До извѣстной степени путь къ завоеванію такой роли былъ для него расчищенъ. Средневѣковыя понятія и представленія, составлявшія содержаніе умственной жизни московской Руси, были изжиты ею уже къ концу XVII вѣка, когда несостоятельность ихъ обнаружилась съ полною очевидностью. Съ той поры старое міросозерцаніе потеряло безграничную власть надъ умами не только высшихъ слоевъ общества, но и значительной части народа. Но въ то время, какъ народная масса, отрѣзанная отъ просвѣщенія и предоставленная лишь собственнымъ своимъ силамъ, искала основъ новаго міросозерцанія почти исключительно на почвѣ религіозныхъ представленій, передъ верхними слоями русскаго общества открылась широкая дорога къ источникамъ европейскаго просвѣщенія. Моментъ, въ который они ступили на эту дорогу, совпадалъ съ необычайнымъ оживленіемъ философской и научной мысли на самомъ Западѣ. Какъ разъ въ это время просвѣтительная философія гордо поднимала во Франціи свое знамя и во имя требованій разума начинала ожесточенную борьбу съ остатками феодально-католическаго строя. Такимъ образомъ, едва успѣвъ выработать себѣ формы замкнутаго сословнаго быта, русское общество становилось свидѣтелемъ могучаго идейнаго движенія, заключавшаго въ себѣ горячій протестъ противъ основныхъ принциповъ подобнаго быта, и вступало даже въ извѣстное общеніе съ этимъ движеніемъ. Противорѣчіе, заключавшееся въ такомъ положеніи вещей, могло оставаться невскрытымъ лишь до той поры, пока самое общеніе съ Западомъ носило чисто внѣшній и механическій характеръ. Для большинства общества оно и оставалось такимъ въ теченіи всего восемнадцатаго столѣтія. Но, по крайней мѣрѣ, небольшая часть русскаго общества успѣла за это вре мя перейти отъ простого заимствованія иноземныхъ обычаевъ и взглядовъ къ сознательному усвоенію плодовъ теоретической мысли Запада. Прямымъ послѣдствіемъ такого перехода для испы-

Digitized by Google

тавшихъ его общественныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей явились попытки осмыслить собственное положеніе и выработать новое міросозерцаніе на основѣ вновь пріобрѣтенныхъ знаній и взглядовъ. Не одинаково складываясь у различныхъ группъ общества, въ разной мѣрѣ испытавшихъ на себѣ воздѣйствіе западныхъ вѣяній, эти попытки во всякомъ случаѣ уводили мысль на новые пути и неизбѣжно порождали критику русской дѣйствительности съ новыхъ точекъ зрѣнія. Такъ на почвѣ общенія съ умственными теченіями Запада зарождалось идейное движеніе въ нѣдрахъ самого русскаго общества. Въ рамкахъ настоящаго очерка мы попытаемся представить читателю характеристику одного,—быть можетъ, самаго крупнаго—изъ дѣятелей этого движенія—А. Н. Радищева. Въ томъ пути, какимъ сложилось міровоззрѣніе этого замѣчательнаго человѣка, и въ той судьбѣ, какая выпала на его долю въ жизни, ярко отразились характеръ и результаты умственнаго движенія, ознаменовавшаго собою послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка въ Россіи.

I.

О раннихъ годахъ жизни Радищева сохранились лишь краткія и отрывочныя свѣдѣнія. Онъ родился 20 августа 1749 г., въ зажиточной дворянской семьѣ, по своему происхожденію принадлежавшей къ массѣ рядового русскаго дворянства. Дѣдъ его изъ Петровскихъ потѣшныхъ дослужился до бригадирскаго чина и путемъ женитьбы на богатой невѣстѣ пріобрѣлъ имѣніе въ Саратовской губерніи. Сынъ его и отецъ писателя былъ помѣщикомъ средней руки, по своему времени довольно образованнымъ и гуманнымъ, хотя его образованіе мирно уживалось съ немалою долею суевѣрія. Въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ не было жестокости, и его крѣпостные, въ свою очередь, любили добраго помѣщика. Впослѣдствіи Пугачев-

Digitized by Google

щина, оставившая по себѣ кровавые слѣды во многихъ дворянскихъ семьяхъ Екатерининской эпохи, не коснулась семьи Радищевыхъ, благодаря крестьянамъ, которые не указали полчищамъ самозванца убѣжища своего помѣщика и спрятали у себя нѣкоторыхъ изъ его дѣтей. Первые годы дѣтства А. Н. Радищева прошли въ саратовской деревнѣ его отца. Здѣсь началось и его ученіе, не отклонявшееся первоначально отъ обычнаго для того времени пути. Читать онъ выучился по часослову и псалтырю, а когда онъ достигъ шестилѣтняго возраста, къ нему былъ приглашенъ учитель-французъ. Громадный спросъ, существовавшій въ тогдашней Россіи на педагоговъ иностраннаго происхожденія, и низкія требованія, предъявлявшіяся къ нимъ необразованнымъ обществомъ, создали увѣковѣченный въ позднѣйшей сатирической литературѣ типъ случайнаго педагога, видѣвшаго въ учительской профессіи исключительно выгодное ремесло и бравшагося за нее безъ малѣйшаго о ней понятія. Подобный педагогъ достался и на долю Радищева. Первый его учитель оказался бѣглымъ солдатомъ и вскорѣ былъ удаленъ. Послѣ того отецъ отправилъ Радищева къ своему родственнику въ Москву, гдѣ онъ и воспитывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ наблюденіемъ опять таки француза-гувернера, который на родинѣ былъ совѣтникомъ руанскаго парламента, но бѣжалъ отъ преслѣдованій правительства Людовика XV и укрылся въ Россіи. Въ Москвѣ Радищевъ пользовался, сверхъ того, и уроками профессоровъ только что открытаго здѣсь университета, но всѣ эти уроки едва-ли могли идти далѣе усвоенія элементарныхъ свѣдѣній. Тринадцати лѣтъ отъ роду Радищевъ былъ уже переведенъ отцомъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ пажескій корпусъ, въ которомъ и пробылъ до 1766 года, дѣля свое время между учебными занятіями и дежурствами при дворѣ императрицы. Въ пажескомъ корпусѣ, который, подобно большинству русскихъ учебныхъ заведеній этой эпохи, обладалъ широкой и разносторонней программой, пло-

Digitized by Google

хо, однако, примѣнявшейся на практикѣ [1]), Радищевъ выдѣлился изъ среды товарищей своими блестящими способностями, но, надобно думать, не могъ пріобрѣсти особенно серьезныхъ познаній. Тѣмъ временемъ въ его судьбѣ готовился серьезный поворотъ, опредѣлившій собою не только дальнѣйшій ходъ его образованія, но и всю его послѣдующую жизнь. Екатерина II, въ эту пору своей жизни увлекавшаяся мыслью о широкихъ реформахъ, испытывала нужду въ образованныхъ чиновникахъ и, желая «получить людей, къ службѣ политической и гражданской способныхъ» [2]), вознамѣрилась для этой цѣли воспользоваться услугами заграничныхъ университетовъ. Для осуществленія плановъ императрицы въ 1766 году рѣшено было отправить въ Лейпцигскій университетъ на казенный счетъ двѣнадцать молодыхъ дворянъ, въ томъ числѣ шесть пажей, изъ наиболѣе способныхъ къ наукамъ. Въ число избранныхъ пажей попалъ и Радищевъ, и въ сентябрѣ 1766 года онъ уже выѣхалъ съ новыми своими товарищами за границу.

Такимъ образомъ, семнадцатилѣтнимъ юношей Радищевъ изъ классовъ пажескаго корпуса непосредственно перешелъ въ аудиторію нѣмецкаго университета, и мѣсто впечатлѣній отъ русскаго придворнаго быта въ его умѣ заняли наблюденія надъ западноевропейскою жизнью. При всей рѣзкости такого перехода его благотворное вліяніе не замедлило сказаться. Научныя занятія скоро сдѣлались

[1]) Согласно составленному академикомъ Миллеромъ плану, пажи должны были обучаться: русскому языку и каллиграфіи; математикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, механикѣ; философіи, морали, естественному и народному праву; исторіи, географіи, генеалогіи и геральдикѣ; юриспруденціи, гражданскому и государственному праву и церемоніаламъ (Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, СПБ. 1889, т. I, сс. 543—4. Легко видѣть, что съ такимъ количествомъ предметовъ мудрено было основательно познакомить малолѣтнихъ учениковъ въ 4 года.

[2]) Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. X, 116.

Digitized by Google

господствующимъ интересомъ въ кружкѣ лейпцигскихъ стипендіатовъ. Главаремъ и руководителемъ кружка въ этомъ отношеніи явился старшій членъ его, Ѳ. В Ушаковъ. Въ Россіи онъ занималъ уже видное мѣсто, обѣщавшее ему быструю служебную карьеру, но, когда рѣшена была посылка молодыхъ людей въ Лейпцигъ, онъ увлекся желаніемъ пополнить свое образованіе и исхлопоталъ себѣ назначеніе въ число отправлявшихся за границу дворянъ. Благодаря своему сравнительно болѣе зрѣлому возрасту и твердому характеру, Ушаковъ быстро пріобрѣлъ сильное вліяніе на своихъ товарищей и, самъ со страстью отдаваясь наукѣ, поддерживалъ и во всемъ кружкѣ энтузіазмъ къ научнымъ занятіямъ. Плоды этого энтузіазма скоро стали замѣтны и постороннему глазу. Черезъ полтора года по прибытіи русскихъ студентовъ въ Лейпцигъ русскій посланникъ въ Дрезденѣ сообщалъ объ ихъ успѣхахъ такіе отзывы: «всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ столь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются; особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во-первыхъ, старшаго Ушакова, а по немъ— Янова и Радищева, которые превзошли чаяніе своихъ учителей» [1]).

Ранѣе однако, чѣмъ русскіе студенты получили возможность свободно отдаться научнымъ занятіямъ и впечатлѣніямъ заграничной жизни, имъ пришлось пережить довольно серьезное испытаніе, длившееся немалое время. Порядокъ ихъ занятій и жизни въ Лейпцигѣ былъ опредѣленъ инструкціей, составленной самою Екатериной. Согласно этой инструкціи, студентамъ предписывалось «обучаться всѣмъ латинскому, нѣмецкому, французскому и, если возможно, славянскому языкамъ; всѣмъ обучаться моральной философіи, гисторіи, а наипаче праву естественному и всенародному и нѣсколько и Римской имперіи

[1]) Сухомлиновъ, назв. соч., сс. 546—7.

Digitized by Google

праву». «Прочимъ наукамъ обучаться—продолжала инструкція —оставить всякому на произволеніе». На каждаго студента отпускалось изъ казны въ годъ 800 р.; изъ этой суммы, сверхъ расходовъ на содержаніе студентовъ, имъ должны были еще выдаваться карманныя деньги на мелкіе расходы. Позднѣе эта, довольно значительная по тогдашнему времени, сумма была еще повышена до 1,000 р. въ годъ. Надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ студентовъ возлагался инструкціей на особаго инспектора, права котораго, въ свою очередь, точно опредѣлялись ею. «Если кто изъ дворянъ—гласилъ одинъ изъ параграфовъ инструкціи—явится въ поступкахъ неисправнымъ или въ ученіи нерадивымъ, того инспектору увѣщевать прежде наединѣ. А послѣ, если не исправится, выговаривать при всѣхъ дворянахъ; если же и симъ не удовольствуется, объявлять профессору». Наконецъ, еслибы и это средство не помогло, инспекторъ обязывался обратиться къ ближайшему русскому посланнику для отправленія виновнаго «при первомъ удобномъ случаѣ въ Россію, дабы втунѣ государственная казна не была на него трачена». Никакихъ же наказаній инспекторъ не могъ налагать на студентовъ [1]).

Дѣйствительность, ожидавшая русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ, плохо согласовалась съ предписаніями инструкціи. Назначенный инспекторомъ или «гофмейстеромъ» молодыхъ дворянъ майоръ Бокумъ былъ человѣкъ грубый, до крайности корыстолюбивый и жестокій. Не довольствуясь своимъ жалованіемъ и подарками, которые онъ получалъ отъ родителей порученныхъ ему дворянъ, онъ удерживалъ еще въ свою пользу немалую часть казенныхъ денегъ, отпускавшихся на одежду, пищу и квартиру студентовъ. Благодаря этой своеобразной экономіи, послѣдніе помѣщались въ темныхъ, сырыхъ и грязныхъ квартирахъ, вынуждены были иногда носить платье съ чужого плеча, порою даже голодали. Проѣзжавшій черезъ Лейп-

[1]) Сборникъ Русск. Истор. Общества, X, 107—111.

Digitized by Google

цигъ кабинетъ-курьеръ Яковлевъ сообщалъ позднѣе въ Россіи, что во время пребыванія его въ этомъ городѣ Бокумъ кормилъ студентовъ несвѣжей провизіей; Радищевъ въ это время «за болѣзнію, къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ—прибавлялъ Яковлевъ—въ разсужденіи его болѣзни, за отпускомъ худого кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ» [1]). На этой почвѣ между гофмейстеромъ и студентами скоро возникли рѣзкія столкновенія, еще осложнившіяся тѣмъ, что Бокумъ смотрѣлъ на молодыхъ людей, къ которымъ онъ былъ приставленъ, какъ на дѣтей, обязанныхъ во всемъ безпрекословно повиноваться его волѣ, и вопреки инструкціи не стѣснялся примѣнять къ нимъ разнообразныя наказанія, не исключая и тѣлесныхъ. «Не зналъ нашъ путеводитель,—разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ Радищевъ,—что худо отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе и что высшая власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости. Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали, наконецъ, презирать его власть» [2]). Единичныя столкновенія перешли въ систематическую борьбу: студенты все чаще отказавали своему оффиціальному руководителю въ повиновеніи, Бокумъ чаще и чаще прибѣгалъ къ унизительнымъ наказаніямъ непокорныхъ, сѣкъ ихъ розгами, билъ фухтелями и т. п. Не довольствуясь обычными видами наказаній, онъ самъ изобрѣлъ новую кару. Курьеръ Яковлевъ «видѣлъ выдуманную Бокумомъ клѣтку, въ которую намѣренъ онъ былъ запирать и сажать дворянъ въ такомъ тѣсномъ и переломномъ и тѣмъ самымъ здоровью ихъ опасномъ весьма положеніи, что въ ней ни стоять, ни сидѣть на остроконечныхъ перекладинахъ прямо не можно. И чтобъ хитрому

---

[1]) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 545.

[2]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева М. 1811, ч. V, с. 23.

Digitized by Google

вымыслу сему ничего не доставало, то похвалялся его высокоблагородіе клѣтку сію и въ оной заключеннаго, поднявъ на блокѣ, держать чрезъ опредѣляемое къ тому время повѣшанною на воздухѣ» [1]). Жалобы студентовъ, пытавшихся указать на то, «въ коль несчастную и горестную жизнь ввергнулъ ихъ г. маіоръ Бокумъ», частью перехватывались послѣднимъ, частью не находили себѣ вѣры у тѣхъ лицъ, къ которымъ онѣ были обращены, и лейпцигскіе стипендіаты оставались предоставленными самимъ себѣ въ этой неравной борьбѣ. Наконецъ, терпѣніе ихъ лопнуло, и однажды, когда Бокумъ оскорбилъ студента Насакина, послѣдній, подчиняясь единогласному рѣшенію товарищей, возвратилъ ему пощечину. Растерявшійся гофмейстеръ въ первую минуту поднялъ исторію, обвинилъ студентовъ въ покушеніи на его жизнь и посадилъ ихъ всѣхъ подъ арестъ. Они уже ждали крайне суровыхъ каръ по отношенію къ себѣ и задумывались даже надъ вопросомъ, не лучше-ли заблаговременно бѣжать изъ-подъ ареста и, скрывшись изъ Лейпцига, навсегда отказаться отъ возвращенія въ отечество. Дѣло окончилось, однако же, тѣмъ, что студенты просидѣли нѣкоторое время подъ стражей, а затѣмъ были освобождены по приказанію русскаго посланника въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскаго, до свѣдѣнія котораго дошла вся эта исторія. Съ той поры, по крайней мѣрѣ, старшіе студенты освободились, если не отъ экономическихъ поползновеній Бокума, то хотя отъ его назойливой опеки: «онъ рачилъ о своемъ карманѣ,—разсказываетъ Радищевъ,—а мы жили на волѣ и не видали его мѣсяца по два» [2]).

Въ Россію свѣдѣнія объ обращеніи Бокума съ посланными въ Лейпцигъ дворянами и о налагаемыхъ на нихъ наказаніяхъ дошли поздно—лишь въ концѣ 1770 года. Когда такія свѣдѣнія были получены, изъ императорскаго

[1]) Сборникъ Р. Ист. Общества, X, 123.

[2]) Собраніе сочиненій А. Н. Радищева, ч. V, с. 55.

Digitized by Google

Кабинета отправлено было къ Бокуму длинное посланіе. Въ Кабинетѣ, говорилось здѣсь, «усмотрѣно не только съ несказаннымъ удивленіемъ, но и съ крайнимъ ужасомъ, что точно въ противность высочайшей ея и. в—ва волѣ имѣли вы неслыханное дерзновеніе неоднократно наказывать на тѣлѣ гг. Зиновьева и Олсуфьевыхъ. Вѣдать вамъ надлежало, что не только всякія тѣлесныя наказанія, но и въ выговорахъ всякая суровость, гнѣвъ и брань,—какъ средства, благоразумному и пристойному воспитанію, каковымъ по намѣренію своему всемилостивѣйше жалуетъ ея и. в—во отправленныхъ для того въ Лейпцигъ дворянъ, совсѣмъ безчестныя, непристойныя, гнусныя и только подлаго духа людямъ свойственныя,—изъ данной вамъ инструкціи... вовсе исключены». «Какою властію и по чьему дозволенію—спрашивалъ Кабинетъ—осмѣлилися вы попустить себя на такую преподлую и прегнусную дерзость, подвергающую россійское дворянство явному безславію, въ самихъ же дворянахъ не иное что, какъ уныніе и подлость духа, произвести могущую?.. Не варварство-ли это и тиранство? При такихъ подлыхъ съ благородными людьми поступкахъ возможно-ли надѣяться, что вкоренены будутъ въ нѣжныхъ сердцахъ ихъ человѣколюбіе, добронравіе и истинное любочестіе? Да и вы сами можете-ли чаять пріобрѣсть чрезъ такое звѣрское воспитаніе любовь ихъ къ себѣ, дружескую довѣренность и почтеніе, къ чему, однако жь, всѣ старанія ваши устремить вы обязаны?.. Вѣчно стыдиться вамъ и продерзость толикую оплакивать должно». На будущее время Бокуму строго предписывалось, если бы онъ по усвоенной отъ собственнаго воспитанія привычкѣ даже своихъ дѣтей задумалъ исправлять «по обычаю подлаго народа, побоями, суровостью, крикомъ и бранью», «и въ томъ случаѣ чинить сіе съ такою предосторожностью, въ такое время и въ такомъ уединеніи, чтобъ никто изъ дворянъ россійскихъ сихъ гнусностей никогда не видалъ и объ нихъ не вѣдалъ». Въ заключеніе Кабинетъ настоятельно требовалъ, «чтобъ всякая

Digitized by Google

лютость въ нравахъ, неучтивость, свирѣпость и непристойность всемѣрно отъ глазъ и ушей дворянъ россійскихъ оставались сокровенны» [1]). Слухи, разошедшіеся по Петербургу о насиліяхъ Бокума надъ русскими юношами, и сѣтованія нѣкоторыхъ родителей, что ихъ сыновья частыми побоями «въ такую уже приведены подлую нечувствительность, что сего почти ни во что вмѣнять начинаютъ» [2]), видимо, раздражали, однако, Екатерину. 15 января 1771 г. она обратилась къ вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну съ запискою такого содержанія: «Князь Александръ Михаиловичъ! Извольте объявить тѣмъ отцамъ и матерямъ, кои почитаютъ, что дѣти ихъ въ Лейпцигѣ отъ Бокума столь много претерпѣваютъ, что въ ихъ волѣ состоитъ ихъ оттуда отозвать, ибо я рушить намѣрена все тамошнее мною сдѣланное учрежденіе, для того, что много отъ него безпокойства, нежели пользы: я трачу пятнадцать тысячъ, а принимаю негодованіе. Если есть такіе отцы, кои дѣтей своихъ хотятъ оставить на теперешнемъ основаніи, то прошу мнѣ сказать». Но нѣсколькими днями раньше императрица тому же вице-канцлеру поручала «отписать къ кн. Бѣлосельскому, чтобъ онъ послалъ въ Лейпцигъ г. Бокуму сказать, что я съ крайнимъ неудовольствіемъ слышу, что онъ осмѣливается въ противность данной ему инструкціи бить палочьемъ, шпагою и розгами ему отъ меня повѣренныхъ дворянъ, и что чрезъ то одно видно, что онъ неспособенъ къ тому мѣсту, къ которому приставленъ, ибо, если-бъ умѣлъ съ ними обходиться, то бы не нужно было къ такимъ суровымъ приступить средствамъ; что я ему запрещаю вновь осмѣлиться кого бить» [3]).

---

[1]) Сборникъ Р. Ист. Общества, X, 119—21.

[2]) Тамъ же, 123.

[3]) Изъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ мнѣ В. И. Семевскимъ; въ обѣихъ запискахъ имп. Екатерины мною не воспроизведена орѳографія подлинника. Пользуюсь случаемъ выразить здѣсь живѣйшую благодарность В. И. Семевскому, дружески сообщившему мнѣ собранные имъ рукописные матеріалы, касающіеся Радищева.

Digitized by Google

Исполняя порученіе императрицы, кн. Голицынъ 7 янв. 1771 г. написалъ кн. Бѣлосельскому въ Дрезденъ, поручая ему черезъ вѣрнаго человѣка провѣрить справедливость слуховъ объ обращеніи Бокума съ порученными его надзору дворянами и въ томъ случаѣ, если эти слухи подтвердятся, объявить Бокуму повелѣніе императрицы, но такъ, «чтобъ наша маладежа о томъ не свѣдома была» [1]). Тайною, которая должна была облекать выговоръ, разсчитывали, очевидно, спасти авторитетъ воспитателя въ глазахъ его воспитанниковъ. Но, не говоря уже о томъ, что въ сознаніи послѣднихъ авторитетъ Бокума давно и безвозвратно исчезъ, и правительству не удалось удержаться на той позиціи, которую оно заняло было относительно Бокума. Слѣдствіе, произведенное кн. Бѣлосельскимъ, выяснило не только суровость дисциплинарныхъ мѣръ, принимавшихся Бокумомъ, но и его казнокрадство; и въ результатѣ этого слѣдствія строгій майоръ потерялъ свою должность [2]). Но это случилось уже тогда, когда старшіе изъ лейпцигскихъ стипендіатовъ, и въ томъ числѣ Радищевъ, оканчивали курсъ своего ученія. Такимъ образомъ, поскольку имъ удалось добиться смягченія суроваго въ началѣ режима своего «гофмейстера» и сломить его произволъ, это было достигнуто болѣе ихъ собственными усиліями, нежели распоряженіями правительства.

Вся эта исторія борьбы съ Бокумомъ заняла видное мѣсто въ Лейпцигскихъ впечатлѣніяхъ юноши-Радищева. Не даромъ впослѣдствіи, достигнувъ уже зрѣлаго возраста, онъ такъ хорошо помнилъ всѣ детали этой исторіи и такъ подробно описывалъ ее въ составленномъ имъ «Житіи Ѳ. В. Ушакова». Въ столкновеніяхъ съ мелочнымъ деспотизмомъ Бокума Радищевъ и его товарищи впервые научились сознавать чувство личнаго достоинства и от-

[1]) Изъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ мнѣ В. И. Семевскимъ; письмо кн. Голицына было исправлено имп. Екатериной и поставленныя въ кавычкахъ слова внесены ею.

[2]) Сборникъ Р. Ист. Общ., X, 126—8.

Digitized by Google

стаивать его отъ чрезмѣрно грубыхъ посягательствъ, впервые проникли сознательной враждой къ произволу, съ горькими плодами котораго имъ пришлось свести такое близкое знакомство. Эти же столкновенія, уравнивавшія всѣхъ членовъ студенческаго кружка и объединявшія ихъ въ одномъ и томъ же чувствѣ, завязали между ними первыя узы взаимнаго общенія. Разъ установившись, такое общеніе и обусловленное имъ единство стремленій кружка не исчезли и тогда, когда первоначальный поводъ къ нимъ былъ устраненъ, и студентамъ удалось до нѣкоторой степени оградить себя отъ насильственной опеки со стороны Бокума. Къ этому времени нашлась новая и болѣе серьезная почва для общенія членовъ кружка въ совмѣстныхъ занятіяхъ наукой, которымъ они и отдались съ пламеннымъ увлеченіемъ.

Для такого увлеченія было немало поводовъ въ той обстановкѣ, какая окружала юныхъ студентовъ въ Лейпцигѣ. Уже однѣ университетскія лекціи сами по себѣ открывали имъ доступъ въ міръ научнаго знанія, мало похожій на тѣ традиціонныя, на половину дѣтскія, на половину невѣжественныя представленія, какими снабдило ихъ предшествовавшее воспитаніе. Наивное міросозерцаніе, основанное на этихъ представленіяхъ, рушилось тѣмъ скорѣе, что къ вліянію нѣмецкой университетской науки, не вполнѣ еще сбросившей съ себя схоластическую одежду, присоединилось еще болѣе глубокое вліяніе французской литературы. «Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе,—замѣчалъ впослѣдствіи Радищевъ, вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни,—любятъ метафизику; съ другой же стороны, всѣ, чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ» [1]). Въ исторіи европейской литературы немного можно насчитать моментовъ, когда она давала бы такой полный и сочувственный откликъ на эти инстинктивныя стремленія юности къ сво-

[1]) Собраніе сочиненій Радищева. ч. V, 26.

Digitized by Google

бодѣ и къ свѣту обобщеннаго знанія, какъ это было во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Французская философская и политическая литература этого вѣка съ ея рѣшительными отвѣтами на важнѣйшіе вопросы міросозданія, съ ея страстною проповѣдью господства разума и правъ человѣка какъ нельзя болѣе способна была разбудить молодой умъ и взволновать неокрѣпшее чувство. Живя въ Лейпцигѣ, русскіе студенты не могли избѣжать знакомства съ этой литературой, вліяніе которой широко распространилось по всей тогдашней Европѣ, и толчокъ къ такому знакомству, дѣйствительно, не заставилъ себя ждать. Одинъ изъ проѣжавшихъ черезъ Лейпцигъ русскихъ, разсказываетъ Радищевъ, «возбудилъ во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу Гельвеціеву о Разумѣ... По его совѣту мы читали сію книгу, читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научалися» [1]). Отъ Гельвеція русскіе студенты перешли къ другимъ корифеямъ современной имъ французской литературы и послѣ философскаго радикализма ихъ вниманіе поглотили идеи политическаго демократизма, главными представителями котораго являлись Мабли и Руссо. Изученіе произведеній этихъ послѣднихъ писателей, раскрывшихъ передъ мыслью своихъ русскихъ читателей новые горизонты, произвело на Радищева и его товарищей неизгладимое впечатлѣніе. Сочиненія Мабли представлялись имъ верхомъ совершенства. Когда проф. Бѣме объявилъ въ лейпцигскомъ университетѣ курсъ о публичномъ правѣ Европы, трое изъ русскихъ студентовъ, и въ числѣ ихъ Радищевъ, предпочли слушанію этого курса чтеніе книги Мабли «Droit public de l'Europe fondé sur les traités», будучи, по ихъ словамъ, увѣрены, что «образцовое, по мнѣнію всего свѣта, произведеніе Мабли, конечно, содержитъ въ себѣ болѣе поучительнаго, нежели какія бы то ни было лекціи» [2]).

---

[1]) Тамъ же, 60—61.

[2]) Сухомлиновъ, назв. соч., 549—50.

Digitized by Google

Было бы ошибочно видѣть въ этомъ отзывѣ, не лишенномъ доли наивной заносчивости неофита, свидѣтельство умственной лѣни или слѣпого фанатизма его авторовъ. Умственное возбужденіе, испытанное русскими студентами при встрѣчѣ съ философскою мыслью Запада, въ большинствѣ изъ нихъ вызвало жажду серьезнаго знанія, и они съ удвоенной энергіей набросились на занятія, торопясь удовлетворить эту жажду и захватить все наиболѣе цѣнное изъ раскрытой передъ ними сокровищницы науки. Старшій изъ членовъ студенческаго кружка, Ѳ. В. Ушаковъ, неумѣренными занятіями въ конецъ расшаталъ даже свое и безъ того уже разстроенное здоровье и довелъ себя до преждевременной смерти въ Лейпцигѣ. Радищевъ, также далеко не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, за время своего пребыванія въ Лейпцигѣ, помимо главнаго предмета своихъ занятій, заключавшагося въ юридическихъ наукахъ, усовершенствовалъ свои познанія въ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, много занимался естественными науками, въ особенности же химіей, и настолько изучилъ медицину, что могъ выдержать экзаменъ на врача. Широко раздвигая кругъ своихъ научныхъ интересовъ, Радищевъ и въ области общихъ философскихъ взглядовъ не ограничился изученіемъ лишь той системы, которая дала ему первый серьезный толчокъ къ самостоятельной умственной работѣ. Въ нашей литературѣ за нимъ съ давнихъ поръ прочно укрѣпилась репутація безусловнаго послѣдователя французскихъ философовъ матеріалистовъ, и въ частности Гельвеція, основанная въ сущности лишь на приведенныхъ выше словахъ самого Радищева, что онъ учился мыслить по книгѣ Гельвеція. Но въ дѣйствительности изученіе книги Гельвеція было для Радищева лишь первымъ сознательнымъ шагомъ въ область философскихъ вопросовъ и на немъ онъ не остановился, какъ не ограничился и знакомствомъ съ французской философской литературой. Лекціи лейпцигскаго профессора Платнера, слѣдовавшаго въ своемъ кур-

Digitized by Google

съ философіи воззрѣніямъ Лейбница, ознакомили его съ системою знаменитаго нѣмецкаго мыслителя, и подъ вліяніемъ этихъ лекцій Радищевъ принялся за внимательное изученіе взглядовъ Лейбница. Двадцать лѣтъ спустя, Платнеръ въ разговорѣ съ Карамзинымъ вспоминалъ о Радищевѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ способныхъ русскихъ учениковъ своихъ [1]).

Эта разносторонняя и богатая результатами умственная дѣятельность сопровождалась сильнымъ подъемомъ нравственнаго чувства. Входя въ соприкосновеніе съ жизнью Запада и воспринимая плоды существовавшаго въ ней идейнаго движенія, поскольку они выразились въ университетской наукѣ и въ литературныхъ произведеніяхъ, Радищевъ и его товарищи искали и находили въ нихъ не только теоретическую истину, но и этическій идеалъ. Основныя черты этого идеала стояли въ тѣсной и непосредственной связи съ высокимъ понятіемъ о значеніи человѣческаго разума, опредѣляющаго собою всю жизнь. «Помни,—говорилъ Радищеву умирающій Ушаковъ,—что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть тверду въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно» [2]). Каковы бы ни были эти дающія блаженство въ жизни «правила», они являлись уже результатомъ самостоятельной работы мысли, а не рабскаго слѣдованія традиціи. При этомъ смыслъ тѣхъ нравственныхъ уроковъ, какіе могли быть извлечены и извлекались въ дѣйствительности изъ основныхъ идей умственнаго движенія XVIII столѣтія, не ограничивался въ сознаніи русскихъ наблюдателей этого движенія узкими рамками ихъ личной жизни. Глубоко космополитическая по существу своему, французская литература XVIII вѣка умѣла силою выставляемыхъ ею общихъ идеаловъ зажигать въ сердцахъ искреннихъ своихъ адептовъ горячую любовь къ ро-

---

[1]) Карамзинъ. Письма русскаго путешественника.

[2]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 80.

Digitized by Google

динѣ, любовь, чуждую всякаго шовинизма и тѣмъ самымъ наиболѣе плодотворную. Русскіе студенты во время пребыванія своего за границей забыли нѣсколько даже русскій языкъ и должны были подучиваться ему по возвращеніи, но Россіи они не забыли. Много лѣтъ спустя послѣ возвращенія на родину, Радищевъ съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ вспоминалъ тотъ доходившій до изступленія восторгъ, съ которымъ онъ и его товарищи «узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую» [1]).

Пробывъ пять лѣтъ въ Лейпцигѣ, Радищевъ возвратился въ Россію позднею осенью 1771 г. [2]). Онъ уѣхалъ юношей и вернулся вполнѣ сложившимся человѣкомъ, усвоившимъ себѣ европейское просвѣщеніе, обогащеннымъ познаніями и готовымъ отдать ихъ на службу родинѣ. Но отъ того, что онъ засталъ въ отечествѣ, на него повѣяло разочарованіемъ. Разсказывая впослѣдствіи о своемъ энтузіазмѣ при возвращеніи на родину, Радищевъ прибавлялъ: «послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами!—замѣчалъ онъ—колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, колико кратно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единожды смиривъ юношу, не рѣдко на вѣки содѣлаете калѣкою» [3]). И онъ имѣлъ основаніе для этихъ горькихъ сѣтованій. За годы, проведенные Радищевымъ въ аудиторіяхъ Лейпцигскаго университета, неясный вначалѣ характеръ правленія Екатерины II успѣлъ окончательно опредѣлиться. Ко времени

---

[1]) Тамъ же, 51.

[2]) Онъ выѣхалъ изъ Лейпцига не ранѣе 22 октября и пріѣхалъ въ Петербургъ не позже 25 ноября 1771 г. См. Сборникъ Р. Ист. Общ., X. 129 и Р. Архивъ, 1870 г., № 4—5, стр. 946—7. Болѣе подробное описаніе учебныхъ лѣтъ Радищева см. въ появившейся недавно статьѣ В. Е. Якушкина („Учебные годы А. Н. Радищева" въ сборникѣ „Подъ знаменемъ науки", М, 1902, сс. 135—203), основанной, впрочемъ, исключительно на печатномъ матеріалѣ и не дающей чего-либо новаго

[3]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 51.

Digitized by Google

пріѣзда изъ Лейпцига первыхъ студентовъ, нѣкогда отправленныхъ туда императрицею, она уже забыла высказанное ею въ Наказѣ намѣреніе поставить Россію на высшую ступень процвѣтанія путемъ установленія въ ней справедливости и избрала для своей государственной дѣятельности другіе пути. Главною своею цѣлью ея правительство поставило внѣшнія завоеванія, а во внутренней его дѣятельности планы реформъ, направленныхъ къ установленію законности въ управленіи и равенства гражданъ, уступили свое мѣсто заботамъ объ упроченіи господства дворянскаго класса въ соціальной жизни страны путемъ сокращенія и безъ того ничтожныхъ правъ массы крѣпостного крестьянства. Въ рамки такой дѣятельности плохо укладывались идеи Мабли и Руссо, и ученикъ этихъ мыслителей скоро долженъ былъ сознать это и испытать холодъ разочарованія. Но хотя сознаніе глубокаго разлада этихъ идей съ русскою дѣйствительностью и охладило нѣсколько юношескій энтузіазмъ Радищева, оно не заставило его ни измѣнить своихъ взглядовъ, ни впасть въ индифферентизмъ. Внѣшній обликъ его жизни въ Петербургѣ мало отличался, правда, отъ порядковъ жизни большинства того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Не располагая такимъ состояніемъ, которое давало бы ему полную матеріальную независимость, онъ добывалъ себѣ средства къ жизни путемъ государственной службы. Сперва онъ поступилъ протоколистомъ въ сенатъ, затѣмъ перешелъ въ штабъ командовавшаго въ Петербургѣ генералъ-аншефа Брюса, но въ 1775 г. вышелъ въ отставку. Черезъ три года однако онъ вновь вступилъ на службу, на этотъ разъ въ коммерцъ-коллегію; отсюда онъ перешелъ черезъ десять лѣтъ въ петербургскую таможню и въ ней быстро дослужился до должности управляющаго. Служба далеко не заполняла однако всего времени Радищева. Живя въ Петербургѣ, онъ не порывалъ однажды завязанныхъ связей съ европейскимъ просвѣщеніемъ, много читалъ и составилъ себѣ хо-

Digitized by Google

рошую библіотеку. Понемногу онъ и самъ сталъ браться за перо и пытать свои силы въ литературной работѣ, причемъ въ его рукахъ эта работа неизмѣнно принимала характеръ пропаганды его идей, и писательское перо становилось орудіемъ проведенія въ жизнь общества завѣтныхъ мыслей самого писателя.

Первый литературный трудъ Радищева имѣлъ полуоффиціальное происхожденіе. Екатерина II въ своихъ заботахъ о распространеніи просвѣщенія въ Россіи учредила, между прочимъ, общество для перевода замѣчательныхъ литературныхъ произведеній съ иностранныхъ языковъ на русскій, причемъ средства на изданіе этихъ переводовъ ассигновались изъ собственной шкатулки государыни. Къ участію въ работахъ этого общества былъ приглашенъ и Радищевъ, и на его долю достался переводъ книги Мабли «Observations sur l'histoire de la Grèce». Радищевъ не только перевелъ эту книгу, но и снабдилъ переводъ своими примѣчаніями, съ которыми онъ и вышелъ въ свѣтъ въ 1773 году. Въ этихъ примѣчаніяхъ ихъ авторъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи естественнаго права и идеи народнаго суверенитета. «Самодержавство—говоритъ онъ, переводя этимъ терминомъ слово despotisme и поясняя его значеніе,—есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣннно, но для того, что мы находимъ въ оном выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ

Digitized by Google

преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества» [1]). Такимъ образомъ въ книгѣ, изданной на средства императрицы, проводилась мысль объ ответственности верховной власти передъ народомъ и объ ограниченности ея полномочій. Екатерина II не раздѣляла этихъ идей, но и не усматривала еще въ нихъ никакой опасности для прочности государственнаго порядка.

Дальнѣйшая литературная дѣятельность Радищева совершалась съ большими перерывами. Существуетъ преданіе, что онъ принималъ участіе въ Новиковскомъ «Живописцѣ». Преданіе это не подтверждается никакими современными доказательствами, но его можно считать довольно вѣроятнымъ въ виду того, что письма о положеніи крестьянъ, помѣщенныя въ этомъ сатирическомъ журналѣ, и по высказаннымъ въ нихъ мнѣніямъ, и по своей писательской манерѣ сильно напоминаютъ Радищева [2]). Во всякомъ случаѣ участіе его въ Новиковскомъ журналѣ не могло быть очень значительно, и если даже оно существовало въ дѣйствительности, то послѣ того Радищевъ надолго замолкъ въ литературѣ. Вновь выступилъ онъ на литературномъ поприщѣ лишь въ 1789 году. Тогда какъ позднѣйшіе русскіе источники приписываютъ издававшійся въ этомъ году сатирическій журналъ «Почта Духовъ» Крылову, хорошо освѣдомленный современникъ—иностранецъ (Массонъ) называетъ его издателемъ Ради-

---

[1]) Размышленіе о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Сочиненіе г. аббата де-Мабли. СПБ. 1773 г. сс. 126—7.

[2]) Иного мнѣнія держится въ этомъ вопросѣ П. А. Ефремовъ, отрицающій принадлежность названныхъ писемъ Радищеву въ виду того, что послѣдній молчалъ объ нихъ на допросѣ 1790 г. („Живописецъ Н. И. Новикова", изд. 7-е СПБ. 1864, сс. 320–1 и 346—7). Трудно признать такой аргументъ вполнѣ убѣдительнымъ. На допросахъ Шешковскаго Радищевъ указывалъ, правда, литературные источники своего „Путешествія", тѣмъ самымъ, можетъ быть, разсчитывая уменьшить его значеніе, но едва-ли онъ имѣлъ основанія вскрывать прежнюю свою литературную дѣятельность, оставшуюся неизвѣстною слѣдователю.

Digitized by Google

щева [1]) и можно, дѣйствительно, съ большою вѣроятностью предполагать, что послѣднему принадлежитъ значительная и при томъ наиболѣе рѣзкая часть этого журнала, отличавшагося, къ слову сказать, серьезнымъ общественнымъ характеромъ своей сатиры [2]). Въ томъ же 1789 г. Радищевъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку, содержавшую въ себѣ біографію Ушакова съ присоединеніемъ оставшихся послѣ него сочиненій и озаглавленную «Житіе Ѳ. В. Ушакова». Въ этой книжкѣ Радищевъ особенно подробно разсказываетъ о жизни Ушакова въ Лейпцигѣ, выясняя значеніе своего покойнаго друга въ русскомъ студенческомъ кружкѣ и характеризуя направленіе умственныхъ интересовъ послѣдняго, благодаря чему весь этотъ трудъ пріобрѣтаетъ автобіографическое значеніе. Очевидно, мысль писателя охотно уходила отъ текущаго дня въ далекое прошлое, съ любовью возстановляя его черты и упиваясь воспоминаніями о смѣлыхъ надеждахъ и пылкихъ мечтахъ юности. Въ противоположность этому прошлому переживаемое настоящее, какъ можно судить по нѣсколькимъ намекамъ, разсѣяннымъ въ книгѣ, внушало ея автору настроеніе, далекое отъ жизнерадостности. Особенно характерно въ этомъ смыслѣ заключеніе книги. Радищевъ разсказываетъ въ немъ, какъ Ушаковъ въ тяжелыхъ предсмертныхъ мученіяхъ, зная уже о неизбѣжности своей смерти, просилъ своего товарища и друга А. М. Кутузова, дать ему яду. Кутузовъ, посовѣтовавшись съ Радищевымъ, не исполнилъ этой просьбы. Теперь такое рѣшеніе представлялось Радищеву неправильнымъ: самоубійство является въ его глазахъ естественнымъ исходомъ, разъ жизнь обратилась въ мученіе. «Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга,—обращается онъ къ Кутузову,—если гибель ему предстоять будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, любезнѣйшій мой: ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнью гну-

[1]) Mémoires secrets sur la Russie, t. II pp. 188—9.

[2]) Пыпинъ, „Крыловъ и Радищевъ". Вѣстникъ Европы, 1868 г. № 5.

Digitized by Google

шающемуся и ее возненавидѣвшему» [1]). Но мрачное настроеніе, вылившееся въ этомъ воззваніи къ другу, не мѣшало во всякомъ случаѣ Радищеву дѣятельно работать. Онъ началъ было писать исторію сената, но затѣмъ уничтожилъ написанное. Историческое изслѣдованіе, повидимому, мало удовлетворяло его умъ, занятый по преимуществу анализомъ современной дѣйствительности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ дальнѣйшія его работы приняли чисто публицистическій характеръ. Воспользовавшись указомъ Екатерины II о вольныхъ типографіяхъ, дававшимъ право всякому желающему печатать книги съ разрѣшенія управы благочинія, онъ завелъ у себя домашнюю типографію въ которой работали его крѣпостные. Въ 1790 г. изъ этой типографіи вышла брошюра носившая заглавіе: «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ». Въ ней Радищевъ разсказывалъ объ открытіи въ Петербургѣ памятника Петру I, пересыпая свой разсказъ размышленіями о существѣ и назначеніи верховной власти. Но это «Письмо» было только первой пробой. За нимъ въ томъ же году послѣдовала большая книга, которая занимала вниманіе Радищева въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и окончательный толчокъ къ написанію которой дало ему «Сентиментальное путешествіе» Стерна. Свой новый трудъ Радищевъ посвятилъ Кутузову, скрывъ его имя подъ буквами А. М. К. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», какъ называлась эта книга Радищева, напечатанная имъ въ своей типографіи безъ имени автора, вышло въ свѣтъ съ разрѣшенія петербургскаго полиціймейстера Рылѣева и въ концѣ іюня 1790 года появилось въ продажѣ. Публика стала быстро раскупать его, но уже черезъ нѣсколько дней «Путешествіе» исчезло изъ продажи. На этой книгѣ, имѣвшей такое кратковременное существованіе и составившей несчастье и славу Радищева, намъ предстоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

---

[1]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 84.

Digitized by Google

II.

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» носитъ на себѣ явственные слѣды подражанія литературной манерѣ Стерна. Вся книга написана въ формѣ дорожныхъ замѣтокъ, составленныхъ на пути между двумя русскими столицами, причемъ отдѣльныя ея главы названы именами почтовыхъ станцій, лежащихъ на этомъ пути. Никакой другой внѣшней связи между различными частями этихъ замѣтокъ не существуетъ, какъ не существуетъ въ нихъ и единства формы изложенія, отличающейся, напротивъ, полной свободой: описанія дорожныхъ приключеній и встрѣчъ смѣняются размышленіями и воспоминаніями самого автора, а послѣднія, въ свою очередь, уступаютъ мѣсто историческимъ этюдамъ, либо передачѣ содержанія найденныхъ на дорогѣ бумагъ. Но подражаніе иностранному образцу не идетъ въ книгѣ далѣе внѣшней манеры изложенія, въ выборѣ же и расположеніи своего матеріала русскій авторъ остался совершенно самостоятельнымъ. Матеріалъ, внесенный имъ въ свою книгу, является опять-таки крайне разнообразнымъ и на первый взглядъ даже поражаетъ своею пестротою и кажущеюся безпорядочностью. Широко пользуясь преимуществами избранной имъ литературной формы, Радищевъ затрогиваетъ самые различные и, казалось бы, отдаленные другъ отъ друга вопросы семейнаго, общественнаго и государственнаго быта, постоянно переходя отъ частныхъ случаевъ русской дѣйствительности къ общимъ размышленіямъ и съ высотъ теоріи вновь возвращаясь къ мелочамъ жизни. При этомъ онъ не скупится на лирическія отступленія во вкусѣ только что начинавшаго тогда входить въ моду сентиментализма, а въ теоретическихъ своихъ разсужденіяхъ многое прямо заимствуетъ у излюбленныхъ имъ иностранныхъ писателей, по преимуществу у Руссо, Мабли и Рейналя. Послѣднее обстоятельство неоднократно давало поводъ строгимъ критикамъ книги Радищева признавать всю ея теоретическую

Digitized by Google

часть простымъ заимствованіемъ, причемъ источникомъ, изъ котораго было совершено такое заимствованіе, часто считали произведенія французскихъ матеріалистовъ. Даже такой компетентный и осторожный историкъ литературы, какъ покойный Сухомлиновъ, нашелъ возможнымъ утверждать, что «въ книгѣ Радищева рѣзко отличаются одна отъ другой двѣ ея составныя части: съ одной стороны—заимствованное, чужое, вычитанное изъ книжекъ; съ другой—свое, взятое изъ жизни, изъ тогдашняго быта», причемъ «между своимъ и чужимъ нѣтъ внутренней, органической связи; они сопоставлены болѣе или менѣе случайно, образуя два, независимыя одно отъ другого теченія» [1]). Внимательное изученіе книги Радищева не позволяетъ однакоже согласиться съ подобными отзывами объ ней. При такомъ изученіи за внѣшнею пестротою содержанія «Путешествія» не трудно разглядѣть въ немъ внутренній порядокъ и гармонію, подчиняющую отдѣльныя части книги общей ея задачѣ. Многочисленныя литературныя заимствованія Радищева не даютъ еще права считать его ни слѣпымъ рабомъ какого-либо авторитета, ни трудолюбивой пчелой, безъ разбора слѣпляющей въ одно цѣлое части различныхъ доктринъ. Не выступая въ «Путешествіи» самостоятельнымъ мыслителемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, Ради-

---

[1]) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 556. Въ частности по поводу „Философской и политической исторіи европейскихъ колоній и европейской торговли въ обѣихъ Индіяхъ“ аббата Рейналя Сухомлиновъ замѣчаетъ: „подражаніе слогу Рейналя, котораго французскіе критики называютъ не иначе, какъ „le declamateur Raynal“, развило въ нашемъ авторѣ наклонность къ фразерству, къ риторическимъ украшеніямъ и многословію“ (тамъ же, с. 554). Съ этимъ строгимъ отзывомъ русскаго ученаго, замѣтившаго у Рейналя только напыщенный слогъ, любопытно сопоставить мнѣніе англійскаго ученаго. „У XVIII столѣтія—говоритъ Морлей—была положительная сторона, которая имѣла по меньшей мѣрѣ столь же важное значеніе, какъ и его отрицательная сторона... Писатели того времени... были воодушевлены стремленіемъ къ политической справедливости, къ гуманности, къ введенію лучшаго и болѣе однообразнаго для всѣхъ законодательства и къ улучшенію участи каждаго,

Digitized by Google

щевъ пытается однако на фундаментѣ извѣстныхъ ему философскихъ и политическихъ теорій воздвигнуть зданіе болѣе или менѣе цѣльнаго міросозерцанія, и, принимая во вниманіе историческія условія, нельзя отрицать за этимъ міросозерцаніемъ ни продуманности, ни извѣстной стройности. Равнымъ образомъ странно отрицать и существованіе тѣсной связи между основными идеями этого міросозерцанія и тѣмъ изображеніемъ, какое получила русская дѣйствительность въ книгѣ Радищева. Но для ближайшаго опредѣленія этой связи необходимо обратиться къ самому содержанію «Путешествія» и возстановить, хотя бы въ наиболѣе общихъ чертахъ, важнѣйшія воззрѣнія его автора и характеръ наблюденій, сдѣланныхъ имъ надъ русскою жизнью.

Собирая въ одно цѣлое отдѣльныя замѣчанія, разсѣянныя на различныхъ страницахъ «Путешествія», не трудно составить опредѣленное представленіе объ общихъ взглядахъ Радищева. Въ своей книгѣ онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ мистицизма. По его мнѣнію, усиленіе и распространеніе мистицизма является вѣрнымъ признакомъ упадка человѣчества и соотвѣтственно этому Радищевъ и къ современнымъ ему мистикамъ—мартинистамъ относился враждебно и насмѣшливо [1]). Но, отстаи-

—такимъ стремленіемъ, которое никогда не было превзойдено ни въ своей стойкости, ни въ своей искренности, ни въ своемъ безкорыстіи. А произведеніе Рейналя въ цѣломъ было едва-ли не самой сильной и самой выдержанной изъ всѣхъ литературныхъ формъ, въ которыхъ выразились великія соціальныя идеи того вѣка. Въ немъ вовсе не было того страннаго и сосредоточеннаго пламени, которое пылало на страницахъ „Общественнаго Договора"; за то оно было полно движенія, реальности, живыхъ и живописныхъ повѣствованій. Оно было доступно для пониманія каждаго и оно было конкретно. Рейналовская „Исторія" затрогивала прямо за сердце многихъ изъ числа тѣхъ читателей, которымъ аргументы Руссо казались несовсѣмъ понятными и наводящими унынie". Морлей, Дидро и энциклопедисты, р. переводъ Невѣдомскаго, М. 1882, сс. 406—7.

[1]) Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, сс. 92—8.

Digitized by Google

вая права разума и отказываясь подчинить его въ области познанія чувству, Радищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ не примкнулъ и къ главнымъ выводамъ философіи матеріализма. По своимъ религіознымъ воззрѣніямъ онъ являлся послѣдовательнымъ деистомъ. «Не могу повѣрить, о Всесильный, —говоритъ онъ въ своей книгѣ,—чтобы человѣкъ мольбу сердца своего возсылалъ къ другому какому-либо существу, а не къ тебѣ... Если смертный въ заблужденіи своемъ странными, непристойными и звѣрскими нарицаетъ тебя именованіями, почитаніе его, однакоже, стремится къ тебѣ, предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама; Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ христіанъ, о Богъ мой! ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили единаго, но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла. Могущество твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ поклоняемо. Безбожникъ, тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля тебя паче нашего пѣснопѣнія» [1]).

Деизмъ не былъ уже во времена Радищева совершенною новостью на русской почвѣ. Деистомъ являлся въ своихъ произведеніяхъ и другой видный публицистъ этой поры, кн. Щербатовъ, но для него вопросъ о положеніи религіи въ государствѣ опредѣлялся по преимуществу соображеніями государственнаго порядка. Для Радищева послѣднихъ въ области религіозныхъ вопросовъ не существовало. Исходя изъ понятія о правахъ отдѣльной личности, онъ ставилъ вопросъ о свободѣ религіознаго мышленія гораздо шире и рѣшалъ его гораздо послѣдовательнѣе, нежели допускалъ это самъ его учитель, Руссо. Высказываясь за полную и безусловную свободу мысли въ области религіи, авторъ «Путешествія» полагалъ, что слѣдуетъ

[1]) Тамъ же, 115—117.

Digitized by Google

«дозволять всякому заблужденію быть явнымъ: явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится». Не существовало для него и особыхъ религіозныхъ преступленій, такъ что самое преслѣдованіе за богохульство представлялось ему совершенно невозможнымъ: «если думаешь,—говорилъ онъ, становясь на точку зрѣнія воображаемаго противника,—что хуленіемъ Всевышній оскорбится,—урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ»? Свобода мысли, не стѣсняемая никакими внѣшними рамками, вообще составляетъ въ глазахъ Радищева необходимое благо. Для борьбы съ предразсудками и суевѣріемъ онъ знаетъ лишь одно дѣйствительное средство, заключающееся въ свободѣ устнаго и печатнаго слова. Согласно этому воззрѣнію, цензура можетъ существовать лишь какъ средство защиты авторитета, въ самомъ существѣ своемъ несостоятельнаго, и Радищевъ, обстоятельно доказывая такой порядокъ возникновенія цензуры, ссылками на Екатерининскій Наказъ доказываетъ необходимость ея уничтоженія. «Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ,—разсуждаетъ онъ.—Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія, размышленія же не преступленія. Се правила Наказа о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати—всегда брань. Въ законѣ никого бранить не велѣно и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза, польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣднѣйшаго гражданина» [1]).

Но мы зашли уже въ область вопросовъ общественнаго и государственнаго быта. Вернемся еще назадъ, ко взглядамъ писателя на человѣка и его природу. Радищевъ

[1]) Тамъ же, 297, 296, 294—5.

Digitized by Google

вполнѣ сознательно усвоилъ себѣ основную идею Руссо о благѣ, лежащемъ въ основѣ нравственной природы человѣка, и развилъ изъ нея рядъ общихъ положеній, не впадая при томъ въ неосторожныя крайности женевскаго философа. Нравственное существо человѣка покоится на страстяхъ, говоритъ авторъ «Путешествія» устами дворянина, встрѣченнаго имъ въ Крестцахъ. «Корень страстей благъ», такъ какъ онѣ основаны на природѣ нашихъ чувствъ и могутъ ослабѣвать лишь съ ослабленіемъ чувствъ, а, слѣдовательно, и самой жизни въ человѣкѣ. Поэтому полное подавленіе страстей не можетъ служить идеаломъ: «совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и истуканъ нелѣпый». Если «чрезвычайность въ страсти есть гибель», то «безстрастіе есть нравственная смерть», и истинное благо представляетъ лишь «умѣренность въ страсти», дѣлающая человѣка господиномъ его духовной жизни. На почвѣ этихъ общихъ представленій о правахъ личности и нравственной природѣ человѣка у Радищева возникаетъ опредѣленный идеалъ семейной жизни и воспитанія. Семейный союзъ, какъ между супругами, такъ и между родителями и дѣтьми, можетъ быть основанъ только на нравственной связи, въ видѣ взаимной любви, и не долженъ знать никакихъ другихъ узъ. Родители не имѣютъ никакой власти надъ достигшими совершеннаго возраста дѣтьми, дѣти не связаны никакими обязательствами по отношенію къ родителямъ, включая сюда и благодарность, такъ какъ всѣ заботы послѣднихъ о дѣтяхъ вытекаютъ изъ эгоистическихъ побужденій. Воспитаніе дѣтей въ этой идеальной семьѣ должно принадлежать самимъ родителямъ, услуги же «наемныхъ рачительницъ» и «наемныхъ наставниковъ» рѣшительно исключаются. Съ ранняго дѣтства въ воспитаніи не должно быть никакого принужденія, чтобы воспитать «духъ, нетерпящъ велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества». Необходимо укрѣпить тѣло ребенка физическими упражненіями и трудами, развить его умъ размышленіями, избѣгая излиш-

Digitized by Google

няго отягощенія памяти, воспитать въ немъ нравственное чувство, которое сообщило бы ему умѣренность въ удовлетвореніи чувствъ и страстей, наконецъ, создать въ немъ чувство собственнаго достоинства, которое сдѣлало бы его судьею собственныхъ поступковъ и заставило бы его избѣгать «даже вида раболѣпствованія». Воспитанный такимъ образомъ человѣкъ явится полезнымъ членомъ общества и будетъ въ состоянія достигнуть истиннаго блага жизни, заключающагося въ добродѣтели, «вершинѣ дѣяній человѣческихъ».

«Добродѣтели суть—по словамъ Радищева—или частныя, или общественныя». Корень первыхъ «всегда благъ», такъ какъ побужденія къ нимъ вытекаютъ изъ любви къ ближнему. Общественныя же добродѣтели могутъ быть порождаемы и чисто эгоистическими мотивами тщеславія и честолюбія, не заслуживая и въ этомъ случаѣ пренебреженія. Но особеннаго блеска онѣ достигаютъ тогда, когда источникомъ ихъ также является человѣколюбіе, и поэтому упражненіе въ частныхъ добродѣтеляхъ служитъ подготовительной ступенью къ добродѣтели общественной. Въ общественной жизни человѣкъ имѣетъ дѣло съ обычаями или нравами народа, съ требованіями закона и съ предписаніями добродѣтели. Эти три источника общественной морали имѣютъ не одинаковое значеніе. Закономъ нельзя поступаться въ пользу обычая, такъ какъ «законъ, каковъ ни худъ, есть связь общества», и даже въ силу прямого требованія со стороны верховной власти нельзя нарушить законъ, пока онъ остается неотмѣненнымъ. Но важнѣе закона—велѣнія добродѣтели. Ни приказанія власти, ни авторитетъ закона не могутъ стать выше этихъ велѣній, передъ которыми должны быть равно безсильны обольщенія и угрозы, насмѣшки и гоненія, и даже самая смерть. Эта добродѣтель не знаетъ уступокъ обстоятельствамъ, не допускаетъ сдѣлокъ съ «робостью благоразумія» и не позволяетъ «именовать благоразумiемъ слабость въ дѣяніяхъ, сего перваго добродѣтели врага». Можетъ слу-

читься, правда, что высокій идеалъ окажется недостижимымъ въ современной жизни, что послѣдняя выбьетъ оружіе изъ рукъ борца за добродѣтель и раздавитъ его своею тяжестью. Тогда есть надежный исходъ. «Если ненавистное счастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если, доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда вспомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся,—умри [1]). Такимъ образомъ самоубійство, на которое Радищевъ въ «Житіи Ушакова» указывалъ, какъ на средство уйти изъ жизни, сдѣлавшейся несносной вслѣдствіе физическихъ страданій, пріобрѣтало въ его глазахъ и другое значеніе: въ самоубійствѣ онъ видѣлъ послѣднее оружіе въ борьбѣ съ неблагопріятною судьбою, крайнее средство для охраны человѣческаго достоинства личности и избавленія отъ нравственныхъ мученій, какія можетъ повлечь за собою борьба съ существующимъ общественнымъ порядкомъ.

Что касается права личности на такую борьбу, то оно, по взгляду Радищева, заключается уже въ самыхъ условіяхъ возникновенія человѣческаго общества. Принимая общую почти всѣмъ писателямъ XVIII вѣка теорію

[1]) Тамъ же, 179—80, 160—178, 186—7, 182—6, 191. Аналогичный взглядъ на самоубійство мы встрѣчаемъ во французской литературѣ у Дидро въ его статьѣ въ Энциклопедіи и у Гольбаха. „Страхъ смерти—говоритъ послѣдній—всегда будетъ лишь дѣлать людей трусами; страхъ предполагаемыхъ ея послѣдствій будетъ только дѣлать изъ людей фанатиковъ или меланхолическихъ піетистовъ, равно безполезныхъ для себя самихъ и для другихъ. Смерть—такой рессурсъ, котораго не слѣдуетъ отнимать у угнетенной добродѣтели, нерѣдко доводимой до отчаянія людскою несправедливостью. Если бы люди меньше боялись смерти, они не были бы ни рабами, ни суевѣрами; истина находила бы для себя болѣе ревностныхъ защитниковъ, права людей отстаивались бы съ большимъ рвеніемъ, борьба съ заблужденіями велась бы энергичнѣе и изъ жизни народовъ была бы навсегда изгнана тиранія; низость питаетъ ее и страхъ ее поддерживаетъ". Holbach, Système de la Nature. Nouvelle edition. Paris. 1820. T. I, p. 384.

Digitized by Google

естественнаго права и происхожденія общества изъ первоначальнаго договора, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ примыкаетъ къ наиболѣе демократическимъ выводамъ изъ этой теоріи. «Человѣкъ родится въ міръ—говоритъ одинъ изъ положительныхъ героевъ «Путешествія»—равенъ во всемъ одинъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдственно, человѣкъ безъ отношенія къ обществу есть существо, ни отъ кого не зависящее въ своихъ дѣяніяхъ». Но съ моментомъ возникновенія общества человѣкъ соглашается повиноваться не одной лишь своей волѣ и признавать надъ собою установленную въ обществѣ власть. «Какія же ради вины обуздываетъ онъ свои хотѣнія? по что поставляетъ надъ собою власть?.. Для своея пользы, скажетъ разсудокъ; для своея пользы, скажетъ внутреннее чувство; для своея пользы, скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ. Слѣдственно, тотъ, кто восхощетъ его лишить пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ или не въ силахъ его заступить, или того не хочетъ... тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія... Ибо гражданинъ, становяся гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность есть собственная сохранность, защита, благосостояніе». Цѣлью государственнаго устройства служитъ благосостояніе страны, слагающееся изъ благосостоянія отдѣльныхъ гражданъ. Нельзя назвать «блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысячи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова». Не можетъ быть названа блаженной и такая страна, которая не знаетъ правъ отдѣльныхъ гражданъ, уподобляясь въ своемъ устройствѣ военному лагерю. «Устройство на счетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы [1]). Такимъ образомъ изъ естественнаго равен-

[1]) Тамъ же, 143—4, 248—51.

Digitized by Google

ства людей, опредѣлившаго собою условія первоначальнаго общественнаго договора, мысль писателя непосредственно выводитъ равенство гражданъ въ государствѣ и права народа передъ верховною властью. Когда то или другое изъ этихъ требованій нормальнаго государственнаго строя нарушается послѣдней, природное право защиты можетъ быть обращено противъ нея, и съ этой точки зрѣнія Кромвель и Франклинъ равно являются въ глазахъ Радищева носителями общественной добродѣтели. «Я чту,—обращается онъ къ первому изъ нихъ въ своей одѣ «Вольность»—я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,—что, власть въ рукѣ своей имѣя,—ты твердь свободы сокрушилъ.—Но научилъ ты въ родъ и роды,—какъ могутъ мстить себя народы:—ты Карла на судѣ казнилъ» [1]).

Таковы основныя воззрѣнія Радищева, поскольку они были имъ высказаны въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву». Многое въ нихъ, несомнѣнно, заимствовано, но это заимствованіе во всякомъ случаѣ стояло очень далеко отъ рабскаго подражанія однажды избраннымъ образцамъ. Сознательно усвоивъ себѣ главные результаты теоретической мысли Запада, онъ переработалъ ихъ самостоятельно и слилъ въ одно органическое цѣлое. Жизненность создавшагося такимъ путемъ міровоззрѣнія всего

---

[1]) Тамъ же, 366. Совпаденіе этихъ воззрѣній съ теоріями Руссо и Мабли не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Съ другой стороны, указанные взгляды Радищева очень близки къ тѣмъ положеніямъ, защитникомъ которыхъ выступалъ авторъ „Системы природы". „Такъ какъ правительство—писалъ Гольбахъ—заимствуетъ свою власть только отъ общества и учреждается лишь для блага послѣдняго, то очевидно, что общество, если того требуетъ его интересъ, можетъ брать назадъ эту власть, измѣнять форму правленія, расширять или ограничивать власть, ввѣряемую имъ главамъ правительства, надъ которыми оно всегда сохраняетъ высшій авторитетъ, согласно неизмѣнному закону природы, подчиняющему часть цѣлому". „Общество—продолжалъ онъ, поясняя свою мысль,—имѣетъ права надъ всѣми своими членами въ силу тѣхъ выгодъ, какія оно имъ доставляетъ, и всѣ его члены въ правѣ требовать отъ него или отъ своихъ уполномоченныхъ тѣхъ вы-

Digitized by Google

лучше проявлялась въ томъ примѣненіи, какое оно получало въ условіяхъ русской жизни.

Въ своей книгѣ Радищевъ касается самыхъ различныхъ сторонъ современнаго ему русскаго быта, являясь глубокимъ знатокомъ послѣдняго. О знакомствѣ его съ народнымъ бытомъ въ извѣстной мѣрѣ свидѣтельствуетъ уже самый языкъ книги. Тяжелый и нѣсколько напыщенный въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, онъ въ описаніяхъ бытовыхъ сценъ нерѣдко переходитъ въ живую разговорную рѣчь, изобилующую народными оборотами и подчасъ блещущую искрами неподдѣльнаго юмора. Богатство разбросанныхъ въ книгѣ типичныхъ бытовыхъ подробностей изъ жизни различныхъ общественныхъ классовъ и умѣлый подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ государственнаго и соціальнаго строя Россіи въ еще большей степени обличаютъ въ ея авторѣ человѣка, пристально вглядывавшагося въ окружавшую его дѣйствительность и хорошо изучившаго ее. Большую роль въ этомъ изученіи должна была сыграть наблюдательность Радищева, возникавшая на почвѣ его необыкновенной воспріимчивости и живого ума, быстро схватывавшаго впечатлѣнія и легко разбиравшагося въ нихъ. Но къ этимъ особенностямъ духовной природы писателя присоединялась и еще одна, созданная внѣшними условіями его жизни. Въ противоположность большинству

годъ, ради которыхъ они живутъ въ обществѣ и отказываются отъ части своей естественной свободы. Общество, главы и законы котораго не доставляютъ никакихъ благъ его членамъ, очевидно, утрачиваетъ свои права надъ послѣдними; тѣ главы, которыя вредятъ обществу, утрачиваютъ право руководить имъ. Не существуетъ отечества безъ благосостоянія; общество безъ справедливости заключаетъ въ себѣ лишь враговъ, угнетенное общество заключаетъ въ себѣ лишь угнетателей и рабовъ; рабы не могутъ быть гражданами; лишь свобода, собственность и безопасность дѣлаютъ отечество драгоцѣннымъ и лишь любовь къ отечеству создаетъ гражданъ". См. Sistème de la Nature. Paris. 1820, pp. 212, 214. Какъ можно видѣть даже изъ приведенныхъ цитатъ, тотъ оттѣнокъ индивидуализма, который отличалъ взгляды Гольбаха отъ идей Руссо, не былъ чуждъ и Радищеву.

Digitized by Google

своихъ современниковъ, Радищевъ приступилъ къ сознательнымъ наблюденіямъ надъ русскою дѣйствительностью во всеоружіи теоретическаго знанія и твердыхъ убѣжденій. Выѣхавъ изъ Россіи въ поискахъ за образованіемъ на зарѣ юности, онъ вернулся человѣкомъ съ установившимся міровоззрѣніемъ, и это обстоятельство должно было значительно облегчить ему самое наблюденіе фактовъ родной дѣйствительности. Проходя сквозь призму опредѣленнаго міровоззрѣнія, эти факты пріобрѣтали болѣе яркую окраску и, не утрачивая конкретныхъ своихъ чертъ, вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе обнаруживали свой общій смыслъ. Благодаря этому счастливому соединенію въ лицѣ автора «Путешествія» человѣка съ широкимъ размахомъ теоретической мысли и внимательнаго наблюдателя повседневной жизни, онъ смогъ въ своей на половину лирической книгѣ произвести глубокій и смѣлый анализъ современной ему дѣйствительности и дать такую яркую и обобщенную картину пороковъ и золъ Екатерининской Россіи, какую напрасно было бы искать въ самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ сатиры этой эпохи.

Такая картина не развертывается въ «Путешествіи» сразу во всей ея широтѣ. Она создается въ умѣ читателя книги постепенно, путемъ своего рода мозаичной работы. Авторъ приводитъ безъ всякаго видимаго порядка лишь частные факты изъ различныхъ сферъ русской общественной жизни, но въ каждомъ изъ нихъ онъ подчеркиваетъ его наиболѣе общую сторону, связываетъ отдѣльные эпизоды нитями теоретическихъ разсужденій,—и понемногу въ глазахъ читателя вырисовывается то «чудище обло, огромно, озорно, стозѣвно и лаяй», о которомъ говоритъ эпиграфъ книги Радищева. Въ самыхъ свѣтлыхъ и радостныхъ на первый взглядъ явленіяхъ жизни авторъ умѣетъ найти и показать читателю мрачные слѣды этого чудища.

Наибольшее количество такихъ слѣдовъ находилъ Радищевъ въ положеніи низшаго общественнаго класса своей родины—крѣпостного крестьянства. Жалкое поло-

Digitized by Google

женіе крѣпостныхъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ темъ въ изображеніи Радищевымъ русской жизни и доставляетъ наибольшее количество эпизодовъ, вплетенныхъ въ повѣствовательное кружево «Путешествія». Мысль объ этомъ жалкомъ положеніи неустанно преслѣдуетъ писателя. Даже зрѣлище богатствъ родины вызываетъ у него лишь минутную радость, быстро увядающую при воспоминаніи о томъ, что «въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ и, слѣдовательно, самое изобиліе плодовъ земли доказываетъ лишь «отягченный жребій ея жителей» [1]). Рядъ разбросанныхъ въ книгѣ фактовъ посвященъ изображенію «отягченнаго жребія» крестьянства, и эти факты ярко освѣщаютъ весь ужасъ наиболѣе темныхъ сторонъ крѣпостного права. «Путешествіе» возсоздаетъ передъ глазами читателя своего рода портретную галлерею типовъ, порожденныхъ крѣпостничествомъ. Помѣщикъ, заставляющій крестьянъ шесть дней въ недѣлю работать на господской пашнѣ и лишь воскресенье оставляющій имъ для работы на ихъ собственныя семьи; крѣпостнче, осужденные за убійство семьи помѣщика, который не только обратилъ ихъ въ батраковъ, отнявъ у нихъ всю землю, и истязалъ ихъ жестокими наказаніями, но еще и безчестилъ ихъ женъ и дочерей; помѣщикъ, введшій въ своемъ имѣніи jus primae noctis и лишь случайно спасшійся отъ смерти, уготованной ему крестьянами; распродаваемые съ аукціона люди, въ томъ числѣ дядька, кормилица, любовница и сынъ продающаго ихъ барина; дворовый, по барскому капризу получившій образованіе и, благодаря этому, тѣмъ съ большею силою чувствующій тяготѣющій надъ нимъ произволъ; крестьяне, вступающіе въ бракъ по принужденію господина; казенные крестьяне, покупающіе крѣпостныхъ у помѣщика для отдачи ихъ въ рекруты,—таковы важнѣйшія фигуры этой галлереи, наглядно убѣждающія Радищева въ томъ, что въ Россіи «крестьянинъ въ

[1]) Тамъ же, 269—270.

Digitized by Google

законѣ мертвъ» [1]). Какъ бы заключая рядъ впечатлѣній, получаемыхъ читателемъ отъ этихъ фигуръ, и сводя въ одно цѣлое ихъ разрозненныя черты, Радищевъ въ одной изъ послѣднихъ главъ своей книги изображаетъ внѣшнюю обстановку жизни крестьянина. Рѣзкими штрихами набрасываетъ онъ картину жалкаго убожества этой обстановки, граничащаго съ нищетой Жилище крестьянина—курная изба съ покрытыми сажей и грязью стѣнами, съ затянутыми пузыремъ окнами, изба, въ которой люди спятъ ночью вмѣстѣ съ животными, въ спертомъ воздухѣ которой свѣча горитъ, какъ въ туманѣ. Внутреннее убранство этой избы состоитъ изъ скудной утвари: двухъ-трехъ горшковъ—«счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ есть пустыя щи»,—деревянной чашки и кружковъ вмѣсто тарелокъ, срубленнаго топоромъ стола, корыта для корма свиней и телятъ и кадки съ квасомъ, похожимъ на уксусъ. Одежда крестьянина—«посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки съ лаптями для выхода». «Вотъ въ чемъ —восклицаетъ писатель—почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки и злоупотребленія законовъ и ихъ шероховатая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе.—Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ?—то, чего отнять не можемъ,—воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь.—Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесиліе; съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребіи

[1]) Тамъ же, 15—18, 125—8, 217—8, 342—6, 373—85, 417—8 385—9.

Digitized by Google

заклепаннаго въ узы, се жребіи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребіи вола въ ярмѣ» [1]...

Жизнь другихъ сословій, внѣ ихъ отношенія къ крестьянамъ, менѣе привлекала къ себѣ вниманіе автора «Путешествія». Но и эти стороны общественной жизни не остались вовсе незатронутыми его критикою. Онъ указывалъ на плутни и обманы, на почвѣ которыхъ создавались нерѣдко богатства купечества, на раболѣпство дворянъ, выходящихъ на видныя служебныя мѣста черезъ придворные чины и видящихъ въ службѣ лишь источникъ личнаго благосостоянія, на изнѣженную и развратную жизнь высшихъ общественныхъ классовъ, создающую ихъ физическое вырожденіе.

Въ гораздо большей мѣрѣ сосредоточивали на себѣ вниманіе Радищева тѣ явленія русской жизни, которыя стояли въ непосредственной связи съ существовавшими въ ней административными порядками. Если въ соціальномъ строѣ Россіи автора «Путешествія» поражало безправіе народной массы, если въ общественной жизни онъ констатировалъ отсутствіе сколько-нибудь высокаго этическаго идеала, то порядки современной ему администраціи и суда оставили въ его умѣ не менѣе опредѣленное впечатлѣніе. Слѣдуя общей своей манерѣ, онъ возсоздаетъ это впечатлѣніе передъ читателемъ въ рядѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, сливающихся подъ конецъ въ одну широкую и цѣльную картину. На страницахъ «Путешествія» передъ глазами читателя проходятъ одинъ за другимъ типы администраторовъ, въ своей дѣятельности не считающихся съ требованіями закона и не заботящихся о благосостояніи гражданъ, но широко пользующихся властью для удовлетворенія личныхъ своихъ интересовъ. Почтовый коммиссаръ, вопреки правиламъ не отпускающій проѣзжимъ лошадей ночью, смѣняется на этихъ страницахъ начальникомъ, котораго его подчиненные не смѣютъ разбудить, хотя отъ

[1] Тамъ же, 412—14.

Digitized by Google

этого зависитъ спасеніе погибающихъ людей. Вслѣдъ за ними авторъ, постепенно поднимаясь по ступенямъ административной лѣстницы, выводитъ намѣстника, расходующаго казенныя деньги на свои прихоти и обращающаго подчиненныхъ ему чиновниковъ въ своихъ слугъ, другого намѣстника, оказывающаго противозаконное давленіе на судей, наконецъ, самихъ судей, доступныхъ обольщеніямъ, угрозамъ и подкупу и рѣшающихъ дѣла вопреки закону и совѣсти. Честные люди, входящіе въ административныя учрежденія, напрасно истощаютъ свои силы въ борьбѣ съ этими порядками и въ концѣ концовъ вынуждены признать всю безполезность такой борьбы. Произволъ администраціи и продажность суда лишаютъ и частныхъ лицъ всякой возможности добиться справедливости въ борьбѣ съ общественной неправдой. Единственной надеждой ихъ при этихъ условіяхъ остается верховная власть, которая въ «самодержавномъ правленіи одна въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна». Въ связи съ этимъ авторъ «Путешествія» разсказываетъ содержаніе видѣннаго имъ сна. Въ этомъ снѣ онъ видѣлъ себя царемъ, сидящимъ на престолѣ и окруженнымъ толпою своихъ слугъ. Они льстиво увѣряютъ его въ благоденствіи его царства: по ихъ словамъ, онъ обогатилъ государство, расширилъ торговлю, содѣйствовалъ процвѣтанію наукъ и искусствъ, облегчилъ положеніе народа, установилъ справедливые законы и правосудіе. Его министры быстро исполняютъ его повелѣнія и доносятъ ему о счастливыхъ ихъ результатахъ: его арміи совершаютъ блестящія завоеванія, флоты обтекаютъ моря, внутри его государства царятъ правосудіе и милосердіе. Но изъ толпы богато разодѣтыхъ придворныхъ къ нему подходитъ скромная странница въ простой одеждѣ, называющая себя Истиной. Она снимаетъ бѣльма съ глазъ царя, и онъ видитъ, что его солдаты умираютъ отъ голода и болѣзней, суда разваливаются, полководцы и министры расхищаютъ казну, разоренный и угнетаемый народъ бѣдствуетъ, а царскія милости обращаются въ предметъ

Digitized by Google

торговли и достаются лишь недостойнымъ. Въ ужасѣ онъ просыпается. «Властитель міра,—заключаетъ Радищевъ свой разсказъ,—если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается» [1]).

Между тѣми теоретическими воззрѣніями, какія выработалъ себѣ Радищевъ, и тѣми наблюденіями, какія онъ сдѣлалъ надъ русскою жизнью, существовала, очевидно, самая тѣсная и неразрывная связь. Общеніе съ умственными теченіями Запада, расширивъ его умственный горизонтъ и укрѣпивъ его нравственное чувство, тѣмъ самымъ усилило и углубило въ немъ интересъ къ явленіямъ родной дѣйствительности, въ которыхъ ему пришлось наблюдать черты, прямо противоположныя его идеалу. Соотвѣтственно этому, и даваемая имъ критика этой дѣйствительности, согрѣтая чувствомъ глубокой вѣры въ достоинство человѣческой личности и горячей симпатіи къ народной массѣ, носила строго общественный характеръ, не переходя въ узкую мораль. Но одною критикою Радищевъ не ограничивается и идетъ еще дальше. Онъ подводитъ общій итогъ своимъ наблюденіямъ надъ русскою жизнью и указываетъ тотъ путь, на которомъ могутъ быть исправлены ея недостатки. Главнымъ изъ нихъ, отъ котораго болѣе или менѣе зависятъ всѣ другіе, онъ считаетъ крѣпостное право. Возможно ли, спрашиваетъ онъ, «наслаждаясь внутренней тишиною, внѣшнихъ враговъ не имѣя, доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія», оставлять «цѣлую треть согражданъ, намъ равныхъ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи»? Право естественное и гражданское учитъ, что люди должны быть равны, что государство должно обезпечивать благосостояніе гражданъ, и что только злодѣй или непріятель можетъ быть повергнутъ въ неволю. «Но кто между нами оковы носитъ, кто ощу-

[1]) Тамъ же, 4—6, 21—40, 43—7, 58, 58—9, 61—85.

Digitized by Google

щаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ!... тотъ кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обрабатываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?»... Тогда какъ въ началѣ общества, кто обрабатывалъ землю, тотъ и владѣлъ ею, теперь «тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, обрабатывая ниву чужую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другого». «Можетъ ли—спрашиваетъ еще писатель—государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ положеніе крестьянина въ Россіи»? Противорѣча основнымъ требованіямъ естественнаго и государственнаго права, крѣпостное состояніе, какъ доказываетъ далѣе писатель, приноситъ тяжелый вредъ всему обществу и грозитъ опасностью государственному порядку. Невольный трудъ по самому существу своему менѣе выгоденъ, нежели свободный; благодаря этому, при существованіи перваго задерживается ростъ богатства страны и размноженіе ея народонасенія. Еще болѣе опасны нравственныя послѣдствія крѣпостного права, исключающаго во всемъ обществѣ возможность какихъ-либо другихъ узъ, кромѣ насилія. При существованіи рабства крестьянъ вся нравственная жизнь общества проходитъ въ атмосферѣ произвола, такъ какъ среди самихъ рабовладѣльцевъ «съ одной стороны, родится надменность, а съ другой—робость». Среди подобнаго общества нѣтъ мѣста ни сознанію своего достоинства, ни истинной свободѣ, такъ какъ владѣльцы рабовъ, сами не будучи въ состояніи воспользоваться свободой, являются вмѣстѣ съ тѣмъ горячими поборниками неволи. Между тѣмъ лишенный своихъ правъ народъ не можетъ примириться съ этимъ лишеніемъ и, предпринимая время отъ времени отчаянныя попытки возвратить себѣ свободу, жестоко мститъ своимъ

Digitized by Google

угнетателямъ и потрясаетъ самое зданіе государства.

Исходя изъ этихъ соображеній, Радищевъ горячо убѣждаетъ своихъ современниковъ приступить къ освобожденію крестьянъ и набрасываетъ свой планъ такого освобожденія, отличающійся замѣчательною для того времени широтой и трезвостью мысли. Все дѣло освобожденія дѣлится, согласно его проекту, на три періода. Въ первомъ устанавливается «раздѣленіе сельскаго рабства и рабства домашняго»: уничтожается помѣщичья дворня, и помѣщикъ лишается права брать крестьянъ въ дворовые, а взятый во дворъ крестьянинъ становится свободнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне получаютъ право вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и уничтожаются выводныя деньги. Во второмъ періодѣ крестьянинъ получаетъ собственность и нѣкоторыя гражданскія права. «Удѣлъ въ землѣ ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Одновременно крестьяне надѣляются правомъ пріобрѣтать въ собственность землю и движимое имущество, судиться у избранныхъ ими самими судей и выкупаться на волю за опредѣленную сумму и избавляются отъ произвольныхъ наказаній, налагаемыхъ безъ суда. Послѣ того наступаетъ третій періодъ—«совершенное уничтоженіе рабства» [1]).

Проектируя такимъ образомъ въ качествѣ перваго шага къ обновленію Россіи освобожденіе крестьянъ, сопровождаемое предоставленіемъ въ ихъ собственность обрабатываемыхъ ими земельныхъ надѣловъ, Радищевъ далеко опередилъ не только всѣхъ русскихъ своихъ современниковъ, но и большинство западно-европейскихъ мыслителей своей эпохи. Достаточно напомнить, что изъ 155 иностранцевъ, отозвавшихся на поставленную въ 1766 г. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ по почину Екатерины II задачу, долженъ-ли крестьянинъ имѣть собственность, лишь одинъ французъ Граслэнъ категорически вы-

[1]) Тамъ же, 238—63, 265 - 7.

Digitized by Google

сказался за обращеніе всего земельнаго надѣла крестьянъ въ ихъ собственность. Около этого же времени Мабли, ставившій идеаломъ далекаго будущаго общность имуществъ, въ отвѣтъ на обращенный къ нему барскими конфедератами вызовъ указать необходимыя для Польши реформы, ограничился лишь неопредѣленными намеками на желательность предоставленія крестьянамъ не только свободы, но и земельной собственности, тогда какъ Руссо опасался и самаго освобожденія, считая необходимымъ раньше сдѣлать рабовъ достойными свободы и способными пользоваться ею [1]). Радищевъ смѣлѣе своихъ учителей переходилъ отъ теоріи къ практикѣ жизни. Но, выступая съ такимъ рѣшительнымъ проектомъ, онъ долженъ былъ задуматься и надъ вопросомъ, какія силы смогутъ перекинуть этотъ мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую его идеалъ отъ современной ему дѣйствительности. Подъ той сентиментальной и даже риторической оболочкой, въ которую Радищевъ одѣвалъ подчасъ свою мысль, послѣдняя всегда сохраняла въ существѣ своемъ глубоко реальное направленіе, никогда не утрачивая способности взвѣшивать силу конкретныхъ условій дѣйствительности. Радищевъ не ждалъ большой симпатіи къ дѣлу освобожденія крестьянъ отъ главныхъ силъ современнаго ему общественнаго порядка и всего менѣе надеждъ возлагалъ въ этомъ отношеніи на помѣщиковъ. Задавая себѣ вопросъ, какъ можетъ существовать продажа людей въ государствѣ, «гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ», онъ отвѣчалъ: «установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могли свободѣ

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в., СПБ. 1888, т. I, сс. 64—6; В. Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ, СПБ. 1889, сс. 95—102.

Digitized by Google

поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія». Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ эту мысль, сказавъ, что крестьянинъ въ законѣ мертвъ, и немедленно прибавляя: «нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ» [1]). Итакъ, стремленія самой народной массы, естественно порождаемыя тяжестью ея положенія, могутъ измѣнить существующій порядокъ вещей. Оставаясь вѣрнымъ духу раціоналистической философіи XVIII вѣка, Радищевъ находилъ и другую силу, способную дѣйствовать въ томъ же самомъ направленіи. Такою силою является для него просвѣщенный разумъ, способный перестраивать жизнь общества. Въ посвященіи своей книги Кутузову Радищевъ говоритъ о томъ глубокомъ унынiи, которое охватило его, когда онъ вглядѣлся въ современную ему русскую жизнь. Но—продолжаетъ онъ—«я обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы». Признаніе такого положенія открывало выходъ изъ печальнаго настоящаго въ свѣтлое будущее и давало возможность отдѣльному человѣку принимать дѣятельное участіе въ работѣ надъ созданіемъ условій, облегчающихъ наступленіе этого будущаго. Если главная причина бѣдствій человѣка заключается въ неправильныхъ понятіяхъ, заслоняющихъ его природныя чувства, то просвѣщенный разумъ можетъ устранить эти понятія и тѣмъ самымъ содѣйствовать дѣлу общественнаго прогресса. Въ такомъ содѣйствіи заключался для Радишева и весь смыслъ его собственной книги. «Я человѣку—говоритъ онъ—нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. Отъими завѣсу отъ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду.. Воспрянулъ я отъ унынія моего... и—веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому соуча-

[1]) Путешествіе, 349, 218.

Digitized by Google

стникомъ быть въ благоденствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь». Стихійныя стремленія народной массы и просвѣщенное сознаніе единичныхъ личностей, возвышающее ихъ надъ узкими личными и классовыми интересами,—таковы, стало быть, были въ представленіи Радищева тѣ устои, на которыхъ онъ разсчитывалъ построить мостъ черезъ пропасть, лежавшую между дѣйствительностью его эпохи и его идеаломъ. Исторія въ общемъ оправдала эти разсчеты, но въ одномъ она горько обманула Радищева: тотъ первый шагъ въ обновленіи русскаго быта, котораго онъ ждалъ отъ своей эпохи, на который горячо звалъ своихъ современниковъ, былъ сдѣланъ лишь 70 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его книги и болѣе полувѣка послѣ его смерти.

III.

Въ свое время книга Радищева явилась наиболѣе зрѣлымъ плодомъ того идейнаго движенія, какое зарождалось подъ конецъ XVIII вѣка въ жизни русскаго общества подъ вліяніемъ встрѣчи его съ умственными теченіями европейскаго Запада. Ни одинъ изъ писателей его эпохи не усвоилъ себѣ такъ полно и сознательно этихъ теченій, ни одинъ не вглядывался такъ глубоко въ русскую жизнь и не указывалъ такъ вѣрно на присущія ей болѣзни. Но идеи, лежавшія въ основѣ этого движенія, ставили наиболѣе послѣдовательныхъ своихъ адептовъ въ черезчуръ рѣшительное противорѣчіе съ коренными условіями русской дѣйствительности той поры, а слабость только что начинавшагося движенія заранѣе предрѣшала трагическій исходъ этого противорѣчія. Радищеву первому довелось извѣдать такой исходъ на собственномъ опытѣ. Почти немедленно вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ его книги ему пришлось имѣть дѣло съ такими послѣдствіями этого шага, какихъ онъ не предвидѣлъ и не ожидалъ. Когда «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» появилось въ книжныхъ лавкахъ, продажа его сразу пошла хорошо, и

Digitized by Google

книга, видимо, легко находила себѣ читателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ стали распространяться настолько неблагопріятные слухи относительно вѣроятной судьбы оставшагося пока безыменнымъ автора, что послѣдній уже черезъ нѣсколько дней рѣшился пріостановить продажу, а затѣмъ и сжечъ всѣ оставшіеся у него экземпляры книги. Но было уже поздно: за эти дни надъ головой Радищева нависла бѣда, и ему не удалось предотвратить ее.

Въ числѣ первыхъ читателей «Путешествія» оказалась сама имп. Екатерина. Секретарь ея, Храповицкій, 26 іюня 1790 г. записалъ въ своемъ дневникѣ: «Говорено о книгѣ: «Путешествіе отъ Петербурга до Москвы». Тутъ разсѣваніе заразы французской, отвращеніе отъ начальства. Авторъ—мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева». Впечатлѣніе, произведенное на императрицу чтеніемъ «Путешествія», было чрезвычайно сильно. Екатерина II, о которой въ свое время приближенный къ ней человѣкъ, П. В. Завадовскій, въ интимномъ письмѣ отзывался: «мы любимъ хвалу и въ оной не знаемъ излишества» [1]), которая до сихъ поръ привыкла слышать лишь истину, говоренную «съ улыбкою», иначе говоря, малую долю истины, приправленную значительною долею лести, въ книгѣ Радищева впервые столкнулась съ такою свободою рѣчи и смѣлостью критики, какихъ она ранѣе не знала въ примѣненіи къ условіямъ русскаго быта. Если уже языкъ Новиковскихъ журналовъ и Фонъ-Визинской сатиры непріятно рѣзалъ ея ухо, то Радищевское «Путешествіе» глубоко поразило и оскорбило ее. Вдобавокъ сама Екатерина къ этой порѣ своей жизни значительно измѣнилась по сравненію съ первыми годами ея царствованія. Бывшая ученица французскихъ философовъ, всегда, впрочемъ, воздерживавшаяся отъ сколько-нибудь широкаго примѣненія

[1]) Въ письмѣ Завадовскаго къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 16 марта 1777 г., см. Архивъ кн. Воронцова, XXIV, 154.

Digitized by Google

ихъ теорій на практикѣ, пугливо отшатнулась отъ ихъ ученія при первыхъ признакахъ революціоннаго движенія въ Европѣ, всецѣло поставленнаго ею на счетъ этого ученія. Первыя же вспышки революціи во Франціи заставили ее съ опасливымъ вниманіемъ вглядываться въ настроеніе русскаго общества, и однажды возбужденная въ этомъ направленіи подозрительность доходила до того, что даже въ скромныхъ московскихъ масонахъ Екатерина готова была видѣть предтечъ революціонеровъ, а въ ихъ благотворительной дѣятельности—преступную пропаганду. При такомъ настроеніи императрицы авторъ «Письма къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ» и «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» представился ей ни болѣе, ни менѣе, какъ «первымъ подвизателемъ французской революціи въ Россіи [1]). Прочитавъ лишь тридцать страницъ «Путешествія», Екатерина уже произнесла надъ нимъ суровый приговоръ. «Намѣреніе сей книги—записала она—на каждомъ листѣ видно. Сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства. Онъ же едва-ли не мартинистъ или чего подобное» [2]). Дальнѣйшія главы «Путешествія» Екатерина читала очень внимательно, съ перомъ въ рукѣ, тщательно конспектируя содержаніе прочитаннаго изъ страницы въ страницу. Но это не было вниманіе читателя-друга. Взгляды читательницы были черезчуръ далеки отъ міросозерцанія писателя, и между ними оказывались возможными лишь рѣзкія и враждебныя столкновенія. Благодаря этому, конспектъ ежеминутно переходилъ въ желчную полемику, а послѣдняя обращалась въ тяжелыя обвиненія, становившіяся весьма опасными въ устахъ того лица, отъ котораго они исходили.

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Росс., 1865, кн. III, смѣсь, с. 77.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, V, 407.

Digitized by Google

Въ этой любопытной полемикѣ, которую императрица въ тайнѣ отъ другихъ читателей вела въ стѣнахъ своего кабинета съ Радищевымъ, ясно сказалось, какъ глубоко задѣла книга послѣдняго ея самолюбіе. Въ своихъ замѣчаніяхъ Екатерина не пропустила ни одного случая указать на несостоятельность мнѣній непріятнаго ей автора, выставить въ непривлекательномъ видѣ нравственную сторону его взглядовъ или насмѣяться надъ нимъ, не особенно заботясь при этомъ объ основательности собственныхъ аргументовъ и утвержденій. Подмѣтивъ въ философскихъ мѣстахъ книги присутствіе идеалистическихъ воззрѣній и не умѣя опредѣлить истиннаго ихъ источника, она безъ дальнихъ размышленій отнесла автора къ мартинистамъ. Замѣчаніе Радищева, что человѣкъ долженъ болѣе всего заботиться о сохраненіи въ себѣ самоуваженія, дало ей поводъ заключить, что «сочинитель эгоистъ сущій и болѣе собою занятъ, нежели инымъ чѣмъ». Сентиментальная манера повѣствованія, усвоенная Радищевымъ, вызывала злыя насмѣшки его вѣнчаннаго критика: «начинается прежалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина»,—записала Екатерина при разсказѣ о продажѣ крѣпостныхъ съ аукціона. Язвительное замѣчаніе вылилось изъ-подъ ея пера и при чтеніи разсужденій автора о вредѣ крѣпостного права: «уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ». «Ѣдетъ—отозвалась она въ другомъ мѣстѣ объ авторѣ—оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшея судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной». Насмѣшливое отношеніе къ автору книги, усвоенное Екатериною, и категорическое отрицаніе ею справедливости общихъ его утвержденій такъ мало, однако, были согласованы съ дѣйствительностью, что самъ суровый критикъ не только не рѣшался заподозривать правдивость отдѣльныхъ фактовъ, сообщенныхъ въ книгѣ, но даже могъ въ разсказы объ нѣкоторыхъ изъ нихъ вписать имена ихъ виновниковъ,

Digitized by Google

укрытыя авторомъ: «едва-ли не гисторія Александра Васильевича Салтыкова»,—приписала Екатерина, прочитавъ разсказъ о помѣщикѣ, котораго крестьяне собирались убить за систематическое обезчещеніе дѣвушекъ [1]).

Но если такимъ образомъ въ полемикѣ, предприня той Екатериною, преимущества, даваемыя точнымъ знаніемъ фактовъ и искренностью и послѣдовательностью мысли, въ большинствѣ случаевъ были не на ея сторонѣ, то это обстоятельство могло не облегчить, а развѣ усугубить тяжесть тѣхъ обвиненій, какія она выставляла противъ автора книги. Черезъ весь разборъ «Путешествія», написанный Екатериною, красною нитью проходитъ тенденція отыскать въ немъ противозаконныя мысли и преступныя стремленія. Въ этомъ разборѣ трудно узнать ту самую государыню, которая нѣкогда переписывала въ свой Наказъ афоризмы Монтескье, утверждая, что «все превращаетъ и опровергаетъ тотъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное», и что «великое было бы несчастіе въ государствѣ, если бы не смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи... ниже свободно говорить своего мнѣнія». Теперь общіе взгляды, высказанные въ книгѣ Радищева, представлялись въ ея глазахъ равносильными преступленію, а критика, направленная не на отдѣльныхъ лицъ, а на нравы и учрежденія, казалась ей «опорочиваніемъ всего установленнаго и принятаго». Екатерина, которая сама была, какъ хорошо знали ея современники, болѣе, чѣмъ холодна къ религіи, отмѣчала, однако же, тѣ страницы книги Радищева, которыя «доказываютъ, что сочинитель совершенный деистъ, и несходственны православному восточному исповѣданію» Она усмотрѣла въ разбираемой ею книгѣ «ядъ французской» и мнѣнія, «уничтожающія законы и совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена». Идеалъ воспитанія, выставленный Радищевымъ, вызвалъ съ ея сто-

[1]) Архивъ кн Воронцова, V, 410, 416, 420, 419, 414, 417—8.

Digitized by Google

роны замѣчаніе, что мнѣнія писателя ведутъ «къ разрушенію союза между родителей и чадъ и совсѣмъ противны Закону Божію, десяги заповѣдямъ, Святому Писанію и гражданскому закону». Наконецъ, утверждая, что мысль автора «клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ, войскъ противу начальства», Екатерина и по отношенію къ правительствамъ находила въ книгѣ «страницы криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія», и заключала, что сочинитель «себя опредѣлилъ начальникомъ, книгою-ли или инако, исторгнуть скипетры изъ рукъ царей». «Но какъ—прибавляла она—сіе исполнить онъ единъ не могъ, и, оказываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ, то надлежитъ его допросить, какъ о семъ, и о подлинномъ намѣреніи и сказать ему, чтобъ онъ написалъ самъ, какъ онъ говоритъ, что правду любитъ, какъ дѣло было; ежели же не напишетъ правду, тогда принудитъ меня сыскать доказательства, и дѣло его сдѣлается дурнѣе прежняго». «Скажите сочинителю,—написала еще Екатерина въ концѣ своихъ замѣчаній, вскрывая одинъ изъ главныхъ мотивовъ своего раздраженія,—что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано-ли ему мною какой обиды? Ибо судить его не хочу, дондеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царяхъ, не выслушивая ихъ оправданія» [1]).

Заключеніе замѣчаній Екатерины говорило уже о допросѣ автора «Путешествія» и судѣ надъ нимъ. Но допросъ Радищева начался еще ранѣе, чѣмъ Екатерина закончила свои замѣчанія. Съ первыхъ страницъ книги императрица заинтересовалась вопросомъ о личности ея автора. Купецъ, въ лавкѣ котораго продавалась книга, и таможенный служащій, бывшій книгопродавецъ, носившій ее на цензуру оберъ-полиціймейстера Рылѣева, были арестованы, но они не назвали имени автора. Указанія на послѣдняго были, однако, даны Екатеринѣ самимъ содер-

[1]) Тамъ же, 411, 413 414, 415, 419, 421 -2. 421.

Digitized by Google

жаніемъ «Путешествія». Слова автора о «знаніи, которое онъ къ счастью своему имѣлъ случай узнать», обратили вниманіе Екатерины на Радищева и его бывшаго товарища по лейпцигскому университету Челищева, о которыхъ она слышала, что у нихъ имѣются домашнія типографіи, а знакомство автора съ «подробностями купецкихъ обмановъ,—чего у таможни приглядѣться можно»,—укрѣпило ея подозрѣнія на Радищева [1]). 27 іюня гр. Безбородко именемъ императрицы поручилъ гр. А. Р. Воронцову, непосредственному начальнику Радищева по службѣ, допросить послѣдняго, не онъ-ли авторъ инкриминированной книги, но въ тотъ же день Безбородко другимъ письмомъ извѣстилъ Воронцова объ отмѣнѣ этого порученія въ виду того, что «дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствіемъ» [2]). Послѣднее передано было знаменитому начальнику тайной экспедиціи, Шешковскому. Когда Радищевъ, вызванный къ допросу, услышалъ страшное имя слѣдователя, которому поручено было его дѣло, онъ упалъ въ обморокъ [3]). 30 іюня онъ былъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость, а 2 іюля Храповицкій занесъ въ свой дневникъ такую отмѣтку: «Радищевъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости».

Тяжелый ударъ, обрушившійся на Радищева, ошеломилъ его. Поставленный въ положеніе государственнаго преступника, «препорученный» прославившемуся своимъ «кнутобойничаніемъ», по выраженію Потемкина, Шешковскому, предупрежденный отъ имени самой Екатерины, что упорство съ его стороны вынудитъ ее «сыскать доказательства» и сдѣлаетъ его дѣло «дурнѣе прежняго», онъ палъ духомъ. Этому содѣйствовалъ и самый характеръ допроса и обвиненій, къ нему предъявлявшихся. Шешковскій, которому Екатерина переслала свои замѣча-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, V, 410, 411.

[2]) Тамъ же, XIII, 199—201.

[3]) П. А. Радищевъ. «А. Н. Радищевъ. По воспоминаніямъ сына». Р. Вѣстникъ, 1858, т. 18, с. 407.

Digitized by Google

нія на «Путешествіе», обратилъ содержаніе всѣхъ этихъ замѣчаній въ допросные пункты Радищеву. Послѣднему легко было доказать, что онъ при написаніи своей книги не руководился никакими мотивами личнаго раздраженія, для которыхъ не было мѣста въ его жизни и служебной дѣятельности, и не питалъ никакихъ преступныхъ замысловъ. «Если кто скажетъ,—говорилъ онъ по поводу послѣдняго пункта въ своей повинной,—что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается: первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простого народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина, и можетъ-ли мыслить о семъ кто общниковъ не имѣетъ; возмогъ-ли я помыслить, что почесть меня такимъ возможно» [1]). Легко, наконецъ, было Радищеву доказать свою непричастность къ мнѣніямъ, несправедливо приписаннымъ ему, въ родѣ симпатіи къ мартинистамъ, простою ссылкою на свою книгу. Но затѣмъ оставался еще вопросъ о мнѣніяхъ, которыя были, несомнѣнно, высказаны Радищевымъ въ его книгѣ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ вопросныхъ пунктахъ были квалифицированы, какъ преступныя. Радищевъ не нашелъ въ себѣ мужества,—которое при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, было бы равносильно геройству,—всецѣло подтвердить эти свои мнѣнія. Онъ призналъ себя «преступникомъ», свою книгу «пагубной», наполненной «безразсудною дерзостью», «гнусными, дерзкими и развратными выраженіями», заявилъ, что написалъ и напечаталъ ее исключительно для того, чтобы получить славу смѣлаго писателя и денежную выгоду отъ продажи книги, сознался, что многое написалъ «по сумасшествію на то время и сумасбродству своему», и молилъ о помилованіи [2]). Словомъ на допросахъ Шешковскаго Радищевъ отрекся отъ своихъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, V, 428.

[2]) Тамъ же, 423, 429, 437, 431, 433.

Digitized by Google

мнѣній. Но какъ было уже однажды указано въ нашей литературѣ [1]), это отреченіе не было ни искреннимъ, ни даже полнымъ. Свое отреченіе Радищевъ иногда сопровождалъ такими оговорками, которыя, если и не уничтожали, то, по крайней мѣрѣ, значительно смягчали его смыслъ. Въ первоначальныхъ двухъ своихъ повинныхъ онъ, признавая въ общихъ выраженіяхъ свою вину, вмѣстѣ съ тѣмъ пытался отстаивать свои мнѣнія по различнымъ вопросамъ, объясняя, что въ нихъ не заключалось ничего преступнаго. Когда вслѣдъ за тѣмъ предложенные ему Шешковскимъ вопросные пункты вновь потребовали у него объясненій этихъ мнѣній, какъ преступныхъ, ему пришлось итти въ своихъ уступкахъ грозному слѣдователю дальше. Такъ, въ своей повинной отъ 1 іюля онъ говорилъ «если я писалъ противъ цензуры, то думалъ, что творю доброе: думалъ, что она не нужна и, если не будетъ существовать, то обязанный всякъ самъ отвѣтствовать на цензуру полагаться не будетъ». Но въ поставленныхъ ему послѣ того допросныхъ пунктахъ вновь былъ повторенъ вопросъ, почему онъ хочетъ уничтожить цензуру, и на этотъ разъ Радищевъ заявилъ, что признаетъ свое заблужденіе, на собственномъ опытѣ убѣдившись въ пользѣ цензуры, которая можетъ спасти многихъ «заблужденно мыслящихъ» отъ погибели, подобной той, въ какую онъ ввергнулъ себя. Подобнымъ же образомъ на вопросъ о цѣли его размышленій о желательности уничтоженія придворныхъ чиновъ онъ отвѣтилъ: «мысль моя отнюдь того не имѣла въ виду, чтобъ уничтожить тѣ чины, а только безъ всякаго соображенія въ душѣ моей полагалъ такъ, что тѣ чины суть излишніе, и въ томъ признаю себя виновнымъ». По вопросу объ его мнѣніяхъ относительно семейнаго быта, онъ сперва пытался доказать, что, не помышляя «умалить власти родительской», онъ «хотѣлъ толь-

---

[1]) В. Якушкинъ. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в., Рус. Старина, 1882, № 9, с. 480—4.

Digitized by Google

ко показать, какимъ образомъ она можетъ быть тверда, основанная на чувствованіи сердца», но затѣмъ призналъ «не только ошибку, но и совершенное безуміе» своего мнѣнія, будто дѣти не обязаны благодарностью по отношенію къ родителямъ. Однако по нѣкоторымъ пунктамъ Радищевъ и на вторичномъ допросѣ Шешковскаго снабжалъ признаніе своей вины знаменательными оговорками. Соглашаясь, что не его дѣло было судить о злоупотребленіяхъ администраціи, онъ тѣмъ не менѣе не бралъ назадъ своихъ мнѣній по этому вопросу, заявляя, что «писалъ по умствованію своему о слышанныхъ имъ иногда въ народной молвѣ якобы происходившихъ иногда по разнымъ дѣламъ злоупотребленіяхъ», будучи «наслышанъ въ народной молвѣ, будто бъ господа намѣстники употребляютъ данную имъ власть иногда по своимъ прихотямъ, не держась высочайшихъ учрежденій» [1]).

Былъ, наконецъ, одинъ вопросъ, въ которомъ такія оговорки Радищева становились особенно настойчивыми, уничтожая почти весь смыслъ его отреченія отъ идей «Путешествія». Это былъ вопросъ о тяжести положенія крѣпостныхъ и о необходимости ихъ освобожденія. Въ первой своей повинной, говоря о мотивахъ, вызвавшихъ его къ написанію «Путешествія», Радищевъ замѣчалъ: «я думалъ въ заблужденіи моемъ, что могу принести иногда пользу, описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ; думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердо». Оправдывая далѣе своей проектъ освобожденія крестьянъ, онъ говорилъ: «въ проектѣ... я мечталъ, признаюсь, какъ можетъ быть оно постепенно; ибо увѣренъ въ душѣ моей, что запретившей покупку деревень къ заводамъ и фабрикамъ законоположницей, что начертавшей перстомъ мягкосердія мѣру работъ приписаннымъ къ заводамъ крестьянамъ, что давшей крестьянину судію изъ среды его, мысль освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, V, 428, 438, 426, 435–6, 433, 434.

Digitized by Google

если не исполнена, то потому, что вящшія тому препятствуютъ соображенія». Когда ему поставлено было на видъ мнѣніе Екатерины, согласно которому нигдѣ не было лучше судьбы русскихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика, онъ заявилъ, что въ этомъ онъ и самъ увѣренъ, но писалъ о тяжеломъ ихъ положеніи, «чая, что между помѣщиковъ есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иногда такія предосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурного сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить». Равнымъ образомъ и на другіе вопросы относительно заключающихся въ «Путешествіи» разсказовъ о насиліяхъ помѣщиковъ и убійствахъ послѣднихъ крестьянами онъ повторялъ, что этими разсказами онъ хотѣлъ помѣщиковъ отъ «дурныхъ поступковъ воздержать», и «посрамить, а не меньше и навести страхъ». «Чтобъ крестьяне были вольные,—прибавлялъ онъ,—то, его желаніе было; однакожъ располагалъ онъ такъ въ мысляхъ своихъ, что-де сіе сдѣлано будетъ по волѣ государыни», и когда ожидалъ кретьянской свободы отъ самой тяжести порабощенія, то «разумѣлъ: еслибъ случилось, что дворяне будутъ своихъ крестьянъ отягощать чрезмѣрно, и тогда высшая императорская власть ихъ отъ онаго отягощенія избавитъ» [1]). Такимъ образомъ, даже лицомъ къ лицу съ Шешковскимъ, наканунѣ суда и приговора, Радищевъ нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы, хотя коснѣющимъ отъ страха языкомъ, все же признать свою скорбь о крѣпостномъ крестьянствѣ и выговорить передъ правительствомъ слово защиты за него. Недаромъ въ его семьѣ сохранилось преданіе, что, находясь подъ арестомъ, онъ заказалъ своему крѣпостному живописцу образъ одного заключеннаго за чрезмѣрную смѣлость обличеній святого съ надписью: «блаженны изгнанніи правды ради» [2]). Неда-

---

[1]) Тамъ же, 423, 426—7, 434—5, 437, 439.

[2]) Р. Вѣстникъ 1858, т. 18, с. 409.

Digitized by Google

ромъ также, возобновивъ въ тоскѣ заключенія свою литературную дѣятельность и начавъ писать повѣсть въ поученіе своимъ дѣтямъ, онъ выбралъ героемъ ея Филарета милостиваго и его примѣромъ убѣждалъ своихъ будущихъ читателей выше всѣхъ добродѣтелей цѣнить любовь къ ближнему или, говоря его языкомъ, «мягкосердіе» [1]).

Слѣдствіе Шешковскаго закончилось около 11 іюля и 13 іюля именной указъ Екатерины, данный на имя петербургскаго главнокомандующаго гр. Брюса, передалъ дѣло Радищева въ палату уголовнаго суда. Предварительное слѣдствіе, произведенное Шешковскимъ, опровергло обвиненія Радищева въ преступныхъ замыслахъ и дало новый матеріалъ для другихъ обвиненій лишь въ видѣ признанія самимъ обвиняемымъ преступности его мнѣній; новое свѣдѣніе, доставленное слѣдствіемъ, заключалось лишь въ сознаніи самого Радищева, что онъ послѣ цензуры Рылѣева внесъ въ свою книгу кое-какія не особенно значительныя дополненія и поправки, имѣвшія по преимуществу характеръ корректурныхъ исправленій. Соотвѣтственно этому и указъ Екатерины выставлялъ противъ Радищева главнымъ образомъ тѣ обвиненія, которыя были сформулированы ею при самомъ началѣ чтенія «Путешествія». Радищевъ предавался суду за то, что, по собственному признанію, напечаталъ книгу, «наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ, оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской», и «послѣ цензуры управы благочинія внесъ многіе листы въ помянутую книгу» [2]). Одновременно съ этимъ указомъ гр. Брюсъ получилъ отъ Безбородка и инструкцію, какъ должно вести дѣло въ уголовной палатѣ. Согласно этой

[1]) См. эту повѣсть у Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи, I. 598—611.

[2]) Сочиненія имп. Екатерины II, СПБ. 1850 г., т. III, с. 593.

Digitized by Google

инструкціи, палата должна была предложить Радищеву четыре вопроса: 1) онъ ли сочинитель книги? 2) въ какомъ намѣреніи сочинилъ ее? 3) кто его сообщники? 4) чувствуетъ ли онъ важность своего преступленія? «По таковомъ допросѣ—гласила инструкція — нетрудно будетъ палатѣ положить свой приговоръ, на точныхъ словахъ законовъ основанный». Допросы же, произведенные Радищеву въ тайной экспедиціи, было признано совершенно излишнимъ сообщать палатѣ, и они остались въ тайнѣ. «Многія тутъ вещи—писалъ Безбородко—никакъ не могутъ относиться къ обыкновенному трибуналу, который видитъ его преступленіе, удостовѣряется въ немъ новымъ его признаніемъ и имѣетъ прямые законы на осужденіе его. Сверхъ того, многіе вопросы, особливо же: «не имѣетъ ли онъ какого неудовольствія или обиды на ея величество?» отнюдь непристойно выводить передъ судомъ». Наконецъ, послѣдній пунктъ инструкціи содержалъ въ себѣ такое указаніе: «раскаяніе до суда не касается, а въ волѣ государевой на него воззрѣть, когда судъ до его крайняго изреченія достигнетъ» [1]).

Дѣйствуя въ полномъ согласіи съ данною ей инструкціей, уголовная палата предложила Радищеву указанные ей вопросы и, признавъ его по выслушаніи его отвѣтовъ виновнымъ, буквально переписала въ свой приговоръ ту часть указа 13 іюля, въ которой перечислялились преступленія Радищева. Труднѣе было отыскать прямые законы, на основаніи которыхъ возможно было бы покарать эти преступленія. Въ тогдашней Россіи не существовало законовъ, которые предусматривали бы преступленія за какія обвинялся Радищевъ. Изъ этого затрудненія палата вышла, примѣнивъ къ автору «Путешествія» почти всѣ статьи тогдашнихъ законовъ: Уложенія, Воинскаго Регламента и Морского Устава,—трактовавшія о государственныхъ преступленіяхъ и назначавшія за нихъ смертную казнь. Къ

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи I, 591.

Digitized by Google

Радищеву были такимъ путемъ примѣнены статьи законовъ, говорившія о «ворахъ, которые чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей воровскимъ своимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла», о преступникахъ, «умышляющихъ на государево здоровье злое дѣло», или желающихъ «московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти», объ офицерахъ, сдавшихъ непріятелю крѣпость безъ крайности, и т. п. На основаніи всѣхъ этихъ законовъ палата 24 іюля приговорила Радищева къ смертной казни [1]). Въ такомъ видѣ приговоръ поступилъ въ сенатъ, согласно ст. 13 жалованной грамоты дворянству, предписывавшей дѣла о лишеніи дворянина жизни, чести или имущества вносить на разсмотрѣніе сената и на утвержденіе верховной власти. Сенатъ призналъ приговоръ палаты правильнымъ и съ своей стороны полагалъ лишь до подписанія указа о смертной казни Радищеву, «заклепавъ его въ кандалы, сослать въ каторжную работу... въ Нерчинскъ» [2]). 11 августа мнѣніе сената было доложено императрицѣ, которая нашла нужнымъ передать его на разсмотрѣніе существовавшаго въ это время для особо важныхъ дѣлъ «совѣта ея величества». «Съ примѣтною чувствительностію—отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ Храповицкій—приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю». Черезъ восемь дней послѣ того докладъ сената и былъ внесенъ въ совѣтъ, при чемъ Безбородко объявилъ послѣднему замѣчаніе императрицы, что въ сенатскомъ докладѣ, «выписаны всѣ законы, кромѣ присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился», и заявленіе Екатерины, что она «презираетъ все, что въ зловредной его, Радищева, книгѣ оскорбительнаго особѣ ея высказано». Такимъ образовъ совѣту были указаны два новыя обстоятельства, отягчавшія вину

[1]) Якушинъ. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в., Рус. Старина, 1882 г., № 9, сс. 495—501 и 505—6

[2]) Тамъ же, с. 531.

Digitized by Google

Радищева: нарушеніе присяги и личное оскорбленіе, нанесенное императрицѣ. Совѣтъ, выслушавъ докладъ и «сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находилъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное» [1]).

Если вся судебная процедура по дѣлу Радищева потребовала для себя такимъ образомъ лишь немногимъ болѣе мѣсяца, то окончательное рѣшеніе дѣла затянулось на несоразмѣрно долгій срокъ. Лишь 4 сентября 1790 г. состоялся именной указъ сенату, опредѣлившій судьбу Радищева. Въ началѣ этого указа перечислялись всѣ преступленія, поставленныя въ вину Радищеву во время прохожденія его дѣла черезъ различныя судебныя инстанціи. Онъ, по словамъ указа, «оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги подъ названіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми выраженіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того ложный поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу». За эти преступленія палата уголовныхъ дѣлъ и сенатъ присудили его къ смертной казни. «И хотя—продолжалъ указъ—по роду столь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную, но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости» по случаю заключенія мира со Швеціей, «освобождаемъ его отъ лишенія живота и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена св. Владимира и дворянское досто-

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I. СПБ. 1869 г., с. 737.

Digitized by Google

инство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ, на 10-лѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ» [1]). Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ чрезвычайною поспѣшностью и большою суровостью. Радищеву не удалось даже передъ отъѣздомъ проститься съ своей семьей—дѣтьми отъ умершей жены и жившей съ ними свояченицей его. Прямо изъ петербургскаго губернскаго правленія, куда онъ былъ привезенъ изъ мѣста своего заключенія для выслушанія приговора, онъ и былъ отправленъ въ дорогу, при чемъ правленіе отъ себя распорядилось заковать его въ кандалы. У него не было теплой одежды,—на него надѣли «гнусную наголь-ную шубу, взявъ ее тутъ же у сторожа или солдата». Лишь въ Новгородѣ догналъ его курьеръ съ исходатайствованнымъ гр. А. Р. Воронцовымъ приказаніемъ Екатерины снять съ него оковы и доставить ему нужныя для дороги вещи [2]).

Воронцовъ и вообще принялъ большое участіе въ судьбѣ Радищева. Въ качествѣ президента коммерцъ-коллегіи онъ еще съ 1777 года былъ начальникомъ Радищева по службѣ и, успѣвъ оцѣнить въ немъ не только честнаго чиновника, но и человѣка большого образованія и высокихъ душевныхъ качествъ, дружески сблизился съ нимъ. Не покинулъ онъ Радищева и въ бѣдѣ, хотя самъ въ это время не пользовался расположеніемъ Екатерины и петербургская молва даже называла его, правда, безъ всякихъ основаній, соучастникомъ въ книгѣ Радищева. Когда состоялся уже приговоръ палаты надъ послѣднимъ и братъ его, М. Н. Радищевъ, служившій въ архангельской таможнѣ, рѣшилъ было выйти въ отставку, чтобы посвятить себя воспитанію дѣтей своего брата, Воронцовъ уговорилъ его выждать окончанія дѣла, обѣщая во всякомъ случаѣ съ

[1]) П. С. З., № 16.901.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, V, 399, 28 .

Digitized by Google

своей стороны не оставить осиротѣвшей семьи. Послѣ того, какъ судьба Радищева была рѣшена указомъ 4 сентября, Воронцовъ назначилъ его семьѣ пенсію изъ своихъ средствъ и принялъ мѣры къ облегченію участи его самого. Съ этою цѣлью онъ написалъ тверскому, нижегородскому, пермскому и иркутскому губернаторамъ, прося ихъ принять зависящія отъ нихъ мѣры къ облегченію участи Радищева при проѣздѣ его черезъ ихъ губерніи, и пересылалъ черезъ нихъ деньги для Радищева, вскорѣ вступивъ съ нимъ и въ прямую переписку [1]). Большое сочувствіе къ судьбѣ Радищева выказывали и другія знавшія его лица. Не только купцы на биржѣ плакали, узнавъ объ его участи, но даже полицейскій чиновникъ, объявлявшій его семейству о состоявшемся надъ нимъ приговорѣ, исполнялъ это порученіе со слезами [2]). Приговоръ надъ авторомъ «Путешествія» многихъ изъ современниковъ поражалъ своею суровостью. Тогдашній русскій посланникъ въ Англіи, гр. С. Р. Воронцовъ, писалъ своему брату, что подобное наказаніе, наложенное за простую опрометчивость, заставляетъ содрогаться [3]). Около этого же времени одинъ изъ московскихъ масоновъ писалъ въ Берлинъ Кутузову, другу Радищева: «жалѣніе твое о немъ, конечно, извиняютъ всѣ, имѣющіе сентименты честности». Въ обществѣ не могли сразу примириться съ мыслью, что приговоръ, заключавшійся въ указѣ 4 сентября, будетъ осуществленъ на дѣлѣ во всей своей строгости, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ Радищевъ былъ вывезенъ изъ Петербурга, въ различныхъ кругахъ общества все еще упорно возникали одинъ за другимъ слухи о предстоящемъ или даже уже совершившемся смягченіи его

---

[1]) Тамъ же. 395—6, 396—400.

[2]) Р. Вѣстникъ, 1858, т. 18, 109, 408.

[3]) «La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extreme. Quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie... Cela fait frémir». Архивъ кн. Воронцова, IX, 181, письмо отъ 1 сентября 1790 г.

Digitized by Google

участи. Черезъ два мѣсяца по объявленіи приговора, 31 октября 1790 г. Лопухинъ писалъ Кутузову, что въ Москвѣ ходитъ слухъ, будто Радищева велѣно отправить не въ Сибирь, а къ отцу его въ Саратовскую губернію. Еще ранѣе того до Кутузова дошелъ въ Берлинъ слухъ, будто императрица приказала возвратить его друга изъ Сибири и лишь запретила ему въѣздъ въ обѣ столицы [1]). Отцу Радищева многіе совѣтовали обратиться съ просьбою о смягченіи наказанія, постигшаго его сына, къ Потемкину, а въ Архангельскѣ въ маѣ 1791 г. было получено даже извѣстіе изъ Петербурга, будто Потемкинъ уже исходатайствовалъ свободу Радищеву, и къ послѣднему посланъ въ Сибирь курьеръ съ разрѣшеніемъ возвратиться [2]). Сочувствіе общества, сказавшееся во всѣхъ этихъ слухахъ и ожиданіяхъ, было однако безсильно въ чемъ-либо измѣнить судьбу автора «Путешествія», и онъ остался въ Сибири до конца царствованія Екатерины.

IV.

Кара, постигшая Радищева, въ первую минуту тяжело отозвалась на немъ. Изданіе «Путешествія» не было съ его стороны результатомъ легкомысленнаго увлеченія или неосторожной ошибки. Когда онъ издавалъ свою книгу, онъ приближался уже къ концу сорокъ перваго года своей жизни и былъ, слѣдовательно, въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ обыкновенно не подчиняется первому влеченію чувства, а болѣе или менѣе тщательно взвѣшиваетъ свои рѣшенія и ихъ возможные результаты. Авторъ «Путешествія» могъ, конечно, предполагать, что его книга не особенно благосклонно будетъ встрѣчена императрицей, и онъ потеряетъ расположеніе послѣдней, но онъ, несомнѣн-

---

1) Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II, Р. Старина, 1874, № 1, с. 72; № 2 с. 262; № 3, с. 466.

2) Письма къ А. Р. Воронцову Н. А. Радищева отъ 9 марта и М. Н. Радищева отъ 17 мая 1791 г., Архивъ кн. Воронцова, V, 401 и 402.

Digitized by Google

но, не ожидалъ, что его мысли будутъ вмѣнены ему въ преступленіе. Тѣмъ менѣе могъ онъ ожидать для себя такой кары, какая послѣдовала въ дѣйствительности, и она глубоко потрясла его. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ ссылку разбитымъ и физически, и нравственно. Трехмѣсячное заключеніе, долгая и томительная неизвѣстность о своей судьбѣ и лишенія, испытанныя въ началѣ пути, надломили его и безъ того слабое здоровье, и въ Москву его привезли настолько больнымъ, что здѣсь пришлось остановиться и ждать его выздоровленія. Выѣхавъ изъ Нижняго, онъ опять было заболѣлъ и болѣе или менѣе оправился, лишь подъѣзжая къ Казани. Но сильнѣе физическихъ страданій мучила его въ это время мысль о дѣтяхъ, оставшихся безъ призора и обезпеченія. «Какъ скучно вспомнить,—писалъ онъ Воронцову изъ Перми,—что я живу въ разлученіи съ дѣтьми... Если кто знаетъ, что дѣйствительнымъ блаженствомъ я полагалъ быть съ ними, тотъ можетъ себѣ вообразить, что скорбь моя должна быть безпредѣльна». «Признаюсь,—писалъ онъ въ другой разъ,—что чувствительно было видѣть на себѣ желѣзы, но разлука съ дѣтьми моими есть для меня томная смерть» [1]). Переживая эту скорбь разлуки съ дѣтьми и безпокойства объ нихъ, Радищевъ готовъ былъ даже винить исключительно себя въ томъ, что попалъ въ бѣду, которой не случилось бы, еслибы онъ не утаилъ своего «безразсудства» отъ Воронцова. «Пенять, ни сѣтовать мнѣ не на кого совершенно,—писалъ онъ послѣднему, соглашаясь съ его словами въ письмѣ къ тверскому губернатору.—Я самъ себѣ устроилъ бѣдствіе и стараюсь сносить казнь мою съ терпѣніемъ». Извѣстіе о томъ, что Воронцовъ принялъ на себя заботу объ его семьѣ, нѣсколько успокоило Радищева, но все же его не переставала волновать мысль о дѣтяхъ и о своей винѣ передъ ними, и въ своихъ письмахъ съ дороги къ Воронцову онъ не разъ

[1]) Тамъ же, V, 288, XII, 427; V, 289 и 328.

Digitized by Google

говоритъ о своемъ раскаяніи въ совершонномъ проступкѣ и о намѣреніи «исправиться». Порою эти выраженія скорби и печали были очень рѣшительны, до нѣкоторой степени напоминая даже показанія, данныя Радищевымъ на допросахъ. Еще 8 марта 1791 г., въ письмѣ, отправленномъ изъ Тобольска, онъ говорилъ, что самъ навлекъ на себя несчастье «безразсудствомъ, непростительнымъ въ его годы». Восемь мѣсяцевъ спустя, въ письмѣ, посланномъ изъ Иркутска 5 ноября 1791 г., онъ опять повторялъ, что ничто не можетъ заглушить въ его душѣ печали, происходящей отъ разлуки съ дѣтьми, и что эта печаль, заставляя его раскаиваться въ совершонномъ проступкѣ, не позволила бы ему вновь «впасть въ преступленіе». «И признаюсь вамъ чистосердечно,—прибавлялъ онъ,—каково должно быть мое поведеніе, чтобы раскаяніе изъявляло, не знаю» [1]).

Но какъ ни велика была душевная растерянность, охватившая Радищева въ первый моментъ послѣ осужденія, какъ ни сильна была въ его сердцѣ любящаго отца печаль о покинутыхъ дѣтяхъ, его дѣятельный умъ не могъ долго жить одними лишь впечатлѣніями сухой и безплодной скорби. Путешествіе, хотя бы и невольное, само по себѣ уже до нѣкоторой степени разсѣивало эти впечатлѣнія, давая обильный и разнообразный матеріалъ для наблюденій надъ природой и жизнью страны, которую путешественнику предстояло проѣхать изъ конца въ конецъ. Такого рода наблюденія могли производиться имъ тѣмъ съ бо́льшимъ удобствомъ, что хлопоты Воронцова передъ мѣстнымъ начальствомъ тѣхъ губерній, которыя долженъ былъ проѣзжать Радищевъ, не остались безъ послѣдствій: начиная съ Твери, онъ былъ уже снабженъ необходимыми вещами, могъ запасаться книгами и вещами и пользовался нѣкоторыми другими льготами. Въ свою очередь нравственная поддержка Воронцова, тѣ утѣшенія и

[1]) Тамъ же, V, 100 и XII, 428, 426.

Digitized by Google

ободренія, какія находилъ въ его письмахъ Радищевъ, забрасывали искру надежды въ его измученную душу и воскрешали въ ней энергію. «Еслибы не блисталъ лучъ надежды, хотя въ отдаленности,—писалъ онъ по этому поводу Воронцову,—еслибы я не находилъ толикое сооолѣзнованіе и человѣколюбіе отъ начальства въ проѣздъ мой чрезъ разныя губерніи, то признаюсь, что лишился бы, можетъ быть, и совсѣмъ разсудка». Во всякомъ случаѣ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ совершалась поѣздка Радищева, впечатлѣнія дороги скоро завладѣли его вниманіемъ и дали богатую пищу его разностороннему и воспріимчивому уму. «Разумъ мой—писалъ онъ уже изъ Нижняго 20 октября 1790 г.—можетъ иногда заниматься упражненіемъ. Когда я стою на ночлегѣ, то могу читать; когда ѣду, стараюсь замѣчать положеніе долинъ, буераковъ, горъ, рѣкъ; учусь въ самомъ дѣлѣ тому, что иногда читалъ о исторіи земли; песокъ, глина, камень, все привлекаетъ мое вниманіе» [1]). Если первоначально эти наблюденія служили для Радищева по преимуществу средствомъ разсѣяться, «примѣчаніями и наблюденіями естественности разогнать черноту мыслей» [2]), то постепенно они все болѣе занимали его и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали совершенно самостоятельное значеніе. Его письма къ Воронцову съ теченіемъ времени все въ большей мѣрѣ переполнялись разнообразными замѣчаніями о характерѣ тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, и о бытѣ ихъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начиналъ помышлять о систематическихъ наблюденіяхъ на мѣстѣ своего будущаго пребыванія и все чаще обращался къ Воронцову съ просьбами о высылкѣ необходимыхъ инструментовъ и книгъ. Начиная съ Казани, куда онъ прибылъ въ первыхъ числахъ ноября, онъ сталъ вести путевыя замѣтки въ формѣ дневника, и прекратилъ ихъ составленіе лишь незадолго до окончанія своего длин-

---

[1]) Тамъ же, XII, 428; V, 286.

[2]) Тамъ же, XII, 428.

Digitized by Google

наго пути, 20 декабря 1791 г. [1]). Эти непритязательныя замѣтки, набросанныя ихъ авторомъ исключительно для самого себя, представляютъ большой интересъ, указывая тѣ вопросы, которые привлекали къ себѣ мысль ихъ составителя. Изо дня въ день Радищевъ, на ряду съ названіями проѣзжаемыхъ станцій и числомъ раздѣляющихъ ихъ верстъ, заносилъ въ свои замѣтки самыя разнообразныя свѣдѣнія, какія ему удавалось пріобрѣсти на пути. Геологическія наблюденія и краткія описанія мѣстности смѣняются здѣсь свѣдѣніями объ ея флорѣ и фаунѣ, которыя уступаютъ мѣсто отмѣткамъ объ этнографическихъ особенностяхъ жителей, ихъ бытѣ, промыслахъ и т. д. Экономическій бытъ населенія въ свою очередь привлекаетъ къ себѣ вниманіе автора замѣтокъ, съ особенною подробностью записывавшаго въ нихъ тѣ свѣдѣнія, какія ему удавалось собрать относительно тяжелаго положенія приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ. Очевидно, мысль писателя не только сохранила свой широкій кругозоръ и работала съ прежнею энергіей, но и возвращалась упорно на тѣ самыя пути, отъ слѣдованія по которымъ Радищевъ хотѣлъ было «исправиться».

Ко времени его пріѣзда въ Сибирь эти наблюденія перешли уже въ попытки систематическаго изученія. «Время моего здѣсь пребыванія,—писалъ онъ изъ Тобольска—я по возможности стараюсь употребить себѣ въ пользу пріобрѣтеніемъ безпристрастныхъ о здѣшней сторонѣ свѣдѣній» [2]). Условія его обстановки до нѣкоторой степени благопріятствовали этому. Онъ могъ теперь менѣе тревожиться о своей семьѣ: младшія его дѣти были привезены къ нему уже въ Тобольскъ его свояченицей, Е. В. Рубановской, на которой онъ впослѣдствіи женился въ Илимскѣ, а старшія были отосланы, по его желанію, къ жившему въ Архангельскѣ брату его. Мѣстная высшая администрація, пред-

[1]) Копія этихъ замѣтокъ, какъ и замѣтокъ, веденыхъ Радищевымъ на пути изъ Сибири, любезно сообщена мнѣ В. И. Семевскимъ.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, V; 291.

Digitized by Google

увѣдомленная о Радищевѣ Воронцовымъ и впервые увидѣвшая въ Сибири ссыльнаго новаго типа, отнеслась къ нему мягко, и онъ могъ, не торопясь въ мѣсто своей ссылки, прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ и болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Иркутскѣ. Но въ концѣ концовъ надо было уѣзжать и изъ послѣдняго города, тѣмъ болѣе, что этого настоятельно требовалъ и Воронцовъ, опасавшійся новой вспышки гнѣва Екатерины. 3 января 1792 г. Радищевъ пріѣхалъ съ своею семьей въ Илимскъ, глухой городишко Иркутской губерніи, не насчитывавшій въ себѣ и 500 жителей. Здѣсь онъ прожилъ еще шесть лѣтъ, отрѣзанный отъ личныхъ сношеній со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, внѣ всякаго интеллигентнаго общества, состоя подъ надзоромъ грубыхъ и невѣжественныхъ исправниковъ, которые, не имѣя никакого понятія объ его преступленіи, видѣли въ немъ проворовавшагося чиновника, и отъ корыстолюбія которыхъ его спасало лишь личное знакомство съ губернаторомъ.

Но и въ этомъ медвѣжьемъ углу Сибири Радищевъ не остался въ бездѣйствіи. Вспомнивъ свои лейпцигскія занятія медициной, онъ сдѣлался врачемъ нуждавшагося въ медицинской помощи населенія Илимска, при чемъ ему случалось выступать въ роли не только врача-терапевта, но и хирурга [1]). Не ослабѣла въ новой обстановкѣ жизни и его умственная энергія. Выписавъ въ Сибирь часть собственной библіотеки, онъ сверхъ того черезъ Воронцова получалъ французскіе и нѣмецкіе журналы и книги и такимъ путемъ по возможности слѣдилъ за европейской литературой и наукой. Въ своей перепискѣ съ Воронцовымъ онъ продолжалъ сообщать послѣднему обстоятельныя свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ сибирской жизни, которую онъ изучалъ съ большимъ вниманіемъ, на сколько позволяло это его положеніе прикрѣпленнаго къ одному мѣсту человѣка. Плодомъ такого изученія явился, между

[1]) Тамъ же, XII, 130.

Digitized by Google

прочимъ, его трактатъ «О китайскомъ торгѣ», написанный въ 1792 г. въ формѣ письма къ тому же Воронцову. За время пребыванія въ Илимскѣ были написаны имъ еще два произведенія—«Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири» и большой философскій трактатъ «О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи». Руководящія идеи этой разносторонней литературной дѣятельности, въ которой изученіе основныхъ проблемъ философіи соединялось съ изслѣдованіемъ вопросовъ современнаго экономическаго быта и попытками историческаго повѣствованія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ были болѣе детально развиты, чѣмъ это удавалось сдѣлать Радищеву ранѣе, но въ общемъ ихъ направленіе осталось прежнимъ. Иногда же, наоборотъ, идеи, высказанныя въ «Путешествіи», въ этихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Радишева являются лишь въ видѣ мимоходомъ брошенныхъ намековъ, достаточно, однакоже, ясныхъ для того, чтобы не могло возникать сомнѣнія насчетъ ихъ смысла. Главной задачей государства въ глазахъ Радищева по-прежнему является развитіе гражданственности, и въ своей статьѣ о завоеваніи Сибири онъ высказываетъ надежду на то, что когда-нибудь великія силы русскаго народа будутъ обращены отъ пріобрѣтенія внѣшняго могущества «на снисканіе всего того, что содѣлать можетъ блаженство общественное» [1]). Въ области вопросовъ экономическаго и въ частности промышленнаго быта онъ въ своемъ «Письмѣ о китайскомъ торгѣ» выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ интересовъ народной массы, которые въ его пониманіи ведутъ къ предпочтенію деревенскихъ кустарныхъ промысловъ большимъ городскимъ фабрикамъ: выше мануфактуръ, которыя «за каждыми 200, 300, 500 или 1.000 человѣкъ, получающихъ хлѣбъ насущный, обогащаютъ одного или двухъ гражданъ», ставитъ онъ такое «рукодѣліе», которое, «не обогащая ни одного, многимъ частнымъ и большею частію сельскимъ жителямъ

1) Собраніе сочиненій Радищева, М. 1811, ч. VI, с. 11.

Digitized by Google

доставляетъ довольственное житіе» [1]). Но изъ всѣхъ трудовъ этой поры жизни Радищева наиболѣе важенъ для выясненія его воззрѣній и мѣста, занимаемаго имъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, его философскій трактатъ. Толчкомъ къ написанію этого трактата, какъ указываетъ самъ Радищевъ, для него послужило «нечаянное переселеніе» въ далекую страну, разлучившее его съ близкими людьми и почти отнявшее надежду на новое свиданіе съ ними. И раньше ему не разъ приходилось задумываться надъ тѣмъ, что ожидаетъ человѣка за порогомъ жизни, при чемъ онъ не находилъ, повидимому, вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ [2]). Теперь ссылка заставила его чаще прежняго возвращаться къ вопросу о томъ состояніи, какое наступаетъ для человѣка послѣ смерти, когда разрушается тѣло, прерывается жизнь и чувствованіе. Горечь разлуки съ близкими сдѣлала для него особенно привлекательной мысль о возможности, хотя бы и не достигающей степени очевидности, нѣкогда, если не въ этой жизни, то въ будущей, «паки облобызать своихъ друзей и сказать имъ: люблю васъ по прежнему» [3]). Подъ вліяніемъ такого настроенія онъ принялся за философскій трактатъ, спеціально посвященный вопросу о безсмертіи. Трактатъ этотъ, обнаруживающій въ авторѣ обстоятельное знакомство съ западно-европейской естественно-научной и философской литературой и рѣдкое для рус-

[1]) Тамъ же, с. 94.

[2]) Его колебанія нашли себѣ характерное выраженіе въ эпитафіи, написанной на смерть первой жены. «О, если то не ложно,—говоритъ здѣсь Радищевъ,—что мы по смерти будемъ жить;—коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно;—коль будемъ чувствовать, нельзя и не любить.—Надеждой сей себя питая - и дни въ тоскѣ препровождая,—я смерти жду, какъ брачна дня:—умру и горести забуду,—въ объятіяхъ твоихъ я паки счастливъ буду!— Но если-жъ то мечта, что сердцу льститъ, маня,—и ненавистый рокъ отъялъ тебя на вѣки,—тогда отрады нѣтъ, да льются слезны рѣки!.. Собраніе сочиненій Радищева ч. I, с. 199.

[3]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. II, сс. 5—6.

Digitized by Google

скаго человѣка той эпохи умѣніе пользоваться пріемами мыслителя, раздѣляется на четыре части. Въ первой Радищевъ устанавливаетъ необходимыя для него общія положенія и исходные пункты разсужденія: обозрѣвая жизнь человѣка, онъ пытается опредѣлить состояніе человѣка до рожденія, мѣсто, занимаемое имъ въ природѣ, его сходства съ минералами, растеніями и животными, наконецъ, его физическія и умственныя способности. Человѣкъ по его взгляду, неразрывно связанъ со всею цѣпью существъ, образующихъ природу, и вмѣстѣ съ тѣмъ является наиболѣе совершеннымъ ея созданіемъ. Во второй части разбирается вопросъ о тожествѣ или различіи матеріи и духа, при чемъ авторъ, считая возможнымъ лишь болѣе вѣроятное разрѣшеніе этого вопроса, приводитъ доводы въ пользу обоихъ мнѣній и заключаетъ ихъ изложеніе пространнымъ монологомъ, который онъ вкладываетъ въ уста своего воображемаго противника, рѣшительнаго и послѣдовательнаго матеріалиста. Этотъ монологъ, дѣйствительно, воспроизводитъ довольно близко къ подлиннику многіе изъ основныхъ доводовъ философскаго матеріализма XVIII вѣка, въ частности многіе изъ тѣхъ доводовъ, которые нашли себѣ мѣсто въ «Системѣ Природы» Гольбаха [1]). Въ двухъ послѣднихъ частяхъ своего труда Радищева занимаетъ уже болѣе опредѣленную позицію. Рѣшительно выступая противъ безотраднаго съ его точки зрѣнія ученія матеріализма, но въ то же время далеко отходя отъ тра-

[1]) Выше намъ приходилось уже отмѣчать возможность вліянія автора «Системы Природы» на Радищева въ другихъ вопросахъ. Радищевъ, нужно замѣтить, нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не называетъ имени Гольбаха, хотя нерѣдко ссылается на другихъ ученыхъ и философовъ. Однако его изложеніе доводовъ матеріализма во многомъ такъ близко къ изложенію Гольбаха, подчасъ повторяя не только мысли, но и слова послѣдняго, что трудно сомнѣваться въ непосредственномъ знакомствѣ русскаго писателя съ наиболѣе блестящимъ и глубокимъ представителемъ французскаго матеріализма XVIII вѣка. Тѣмъ любопытнѣе отмѣтить, что это знакомство, оказавъ несомнѣнное вліяніе на Радищева, не оторвало его однако отъ идеалистическихъ воззрѣній нѣ-

Digitized by Google

диціонныхъ представленій, онъ въ положительной части своего труда является ученикомъ и послѣдователемъ Лейбница, идеи котораго издавна легли въ основу его собственныхъ философскихъ взглядовъ. Доказывая, что въ мірѣ ничто не уничтожается, но все подвержено безпрерывному измѣненію, при чемъ каждая вещь переходитъ изъ одного состоянія въ другое, прямо ему противоположное и тѣмъ не менѣе уже заключающееся въ первомъ, онъ примѣнялъ этотъ общій взглядъ и къ явленію смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытался рядомъ естественно-научныхъ наблюденій и теоретическихъ доводовъ обосновать мнѣніе объ отдѣльномъ бытіи души, какъ существа простого и несложнаго, и отсюда заключалъ о невозможности ея уничтоженія, мыслимаго вообще лишь въ формѣ разложенія. Съ другой стороны къ тому же выводу о неуничтожаемости души его приводило и представленіе о мірѣ, какъ о лѣстницѣ явленій, постепенно и непрерывно возвышающейся къ совершенству. Человѣкъ заключаетъ въ себѣ всѣ силы, свойственныя низшимъ явленіемъ природы, но у него есть и специфическая сила—«мысленность». Такъ какъ однако всѣ силы въ природѣ неуничтожаемы, то тѣмъ менѣе можетъ подвергаться уничтоженію превосходнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ человѣку силъ. Наконецъ, стоя на почвѣ только что указаннаго воззрѣнія на міръ, Радищевъ и будущую жизнь души представлялъ себѣ, какъ новую ступень на лѣстницѣ, ведущей къ совершенству, при чемъ, опять-таки въ согласіи съ теоріей Лейбница, допускалъ, что

мецкой философской школы. Въ условіяхъ исторической обстановки послѣднія оказывались болѣе понятными для пробудившейся на русской почвѣ личности, болѣе способными удовлетворить ея умственные и нравственные запросы, нежели прямолинейныя положенія матеріализма. Не всегда будучи въ силахъ опровергнуть эти положенія, Радищевъ однако отступалъ передъ тѣмъ впечатлѣніемъ безотраднаго унынія, какое они внушали ему. Но, какъ мы видѣли выше, его идеализмъ, воспитывая въ немъ высокій нравственный идеалъ, нисколько не мѣшалъ и даже содѣйствовалъ увлеченію общественными теоріями, на родинѣ своей истекавшими изъ другого теоретическаго источника.

Digitized by Google

въ этой новой жизни душа можетъ создать себѣ и новую, болѣе совершенную организацію [1]).

Эта любопытная работа, явившаяся первою по времени попыткою перенесенія въ среду русскаго общества идей нѣмецкаго философскаго идеализма въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились въ моментъ, непосредственно предшествовавшій Канту, въ свое время не была напечатана и появилась въ свѣтъ вмѣстѣ съ другими трудами Радищева, послѣдовавшими за «Путешествіемъ», лишь послѣ смерти автора, въ 1809 г., когда она не обратила на себя ничьего вниманія.

Среди неустанной умственной дѣятельности, наполнявшей досуги илимскаго узника, постепенно ослабѣвали болѣзненныя ощущенія, пережитыя имъ въ первый моментъ постигшей его кары и, оглядываясь на прошлое, Радищевъ получалъ возможность спокойнѣе судить о немъ и сознательнѣе оцѣнивать ту роль, какая досталась на его собственную долю въ развитіи русскаго общества. Ссылка по прежнему давила его тяжестью соединенныхъ съ ней лишеній, но, мечтая объ облегченіи этой тяжести, онъ не сгибался болѣе подъ нею. Въ своемъ «Письмѣ о китайскомъ торгѣ» онъ говорилъ, что счелъ бы благодѣяніемъ, еслибы ему позволено было въ цѣляхъ изученія Сибири отлучаться изъ мѣста своего пребыванія. «Если—съ нескрываемою горечью прибавляетъ онъ—глаголъ мой заразителенъ, если дышу язвою, и взоръ мой возмущеніе разсѣеваетъ,—скитаяся по пустынямъ и дебрямъ, преходя лѣса, скалы и пропасти,—кто можетъ чувствовать дѣйствіе

[1]) Ср. Е. Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. III. Казань. 1900 (II. А. Н. Радищевъ, какъ философъ). Г. Боброву принадлежитъ несомнѣнная заслуга перваго въ литературѣ рѣшительнаго указанія на ученіе Лейбница, какъ на источникъ философскихъ воззрѣній Радищева. Но при этомъ онъ ограничился лишь пересказомъ труда Радищева и приведеніемъ историко-литературныхъ справокъ объ упоминаемыхъ въ этомъ трудѣ писателяхъ, не давъ сколько-нибудь обстоятельнаго разбора и оцѣнки его. Послѣдняя задача еще ждетъ своего изслѣдователя.

Digitized by Google

толико злодѣйственна существа. Пускай гласъ мой не премѣнился, пускай выя не стерта и носится гордо,—гласъ ударять будетъ въ камень, отзвонокъ его изыдетъ изъ пещеры и раздастся въ дубравѣ необитаемой. Свидѣтели моихъ мыслей будутъ небо и земля: а Тотъ, кто зритъ въ сердца и завѣсу внутренности нашея проницаетъ, тотъ знаетъ, что я, что быть бы могъ и что буду». Вспоминая прошлое, онъ въ томъ же трудѣ находилъ возможнымъ заявить, что его взгляды остались тѣми же самыми, какими они были до осужденія, и выяснить смыслъ допущеннаго имъ отреченія. По его словамъ, онъ охотно измѣнилъ бы свои взгляды, еслибы его убѣждали «доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковые —продолжалъ онъ—я въ возраженіе, какъ авторъ, другого сказать не умѣлъ, какъ что сказалъ; помню, что Галилей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнулъ вопреки здраваго разсудка: солнце коловращается». Яснѣе представлялось теперь Радищеву и общее значеніе тѣхъ идей, выразителемъ которыхъ онъ явился въ исторіи русскаго общества, и свою собственную судьбу онъ ставилъ въ тѣсную связь съ этимъ значеніемъ. Въ мірѣ идей, говоритъ онъ въ своемъ философскомъ трактатѣ, новыя мысли распространяются съ быстротою электричества. «Едва одинъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы, какъ вся окрестность согрѣвается его огнемъ, и яко желѣзныя пылинки летятъ прилѣпитися къ мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно ихъ поборствіе; а безъ того Іоганъ Гусъ издыхаетъ въ пламени, Галилей влечется въ темницу, другъ вашъ въ Илимскъ заточается. Но время, уготовленіе отъемлетъ всѣ препоны»[1]). За личными и случайными элементами своей судьбы Радишевъ открывалъ такимъ образомъ ея общій смыслъ, и терзавшая его душу скорбь смягчалась сознаніемъ величія той истины, провоз-

[1]) Собраніе сочиненій Радищева. М. 1811, ч. VI, сс. 138—9 и 68—9; М. 1809, ч. III, с. 110.

Digitized by Google

вѣстникомъ и служителемъ которой явился онъ среди современнаго ему общества.

Извѣстіе воцареніи Павла вновь оживило въ душѣ Радищева надежду на возвращеніе изъ ссылки. 23 ноября 1796 года, дѣйствительно, состоялся рескриптъ имп. Павла на имя гр. Самойлова, разрѣшавшій Радищеву вернуться на родину и жить въ своихъ деревняхъ подъ надзоромъ мѣстнаго губернатора, которому предписывалось наблюдать за его поведеніемъ и перепиской [1]). Въ началѣ слѣдующаго года это повелѣніе дошло до Илимска и 20 февраля 1797 г. Радищевъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Распродавъ или раздавъ все въ Илимскѣ, на что употребилъ я 10 дней, мы выѣхали, при стеченіи всѣхъ почти илимскихъ жителей, въ 3 часа пополудни. О, колико возрадовалось сердце наше!.. и еслибы не предстояла горесть о потеряніи Анютушки, которую заранѣе предузнаваютъ, то выѣздъ нашъ былъ бы торжественный»... Со дня выѣзда изъ Илимска Радищевъ вновь началъ вести дневникъ и продолжалъ его до пріѣзда своего въ Москву 11 іюля 1797 г. Нося въ общемъ тотъ же характеръ, что и замѣтки, веденныя на пути въ Сибирь, этотъ дневникъ отличается большею подробностью сдѣланныхъ въ немъ записей и обиліемъ внесенныхъ въ него бытовыхъ свѣдѣній. Какая-либо опредѣленная система записей отсутствуетъ въ немъ: авторъ то отводитъ цѣлыя страницы на запись слышанныхъ имъ мѣстныхъ преданій и разсказовъ и на описаніе поразившихъ его воображеніе видовъ, то заноситъ въ свой дневникъ рядъ краткихъ отмѣтокъ о различныхъ явленіяхъ экономической и соціальной жизни населенія, привлекшихъ къ себѣ его вниманіе, перемѣшивая ихъ съ такими же краткими записями о различныхъ происшествіяхъ, какія ему пришлось наблюдать во время пути. Ключъ ко многимъ изъ этихъ отмѣтокъ и записей въ настоящее время потерянъ безвозвратно, но въ тѣхъ конспективныхъ на-

1) Р. Старина, 1882, № 12, с. 499.

Digitized by Google

броскахъ, какіе онѣ представляютъ собою, живо чувствуется пытливый и глубокій умъ автора «Путешествія», быстро схватывающій характерныя черты наблюдаемыхъ явленій и связывающій въ одно стройное цѣлое разнородныя впе чатлѣнія, получаемыя отъ окружающей дѣйствительности. Среди разнообразныхъ замѣтокъ, составляющихъ содержаніе дневника, особенно часто мелькаютъ свѣдѣнія, относящіяся къ быту поселенцевъ и крестьянъ Сибири и помѣщичьихъ крѣпостныхъ русскихъ губерній. На первыхъ же страницахъ дневника авторъ записываетъ собранныя имъ свѣдѣнія о бытѣ и работахъ крестьянъ, приписанныхъ къ Колывановоскресенскимъ заводамъ. При проѣздѣ черезъ барабинскій округъ онъ отмѣчаетъ тѣ улучшенія, какія ему пришлось наблюдать въ жизни мѣстныхъ поселенцевъ, и прибавляетъ: «можно предсказать, что если разорительная рука начальства частнаго не простретъ свое опустошеніе, если равняющаяся огню для сельскаго жителя приписка къ заводамъ не распространится на барабинскихъ жителей, то благосостояніе ихъ будетъ лучше и лучше». Плывя по Камѣ и Волгѣ съ караваномъ судовъ, нагруженныхъ желѣзомъ, Радищевъ заноситъ въ свой дневникъ наблюденія надъ порядками каравана и обращеніемъ съ рабочими, свѣдѣнія о размѣрахъ оброка помѣщичьихъ крестьянъ въ окрестныхъ селахъ, разсказы о разбойникахъ, грабившихъ по преимуществу дворянъ. Такимъ образомъ и въ эти мѣсяцы возвращенія изъ ссылки въ Радищевѣ, повидимому, ни на минуту не ослабѣвалъ горячій интересъ къ положенію крестьянства, и онъ не переставалъ внимательно вглядываться въ условія этого положенія и въ тѣ факты протеста противъ крѣпостничества, какіе порою являла крестьянская жизнь.

Получивъ въ Сибири первыя извѣстія о воцареніи Павла, Радищевъ возлагалъ сначала большія надежды на это событіе. Но по возвращеніи въ Россію онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что новое царствованіе далеко не является зарею того свѣтлаго дня обновленія русской об-

Digitized by Google

щественной жизни, о которомъ онъ такъ упорно мечталъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его собственная жизнь оставалась значительно стѣсненной. Получивъ разрѣшеніе вернуться въ Россію, онъ все-таки оставался на положеніи осужденнаго преступника: ему не были возвращены его сословныя и имущественныя права, жить онъ долженъ былъ безвыѣздно въ своей деревнѣ Нѣмцово, въ Калужской губерніи, надъ его поведеніемъ и перепиской тяготѣлъ полицейскій надзоръ. Въ концѣ 1797 года онъ обратился къ императору съ просьбою о разрѣшеніи ѣздить для свиданія съ своимъ отцомъ и матерью въ отцовское имѣніе въ Саратовской губерніи. На эту просьбу послѣдовалъ отвѣтъ, разрѣшавшій ему съѣздить въ Саратовскую губернію одинъ разъ. Воспользовавшись тѣмъ, что въ разрѣшеніи не былъ указанъ маршрутъ пути, какъ не былъ назначенъ и срокъ пребыванія въ Саратовской губерніи, Радищевъ использовалъ, правда, полученное дозволеніе довольно широко: онъ поѣхалъ черезъ Москву, гдѣ у него были родственники, и оставался у отца около года [1]). Но за то остальное время Павловскаго царствованія онъ долженъ былъ, дѣйствительно, безвыѣздно прожить въ своей Калужской деревнѣ, и досугъ этого невольнаго уединенія онъ посвятилъ главнымъ образомъ литературной работѣ, плоды которой не разсчитаны были, однако, на вниманіе современниковъ, такъ какъ написанныя Радищевымъ въ эту пору его жизни произведенія увидѣли свѣтъ лишь послѣ его смерти. За эти годы онъ написалъ большую поэму: «Бова», въ 11 пѣсняхъ, нѣсколько мелкихъ статей и трактатъ, названный имъ: «Описаніе моего владѣнія». Въ послѣдней работѣ, посвященной по преимуществу обсужденію агрономическихъ и экономическихъ вопросовъ, Радищевъ касался и положенія крѣпостныхъ крестьянъ, и тѣ мѣста его работы,

[1]) Чтенія въ обществѣ Ист. и Древн. Росс., 1865, кн. 3, смѣсь, сс. 197—8; Архивъ кн. Воронцова, XII, 443; Русск. Вѣстникъ, 1858, т. 18, 421—2.

Digitized by Google

которыя такъ или иначе затрогиваютъ это положеніе, представляютъ большой интересъ. Въ самомъ началѣ «Описанія», рисуя картину возвращающихся осенью съ убранныхъ полей крестьянъ, авторъ сопровождаетъ ее восклицаніемъ: «Блаженны, блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о, горестное напоминовеніе! ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую и самъ, самъ чуждъ есть, увы»! Въ другомъ мѣстѣ авторъ, говоря объ обязанностяхъ крестьянина по отношенію къ государству и помѣщику, подводитъ итогъ правамъ помѣщика надъ крестьянами. Господинъ, говоритъ Радищевъ, можетъ крестьянина «продать оптомъ или подробно» и «есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы». Господинъ можетъ, далѣе, «заставить крестьянина работать, сколько хочетъ». Законъ Павла о трехдневной барщинѣ, вызвавшій въ свое время горячія похвалы со стороны нѣкоторыхъ нетребовательныхъ защитниковъ крестьянства, не имѣетъ серьезнаго значенія въ глазахъ Радищева, дающаго ему трезвую и справедливую оцѣнку. «Нынѣ—замѣчаетъ онъ—только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе невеликое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни дворовaго не опредѣлено». Указывая затѣмъ, что помѣщикъ располагаетъ правомъ суда и наказанія надъ крестьяниномъ, можетъ распоряжаться его имуществомъ и дѣтьми и принуждать его къ браку, Радищевъ заключаетъ, что по отношенію къ помѣщику «земледѣлецъ есть рабъ совершенно»: помѣщикъ не можетъ лишь «уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо». Между тѣмъ по отношенію къ государству крестьянинъ обязанъ только «жить на одномъ мѣстѣ, но и то, доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за обще-

Digitized by Google

ственныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ». Если крестьянинъ что и имѣетъ, то лишь въ силу милости господина. «Но кажется,—прибавляетъ авторъ,—поелику поселянинъ платитъ подать, то онъ для удовлетворенія тому долженъ имѣть собственность, и проч.» [1]) На этомъ Радищевъ и останавливаетъ свое разсужденіе о крестьянахъ. обрывая мысль на полусловѣ, но уже одинъ характеръ даннаго имъ перечня помѣщичьихъ правъ въ связи съ требованіемъ земельной собственности для крестьянина достаточно ясно говоритъ, что авторъ «Путешествія» и въ эту эпоху своей жизни сохранилъ не только свой интересъ къ положенію крестьянства, но и свои широкіе реформаторскіе планы.

Воцареніе имп. Александра I, казалось, открыло дорогу къ проведенію этихъ плановъ въ дѣйствительную жизнь. Черезъ три дня послѣ своего восшествія на престолъ онъ «простилъ и освободилъ» изъ ссылки и заточенія 156 лицъ, осужденныхъ тайной экспедиціей, возвративъ при этомъ чины и дворянство тѣмъ изъ нихъ, которые при осужденіи были лишены ихъ. Въ числѣ этихъ лицъ находился и Радищевъ. Пять мѣсяцевъ спустя, 6 августа 1801 г., онъ былъ назначенъ членомъ находившейся подъ предсѣдательствомъ гр. Завадовскаго комиссіи о составленіи законовъ, цѣлью дѣятельности которой являлось созданіе общаго руководящаго плана работъ по различнымъ отраслямъ законодательства. Гласно выраженное намѣреніе новаго государя «поставить въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства» придавало, повидимому, работамъ коммиссіи особенное значеніе, и Радищевъ ревностно взялся за представившееся ему дѣло. «Когда разсматривали мы сенатскія дѣла и писали заключенія, соглашаясь съ законами,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ товарищей его по этой коммиссіи,—онъ при каждомъ заключеніи, не соглашаясь съ нами, при-

[1]) Собраніе сочиненій Радищева, М, 1811, ч. IV, 99, 145—7.

Digitized by Google

лагалъ свое мнѣніе, основываясь единственно на философскомъ свободомысліи» [1]). Философское свободомысліе Радищева, какъ показываютъ сохранившіеся подлинники его мнѣній по частнымъ дѣламъ, рѣшавшимся комиссіей, заключалось въ отстаиваніи человѣческихъ правъ крѣпостныхъ и въ стремленіи оградить подсудимаго въ уголовныхъ дѣлахъ отъ произвола судей путемъ предоставленія ему права отвода послѣднихъ [2]). Но скоро его встрѣтило новое и горькое разочарованіе. Не ограничиваясь частными вопросами, поднимавшимися въ комиссіи, онъ составилъ было общій планъ реформы законодательства. Содержаніе этого плана дошло до насъ лишь въ неясныхъ намекахъ [3]), но онъ во всякомъ случаѣ былъ настолько радикаленъ, что гр. Завадовскій сдѣлалъ Радищеву строгій выговоръ и даже пригрозилъ ему Сибирью. Надежда, вспыхнувшая было въ душѣ Радищева, погасла при этой угрозѣ: вновь пришлось ему убѣдиться, что его завѣтныя идеи не могутъ быть проведены въ жизнь, что между ними и дѣйствительностью лежитъ по прежнему глубокая и непереходимая пропасть, и онъ не вынесъ тяжести этого разочарованія. Усталый и

---

[1]) Изъ записокъ Н. С. Ильинскаго, Р. Архивъ, 1879, № 12, сс. 415—6.

[2]) Сухомлиновъ. Статьи и изслѣдованія, I, 629—34.

[3]) Старшій сынъ Радищева въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ (Р. Старина, 1872, № 11) ничего не говоритъ объ этомъ проектѣ. Кн. П. А. Вяземскій, которому онъ передалъ свою записку, сдѣлалъ въ ней такую добавку: „Радищевъ-отецъ, кажется, во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія проектъ, весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній". Вяземскій не указываетъ однако источника своего сообщенія и Сухомлиновъ (назв. соч., с. 619) считаетъ его требующимъ подтвержденія. Въ дѣйствительности это сообщеніе настолько противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о Радищевѣ и въ томъ числѣ открытымъ самимъ Сухомлиновымъ подлиннымъ мнѣніямъ его по крестьянскому вопросу, что ему нельзя придавать никакой вѣры. Пушкинъ говоритъ, что Радищевъ изложилъ свои „мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постано-

Digitized by Google

разбитый тѣми испытаніями, какія ранѣе выпали на его долю, онъ не находилъ въ себѣ силы для новой борьбы и, быть можетъ, новаго мученичества, но не могъ и отказаться отъ тѣхъ идей, какія составляли весь смыслъ его жизни. Онъ выбралъ тотъ исходъ, на который самъ нѣкогда указывалъ, и прекратилъ ставшую непосильной борьбу, не складывая оружія. Въ ночь на 12 сентября 1802 г. онъ покончилъ съ собою самоубійствомъ. «Радищевъ умеръ — писалъ одинъ изъ младшихъ его современниковъ [1])—и, какъ сказываютъ, насильственною, произвольною смертію. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостью философа, покоряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи, будучи отчужденнымъ круга родныхъ и друзей?—Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели?—Положимъ перстъ на уста наши и пожалѣемъ объ участи человѣчества».

Горячему защитнику интересовъ народной массы, ис-

вленій" въ проектѣ, представленномъ имъ по начальству. Младшій сынъ Радищева сообщаетъ, что его отецъ составилъ проектъ гражданскаго уложенія, въ которомъ предлагалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія, уничтожить табель о рангахъ, ввести гласный судъ присяжныхъ, установить свободу вѣроисповѣданія и свободу книгопечатанія, освободить крѣпостныхъ и прекратить продажу людей въ рекруты, ввести поземельную подать вмѣсто подушной, установить свободу торговли и отмѣнить строгіе законы противъ ростовщиковъ и несостоятельныхъ должниковъ (Р. Вѣстникъ, 1858, т. 18, 424—5), Сухомлиновъ усматриваетъ въ такой передачѣ проекта нѣкоторое подновленіе и, не найдя никакого общаго проекта Радищева въ архивѣ комиссіи о составленіи законовъ, склоненъ предполагать, что такого проекта и не существовало (назв. соч., сс. 620 - 4). Но о проектѣ Радищева и его послѣдствіяхъ говоритъ и цитированный уже нами товарищъ Радищева по комиссіи—Ильинскій. По его словамъ, Радищевъ „написалъ комиссіи такое мнѣніе, что она должна быть поставлена почти вмѣсто сената и для составленія лучшихъ и твердыхъ законовъ требовать не только о производствѣ дѣлъ отчета, но и о всѣхъ приходахъ и расходахъ казенныхъ".

[1]) Борнъ въ альманахѣ „Свитокъ музъ", СПБ. 1803.

Digitized by Google

ходившему въ своей дѣятельности изъ идеала общественнаго равенства и свободнаго развитія человѣческой личности, не нашлось такимъ образомъ мѣста въ русской дѣйствительности на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ, и богатая идейнымъ содержаніемъ жизнь писателя-гражданина оборвалась трагическимъ концомъ. Но эта трагическая судьба самого писателя еще не рѣшала вопроса о судьбѣ его идей въ современномъ ему обществѣ. На судѣ, происходившемъ въ 1790 г., Радищевъ совершенно правильно показывалъ, что онъ при составленіи своей книги «общниковъ не имѣлъ». Не имѣлъ онъ сообщниковъ и въ теченіе всей послѣдующей своей дѣятельности, оставаясь въ ней совершенно одинокимъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что вся эта дѣятельность не установила и никакого общенія между идеями писателя и умственною жизнью современнаго ему общества, пройдя для послѣдней совершенно безслѣдно.

Тѣ условія, въ какихъ проходила литературная дѣятельность Радищева, сами по себѣ уже затрудняли пріобрѣтеніе писателемъ вліянія на общество. Они не только создавали крайне неблагопріятную внѣшнюю обстановку для дѣятельности самого писателя, но и ставили серьезныя преграды на пути къ проникновенію достигнутыхъ ею результатовъ въ читательскую среду. Несомнѣнно, что благодаря этому, далеко не всѣ плоды богатой и разносторонней дѣятельности Радищева нашли себѣ дорогу въ сознаніе русскаго общества и были такъ или иначе восприняты жизнью послѣдняго. Въ иныхъ случаяхъ писатель, независимо отъ своей воли, оказывался обойденнымъ этою жизнью. Ссылка отрѣзала Радищева не только отъ умственнаго движенія Западной Европы, за которымъ онъ по возможности старался все же слѣдить изъ Сибири, но и отъ русской литературы. Всѣ произведенія, написанныя имъ послѣ изданія «Путешествія», увидѣли свѣтъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя по смерти ихъ автора, и къ этому времени лучшія изъ нихъ оказались ненужными, а немного позже —и запоздалыми. Тотъ поворотъ въ судьбахъ русскаго про-

Digitized by Google

свѣщенія, который сказался уже въ ссылкѣ Радищева и дѣйствіе котораго продолжалось до воцаренія Александра I, не прошелъ безъ замѣтныхъ результатовъ для общества. Если онъ не могъ остановить самаго развитія просвѣщенія, то во всякомъ случаѣ успѣлъ оборвать нѣкоторыя нити его и сдѣлать это развитіе болѣе одностороннимъ. Стремленіе усвоить не только политическія теоріи Запада, но и его философскія системы вновь проявилось въ русскомъ обществѣ лишь въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, но къ этому времени главный трудъ послѣднихъ лѣтъ жизни Радищева—его философскій трактатъ, для своего времени имѣвшій большое значеніе, уже совершенно устарѣлъ. Иначе стояло дѣло съ самымъ важнымъ трудомъ Радищева—«Путешествіемъ», носившимъ болѣе общій характеръ и заключавшимъ въ себѣ не только изложеніе теоретическихъ взглядовъ автора, но и критику конкретныхъ явленій русской жизни. Уничтоженіе этой книги, произведенное сперва авторомъ, а затѣмъ судомъ, сильно сократило, правда, предѣлы ея распространенія. Тѣмъ не менѣе такое уничтоженіе не было полнымъ. Когда книга только что вышла въ свѣтъ, она, по словамъ гр. Безбородка въ его письмѣ къ правителю канцеляріи кн. Потемкина, Попову, «начала входить въ моду у многой шали» [1]). О «великомъ любопытствѣ публики» къ книгѣ Радищева свидѣтельствовалъ на допросахъ у Шешковскаго и писатель Осиповъ [2]). Это любопытство публики спасло книгу отъ совершеннаго истребленія и послѣ состоявшагося надъ нею приговора. Массонъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что, несмотря на обыски въ домахъ съ цѣлью истребить «Путешествіе», оно сохранилось во многихъ домахъ и находились люди, которые платили по 25 р. за то, чтобы на одинъ часъ получить для чтенія эту книгу [3]). Въ книж-

[1]) Григоровичъ. Канцлеръ кн. А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени. 1881. т. II, сс. 91—5.

[2]) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 589.

[3]) Mémoires secrets sur la Russie, t. II, pp. 188—91, 200.

Digitized by Google

ныхъ магазинахъ Москвы «Путешествіе» можно было достать и послѣ процесса Радищева [1]). Заходила книга по слѣдняго если не въ печатныхъ, то въ рукописныхъ экземплярахъ и въ далекіе провинціальные углы: самъ Радищевъ, возвращаясь въ 1797 г. изъ ссылки, нашелъ копію своей книги въ Кунгурѣ [2]). Наконецъ, по свидѣтельству Гельбига, рукописное «Путешествіе» проникло и за границу, и многіе отрывки изъ него были помѣщены въ «Эндорскомъ Оракулѣ» («Das Orakel zu Endor»), издававшемся въ Лейпцигѣ въ 1794—5 гг. Самъ по себѣ этотъ фактъ распространенія книги Радищева, конечно, не говоритъ еще о его вліяніи на современное ему общество, какъ и сочувствіе разныхъ лицъ въ обществѣ къ судьбѣ автора «Путешествія» не говоритъ еще о сочувствіи къ его идеямъ. Если судьба Радищева могла вызывать и вызывала дѣйствительно сочувствіе къ нему даже у лицъ, не раздѣлявшихъ его идей, то и успѣхъ его книги въ извѣстной мѣрѣ могъ быть созданъ тяготѣвшимъ надъ ней запретомъ. Но у насъ есть и свидѣтельства, говорящія, что успѣхъ «Путешествія» не былъ исключительно внѣшнимъ и что, по крайней мѣрѣ, часть общества оцѣнила по достоинству значеніе идей, высказанныхъ Радищевымъ въ этомъ его произведеніи.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ 1792 г. есть такой «Отвѣтъ г-на Радищева, во время проѣзда его черезъ Тобольскъ любопытствующему узнать о немъ»:

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ.
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ.
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ, и въ стихахъ.
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду [3]).

[1]) Р. Старина. 1874. № 2, с. 259.

[2]) Изъ рукописнаго дневника Радищева.

[3]) Приведено г. Ефремовымъ въ его примѣчаніяхъ къ "Живописцу", изд. 1864 г., с. 349.

Digitized by Google

Если даже предположить, какъ дѣлаетъ это г. Якушкинъ [1]), что стихотвореніе это принадлежитъ самому Радищеву, то включеніе его въ сборникъ показываетъ, что въ обществѣ были люди, живо интересовавшіеся, хотя бы и со словъ самого писателя, общимъ смысломъ его дѣятельности. Опредѣленіе этой дѣятельности, весьма близкое по своему содержанію къ приведенному стихотворенію, дано было по смерти Радищева двумя молодыми писателями. «Друзья!—писалъ цитированный уже нами Борнъ въ своемъ некрологѣ Радищева—посвятимъ слезу сердечную памяти Радищева. Онъ любилъ истину и добродѣтель. Пламенное его человѣколюбіе жадало озарить всѣхъ своихъ собратій симъ немерцающимъ лучемъ вѣчности; жадало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ. Онъ зрѣлъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости—и сошелъ въ гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи—и сошелъ въ гробъ; въ сердцахъ благодарныхъ патріотовъ да сооружится ему памятникъ, достойный его!» У другого писателя и поэта этой эпохи—Пнина, смерть Радищева вызвала такой откликъ:

Уста, что истину вѣщали,
Увы, на вѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ;
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ современниковъ Радищева успѣли уловить смыслъ его проповѣди и трагедіи его личной жизни, и между писателемъ и обществомъ установилось извѣстное общеніе, хотя бы и весьма слабое. Не исчезло это общеніе и въ слѣдующую эпоху: у Радищева юный Пушкинъ учился ненависти къ крѣпостному праву...

Среди своихъ современниковъ Радищевъ явился наиболѣе энергичнымъ и послѣдовательнымъ поборникомъ

---

[1]) Р. Старина, 1882, № 9, с. 519.

Digitized by Google

европейскихъ идей своей эпохи въ ихъ примѣненіи къ русской дѣйствительности. Въ его лицѣ изъ среды русскаго общества впервые вышелъ человѣкъ, глубоко усвоившій главные результаты западно-европейской мысли и сознательно увидѣвшій въ нихъ не только теоретическую истину, но и средство служенія благу народной массы на своей родинѣ. Благородный идеалистъ, далеко опередившій свой вѣкъ, палъ жертвою смѣлости своей жизни. Но начатое движеніе не остановилось съ его гибелью и дѣятельность его самого не прошла безплодно. Брошенное сѣмя вошло въ почву и слѣдующія поколѣнія увидали его первые ростки.

Digitized by Google

Digitized by Google

В. К. Семевскій.

Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ.

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь"
въ Ростовѣ на Дону.

Digitized by Google

Дозволено цензурою 13 апрѣля 1905 г. Ростовъ на Дону.

Ростовъ на Дону.
Типографія „Донская Рѣчь".
1905.

Digitized by Google

Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ.

I.

Въ «Русской Старинѣ» были напечатаны весьма любопытныя записки барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа, члена Государственнаго Совѣта и директора Публичной Библіотеки, который по своему высокому служебному положенію могъ знать очень многое, происходившее при дворѣ и въ высшихъ служебныхъ сферахъ въ царствованіе императора Николая. Это былъ къ тому же человѣкъ умный и способный, какъ видно изъ написанной имъ (уже въ царствованіе императора Александра II) біографіи Сперанскаго, и потому его записки несомнѣнно имѣютъ большое значеніе. Но среди весьма интересныхъ фактовъ, хотя и сообщаемыхъ обыкновенно въ одностороннемъ оффиціальномъ освѣщеніи, попадаются иной разъ извѣстія, изложенныя не только тенденціозно, но и уснащенныя свѣдѣніями прямо вымышленными. Таковы, напр., показанія барона Корфа о Пушкинѣ, товарищѣ автора записокъ по лицею, котораго Корфъ просто ненавидѣлъ и на котораго взвелъ жестокія небылицы, опровергнутыя въ особой статьѣ покойнымъ Л. Н. Майковымъ [1]).

[1]) „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфъ". „Русск. Стар." 1899, т. 99, стр. 297—311, 517—530.

Digitized by Google

Мы желаемъ остановиться на другомъ эпизодѣ записокъ Корфа, а именно посвященномъ кружку Петрашевцевъ, о дѣлѣ которыхъ авторъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ извѣстій, но о которыхъ судитъ слишкомъ субъективно, допуская при томъ и фактическія невѣрности. Мы полагаемъ, что нашъ очеркъ, основанный, кромѣ печатныхъ данныхъ, и на неизданныхъ источникахъ, правильнѣе освѣтитъ это дѣло, имѣющее очень большое значеніе въ исторіи движенія общественныхъ идей въ концѣ 40-хъ гг.

„Среди революціоннаго вихря" (говоритъ баронъ Корфъ), „который послѣ нѣсколько спокойнѣйшаго, какъ казалось, направленія дѣлъ, вдругъ весною 1849 г. съ новою силою охватилъ Западную Европу, въ Петербургѣ, во второй половинѣ апрѣля, всѣ были поражены разнесшеюся, какъ молнія, вѣстью объ открытомъ у насъ заговорѣ. Къ Россіи, покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой Россіи тоже прикоснулась... гидра нелѣпыхъ и преступныхъ мечтаній чуждаго намъ міра. Сокрушительное дѣйствіе революціи вездѣ, въ теченіе года, оставило по себѣ однѣ развалины и потоки крови, не внеся даже тѣни улучшенія въ общественный бытъ и, не смотря ни на этотъ живой примѣръ, ни на память событій 14-го декабря 1825 г., нашедшихъ такъ мало сочувствія въ массахъ и такую быструю кару въ законѣ, горсть дерзкихъ злодѣевъ и ослѣпленныхъ юношей замыслила пріобщить и нашу дѣвственную націю къ ужасамъ и моральному растлѣнію Запада. Уже съ полгода секретные агенты графа Орлова, съ одной стороны, и графа Перовскаго—съ другой, слѣдили за этою шайкою и, наконецъ, въ ночь съ 21-го на 22-е апрѣля захватили до 40 человѣкъ, обличенныхъ въ тайныхъ замыслахъ" [1]).

Въ такомъ повышенномъ тонѣ писалъ о Петрашевцахъ баронъ Корфъ въ моментъ ихъ ареста въ апрѣлѣ 1849 г. Но въ концѣ того же года, когда уже былъ опубликованъ и исполненъ суровый приговоръ надъ ними, баронъ Корфъ сильно понизилъ тонъ: «Результаты изслѣдованія вскорѣ обнаружили, что *дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія вначалѣ придали ему городскіе слухи, обыкновенно все преувели-*

[1]) „Рус. Стар." 1900, № 4, стр. 39.

Digitized by Google

чивающіе. Всѣхъ замѣшанныхъ было около 50 человѣкъ... Цѣль замысла была—измѣнить общественное наше устройство по образцу западныхъ понятій, приготовивъ сперва къ тому умы посредствомъ распространенія коммунистическихъ и соціальныхъ сочиненій, разныхъ разглашеній, рѣчей и порицанія всего существующаго, предметовъ и лицъ... Въ цѣломъ спискѣ, въ противоположность заговору 1825 г., не встрѣчалось ни одного значущаго имени, ни одного лица съ извѣстностью въ какомъ-нибудь родѣ (кромѣ только успѣвшаго пріобрѣсти себѣ нѣкоторую извѣстность своими повѣстями отставного инженеръ-поручика Достоевскаго», оговаривается баронъ Корфъ), «учители, мелкіе чиновники, молодые люди большею частью маловѣдомыхъ фамилій. Покушеній или приготовленія къ бунту съ достовѣрностью открыто не было, и все представляло болѣе видъ безумія, нежели преступленія... Члены (слѣдственной коммиссіи) называли это *заговоромъ идей*, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо, если можно обнаруживать факты, то *какъ-же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе?*» [1]).

Баронъ Корфъ не замѣчаетъ того, что послѣднія слова его представляютъ самое сильное осужденіе крайней суровости приговора надъ Петрашевцами.

Отмѣтимъ прежде всего невѣрныя свѣдѣнія въ разсказѣ барона Корфа. Наблюденіе надъ Петрашевцами продолжалось не полгода, а тринадцать мѣсяцевъ и находилось въ теченіе цѣлаго года въ исключительномъ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, который поручилъ надзоръ за М. В. Буташевичемъ-Петрашевскимъ чиновнику своего министерства, д. с. с. Липранди. По отзыву одного изъ его сослуживцевъ по министерству, Липранди, бывшій нѣкогда офицеромъ генеральнаго штаба, «былъ человѣкъ рѣдкаго ума и весьма образованный». Его

[1]) „Рус. Стар." 1900 г., № 5, стр. 278—279. Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

Перовскій употреблялъ по двумъ спеціальностямъ: по дѣламъ раскольниковъ, преимущественно скопцовъ, и по дѣламъ политическаго свойства. Это было время самаго безпощаднаго преслѣдованія раскола, сопровождавшагося ссылкою раскольниковъ, опечатаніемъ и уничтоженіемъ ихъ молеленъ и скитовъ и отобраніемъ ихъ церковныхъ книгъ и другихъ предметовъ богослуженія. Допросы раскольниковъ и скопцовъ Липранди производилъ у себя въ квартирѣ за самоваромъ, потчивая ихъ чаемъ съ ромомъ и располагая ихъ такимъ фамильярнымъ отношеніемъ къ большей откровенности... Липранди имѣлъ большую и разнообразную библіотеку, и разъ, когда у него былъ Н. А. Милютинъ (служившій также въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), «и хозяинъ просилъ его ознакомиться съ находящимися въ ней книгами, Ник. Ал. отвѣтилъ, что по надписямъ на корешкахъ онъ уже познакомился съ содержаніемъ книгъ, но опасается,—не спрятаны-ли за ними шпіоны» [1]). И отзывъ Шумахера, и слова Милютина показываютъ намъ, что за человѣкъ былъ Липранди, сыгравшій такую важную роль въ дѣлѣ Петрашевцевъ.

Поводомъ къ началу наблюденія за самимъ Петрашевскимъ послужила литографированная записка по крестьянскому вопросу, розданная имъ на дворянскихъ выборахъ въ Петербургѣ въ началѣ марта 1848 г. въ количествѣ 200 экз. [2]). Перовскій поручилъ Липранди достать записку Петрашевскаго, и когда это было легко исполнено, снесся о ней съ шефомъ жандармовъ графомъ Орловымъ. Оба они нашли, что она должна быть «плодомъ тайнаго, обдуманнаго

---

[1]) *А. Д. Шумахеръ.* „Позднія воспоминанія о давно минувшихъ временахъ". „Вѣст. Евр.": 1899 г., № 3, стр. 123—125.

[2]) См. о ней въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", т. II. 375—376. Полностью записка до сихъ поръ неизвѣстна. У Петрашевскихъ было имѣніе въ 240—250 душъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., не раздѣленное послѣ смерти отца Михаила Васильевича между нимъ, его матерью и 4 сестрами.

Digitized by Google

предначертанія». По соглашенію графа Л. Перовскаго съ графомъ Орловымъ, по свидѣтельству Липранди, около 10-го марта 1848 г. на него было возложено собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, при чемъ агенты III-го Отдѣленія вовсе не должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ. 20-го апрѣля 1849 г. графъ Орловъ объявилъ Липранди Высочайшую волю о прекращеніи имъ дальнѣйшаго веденія дѣла и о передачѣ его въ III-е отдѣленіе [1]), а въ ночь съ 22-го на 23-е апрѣля были произведены аресты. Слѣдовательно, показаніе барона Корфа, что арестъ былъ произведенъ сутками ранѣе, неточно. Противорѣчіе между показаніемъ Корфа, что за Петрашевцами слѣдили секретные агенты графа Орлова, съ одной стороны, и графа Перовскаго—съ другой, и свидѣтельствомъ Липранди, желавшаго приписать заслугу раскрытія всего дѣла себѣ, разъясняется запискою секретной слѣдственной коммиссіи, изъ которой видно, что въ мартѣ 1848 г. шефъ жандармовъ учредилъ надзоръ за Петрашевскимъ, а въ то же время началось наблюденіе за нимъ и по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ «столкновеніе агентовъ двухъ вѣдомствъ могло имѣть вредное послѣдствіе—открыть Буташевичу-Петрашевскому тайну надзора и отнять у правительства возможность обнаружить его преступные замыслы,—то шефъ жандармовъ приказалъ агентамъ III-го отдѣленія прекратить свои наблюденія, предоставивъ весь ходъ этого дѣла графу Перовскому».

Ревность, обнаруженную въ этомъ дѣлѣ Перовскимъ, объясняютъ тѣмъ, что онъ, признавая «отдѣльное существованіе III-го отдѣленія ненужнымъ, старался доказать, что и общая полиція министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ предупредить всякіе политическіе перевороты и знать о зародышахъ такихъ стремленій ранѣе III-го отдѣленія» [2]).

---

[1]) „Рус. Стар." 1872 г., т. VI, 70—73.

[2]) *Шумахеръ*. „Позднія воспоминанія". „Вѣст. Евр.", 1899 г., № 3, стр. 123—124.

Digitized by Google

Баронъ Корфъ утверждаетъ, что среди арестованныхъ Петрашевцевъ «не встрѣчалось ни одного значущаго имени, ни одного лица съ извѣстностью въ какомъ-нибудь родѣ», кромѣ Достоевскаго: «учители, мелкіе чиновники, молодые люди большею частью маловѣдомыхъ фамилій», и противопоставляетъ въ этомъ отношеніи Петрашевцевъ декабристамъ. Дѣйствительно, среди декабристовъ были люди болѣе высокопоставленные и по своему происхожденію, и по служебному положенію. Тамъ было нѣсколько князей: Трубецкой, Евг. Оболенскій, Щепинъ-Ростовскій, Серг. Волконскій, Барятинскій, Одоевскій, Вал. Голицынъ, графы: Ник. Булгари, Коновницынъ I-ый, Чернышевъ, бароны: Штейнгель и Черкасовъ, люди со старыми дворянскими фамиліями. Огромное большинство декабристовъ были военные, иные даже съ генеральскими чинами, среди нихъ также было много отставныхъ военныхъ и лишь ничтожное количество статскихъ. Но декабристы блистали не только титулами и чинами,—среди нихъ былъ и цвѣтъ интеллигенціи—поэты, писатели и ученые: Рылѣевъ, Александръ и Николай Бестужевы, В. Кюхельбекеръ, Корниловичъ, Ѳ. Глинка и, наконецъ, Ник. Ив. Тургеневъ, который, конечно, могъ гораздо болѣе гордиться своею книгою «Теорія налоговъ», чѣмъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Петрашевцы не могли похвастать участіемъ въ ихъ кружкахъ князей, графовъ и бароновъ, хотя на собраніяхъ у Кашкина и бывали князья П. Трубецкой и С. Черкасскій, въ ихъ средѣ было, дѣйствительно, не мало учителей и чиновниковъ, члены этихъ кружковъ, вообще, принадлежали къ нѣсколько болѣе демократическому слою общества, чѣмъ декабристы, но Петрашевцы не только не менѣе, но даже болѣе, чѣмъ декабристы, имѣли въ своей средѣ писателей, и не одинъ Достоевскій заслуживаетъ тутъ упоминанія. Въ оффиціальномъ спискѣ арестованныхъ въ ночь на 23-е апрѣля 1849 г. отмѣчены, какъ «литераторы», кромѣ «отставного инженеръ-поручика Ѳеодора До-

стоевскаго», еще его братъ, отставной подпоручикъ Михаилъ Достоевскій [1]), отставной кол. ас. Сергѣй Дуровъ, поручикъ л.-гв. Московск. полка Ник. Момбелли, поручикъ л.-гв. егерскаго полка Александръ Пальмъ и неслужащій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ. Буташевичъ-Петрашевскій значился въ спискѣ чиновникомъ департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, но онъ былъ также и писателемъ, такъ какъ участвовалъ въ составленіи изданнаго имъ подъ именемъ другого лица (Кириллова) «Словаря иностранныхъ словъ». Такимъ образомъ, изъ числа 39 лицъ, арестованныхъ утромъ 23-го апрѣля, было 7 писателей, т. е. почти пятая часть [2]). Затѣмъ арестованы были еще 10 лицъ—преимущественно чиновники. Наконецъ, призывались къ допросу въ слѣдственную коммиссію чрезъ III-е отдѣленіе еще 60 человѣкъ, въ томъ числѣ Аполлонъ Ник. Майковъ (извѣстный поэтъ), Василій Толбинъ (писатель), писатель Владиміръ Раф. Зотовъ и Ник. Дмитр. Ахшарумовъ (впослѣдствіи извѣстный романистъ, начавшій литературную дѣятельность въ 1850 г.). Лишь случайное обстоятельство удержало Н. П. Огарева и К. Д. Кавелина отъ посѣщенія пятницъ Петрашевскаго предъ самымъ его арестомъ, хотя это не избавило Огарева отъ обвиненія въ «фаланстерныхъ началахъ» въ первой половинѣ 50-хъ гг. Были и такія лица, которыхъ только ссылка «въ отдаленныя губерніи за прежнія политическія преступленія» избавила отъ привлеченія къ дѣлу. Въ числѣ ихъ былъ и нашъ знаменитый сатирикъ М. Е. Салтыковъ, начавшій уже тогда свою литературную

[1]) Онъ печаталъ повѣсти и переводы въ стихахъ иностранныхъ классиковъ въ тогдашнихъ журналахъ и велъ внутреннее обозрѣніе въ „Отечественныхъ Запискахъ", („Рус. Стар.", т. XXX, 700), Впрочемъ, первоначально, вмѣсто него, былъ арестованъ третій братъ Достоевскихъ—Андрей.

[2]) Изъ числа арестованныхъ 23-го апрѣля 1849 г. были освобождены черезъ нѣкоторое время безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ секретнаго надзора, 12 лицъ, но въ числѣ этихъ послѣднихъ не было ни одного писателя.

Digitized by Google

дѣятельность: его видѣли одинъ разъ у Петрашевскаго. Такимъ образомъ, весьма значительное число писателей было такъ или иначе прикосновенно къ дѣлу Петрашевцевъ. Если только ссылка избавила Салтыкова отъ привлеченія къ этому дѣлу, то былъ еще одинъ писатель, не менѣе знаменитый, чѣмъ впослѣдствіи Салтыковъ и Достоевскій, котораго только смерть освободила отъ весьма тяжелой кары: Бѣлинскій былъ живъ еще, когда началось наблюденіе за Петрашевскимъ и его собраніями по пятницамъ. Когда Петрашевцы были арестованы, сдѣлалась извѣстной та значительная роль, которую играло, въ качествѣ орудія пропаганды, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю; и этимъ объясняется, конечно, что Л. В. Дубельтъ «яростно сожалѣлъ, что Бѣлинскій умеръ», и обмолвился весьма характерными словами: «Мы бы сгноили его въ крѣпости».

Изъ всего сказаннаго видно, что умственное движеніе, представителями котораго явились Петрашевцы, выдвинуло значительныя имена вопреки мнѣнію бар. Корфа.

Бар. Корфъ отмѣчаетъ весьма любопытную черту, характеризующую отношеніе императора Николая къ дѣлу Петрашевцевъ въ моментъ ихъ ареста: государю пришло въ голову, что къ ихъ числу могутъ «втайнѣ принадлежать» не одни офицеры, молодые чиновники, литераторы и проч., но и кто-нибудь *повыше*» [1]). 24-го апрѣля 1849 г., т. е. на другой день послѣ ареста Петрашевцевъ, принимая двухъ членовъ Государственнаго Совѣта, государь сказалъ:

«Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть, кромѣ нихъ, и другіе, даже, можетъ быть, кто и изъ *нашихъ* [2]). Слѣдствіе все это раскроетъ. Знаю только одно, что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому что она падка на деньги, а на шпіоновъ—еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство. C'est donc

[1]) Курсивъ бар. Корфа.

[2]) Курсивъ бар. Корфа.

Digitized by Google

l'affaire des péres de famille de veiller dans leur interieur, d'autant plus que cette affaire les regarde et doit les intéresser tout antant que moi»!.. [1]).

Слухи объ открытомъ «заговорѣ» были такъ преувеличены и нелѣпы, что бар. Корфъ отмѣтилъ даже, какъ проявленіе особаго мужества со стороны государя то, что въ тотъ же день онъ «прохаживался по улицамъ, какъ всегда, совершенно одинъ, а вечеромъ посѣтилъ публичный маскарадъ въ Большомъ театрѣ. 25-го онъ смотрѣлъ рекрутъ и принималъ доклады министровъ, тоже какъ всегда» [2]).

Мысль, пришедшая въ голову императору Николаю о возможной прикосновенности къ дѣлу Петрашевцевъ лицъ высокопоставленныхъ, быть можетъ, объясняется предположеніями декабристовъ избрать во временное правленіе Сперанскаго, Мордвинова и Ермолова. Въ февралѣ 1826 г. былъ сдѣланъ доносъ одновременно на Н. С. Мордвинова, П. Д. Киселева, А. П. Ермолова и вмѣстѣ съ тѣмъ на А. А. Закревскаго, кн. А. Н. Голицына и Балашова [3]).

Другою любопытною чертою въ приведенныхъ выше словахъ императора Николая является его рѣзкій отзывъ о шпіонахъ. Между тѣмъ, въ дѣлѣ Петрашевцевъ въ высшей степени важную роль сыгралъ агентъ Липранди, Антонелли.

Это былъ родственникъ Липранди, студентъ, котораго тотъ уговорилъ оставить университетъ и примкнуть къ кружку Петрашевскаго. И самъ Петрашевскій, и лица, его посѣщавшія, были крайне довѣрчивы и неосторожны: несмотря на то, что Антонелли ни на кого не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія, ему не только удалось быть на шести вечерахъ у Петрашевскаго еженедѣльно съ 11-го

---

[1]) „Обязанность отцовъ слѣдить за ихъ домашними дѣлами, тѣмъ болѣе, что это близко ихъ касается и должно ихъ интересовать столько же, сколько и меня".

[2]) „Рус. Стар.", 1900 г., № 4, стр. 39—40.

[3]) „Рус. Стар.", 1881 г., т. XXX, стр. 187—190.

Digitized by Google

марта по 15-е апрѣля 1849 г., а 16-го апрѣля у П. А. Кузмина, но даже учитель Толль, пострадавшій впослѣдствіи вмѣстѣ съ Петрашевцами, поселился съ нимъ на одной квартирѣ. Правда, попытка Антонелли устроить вечеръ у себя плохо удалась, отчасти, впрочемъ, вслѣдствіе разведенія мостовъ на Невѣ, но тѣмъ не менѣе его подробныя, хотя во многомъ неправдивыя донесенія, послужили главнымъ основаніемъ для ареста Петрашевцевъ. Такъ какъ арестованнымъ удалось увидѣть въ III-мъ отдѣленіи въ день ареста списокъ, въ которомъ противъ имени Антонелли было поставлено слово «агентъ», то его предательская роль стала извѣстна всѣмъ, и онъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ презрѣніи къ нему общества [1]); даже въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ его не пожелали опредѣлить на службу, такъ какъ ни одинъ изъ столоначальниковъ не захотѣлъ принять его въ свой столъ.

Бар. Корфъ даетъ очень неблагопріятный отзывъ о М. В. Буташевичѣ-Петрашевскомъ: онъ говоритъ, что во главѣ «замѣшанныхъ» въ дѣло стоялъ «28-лѣтній чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Петрашевскій, сынъ «бывшаго» петербургскаго штадтъ-физика и бывшій воспитанникъ Царскосельскаго лицея [2]), человѣкъ полоумный (?), уже давно признанный такимъ между своими товарищами, но, можетъ быть, отъ того именно и чрезвычайно дерзкій» [3]). Относительно личности Петрашевскаго мы можемъ противопоставить отзыву Корфа отзывъ товарища Петрашевскаго по дѣлу, еще и нынѣ здравствующаго, извѣстнаго врача Д. Д. Ахшарумова [4]): «Это

---

[1]) „Изъ записокъ ген.-лейт. Кузмина", „ Руск. Стар.", 1895, № 2, стр. 160—162, 167, № 3, 78—79, № 4, 77—78.

[2]) Петрашевскій окончилъ курсъ въ лицеѣ въ 1839 г. „Рус. Стар.", 1900, № 9, стр. 449. Корфъ не упоминаетъ, что Петрашевскій получилъ въ университетѣ степень кандидата, „такъ какъ", по свидѣтельству слѣдственной комиссіи, онъ „дѣйствительно учился отлично и съ большою охотою".

[3]) „Рус. Стар.", 1900. № 5, стр. 278.

[4]) *Д. Д. Ахшарумовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній" (1849—51 г.). Спб. 1905 г., изд. „Общественной Пользы", стр. 17.

Digitized by Google

былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ самообразованіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный». Далѣе Д. Д. Ахшарумовъ свидѣтельствуетъ о «выдающихся качествахъ» Петрашевскаго, его «увлеченіи дѣломъ и уваженіи, которымъ онъ пользовался среди людей его окружающихъ». Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ показаніи на слѣдствіи говоритъ: «я всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ человѣка честнаго и благороднаго». Отзывъ Корфа о Петрашевскомъ, что онъ былъ «человѣкъ полоумный», можетъ быть, вызванъ его временнымъ психическимъ заболѣваніемъ во время заключенія въ тюрьмѣ и нѣкоторыми странностями его характера [5]). Что же касается эпитета «дерзкій», то, во-первыхъ, всѣ люди со смѣлыми и новыми взглядами кажутся дерзкими представителямъ оффиціальнаго міра, а, во-вторыхъ, Петрашевскій былъ, дѣйствительно, не изъ тѣхъ людей, которые позволяютъ себѣ наступить на ногу [6]). На допросѣ онъ не только не скрывалъ своихъ убѣжденій, не только пытался на обломкахъ штукатурки написать товарищамъ, что они должны показывать на слѣдствіи, но даже переходилъ, такъ сказать, въ наступленіе, грозя слѣдователямъ судомъ Западной Европы, чѣмъ и заслужилъ съ ихъ стороны весьма неодобрительную аттестацію человѣка «дерзкаго», «наглаго», не изъявившаго раскаянія. Но дѣло въ томъ, что

---

[5]) Еще въ юности онъ нерѣдко высказывалъ желаніе быть не такъ, какъ „всѣ люди", „Рус. Стар.", 1900 г., № 9, стр. 449—451.

[6]) Такъ, напр., когда онъ однажды попался на глаза въ цензурномъ комитетѣ грозному попечителю петербург. учеб. окр. Мусину-Пушкину, то на вопросъ послѣдняго: „Вы что за птица? Что вамъ нужно?" —онъ отвѣчалъ: „Я, ваше п—во, не птица, а человѣкъ", и этимъ смѣлымъ отвѣтомъ заставилъ попечителя ретироваться. *Ѳ. Н. Устряловъ.* „Воспомин. о Спб. универс.", „Ист. Вѣстн.", 1884 г. т. XVI, 600. О томъ, какъ Петрашевскій заступился за совершенно незнакомаго ему человѣка, подвергшагося незаконнымъ дѣйствіямъ слѣдственнаго пристава, см. ст. *А. В. Безроднаго* „Къ біографіи М. В. Буташевича-Петрашевскаго". „Историч. Вѣстн.", 1901 г. № 1, стр. 225—229.

Digitized by Google

Петрашевскій былъ настолько глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ, что до самой смерти считалъ себя невинно осужденнымъ и требовалъ не прощенія, а пересмотра своего дѣла.

II.

Мы не знаемъ, на какомъ основаніи Липранди утверждаетъ, что «общество» существовало уже съ 1842 г. [1]), между тѣмъ какъ знаменитыя пятницы Петрашевскаго начались съ 1845 г., быть можетъ, въ связи съ изданнымъ имъ въ то время первымъ выпускомъ «Словаря иностранныхъ словъ». Вѣроятно, Липранди имѣлъ при этомъ въ виду попытки пропаганды, начатой Петрашевскимъ по окончаніи имъ курса въ петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету (въ 1841 г.). Положимъ, Петрашевскій былъ замѣченъ въ «либеральномъ образѣ мыслей» еще въ 1836 г. въ лицеѣ, когда ему было всего 14 лѣтъ, въ университетѣ также не были тайною его «чрезвычайно либеральныя идеи» [2]). Въ запискѣ слѣдственной комиссіи приводятся отрывки изъ его черновыхъ набросковъ 1840 г. подъ заглавіемъ: «Мои афоризмы или обрывочныя понятія обо всемъ, мною самимъ порожденныя». Здѣсь Петрашевскій, между прочимъ, высказывался за сохраненіе принципа національности при устройствѣ государствъ, за децентрализацію и за республиканскую форму правленія: «Государства должны быть основаны по народамъ», писалъ онъ, «отношенія же между народами должны быть какъ Штаты Сѣверной Америки или провинціями одного и того же государства. Пошлинъ и таможенныхъ сборовъ не должно существовать. Промышленности должна быть дана полная свобода, чтобы цѣль назначенія человѣчества была постигнута, и люди сознавали, что они люди. Правленіе должно быть представительное, республиканское. Тѣ ог-

[1]) „Рус. Стар." 1872 г., т. VI, 75.

[2]) Вѣроятно, поэтому Петрашевскій былъ выпущенъ изъ лицея съ чиномъ только XIV класса. „Рус. Стар." 1900 г. № 9, стр. 449.

ромныя войска, которыя нынѣ содержатся, были бы не нужны, ибо война не должна бы имѣть мѣста. Въ религіи совершенная терпимость». Въ другомъ мѣстѣ Петрашевскій писалъ: «мнѣ думается, что Сибирь замѣнитъ настоящую Россію, и что въ ней-то и возникнетъ народность русская безъ примѣси, и правленіе республиканское въ ней будетъ господствующимъ».

По окончаніи университетскаго курса Петрашевскій продолжалъ набрасывать свои мысли. Слѣдственная комиссія отмѣтила заглавія слѣдующихъ предположенныхъ имъ статей: а) О необходимости отправленія суда открытымъ, а не инквизитивнымъ образомъ, и о преимуществахъ открытыхъ судовъ предъ закрытыми; б) Объ учрежденіи новаго воспитательнаго учебнаго заведенія, откуда выходили бы люди—людьми и граждане—гражданами; в) О негодности Свода законовъ; г) О введеніи мирныхъ судей; д) О томъ, что пожаръ Москвы есть болѣе признакъ грубаго варварства, нежели истиннаго патріотизма, и показаніе на основаніи философіи, въ чемъ долженъ состоять патріотизмъ. Подозрительнымъ показалось комиссіи даже слѣдующее заглавіе: «объ общихъ началахъ для опредѣленія степени совершенства всякаго рода».

Въ разсужденіи на тему: «Неужели человѣчество обречено на вѣчность застоя и умственнаго оцѣпенѣнія?» Петрашевскій указывалъ на трудность освободиться отъ вреднаго вліянія предразсудковъ, говорилъ о «гибельной опасности возстать противъ закоренѣлыхъ предразсудковъ общества, въ которомъ не существуетъ суда присяжныхъ изъ истинныхъ знатоковъ всякаго дѣла», сравнивалъ «призваніе и участь нововводителей съ судьбою проповѣдниковъ первыхъ вѣковъ христіанства», а «судъ надъ ними общества» называлъ «сатанинскою насмѣшкою надъ природою и человѣчествомъ».

Во всѣхъ этихъ невинныхъ общихъ размышленіяхъ и предположеніяхъ о необходимости суда присяжныхъ, гласнаго судопроизводства, мировыхъ судей и проч. слѣд-

ственная комиссія не только усмотрѣла, что «по окончаніи университетскаго курса либеральное направленіе стало еще болѣе укореняться» въ Петрашевскомъ, но даже нашла въ нихъ «преступное стремленіе къ перемѣнѣ нынѣ существующаго въ Россіи порядка вещей», однако объ основаніи «общества» въ 1842 г. въ запискѣ комиссіи все-таки нигдѣ не упоминается.

Напротивъ, комиссія относитъ первую попытку Петрашевскаго вести пропаганду къ 1844 г., когда онъ хлопоталъ о мѣстѣ воспитателя въ лицеѣ и о допущеніи его преподавать въ этомъ заведеніи «юридическія науки», но, получивъ отказъ, «началъ приглашать къ себѣ нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ младшаго курса по праздничнымъ днямъ, прельщая», по словамъ комиссіи, «ихъ умы объясненіемъ новыхъ идей». У Петрашевскаго бывали слѣдующіе воспитанники лицея: Алексѣй Унковскій, Владиміръ Константиновъ и Александръ Бантышъ, въ то время уже выключенный изъ лицея. Какъ только это дошло до свѣдѣнія начальства, Унковскій и Константиновъ были тотчасъ допрошены, и оказалось, что вліяніе на нихъ Петрашевскаго «обнаружилось въ особенности скептическимъ настроеніемъ мыслей относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка, якобы несовмѣстнаго съ благоденствіемъ людей». Вслѣдствіе этого, Унковскій, «въ особенности склонный къ подобнымъ увлеченіямъ», былъ исключенъ изъ лицея изъ опасенія дурного вліянія его на товарищей, а Константиновъ былъ подвергнутъ исправительному наказанію. Алексѣй Унковскій— это извѣстный дѣятель по крестьянскому дѣлу въ Тверской губ. Въ своей обширной запискѣ объ упраздненіи крѣпостного права (1859 г.), не ограничиваясь разсмотрѣніемъ этого вопроса, онъ представилъ обширный планъ преобразованій: введенія суда съ присяжными и допущенія мѣстнаго самоуправленія [1]). Теперь оказывается, что о

[1]) См. *Скребицкій*. „Крестьян. дѣло", т. I, 785—799.

Digitized by Google

необходимости всего этого еще въ ранней молодости онъ слышалъ отъ Петрашевскаго, вліяніе и примѣръ котораго могли дать ему и тотъ нравственный закалъ, который онъ проявилъ въ защитѣ дорогихъ ему взглядовъ.

Въ 1845 г. Петрашевскій, по свидѣтельству слѣдственной комиссіи, сталъ собирать по пятницамъ своихъ знакомыхъ, «преимущественно изъ воспитателей, молодыхъ литераторовъ и студентовъ, кончившихъ или оканчивавшихъ курсъ, съ цѣлью, нынѣ обнаруженною, чтобы потрясать умы соціальными книгами, разговорами и рѣчами», дѣйствовать на молодое поколѣніе, «не производить самому возстанія», но «малу-по-малу нанести ударъ правительству и настоящему порядку вещей... Въ 1848 г. собранія эти были немногочисленны, но съ этого года они начали увеличиваться»; начавшись съ 10, 15, а затѣмъ и 30 человѣкъ, число лицъ, посѣщавшихъ эти собранія, стало далеко значительнѣе [1]), «потому что гости мѣнялись съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ: одни оставляли Петрашевскаго такъ же легко, какъ другіе съ нимъ знакомились».

Сохранилось нѣсколько описаній пятницъ Петрашевскаго въ разное время; наиболѣе раннее изъ нихъ, относящееся къ началу 1846 г., принадлежитъ В. Р. Зотову. Явившись на одну изъ пятницъ по приглашенію Михаила Васильевича, Зотовъ нашелъ, что «общество у него было довольно многочисленно, человѣкъ 20, все больше студенты, учителя, писатели. Я пришелъ поздно», продолжаетъ Зотовъ, «и засталъ только конецъ чтенія какой-то записки, гдѣ дѣло шло о необходимости освобожденія крестьянъ. Затѣмъ начались пренія о прочитанномъ. Говорили, какъ всегда у насъ, нескладно, длинно, неубѣдительно, горячась безъ толку, перебивая другъ друга, поминутно отвлекаясь предметами, вовсе не идущими къ

[1]) Собиралось до 50 человѣкъ

Digitized by Google

дѣлу, не умѣя ни возражать, ни выслушивать чужихъ доводовъ. Посыпались предложенія всякаго рода, и возможныя, и совершенно фантастическія, но все это было не разработано, не приведено въ систему, не выяснено, а главная черта—непрактично» *) Эти упреки Зотова мало основательны: никто не далъ еще въ то время полной, удовлетворявшей требованіямъ передовыхъ людей программы рѣшенія крестьянскаго вопроса; это впервые сдѣлалъ Герценъ въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ въ первой половинѣ 1850-хъ гг., заслуга же Петрашевскаго, во всякомъ случаѣ, состояла въ томъ, что онъ будилъ и поддерживалъ въ обществѣ интересъ къ этому дѣлу первѣйшей важности и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ распространялъ освободительныя идеи.

Д. Д. Ахшарумовъ, познакомившійся съ Петрашевскимъ весною 1848 г., въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ:

„У насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно все одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія; приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ, безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи; Ястржембскій читалъ о политической экономіи, Данилевскій—о системѣ Fourier... Для порядка и предупрежденія шума отъ одновременныхъ разговоровъ и споровъ многихъ лицъ, Петрашевскій поручалъ кому-либо изъ гостей наблюдать за порядкомъ въ качествѣ предсѣдателя. На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе опредѣленные проекты или заговоры, но были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи... Нашъ маленькій кружокъ, сосредоточивавшійся вокругъ Петрашевскаго въ концѣ 40-хъ годовъ, носилъ въ себѣ зерно всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ.

„Вечера Петрашевскаго, по содержанію разговоровъ, касавшихся преимущественно соціально-политическихъ вопросовъ, представляли большой интересъ для насъ и потому, что они были единственны въ

*) „Истор. Вѣст.", 1890 г., № 6, стр. 540.

Digitized by Google

своемъ родѣ въ Петербургѣ. Собранія эти продолжались обыкновенно до поздней ночи, часовъ до двухъ или трехъ, и кончались скромнымъ ужиномъ. Петрашевскій былъ человѣкъ лѣтъ 34, средняго роста, полный собою, весьма крѣпкаго сложенія, брюнетъ, на одежду свою онъ обращалъ мало вниманія, волосы его были часто въ безпорядкѣ, небольшая бородка, соединявшаяся съ бакенбардами, придавала круглоту его лицу. Черные глаза его, нѣсколько прищуренные, какъ бы проникали въ даль. Лобъ у него былъ большого размѣра, нахмуренный; онъ говорилъ голосомъ низкимъ и негромкимъ, разговоръ его былъ всегда серьезный, часто съ насмѣшливымъ тономъ; во взорѣ болѣе всего выражались глубокая вдумчивость, презрѣніе и ѣдкая насмѣшка. Это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ самообразованіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій, и неустанно дѣятельный, онъ состоялъ на службѣ при Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ имѣлъ большую библіотеку новѣйшихъ сочиненій, преимущественно по части исторіи, политической экономіи и соціальныхъ наукъ, и охотно дѣлился ею, не только со всѣми старыми своими пріятелями, но и съ людьми ему мало знакомыми, но которые казались ему порядочными, и дѣлалъ это по убѣжденію для общественной пользы. Онъ говорилъ мнѣ, что въ теченіе около 8 лѣтъ много людей перебывало у него и разъѣхались въ разные города Россіи, и преимущественно въ университетскіе. Онъ давалъ читать всѣмъ просившимъ его и снабжалъ уѣзжающихъ книгами, которыя, по его усмотрѣнію, были полезны для умственнаго развитія общества. Вовсе не интересуясь общественными увеселеніями, онъ бывалъ повсюду: въ клубахъ, дворянскихъ собраніяхъ, маскарадахъ, съ единственною цѣлью заводить знакомства для узнанія и выбора людей“ [1]).

Пятницы Петрашевскаго того же времени такъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген.-лейт. П. А. Кузьминъ:

„Я посѣщалъ эти вечера,—говоритъ онъ, съ весны 1848 г., и по совѣсти можно было сказать, что бесѣды на этихъ вечерахъ были не безынтересны для каждаго изъ присутствующихъ. Да и могло-ли быть иначе, когда тутъ собирался народъ молодой, образованный, читающій, мыслящій; впечатлѣнія принимались живо; всякая несправедливость, злоупотребленія, стѣсненія, самоуправство глубоко возмущали душу каждаго; напротивъ, всякое стремленіе къ благу общественному или частному вызывало сочувствіе въ какой-бы формѣ стремленіе это ни высказывалось. Цензура, убивавшая въ то время всякую здравую мысль, не только не допускала гласнаго обсужденія печатно предметовъ общаго интереса, но воспрещала даже малѣйшій намекъ на то, что могло-бы быть лучше, если-бы было иначе“. Поэтому весьма есте-

[1]) *Д. Д. Ахшарумовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній“, стр. 15—17.

Digitized by Google

ственно, что вездѣ, гдѣ собирались люди выше средняго уровня, „они прямо высказывали свои убѣжденія, совершенно противоположныя грустному положенію дѣлъ... Съ общаго согласія принято было предложеніе раздѣлить вечера наши такимъ образомъ, что до ужина одинъ изъ присутствующихъ будетъ излагать какой-либо общественный вопросъ, въ какомъ видѣ онъ осуществляется нынѣ въ Россіи, удобства или неудобства, осязаемыя отъ такого, а не иного положенія дѣла, и, наконецъ, изысканіе и, если возможно, то указаніе средствъ къ замѣненію неудобныхъ порядковъ удобнѣйшими", а послѣ ужина Н. Я. Данилевскій (извѣстный впослѣдствіи публицистъ-славянофилъ) продолжалъ „изложеніе соціальныхъ теорій". Въ концѣ каждаго вечера „объявлялось, о какомъ предметѣ, касающемся Россіи, будетъ говорено въ слѣдующую пятницу и кѣмъ именно: кромѣ того, всегда находилось время побесѣдовать о текущихъ событіяхъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею".

Въ 1848 г. П. А. Кузьминъ уѣхалъ изъ Петербурга и возвратился къ 1-му апрѣлю 1849 г. Въ тотъ же день (страстную пятницу) онъ отправился вечеромъ къ Петрашевскому, гдѣ изъ 20—30 посѣтителей нашелъ большинство старыхъ знакомыхъ, но гдѣ уже въ это время раскидывалъ свои сѣти Антонелли. На этотъ разъ, за неимѣніемъ другихъ охотниковъ, говорилъ самъ Петрашевскій о тѣхъ «трехъ главныхъ предметахъ», о которыхъ такъ часто у него бесѣдовали: уничтоженіе крѣпостного права, свободѣ книгопечатанія и улучшеніи судопроизводства и судоустройства. Рѣчь Петрашевскаго имѣла цѣлью «на основаніи статистическихъ данныхъ показать», въ какой послѣдовательности нужно рѣшить эти вопросы. На этотъ разъ, если память не измѣнила Кузьмину, Петрашевскій доказывалъ, что на первый планъ слѣдуетъ поставить вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права [1]). Кузьминъ же утверждалъ, что прежде всего необходимо рѣшить вопросъ объ улучшеніи судопроизводства и судоустройства.

[1]) Напротивъ, въ письмахъ къ Кузьмину въ Тамбовъ Петрашевскій писалъ: „Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ (объ эмансипаціи крестьянъ) не можетъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго преобразованія судоустройства и судопроизводства, т. е. безъ введенія de la publicité de procédure avec le jury" (гласности судопроизводства съ присяжными.)

Digitized by Google

Введеніе публичнаго и гласнаго судопроизводства неизбѣжно вызоветъ разборъ хода дѣлъ въ газетахъ и въ журналахъ, а это, парализуя строгость цензуры, постепенно приведетъ къ свободѣ книгопечатанія; «затѣмъ уже общество, подготовленное двумя предыдущими мѣрами, легко перейдетъ къ уничтоженію крѣпостного права» [1]). Въ пятницу 15 апрѣля у Петрашевскаго читалось Достоевскимъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю [2]).

Такова картина пятницъ Петрашевскаго, нарисованная рукою человѣка умѣреннаго и безпристрастнаго, который хотя и привлекался къ дѣлу, но былъ освобожденъ безъ всякаго наказанія [3]), но слѣдственная комиссія даже

---

[1]) Напротивъ, Д. Д. Ахшарумовъ полагалъ, что вопросы о судопроизводствѣ и объ освобожденіи крестьянъ должны разрѣшиться въ одинъ и тотъ-же день. Подробное изложеніе взглядовъ Петрашевцевъ на отмѣну крѣпостного права см. въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", т. II, 370—385.

[2]) Пятницы Петрашевскаго пользовались въ Петербургѣ широкою извѣстностью: такъ, нѣкто Петровъ, въ письмѣ къ знакомому отъ 1-го декабря 1848 г., въ числѣ удовольствій петербургской жизни называетъ: проповѣди Нильсена, „пропаганду Петрашевскаго", публичныя лекціи и фельетоны Плещеева.

[3]) Любопытно впечатлѣніе, которое произвели въ 1849 г. пятницы Петрашевскаго на молодого піаниста А. Г. Рубинштейна, только что пріѣхавшаго изъ заграницы; онъ нашелъ здѣсь „большое собраніе мужчинъ, молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ; изъ военныхъ—разсказываетъ Рубинштейнъ,—помню одного,—то былъ Пальмъ, но хозяинъ все не появлялся. „Спрашиваю о немъ; мнѣ отвѣчаютъ: „подождите—увидите, насъ всѣхъ позовутъ". Наконецъ, раздается звонокъ, распахиваются двери, и мы входимъ въ большую комнату, гдѣ передъ эстрадою стоитъ рядъ стульевъ, какъ въ концертѣ. На эстраду входитъ мужчина съ бородой и начинаетъ читать что то въ родѣ соціалистическаго и коммунистическаго трактата... все это меня чрезвычайно удивило, и я не скрылъ своего удивленія отъ сосѣдей.— „Вотъ не ожидалъ, говорю я, встрѣтить что-либо подобное здѣсь, въ Россіи! Я понимаю, что такія чтенія и такія мысли и принципы высказываются за границей, тамъ есть для этого почва, условія быта и строй общественный совершенно другіе; но у насъ, въ Россіи, всѣмъ этимъ принципамъ не можетъ быть мѣста!" Петрашевскій навѣщалъ потомъ Рубинштейна и давалъ ему читать „разныя либеральныя на

и въ разговорахъ о крестьянскомъ вопросѣ, реформѣ судопроизводства и свободѣ книгопечатанія увидѣла тяжкое преступленіе,—тѣмъ болѣе строго отнеслась она къ бесѣдамъ о соціалистическихъ ученіяхъ, о формахъ правленія и о религіи.

Собранія происходили не только у Петрашевскаго, но и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Поручикъ л.-гв. московскаго полка Николай Момбелли зимою 1846—47 гг. завелъ у себя еженедѣльные литературные вечера, гдѣ читались оригинальныя и переводныя сочиненія, по выраженію слѣдственной комиссіи, «въ либеральномъ духѣ». Собранія эти обратили на себя вниманіе его начальства, но Момбелли объяснилъ, что они имѣютъ чисто литературный характеръ; напротивъ, Липранди въ своей запискѣ утверждалъ, что содержаніе преній на этихъ вечерахъ едва-ли можетъ имѣть прямое отношеніе къ литературѣ. Момбелли прекратилъ свои собранія въ февралѣ 1847 г. и затѣмъ, познакомившись съ Петрашевскимъ, постоянно посѣщалъ его пятницы.

Въ послѣдніе два мѣсяца 1848 г. собранія происходили также еженедѣльно, но не въ опредѣленные дни, у служившаго въ азіатскомъ департаментѣ Кашкина [1]). По свидѣтельству слѣдственной комиссіи, «въ этомъ кружкѣ было гораздо болѣе стройности и единомыслія, чѣмъ въ кружкѣ Петрашевскаго: въ немъ была опредѣленная цѣль—изученіе системъ соціальныхъ и коммунистскихъ и по преимуществу системы Фурье. Кружокъ этотъ составляли (кромѣ К. М. Дебу 1-го) молодые люди высшаго гражданскаго воспитанія, всѣ одинаково образованные, равные и по положенію своему въ обществѣ, и по своему

иностранныхъ языкахъ книги" и толковалъ съ нимъ „о конституціи, о парламентахъ и проч.". „Воспоминанія А. Г. Рубинштейна", „Рус. Стар." 1889 г., № 11, стр. 539—540.

Съ новаго года они на нѣкоторое время перемѣщались къ товарищу Кашкина по лицею Отто, но съ половины февраля 1849 г. снова перешли къ Кашкину.

Digitized by Google

состоянію [1]). Нѣкоторые изъ нихъ съ безотчетнымъ энтузіазмомъ предались соціальнымъ утопіямъ въ смыслѣ науки; нѣкоторые зачали примѣнять ихъ къ быту Россіи, другіе-же помышляли уже и о возможно скорѣйшемъ приведеніи ихъ въ дѣйствіе и читали на собраніяхъ рѣчи, далеко опередившія всѣ рѣчи и всѣ разговоры на собраніяхъ у Петрашевскаго».

Съ начала марта до половины апрѣля 1849 г. бывали еще по субботамъ собранія у двухъ жившихъ вмѣстѣ молодыхъ литераторовъ: С. Ѳ. Дурова и подпоручика л.-гв. егерск. полка А. И. Пальма (съ ними жилъ еще кол. секр. Щелковъ).

Сергѣй Ѳед. Дуровъ родился въ 1816 г. въ имѣніи своего отца. Получивъ довольно хорошее для своего времени воспитаніе, Дуровъ поступилъ на гражданскую службу, которую и продолжалъ до конца 40-хъ гг., послѣ чего вышелъ въ отставку. Очень рано онъ сталъ посвящать досуги отъ службы литературной дѣятельности. Первыя стихотворенія, помѣщенныя имъ въ современныхъ альманахахъ, печатались довольно долго безъ имени автора. Только начиная съ 1843 г. имя его стало появляться на страницахъ журналовъ. Однимъ изъ первыхъ подписанныхъ имъ стихотвореній былъ переводъ изъ Байрона, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ» 1843 г. Начиная съ слѣдующаго года, стихотворенія Дурова, а также повѣсти въ прозѣ, стали появляться въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Финскомъ Вѣстникѣ», въ «Иллюстраціи» (1846 —

[1]) На собраніяхъ у Кашкина бывали изъ числа арестованныхъ Н. А. Спѣшневъ, К. М. Дебу 1-й, его братъ И. М. Дебу 2 й, его пріятель кандидатъ университета Д. Д. Ахшарумовъ, чиновники: Европеусъ, Ващенко, Есаковъ и студентъ Ханыковъ. Изъ небывшихъ арестованными: чиновникъ Отто, студ. Европеусъ 2-й, чиновникъ Пенскій, Ахшарумовъ 1-й (извѣстный впослѣдствіи писатель Ник. Дм.), кн. Петръ Трубецкой, кн. Семенъ Черкасскій и чиновники Николаевъ и Рахманиновъ. Участіе въ кружкѣ неарестованныхъ, по оффиціальному свидѣтельству, было «болѣе отрицательное, чѣмъ положительное».

Digitized by Google

1847 гг.) и нѣкоторыхъ альманахахъ. Стихотворенія эти были частью оригинальныя, частью переводныя—изъ Байрона, А. Шенье, В. Гюго, Мильвоа; одно стихотвореніе Барбье—«Кіая» было напечатано [1]) безъ имени автора, очевидно, по цензурнымъ причинамъ.

Изъ напечатаннаго Дуровымъ до ссылки всего значительнѣе въ идейномъ отношеніи именно этотъ переводъ изъ Барбье, несмотря на всѣ его погрѣшности, какъ зависящія, такъ и независящія отъ переводчика: подъ послѣдними мы разумѣемъ пропуски, сдѣланные цензурой. Эта пьеса Барбье состоитъ изъ разговора художника Сальватора Розы съ неаполитанскимъ рыбакомъ и превосходно изображаетъ тогдашнее тяжелое положеніе Италіи; оно очень нравилось товарищамъ Дурова по кружку, очевидно находившимъ въ немъ аналогію съ явленіями имъ близкими, а также и симпатичную имъ вѣру въ лучшее будущее. Рыбакъ жалуется, что они, «какъ волы, осуждены судьбою нести ярмо тяжелаго рабства». Художникъ вторитъ ему и кончаетъ свой монологъ словами:

„Изъ двухъ друзей, бесѣдующихъ вмѣстѣ,
Всегда одинъ безнравственный доносчикъ".

Однако рыбакъ не теряетъ надежды на лучшія времена; онъ вѣритъ, что провидѣніе...

. . . . . „облегчитъ
Путь къ счастью. Мы, спящіе на камнѣ
И цѣлый день трудящіеся въ потѣ.
Когда-нибудь узнаемъ лучшій жребій [2]).

[1]) Въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846 г., т. X, стр. 5—12.

[2]) Въ подлинникѣ это мѣсто гораздо сильнѣе:

«Nous n'irons pas toujours, comme des chiens honteux,
Le long du vieux marché, sous ses antres bourbeux,
Chercher à nos petits un peu de nourriture:
Nous qui suons le jour et couchons sur la dure,
Qui n'avons ici-bas que la peine et le mal,
Nous n'irons pas toujours mourir à l'hôpital,
Nos crocs ne seront plus chargés d'étoupes molles.

Digitized by Google

Изъ насъ теперь немного легковѣрныхъ!
Придетъ пора, и явятся межъ насъ
Мыслители, въ устахъ съ желѣзнымъ словомъ.
Объѣвши кость, захочется намъ мяса,
За осенью для насъ наступитъ лѣто...
Когда-нибудь въ заливѣ голубомъ,
На золотомъ пескѣ береговъ Кіаи,
Я уловлю въ сѣтяхъ моихъ свободу".

Но художникъ настроенъ гораздо болѣе скептически; онъ отвѣчаетъ:

„О, рыболовъ, ужель ногою бѣлой
На палубу къ тебѣ свобода станетъ?
Ужель она рукой твоихъ собратій
Введется къ намъ въ Неаполь? Я боюсь,
Чтобъ рѣчь твоя напрасно не погибла,
Какъ звукъ пустой и лживый. Эта гостья,
Которую свободой мы зовемъ,
Нисходитъ къ тѣмъ, которые достойны
Ея любви, а мы погрязли въ лѣни"...

Рыбакъ защищаетъ народъ:

„... Народъ всегда надеженъ,
Народъ всегда—хорошая земля,
Удобная къ богатой разработкѣ" [1])...

Барбье оставался любимымъ поэтомъ Дурова и въ концѣ его жизни: въ 1860-хъ гг. онъ напечаталъ еще нѣсколько переводовъ изъ произведеній этого поэта и на этотъ разъ, по отзыву компетентнаго цѣнителя, прекрасно перевелъ нѣкоторыя его стихотворенія.

Сожитель Дурова—Пальмъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній (а также одну повѣсть) въ тѣхъ-же журналахъ, гдѣ помѣщалъ свои произведенія и Дуровъ, т. е. въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Финскомъ Вѣстникѣ».

О вечерахъ у Дурова и Пальма подробныя свѣдѣнія сообщаетъ А. П. Милюковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о

[1]) Заключеніе этого монолога „Aussi, malheur! malheur à qui pèse sur lui" отсутствуетъ въ переводѣ такъ же, какъ и одно сильное мѣсто въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ Сальватора Розы: «je suis las d'attendre l'ouragan». «Iambes et poèmes par Auguste Barbier». P. 1849. p. 153—164.

Digitized by Google

Ѳ. М. Достоевскомъ. Этотъ кружокъ, по его словамъ, «состоялъ изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніемъ». Вопреки приведенному выше оффиціальному свидѣтельству, Милюковъ утверждаетъ, что «это была кучка молодежи болѣе умѣренной... Въ небольшой квартирѣ ихъ собирался... организованный (?) кружокъ молодыхъ военныхъ и статскихъ, и такъ какъ хозяева были люди небогатые..., то всѣми дѣлался ежемѣсячный взносъ на чай и ужинъ и на оплату взятаго на-прокатъ рояля». Здѣсь бывали Ник. Александ. Спѣшневъ и студентъ Пав. Ник. Филипповъ, «люди очень образованные и милые», кромѣ того, Ѳ. М. и М. М. Достоевскіе, Порф. Ив. Ламанскій, Момбелли *). Милюковъ говоритъ о кружкѣ Дурова, который онъ «посѣщалъ постоянно и считалъ какъ бы своей дружеской семьей..., что въ немъ не было никакихъ чисто революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писаннаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенныя въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціальнаго содержанія, да разговоры большею частью обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто», а именно: вопросы объ освобожденіи крестьянъ и отмѣнѣ цензуры.

«Въ кружкѣ Дурова», продолжаетъ А. П. Милюковъ, «было нѣсколько жаркихъ соціалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіи начало новой религіи, долженствующей пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ соціальныхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому

*) Кромѣ нихъ, въ запискѣ слѣдственной комиссіи названы изъ числа арестованныхъ: литераторъ А. Н. Плещеевъ, штабсъ-капит. Ѳ. Н. Львовъ, поруч. Григорьевъ и чиновникъ Головинскій, а изъ числа неарестованныхъ: чиновники Ламанскій I (Евг. Ив.), Кашевскій, Милюковъ и Мордвиновъ.

Digitized by Google

предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особенности, о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ».

На одномъ изъ собраній у Дурова Достоевскій прочелъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, которое онъ читалъ и въ разныхъ другихъ знакомыхъ домахъ и съ котораго давалъ списывать копіи. Оно ходило по рукамъ вмѣстѣ съ привезенною также изъ Москвы статьею Герцена «Петербургъ и Москва». Милюковъ прочелъ переведенную имъ на церковно-славянскій языкъ главу изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ. Дуровъ нерѣдко читалъ свои стихотворенія [1]).

На первомъ вечерѣ у Дурова Момбелли прочелъ свое разсужденіе о томъ, что всѣ они, люди болѣе или менѣе одинаковаго направленія и образа мысли, должны тѣснѣе сближаться, чтобы, вліяя другъ на друга, «тверже укрѣпиться въ этомъ направленіи и успѣшнѣе поддерживать свои идеи въ общественномъ мнѣніи». Предложеніе это, однако же, не было принято, и Момбелли тогда же разорвалъ свою статью [2]). Послѣ первыхъ четырехъ-пяти вечеровъ Момбелли и совсѣмъ отказался бывать въ этомъ кружкѣ, а Плещеевъ уѣхалъ въ Москву [3]).

Студентъ Филипповъ предложилъ заняться составленіемъ статей, по выраженію Милюкова, «обличительнаго

[1]) „Рус. Стар." 1886 г., т. XXX, 694—698, или въ книгѣ А. Милюкова „Литературныя встрѣчи и знакомства". Спб. 1890 г. стр. 175—185. На вечерахъ у Милюкова и у извѣстнаго переводчика Диккенса И. И. Введенскаго часто бывалъ Ник. Гавр. Чернышевскій, тогда еще студентъ петербургскаго университета.

[2]) Сравни ниже подобное же предложеніе Момбелли Львову и Петрашевскому.

[3]) Откуда и прислалъ копію съ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

Google

содержанія» относительно современнаго состоянія Россіи въ юридическомъ и административномъ отношеніяхъ. Развивая эту мысль, Филипповъ сказалъ:

— Каждый изъ насъ долженъ не только не скрывать своихъ мнѣній, а, напротивъ, всегда и вездѣ поддерживать ихъ смѣло и открыто... Должно вмѣнить себѣ въ обязанность распространять свои мнѣнія и представлять въ разоблаченномъ видѣ всѣ злоупотребленія и недостатки администраціи.

Когда члены кружка Дурова изъявили желаніе имѣть копіи съ прочитанныхъ у него на собраніяхъ статей, то Филипповъ предложилъ для распространенія ихъ устроить домашнюю литографію. Почти всѣ согласились, но М. М. Достоевскій убѣдилъ отказаться отъ этого предпріятія въ виду его опасности.

18-го апрѣля 1849 г. (за нѣсколько дней до ареста) Пальмъ и Дуровъ разослали извѣщеніе, что вечеровъ у нихъ болѣе не будетъ.

Зимою 1848—49 г. были также собранія у поэта А. Н. Плещеева, который въ это время былъ еще очень молодъ (онъ родился 22-го ноября 1825 г.).

Опредѣленный родителями въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Плещеевъ скоро вышелъ оттуда и впослѣдствіи (въ 1843 г.) вступилъ на восточный факультетъ петербургскаго университета, но курса здѣсь не кончилъ. Литературныя наклонности очень рано проявились въ немъ: переводъ одного стихотворенія Рюккерта онъ напечаталъ еще студентомъ въ 1844 г. въ «Современникѣ» Плетнева, т. е. когда переводчику не исполнилось 19-ти лѣтъ. Затѣмъ, кромѣ этого журнала, онъ помѣщалъ свои стихотворенія въ «Иллюстраціи» Кукольника, въ «Библіотекѣ для Чтенія», въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» Межевича, въ «Литературной Газетѣ» Краевскаго и въ нѣсколькихъ альманахахъ. Какъ напечатанныя въ этихъ журналахъ, такъ и новыя стихотворенія были изданы имъ небольшою книжкою въ 1846 г., гдѣ, между прочимъ, было помѣщено

и знаменитое «Впередъ безъ страха и сомнѣнья!» Введеніемъ къ этому сборнику служило стихотвореніе «Сонъ» (съ эпиграфомъ изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ), въ которомъ богиня дѣлаетъ такое предсказаніе избранному ею пророкомъ, т. е. самому поэту:

„Скажу-ль я, что тебя въ твоей отчизнѣ ждетъ?
Подыметъ на тебя каменья твой народъ
За то, что обвинишь могучимъ словомъ ты
Рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты;
За то, что возвѣстишь ты мщенья грозный часъ
Тому, кто въ тинѣ зла и праздности погрязъ,
Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ"...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ богиня предсказываетъ, что «зерно любви въ сердца глубоко западетъ», и міръ воскреснетъ къ новой жизни.

„И истинѣ святой, исполненъ новыхъ силъ,
Я далъ обѣтъ служить, какъ прежде ей служилъ.
Мой падшій духъ возсталъ... и утѣсненнымъ вновь
Я возвѣщать пошелъ свободу и любовь".

Другое стихотвореніе: «Поэту» написано на мотивъ изъ Барбье: «Le poéte doit être un protestant sublime du droit et de l'humanité».

Сборникъ стихотвореній Плещеева носилъ явные слѣды (въ видѣ многихъ строкъ точекъ) внимательнаго его чтенія цензоромъ А. В. Никитенкомъ [1]), и это обез-

[1]) Приведемъ два примѣра: къ заглавію стихотворенія: „На зовъ друзей" прибавлено: „Съ французскаго", между тѣмъ въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ" (1845 г., т. IX, 850) было названо имя автора—Огюста Барбье. Въ этомъ стихотвореніи были исключены цензоромъ три строки, которыя возстановлены въ позднѣйшихъ изданіяхъ (а четвертая строка измѣнена):

„Сижу-ли окруженъ шумящею толпою
На пиршествѣ большомъ, мнѣ слышенъ звукъ цѣпей;
И предстаетъ вдали, какъ призракъ, предо мною
Распятый на крестѣ Великій Назарей"!

Въ стихотвореніи „Поэту" не пропущены цензоромъ, между прочимъ, слѣдующіе два стиха:

„И вѣрь, что встрѣтишь, какъ Спаситель,
Учениковъ ты на пути".

(„Стихотворенія А. Плещеева" изд. 1846 г., стр. 5—6, 14—15; сравни 3-е изд. 1898 г., стр. 10—11, 500).

Digitized by Google

цвѣтило многія пьесы. Но, несмотря на это, произведенія молодого поэта были все-таки благосклонно встрѣчены почти всѣми тогдашними журналами и газетами, за исключеніемъ «Сѣверной Пчелы». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» извѣстный критикъ В. Н. Майковъ далъ о нихъ очень сочувственный отзывъ [1]). Въ 1847—49 гг. Плещеевъ напечаталъ въ «Современникѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько повѣстей въ прозѣ [2]).

Писателю такого направленія, какое ясно видно въ сборникѣ стихотвореній Плещеева, трудно было не увлечься новыми соціалистическими вѣяніями. Его собранія посѣщали тѣ же лица, которыхъ мы встрѣчали и въ другихъ мѣстахъ: Спѣшневъ, Дуровъ, Пальмъ, Момбелли, братья Достоевскіе, Н. Я. Данилевскій, Порф. Ламанскій. Здѣсь однажды Спѣшневъ вызвался печатать за границею книги, не пропущенныя цензурою. На одномъ изъ вечеровъ у Плещеева Н. Я. Данилевскій соглашался печатать, вмѣстѣ

---

[1]) Онъ началъ такъ свою рецензію: „Стихи къ дѣвѣ и лунѣ кончились навсегда. Настаетъ другая эпоха: въ ходу сомнѣніе и безконечныя муки сомнѣнія, страданіе общечеловѣческими вопросами, горькій плачъ на недостатки и бѣдствія человѣчества, на неустроенность общества... проникнутыя лирическимъ пафосомъ воззванія на доблестный подвигъ, стремленіе къ вѣчному идеалу, къ истинѣ... вотъ что теперь въ ходу!.. Направленіе, о которомъ мы говоримъ, отразилось и на русской литературѣ, и отразилось не безплодно. Въ нынѣшнемъ году, въ лицѣ г. Плещеева, оно имѣетъ своего представителя исключительно въ русской поэзіи.—Въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со времени Лермонтова, г. Плещеевъ—безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время. Какъ великъ чинъ перваго поэта въ такое время, какъ наше, знаютъ всѣ тѣ, которые сколько нибудь слѣдятъ за нашими нынѣшними стихотворцами и ихъ произведеніями. Мы знаемъ только, что г. Плещеевъ—первый нашъ поэтъ". За этимъ вступленіемъ, которое отнюдь не слѣдуетъ принимать за иронію, слѣдуетъ весьма одобрительный разборъ стихотвореній Плещеева. *Валер. Майковъ.* „Критическіе опыты" СПб., 1891 г., стр. 129.

[2]) „Стихотворенія А. Н. Плещеева", изд. 3-е, 1898 г., стр. VIII—XV.

Digitized by Google

съ другими, за границею общепонятное изложеніе ученія Фурье на русскомъ языкѣ, но это предположеніе не было осуществлено.

Тою же зимою 1848—49 г. были собранія у К. М. Дебу, гдѣ преимущественно шли толки о системѣ Фурье.

Наконецъ, былъ еще въ апрѣлѣ обѣдъ у Спѣшнева, гдѣ поручикъ Григорьевъ, въ присутствіи почти все тѣхъ же лицъ, которыя посѣщали собранія Дурова и Пальма, прочелъ статью подъ названіемъ «Солдатская бесѣда» [1]).

Нужно замѣтить, однако, что, по признанію самой слѣдственной комиссіи, всѣ эти собранія, хотя и отличались «вообще духомъ, противнымъ правительству и стремленіемъ къ измѣненію существующаго порядка вещей», однако не обнаруживали «*ни единства дѣйствій, ни взаимнаго согласія; къ разряду тайныхъ организованныхъ обществъ они также не принадлежали*», и не было доказано никакими положительными данными, чтобы они «имѣли какія-либо сношенія внутри Россіи». Заявленіе это настолько сильно говорило въ пользу лицъ арестованныхъ по этому дѣлу, что генералъ-аудиторіатъ, повторивъ его въ своемъ докладѣ, счелъ нужнымъ ослабить это заявленіе слѣдующею оговоркою: «За всѣмъ тѣмъ преступныя начинанія подсудимыхъ [2]), при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, *могли-бы* имѣть вредныя послѣдствія для спокойствія государства, если бы оныя не были своевременно предупреждены принятыми со стороны правительства мѣрами, тѣмъ болѣе, что превратныя мысли распространялись между многими лицами».

Приведенная выше оцѣнка слѣдственною комиссіею дѣятельности описанныхъ кружковъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что говорили ея члены разнымъ высокопо-

[1]) Объ обѣдѣ въ память Фурье у Европеуса см. ниже.

[2]) Собственно „начинаній" почти не было, если не считать покупки нѣкоторыхъ типографскихъ принадлежностей Филипповымъ и Спѣшневымъ, а были лишь разговоры и неосуществленныя предположенія.

Digitized by Google

ставленнымъ лицамъ. По свидѣтельству бар. Корфа, уже приведенному нами, члены комиссіи называли это дѣло *заговоромъ идей*, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо если можно обнаруживать факты, то «*какъ же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе*».

Каковы же были тѣ идеи, не за осуществленіе, но лишь за высказываніе которыхъ такъ жестоко пострадали петрашевцы? Мы отчасти уже познакомились съ ними изъ приведенныхъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ кружкахъ, связанныхъ съ разсматриваемымъ дѣломъ, но необходимо сгруппировать въ болѣе систематическомъ порядкѣ тѣ идеи, которымъ сочувствовало большинство членовъ этихъ кружковъ.

III

Между тѣмъ какъ въ первой половинѣ 1830-хъ гг. русская молодежь увлекалась сенъ-симонизмомъ, теперь самымъ популярнымъ ученіемъ былъ фурьеризмъ [1]).

Петрашевцы знакомились съ соціалистическими ученіями изъ сочиненій Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ, Фурье, Консидерана, представившаго въ своемъ главномъ сочиненіи «Destinée sociale» (1835—44 г.) увлекательное изложеніе системы Фурье, сочиненія Кантагреля, защищавшаго идеи Фурье въ сатирической формѣ, журнала «Phalange», издававшагося съ 1836 г. почти до самаго конца 40-хъ гг. подъ редакціею Консидерана при сотрудничествѣ другихъ фурьеристовъ, въ особенности Кантагреля и Туссенеля, изъ «Almanach phalansterien», изъ сочиненій Кабэ, Луи-Блана, Прудона, Ламеннэ и трудовъ о соціализмѣ Би-

[1]) Объ ученіи Фурье см. статьи *Н. В. Водовозова* „Шарль Фурье" въ Истор. Обозр. Сборн. Ист. Общ. при С.-Петер. унив.", т. X. и *М. Василевскаго* въ словарѣ Брокгауза и Ефрона; о фурьеристахъ см. книгу O. Warschauer. Geschichte des Socialismus u. Communismus im XIX Jahrhundert. II Abtheilung.

Digitized by Google

дермана и Лоренца Штейна. Болѣе всего были распространены повидимому сочиненія самого Фурье, а сочиненія Консидерана упоминаются гораздо рѣже.

Самымъ пламеннымъ фурьеристомъ былъ Петрашевскій, вѣрившій въ возможность осуществленія утопическихъ плановъ Фурье въ ближайшемъ будущемъ [1]).

Еще въ 1846 г. Петрашевскій горячо рекомендовалъ сочиненія Фурье въ своей статьѣ «Организація производства» въ изданномъ имъ подъ именемъ другого лица, Кириллова, «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ», второй выпускъ котораго, послѣ поступленія его въ продажу, былъ конфискованъ [2]). Согласно ученію Фурье, Петрашевскій считалъ «главными производительными силами или началами» во всякомъ производствѣ талантъ, капиталъ и трудъ.

«Предпочтеніе, оказываемое капиталу, овеществившемуся труду, простирается до того, что личность и права человѣка, какъ человѣка, иногда приносятся въ жертву овеществленному труду (travail consolidé) предшествовавшихъ поколѣній человѣчества, часто незаконно и несправедливо усвоенному». То вліяніе, «которое пріобрѣли на общественную жизнь овеществленный трудъ—капиталъ и ихъ представитель—деньги или денежная аристократія... не могло долго оставаться незамѣченнымъ и не обратить на себя вниманія всѣхъ тѣхъ, кому близки къ сердцу прогрессъ и счастье человѣчества, и не заставить ихъ отыскивать способы къ устраненію этого общественнаго зла. Такимъ образомъ, возникнулъ вопросъ объ *организаціи производства*, который сталъ теперь жизненнымъ вопросомъ современнаго общества и породилъ цѣлую литературу, которая должна составить эпоху въ исторіи человѣчества по

[1]) О томъ, съ какимъ усердіемъ Петрашевскій распространялъ сочиненія Фурье, см. „Рус. Стар.", 1900 г., № 9, ст. 454.

[2]) О цензурныхъ тревогахъ по поводу этого словаря см. *Никитенко*. „Моя повѣсть о самомъ себѣ", изд. подъ редакц. М. К Лемке. Спб. 1905 г., т. I, 365.

Digitized by Google

тому благотворному вліянію, которое она способна оказать на будущее развитіе человѣчества и устроеніе его благосостоянія».

Не упоминая о различныхъ другихъ способахъ организаціи производства и отсылая желающихъ ознакомиться съ историческимъ развитіемъ этого вопроса къ книгѣ фурьериста Виллегарделля [1]), Петрашевскій на этотъ разъ ограничивается указаніемъ на ученіе Шарля Фурье, «преимущественно замѣчательное потому, что оно не исключаетъ и не приноситъ ни одного изъ сихъ агентовъ производства въ жертву другого, и черезъ это дѣлаетъ *безусловно возможнымъ* [2]) установленіе солидарности интересовъ, ни мало не оскорбляя уже установившихся общественныхъ отношеній. Въ своихъ сочиненіяхъ «Nouveau monde industriel» и «La fausse industrie» онъ показываетъ эти способы согласованія. Предложенный имъ способъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, признавая значеніе всѣхъ этихъ производительныхъ силъ, даетъ каждой изъ нихъ постоянное безобидное вознагражденіе—дивидендъ, и тѣмъ ослабляетъ дѣйствіе капитала». Указавъ на то, какъ предлагаетъ Фурье дѣлить «всю массу вновь произведенныхъ цѣнностей» между представителями капитала, труда и таланта (за вычетомъ издержекъ производства), Петрашевскій поясняетъ, что Фурье «не всякому труду предлагаетъ равное вознагражденіе, но всякому труду предлагается доля, *прямо пропорціональная его полезности и обратно пропорціональная его привлекательности*» [3]).

---

[1]) Villegardelle, „Histoire des idées sociales avant la Révolution francaise, ou les socialistes modernes devancés et dépassés par les anciens penseurs".

[2]) Курсивъ автора.

[3]) Курсивъ автора. „Карм. словарь иностр. словъ, вошед. въ составъ рус. яз., издав. Кирилловымъ", ст. 317 319. Объ отношеніи Петрашевскаго къ фурьеризму см. мою статью „Крѣпостное право и крестьян. реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова", первоначально напечатанную въ „Сборн. Правов. и Общ. Зн.", т. I. стран. 129—132, а нынѣ изданную отдѣльно книгоиздательствомъ „Донская Рѣчь". Въ

Digitized by Google

7-го апрѣля 1849 г. въ день рожденія Фурье былъ устроенъ въ квартирѣ Европеуса обѣдъ, на которомъ присутствовали: Петрашевскій, два брата Дебу, Спѣшневъ, Кашкинъ, Д. Д. Ахшарумовъ, Ханыковъ, два брата Европеуса, Есаковъ и Ващенко. Приглашенный на обѣдъ [1]) Н. Я. Данилевскій, считавшійся большимъ знатокомъ ученія Фурье и читавшій о немъ лекціи на собраніяхъ у Петрашевскаго, не явился. Ахшарумовъ въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «Сегодня первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и *всѣ они здѣсь*, десять человѣкъ» (кромѣ самого оратора), «немногимъ болѣе». Дѣйствительно, не всѣ, причастные къ дѣлу Петрашевскаго, увлекались въ такой степени, какъ Ахшарумовъ и нѣкоторые другіе, ученіемъ Фурье.

И. М. Дебу и Ханыковъ, человѣкъ очень живой, имѣвшій массу знакомыхъ, стали интересоваться соціалистическими ученіями еще на университетской скамьѣ. У нихъ составился свой кружокъ, и подъ вліяніемъ лекцій профессора Порошина [2]) они вообще занимались эконо-

статьѣ „Нормальное состояніе", авторъ говоритъ: „*Нормально развитымъ* или благоустроеннымъ *обществомъ*... будетъ то, которое *доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ* и поставляетъ всякаго человѣка въ такое положеніе или отношеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполнѣ влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу, безъ самозакланія личности.—Человѣчество тогда только можно почесть достигшимъ *нормальнаго развитія* или *состоянія*, когда духъ единства и единенія проникнетъ всѣхъ людей, когда все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ, обратится въ *источникъ непосредственнаго наслажденія жизнью*" („Карм. слов.", стр. 251, курсивъ автора.)

[1]) См. о немъ подробнѣе въ нашей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 129—130. Кашкинъ прочелъ здѣсь въ русскомъ переводѣ стихотвореніе Беранже „Les foux", гдѣ прославлялись Сенъ-Симонъ, Фурье и Анфантенъ.

[2]) Вѣроятно, къ нимъ относится отзывъ предсѣдателя комиссіи, разбиравшей бумаги арестованныхъ, кн. Голицына, объ университетскихъ лекціяхъ по политической экономіи, найденныхъ у Ханыкова

Digitized by Google

мическими и общественными вопросами, стали изучать сочиненія Луи Блана, Фурье, Прудона, сочиненія Л. Штейна о соціализмѣ во Франціи, а свѣдѣнія о Россіи почерпали, между прочимъ, изъ сочиненія Гакстгаузена. Въ этомъ кружкѣ принималъ также участіе Фонъ-Визинъ (сынъ декабриста), выѣхавшій изъ Петербурга на югъ въ 1847 г. [1]). На обѣдѣ въ память Фурье Ханыковъ произнесъ въ честь его пламенную рѣчь [2]), а И. М. Дебу сдѣлалъ предложеніе о переводѣ на русскій языкъ главнѣйшихъ сочиненій Фурье, и всѣ присутствовавшіе согласились принять участіе въ этомъ переводѣ. Оба брата Дебу, Ахшарумовъ, Спѣшневъ, Ханыковъ, Европеусъ старшій, Ващенко и Есаковъ входили, какъ мы видѣли, въ составъ спеціально занимавшагося изученіемъ сочиненій Фурье кружка Кашкина, по воспитанію лицеиста, также служившаго въ азіатскомъ департаментѣ. Они начали было составлять вторую библіотеку изъ соціалистическихъ сочиненій, которою завѣдывалъ К. М. Дебу. Д. Д. Ахшарумовъ произнесъ на обѣдѣ въ высшей степени характерную рѣчь въ духѣ фурьеризма, которая понята была слѣдователями буквально и (въ связи съ найденными его набросками) вызвала обвиненіе ея автора въ желаніи «разрушить города и храмы».

Во время ареста Ахшарумова у него найдена была «Записная книга 1848 г.», съ изложеніемъ въ ней темъ или отдѣльныхъ мыслей. На первой страницѣ, въ видѣ перечня предметовъ, о которыхъ слѣдуетъ писать, здѣсь

„Онѣ доказываютъ вредное направленіе, даваемое учащимся, черезъ занятіе ума и воображенія ихъ подробнымъ философскимъ разборомъ теорій о соціализмѣ и коммунизмѣ, и при томъ не въ духѣ благонамѣренномъ, но въ выраженіяхъ соблазнительныхъ, часто выставляя благодѣтельную цѣль системъ, влекущихъ къ ниспроверженію всякаго порядка". (Слова эти составляютъ повтореніе съ нѣкоторыми сокращеніями отзыва Липранди, разсматривавшаго лекціи по порученію кн. Голицына).

[1]) *О. Миллеръ.* „Матер. для жизнеоп. Ѳ. М. Достоевскаго". Въ „Полн. собр. соч. Достоевскаго" изд. 1883, I, 79—80.

[2]) Она изложена въ нашей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 129—130.

Digitized by Google

было сказано слѣдующее: «О невозможности улучшенія человѣчества доселѣ принятыми средствами: религіею и ею предписываемыми правилами, проповѣдями священниковъ, устройствомъ суда и законовъ и о крайней необходимости измѣнить все, передѣлать во всѣхъ основаніяхъ общество и всю нашу глупую, безтолковую и пустую жизнь; объ уничтоженіи семейной жизни, труда, собственности въ такомъ видѣ, какъ они теперь, государства никуда не годнаго съ его министрами» и государями и «ихъ вѣчной безполезной политикой, объ уничтоженіи законовъ, войны, войска, городовъ и столицъ, въ которыхъ люди тяготятся и не перестаютъ страдать, проводятъ жизнь въ однихъ мученіяхъ и умираютъ въ отвратительныхъ болѣзняхъ».

Кромѣ того, въ бумагахъ друга Ахшарумова, его товарища по гимназіи и университету Ипполита Матвѣевича Дебу 2-го [1]), была найдена тетрадь Ахшарумова съ изложеніемъ его разсужденій по тремъ вопросамъ: «1) какія мои мысли и убѣжденія? 2) свободенъ ли я? 3) готовъ ли я?» Въ этой тетради слѣдственная комиссія по дѣлу петрашевцевъ обратила вниманіе на слѣдующія мѣста: «Жизнь, какъ она идетъ теперь, слишкомъ тяжела, обременительна, переполнена всякаго рода непріятностями и гадостями .. Все это... томленіе, все, что мы всѣ поневолѣ терпимъ каждый день, происходитъ отъ того, что человѣкъ соединился въ слишкомъ огромномъ множествѣ для устроенія общественнаго своего блага... Оттого милліоны людей, желавшихъ лучшаго, не могли достигнуть своей цѣли. Они дѣлали ужасную ошибку: хотѣли устроить все перемѣною однѣхъ формъ управленія и не замѣтили того, что государства нельзя устро-

[1]) Оба они служили въ азіатскомъ департаментѣ, т. е. Ахшарумовъ служилъ собственно при учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ, состоявшемъ при названномъ департаментѣ. И. М. Дебу болѣе всѣхъ вліялъ на Ахшарумова, который отъ него узнавалъ о новыхъ наиболѣе полулярныхъ сочиненіяхъ, преимущественно французскихъ, по новѣйшей исторіи, политической экономіи и о соціальныхъ системахъ.

ить. Государство должно погибнуть съ его министрами» и государями, «съ его войскомъ, съ его столицами, законами и храмами. Необходимо, чтобы вмѣсто него произошли небольшія общества, но которыя имѣли бы въ себѣ цѣлость, полноту, разнообразіе, независимость одно отъ другого, и представляли бы, такъ сказать, интегралы человѣчества». Далѣе, описывая всю тягость жизни въ нашемъ обществѣ, происходящую, по его мнѣнію, отъ неполнаго удовлетворенія всѣхъ страстей человѣка, авторъ пишетъ, что уничтожить это есть одно средство—«фаланстеръ Фурье» [1]).

Приведемъ одно стихотвореніе Д Д. Ахшарумова въ духѣ ученія Фурье, написанное имъ во время заключенія въ крѣпости, въ августѣ 1849 г., такъ какъ оно живо рисуетъ его увлеченіе фурьеризмомъ:

«Будущее земли и ея обитателей (по Фурье).

Etude psycho physique (Fourier).

„Земля, несчастная земля,
Міръ стоновъ, жалобъ и мученья!
На ней вся жизнь подъ гнетомъ зла
И всюду плачъ—со дня рожденья!
Въ дѣлахъ людскихъ раздоръ и крикъ,
И трубный звукъ, и гулъ орудій,
И вопль, и дикой славы кликъ:
Другъ друга бьютъ и рѣжутъ люди!
Но время лучшее придетъ:
Война кровавая пройдетъ,
Земля произрастетъ плодами,
И бѣдный мученикъ—народъ
Свободу жизни обрѣтетъ
Съ ея высокими страстями:
Обильный хлѣбъ взрастетъ надъ взрытыми полями,
И нищая земля покроется дворцами.
Тогда и для земной планеты
Настанетъ періодъ иной...

[1]) Рѣчь Ахшарумова въ томъ же духѣ на обѣдѣ Фурье изложена въ нашей статьѣ о Салтыковѣ и во вступительной статьѣ къ „Воспоминаніямъ" Д. Д. Ахшарумова, изд. „Общественною Пользою", Спб. 1905 г., стр. VIII—IX.

Digitized by Google

. . . . . .

Тогда измѣнятся и люди, и природа,
И будутъ на землѣ миръ, счастье и свобода" [1]).

Выдающимся членомъ кружка, собиравшагося у Кашкина, былъ Н. А. Спѣшневъ, человѣкъ въ высшей степени симпатичный, проведшій четыре года за границей [2]). По возвращеніи въ Россію онъ сталъ посѣщать собранія Петрашевскаго, съ которымъ былъ знакомъ еще въ лицеѣ (они были товарищи и ровесники), говорилъ тамъ рѣчи, участвовалъ въ преніяхъ. Онъ былъ одинъ изъ наиболѣе радикальныхъ людей и въ религіозномъ, и въ политическомъ отношеніи изъ числа привлеченныхъ по дѣлу Петрашевскаго, какъ это будетъ видно далѣе и болѣе многихъ другихъ рвался перейти изъ области разговоровъ къ практической дѣятельности. Въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 г. онъ бывалъ на собраніяхъ у Дурова, Кашкина и Плещеева. Какъ уже было упомянуто, на вечерѣ у Плещеева онъ вызывался печатать за границей запрещенныя книги и участвовалъ въ совѣщаніяхъ у Дурова объ устройствѣ тайной типографіи. Вмѣстѣ со студентомъ Филипповымъ онъ рѣшилъ устроить эту типографію у себя и съ этою цѣлью за день до ареста Спѣшнева, Филипповъ уже доставилъ къ нему купленныя на деньги Спѣшнева [3]) нѣкоторыя типо-

---

[1]) *Д. Д. Ахшарумовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній" 1905 г., стр 59—60.

[2]) Н. А. Огарева-Тучкова въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Спѣшневъ „обращалъ всеобщее вниманіе своею симпатичною наружностью. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ правильныя черты лица темнорусыя кудри падали волнами на его плечи, глаза его, большіе сѣрые, были подернуты какою-то тихою грустью. Разсказывали, что онъ только что вернулся изъ чужихъ краевъ, гдѣ недавно похоронилъ женщину, для которой въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оставлялъ свою страну, свою престарѣлую мать. Онъ вернулся, убитый этою потерей съ двумя дѣтьми, которыхъ его мать взяла на свое попеченіе". Н. А Огарева-Тучкова. „Воспоминанія 1848—1870. М. 1903, стр. 67.

[3]) Средства доставляло ему имѣніе въ Курской губ.

Digitized by Google

графскія принадлежности [1]). Когда Тимковскій въ октябрѣ 1848 г., на собраніи у Петрашевскаго, предложилъ для изученія и пропаганды системы Фурье устраивать кружки съ тѣмъ, чтобы они собирались у тѣхъ, кто глубже изучилъ науку, а хозяева этихъ кружковъ, какъ люди болѣе свѣдующіе, составляли-бы особый кругъ, который руководилъ бы прочими, разъяснялъ вопросы темные или спорные и заботился бы о пропагандѣ, то изъ всѣхъ присутствовавшихъ на собраніи къ его мнѣнію присоединился только Спѣшневъ. На другой день они, по взаимному соглашенію, рѣшили, что Тимковскій до возвращенія своего изъ Ревеля прекратитъ всякія сношенія съ кружкомъ Петрашевскаго (гдѣ, какъ мы видѣли, его мысль не встрѣтила сочувствія), а затѣмъ, «смотря по дѣйствіямъ» лицъ, посѣщавшихъ Петрашевскаго, будетъ видно, слѣдуетъ ли съ ними сблизиться или нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они тутъ же рѣшили, по возвращеніи Тимковскаго изъ Ревеля, а Данилевскаго изъ деревни составить втроемъ особый кружокъ и дѣйствовать, какъ предлагалъ Тимковскій у Петрашевскаго, но предположеніе это не осуществилось, и Спѣшневъ, у котораго съ Петрашевскимъ было нѣкоторое соревнованіе [2]), вошелъ въ составъ кружка Кашкина. Относительно Тимковскаго еще отмѣтимъ, что онъ высказывалъ мысль о подачѣ правительству просьбы объ ассигнованіи денежныхъ средствъ на учрежденіе перваго общества для изученія и распространенія системы Фурье [3]). Петрашевскій также полагалъ, что было-бы весьма полезною мѣрою со стороны правительства, если бы оно дало средства на устройство перваго

[1]) При обыскѣ у него были найдены только четыре пустыхъ ящика. Спѣшневъ на допросѣ принялъ все это дѣло на себя, утверждая, что Филипповъ „дѣйствовалъ лишь по его указанію".

[2]) *Д. Ахшарумовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній", стр. 18.

[3]) О горячемъ сочувствіи фурьеризму Тимковскаго и Данилевскаго, а также Баласогло, Ястржембскаго и Момбелли см. въ моей статьѣ о Салтыковѣ, стр. 132—134. Ястржембскій, между прочимъ, утверждалъ что „государство не имѣетъ никакой цѣли" и „что развитіе человѣчества должно быть по системѣ Фурье".

Digitized by Google

фаланстера. Это напоминаетъ предположенія членовъ «Союза Благоденствія» при Александрѣ I о возможности для этого общества работать съ вѣдома и одобренія правительства.

Данилевскій на слѣдствіи заявилъ, что февральская революція во Франціи разстроила его надежды на скорое осуществленіе ученія Фурье, и потому съ мая 1848 г. онъ совсѣмъ пересталъ бывать на вечерахъ у Петрашевскаго, но не пересталъ считать это ученіе справедливымъ даже и послѣ того, какъ имѣлъ много времени обдумать и обсудить его.

Люди, живо интересующіеся соціализмомъ вообще и особенно фурьеризмомъ, были и въ провинціи, гдѣ они распространяли по возможности ученіе, которое сами исповѣдовали. Таковы были Тимковскій и Беклемишевъ въ Ревелѣ (гдѣ первый переводилъ сочиненія Кантагреля и Консидерана) и Кайдановъ въ Ростовѣ. Горячій интересъ послѣдняго къ соціализму виденъ изъ его переписки съ братомъ.

Въ маѣ 1848 г. Кайдановъ проситъ брата достать ему книгу Консидерана „Destinée sociale", и „кого еще знаешь изъ учениковъ Фурье, напр. Muiron" [1]). Всего болѣе я желалъ-бы имѣть фурьеристовъ, но буду также очень радъ, если ты достанешь мнѣ кого-нибудь изъ другихъ соціалистовъ, напр., Прудона, Луи-Блана. Не худо-бы мнѣ прочесть Saint-Simon. Что-же касается до Кабэ, то пришли мнѣ его только въ томъ случаѣ, если онъ написалъ что-нибудь получше „Voyage en Icarie". Въ іюлѣ того же года онъ увѣдомляетъ, что получилъ книги, „прочиталъ Muiron и началъ читать Прудона". Онъ горячо благодаритъ брата „за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ" его и „*всей здѣшней небольшой паствы*". Просилъ прислать еще сочиненія Консидерана или

[1]) Just Muiron, первый послѣдователь Фурье: это былъ молодой французскій чиновникъ, который уже въ 1816 г. сошелся съ Фурье, оказалъ ему матеріальную помощь при напечатаніи его произведеній, а съ 1824 г. самъ выступилъ на литературное поприще въ защиту ученія Фурье (Muiron. „Vices de nos procédés industriels", Besancon, 1824). Warschauer „Geschichte des Social. u. Kommunismus in XIX Jahrh", II Abth. См. также замѣтку о немъ Н. В. Водовозова въ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Digitized by Google

журналъ Phalange; „деньгами", прибавляетъ онъ, „не стѣсняйся: я скорѣе откажусь отъ сапоговъ, нежели отъ книгъ одного изъ апостоловъ Фурье". Въ октябрѣ Кайдановъ пишетъ: „Biedermann'a я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ, и мнѣ такъ понравился ясный и безпристрастный взглядъ его на соціализмъ и соціальныя теоріи, что я началъ переводить его, чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка. За Phalange я не знаю, какъ и благодарить тебя, хотя успѣлъ прочитать только первый livraison, но почти могу составить о ней мнѣніе... Не стану скрывать отъ тебя, что Doherty [1]) мнѣ не нравится. La guerre des paysans" [2]) я прочиталъ съ самымъ живымъ интересомъ. Статья Les trois unités externes—превосходна [3]). Я еще не читалъ Cosmogonie, и, признаюсь, она меня нѣсколько пугаетъ, несмотря на то, что это манускриптъ Фурье [4]). Это не покажется тебѣ страннымъ, потому что ты знаешь, что я, будучи совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считалъ себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extra vagances de notre maitre. Documents phalansteriens и L'introduction,—вѣроятно, статьи Консидерана, привели меня въ такой восторгъ, что я не могъ ихъ вдругъ прочитать. Нѣсколько разъ я долженъ былъ бросать книгу и по получасу ходить по комнатѣ, чтобы успокоиться отъ волненія и быть въ состояніи опять читать". Наконецъ, въ декабрѣ 1848 г. Кайдановъ, между прочимъ, писалъ: „Вчера я получилъ Phalange, за которую тебѣ и шлю благодарность. Кажется, что этотъ годъ еще лучше 45-го" [5]).

Соціалистическая пропаганда велась и въ Казани. Н. Флеровскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Когда я былъ студентомъ въ казанскомъ университетѣ, къ намъ пріѣхало три человѣка изъ петербургскихъ кружковъ, основанныхъ Петрашевскимъ. Двое изъ нихъ были весьма серьезными людьми и впослѣдствіи сдѣлались извѣстными учеными. Они дѣйствовали такъ же, какъ Петрашевскій: они распространяли ученіе Фурье. И тутъ же результаты были тѣ же, какъ въ Петербургѣ. Въ самомъ скоромъ времени они пріобрѣли въ университетѣ большое

---

[1]) Hugh Doherty, „La question religieuse". „La Phalange" 1845 т. I и слѣд.:

[2]) Статья Alex. Veill'я.

[3]) Изъ рукописей Фурье. Ibid.

[4]) Въ томъ же I т. этого изданія.

[5]) „Общество Пропаганды," 79—82.

Digitized by Google

вліяніе. Петербургскіе гости учили насъ самостоятельно заниматься наукой».

Мы указывали выше на сочувствіе соціализму вообще и въ особенности фурьеризму членовъ кружка Дурова, хотя и не всѣхъ. «Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ», разсказываетъ А. П. Милюковъ, «но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученія была цѣль благородная, онъ, однако-жъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія сенъ-симонистовъ. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги [1]).

Впрочемъ, по свидѣтельству И. М. Дебу, и фурьеристы придавали значеніе русской общинѣ, съ которою ихъ познакомилъ нѣмецкій путешественникъ по Россіи бар. Гакстгаузенъ.

Въ тѣсной связи съ увлеченіемъ фурьеризмомъ находилось отрицаніе семьи въ ея современной формѣ, что было однимъ изъ символовъ вѣры этого ученія. Рѣзче всего это отрицаніе было выражено Ханыковымъ въ его рѣчи на обѣдѣ въ память Фурье: «Семья», сказалъ онъ здѣсь, «есть угнетеніе, семья есть деспотизмъ, владычество исключительно привилегированныхъ группъ, нарушенная гармонія страстей... Принципъ нашего ученія есть страсти,

[1]) „Рус. Стар." 1881 г., т. XXX, 696—697. Отзывъ Ѳ. М. Достоевскаго о фурьеризмѣ на допросѣ см. въ „Космополисѣ" 1898 г. № 9, стр. 209—211.

Digitized by Google

основное (питательное) начало всемірнаго движенія, глаголу и велѣнію которыхъ подчинено все сущее». Д. Д. Ахшарумовъ въ своей рѣчи также утверждалъ, что современное общество—«скопище, разрозненное семействами, которыя вредятъ другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ». Семья считалась помѣхою и для общественной дѣятельности. Такъ, напр., Дуровъ на собраніяхъ у Петрашевскаго доказывалъ, что «родственныя связи опутываютъ человѣка».

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ мы находимъ вылазки противъ брака въ современномъ цивилизованномъ обществѣ во второмъ выпускѣ «Словаря иностранныхъ словъ» Кириллова.

Такъ какъ «установленіе формы брака», сказано здѣсь, «было болѣе результатомъ столкновенія случайностей общественныхъ, политическихъ и экономическихъ нуждъ извѣстныхъ народовъ и ихъ религіозныхъ предубѣжденій (какъ, напр., у римлянъ, грековъ, евреевъ и т. п), нежели дѣломъ полнаго сознанія истинныхъ потребностей природы человѣческой, то мы находимъ во всѣхъ формахъ брака безъ различія, установленныхъ положительно разными законодательствами, введеніе многихъ постороннихъ элементовъ, ни мало не вытекающихъ изъ сущности самаго брака и дѣлающихъ этотъ священный союзъ любви... тривіальнымъ орудіемъ достиженія разныхъ побочныхъ цѣлей. Такъ что *любовь*—высокое правило, провозглашенное христіанствомъ для междучеловѣческихъ отношеній, а тѣмъ уже болѣе для супружескихъ, является почти совершенно позабытымъ и изгнаннымъ въ настоящихъ брачныхъ отношеніяхъ...бракъ... въ жизни дѣйствительной есть договоръ болѣе соединенія хозяйствъ, чѣмъ святого единенія.. Такъ что мы ни одну изъ положительно существующихъ формъ брака не можемъ почесть удовлетворяющей раціональнымъ требованіямъ природы человѣческой» (стр. 199—200).

Въ статьѣ «Мораль» въ томъ же словарѣ авторъ

говоритъ: «Отличительная черта всѣхъ положительныхъ нравоученій, преимущественно основывающихся на религіозныхъ ученіяхъ, есть односторонность или исключительность и нетерпимость» (стр. 203). Вѣроятно, въ этомъ смыслѣ говорилъ, по свидѣтельству слѣдственной комиссіи, на собраніи у Кашкина Европеусъ-старшій «о ненадобности морали, какъ науки, лишенной всякаго значенія въ настоящее время».

У многихъ петрашевцевъ, какъ то: самого Петрашевскаго, Спѣшнева, Ястржембскаго, Толля, Кашкина, Ханыкова, Баласогло, Момбелли, Кузмина, Тимковскаго и привлекавшихся по этому же дѣлу Катенева, Толстова и Утина—было замѣчено отрицательное отношеніе къ религіи; напротивъ того Достоевскій, а по свидѣтельству его, и Дуровъ были люди религіозные. Среди нерелигіозныхъ людей отрицательное отношеніе къ религіи нерѣдко объясняется изученіемъ сочиненій Фейербаха. Такъ, напр., учитель Ф. Г. Толль, впослѣдствіи извѣстный педагогъ, посѣщавшій собранія Петрашевскаго около трехъ лѣтъ, по просьбѣ его читалъ на нѣкоторыхъ вечерахъ разсужденіе о происхожденіи религіи, основанное на изученіи произведеній Фейербаха, Бауера и др. Такъ, напр., 11-го марта 1849 г. онъ говорилъ на собраніи у Петрашевскаго рѣчь на тему: «Нужна-ли религія въ соціальномъ смыслѣ?» 25 марта Толль также читалъ разсужденіе о религіи. Чтеніе Толля породило много жаркихъ преній. Отсутствіе религіознаго чувства обнаружено было и въ найденномъ у Толля его сочиненіи подъ названіемъ «Историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ», въ которомъ онъ сравнивалъ Іисуса Христа съ основателями языческихъ религій. Спѣшневъ читалъ у Петрашевскаго трактатъ объ атеизмѣ; Ястржембскій очень рѣзко отзывался о богословіи. Кашкинъ на одномъ изъ своихъ собраній читалъ рѣчь, въ которой отрицалъ бытіе Бога на основаніи существованія страданій человѣчества. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Но истина ни въ слѣпой вѣрѣ, ни въ невѣріи, ни въ томъ, ни въ дру-

Digitized by Google

томъ метафизическомъ ученіи,—истина въ природѣ. Въ ней высшій разумъ начерталъ волю свою, и изъ природы человѣкъ долженъ перенести ее въ свою жизнь, въ свое общественное устройство. Онъ научился открывать въ естественныхъ наукахъ законы природы, остается примѣнить ихъ къ наукѣ общественной. И когда онъ это сдѣлаетъ, человѣчество будетъ имѣть законъ, счастье и совершенство, пока же онъ не осуществитъ воли высшаго начала, Творца своего, ясно начертанной въ великой книгѣ Природы, будетъ борьба, будетъ мракъ, будетъ несчастіе, царство лжи и зла». Ханыковъ въ рѣчи на обѣдѣ въ память Фурье, между прочимъ, сказалъ: «Преображеніе близко! но не въ вѣрѣ... а въ наукѣ чистой будемъ пріобрѣтать мы бодрость нашихъ страстей на терпѣніе, на дѣло!» Агентъ добылъ отъ Катенева написанную этимъ послѣднимъ тетрадь, заключающую переводъ сочиненія Фейербаха «Религія будущности» [1]) и представилъ ее своему начальству. Катеневъ списалъ эту тетрадь съ экземпляра, даннаго ему Шапошниковымъ, отъ котораго онъ бралъ и сочиненіе Вольтера «Нравственный законъ». Въ бумагахъ Утина былъ найденъ переводъ этого сочиненія Фейербаха.

Студентъ Филипповъ написалъ объясненія 10-ти заповѣдей съ цѣлью провести нѣкоторые либеральные взгляды по крестьянскому вопросу, протестовать противъ войны и проч. [2]) Ѳ. М. Достоевскій и нѣкоторые другіе, напр.,

[1]) „Grundsätze der Philosophie der Zukunft" (1843).

[2]) Слѣдственная комиссія обратила особенное вниманіе на толкованія шестой заповѣди, въ которомъ Филипповъ между прочимъ писалъ: „Всѣ вы идете смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію и что принимаютъ наказаніе, какъ мученики за своихъ ближнихъ. Развѣ не будете защищаться, коли на падутъ на васъ разбойники, а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ не хуже ли онъ разбойника? Не должно быть и войны, ибо всѣ люди по слову евангельскому должны жить какъ братья, и потому начинающій войну дастъ отвѣтъ на судѣ страшномъ, а кто защищается, тотъ

Digitized by Google

Катеневъ, высказывали мысль о необходимости пропаганды среди раскольниковъ.

Петрашевскій въ своихъ письменныхъ показаніяхъ на допросахъ во время слѣдствія предлагалъ «предоставить старообрядцамъ и раскольникамъ свободное публичное отправленіе ихъ вѣроученія, чрезъ что вольется въ общежитіе русское 700 тыс. народа, отъ него отошедшаго».

Что касается политическихъ взглядовъ петрашевцевъ, то нѣкоторые изъ нихъ отрицательно относились къ конституціонализму, и такое мнѣніе поддерживалось, между прочимъ, тѣмъ, что при высокомъ избирательномъ цензѣ лишь сравнительно незначительное количество гражданъ пользуется политическими правами. Въ бесѣдахъ на собраніяхъ Петрашевскаго, Кашкина и др. одни (напр., Момбелли) прямо высказывались за республику [1]), другіе допускали, какъ переходную форму, конституціонное правленіе, но для фурьеристовъ конечнымъ идеаломъ было совершенное исчезновеніе европейскаго государственнаго строя съ его государями, министрами, войскомъ и столицами и замѣна его небольшими общинами по планамъ Фурье. Въ одной изъ рѣчей фурьериста Кашкина находимъ такое мѣсто: «Форма правленія не достаточна, чтобы привести человѣка къ осуществленію стремленія его къ счастью». Д. Д. Ахшарумовъ полагалъ, что осуществить планы Фурье возможно при конституціонномъ правленіи; въ своей записной книжкѣ онъ писалъ: Для устройства фаланстеровъ по ученію Фурье «самое большое препятствіе... глупое, пустое, злое и сильное правительство. Вопросъ

не повиненъ въ крови братьевъ. Итакъ, если мы пойдемъ войною на чужой народъ,—согрѣшимъ. Но всѣхъ болѣе согрѣшитъ тотъ, кто „начинаетъ войну и ведетъ народъ свой на убійство... Отвѣтитъ и народъ, который пустилъ своихъ братій на убой".

[1]) Точно такъ же Катеневъ, студентъ Толстовъ и Шапошниковъ въ бесѣдахъ между собою. Петрашевскій, какъ мы видѣли, высказался за республику въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ во время его пребыванія въ университетѣ.

Digitized by Google

приводится къ тому, какимъ образомъ получить правительство, терпящее нововведенія». Монархическое неограниченное правленіе, по мнѣнію Ахшарумова, можетъ не препятствовать желательнымъ реформамъ лишь тогда, «когда будетъ на престолѣ человѣкъ любознательный, благонамѣренный, преданный благу всего человѣчества, но съ... негодными, недовѣрчивыми, всего опасающимися» государями, «съ невѣжествомъ министровъ и всего правительства рѣшительно нѣтъ надежды на такое нововведеніе. Потому намъ нельзя оставить это въ такомъ положеніи. Надо измѣнить правленіе, но осторожно, чтобы не произошелъ слишкомъ сильный безпорядокъ, который бы вовлекъ народъ опять въ старое». Если невозможна республика, то нужно по крайней мѣрѣ ограничить власть монарха. «Надо конституцію, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ и улучшеній общественной жизни и чтобы не было никакихъ стѣсненій, никакихъ вмѣшательствъ въ дѣла частныхъ людей, въ какомъ бы числѣ они ни сходились вмѣстѣ... Трудно говорить о томъ, какое правленіе въ Россіи скорѣе приведетъ къ цѣли... Стоять... и дожидаться упрямо республиканскаго правленія—значитъ терять время, потому что конституціонное лучше монархическаго неограниченнаго. Пока у насъ нѣтъ человѣка, извѣстнаго всѣмъ, у котораго былъ бы авторитетъ и популярность, то надобно имѣть» монарха, но «предоставить ему самыя ничтожныя преимущества» и объяснить народу, что государь «на все имѣетъ право только съ согласія его самого» (т. е. народа), «такъ, напримѣръ, оставить ему титулъ, голосъ его въ народномъ собраніи считать за нѣсколько голосовъ... и т. п., но чтобы у него не было права ни распускать, ни созывать собраніе, ни назначать время продолженія его, чтобы войско не было въ рукахъ его. Дѣла разсматриваются всѣ въ одной палатѣ, президентъ избирается на короткое время. Потомъ, когда собраніе получитъ довѣренность народа, то можно обой-

Digitized by Google

тись» и безъ государя.

Здѣсь же онъ разсматривалъ вопросъ, какъ вести пропаганду среди простого народа, въ университетѣ, лицеѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія, кадетскихъ корпусахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. На собраніяхъ у Петрашевскаго въ мартѣ и 1-го апрѣля 1849 г. также обсуждался вопросъ, какъ вооружать народъ, служащихъ и проч. противъ начальства [1]).

Въ своемъ показаніи на слѣдствіи Ѳ. М. Достоевскій писалъ: «Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ» (т. е. не требуетъ), «его реформа экономическая; она не посягаетъ ни на правительство, ни на собственность, а въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты Викторъ Консидеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отказался отъ всякаго посягательства на фамилію» (т. е. на семью). «Наконецъ, эта система—кабинетная и никогда не будетъ популярною» (т. е. не распространится въ народѣ?). «Фурьеристы во время всего февральскаго переворота ни разу не вышли на улицу, а остались въ редакціи своего журнала, гдѣ они проводятъ свое время уже слишкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ фаланстеры». Но Достоевскій не зналъ, или не нашелъ нужнымъ объ этомъ заявлять, что послѣ февральской революціи школа фурьеристовъ осудила прежнее равнодушное отношеніе своихъ единомышленниковъ къ политикѣ, и въ палатѣ депутатовъ Консидеранъ вмѣстѣ съ 20 лицами, раздѣлявшими его взгляды и примкнувшими къ крайней лѣвой, энергично защищалъ соціальныя идеи Фурье и интересы рабочихъ. [2])

Въ откровенныхъ бесѣдахъ молодежи и найденныхъ при обыскахъ рукописяхъ не было недостатка въ рѣзкихъ выходкахъ противъ правительства; указывалось и на тя-

[1]) Въ этихъ преніяхъ принимали участіе Баласагло, Дуровъ, Н. Кайдановъ, Филипповъ, Берестовъ и друг.

[2]) Warschauer. Geschichte des Socialismus und Communismus im XIX Iahrhundert", II Abtheilung.

желое положеніе народа. Такъ, напр., Момбелли въ одномъ разсужденіи писалъ: «О, Россіяне! Ради Бога опомнитесь, пока еще не всѣ средства истощены, пока еще можно поправить зло; займы у Гопе и компаніи, сравнительно съ богатствами Россіи, еще не очень значительны, хотя огромны. И теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губ.: мука вовсе не вошла въ его составъ, онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху, и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою». Въ другомъ найденномъ у него листкѣ Момбелли, между прочимъ, писалъ: «Въ Россіи десятки милліоновъ страдаютъ, тяготятся жизнью, лишены правъ человѣческихъ или ради плебейскаго происхожденія своего, или ради ничтожности общественнаго положенія, или по недостатку средствъ существованія; за то въ то же время небольшая часть привилегированныхъ счастливцевъ, нахально смѣясь надъ бѣдствіями ближнихъ, истощается въ изобрѣтеніи роскошныхъ проявленій мелочнаго тщеславія и низкаго разврата, прикрытаго утонченною роскошью».

Въ толкованіи 10 ти заповѣдей студ. Филиппова мы находимъ рѣзкій протестъ противъ войны; въ «Солдатской бесѣдѣ» Григорьева яркими красками описывается тяжелое положеніе солдатъ, а въ дневникѣ поручика Момбелли раздаются громкія проклятія военной службѣ, которая «въ самое короткое время разрушаетъ здоровье, останавливаетъ и притупляетъ умственныя способности,—и все переносишь», продолжаетъ Момбелли, «съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что тѣмъ не приносишь никому никакой пользы,—ни отечеству, ни человѣчеству, ни ближнимъ; напротивъ, видишь ясно, что службою вредишь себѣ прямо и отечеству—косвенно, потому что содержаніе военныхъ силъ требуетъ огромныхъ суммъ, часть которыхъ могла бы быть употреблена на общественныя пользы».

Въ кружкахъ, гдѣ было такъ много писателей, не могли не раздаваться безпрестанно жалобы на цензуру. Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ «показаніи», между прочимъ, писалъ: «Я говорилъ о цензурѣ, объ ея непомѣрной строгости въ наше время... Мнѣ грустно было, что званіе писателя унижено въ наше время какимъ-то темнымъ подозрѣніемъ, и что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, цензура смотритъ какъ будто на какого-то естественнаго врага правительству и принимается разбирать его рукопись уже съ очевиднымъ предубѣжденіемъ. Мнѣ грустно слышать, что запрещается иное произведеніе не потому, чтобы въ немъ нашли что-нибудь либеральное, вольнодумное, противное нравственности, а, напр., потому, что повѣсть или романъ слишкомъ печально кончается, что выставлена слишкомъ мрачная картина, хотя бы эта картина не обвиняла и не заподозривала никого въ обществѣ». Въ подтвержденіе этого Достоевскій ссылался и на отношеніе цензуры къ его собственнымъ произведеніямъ. Слышалось и принципіальное отрицаніе существованія цензуры, которая, по словамъ студента Филиппова на собраніи у Петрашевскаго, «стѣсняетъ свободу и развитіе мысли для того, чтобы народъ не могъ сознательно относиться къ своему положенію». Филипповъ высказывалъ убѣжденіе, что этому надо противодѣйствовать энергическимъ «распространеніемъ идей, которыя могутъ сообщить публикѣ истинный взглядъ на вещи, пробудить въ ней сознаніе настоящаго и желаніе лучшаго въ будущемъ». Во время одного разговора у Петрашевскаго о цензурѣ Дуровъ сказалъ, что «литераторы должны писать такъ, какъ будто бы не было никакой цензуры; тогда, если многое будетъ вымарано, то останется еще кое-что изъ идей автора».

Таковы были идеи, которыя объединяли участниковъ кружковъ Петрашевскаго, Кашкина, Дурова, Плещеева, Момбелли и др. Весьма естественно, что они вездѣ старались распространять свои убѣжденія. Липранди въ своей

Google

запискѣ нарисовалъ фантастическую картину дѣятельной пропаганды, охватившей чуть-ли не всю Россію [1]). Показавъ утверждалъ, что въ кружкахъ Петрашевцевъ шли разговоры о *желательности* такой повсемѣстной пропаганды, онъ стоялъ на почвѣ фактовъ, но когда онъ хотѣлъ найти въ этихъ кружкахъ, не объединенныхъ общимъ планомъ дѣйствія (по признанію самой слѣдственной коммиссіи), какой-то «заговоръ», охватывающій всю Россію, тутъ начиналась уже область фантазіи [2]). Указывая далѣе на желаніе членовъ «общества» возмущать народъ, Липранди сослался на два случая разговора съ легковыми извозчиками [3]). Для усиленія опасности «заговора» Липранди указывалъ на цѣлый рядъ весьма тревожныхъ симптомовъ въ государствѣ: на записки «вреднаго содержанія», разбрасываемыя въ разныхъ губерніяхъ, на «настоящій заговоръ»

---

[1]) „Наибольшая часть членовъ», пишетъ онъ, „предполагала идти... путемъ *пропаганды*, дѣйствующей на *массы*. Съ этою цѣлью въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружить крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастья; тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ: какъ дѣйствовать *на Кавказѣ*, *въ Сибири*, *въ Остзейскихъ губерніяхъ*, *въ Финляндіи*, *въ Польшѣ*, *въ Малороссіи* (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями *Шевченки*, и т. д.)".

[2]) „Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе", продолжалъ Липранди, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько *всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія (?!)*. Для приведенія въ дѣйствіе этого плана, очевидно, нужны были пружины расположенныя повсемѣстно, и я имѣлъ всѣ причины предполагать (?), что всѣ пружины уже устраиваются, а можетъ быть, отчасти и устроены". Курсивъ принадлежитъ Липранди.

[3]) Въ одномъ изъ нихъ учитель Ястржембскій совѣтовалъ не платить господамъ оброка, а если будутъ требовать его, то „давать имъ колотушку". При этомъ извозчикъ сказалъ: „хотѣли было насъ освободить, да государь не захотѣлъ".

Digitized by Google

въ Вильнѣ, Минскѣ и Лидѣ, «имѣющій связь, по сознанію нѣкоторыхъ лицъ, съ заграничными злоумышленниками», въ которомъ участвовали «дворяне, мѣщане, ремесленники, солдаты, преимущественно-же—учителя, студенты и ученики разныхъ званій, изъ которыхъ множество подвергнуто аресту, и слѣдствіе дѣятельно продолжается». Далѣе, онъ обращалъ вниманіе правительства на то, что становятся чаще убійства помѣщиковъ и неповиновенія крестьянъ, увеличивается число дворовыхъ, посылаемыхъ помѣщиками въ съѣзжіе дома для наказанія за грубость и неповиновеніе, усиливаются пожары и поджоги, наконецъ, указывалъ на «почти поголовное движеніе всей Витебской губерніи къ Петербургу» въ 1847 г. [1]), а также одновременныя движенія въ губерніяхъ—Воронежской, Курской и Саратовской. Все это, по мнѣнію Липранди, «не могло происходить безъ *двигателя*, достигающаго, хотя и различными путями, но до одной цѣли, до одного результата—безпорядка, анархіи». До анархіи дѣло не доходило, что-же касается единаго двигателя всѣхъ указанныхъ явленій, очевидно, не имѣющихъ никакой связи съ кружками петрашевцевъ, то Липранди, какъ человѣкъ очень умный, безъ сомнѣнія понималъ, но только не считалъ для себя выгоднымъ высказать, что такимъ двигателемъ было тяжелое положеніе народа и недовольство извѣстныхъ слоевъ общества тогдашними порядками.

Не случайнымъ казался Липранди и самый составъ общества [2]). Мы уже говорили о томъ, что составъ кружк-

---

[1]) Дѣйствительною причиною движенія въ Витебской губ. было то что помѣщики не кормили своихъ голодающихъ крестьянъ. Число всѣхъ волновавшихся было около 10.000. См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ", II, 600—604 и „Рус. Стар." 1892 г. № 7, стр. 3—5.

[2]) „Безъ сомнѣнія", увѣрялъ онъ, „не для чего иного, какъ съ цѣлью произвесть всеобщее, повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званій по службѣ, но и не служащіе изъ всѣхъ сословій: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенно заговоры бываютъ большею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію. На

Digitized by Google

ковъ петрашевцевъ былъ болѣе демократическій, чѣмъ тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ, но утвержденіе Липранди, что кружки петрашевцевъ состояли изъ людей, не близкихъ другъ другу,—совершенно не основательно. Если не имѣть въ виду нѣкоторыхъ случайныхъ посѣтителей собраній Петрашевскаго и исключить мѣщанина Шапошникова, на котораго намекаетъ Липранди, студента Толстова и сына почетнаго гражданина Катенева, составляющихъ совершенно особую группу, довольно искусственно притянутую къ дѣлу петрашевцевъ и арестованную по доносу особаго агента за ихъ неосторожные разговоры, то всѣ остальные были людьми болѣе или менѣе близкими: это были или писатели прогрессивнаго лагеря, участвующіе въ однихъ и тѣхъ же журналахъ, или товарищи по университету и лицею, или педагоги, которыхъ сближали ихъ преподавательская дѣятельность и общее стремленіе развивать юношество въ духѣ симпатичныхъ имъ идей.

На этотъ послѣдній разрядъ привлеченныхъ къ дѣлу обратилъ особенное вниманіе Липранди въ своей запискѣ, такъ какъ предсѣдатель коммиссіи для разбора бумагъ арестованныхъ, статсъ-секретарь кн. А. Ѳ. Голицынъ, поручилъ ему, какъ члену комиссіи, ознакомиться съ учебными тетрадями, лекціями и литографированными курсами. Липранди указываетъ, напримѣръ, на классныя сочиненія Порф. Ламанскаго (1841—42 г.), на тему о римской республикѣ и Александрѣ Невскомъ [1]).

примѣръ, въ заговорѣ 1825 г. участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ-же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ рядомъ находятся неокончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, казалось мнѣ", продолжаетъ Липранди, «что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и, слѣдовательно, чтобы дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюдно".

[1]) Въ этомъ послѣднемъ было, напр., слѣдующее мѣсто: указывая на пагубныя послѣдствія татарскаго ига, составитель сочиненія пи-

Въ одномъ литографированномъ курсѣ, найденномъ въ бумагахъ Бѣлецкаго, Липранди отмѣтилъ слѣдующій отзывъ о республиканскомъ правленіи: «При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ» («а объ нихъ ни слова», язвительно замѣчаетъ Липранди), «республика имѣетъ то особенное свойство, что, несмотря на отсутствіе силы управляющей въ одномъ недѣлимомъ лицѣ, она обладаетъ великою нравственною силою, потому что въ ней *всякій гражданинъ имѣетъ право участвовать въ государственномъ правленіи* и, слѣдовательно, долженъ получить образованіе, достойное этого участія. Оттого республиканское правленіе въ особенности пробуждаетъ страсть къ дѣламъ политическимъ и къ ораторству; здѣсь каждый желаетъ быть первымъ и стремится отличиться чѣмъ-нибудь. *Самыя даже безпрерывныя возмущенія и междоусобныя войны, неразлучныя съ этимъ образомъ правленія, споспѣшествуютъ быстрому развитію духа*» [1]).

Липранди указывалъ также на найденное въ бумагахъ одного арестованнаго упоминаніе о женскихъ литературныхъ обществахъ. Онъ имѣетъ въ виду рѣчь Серебря-

салъ: „Деспотизмъ глубоко пустилъ свои корни, и униженное рабство надолго осталось въ народѣ. Князья, по сверженіи татарскаго ига, увидѣли для себя выгоду власти деспотической, и съ тѣхъ поръ являются притѣснителями народа, сохранившаго еще благородныя чувства подъ грубою корою рабства, оставшагося на немъ со времени ига; народъ еще не могъ опомниться отъ бѣдствій и не смѣлъ думать объ улучшеніи своего состоянія, а ждалъ этого отъ князей, которые совершенно не заботились о своихъ подданныхъ". Болѣе видные педагоги-петрашевцы были, во-первыхъ,—Ястржембскій—помощникъ инспектора классовъ и преподаватель въ Технологическомъ Институтѣ, преподаватель въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, корпусѣ Путей Сообщенія и Дворянскомъ полку; онъ читалъ статистику и начатки политической экономіи (см. благодарное воспоминаніе о немъ М. И. Венюкова въ „Русск. Стар." 1890 г., № 4, стр. 245), и, во-вторыхъ, Толль, преподаватель русской словесности въ Главномъ Инженерномъ училищѣ и исторіи—въ школѣ кантонистовъ.

[1]) Курсивъ Липранди. Въ другомъ литографированномъ курсѣ (найденномъ въ бумагахъ Филиппова), авторъ изъ исторіи французской

Digitized by Google

кова, читанную имъ 5 марта 1848 г. при открытіи перваго дамскаго литературнаго общества на Петербургской сторонѣ. Желаніе Толля и Петрашевскаго ввести на собранія у послѣдняго нѣсколькихъ «умныхъ женщинъ», чрезъ которыхъ «идеи скорѣй расходятся» и усваиваются, осуществлено не было. [1]).

Такова картина пропаганды, охватившей, по мнѣнію Липранди, всю Россію. Въ дѣйствительности-же, кромѣ описанныхъ кружковъ Петрашевскаго, Кашкина, Дурова и др. и желанія педагоговъ вліять на учениковъ соотвѣтственно своимъ убѣжденіямъ, сѣть пропаганды, будто-бы распространенной по всей Россіи, сводилась, въ сущности, къ попыткамъ нѣсколькихъ лицъ проводить соціалистическіе взгляды въ провинціи: Тимковскаго, который устроилъ [2]) въ Ревелѣ два кружка для изученія соціализма, Кайданова въ Ростовѣ и трехъ лицъ въ Казани. Липранди называетъ еще: 1) Кузмина въ Тамбовѣ, который, однако, не былъ убѣжденнымъ фурьеристомъ, и слѣдовъ энергической пропаганды котораго вообще не обнаружено, чѣмъ и объясняется, что онъ былъ освобожденъ изъ крѣпости безъ наказанія; 2) Черносвитова въ Сибири, который занимался тамъ, кажется, болѣе золотопромышленностью и лишь въ Петербургѣ, очевидно совершенно случайно, впутался въ дѣло петрашевцевъ, судя по тому, что въ началѣ 40-хъ гг. онъ былъ усерднымъ

революціи „выводитъ заключеніе, что „государственная система, основанная на политическомъ эгоизмѣ, не можетъ быть твердою, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ все полагается на войско—непрочно, потому что, разъ войско разбито—все пропало". Въ лекціяхъ законовѣдѣнія, найденныхъ у Пальма, Липранди отмѣтилъ слѣдующее мѣсто: „Равенство людей есть слѣдствіе единства человѣческаго рода". „Рус. Стар. 1872, т. VI. Кн. Н. С. Голицынъ, бывшій тогда директоромъ училища правовѣдѣнія, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ старшемъ классѣ 1848—49 учебнаго года „наполовину были неблагонадежные молодые люди и въ религіозномъ, и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ (даже нигилисты)". „Рус. Стар." 1890 г., т. 68, стр. 376.

[1]) Записка Липранди нап. въ „Рус. Стар." 1872, т. VI, 75—83.

[2]) При участіи Беклемишева.

Digitized by Google

исправникомъ на Уралѣ [1]), и 3) А. Н. Плещеева въ Москвѣ, который вращался въ тамошнихъ литературныхъ кружкахъ, нашелъ людей «сочувствующихъ», какъ онъ писалъ Дурову, «нашимъ мыслямъ о способахъ дѣятельности», но также ничѣмъ не обнаружилъ особеннаго пропагандистскаго усердія. Къ названнымъ лицамъ Липранди нашелъ возможнымъ причислить еще лишь одно имя, да и то съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: Аристова въ Костромѣ.

IV.

Какъ уже было замѣчено выше, однимъ изъ самыхъ радикальныхъ членовъ кружковъ Петрашевцевъ былъ Н. А. Спѣшневъ, проведшій за границей четыре года (1842—46 г.). Въ это время онъ, между прочимъ, занимался исторіею тайныхъ обществъ и, по его показанію, составилъ проектъ подписки, который былъ найденъ въ его бумагахъ въ неоконченномъ видѣ [2]). Вотъ эта подписка:

---

[1]) Черносвитовъ съ 1838 по 1842 г. былъ исправникомъ на границѣ Пермской губ. съ Сибирью и во время бунта въ Шадринскомъ уѣздѣ, вызваннаго слухами объ обращеніи государственныхъ крестьянъ въ собственность министра государственныхъ имуществъ Киселева (такъ наз. картофельнаго бунта) дѣйствовалъ, по оффиціальной аттестаціи, „съ примѣрнымъ благоразуміемъ"; на мѣстѣ о немъ отзывались, какъ объ „отлично распорядительномъ исправникѣ".

[2]) Ратчъ въ своей книгѣ о польскомъ вопросѣ утверждаетъ будто-бы польки-патріотки изъ семейства Цѣхановецкихъ увлекли Спѣшнева за границу, чтобы сдѣлать его сторонникомъ своего дѣла (особенно указываетъ онъ на Изабеллу Цѣхановецкую, урожденную Кобылинскую). Если вѣрить Ратчу, Спѣшневъ „привезъ въ Россію статуты польской революціонной организаціи". Онъ увѣряетъ, что „въ заговорѣ петрашевцевъ роль поляковъ обнаружилась яснѣе". (Ratch. „La question polonaise dans la Russie occidentale. Materiaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863". P. 1868, p. 103). Но слѣдственная коммиссія по дѣлу петрашевцевъ не обнаружила никакихъ слѣдовъ польскихъ революціонныхъ вліяній, да и вообще на первомъ мѣстѣ въ кружкѣ петрашевцевъ стояли вопросы не національные, а соціальные. Ястржембскій на одномъ изъ собраній у Петрашевскаго сказалъ: „я полякъ душой и тѣломъ, за свободу Польши готовъ позволить выпустить себѣ всю кровь по каплѣ, но если бы былъ увѣренъ, что самостоятельность

Digitized by Google

«Я, нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію, поступаю въ Русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду: 1) когда распорядительный Комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участіе въ возстаніи и дракѣ, печатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильятору для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и т. д. Для сего я и переписываю для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяціи другихъ» [1]).

Слѣдственная комиссія, въ виду важности этого документа, употребила всѣ усилія, чтобы побудить Спѣшнева дать относительно него откровенное показаніе [2]). Но онъ, несмотря на всѣ настоятельные допросы, положительно утверждалъ, что никакого Русскаго тайнаго общества никогда не существовало, и что подписка, найденная въ его бумагахъ, —лишь проектъ, который написанъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, «давно имъ забытъ и никому не былъ показанъ, что, проведя нѣкоторое время за границей и возвратясь затѣмъ въ Россію, проникнутый коммунистскими идеями», онъ, хотя и мечталъ о способахъ «въ томъ-же духѣ, произвести переворотъ въ нашемъ общественномъ бытѣ, однако жъ все это было только предметомъ его разсужденій безъ примѣненія къ дѣлу».

Слѣдственная комиссія допрашивала по этому поводу всѣхъ арестованныхъ, бывшихъ въ сношеніяхъ со Спѣшневымъ, однако всѣ единогласно показали, что никто изъ

Польши бредна развитію общечеловѣческой идеи, то первый однимъ взмахомъ топора отрубилъ бы ей голову".

[1]) Слѣдующій затѣмъ пунктъ, обозначенный цифрою 4, написанъ небылъ.

[2]) Съ этою цѣлью комиссія уже испрашивала разрѣшенія наложить на него оковы „Русск. Стар." 1905 г. № 2, стр. 313.

Digitized by Google

нихъ этой подписки не видѣлъ, и ни у кого въ бумагахъ копіи съ нея не оказалось.

Комиссія все не убѣждалась въ правдивосуи показанія Спѣшнева и требовала откровеннаго признанія. Тогда, вѣроятно, полагая, какъ и нѣкоторые другіе петрашевцы, что если онъ откровенно покается рѣшительно во всемъ, даже и въ томъ, что еще неизвѣстно комиссіи, то будетъ видно, какъ въ сущности, невелики ихъ вины сравнительно съ тѣмъ, въ чемъ ихъ подозрѣваютъ. Спѣшневъ, «въ доказательство искренности своего показанія», добровольно вызвался раскрыть два неосуществленныхъ замысла, въ которыхъ онъ участвовалъ и которые не имѣли, однако, никакой связи съ приведенною выше подпискою.

Относительно перваго замысла Спѣшневъ показалъ, что въ концѣ 1848 г. на собраніяхъ у Петрашевскаго появился отставной офицеръ Черносвитовъ, «человѣкъ, одаренный умомъ, познаніями и краснорѣчіемъ» [1]) Онъ разсказывалъ, что Восточная Сибирь, гдѣ онъ постоянно живетъ, «совсѣмъ отдѣльная страна отъ Россіи, богатая, прекрасная, которой вѣрно когда-нибудь суждено быть отдѣльной имперіей, при чемъ звалъ всѣхъ въ Сибирь», говоря, что «это славная страна и что люди тамъ славные» [2]), и разсказывалъ о бунтѣ, бывшемъ въ 1841 г. въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ. На Спѣшнева, много думавшаго о тайныхъ обществахъ, Черносвитовъ произвелъ такое впечатлѣніе, что онъ или эмиссаръ, или глава какого-нибудь тайнаго общества въ Сибири. Подстрекаемый любопытствомъ, Спѣшневъ въ слѣдующую пятницу хотѣлъ было сблизиться съ Черносвитовымъ, но случая не представилось,

[1]) Черносвитова ввелъ въ домъ Петрашевскаго студентъ „купеческій сынъ" Латкинъ, вѣроятно извѣстный впослѣдствіи золотопромышленникъ. Черносвитовъ занимался „порученіями частныхъ компаній на золотыхъ пріискахъ". „Русск. Стар." 1905 г. № 2, стр. 319, 322.

[2]) Черносвитовъ въ своемъ показаніи заявилъ, что онъ дѣйствительно часто называлъ Сибиръ Америкою, Калифорніею, русскою Мексикою и проч.. и, „увлекаясь иногда въ сужденіяхъ о будущности Сибири, не разъ называлъ ее великою имперіей".

Digitized by Google

и онъ успѣлъ перекинуться съ нимъ лишь нѣсколькими словами.

Но по разъѣздѣ гостей Петрашевскій свелъ Черносвитова со Спѣшневымъ, и первый сталъ наводить ихъ на мысль, что въ Россіи существуетъ тайное общество, и доказывалъ это пожарами въ 1848 г. и происшествіями въ низовыхъ губерніяхъ [1]). Петрашевскій его поддерживалъ, однако-жъ разговоръ не вязался, и Спѣшневъ поѣхалъ домой вмѣстѣ съ Черносвитовымъ. Дорогою Черносвитовъ спросилъ Спѣшнева:

— Какая, по его мнѣнію, была-бы теперь самая полезная реформа въ Россіи?

— Реформа крѣпостного состоянія,—отвѣчалъ Спѣшневъ.

— И я такъ думаю,—согласился Черносвитовъ.

Дня черезъ два послѣ этого Спѣшневъ заѣхалъ навѣстить заболѣвшаго Черносвитова и по его просьбѣ излагалъ ему свои мнѣнія о фурьеризмѣ, а Черносвитовъ вскорѣ послѣ того отдалъ ему визитъ и началъ, между прочимъ, намекать на готовность быть откровеннымъ, если и его собесѣдникъ будетъ говорить откровенно. Когда Спѣшневъ изъявилъ на это готовность и притворно намекнулъ, что и онъ кое-что знаетъ, то Черносвитовъ просилъ его послать за Петрашевскимъ, и самъ написалъ и отправилъ къ нему пригласительную записку. Затѣмъ Черносвитовъ сталъ допытываться, гдѣ есть Общество,—здѣсь или въ Москвѣ, и когда Спѣшневъ сказалъ: «разумѣется, въ Москвѣ», то онъ выразилъ сомнѣніе относительно существованія тамъ тайнаго общества, но прибавилъ: «а впрочемъ, можетъ быть». Затѣмъ Черносвитовъ сталъ разспрашивать о планѣ дѣйствія.

— Плана, собственно, еще нѣтъ: онъ зависитъ отъ случая,—отвѣчалъ Спѣшневъ.—Вотъ теперь на Волыни не такъ смирно.

[1]) Выше приведено было упоминаніе Липранди о волненіи въ Саратовской губерніи.

Digitized by Google

— Возстанія должно ожидать не на Волыни,—замѣтилъ Черносвитовъ:—тамъ войска много, развѣ будетъ заграничная война, а на Пермскихъ заводахъ, гдѣ 400 т. народа, оружіе подъ рукою, и все только и ждетъ первой вспышки.

И Черносвитовъ сталъ излагать планъ возстанія въ Восточной Сибири и на Уралѣ. По его мнѣнію, было необходимо, чтобы сначала загорѣлось возстаніе въ Восточной Сибири; туда пошлютъ корпусъ, но едва онъ перейдетъ Уралъ, какъ поднимется все уральское населеніе, и тогда весь корпусъ останется въ Сибири. Тогда съ 400 т. заводскихъ крестьянъ можно будетъ кинуться на низовыя губерніи и землю Донскихъ казаковъ [1]). На усмиреніе этого возстанія потребуются всѣ войска, если же къ этому присоединится бунтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то и все кончено: революціонная партія выиграла. На всѣ приготовленія къ возстанію нужно было, по мнѣнію Черносвитова, по крайней мѣрѣ, годъ, но, «впрочемъ, можно въ теперешнемъ положеніи попридержать это еще лѣтъ 5—6».

Замѣтивъ, что у Спѣшнева много прислуги, Черносвитовъ не сталъ ждать Петрашевскаго, а просилъ его вмѣстѣ съ Петрашевскимъ пріѣхать къ нему. По приходѣ Петрашевскаго Спѣшневъ тотчасъ отправился съ нимъ къ Черносвитову и по дорогѣ сказалъ:

— Только я буду представляться, что я глава цѣлой партіи; пожалуйста, и ты сдѣлай то же, а то онъ ничего не скажетъ.

Петрашевскій нѣсколько съ сердцемъ отвѣчалъ:

— Ну, на что это?—и всю дорогу молчалъ.

Когда они пришли къ Черносвитову, тотъ усадилъ ихъ и сказалъ:

— Ну, господа, теперь надо вести дѣло на чистоту!

— Ну да,—сказалъ Петрашевскій и, круто обратив-

[1]) Спѣшневъ, по показанію Черносвитова, назвалъ это „Пугачевскимъ путемъ". Черносвитовъ надѣялся также повліять и на раскольниковъ.

Digitized by Google

шись къ Спѣшневу, прибавилъ:—вотъ не угодно ли вамъ, напр., сказать, какіе и гдѣ вы видите способы къ возстанію?

— По моему мнѣнію,—отвѣчалъ Спѣшневъ,—всего одинъ вопросъ въ Россіи представитъ поводъ къ народному возстанію, именно крѣпостной вопросъ.

Тогда Петрашевскій сталъ настаивать, чтобы онъ объяснилъ, гдѣ и какъ можетъ произойти возстаніе?

— Черносвитовъ часъ или полтора тому назадъ говорилъ мнѣ,—отвѣчалъ Спѣшневъ,—что у него весь Уралъ подъ рукою: 400 т. народу—это сила страшная.

— Все то, что говоритъ Черносвитовъ, относится лишь до него одного,—замѣтилъ Петрашевскій.

Тогда Черносвитовъ, обращаясь къ Спѣшневу, сказалъ:

— Вѣдь вы мнѣ говорили про Москву?

Петрашевскій, зная, что Спѣшневъ сказалъ неправду, сталъ ясно намекать на это:

— Разумѣется, можно строить химеры,— сказалъ онъ,—но нужно говорить серьезно.

— Не существуетъ ли чего въ гвардіи?—спросилъ Черносвитовъ, и когда ему отвѣчали отрицательно, прибавилъ:—а это было бы очень важно!

Тогда Петрашевскій сталъ говорить вообще противъ бунта и возстаній черни, развивалъ фурьеристскія воззрѣнія и въ заключеніе сказалъ, что онъ надѣется видѣть на своемъ вѣку фаланстеръ и жить въ немъ [1]). Спѣшневъ послѣ этого уѣхалъ.

Разсказавъ все это въ своемъ показаніи, Спѣшневъ прибавилъ, что его отвѣты Черносвитову «не имѣли никакого основанія, а клонились только къ тому, чтобы раз-

[1]) Черносвитовъ въ своемъ показаніи подтвердилъ, что между Петрашевскимъ и Спѣшневымъ произошелъ споръ. Послѣдній полагалъ, что для улучшенія настоящаго положенія Россіи долженъ произойти насильственный переворотъ, а Петрашевскій утверждалъ, что этого можно достигнуть легальнымъ путемъ, благоразумно улучшая и направляя законы.

Digitized by Google

вѣдать его мысли», и что послѣ ихъ послѣдняго разговора втроемъ онъ совершенно съ нимъ разстался.

Петрашевскій съ своей стороны подтвердилъ показаніе Спѣшнева и добавилъ, что во время послѣдняго разговора Черносвитовъ, между прочимъ, сказалъ: «надобно всѣхъ запереть и разомъ схватить». На вопросъ комиссіи о значеніи этихъ словъ Петрашевскій отвѣчалъ, что смыслъ ихъ понятенъ, и что, конечно, они не могутъ не относиться «къ высшему правительству безъ исключенія». Въ другой разъ Петрашевскій заявилъ, что Чернюсвитовъ «неоднократно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, разсказывалъ, что онъ членъ какого-то тайнаго общества въ высшемъ аристократическомъ кругу». Нужно замѣтить, что Петрашевскій во время заключенія въ крѣпости страдалъ психическою болѣзнью [1]). Черносвитовъ, вслѣдствіе показанія Спѣшнева, былъ арестованъ близъ Омска и привезенъ въ Петербургъ.

Такъ какъ Черносвитовъ отрицалъ справедливость показанія Спѣшнева, а также и заявленій Петрашевскаго, то ему была дана очная ставка со Спѣшневымъ, который, однако, подтвердилъ свое показаніе, пояснивъ только, что «Черносвитовъ никогда не приглашалъ его приступать къ дѣйствію по изложенному имъ плану, а разсказывалъ это единственно, какъ возможность». Что касается очной ставки съ Петрашевскимъ, то, въ виду того, что онъ недавно подвергался разстройству умственныхъ способностей, слѣдственная комиссія сочла нужнымъ прежде узнать, въ какомъ положеніи онъ находится, и вызвала его въ свое присутствіе. «Сдѣлавъ ему нужные разспросы, коммиссія убѣдилась, что Петрашевскій и нынѣ еще находится подъ вліяніемъ нервнаго разстройства, и по раздражительности своего характера не только не можетъ быть употребленъ для сдѣланія уликъ Черносвитову, но еще, по извѣстному его упорству, скорѣе затмитъ съ умысломъ сдѣланныя по

Digitized by Google

[1]) „Рус. Стар." 1905 г. № 2, стр. 331. 333—334.

настоящее время открытія, а потому комиссія опредѣлила: очной ставки Петрашевскому съ Черносвитовымъ не дѣлать [1]).

Разсказы Черносвитова о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ заставили правительства сдѣлать запросъ о томъ генералъ-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову. Но онъ отвѣчалъ, что не находитъ никакого повода опасаться нарушенія спокойствія и общественнаго порядка въ этой части Сибири.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 23-го сентября 1849 г. по поводу секретнаго письма кн. Горчакова и отвѣта на предписаніе военнаго министра о принятіи мѣръ предосторожности въ Западной Сибири было сказано:

„Предположеніе о возможности возбудить мятежъ въ Западной Сибири съ цѣлью разлить оный по внутреннимъ губерніямъ кн. Горчаковъ считаетъ неудобоисполнимымъ. Онъ ручается за сохраненіе въ Западной Сибири *общаго* спокойствія, если только измѣненіемъ быта тамошнихъ жителей не будетъ подано повода къ превратнымъ толкамъ, могущимъ возбудить ихъ сомнѣніе. Увѣренность въ удержаніи общаго порядка въ Западной Сибири онъ основываетъ не на самонадѣянности на свое управленіе и не на надежности мѣстныхъ способовъ укрощенія, въ сущности, далеко недостаточныхъ, а на 14-ти-лѣтнемъ изученіи быта и нравовъ народонаселенія, нисколько не отягощающагося не токмо требованіями правительства, но даже и тѣми болѣе или менѣе добровольными дарами, которые часто подносятся второстепеннымъ властямъ. Это вошло въ обыкновеніе и рѣдко о какомъ либо поборѣ доводятся жалобы, не взирая на извѣстную его, кн. Горчакова, строгость въ преслѣдованіи взяточниковъ.

„Конечно, отдаленность Зауральскаго края, недостатокъ въ немъ, соразмѣрно пространству, полицейскаго надзора и, можетъ быть, надежда на бездѣйствіе войскъ, составленныхъ изъ туземцевъ и людей сблизившихся съ ними, могли-бы подать мысль о начатіи мятежа въ Сибири; но планъ этотъ, при здравомъ разборѣ, болѣе заманчивъ, чѣмъ удобоисполнимъ. Благодаря Бога и мудрости правительства, масса народа въ Россіи не доведена еще до степени того образованія, коему Европа обязана нынѣ своими смутами; у насъ не предоставлено еще толпѣ полуграмотныхъ пролетаріевъ, составляющихъ собою подвижной

[1]) Въ крѣпости началась также душевная болѣзнь Григорьева сошелъ съ ума Катеневъ и временно былъ боленъ психически К. М Дебу.

Digitized by Google

цехъ революціонеровъ, публично проповѣдывать самыя пагубныя бредни и гласно склонять народъ къ ниспроверженію порядка. Чтобы возмутить нашего поселянина нужны не политическія сказки, а двигатель болѣе ему близкій и непосредственно до его благосостоянія касающійся. Но чего же недостаетъ у сибиряка? Свободы? онъ пользуется ею даже съ излишествомъ.—Благосостоянія? онъ имъ обладаетъ вполнѣ и вообще доволенъ своимъ бытомъ".

По этимъ причинамъ кн. Горчаковъ просилъ отложить до болѣе удобнаго времени „всякое нововведеніе, какъ-бы оно полезно ни было, дабы не возродить толковъ, могущихъ иногда принять направленіе вредное..." [1]).

Выразивъ увѣренность, „что проповѣдованіе соціализма не поколеблетъ вѣрности сибиряковъ къ Государю, и что населеніе зажиточное не легко склонится къ теоріи, уничтожающей собственность (?), кн. Горчаковъ разсматриваетъ возможность произвести мятежъ въ Сибири другимъ двигателемъ, болѣе для нея заманчивымъ, а именно о возможности отложиться отъ Россіи.

„Безспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, къ коей привязаны болѣе внутреннихъ обывателей, что они съ излишествомъ цѣнятъ ея изобиліе, удобства, наконецъ, что возникаетъ уже классъ, взирающій не совсѣмъ равнодушно на пользы, извлекаемыя имперіею отъ сибирской торговли, отъ тамошнихъ произведеній и въ особенности отъ золота, сокровищъ, составляющихъ, яко-бы, частную собственность Сибири,—коснувшись сей струны, можно скорѣй найти отголосокъ въ сердцѣ сибиряка и, можетъ быть, возбудить желаніе къ составленію независимаго владѣнія; но и это направленіе *молодой только части* не представляетъ еще существенной опасности. Для подобнаго предпріятія нужны способы, коихъ въ Сибири не имѣется, а еще болѣе непосредственныя сношенія съ чужестранцами, которые могли-бы за золото доставить мятежникамъ оружіе, снаряды и товары для житейскихъ потребностей. Сіи послѣдніе, при недостаткѣ въ Сибири фабрикъ, получаются изъ Россіи и уже сдѣлались для зажиточныхъ сибиряковъ необходимостью.—Къ счастью, географическое положеніе края противится сему предпріятію, и Сибирь недоступна иноземцамъ".

Оренбургскій военный губернаторъ, генералъ Обручевъ, также извѣстилъ, что «къ нему не поступало отъ мѣстныхъ начальниковъ никакихъ донесеній о неблагонамѣренныхъ толкахъ во ввѣренномъ ему краѣ», и что въ

---

[1]) По сообщенію кн. Горчакова, «сибиряки, въ особенности чуждаются управленія Государственныхъ Имуществъ и опасаются учрежденія вольныхъ почтъ».

Digitized by Google

послѣднее время онъ «проѣзжалъ большое пространство Оренбургскаго края и самый Уралъ по двумъ направленіямъ, гдѣ находятся заводы съ значительнымъ населеніемъ, и вездѣ видѣлъ одно спокойствіе, жители занимаются своими обычными работами, и нигдѣ не было приносимо жалобъ». Тѣмъ не менѣе для предосторожности Обручевъ приказалъ мѣстному начальству еженедѣльно представлять ему донесеніе о всѣхъ пріѣзжающихъ лицахъ.

Относительно «второго замысла» Спѣшневъ показалъ, что вскорѣ послѣ разговора съ Черносвитовымъ, въ декабрѣ 1848 г., одинъ изъ посѣтителей Петрашевскаго, поручикъ Момбелли, предложилъ Петрашевскому и ему, Спѣшневу, составить товарищество для взаимнаго поддержанія другъ друга [1]). Петрашевскій согласился на это и предложилъ съ своей стороны въ члены товарищества Конст. М. Дебу, а Момбелли—штабсъ-капит. Ѳ. Львова, и черезъ нѣсколько времени всѣ они собрались у Спѣшнева. Здѣсь Момбелли, развивая свою мысль и указывая на выгоды такой солидарности или товарищества, предлагалъ составить капиталъ посредствомъ вкладовъ; считая ихъ нужными и для опредѣленія числа членовъ, которые согласились бы поступить въ товарищество. Кассу онъ полагалъ ввѣрить комитету, составленному изъ пяти основателей общества, въ которое онъ «думалъ принимать соціалистовъ вообще и людей передовыхъ мнѣній» [2]). Послѣ

---

[1]) На допросахъ выяснилось, что Момбелли сообщилъ о своемъ проектѣ прежде всего Львову, потомъ Петрашевскому, а по желанію послѣдняго и Спѣшневу. Изъ этого видно, что Петрашевскій признавалъ способности Спѣшнева и желалъ работать съ нимъ сообща.

[2]) На допросахъ другіе присутствовавшіе назвали его обществомъ «изъ людей передовыхъ мнѣній и прогрессистовъ, которые могли бы двинуть гражданскій бытъ впередъ на новыхъ началахъ». Момбелли предлагалъ критиковать мѣры правительства и указывать на заслуги членовъ общества, какъ литераторовъ, такъ и другихъ. Изъ собраннаго капитала Момбелли предлагалъ оказывать помощь пострадавшимъ членамъ.

Digitized by Google

этого Спѣшневъ набросалъ планъ тайнаго общества, главныя основанія котораго состояли въ слѣдующемъ: «Есть три внѣправительственные пути дѣйствія: іезуитскій, пропагандный и возстанія; каждый изъ нихъ не вѣренъ и оттого больше шансовъ, если взять всѣ три дороги». Для этого нуженъ «одинъ центральный комитетъ, котораго занятіе будетъ состоять въ созданіи частныхъ: 1) комитета товарищества, 2) комитета для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунистской и моральной, и, наконецъ, 3) комитета тайнаго общества на возстаніе. Момбелли указывалъ на необходимость откровенности, предлагалъ, чтобы каждый изъ членовъ написалъ свою біографію и притомъ «упомянулъ про смерть измѣннику», а Львовъ разсуждалъ о формахъ общества [1]), но различныя предложенія вызвали разногласія, вслѣдствіе чего всѣ дальнѣйшія совѣщанія были прекращены и остались безъ послѣдствій, а планъ, составленный Спѣшневымъ, былъ сожженъ. Много содѣйствовалъ тому, что проектъ Момбелли не былъ осуществленъ, К. М. Дебу, который заявилъ, что участвовать въ тайномъ обществѣ не желаетъ и совѣтовалъ и Петрашевскому не принимать въ немъ участія.

V.

Секретная слѣдственная комиссія по дѣлу петрашевцевъ состояла изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателемъ ея былъ комендантъ крѣпости ген.-ад. Набоковъ, членами: д. т. с. членъ госуд. совѣта кн. Гагаринъ, товарищъ военнаго министра ген.-ад. кн. Долгоруковъ и начальникъ штаба корпуса жандармовъ ген.-лейт. Дубельтъ; нѣсколько позже къ нимъ былъ присоединенъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній ген.-ад. Ростовцевъ.

---

[1]) Онъ предлагалъ сначала принять не менѣе 9 или 11 членовъ, «а когда послѣ составятся афильяціи, то „чтобъ въ каждой изъ нихъ было по два главныхъ члена". Петрашевскій также читалъ записку о необходимости образованія общества по системѣ Фурье съ тою цѣлью, чтобы, „когда придетъ время, были люди готовы".

Digitized by Google

По окончаніи допроса всѣхъ арестованныхъ, слѣдственная комиссія нашла, что нѣкоторые изъ нихъ, а именно отставной капит. лейт. Кузминъ [1]), служившій въ государственномъ заемномъ банкѣ Ольдекопъ, назначенный исправ. должность олонецкаго губернскаго прокурора Александръ Барановскій и отст. подпор. Достоевскій 2-ой (Мих. Мих.) бывали на собраніяхъ у Петрашевскаго «совершенно случайно, сами въ предосудительныхъ разговорахъ не участвовали, въ бумагахъ ихъ ничего подозрительнаго не найдено и, вообще, къ обвиненію ихъ въ какомъ-либо злоумышленіи по дѣлу нѣтъ никакихъ основаній; изъ нихъ Достоевскій хотя бывалъ также у колл. ассес. Дурова на музыкально-литературныхъ вечерахъ, но когда вечера сіи начали въ послѣднее время получать направленіе политическое, то Достоевскій тотчасъ же отклонилъ это». Поэтому, съ разрѣшенія государя, комиссія освободила этихъ лицъ.

Затѣмъ, по докладу о дѣйствіяхъ комиссіи, 27 іюня 1849 г. государь повелѣлъ: тѣхъ изъ арестованныхъ, которые будутъ признаны невиновными или мало виновными, выпустить изъ-подъ ареста.

Къ разряду мало виновныхъ комиссія отнесла 12 лицъ [2]) и исходатайствовала освобожденіе ихъ изъ-подъ

---

[1]) Алексѣй Алексѣевичъ, братъ Павла Алексѣевича (записки послѣдняго напечатаны въ „Рус. Стар." 1895 г.).

[2]) Вольнослушателя петер. унив. Мадерскаго, бывшаго вольносл. того же унив. Дѣева, художника Берестова, учителя рисованія Бернардскаго, кандидата унив. Михайлова, чиновниковъ Кайданова (брата того, который жилъ въ Ростовѣ), Серебрякова (изъ москов. универс.) и Чирикова, увол. отъ службы капит.-лейт. Тимковскаго, шт.-капит. Кропотова и чиновниковъ Щелкова и (Порф.) Ламанскаго. Всѣ они были арестованы 23 апрѣля. Художникъ Бернардскій (изъ крестьянъ), арестованный потому, что бывалъ у Петрашевскаго и заключенный въ крѣпость, не имѣлъ понятія ни о соціализмѣ, ни о коммунизмѣ, и потому, когда въ слѣдственной комиссіи его спросили: „Вы коммунистъ?" онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, я Бернардскій". Въ виду такой невинности его рѣшено было освободить. Л. Жемчужниковъ. „Мои воспоминанія изъ прошлаго 1830—1850 гг.". „Вѣстникъ Европы" 1900 г. № 12, стр. 502.

ареста съ тѣмъ, чтобы этотъ арестъ не имѣлъ никакого вліянія на ихъ службу, но при томъ всѣ они были обязаны подпискою содержать въ строгой тайнѣ всѣ распросы въ комиссіи, впредь никогда не принадлежать ни къ какому тайному обществу и не распространять какимъ бы то ни было образомъ «идей соціальныхъ и коммунистскихъ и вообще либеральныхъ (въ томъ числѣ и ученія Фурье» [1]). Кромѣ того, всѣ они были отданы подъ секретный надзоръ.

Затѣмъ комиссія обратилась къ обсужденію виновности тѣхъ арестованныхъ, которые не имѣли никакого сношенія съ Петрашевскимъ, и были взяты по другимъ обстоятельствамъ дѣла. Къ числу ихъ были отнесены: учитель исторіи 2-го кадетскаго корпуса Петръ Бѣлецкій и студентъ университета Григ. Данилевскій (вѣроятно, извѣстный впослѣдствіи беллетристъ). Въ запискѣ Липранди приведенъ отрывокъ изъ найденнаго у Бѣлецкаго курса—отзывъ о республиканскомъ правленіи (см. выше), а въ запискѣ слѣдственной комиссіи Бѣлецкому поставлены въ вину его слова, что «у него есть приготовленный классъ, и что изъ этого класса выйдутъ люди, которые двинутъ Россію впередъ».

Данилевскій же обвинялся, на основаніи донесеній агентовъ, въ томъ, что былъ знакомъ съ Катеневымъ, зналъ о его намѣреніи разбросать въ маскарадѣ-аллегри билеты съ надписями, что въ Москвѣ былъ бунтъ и что государь убитъ, и кромѣ того, на найденной у него книгѣ Устрялова «Ист. обозрѣніе царствованія государя имп. Николая I» его рукою были сдѣланы выписки изъ сочиненія Луи-Блана «Histoire de dix ans», заключающія въ себѣ рѣзкіе отзывы о Россіи. Комиссія признала Бѣлецкаго мало виновнымъ, а Данилевскаго невиновнымъ, и потому испросила разрѣшеніе государя освободить

---

[1]) Комиссія и въ другихъ случаяхъ не проводила надлежащаго различія между соціализмомъ, коммунизмомъ и либерализмомъ.

Digitized by Google

ихъ съ тѣмъ, чтобы этотъ арестъ «не имѣлъ никакихъ послѣдствій на ихъ будущность», но, однако, Бѣлецкаго велѣно было не опредѣлять на службу ни въ военныхъ, ни въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ; относительно же Данилевскаго, который по случаю ареста не могъ сдать экзамена, повелѣно было допустить къ экзамену въ университетъ и «подтвердить ему, чтобы онъ не увлекался чувствами и вредными мечтаніями».

Кромѣ арестованныхъ, комиссія имѣла въ виду еще 232 человѣка, упоминавшихся въ донесеніяхъ агентовъ и въ показаніяхъ обвиняемыхъ при допросахъ. Хотя къ обвиненію этихъ лицъ «не представлялось никакихъ явныхъ уликъ и положительныхъ показаній», хотя многія изъ нихъ были извѣстны только по фамиліямъ, тѣмъ не менѣе комиссія испросила разрѣшеніе призывать ихъ для допросовъ чрезъ III-е отдѣленіе Соб. Его Вел. Канцеляріи, опечатывать ихъ бумаги, и если они окажутся виновными или нужными комиссіи для дальнѣйшихъ допросовъ, то немедленно арестовывать ихъ, въ противномъ же случаѣ отпускать; тѣхъ же изъ этихъ лицъ, которыя признаны будутъ изобличенными только въ томъ, что они иногда посѣщали собранія Петрашевскаго или другія, имъ подобныя, «безъ участія въ зловредномъ ихъ направленіи»,—подъ арестомъ не оставлять, взявъ у нихъ установленную подписку, но учреждать надъ ними секретный надзоръ.

Комиссія скоро убѣдилась, что изъ этихъ лицъ 106 человѣкъ, «по явной неприкосновенности къ дѣлу, не должны быть вовсе привлекаемы къ допросамъ», а потому опредѣлила всѣхъ этихъ лицъ къ допросу не призывать. Затѣмъ 60 человѣкъ, относительно которыхъ были указанія, что они посѣщали собранія или лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, были призываемы къ допросу [1]), но

[1]) Ср. разсказъ объ обыскѣ и допросѣ В. Р. Зотова въ его воспоминаніяхъ „Петербургъ въ 40-хъ годахъ". „Ист. Вѣст." 1890 г., № 6, стр. 548—551. Н. Флеровскій въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ: „Во время обыска у Петрашевскаго найдены были у него пись-

такъ какъ изъ ихъ отвѣтовъ и изъ показаній обвиняемыхъ оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ не принимали никакого участія «въ дѣлѣ злоумышленія», а другіе вовсе непричастны къ дѣлу, то всѣ они были тотчасъ же освобождены. Призванные къ допросу студентъ Пав. Европеусъ, чиновники Оскаръ Отто и Николай Ахшарумовъ (впослѣдствіи извѣстный романистъ), Николай Мордвиновъ и Аполлонъ Сидоровъ, Василій Толбинъ (писатель) и Аполлонъ Майковъ (извѣстный поэтъ), Ник. Кашевскій, Евг. Ламанскій и Александръ Милюковъ (педагогъ)—первые 9 человѣкъ, хотя и бывали на собраніяхъ одни у Петрашевскаго, а другіе у Дурова или Кашкина, но «въ дѣлѣ злоумышленія» участія не принимали, и потому признаны были комиссіею мало виновными и подвергнуты секретному надзору. Относительно же Милюкова, который самъ показалъ, что читалъ у Плещеева статью сатирическаго содержанія «Петербургъ и Москва» (Герцена), а у Дурова отрывокъ изъ сочиненія Ламеннэ, коммисія хотя «и замѣтила въ немъ либеральный образъ мыслей, но, принявъ во вниманіе его раскаяніе, рѣшила отнести его къ разряду мало виновныхъ, но сообщить о немъ его начальству [1]).

Затѣмъ 52 человѣка, въ виду того, что они находятся въ другихъ губерніяхъ и въ войскахъ дѣйствующей арміи, между тѣмъ какъ ни на одного изъ нихъ не пало никакого существеннаго обвиненія, кромѣ того только, что они прежде посѣщали собранія или Петрашевскаго, или Дурова, или Момбелли, комиссія на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго военнымъ министромъ

ма изъ Казани, подписанныя Благовѣщенскимъ. Письма были самаго обыденнаго содержанія, и въ нихъ не находилось ни малѣйшаго указанія на существованіе какого-либо заговора. Все-таки, не долго думая, сдѣлано было распоряженіе обыскать всѣхъ Благовѣщенскихъ города Казани. Далѣе ареста писавшаго письма Петрашевскому впрочемъ дѣло не пошло".

[1]) Между прочимъ призывались къ допросу чиновники Александръ и Владиміръ Стасовъ и бат. адъютантъ зимняго дворца поручикъ Стасовъ. «Рус. Стар.» 1905 г. № 2, стр. 333.

Digitized by Google

отъ 16-го августа 1849 г., опредѣлила допросамъ не подвергать. Но Владиміръ Кайдановъ, жившій въ Ростовѣ и обнаруживший «наклонность къ соціальнымъ идеямъ», былъ отданъ подъ секретный надзоръ.

Наконецъ, «въ числѣ лицъ, упоминаемыхъ обвиняемыми, были и такія, которыя сосланы въ отдаленныя губерніи за прежнія политическія преступленія, именно Салтыковъ (Мих. Евграф., извѣстный сатирикъ), Ромашевъ, Бердяевъ и Яшвиль. «Хотя ни одно изъ показаній обвиняемыхъ», сказано въ запискѣ слѣдственной комиссіи, «не давало повода предполагать, чтобы эти лица принимали какое-либо участіе въ злоумышленіи по настоящему дѣлу, тѣмъ болѣе, что Салтыкова видѣли у Петрашевскаго одинъ только разъ; другіе-же, какъ-то: Ромашевъ съ 1846 г. содержится въ заключеніи въ Шлиссельбургской крѣпости, Бердяевъ находится не въ здравомъ умѣ, а о прежнихъ дѣйствіяхъ Яшвиля, который въ настоящемъ дѣлѣ также ни въ чемъ не оговоренъ, неизвѣстно даже и III-му отдѣленію Соб. Его Вел. Канцеляріи, однако, за всѣмъ тѣмъ, имѣя въ виду относительно сихъ лицъ Высочайшее повелѣніе, объявленное военнымъ министромъ отъ 29-го іюня 1849 г, комиссія всѣ извѣстныя ей объ нихъ свѣдѣнія сообщила г. управляющему III-мъ отдѣленіемъ Соб. Его Вел. Канцеляріи для дальнѣйшаго распоряженія».

Дѣйствія секретной слѣдственной комиссіи начались 26-го апрѣля, а 17-го сентября она подписала свой докладъ или записку съ изложеніемъ всего дѣла, но безъ всякаго съ ея стороны заключенія, котораго отъ нея и не требовалось. Государь повелѣлъ учредить для постановленія приговора не верховный уголовный судъ, какъ въ 1825 г., а военно-судную комиссію, «судъ смѣшанный»: изъ трехъ генералъ-адъютантовъ и трехъ сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ ген.-ад., бывш. Оренб. ген.-губ. Вас. Алексѣев. Перовскаго [1]).

[1]) Членами комиссіи были: генералъ-адъютанты гр. Строгановъ 2, Анненковъ 2 и Толстой 1, и сенаторы: кн. Лобановъ Ростовскій, Дурасовъ и Веймарнъ.

Digitized by Google

Кромѣ названныхъ выше лицъ, въ концѣ сентября былъ освобожденъ П. А. Кузминъ. Вѣроятно, въ это-же время были выпущены на свободу: купеческій сынъ Утинъ, чиновники: Есаковъ, Ващенко, Беклемишевъ и корресп. Вольн. Экон. Общ. Николай Данилевскій (впослѣдствіи извѣстный славянофилъ). Студента Толстова, еще во время дѣйствія слѣдственной комиссіи, государь, «принимая во вниманіе откровенность, съ которою» онъ «изложилъ самыя тайныя мысли свои», повелѣлъ опредѣлить въ отдѣльный кавказскій корпусъ, дабы предоставить ему случай «загладить заблужденіе молодости».

Затѣмъ суду было предано 23 человѣка. Судъ продолжался съ 30-го сентября по 16-ое ноября [1]).

Приговоръ военно-судной комиссіи поступилъ въ генералъ-аудиторіатъ, который, руководствуясь полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, приговорилъ 21 подсудимаго къ смертной казни [2]), но въ своемъ докладѣ государю указывалъ на нѣкоторыя смягчающія обстоятельства и ходатайствовалъ объ опредѣленіи имъ, вмѣсто смертной казни, наказаній по мѣрѣ вины. Имп. Николай уважилъ это ходатайство при утвержденіи (19-го декабря 1849 г.) доклада генералъ-аудиторіата.

---

[1]) Судъ приговорилъ 15 человѣкъ къ смертной казни разстрѣляніемъ, къ каторжнымъ работамъ на заводахъ: Ястржембскаго на 6 лѣтъ, Ханыкова, Кашкина, Европеуса и Плещеева—на 4 года, Тимковскаго, по лишеніи правъ состоянія, къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а Черносвитова «въ злоумышленномъ изъясненіи подсудимымъ Петрашевскому и Спѣшневу средствъ къ произведенію возстанія въ Сибири и на заводахъ хребта Уральскаго и въ умыслѣ на цареубійство, за неоткрытіемъ доказательствъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи». Между тѣмъ, Спѣшневу и Петрашевскому были поставлены въ вину разговоры съ Черносвитовымъ о возстаніи на Уралѣ и въ Сибири.

[2]) Катеневъ сошелъ съ ума, и его велѣно было предать военному суду въ случаѣ выздоровленія, а Черносвитовъ былъ приговоренъ генералъ-аудиторіатомъ къ ссылкѣ на жительство въ Вятку подъ строгій полицейскій надзоръ, не лишая его получаемой за раны пенсіи.

Digitized by Google

Относительно Петрашевскаго государь утвердилъ наказаніе, предложенное генералъ-аудиторіатомъ,—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока. Момбелли, Спѣшневъ и Григорьевъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, были приговорены къ работамъ въ рудникахъ: первый и третій на 15 лѣтъ, а Спѣшневъ на 10 лѣтъ (вмѣсто 12 ти, предложенныхъ генер.-аудиторіатомъ) [1]). Львова, Филиппова и Д. Д. Ахшарумова генералъ-аудиторіатъ предлагалъ сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ, но государь назначилъ Филиппова и Ахшарумова въ арестанты инженернаго вѣдомства на 4 года, а потомъ въ рядовые на Кавказъ, относительно же Львова утвердилъ приговоръ генералъ-аудиріата. Студентъ Ханыковъ (вмѣсто 10-ти лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ) былъ назначенъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны. Дурову, Ѳ. М. Достоевскому и К. М. Дебу, вмѣсто 8-ми лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ, опредѣлено: двумъ первымъ 4 года каторги, а потомъ рядовымъ, а К. М. Дебу назначенъ на 4 года въ арестанты инженернаго вѣдомства и затѣмъ также въ рядовые. И. М. Дебу, вмѣсто 4-хъ лѣтъ каторжной работы на заводахъ, былъ назначенъ въ арестанты инженернаго вѣдомства на 2 года, а потомъ рядовымъ. Ястржембскаго и Толля генералъ-аудиторіатъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ на заводахъ на 4 года, но государь повысилъ наказаніе Ястржембскому до 6-ти лѣтъ, а Толлю понизилъ до 2-хъ лѣтъ [2]). Плещеевъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, вмѣсто ссылки на поселеніе, былъ назначенъ рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны. Кашкина ген.-аудиторіатъ предложилъ, во вниманіе къ его молодости (20 лѣтъ), лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на житье въ Холмогоры подъ строгій полицейскій надзоръ, но

[1]) О жизни Спѣшнева послѣ приговора см. мою статейку о немъ въ Энц. Слов. Брокгауза и Ефрона.

[2]) О жизни Толля послѣ приговора, см. мою статейку о немъ въ Энц. Слов. Брокгауза и Ефрона.

Digitized by Google

государь назначилъ его рядовымъ въ кавказскіе линейные батальоны. Головинскій «за участіе въ либеральныхъ разговорахъ на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова, изъ коихъ у перваго самъ онъ объяснялъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства [1]), въ уваженіи молодыхъ его лѣтъ» (20 л.) былъ, согласно предложенію генералъ аудиторіата, по лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства, опредѣленъ рядовымъ въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ. Пальмъ, согласно предложенію генералъ-аудиторіатъ, былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію, Тимковскаго и Европеуса, «во вниманіе, что они увлеклись зловредною системою Фурье по легкомыслію», генералъ-аудиторіатъ предложилъ выслать подъ секретный надзоръ: Тимковскаго въ Олонецъ, а Европеуса въ Вятку, но государь назначилъ Тимковскаго на 6 лѣтъ въ арестантскія роты, а Европеуса, «во вниманіе къ молодости лѣтъ», (22 года), рядовымъ, безъ лишенія дворянства, въ кавказскіе линейные батальоны. Мѣщанина Петра Шапошникова «за преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ религіи и правительства и о возможности введенія въ Россіи республиканскаго правленія, какъ обнаружившаго явно склонность къ вольнодумству и навлекающаго на себя сильное подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ выраженій», относящихся къ особѣ государя, генералъ-аудиторіатъ предложилъ лишить всѣхъ правъ состоянія и отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на 6 лѣтъ, а потомъ опредѣлить на службу въ отдаленныя войска». Государь написалъ: «рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны». Черносвитова, оставленнаго «въ сильномъ подозрѣніи», государь, вмѣсто отправленія на житье въ Вятку, велѣлъ водворить на житье въ Кексгольмскую крѣпость съ сохраненіемъ заслуженной имъ

---

[1]). Въ опубликованномъ въ газетахъ приговорѣ: «за возмутительные въ высшей степени разговоры у Петрашевскаго и Дурова».

Digitized by Google

пенсіи (Черносвитовъ былъ старше всѣхъ подсудимыхъ: ему было 39 лѣтъ [1]).

Вотъ какъ описываетъ Д. Д. Ахшарумовъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ объявленіе приговора осужденнымъ:

«Мы были взяты 22 апрѣля въ весеннихъ платьяхъ и такъ въ нихъ и вывезены 22 декабря на Семеновскую площадь (въ извозчичьихъ каретахъ). Направившись впередъ по снѣгу, я увидѣлъ налѣво отъ себя, среди площади воздвигнутую постройку—подмостки, помнится, квадратной формы, величиною въ 3—4 сажени, со входчою лѣстницею, и все обтянуто было чернымъ трауромъ—нашъ эшафотъ. Тутъ же увидѣлъ я кучку товарищей, сголпившихся вмѣстѣ и протягивающихъ другъ другу руки и привѣтствующихъ одинъ другого. Когда я взглянулъ на лица ихъ, то былъ пораженъ страшною перемѣной; тамъ стояли: Петрашевскій, Львовъ, Филипповъ, Спѣшневъ и нѣкоторые другіе. Лица ихъ были худыя, замученныя, блѣдныя, вытянутыя, у нѣкоторыхъ обросшія бородой и волосами. Особенно поразило меня лицо Спѣшнева: онъ отличался отъ всѣхъ замѣчательною красотою, силою и цвѣтущимъ здоровьемъ. Исчезли красота и цвѣтущій видъ: лицо его изъ округленнаго сдѣлалось продолговатымъ; оно было болѣзненно, желто-блѣдно, щеки похудалыя, глаза какъ бы ввалились — и подъ ними большая синева; длинные волосы и выросшая большая борода окружали лицо.

«Петрашевскій, тоже сильно измѣнившійся, стоялъ нахмурившись,—онъ былъ обросшій большой шевелюрою и густою, слившеюся съ бакенбардами, бородою: «должно быть всѣмъ было одинаково, хорошо», думалъ я. Кареты все еще подъѣзжали и оттуда одинъ за другимъ выходили заключенные въ крѣпости. Вотъ Плещеевъ, Ханыковъ, Кашкинъ, Европеусъ... всѣ исхудалые, замученные, а

[1]) См. приговоръ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1849 г. 22 декабря, № 276 и «С.-Петерб. Вѣд.» 1849 г. № 287.

Digitized by Google

вотъ и милый мой Ипполитъ Дебу,—увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ въ объятія: «Ахшарумовъ! и ты здѣсь».—Мы же всегда вмѣстѣ!—отвѣтилъ я. Мы обнялись съ особеннымъ чувствомъ кратковременнаго свиданія передъ неизвѣстной разлукой. Вдругъ всѣ наши привѣтствія и разговоры прерваны были громкимъ голосомъ подъѣхавшаго къ намъ на лошади генерала, какъ видно, распоряжавшагося всѣмъ, увѣковѣчившаго себя въ памяти всѣхъ насъ... слѣдующими словами:

«Теперь нечего прощаться! Становите ихъ»,—закричалъ онъ.—Вслѣдъ за его громкимъ крикомъ явился передъ нами какой-то чиновникъ—со спискомъ въ рукахъ и, читая, сталъ вызывать насъ, каждаго по фамиліи.

«Первымъ поставленъ былъ Петрашевскій, за нимъ Спѣшневъ, потомъ Момбелли и затѣмъ шли всѣ остальные— всѣхъ насъ было 23 человѣка (я поставленъ былъ по ряду восьмымъ). Послѣ того подошелъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ и, ставъ передъ нами, сказалъ: «Сегодня Вы услышите справедливое рѣшеніе Вашего дѣла,—послѣдуйте за мною»! Насъ повели на эшафотъ, но не прямо на него, а обходомъ вдоль рядовъ войскъ, сомкнутыхъ въ каре. Такой обходъ, какъ я узналъ послѣ, назначенъ былъ для назиданія войска, и именно Московскаго полка [1]), такъ какъ между нами были офицеры, служившіе въ этомъ полку: Момбелли и Львовъ. Священникъ, съ крестомъ въ рукѣ, выступалъ впереди, за нимъ мы всѣ шли одинъ за другимъ по глубокому снѣгу. Въ каре стояли, казалось мнѣ, нѣсколько полковъ, потому обходъ нашъ по всѣмъ 4 рядамъ его былъ довольно продолжительный. Передо мною шагалъ высокій ростомъ Павелъ Николаевичъ Филипповъ, впослѣдствіи умершій отъ раны, полученной имъ при штурмѣ Карса въ 1854 году; сзади

[1]) Кромѣ батальона этого полка, по словамъ Корфа, на плацу находились батальонъ л.-гв. егерскаго и эскадронъ л.-гв. гренадерскаго полковъ «т. е. тѣхъ, къ которымъ прнадлежали заговорщики военнаго званія". «Рус. Стар.» 1900 г. № 5, стр. 279-280.

Digitized by Google

меня шелъ Константинъ Дебу. Послѣдними въ этой процессіи были: Кашкинъ, Европеусъ и Пальмъ... Вскорѣ вниманіе наше обратилось на сѣрые столбы, врытые съ одной стороны эшафота; ихъ было, сколько мнѣ помнится, много. Мы шли переговариваясь: «Что съ нами будутъ дѣлать?—Для чего ведутъ насъ по снѣгу?—Для чего столбы у эшафота?—Привязывать будутъ,—военный судъ,—казнь разстрѣляніемъ. Не извѣстно, что будетъ,—вѣроятно, всѣхъ въ каторгу»...

«Такого рода мнѣнія высказывались громко, то спереди, то сзади отъ меня, и мы медленно пробирались по снѣжному пути и подошли къ эшафоту. Войдя на него, мы столпились всѣ вмѣстѣ и опять обмѣнялись нѣсколькими словами. Съ нами вмѣстѣ взошли и насъ сопровождавшіе солдаты и размѣстились за нами. Затѣмъ распоряжались офицеръ и чиновникъ со спискомъ въ рукахъ. Начались вновь выкликиваніе и разстановка, при чемъ порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ. Насъ поставили двумя рядами перпендикулярно къ городскому валу. Одинъ рядъ меньшій, начинавшійся Петрашевскимъ, былъ поставленъ съ лѣваго фаса эшафота, тамъ были: Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбелли, Львовъ, Дуровъ, Григорьевъ, Толль, Ястржембскій, Достоевскій.

«Другой рядъ начинался кѣмъ не помню, но вторымъ стоялъ Филипповъ, потомъ я, подлѣ меня Дебу старшій, за нимъ его братъ Ипполитъ, затѣмъ Плещеевъ, Тимковскій, Ханыковъ, Головинскій, Кашкинъ, Европеусъ и Пальмъ. Всѣхъ насъ было 23 человѣка, но я не могу вспомнить остальныхъ. Когда мы были уже разставлены въ означенномъ порядкѣ, войскамъ скомандовано было «на кара—улъ», и этотъ ружейный пріемъ, исполненный одновременно нѣсколькими полками, раздался по всей площади свойственнымъ ему ударнымъ звукомъ. Затѣмъ скомандовано было намъ: «шапки долой!»—но мы къ этому не были подготовлены и почти никто не исполнилъ команды, тогда повторено было нѣсколько разъ: «снять

Digitized by Google

шапки, будутъ конфирмацію читать» и съ запоздавшихъ приказано было стащить шапку сзади стоявшему солдату. Намъ всѣмъ было холодно и шапки на насъ были хотя и весеннія, но все же закрывали голову. Послѣ того чиновникъ въ мундирѣ сталъ читать изложеніе вины каждаго въ отдѣльности, становясь противъ каждаго изъ насъ. Всего невозможно было уловить, что читалось,—читалось скоро и невнятно, да и притомъ же мы всѣ содрогались отъ холода. Когда дошла очередь до меня, то слова, произнесенныя мною въ память Фурье «о разрушеніи всѣхъ столицъ и городовъ», занимали видное мѣсто въ винѣ моей.

«Чтеніе это продолжалось добрыхъ полчаса, мы всѣ страшно зябли. Я надѣлъ шапку и завертывался въ холодную шинель, но вскорѣ это было замѣчено, и шапка съ меня была сдернута рукою стоявшаго за мною солдата. По изложеніи вины каждаго конфирмація оканчивалась словами: полевой уголовный судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни—растрѣляніемъ и 19 го сего декабря государь императоръ собственноручно написалъ:—«Быть по сему».

«Мы всѣ стояли въ изумленіи; чиновникъ сошелъ съ эшафота. Затѣмъ намъ поданы были бѣлые балахоны и колпаки—саваны, и солдаты, стоявшіе сзади насъ, одѣвали насъ въ предсмертное одѣяніе...

«Взошелъ на эшафотъ священникъ,—тотъ же самый, который насъ велъ,—съ евангеліемъ и крестомъ и за нимъ принесенъ и поставленъ былъ аналой. Помѣстившись между нами на противоположномъ входу концѣ, онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами: «Братья! Передъ смертью надо покаяться... Кающемуся Спаситель прощаетъ грѣхи... Я призываю Васъ къ исповѣди»...

«Никто изъ насъ не отозвался на призывъ священника,—мы стояли молча, священникъ смотрѣлъ на всѣхъ насъ и повторно призывалъ насъ къ исповѣди. Тогда одинъ изъ насъ—Тимковскій—подошелъ къ нему и, пошептавшись съ нимъ, поцѣловалъ Евангеліе и возвратился

на свое мѣсто. Священникъ, посмотрѣвъ еще на насъ и видя, что болѣе никто не обнаруживаетъ желанія исповѣдаться, подошелъ къ Петрашевскому съ крестомъ и обратился къ нему съ увѣщаніемъ, на что Петрашевскій отвѣтилъ ему нѣсколькими словами. Священникъ ничего не отвѣтилъ, но поднесъ къ устамъ его крестъ. и Петрашевскій поцѣловалъ его. Послѣ того онъ, молча, обошелъ съ крестомъ всѣхъ насъ и всѣ приложились къ нему. Затѣмъ священникъ, окончивъ дѣло это, стоялъ среди насъ какъ бы въ раздумьи. Тогда раздался голосъ генерала, сидѣвшаго на конѣ возлѣ эшафота: «Батюшка! Вы исполнили все, вамъ больше здѣсь нечего дѣлать!»...

«Священникъ ушелъ и сейчасъ же взошли нѣсколько человѣкъ солдатъ къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбелли, взяли ихъ за руки и свели съ эшафота; они подвели ихъ къ сѣрымъ столбамъ и стали привязывать каждаго къ отдѣльному столбу веревками. Разговоровъ при этомъ не было слышно. Осужденные не оказывали сопротивленія. Имъ затянули руки позади столбовъ и затѣмъ обвязали веревки поясомъ. Потомъ отдано было приказаніе: «колпаки надвинуть на глаза», послѣ чего колпаки опущены была на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раздалась команда: «клацъ», и вслѣдъ затѣмъ группа солдатъ—ихъ было человѣкъ 16, стоявшихъ у самаго эшафота, по командѣ направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли.—Моментъ этотъ былъ по истинѣ ужасенъ. Видѣть приготовленіе къ разстрѣлянію, и при томъ людей близкихъ по товарищескимъ отношеніямъ, видѣть уже наставленные на нихъ, почти въ упоръ, ружейные стволы и ожидать—вотъ прольется кровь, и они упадутъ мертвые, было ужасно, отвратительно, страшно. Сердце замерло въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ продолжался съ полминуты. При этомъ не было мысли о томъ, что и мнѣ предстоитъ то же самое, но все вниманіе было поглощено наступающею кровавою картиною. Возмущенное состояніе мое возрасло еще болѣе,

когда я услышалъ барабанный бой, значеніе котораго я тогда еще, какъ неслужившій въ военной службѣ, не понималъ. «Вотъ конецъ всему»!.. Но вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ я, что ружья, прицѣленныя, вдругъ всѣ были подняты стволами вверхъ. Отъ сердца отлегло сразу, какъ бы свалился тѣсно сдавившій его камень! Затѣмъ стали отвязывать привязанныхъ—Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли и привели снова на прежнія мѣста ихъ на эшафотѣ. Пріѣхалъ какой-то экипажъ, оттуда вышелъ офицеръ—флигель-адъютантъ—и принесъ какую то бумагу, поданную немедленно къ прочтенію. Въ ней возвѣщалось намъ дарованіе государемъ императоромъ жизни и взамѣнъ смертной казни, каждому, по виновности, особое наказаніе...

«По окончаніи чтенія этой бумаги съ насъ сняли саваны и колпаки. Затѣмъ взошли на эшафотъ какіе-то люди, вродѣ палачей, одѣтые въ старые цвѣтные кафтаны, —ихъ было двое,—и, ставъ позади ряда, начинавшагося Петрашевскимъ, ломали шпаги надъ головами поставленныхъ на колѣни ссылаемыхъ въ Сибирь, каковое дѣйствіе, совершенно безразличное для всѣхъ, только продержало насъ, и такъ уже продрогшихъ, лишнія 1/4 часа на морозѣ. Послѣ этого намъ дали каждому арестантскую шапку, овчинные, грязной шерсти, тулупы и такіе же сапоги. Тулупы, каковы бы они ни были, нами были поспѣшно надѣты, какъ спасеніе отъ холода, а сапоги велѣно было самимъ держать въ рукахъ.

«Послѣ всего этого на середину эшафота принесли кандалы и, бросивъ эту тяжелую массу желѣза на досчатый полъ эшафота, взяли Петрашевскаго и, выведя его на середину, двое, повидимому кузнецы, надѣли на ноги его желѣзныя кольца и стали молоткомъ заклепывать гвозди. Петрашевскій сначала стоялъ спокойно, а потомъ выхватилъ тяжелый молотокъ у одного изъ нихъ и, сѣвъ на полъ, сталъ заколачивать самъ на себѣ кандалы. Что побудило его накладывать самому на себя руки, что хо-

тѣлъ онъ выразить тѣмъ—трудно сказать, но мы были всѣ въ болѣзненномъ настроеніи или экзальтаціи.

«Между тѣмъ, подъѣхала къ эшафоту кибитка, запряженная курьерской тройкой, съ фельдъегеремъ и жандармомъ, и Петрашевскому было предложено сѣсть въ нее, но онъ, посмотрѣвъ на поданный экипажъ, сказалъ: «я еще не окончилъ всѣ дѣла»!..

Петрашевскій въ первый разъ ступилъ въ кандалахъ; съ непривычки ноги его едва передвигались. Онъ подошелъ къ Спѣшневу, сказалъ ему нѣсколько словъ и обнялъ его, потомъ подошелъ къ Момбелли и также простился съ нимъ, поцѣловавъ и сказавъ что-то. Онъ подходилъ по порядку, какъ мы стояли, къ каждому изъ насъ и каждаго поцѣловалъ, молча или сказавъ что-нибудь на прощанье. Подойдя ко мнѣ, онъ, обнимая меня, сказалъ: «прощайте, Ахшарумовъ, болѣе уже мы не увидимся»! На что я отвѣтилъ ему со слезами: «а можетъ быть и увидимся еще!» [1]).

«Простившись со всѣми, онъ поклонился еще разъ всѣмъ намъ и, сойдя съ эшафота, съ трудомъ передвигая непривычныя еще къ кандаламъ ноги, съ помощью жандарма и солдата, сошелъ съ лѣстницы и сѣлъ въ кибитку; съ нимъ рядомъ помѣстился фельдъегерь и вмѣстѣ съ ямщикомъ жандармъ съ саблею и пистолетомъ у пояса; тройка сильныхъ лошадей повернула шагомъ и затѣмъ, выбравшись медленно изъ кружка столпившихся людей и за ними стоявшихъ экипажей и повернувъ на московскую дорогу, исчезла изъ нашихъ глазъ.

---

[1]) По свидѣтельству одного очевидца, «особенно замѣчательны показались всѣмъ изъявленія дружбы и уваженія осужденныхъ къ Петрашевскому,—первому виновнику общей ихъ бѣды». Замѣтка Вуича въ „Порядкѣ" 1881 г., 48. Ср. объ объявленіи приговора «Біогр. Достоевскаго» въ I т. собр. его сочиненій, сост. *О. Миллеромъ*, стр. 117—126.

«Слова его сбылись,—мы не увидѣлись болѣе... [1]).

«Впечатлѣніе, произведенное на насъ всѣмъ пережитымъ нами въ эти часы совершенія обряда смертной казни, и затѣмъ объявленія замѣняющихъ ее различныхъ ссылокъ, было столь же разнообразно, какъ и характеры наши. Старшій Дебу стоялъ въ глубокомъ унынiи и ни съ кѣмъ не говорилъ; Ипполитъ Дебу, когда я подошелъ къ нему, сказалъ: «лучше бы уже разстрѣляли!..»

«Стали подъѣзжать кареты и мы, ошеломленные всѣмъ происшедшимъ, не прощаясь одинъ съ другимъ, садились и уѣзжали по одному» [2]).

По свидѣтельству Достоевскаго въ «Дневникѣ писателя», почти всѣ приговоренные были увѣрены, что приговоръ «будетъ исполненъ, и вынесли, по крайней мѣрѣ, десять ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти».

Генералъ-аудиторіатъ въ своемъ докладѣ не только предложилъ наказанія обвиненнымъ, но, кромѣ того, счелъ нужнымъ обратить вниманіе правительства на необходимость принять мѣры для предупрежденія возможности возникновенія и впредь «подобныхъ замысловъ». Такими мѣрами онъ, съ своей стороны, считалъ: «1) особенное наблюденіе за общественнымъ обученіемъ, какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія. 2) Бдительныя и строгія мѣры противъ ввоза иностранныхъ сочиненій опаснаго содержанія, способствующаго превратному образу мыслей въ умахъ юныхъ и неопытныхъ. 3) Самый осмотрительный цензурный надзоръ за журналами и газетными статьями. 4) Возможно стро-

---

[1]) О жизни М. В. Буташевича-Петрашевскаго въ Сибири (онъ умеръ въ селѣ Бѣльскомъ, енисейскаго округа, 7 декабря 1866 г., 45 лѣтъ отъ роду), см. статьи: мою въ «Большой энциклопедіи» подъ редакціей С. Н. Южакова (т. IV, 134—135) и *Арсѣньева* въ „Рус. Стар." 1902 г. № 1.

[2]) Д. Д. *Ахшарумовъ*. „Изъ моимъ воспоминаній. (1849—1851 г.)". Изд. „Общественной Пользы". Спб. 1905 г. стр. 104—112.

гое наблюденіе со стороны всѣхъ полицейскихъ начальствъ за движеніемъ общественнаго состава, не только въ его цѣломъ, но и въ частностяхъ, именно за сборищами и собраніями, дабы, при настоящемъ развратѣ умовъ на Западѣ и прилипчивости вредныхъ идей, не могли образоваться у насъ собранія, подобныя открытымъ по настоящему дѣлу».

Предложенія эти были одобрены имп. Николаемъ.

Въ томъ же году государь повелѣлъ скупить частнымъ образомъ имѣющіеся въ продажѣ экземпляры «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ» Кириллова, а въ 1853 г., по докладу попечителя, утвержденному министромъ народнаго просвѣщенія, были уничтожены 1599 экз. (давно отобранныхъ) II выпуска этого словаря [1]).

[1]) См. „Рус. Стар". 1903 г. № 8, стр. 120—122. Послѣ произведеннаго въ 1849 г. осмотра книжныхъ магазиновъ книгопродавецъ Лури былъ арестованъ и подлежалъ полицейскому преслѣдованію за продажу запрещенныхъ книгъ. „Рус. Стар". 1905 г. № 2, стр. 332. Объ опечатаніи почти на 6 мѣсяцевъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ въ Ригѣ, Ревелѣ, Дерптѣ, Перновѣ и Митавѣ см. въ книгѣ *Н. П. Весловскаго* „В. В. Григорьевъ", 1887 г. стр. 105—106 и „Von Nicolaus I zu Alexsander III. St.-Petersburger Beiträge zur neuesten russischen Geschichte, 2 Auflage Leipz. 1881., S. 98—100. Предписаніе 24 окт. 1849 г. ректорамъ и деканамъ юридическаго и философскаго факультетовъ не допускать въ преподаваніи распространенія соціалистическихъ и коммунистическихъ ученій см. въ „Рус. Стар". 1872. т. VI, № 10, ст. 449—450.

Digitized by Google

Книгоиздательтсво „МОМЕНТЪ“.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!»

Л. Шишко.

Разсказы изъ Русской исторіи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Дѣло», Фонтанка, 96.
1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

Царствованіе Николая I-го.

ГЛАВА I.

Забота о сохраненіи самодержавной власти.

Александръ I, воспитанный ученнымъ швейцарцемъ Лагарпомъ, не былъ лишенъ нѣкотораго высшаго образованія. Въ молодости у него являлось даже иногда правильное пониманіе того, что такое въ дѣйствительности самодержавное правительство. Такъ, онъ сказалъ такъ-то князю Чарторыйскому, что «ненавидитъ самодержавную власть». Онъ удивился: «какъ можетъ одинъ человѣкъ управлять цѣлымъ государствомъ, а тѣмъ болѣе уничтожить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія». «Это свыше силъ даже самаго умнаго человѣка»—говорилъ онъ. Онъ утверждалъ, что «наслѣдственная монархія—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховная власть должна быть ввѣряема не вслѣдствіе случайности рожденія, а по голосованію народа».

Николай I былъ совсѣмъ другого рода человѣкъ. У того не возникало никакихъ сомнѣній. Александра I воспитывала его умная бабка, Екатерина II, которая сама умѣла цѣнить науку; Николая I воспитывала его мать Марія Ѳеодоровна, изъ семьи нѣмецкихъ герцоговъ, женщина ограниченная, насквозь пропитанная монархическими предрасудками.

Николай I самъ потомъ признавался, что онъ съ братомъ Михаиломъ получили «бѣдное образованіе». Онъ говорилъ, что даже въ дѣлѣ религіи ихъ учили

Digitized by Google

только «креститься въ извѣстное время за обѣдней, да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ». Науки были въ полномъ забросѣ. «На лекціяхъ нашихъ преподавателей— опять разсказываетъ самъ о себѣ Николай I—мы или дремали, или рисовали на нихъ карикатуры, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что вдолбяжку, безъ плода и пользы для будущаго».*)

Все воспитаніе было обращено на то, чтобы пристрастить великихъ князей къ военнымъ упражненіямъ. «Какъ только Николай Павловичъ вставалъ по утрамъ—пишетъ историкъ его царствованія, Шильдеръ—онъ тотчасъ же принимался съ Михаиломъ Павловичемъ за военныя игры. У нихъ было большое количество, оловянныхъ солдатиковъ. Зимой они разставляли ихъ по столамъ, а лѣтомъ играли въ саду... Кромѣ солдатиковъ, оловянныхъ и фарфоровыхъ, у нихъ было много другихъ игрушекъ, напоминающихъ о военномъ бытѣ: ружья, алебарды, гренадерскія шапки, деревянныя лошадки, барабаны, трубы, зарядные ящики и т. д.».

Мы уже видѣли, что императоръ Петръ III, даже взрослый, любилъ до страсти играть въ оловянные и деревянные солдатики; отецъ Николая I, Павелъ Петровичъ, также до безумія любилъ военные парады и разводы; онъ каждый день, съ ранняго утра, былъ уже на дворцовой площади и заставлялъ часа по три и по четыре маршировать своихъ гвардейскихъ солдатъ. Эта страсть къ военнымъ упражненіямъ сдѣлалась какъ бы врожденной въ царской семьѣ. Про Николая и Михаила Павловичей разсказываютъ, что дѣтьми они любили подражать часовымъ и по цѣлымъ часамъ стояли добровольно на часахъ. Иногда, не смотря на строгій присмотръ своихъ воспитателей, «они по ночамъ вскакивали со своихъ

*) Все это находится въ томъ разсказѣ, который Николай I написалъ для своихъ дѣтей о своемъ восшествіи на престолъ.

Digitized by Google

постелей, чтобы хотя немножко постоять на часахъ съ алебардой, или ружьемъ у плеча» *).

Такъ воспитывался будущій царь. Никакого научнаго образованія, никакого общенія съ просвѣщенными людьми: все было сосредоточено на одной военной службѣ; а извѣстно, что такое военная служба: изъ человѣка надо сдѣлать послушную машину. «Смирно! Руки по швамъ! Не смѣть разсуждать передъ начальствомъ»! Брань, крики, побои. «Великіе князья вообразили — пишетъ историкъ Шильдеръ — что грубость обращенія неразлучна съ военнымъ званіемъ, а потому они часто забывались и думали, что надъ быть грубыми, когда они представляютъ военныхъ». Вслѣдствіе этого «обращеніе Николая Павловича вообще сдѣлалось грубымъ, заносчивымъ и самонадѣяннымъ **).

Когда онъ, будучи уже взрослымъ, поѣхалъ въ Англію, то нисколько не позаботился о томъ, чтобы познакомится съ англійской Государственной Думой и съ тѣми политическими дѣятелями, которыми гордилась тогда Англія: великій князь предпочиталъ проводить время въ обществѣ англійскихъ офицеровъ и генераловъ.

Когда онъ былъ въ Пруссіи, то наслаждался смотрами и парадами своего тестя, прусскаго короля. Прусскій король назначилъ его шефомъ бранденбургскаго кирасирскаго полка; и вотъ, великій князь, нарядившись въ форму этого полка, явился передъ строемъ пруссаковъ, поздоровался съ ними и сказалъ: «Мои друзья, помните, что я наполовину вашъ соотечественникъ и, какъ вы, вхожу въ составъ арміи вашего короля» ***).

---

*) См. книгу Шильдера: Николай I и его царствованіе, т. I страница 20

**) Тамъ же стр. 20—22.

***) Прадѣдъ Николая I, женатый на дочери Петра Великаго, былъ чистый нѣмецъ. Слѣдовательно его дѣдъ, Петръ III, былъ уже только наполовину русскій. Такъ какъ онъ, въ свою очередь, женился на нѣмкѣ, то сынъ его Павелъ, отецъ Наколая I, былъ уже на $^3/_4$ нѣмецъ и только на $^1/_4$ русскій. Но Павелъ опять женился на нѣмкѣ; значитъ у сына его, у самаго Николая I. была уже только $^1/_8$ часть русской крови и $^7/_8$ нѣмецкой. Поэтому Николай I не ошибся, когда сказалъ, бранден-

Digitized by Google

Таковъ былъ этотъ будущій русскій императоръ. За его высокомѣрный характеръ и крайнюю жестокость по отношенію къ военной дисциплинѣ его ненавидѣла вся петербургская гвардія. Извѣстно, что когда, послѣ смерти Александра I, началось междуцарствіе вслѣдствіе того, что слѣдующій за нимъ братъ, Константинъ Павловичъ, отказался отъ престола, то Николай долго не хотѣлъ объявить себя императоромъ, несмотря на то, что скоро былъ найденъ хранившійся въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Успенскомъ соборѣ, въ двухъ спискахъ, манифестъ Александра I, гдѣ объявлялось о добровольномъ отреченіи Константина и о назначеніи наслѣдникомъ престола Николая Павловича. Весь Государственный совѣтъ и Сенатъ умоляли тогда Николая принять престолъ, чтобы скорѣе прекратить начавшуюся смуту; но Николай упорно отказывался и говорилъ, что ему «иначе нельзя было поступить». Историкъ Шильдеръ такъ объясняетъ это странное поведеніе Николая: Петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ предупредилъ его, «что военные въ Петербургѣ, не желаютъ его царствованія»; вотъ почему онъ и «не могъ иначе поступить». И, дѣйствительно, по свидѣтельству принца Евгенія Виртенбергскаго, Милорадовичъ, въ разговорѣ съ нимъ прямо сказалъ, что «гвардія не любитъ Николая».

Но когда вспыхнуло возстаніе декабристовъ и отказавшіеся отъ присяги войска собрались на Сенатской площади, чтобы идти приступомъ на дворецъ, то Николай увидѣлъ, что у него нѣтъ другого исхода: надо было или подавить возстаніе, или готовится къ гибели. Тогда только Николай рѣшился дѣйствовать, какъ императоръ.

Все высшее военное начальство стало на его сторону, а среди солдатъ, хотя многіе готовы были при-

---

бургскому кирасирскому полку, что онъ на половину ихъ соотечественникъ; онъ могъ бы даже сказать: не на половину, а на семь восьмыхъ. Про него именно сложена была извѣстная пѣсня: «Царь нашъ, нѣмецъ русскій, носитъ мундиръ прусскій».

Digitized by Google

стать къ возставшимъ, но не рѣшались сами выйти изъ казармъ. На площади собрались только тѣ полки, которыхъ вывели изъ казармъ офицеры-декабристы. Такихъ полковъ было немного, и вотъ послѣ долгихъ, колебаній, генералы, окружавшіе Николая, велѣли привезти пушки и разсѣяли возставшихъ солдатъ картечью.

Легко понять съ какою злобой и ненавистью набросился тогда Николай I на декабристовъ. Повсюду начались аресты. Всѣ люди, сколько нибудь замѣшанные въ освободительномъ движеніи, были схвачены и отвезены въ Петропавловскую крѣпость. Затѣмъ произошелъ такъ называемый судъ, въ которомъ само-же правительство судило своихъ противниковъ. Пятеро самыхъ смѣлыхъ защитниковъ свободы: Пестель, Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ, Михаилъ Бестужевъ и Каховскій были приговорены къ смертной казни, 88 человѣкъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы, 15 человѣкъ къ ссылкѣ на поселеніе, 9 отданы въ солдаты. До самой своей смерти Николай не хотѣлъ объявить амнистію осужденнымъ декабристамъ, хотя со времени приговора прошло уже болѣе 20 лѣтъ; при каждомъ волненіи или недовольствѣ противъ него, онъ любилъ повторять: «Все это дѣло рукъ моихъ друзей, декабристовъ».

Но его ненависть обрушилась не только на самихъ декабристовъ; она обрушилась также на все освободительное направленіе. Онъ рѣшилъ искоренить въ Россіи свободную мысль, подавить просвѣщеніе, уничтожить науку. Онъ хотѣлъ остановить всякое движеніе впередъ, задержать умственный ростъ русскаго народа.

Мы знаемъ, что даже Акексанdръ I, поклявшіся въ молодости отмѣнить самодержавіе и дать народу свободу, кончилъ тѣмъ, что передалъ все управленіе въ руки ненавистнаго палача—графа Аракчеева, поднялъ гоненіе на науку и ввелъ цензуру на книги. Но никогда еще гоненіе на свободную мысль и даже на всякое свободное слово не доходило до такихъ предѣловъ, какъ при Николаѣ I.

Digitized by Google

По цензурному уставу Николая I, изданному въ 1828 году, были запрещены въ печати «*всякія разсужденія о правительственныхъ мѣрахъ*» Что бы ни дѣлало начальство, какія бы распоряженія оно не издавало, русскіе подданные, какъ безсловесныя созданія должны были безпрекословно повиноваться и не смѣли высказывать никакихъ своихъ сужденій. Дѣло доходило до того, что нельзя было молвить слова даже о дѣйствіяхъ простой городской полиціи.

Какъ-то въ петербургской газетѣ «Сѣверная Пчела» была напечатана скромная жалоба на царскосельскую полицію; говорилось о томъ, что она плохо смотритъ за извозчиками и что въ дурную погоду извощики запрашиваютъ очень дорого съ пріѣзжающихъ на вокзалъ. И вотъ, даже въ такомъ неважномъ замѣчаніи было усмотрѣно зловредное свободомысліе и неповиновеніе начальству; вслѣдствіе этого по цензурному вѣдомству былъ немедленно отданъ царскій приказъ: «Дабы впредь не было допускаемо въ печати никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія не принадлежали».

Всякое начальство, къ какой бы степени оно не принадлежало, хотя бы то былъ низшій полицейскій чинъ, должно было почитаться священнымъ и неприкосновеннымъ для царскаго подданнаго; онъ долженъ былъ на все смотрѣть глазами поставленныхъ надъ нимъ властей. Дѣло начиналось съ простыхъ будочниковъ, а доходило до самой религіи, которую чтилъ народъ. Самовластный царь хотѣлъ держать въ своихъ рукахъ даже вѣру своего народа.

Въ 1825 году, въ Петербургѣ, на кирпичномъ заводѣ были сожжены десятки тысячъ переведенныхъ со славянскаго языка на русскій книгъ Новаго Завѣта, Псалтыря и другихъ частей Библіи. Славянское нарѣчіе было мало понятно для народа, но въ переводѣ на русскій языкъ Священное Писаніе становилось ужъ доступнымъ для всѣхъ; и вотъ, петербургскій митрополитъ Серафимъ прямо заявилъ, что онъ не

Digitized by Google

допустить такого перевода. По его словамъ, «священное Писаніе было передано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей, и уже черезъ нихъ народу». Народъ долженъ былъ знать и исповѣдывать только ту вѣру, какую ему укажетъ его духовное начальство; духовное начальство становилось, слѣдовательно, выше священнаго писанія. Согласно такому толкованію было издано слѣдующее высочайшее распоряженіе уже самимъ Николаемъ I: «запрещать не только неблагопріятное, но даже и неосторожное прикосновеніе къ православной церкви и ея установленіямъ, а также къ правительству и ко всѣмъ поставленнымъ отъ него властямъ и законамъ».

Дѣло дошло до того, что генералъ Бутурлинъ, завѣдывавшій цензурой, захотѣлъ вычеркнуть нѣкоторыя слова изъ акаѳиста Покрову Божьей Матери, ибо находилъ, что тамъ есть революціонныя мысли. Когда графъ Блудовъ сказалъ ему, что онъ, такимъ образомъ, осуждаетъ святого Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ, то Бутурлинъ отвѣчалъ: —«Кто бы не сочинилъ, но тутъ есть опасныя выраженія». При этомъ онъ указалъ на слѣдующія опасныя выраженія: «Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣроподобныхъ».—«Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби и т. д.».—«Но въ такомъ случаѣ Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей» —сказалъ Блудовъ.

— «Такъ что же?» возразилъ Бутурлинъ, переходя въ шуточный тонъ «если бы Евангеліе не была такая извѣстная книга, конечно, надо было бы цензурѣ исправить ее» *)

Такъ обращалась самодержавная власть съ народною вѣрою, т. е. съ народною совѣстью. Что касалось наукъ и литературы, то здѣсь уже совсѣмъ не церемонились; вся забота правительства состояла здѣсь въ томъ, чтобы по возможности сократить и уничто-

*) Смотр. книгу Шильдера, т. I, стр. 637.

Digitized by Google

жить ихъ. Достигалось это строгими полицейскими мѣрами. Прежде всего, всякій цензоръ подвергался строгому выговору и даже лишался мѣста, если онъ пропускалъ хоть малѣйшій намекъ на свободное сужденіе въ печати. И не только цензора, но самые министры, наблюдавшіе надъ цензурой, должны были, при малѣйшемъ упущеніи, бояться царскаго гнѣва. Не мудрено, что министръ Уваровъ прямо говорилъ: «Хочу, наконецъ, чтобы русская литература прекратилась вовсе... Тогда я, по крайней мѣрѣ, буду спать спокойно». А о цензорѣ Красовскомъ, отличавшемся особой свирѣпостью, онъ отзывался такъ: «Красовскій у меня какъ цѣпная собака, за которой я сплю спокойно.»

И вотъ, цѣлая стая этихъ цѣпныхъ собакъ была спущена на несчастную русскую печать. Отъ ихъ усмотрѣнія зависѣло пропустить или не пропустить любую книгу. Чѣмъ строже цензоръ преслѣдовалъ печать, тѣмъ болѣе онъ заслуживалъ наградъ. Для большей вѣрности, съ теченіемъ времени въ Россіи появилась даже не одна цензура, а цѣлыхъ десять: общая цензура, духовная цензура, военная, учительская, судебная и, наконецъ, двѣ высшихъ: жандармская цензура и верховный негласный комитетъ. Если что проходило въ одной цензурѣ, то задерживалось въ другой; а на самомъ верху стояли два главныхъ охранителя самодержавія: тайное жандармское управленіе (такъ называемое третье отдѣленіе) и негласный комитетъ изъ высшихъ довѣренныхъ лицъ. Можно сказать, что ни за какими опасными злодѣями и кровожадными преступниками не было такого строгаго наблюденія, какъ за русскою наукою и литературою.

Чтобы получить разрѣшеніе на изданіе новаго журнала или новой газеты, надо было представить удостовѣреніе полиціи «въ нравственной благонадежности» просителя, причемъ пьяные жандармы и квартальные надзиратели становились судьями надъ русскими учеными и писателями. Когда два извѣстныхъ всему Петербургу лица, Краевскій и князь Одоевскій

Digitized by Google

подали прошеніе о разрѣшеніи имъ издавать новый журналъ, то Николай отвѣтилъ: «И безъ того много». Въ 1844 г. московскій профессоръ Грановскій, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему издавать журналъ «Ежемѣсячное Обозрѣніе». Послѣдовалъ высочайшій отвѣтъ: «Не нужно».

Издатели газетъ и журналовъ постоянно получали приказанія не касаться въ печати того или другого предмета.

Мы уже упоминали объ общемъ цензурномъ уставѣ 1828 г., по которому были запрещены въ печати «всякія разсужденія о правительственныхъ мѣрахъ». По словамъ цензора Глинки этотъ уставъ былъ такъ составленъ, что «можно бы и Отче нашъ истолковать въ преступномъ смыслѣ».

Затѣмъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ вышло такое распоряженіе: «Вовсе или почти не упоминать о государственныхъ думахъ въ западно-европейскихъ странахъ, о конституціяхъ, о выборахъ депутатовъ, объ утверждаемыхъ ими законахъ. Избѣгать говорить о верховной народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочаго класса».

По министерству внутреннихъ дѣлъ: «не дозволять описаній особенныхъ бѣдствій или нуждъ народныхъ, а также современныхъ происшествій, дѣйствующихъ на простонародье съ невыгодной стороны. Не пропускать сожалѣнія о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описаній злоупотребленій властью помѣщиковъ».

Принимая депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, Николай I сказалъ имъ: «Нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя; но я принялъ мѣры и этого впредь не будетъ» *).

---

*) *В. Семевскій.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи, въ XVIII и первой половинѣ XIX в., т. II. Крестьянскій вопр. въ царств. Николая I т. I, стр. 139.

Digitized by Google

По министерству народнаго просвѣщенія дѣло доходило до того, что цензура вымарывала изъ древней исторіи имена героевъ Греціи и Рима, которые сражались за свободу отечества. Вымаривались уже не разсужденія, а самыя имена и событія *).

Отъ русскаго народа хотѣли скрыть правду о дѣяніяхъ всемірной исторіи. Когда Московское Историческое Общество напечатало книгу англичанина Флетчера, бывшаго въ Россіи во времена Ивана Грознаго, т. е. болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ, и описывавшаго тогдашніе русскіе порядки, то изъ-за этого поднялась цѣлая гроза. Книга была уничтожена, а секретарь общества, профессоръ Бодянскій, былъ лишенъ мѣста и сосланъ въ Казань. Бывшій министръ графъ Уваровъ разсказывалъ, какъ ему самому приходилось бороться съ цензурой при напечатаніи своей книги «о греческихъ древностяхъ». Цензоръ, между прочимъ, никакъ не хотѣлъ пропустить греческаго слова *демосъ*, что значитъ *народъ*, а хотѣлъ замѣнить это слово какимъ-нибудь другимъ. Точно также онъ не позволялъ говорить о нѣкоторыхъ римскихъ императорахъ, что они были убиты, а требовалъ, чтобы было сказано, что они просто погибли.

Московскій профессоръ Соловьевъ читалъ въ присутствіи новаго министра, Ширинскаго-Шахматова, лекцію о лѣтописи Нестора, причемъ приходилъ къ такому заключенію, что эта лѣтопись дошла до насъ въ неполномъ видѣ, въ разныхъ спискахъ, и что возстановить весь ея первоначальный текстъ очень трудно. Министру это показалось опаснымъ: это значило сомнѣваться въ разсказахъ древняго лѣтописца о святой Ольгѣ, о Владимірѣ Мономахѣ и о другихъ легендахъ. Онъ призвалъ къ себѣ Соловьева и сталъ кричать на него: «Правительство этого не хочетъ! Правительство этого не хочетъ!» **). Правительство не хотѣло, чтобы наука раскрывала истину.

---

*) См. Дневникъ Никитенко, т. I, стр. 508.

**) См. Барсукова «Жизнеописаніе Погодина», т. XII.

Digitized by Google

Все клонилось къ тому, чтобы заглушить мысль и подавить всякое разсужденіе. «Живи такъ, какъ велитъ начальство и не смѣй ни въ чемъ сомнѣваться» —вотъ къ чему сводилась политика Николая I по отношенію къ русскому народу. «Ну, какая польза изъ Вашей образованности, если Вы не умѣете стоять передъ начальствомъ», говорилъ одинъ николаевскій полковой командиръ молодому офицеру. Умѣй стоять передъ начальствомъ, а остальное все вздоръ *).

Всякая новая мысль, всякое новое слово казались уже опасными тѣмъ цѣпнымъ собакамъ, которыя были приставлены Николаемъ I сторожить надъ мертвымъ сномъ русскаго народа. Цензоръ Елагинъ встрѣтилъ въ одной книгѣ мѣсто, гдѣ говорилось, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Елагинъ никогда объ этомъ не слыхалъ и сейчасъ же вычеркнулъ и эту опасную новость, требуя, чтобы она была подтверждена сначала министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ одной ученой статьѣ говорилось о вредныхъ грибахъ; эта статья не была пропущена, потому что «грибы-постная пища для православныхъ, и писать о вредныхъ грибахъ значитъ подрывать православную вѣру». Въ маѣ 1844 г. вышла книга «Продѣлка на Кавказѣ», пропущенная цензоромъ Крыловымъ. Въ ней описывались безпорядки Кавказскаго управленія. Поднялась тревога. Военный министръ прочелъ книгу и пришелъ въ ужасъ: «Книга эта тѣмъ болѣе вредна»—говорилъ онъ помощнику шефа жандармовъ, генералу Дубельту,—«что въ ней—что ни строчка, то правда». Эта вредная книга была немедленно уничтожена.

Приведемъ еще нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ видно, что усердіе цензоровъ часто доходило до смѣшного. Цензоръ Фрейгангъ не пропустилъ выраженія: «движеніе умовъ». Цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ учебникѣ физики выраженія: «силы природы».

Цензоръ Ахматовъ не пропустилъ въ поваренной книгѣ выраженія «поставить пироги въ вольный

*) Князь С. П. Трубецкой, *Время царствованія Николая I.*

Digitized by Google

выками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ... съ другой стороны, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ».—Затѣмъ отдается приказаніе, чтобы на будущее время дѣти крѣпостныхъ крестьянъ не допускались ни въ гимназіи, ни въ университеты.

Отсюда видно, что правительство очень хорошо понимало, въ чемъ заключается для него главная опасность отъ просвѣщенія: «Сіи молодые люди», получивъ университетское образованіе необходимо должны были проникнуться «пагубными мечтаніями» о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, о свободѣ, о равенствѣ и справедливости. Поэтому надо было не допустить ихъ до науки, подавить въ ихъ душѣ эту божью искру; пусть они живутъ въ невѣдѣніи своихъ человѣческихъ правъ и пусть несутъ покорно свою тяжелую долю на радость и пользу благородному дворянскому сословію.

Таковы были тѣ мѣры, которыя принимало русское правительство Николая I для поддержанія своей самодержавной власти. Если подумать о томъ вредѣ, который былъ нанесенъ русскому народу съ этой стороны, въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія Николая I, то трудно даже измѣрить всю глубину этого народнаго бѣдствія. Ослѣпленный самодержецъ стремился отнять у русскаго народа его духовную пищу, стремился «угасить его духъ».

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Николая I.

Самодержавное правительство стремилось оказывать на народныя массы не только духовный, но и тѣлесный гнетъ. Оно поддерживало не только духовное, но и тѣлесное рабство народа. Намъ уже приходилось описывать, во второй части, то ужасное состояніе, въ которомъ находилось русское крѣпостное крестьянство въ царствованіе императрицы Екатерины II. Теперь намъ надо снова вернутся къ этимъ кровавымъ страницамъ русской исторіи.

При вступленіи на престолъ Николая I, между крестьянами, которые, въ своемъ невѣдѣніи, отъ всякаго новаго царя ожидали для себя разныхъ милостей, распространялись слухи, что они получатъ землю и кромѣ того будутъ освобождены отъ податей и повинностей. По этому случаю произошли въ разныхъ мѣстахъ крестьянскія волненія, которыя немедленно же были усмирены солдатскими командами; а затѣмъ Николай I издалъ 12-го мая 1829 года слѣдующій манифестъ:

«Всѣ состоянія въ государствѣ, а въ томъ числѣ и поселяне какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне,— во всей точности должны исполнять всѣ обязанности, закономъ предписанныя, и безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ».

Далѣе, въ манифестѣ объявлялось, что «всѣ слухи объ освобожденіи государственныхъ крестьянъ отъ податей, а помѣщичьихъ крестьянъ — отъ власти господъ измышлены злонамѣренными людьми. А такъ какъ государю вслѣдствіе этихъ слуховъ были поданы неосновательныя прошенія, то составители и пере-

Digitized by Google

писчики подобныхъ бумагъ, какъ нарушители общественнаго спокойствія, будутъ подвергнуты самому строгому наказанію» *).

Въ томъ же 1826 году былъ изданъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ циркуляръ по всей имперіи, въ которомъ губернаторамъ предписывалось слѣдующее:

«Малыя воинскія команды отнюдь недостаточны для приведенія въ повиновеніе крестьянъ при возмущеніяхъ, а потому при подобныхъ случаяхъ гораздо полезнѣе требовать воинскія команды *въ достаточномъ числѣ*, дабы можно было рѣшительно приступить къ усмиренію» **).

Отсюда мы видимъ, что правительство Николая I сразу же обозначило всю свою крестьянскую политику: прежде всего изданъ былъ царскій манифестъ о безпрекословномъ повиновеніи помѣщикамъ и другимъ установленнымъ властямъ; а затѣмъ, въ случаѣ неповиновенія, губернаторамъ было приказано требовать для усмиренія воинскія команды не въ маломъ, а въ достаточномъ числѣ. Вотъ и все, что нужно было для царской политики. Больше ничего не требовалось; все было въ порядкѣ: было приказано повиноваться начальству и были приготовлены воинскія команды. Чего же другого могло ожидать крестьянство отъ самодержавнаго правительства? Представьте себѣ, что для русскихъ крестьянъ была построена огромная и крѣпкая каторжная тюрьма, а вокругъ нея были бы разставлены часовые съ заряженными ружьями, — то вотъ это было бы точное изображеніе всей крестьянской политики Николая I.

* *
*

Посмотримъ теперь, каково жилось нашему крестьянству въ этой огромной каторжной тюрьмѣ. Для описанія этого положенія мы будемъ пользоваться слѣдующими книгами: прежде всего книгой В. И. Се-

*) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ царств. Николая I.
**) Д. Мордовцевъ. *Наканунѣ Воли.*

Digitized by Google

мевскаго: *Крестьянскій вопросъ въ Россіи*; затѣмъ книгой Д. Л. Мордовцева: *Наканунѣ Воли*, составленной по документамъ, которые онъ нашелъ въ Саратовскомъ Губернскомъ архивѣ; затѣмъ, книгой князя Н. Волконскаго «*Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ*» и книгой В. Повалишина: «*Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостники*»; наконецъ, мы будемъ пользоваться книгой госпожи Игнатовичъ: «*Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія*», а также напечатанными за-границей «*Извлеченіями изъ секретныхъ отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1836—56 года*». Этихъ нѣсколькихъ книгъ, изъ числа многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ занимающему насъ предмету, будетъ вполнѣ достаточно, чтобы познакомить читателей съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Николая I.

* * *

Въ 1827 году сенаторъ Огаревъ прибылъ, по дѣламъ службы, въ Саратовъ. Къ нему сейчасъ же явились крестьяне Аткарскаго уѣзда, деревни Осиповки, принадлежавшей полковнику Куткину, и стали перечислять ему свои жалобы: «У меня»,—говорилъ одинъ,—«помѣщикъ сильнымъ образомъ взялъ 120 рублей и сверхъ того мою жену Варвару Ивановну бралъ къ себѣ». — «У меня»,—говорилъ другой,—«взялъ 170 руб. и загонялъ лошадь.»—«У меня отнялъ двухъ лошадей, сестру мою, дѣвицу Маланью, въ несовершенныхъ лѣтахъ, растлѣлъ насильно, а меня въ рабочіе дни ковалъ въ желѣзы, мать мою, Анисью, билъ за ту сестру всячески».—«У меня сильнымъ и наглымъ образомъ отнялъ полторы тысячи рублей и взялъ на себя двѣ мои лошади, а сверхъ того мать мою, Пелагею Даниловну, стращалъ поставить на приготовленную раскаленную сковороду, за что она отдала ему собственныхъ 75 рублей». И такъ далѣе, и такъ далѣе. Сенаторъ передалъ жалобу губернатору, князю Голицыну; губернаторъ—губернскому предводителю дворянства,

Digitized by Google

пинками въ грудь и въ животъ. Мальчика съ трудомъ довезли домой, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Возникло слѣдствіе. На первый разъ дѣло кончилось ничѣмъ; слѣды побоевъ открыты не были; Сухановъ заранѣе приказалъ крестьянамъ, видѣвшимъ истязаніе, молчать подъ угрозой «содрать шкуру». Но дѣло было поднято вторично, и на этотъ разъ Государственный Совѣтъ присудилъ Суханова къ лишенію чина и къ отдачѣ на военную службу.

Другой рязанскій помѣщикъ, князь Гагаринъ, обращался съ крестьянами еще того хуже. Они были совсѣмъ разорены, потому что даже въ праздники должны были работать на помѣщика. Онъ ихъ часто подвергалъ побоямъ и истязаніямъ и, кромѣ того, завелъ у себя въ родѣ турецкаго гарема изъ дворовыхъ дѣвушекъ, которыхъ также жестоко билъ. Гагаринъ нѣсколько разъ попадалъ подъ судъ за истязанія крестьянъ, но такъ какъ былъ богатъ и знатенъ, то все ему сходило съ рукъ; сосѣдніе помѣщики при опросахъ давали о немъ отзывы, какъ о «тихомъ и кроткомъ человѣкѣ»; говорили, что онъ управлялъ своимъ имѣніемъ «сообразно прочимъ благороднымъ дворянамъ». Самымъ громкимъ дѣломъ князя Гагарина было убійство дворовaго человѣка Михаила Андреева за недосмотръ надъ щенками. Его раздѣтаго водили на цѣпи по двору зимой, послѣ чего онъ былъ избитъ Гагаринымъ до смерти. Первое слѣдствіе велось пристрастно. Свидѣтели убійства либо были разосланы по отдаленнымъ вотчинамъ, либо запуганы. Врачъ слѣдовъ побоевъ не нашелъ и написалъ, что смерть произошла отъ *отравленія*. Дѣло было прекращено. Но слухи въ городѣ и деревнѣ не унимались; тогда было назначено второе слѣдствіе, которое также не раскрыло истины. Четверо крестьянъ, давшихъ неблагопріятныя для Гагарина показанія, были посажены въ тюрьму «за неповиновеніе помѣщичьей власти». Наконецъ, уже по высочайшему повелѣнію было назначено третье слѣдствіе, которое обнаружило лживость и подкупность первыхъ двухъ слѣдствій. Но Га-

Digitized by Google

гаринъ успѣлъ къ тому времени умереть. Неправильныя же дѣйствія должностныхъ лицъ Сенатъ объяснилъ ихъ «оплошностью», и они были оправданы.

Вообще, какъ и при Екатеринѣ II, крестьянамъ трудно было добиться праваго суда, а помѣщикамъ легко было откупиться отъ всякаго преступленія. Вся мѣстная полиція, земскіе судьи, засѣдатели и исправники выбирались самими же дворянами изъ своей среды, причемъ помѣщики давали имъ взятки и прямо держали ихъ на откупу. Мы уже видѣли, какъ эта земская полиція вела слѣдствія по убійству помѣщиками своихъ крѣпостныхъ. Когда на одномъ такомъ слѣдствіи крестьянинъ Петровъ указалъ на кровавые подтеки, которыхъ осматривавшія трупъ власти никакъ не могли найти, то засѣдатель накричалъ на него: «Ты здѣсь доказываешь, а недоимки не платишь!» и ударилъ его по щекѣ, а по окончаніи осмотра отправилъ въ сарай и велѣлъ выпороть.

Высшій надзоръ по дворянскимъ дѣламъ въ губерніи принадлежалъ предводителю дворянства, который тоже выбирался дворянами и считалъ своимъ долгомъ защищать ихъ. Одинъ изъ такихъ предводителей дворянства въ Рязанской губерніи, по фамиліи Реткинъ, прямо говорилъ: «Если я увижу, что мой братъ дворянинъ зарѣзалъ человѣка, то и тутъ пойду подъ присягу, что ничего о томъ не знаю».

Также относилось къ этому дѣлу и высшее начальство въ Петербургѣ, которое въ свою очередь сплошь состояло изъ дворянъ. Одинъ изъ помѣщиковъ-убійцъ, по фамиліи Каленовъ, былъ приговоренъ къ тюремному заключенію за то, что засѣкъ своего крѣпостного. Каленовъ хлопоталъ въ Сенатѣ о смягченіи наказанія и, между прочимъ, поѣхалъ похлопотать о своемъ дѣлѣ къ одному старому сенатору, которому откровенно разсказалъ, въ чемъ заключалась его бѣда.

— Господи, Боже мой! — удивился старикъ: — и изъ-за этого нынче безпокоятъ дворянина! Я вамъ скажу по секрету, что я самъ въ молодости сдѣлалъ то же самое».

Digitized by Google

лецъ съ дѣтства пріобрѣталъ привычку предаваться праздности и тунеядству. Естественное теченіе мыслей невольно приводило его къ тому убѣжденію, что онъ можетъ, не обременяя себя никакими заботами, поручить хозяйство управляющему, бурмистру или старостѣ, а самъ веселиться, жить для удовольствія собственной особы, удовлетворять своимъ прихотямъ и не думать болѣе ни о чемъ» *). А такого рода праздная и себялюбивая жизнь неминуемо доводила помѣщиковъ до полной потери человѣческаго образа, до невообразимыхъ жестокостей и преступленій. Мы уже привели достаточно примѣровъ этихъ помѣщичьихъ жестокостей и преступленій. Перечисленіемъ ихъ можно было бы наполнить цѣлую книгу. Ошибочно было бы думать, что всѣ вышеприведенные нами случаи составляли лишь рѣдкія исключенія; напротивъ того — это было скорѣе общее правило. Николай I самъ говорилъ депутатамъ отъ петербургскаго дворянства: «Но я долженъ съ прискорбіемъ сказать вамъ, что у насъ весьма мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще болѣе худыхъ»**). Таково было свидѣтельство самого Николая I, и мы можемъ быть вполнѣ увѣренными, что въ устахъ «перваго дворянина», какъ онъ самъ называлъ себя, эти слова не были простою выдумкою.

Пользуясь своею неограниченною властью, эти праздные и испорченные люди находили даже особое удовольствіе въ мученіяхъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Кромѣ позорнаго наказанія розгами, которое даже и послѣ крѣпостного права долго процвѣтало у насъ въ Россіи, помѣщики постоянно прибѣгали къ *пыткамъ* и изобрѣтали всевозможныя орудія мученія. Такъ, мы видѣли, что у саратовскаго помѣщика Жарскаго, во время слѣдствія по убійству имъ своего старосты, были найдены ошейникъ съ цѣпью, наручни и сѣтка, которая надѣвалась на голову, чтобы морить

*) Д. Кавелинъ, *Собраніе сочиненій*, т. II, стр. 30.
**) В. И. Семевскій, *Крестьянскій вопросъ*, т. II, стр. 189.

Digitized by Google

наказаннаго голодомъ во время работы: мы видѣли также, что помѣщикъ Карцевъ держалъ на цѣпи своихъ крѣпостныхъ по цѣлымъ годамъ. И такого рода мучительства и издѣвательства встрѣчались на каждомъ шагу. Въ Рязани, въ особомъ историческомъ музеѣ, выставленъ и теперь на показъ цѣлый наборъ разныхъ орудій пытокъ и истязаній, оставшихся послѣ крѣпостного права. Тамъ находится между прочимъ *щекобитка*, употреблявшаяся помѣщицами для битья по щекамъ дѣвокъ и бабъ: «Стоило-ли о хамскія рожи марать дворянскія руки?» — замѣчаетъ Повалишинъ въ своей книгѣ о рязанскихъ помѣщикахъ. А вотъ что говоритъ на этотъ счетъ В. И. Семевскій: «Трудно перечислить всѣ способы наказанія съ «пытками» и «истязательными» орудіями. Такъ, напримѣръ, въ одной Саратовской губерніи, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, употреблялись въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: розги, палки, шпицрутены; битье по зубамъ каблукомъ; битье по скуламъ кулакомъ; бритье полуголовы и полубороды; подвѣшиваніе за руки и за ноги на шесты; вывертываніе членовъ посредствомъ подвѣшиванія и вправливанье вновь вывихнутыхъ членовъ; «уточка» (связыванье рукъ и ногъ и продѣваніе на шестъ); надѣванье шейныхъ желѣзъ и конскихъ кандаловъ; личныя сѣтки (для пытки голодомъ); прикладываніе при личныхъ сѣткахъ сургучной печати на голое тѣло; выщипываніе бороды; опаливаніе лучиной волосъ на тѣлѣ у женщинъ; взнуздываніе; сажанье въ кубъ; ставленіе на горячую сковороду; набиваніе деревянныхъ колодокъ на шею; сѣченье солеными розгами; натираніе солью по изсѣченнымъ мѣстамъ; сѣченье терномъ, таволгой и крапивой; принужденье работать съ колодками на шеѣ; лишеніе соли; забиваніе въ ротъ кляпа; надѣванье желѣзныхъ ошейниковъ съ гвоздями; наказанье плетьми изъ сухихъ воловьихъ жилъ и т. д., и т. д.» *).

*) *Крестьянскій вопросъ*, статья въ сборникѣ «Крестьянскій строй», т. I, стр. 290—1.

Digitized by Google

* * *

Такова была жизнь русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ ихъ помѣщичьихъ каторжныхъ тюрьмахъ, строго охраняемыхъ властью самодержавнаго царя. Одни изъ нихъ покорялись своей неволѣ, обращались въ покорныхъ холоповъ и также утрачивали свой человѣческій образъ; другіе бились въ безсильномъ отчаяніи. Никакого законнаго выхода изъ этой каторжной тюрьмы у нихъ не было. Мы уже знаемъ, какъ относилось начальство къ жалобамъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ. Жаловаться—значило заранѣе обрекать себя на новое истязаніе. Въ царствованіе Екатерины II за такія жалобы рвали ноздри, били кнутомъ и ссылали въ вѣчную каторгу; по Уложенію 1845 года, изданному Николаемъ I, «за подачу жалобы на помѣщика крѣпостные подвергались наказанію розгами до 50 ударовъ». Какъ обращалось начальство съ жалобщиками при Николаѣ I, хорошо видно изъ письма саратовскаго губернатора Бибикова къ предводителю дворянства; онъ писалъ слѣдующее: «Приказалъ наказать жалобщиковъ розгами при полиціи, *дабы не подать другимъ повода къ подобнымъ своевольствамъ*, но тѣмъ не менѣе долгомъ поставляю обратить вниманіе ваше на поведеніе помѣщика Угрюмова въ своемъ имѣніи и на обращеніе его съ крѣпостными людьми». Губернаторъ Бибиковъ самъ хорошо зналъ, что жалобы крестьянъ были справедливы и что помѣщикъ Угрюмовъ учинялъ всякія злодѣйства у себя въ имѣніи, но тѣмъ не менѣе онъ подвергъ жалобщиковъ наказанію при полиціи «дабы не подать повода къ подобнымъ своевольствамъ».

Даже сочинители прошеній, тѣ посторонніе добрые люди, которые изъ жалости къ безграмотнымъ крестьянамъ писали имъ просьбы,—даже и тѣ подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ: одинъ изъ такихъ сочинителей просьбъ, пономарь Остроглазовъ, «былъ

Digitized by Google

немедленно исключенъ изъ духовнаго званія и отправленъ въ острогъ»; другой—дьяконъ Ильинской церкви въ Саратовѣ, Фіолетовъ, былъ арестованъ, лишенъ духовнаго званія и приговоренъ къ сдачѣ въ солдаты, а по неспособности къ военной службѣ сосланъ въ Сибирь.

За отсутствіемъ всякихъ законныхъ выходовъ изъ своего отчаяннаго положенія, у крѣпостныхъ крестьянъ оставались лишь незаконные пути: самоубійства, месть, бунты и побѣги. Въ такихъ ужасныхъ средствахъ, къ которымъ вынуждало прибѣгать несчастныхъ крестьянъ наше самодержавное правительство, недостатка не было.

Многіе крѣпостные, доведенные до отчаянія, рѣзались, вѣшались и топились. По одной Рязанской губерніи мы находимъ въ книгѣ Повалишина такіе случаи: крѣпостной помѣщика Татаринова зарѣзался; крѣпостная помѣщиковъ Щекутьевыхъ, восьмилѣтняя дѣвочка, утопилась; дворовая помѣщицы Житовой, покушалась на свою жизнь и порѣзала себѣ ножницами шею, но осталась жива; кучеръ одного помѣщика оставилъ его съ лошадьми въ лѣсу, а самъ повѣсился на возжахъ на деревѣ; крѣпостная помѣщика Кошелева бросилась въ прорубь, но была спасена. Надо еще замѣтить, что если покушенія на самоубійства не удавались, то покушавшіеся подвергались послѣ того самому жестокому наказанію; такъ, эта вытащенная изъ проруби женщина помѣщика Кошелева была наказана плетьми и сослана въ Сибирь.

Случаи мести помѣщикамъ со стороны крѣпостныхъ крестьянъ также были очень многочисленны. Иногда мстителями являлись даже крестьянскія дѣти. Въ Саратовской губерніи одиннадцатилѣтняя дѣвочка, Наталья Коршина, за истязаніе помѣщикомъ Владыкинымъ ея отца, четыре раза поджигала помѣщичій домъ, а послѣдній разъ выхватила изъ колыбели ребенка помѣщика и хотѣла бросить его въ огонь.

У помѣщиковъ Елагиныхъ, также Саратовской губерніи, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка сожгла гумно, по-

Digitized by Google

тому что помѣщики заставляли крестьянъ молотить по праздникамъ; у помѣщиковъ Масловыхъ тринадцатилѣтняя дѣвочка, Дарья Суетина, сожгла амбаръ, гдѣ хранился ленъ, чтобы избавить дворовыхъ отъ пряжи льна и плетенія кружевъ,—чѣмъ помѣщики безмѣрно отягощали дворовыхъ женщинъ. За плетеніемъ кружевъ мать Дарьи Суетиной ослѣпла.

Но въ гораздо большемъ числѣ совершались изъ мести убійства взрослыми крестьянами своихъ помѣщиковъ или ихъ управляющихъ. Въ царствованіе Николая I, съ 1837 года по 1855 годъ, т.-е. въ теченіе 18 лѣтъ, было совершено болѣе 200 такихъ убійствъ и около 70 покушеній на убійство; но это только числится по отчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ; въ дѣйствительности такихъ случаевъ было гораздо больше. Князь Волконскій разсказываетъ въ своей книжкѣ *), что когда, по случаю одного такого происшествія, его отецъ собралъ у себя сосѣднихъ помѣщиковъ для совѣщанія, то оказалось, что рѣдко кто изъ нихъ не подвергался побоямъ или покушеніямъ на убійство со стороны крестьянъ и дворовыхъ; но только большинство изъ нихъ избѣгало огласки, чтобы не срамиться и не подорвать своего помѣщичьяго достоинства.

Такимъ же необходимымъ и совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ помѣщичьяго и правительственнаго гнета были постоянные крестьянскіе бунты. Хотя нашихъ крестьянъ даже и въ настоящее время часто обвиняютъ въ ихъ бунтахъ, называя эти бунты безсмысленными проявленіями крестьянской дикости и невѣжества, но мы хотѣли бы спросить у этихъ строгихъ судей и обвинителей, какъ бы они сами поступали въ такихъ случаяхъ, какъ бы они сами вели себя, если бы ихъ, въ теченіи всей ихъ жизни, заставляли терпѣливо и безропотно переносить все то, что приходилось *въ теченіи всей своей мученической жизни*

*) Н. Волконскій. *Условія помѣщичьяго хозяйства въ крѣпостномъ правѣ.*

Digitized by Google

переносить на своихъ плечахъ, а главное — въ своей человѣческой душѣ, этому «дикому» и «невѣжественному» русскому крестьянину?

Въ отчетахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которые ежегодно составлялись для извѣщенія Николая I о томъ, что происходило въ его государствѣ, мы находимъ слѣдующее краткое перечисленіе крестьянскихъ бунтовъ:

Въ 1841 году, въ Витебской губерніи, въ имѣніи графа Борха, болѣе тысячи крестьянъ оказали сопротивленіе военной силѣ. Убитыхъ было 21, раненыхъ 24 человѣка; 11 зачинщиковъ подвергнуты истязанію шпицрутенами.

Въ томъ же году, въ Пермской губерніи, рабочіе на Ревдинскомъ заводѣ Демидова, въ числѣ 400 человѣкъ, оказали сопротивленіе. Убитыхъ 33, раненыхъ 114.

Въ 1842 году, въ Казанской губерніи, начальство захотѣло принудить государственныхъ крестьянъ къ общественной запашкѣ. Убитыхъ 8, раненыхъ 230; 420 человѣкъ преданы военному суду.

Въ томъ же 1842 году было оказано упорное сопротивленіе въ 24 помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ 13 разныхъ губерніяхъ.

Въ 1843 году, въ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, возмущеніе охватило болѣе 40000 государственныхъ крестьянъ. Была послана команда въ 10000 солдатъ при 10 пушкахъ. 60 человѣкъ предано военному суду, 461 подвергнуты сѣченію. Въ томъ же году были бунты въ 12 помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ девяти губерніяхъ.

Въ 1844 году было крестьянское волненіе въ селѣ Козловкѣ, Тамбовской губерніи. Убитыхъ 12, раненыхъ 10, преданныхъ военному суду 29.

Среди помѣщичьихъ крестьянъ въ этомъ году бунты были въ 23 имѣніяхъ, въ восемнадцати губерніяхъ.

Въ 1845 году—бунты въ 26 помѣщичьихъ имѣніяхъ по 15 губерніямъ; въ 1846 году—въ 25 имѣніяхъ по 15 губерніямъ; въ 1847 году—въ 23 имѣніяхъ по 16

Digitized by Google

губерніямъ; въ 1848 году—въ 41 помѣщичьемъ имѣніи и 4 казенныхъ. Въ слободѣ Писаревкѣ, Воронежской губ., крестьяне упорно противились выдачѣ тѣхъ изъ своихъ, кто избилъ управителя. Послано было 2 казачьихъ полка; тысяча мужиковъ были подвергнуты сѣченію; шестеро отданы подъ военный судъ.

Въ 1849 году—бунты въ 30 имѣніяхъ по 8 губерніямъ; число всѣхъ бунтовавшихъ доходило до 16000 человѣкъ.

Въ 1850 году въ Курской губ. взбунтовались нѣсколько смежныхъ имѣній; число бунтовщиковъ доходило до 10000. Послано 4 эскадрона кавалеріи и 60 пѣхотинцевъ.

Въ 1851 году — бунты въ 22 помѣщичьихъ, двухъ казенныхъ и двухъ удѣльныхъ имѣніяхъ; въ 1852 году—въ 33 помѣщичьихъ, 6 казенныхъ и 3 удѣльныхъ; въ 1853 году—въ 29 имѣніяхъ; въ 1854 году—въ 32 имѣніяхъ.

Всего, по отчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ 1826 по 1854 г. въ однихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ произошло 556 крестьянскихъ волненій; но въ дѣйствительности ихъ было гораздо больше. Если сосчитать теперь, сколько крестьянской крови было тутъ пролито, по случаю этихъ бунтовъ, сколько крестьянскихъ душъ загублено, сколько неописуемыхъ мучительствъ совершено надъ совершенно неповинными людьми, то невольно является такой вопросъ: какъ слѣдуетъ назвать такой государственный порядокъ и какъ слѣдуетъ назвать такого государственнаго управителя? Многіе милліоны мирныхъ тружениковъ, поильцевъ и кормильцевъ русской земли, были поставлены въ самыя тяжелыя, въ самыя трудныя и непереносныя условія жизни; а когда у этихъ страдальцевъ недоставало никакихъ человѣческихъ силъ, чтобы все перетерпѣть и все вынести, то ихъ же предавали лютымъ казнямъ, ихъ же разстрѣливали солдатскими пулями. И вотъ, находятся все-таки люди, которые обвиняютъ этихъ несчастныхъ русскихъ крестьянъ въ ихъ дикости и невѣжествѣ. Да, конечно, крестьяне,

Digitized by Google

въ своемъ безумномъ отчаяніи, слѣпо шли подъ разстрѣлъ, слѣпо шли на вѣрную гибель; но дѣйствительно дикими и невѣжественными извергами надо считать не ихъ, а тотъ порядокъ и тѣхъ людей, которые доводили ихъ до этого отчаянія и подвергали ихъ этимъ лютымъ казнямъ.

* * *

Кромѣ самоубійства, мести и бунтовъ у крестьянъ было еще одно средство спасенія: бѣжать, куда глаза глядятъ, отъ своей родной земли; бросить родныя деревни, бросить свои семьи, хозяйства и идти мыкать горе въ невѣдомыя страны. Крестьяне шли на Кавказъ, шли въ Новороссійскія степи, а то шли на какія-то «бѣлыя воды», о которыхъ имъ разсказывали прохожіе странники. Начальство ловило ихъ, било и возвращало помѣщикамъ; помѣщики въ свою очередь били ихъ и нерѣдко забивали на смерть или ссылали въ Сибирь,—на что опять-таки имѣли «законное право». На основаніи этого «законнаго права,» помѣщики ссылали своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибирь въ большомъ количествѣ: по оффиціальнымъ отчетамъ, въ теченіи 10 лѣтъ, съ 1822 по 1833 годъ было сослано ими 1283 человѣка, безъ всякаго суда и слѣдствія, по одному ихъ помѣщичьему желанію.

Когда начальству было выгодно—такъ, напримѣръ, одно время оно хлопотало о заселеніи Новороссіи,—тогда оно не ловило бѣжавшихъ крѣпостныхъ и не обращало никакого вниманія на жалобы помѣщиковъ; тогда нѣкоторымъ счастливцамъ удавалось устроиться на просторныхъ, вольныхъ земляхъ, вдали отъ попечительнаго начальства,—пока послѣднее не простирало своихъ заботъ и на вновь заселенныя земли. Но въ большинствѣ случаевъ бѣглецовъ ожидала та участь, отъ которой, по народной пословицѣ, русскіе люди не должны никакъ отрекаться: или нищенская сума, или тюрьма.

Digitized by Google

Нищенство и бродяжничество процвѣтало въ огромныхъ размѣрахъ въ крѣпостной Россіи. Такъ, напримѣръ, въ 1840 году было поймано и отправлено въ остроги 36200 бродягъ; въ 1849 года—24967; въ 1851—31556. Вмѣстѣ съ бродяжничествомъ очень распространено было также разбойничество. Всѣ большіе лѣса служили тогда притонами для разбойничьихъ шаекъ, съ которыми земская полиція должно была вести постоянныя войны. Нѣкоторые атаманы отличались такою удалью, что имена ихъ гремѣли по цѣлымъ уѣздамъ и губерніямъ, пока они не складывали, наконецъ, своихъ буйныхъ головъ подъ солдатской пулей или на плахѣ.

Но среди тяжелой и безпросвѣтной жизни русскихъ крестьянъ даже такая печальная судьба, даже тяжелая и опасная участь придорожныхъ разбойниковъ казалась имъ заманчивой и привлекательной по своему широкому приволью, и о ней въ народѣ часто слагались удалыя пѣсни. И вотъ, въ заключеніе нашего обзора о положеніи русскаго крестьянства въ царствованіе Николая I, мы приведемъ одну изъ такихъ удалыхъ разбойничьихъ пѣсенъ:

Какъ за барами было житье привольное
Сладко юпито, поѣдено, похожено,
Вволю корушки безъ хлѣбушка погложено,
Босикомъ снѣгу потоптано,
Спинушку кнутомъ понабито,
До пьяна слезами понапоено...
А теперь за баръ мы Богу молимся:
Божья церковь — небо ясное,
Образа вѣдь — звѣзды чистыя,
А попали волки сѣрые,
Что поютъ про наши душеньки.
Темный лѣсъ — то наша вотчина,
Трактъ проѣзжій — наша пашенка.
Пашни пашемъ мы въ глухую ночь,
Собираемъ хлѣбъ не сѣявши,
Не цѣпомъ молотимъ—слезою

Digitized by Google

По дворянскимъ по головушкамъ,
Да по спинушкамъ купеческимъ...
Съ золотой казной мы — вольные:
Куда глянешь—наша вотчина,
Отъ Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкаго раздольица
Тамъ нѣтъ смерти намъ, ребятушки.

ГЛАВА III.

Какъ относилось правительство къ крѣпостному праву.

Какъ же относилось верховное самодержавное правительство къ этому тяжелому положенію народа? О Николаѣ I многіе историки говорятъ, что онъ въ теченіе всего своего царствованія много *думалъ* о крѣпостномъ правѣ, очень былъ *озабоченъ* имъ и все собирался ограничить помѣщичье самовластіе. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, онъ сказалъ какъ-то своему любимцу, генералу Киселеву, что изъ всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ онъ считаетъ самымъ необходимымъ «преобразованіе крѣпостного права», такъ какъ «въ его настоящемъ положеніи оно оставаться болѣе не можетъ».—«Помогай мнѣ въ этомъ дѣлѣ — говорилъ онъ дальше—которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какъ приступить безъ огласки къ постепенному осуществленію мысли, которая постоянно занимаетъ меня, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу» *).

Въ этой тайной своей бесѣдѣ съ Киселовымъ, Николай I признался также ему, что онъ уже «гово-

*) В. И. Семевскій. *Крестьянскій вопросъ*, т. II, стр. 21.

Digitized by Google

рилъ о своемъ намѣреніи со многими изъ своихъ сотрудниковъ». Но ни въ одномъ изъ нихъ—такъ закончилъ царь,—я не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые были совершенно противны *).

Вотъ объ этой именно постоянной заботѣ, тревожившей Николая I, и любятъ говорить тѣ историки, которые стараются, во чтобы то ни стало, приписать ему и большую мудрость, и большую любовь къ Россіи, и попеченіе о благѣ русскаго народа.

Странное дѣло: эти историки стараются восхвалять Николая I даже только за одно то, что онъ былъ очень *озабоченъ* ужасами и неурядицами крѣпостного права. Но спрашивается: какъ же было ему не заботиться и не тревожиться, когда повсюду въ Россіи стоялъ стонъ и лилась кровь, когда доведенные до отчаянія крестьяне то и дѣло убивали своихъ помѣщиковъ, когда проѣзжія дороги кишѣли бродягами и разбойниками и когда ежегодно происходило по нѣсколько десятковъ бунтовъ въ помѣщичьихъ и казенныхъ имѣніяхъ? Вѣдь даже самый плохой хозяинъ, изъ своихъ собственныхъ хозяйскихъ разсчетовъ, долженъ былъ бы встревожиться подобными безпорядками и неурядицами. Но хвалить такого хозяина было бы еще очень рано. Надо было бы посмотрѣть, какъ онъ будетъ приводить свои дѣла въ порядокъ, что именно онъ сдѣлаетъ для прекращенія происходящаго зла, какія перемѣны онъ произведетъ въ своемъ государствѣ, какія качества онъ обнаружитъ при исполненіи обязанности, за которую взялся.

Посмотримъ же, что было сдѣлано Николаемъ I для прекращенія вышеописанныхъ ужасовъ и неистовствъ крѣпостного права; посмотримъ, какія перемѣны онъ произвелъ, какія качества онъ обнаружилъ при своемъ желаніи ослабить тревожившіе его безпорядки.

Въ 1842 году, на засѣданіи Государственнаго Со-

*) Тамъ же.

Digitized by Google

вѣта, гдѣ обсуждался вопросъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, Николай I произнесъ такую рѣчь:

«Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его положеніи, есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное; *но прикасаться къ оному теперь было бы, конечно, злом еще болѣе гибельнымъ.* Императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ котораго въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. *Я также никогда на сіе не рѣшусь.* Время, когда можно будетъ къ тому приступить, еще вообще весьма далеко; теперь же *всякіе помыслы о семъ были бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства.* Пугачевскій бунтъ доказалъ, *до чего можетъ достигнуть буйство черни.* Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы, что и впредь будетъ предметомъ особенной и *съ помощью божьей* успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, *что нынѣ мысли ужъ не тѣ, какія бывали прежде* и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда»*).

Вотъ изъ этой рѣчи Николая I, изъ этихъ его собственныхъ словъ, сказанныхъ имъ въ Государственномъ Совѣтѣ, мы уже можемъ знать въ точности, что именно думалъ Николай I о крѣпостномъ правѣ, каковы именно были его царскія намѣренія.

Прежде всего, онъ соглашался, что крѣпостное право было дѣйствнтельно зло «для всѣхъ ощутительное и очевидное», но прибавляль онъ при этомъ «*прикоснуться къ оному* было бы, конечно, злом, *еще болѣе гибельнымъ.*

Итакъ, по мнѣнію Николая I, Россіи угрожало два зла; первое изъ нихъ—это само крѣпостное право;

---

*) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 60—61.

Digitized by Google

Но по царскому разсужденію выходило совсѣмъ на оборотъ, а именно, выходило такъ, что если-бы не было на Руси крѣпостного права, что если бы крѣпостное право было уничтожено, то крестьянскіе бунты не прекратились бы, а, напротивъ того, должны были-бы послѣ этого еще болѣе усилиться. Вотъ тутъ то, именно, т. е. послѣ прекращенія помѣщичьей жестокости, крестьяне, по мнѣнію Николая I, и показали бы себя, показали бы, «до чего они могутъ достигнуть». Таково было мнѣніе Николая I о русскихъ крестьянахъ, и всѣ его слушатели въ Государственномъ Совѣтѣ были вполнѣ съ нимъ согласны.

Уже изъ одной этой вступительной рѣчи Николая I въ Государственномъ Совѣтѣ легко можно видѣть, чего должны были ожидать для себя крестьяне во время его самодержавнаго царствованія и чѣмъ должны были завершиться для нихъ его постоянные думы и заботы о преобразованіи крѣпострого права.

Самый главный законъ, который былъ изданъ въ царствованіе Николая I относительно крѣпостоного права, заключался въ указѣ об *обязанныхъ крестьянахъ*, изданномъ второго апрѣля 1842 года. Этого указа ждали тогда съ великимъ нетерпѣніемъ. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы ограничить ничѣмъ неограниченныя права помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ и установить разъ навсегда въ самомъ законѣ всѣ барщинныя работы и другія крестьянскія повинности, такъ чтобы помѣщики уже не могли болѣе увеличивать ихъ по своему собственному усмотрѣнію.

Для обсужденія этого закона Николай I назначилъ еще въ ноябрѣ 1839 года «секретный комитетъ» изъ князя Васильчикова, графа Орлова, графа Панина, Киселева, Блудова и Ханыкова. Все это были богатые помѣщики, которые сами владѣли многими тысячами крестьянскихъ душъ, за исключеніемъ впрочемъ Киселева, который пріобрѣлъ довѣріе царя не богатствомъ и знатностью, а своимъ умомъ и тѣмъ, что онъ былъ честнѣе другихъ.

Digitized by Google

Какъ только началось обсужденіе новаго закона въ секретномъ комитетѣ, камергеръ Ханыковъ немедленно же представилъ свою докладную записку, въ которой излагалъ слѣдующія мысли:

«Какъ земли суть основное достояніе дворянъ, то для поддержанія сего сословія необходимо, чтобы сіе достояніе оставалось въ дворянскихъ родахъ. Отсюда само собою проистекаетъ, что помѣщики не иначе могутъ увольнять своихъ крестьянъ изъ крѣпостного владѣнія, какъ *безъ земли*. А чтобы обезземеленные крестьяне не ушли отъ помѣщичьей работы, то Ханыковъ предлагалъ, чтобы увольняемые крестьяне «вступали въ сословіе обязанныхъ поселянъ, которые безъ дозволенія начальства не могли бы оставлять прежняго мѣста жительства».

Киселевъ боялся, однако, такого полнаго обезземеленія крестьянъ; во первыхъ, это породило бы громадную массу бродячаго, безпріютнаго и безпокойнаго населенія, а во вторыхъ, государство не было-бы ничѣмъ обезпечено въ исправномъ собираніи податей. Поэтому онъ предлагалъ, чтобы помѣщики отводили крѣпостнымъ крестьянамъ земельные надѣлы, за которые тѣ отбывали-бы имъ опредѣленные барщинныя или оборочныя повинности. Это именно и былъ бы переходъ крестьянъ въ *обязанные*; они по прежнему оставались-бы въ обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ и должны были бы работать на нихъ всю жизнь; но только ихъ земельные надѣлы и ихъ барщинныя и другія повинности были бы уже опредѣлены закономъ разъ навсегда и не зависѣли бы отъ произвола помѣщиковъ. Это мнѣніе Киселева было поддержано самимъ Николаемъ I, и въ такомъ именно смыслѣ былъ составленъ въ секретномъ комитетѣ проектъ закона, который перешелъ потомъ на обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ.

Но при обсужденіи его въ Государственномъ Совѣтѣ поднялся вопросъ: надо-ли было *обязывать* помѣщиковъ къ тому, чтобы, они, согласно новому закону, переводили своихъ крестьянъ изъ прежняго крѣпост-

Digitized by Google

ного сословія на положеніе обязанныхъ, или же слѣдовало представить это на добрую волю самихъ помѣщиковъ?

Одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, князь Дмитрій Голицинъ, началъ говорить, что сами помѣщики добровольно ничего не сдѣлаютъ и что необходимо принудить ихъ къ этому закономъ. Но тутъ всталъ Николай I и произнесъ такія слова:

«Я, конечно, самодержавный и самовластный, *но на такую мѣру никогда не рѣшусь*, какъ не рѣшаюсь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры: это должно быть дѣломъ ихъ доброй воли».

Такимъ образомъ самодержавіе царя отступало здѣсь на второй планъ; впереди всего стояла добрая воля самихъ помѣщиковъ. Хотя Николай I былъ *очень озабоченъ* крѣпостнымъ правомъ и считалъ преобразованіе его самымъ важнымъ изъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, но мы видимъ, что здѣсь онъ склонилъ свою царскую голову передъ дворянской волей и прямо заявилъ, что никогда не рѣшится посягнуть самодержавно и самовластно на старыя права помѣщиковъ; здѣсь онъ рѣшилъ ожидать терпѣливо ихъ добровольнаго соглашенія; хотя тутъ дѣло шло объ участи многихъ милліоновъ крѣпостного крестьянства, но интересы дворянъ были все таки дороже его царскому сердцу. И вотъ, согласно его мнѣнію, согласно его послѣднему царскому слову, былъ изданъ въ 1842 году новый законъ объ обязанныхъ поселянахъ, въ которомъ все было предоставлено на добровольное желаніе самихъ помѣщиковъ. Въ законѣ было сказано такъ:

„... Мы признали за благо предоставить тѣмъ изъ помѣщиковъ, *которые сами сего пожелаютъ*, заключать съ крестьянами своими, *по взаимному соглашенію*, договоры на такомъ основаніи, чтобы помѣщики сохраняли *принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю* со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, а крестьяне получили-бы отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности".

Digitized by Google

Мы видимъ, что новый законъ ни къ чему не принуждалъ и ни къ чему не обязывалъ помѣщиковъ; имъ предоставлялось заключать *добровольно* соглашенія съ крестьянами; этимъ хищнымъ волкамъ предоставлялось заключать добровольное соглашеніе со своими крѣпостными овцами. При этомъ, какъ видитъ читатель, въ царскомъ указѣ особо подтверждалось, что *всѣ земли должны были оставаться неприкосновенными въ полной вотчинной собственности дворянъ*; указъ даже начинался такими словами: „желая, въ общихъ видахъ государственной пользы, чтобы при заключеніи условій, принадлежащія помѣщикамъ земли, *какъ вотчинная собственность дворянства*, охранены были отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ, мы признали за благо... и т. д.“. Вышеприведенная докладная записка камергера Ханыкова была, слѣдовательно, также принята царемъ во вниманіе.

Нечего и говорить, что этотъ новый законъ не имѣлъ ровно никакого значенія и не оказалъ никакого вліянія на положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Помѣщики или совсѣмъ не хотѣли заключать никакихъ условій со своими крѣпостными крестьянами, или же предлагали имъ при переходѣ на положеніе обязанныхъ такіе малые надѣлы земли,и налагали такія огромныя повинности, что тѣ не соглашались и предпочитали оставаться въ прежнемъ крѣпостномъ состояніи.

Николай I въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ тщетно ждалъ дѣйствія своего новаго закона; увидѣвъ, наконецъ, что изъ него ничего не выходило, онъ рѣшилъ еще разъ обратиться самолично къ дворянамъ, чтобы побудить ихъ къ переводу крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные. Для этого онъ пригласилъ къ себѣ депутацію отъ смоленскаго дворянства и произнесъ передъ нею такую рѣчь:

Заявивъ сначала, что онъ имѣлъ въ виду поговорить съ ними «келейно» объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ продолжалъ такъ: «Въ указѣ моемъ по этому предмету я ясно выразилъ мысль мою, что земля, *заслуженная нами дворянами или предками нашими*,

Digitized by Google

есть паша дворянская; *замѣтьте, что я говорю съ вами, какъ первый дворянинъ въ государствѣ.* Но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи, утвердившемся у насъ почти не по праву, а обычаемъ, черезъ долгое время, не можетъ считаться собственностью, а тѣмъ менѣе вещью, слѣдовательно, мое желаніе при обнародованіи сказаннаго указа было и теперь есть, чтобы дворянство помогло мнѣ въ этомъ дѣлѣ—столь важномъ для развитія благосостоянія отечества нашего—постепеннымъ переводомъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные. Я убѣжденъ, что такой переходъ, хотя на разныхъ условіяхъ, примѣненныхъ каждымъ къ мѣстности, можетъ одинъ предупредить крутой переломъ» *).

Желая побудить помѣщиковъ отказаться отъ своей безграничной власти надъ крестьянами, Николай I напоминаетъ имъ, что въ противномъ случаѣ можетъ произойти «крутой переломъ», т. е. что крестьяне могутъ не выдержать и поднять бунтъ; онъ опять повторяетъ то, что говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1842 году: «нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда.»

Но вмѣстѣ съ тѣмъ царь спѣшилъ утѣшить помѣщиковъ тѣмъ, что всѣ помѣщичьи земли, «заслуженныя нами, дворянами», останутся при нихъ въ неприкосновенности, что въ этомъ онъ ручается имъ, какъ «первый дворянинъ въ государствѣ»; это дѣло ихъ общее, тутъ имъ нечего было опасаться.

Несмотря однако на такое утѣшеніе, помѣщики не хотѣли отказываться отъ крѣпостного права; они хотѣли владѣть не только землею, но и крестьянскими душами; поэтому они не поддались на царское увѣщаніе, и изъ этого вторичнаго обращенія «перваго дворянина» къ остальному благородному россійскому дворянству также не вышло ничего хорошаго; законъ

*) В. И. Семевскій, *Крестьянскій вопросъ*, т. II, ст. 163.

Digitized by Google

1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ *остался безъ всякаго дѣйствія.* *)

Надо замѣтить, что Николай I, хотя самъ настаивалъ на нѣкоторомъ облегченіи крѣпостныхъ крестьянъ, но вовсе не считалъ желательнымъ, чтобы это облегченіе пошло очень далеко и чтобы помѣщичьи крестьяне дѣйствительно получили полную свободу; у него всегда въ головѣ была та мысль, что правительству опасно было слишкомъ ослаблять крѣпостную цѣпь. Это хорошо видно изъ слѣдующаго случая:

Въ 1845 году одинъ богатый помѣщикъ Подольской губерніи, графъ Потоцкій, захотѣлъ отпустить на волю всѣхъ своихъ крѣпостныхъ, безъ всякаго выкупа, и кромѣ того, передать имъ въ собственность двѣ трети своихъ земель, безъ всякаго вознагражденія. Повидимому, такое хорошее дѣло должно было бы обрадовать Николая I, столь заботившагося объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ: въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше? Вотъ нашелся, наконецъ, хоть одинъ помѣщикъ, который подавалъ такой хорошій примѣръ всѣмъ остальнымъ. Но вышло, однако, совсѣмъ не такъ. Графъ Потоцкій не осмѣлился уволить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ безъ правительственнаго разрѣшенія, ибо правительство Николая I строго запрещало кому бы то ни было прикасаться къ «оному злу»; поэтому Графъ Потоцкій обратился къ царю съ просьбой, въ которой изложилъ ему свое желаніе. Николай I назначилъ для разсмотрѣнія этого дѣла особый комитетъ изъ графа Орлова, графа Левашева и другихъ. Комитетъ пришелъ къ тому заключенію, что правительство ни въ какомъ случаѣ не могло согласиться на желаніе Потоцкаго и высказалъ со своей стороны мнѣніе, что условія, предложенныя Потоцкимъ, необходимо было измѣнить на другія, гораздо худшія для крестьянъ, а именно пере-

---

*) За все время дѣйствія этого закона только около 40,000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ были переведены на положеніе обязанныхъ.

Digitized by Google

дать имъ не двѣ трети помѣщичьей земли, а только по 5 десятинъ на душу, и не безплатно, какъ хотѣлъ самъ Потоцкій, а за извѣстный оброкъ, причемъ графомъ Орловымъ былъ написанъ по этому поводу слѣдующій докладъ Николаю I:

«Хотя со стороны нравственной и политической было бы весьма желательно для блага крестьянъ графа Потоцкаго исполнить его увольнительный актъ, но по духу времени и нынѣшнему расположенію умовъ къ столь важному дѣлу должно приступить съ большою осторожностью, дабы освобожденіемъ огромнаго количества крѣпостныхъ людей не потрясти спокойствіе цѣлаго края, не подкопать основаніе существующихъ постановленій, не раздуть пламени непокорности въ сосѣднихъ вотчинахъ и тѣмъ не привести крестьянъ въ волненіе, помѣщиковъ въ отчаяніе, а правительство въ необходимость прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ для возстановленія нарушеннаго порядка».

На этомъ докладѣ Николаемъ I была сдѣлана собственноручная надпись: «Совершенно то, что хочу».

Вотъ, слѣдовательно, въ какомъ смыслѣ самъ Николай I понималъ необходимость преобразованія крѣпостного права. Онъ вовсе не хотѣлъ подкапывать самыхъ его основъ, вовсе не хотѣлъ приводить помѣщиковъ въ отчаяніе, а среди крестьянъ раздувать пламя непокорности. Поэтому онъ не позволялъ давать имъ полную свободу даже тѣмъ помѣщикамъ, которые сами хотѣли этого. Николай I смотрѣлъ на крѣпостное право, какъ на основное государственное учрежденіе, и всякое посягательство на него, даже со стороны самихъ помѣщиковъ, разсматривалъ какъ посягательство на самодержавную власть, за что и подвергалъ виновныхъ строгому наказанію. Это хорошо можно видѣть изъ другого примѣра.

Одинъ пензенскій помѣщикъ, Селивановъ, будучи человѣкомъ добрымъ и справедливымъ, мучился тѣмъ, что онъ владѣетъ крѣпостными людьми. Онъ отпустилъ своихъ 250 крестьянъ на вѣчный оброкъ и отдалъ имъ 1200 десятинъ земли; но все-таки не могъ

Digitized by Google

успокоить своей совѣсти; и вотъ, однажды, во время своихъ душевныхъ тревогъ и сомнѣній, онъ написалъ письмо къ профессору Кавелину, своему бывшему учителю, гдѣ говорилъ о томъ, какъ тяжело положеніе помѣщика, владѣющаго крѣпостными душами. Письмо это онъ раздумалъ, однако, посылать, разорвалъ его и бросилъ въ корзину. Но онъ очевидно уже былъ на замѣчаніи у правительства, а потому окруженъ шпіонами. Разорванное письмо было подобрано и отправлено въ Петербургъ къ жандармамъ, въ третье отдѣленіе. И вотъ, по приказанію изъ Петербурга Селивановъ былъ немедленно же арестованъ и доставленъ туда на допросъ.

— Почему вы находите, что положеніе помѣщика дурно? — спрашивалъ его жандармскій генералъ Дубельтъ.

— Потому что нравственная отвѣтственность слишкомъ велика,—отвѣчалъ Селивановъ.

— Эти вздоры натолкованы вамъ мерзавцами, подобными Бакунину, Герцену и другимъ, — закричалъ на него Дубельтъ.

Затѣмъ Селиванову были даны вопросные пункты, на которые онъ долженъ былъ написать свои отвѣты: какъ онъ смотритъ на крѣпостное состояніе вообще и какъ онъ смотритъ на отношеніе помѣщиковъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ.

Селивановъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ крѣпостное право больнымъ злымъ, а что касается отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, то его личныя отношенія къ нимъ всего лучше можно видѣть изъ того, что въ теченіе тѣхъ десяти лѣтъ, которыя онъ провелъ въ деревнѣ, онъ постоянно ухаживалъ за крестьянами во время ихъ болѣзни, пускалъ имъ кровь, перевязывалъ раны и т. д.

Когда это дѣло, вмѣстѣ съ отвѣтами Селиванова, было представлено Николаю I, то послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: отправить Селиванова

Digitized by Google

въ ссылку, въ Вятскую губернію «за превратный образъ мыслей» *).

Превратный образъ мыслей Селиванова заключался въ томъ, что онъ осуждалъ власть помѣщиковъ и своимъ личнымъ примѣромъ подрывалъ эту власть. За этотъ подрывъ помѣщичьей власти онъ и былъ арестованъ и отправленъ въ дальнюю ссылку. Мы уже говорили, что Николай I считалъ власть помѣщика надъ крѣпостными крестьянами какъ-бы нераздѣльной частью своей собственной самодержавной власти. Извѣстно, что отецъ его, императоръ Павелъ I любилъ повторять, что у него въ государствѣ «сто тысячъ добровольныхъ полицеймейстеровъ». Точно также одинъ изъ секретныхъ комитетовъ Николая I по крестьянскому дѣлу, состоявшій изъ наслѣдника (будущаго императора Александра II), князя Васильчикова, графа Орлова и министра Льва Перовскаго, высказалъ такое мнѣніе, что «власть помѣщика, какъ поземельнаго владѣльца, есть орудіе и опора самодержавной власти». А другой высшій сановникъ и совѣтникъ Николая I, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, говорилъ о крѣпостномъ правѣ такъ: «это дерево пустило далеко корень: оно осѣняетъ и церковь и престолъ».

Вотъ, подъ сѣнью этого дерева и процвѣтало россійское самодержавіе: подъ сѣнью крѣпостного права, причинявшаго неслыханныя страданія русскому народу, орошавшаго русскую землю крестьянскими слезами, а подчасъ и крестьянской кровью. Все государство Николая I было чисто дворянское государство. Одно дворянство пользовалось въ немъ властью и во главѣ его стоялъ «первый дворянинъ». Это не было настоящее

*) По этому случаю не лишнее вспомнить о другомъ подобномъ же дѣлѣ, относящемся къ царствованію Екатерины II. Сынъ помѣщика Нормацкаго, жестоко обращавшагося со своими крѣпостными крестьянами, вышелъ не въ отца, а, напротивъ того, онъ сталъ думать о томъ, чтобы освободить своихъ крѣпостныхъ. Онъ началъ разъяснять имъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными. Тогда окружающіе дворяне послали жалобу Государынѣ на «сумасбродныя намѣренія» Нормацкаго. Его вызвали въ Нижній-Новгородъ и признали сумасшедшимъ, а имѣніе его было отдано подъ опеку.

Digitized by Google

общенародное государство, которое ставило бы своею цѣлью благо всего русскаго народа, и странно было бы ждать отъ такого государства и отъ такого правительства, чтобы они дѣйствительно заботились объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ. Такое правительство заботилось лишь о своей собственной выгодѣ и о своей собственной безопасности; когда оно почуяло, что «мысли теперь уже не тѣ, какія бывали прежде» и что можетъ произойти «крутой переломъ», тогда только подняло оно разговоръ о «преобразованіи крѣпостного права», причемъ дальше однихъ разговоровъ, какъ мы видѣли, и не пошло въ царствованіе Николая I.

Въ заключеніе этой главы приведемъ еще доказательство того, какъ заботилось самодержавное правительство объ интересахъ помѣщиковъ и какъ оно относилось къ крѣпостнымъ крестьянамъ.

Въ 1847 году былъ изданъ указъ, по которому крѣпостнымъ крестьянамъ разрѣшалось выкупаться на волю вмѣстѣ съ землею, всею деревней, въ томъ случаѣ, если помѣщичье имѣніе продавалось съ публичнаго торга, за долги своего владѣльца; тогда откупившіеся отъ крѣпости крестьяне обращались въ разрядъ государственныхъ крестьянъ. Такой законъ ни въ чемъ не нарушалъ интересовъ задолжавшаго помѣщика, такъ какъ онъ все равно долженъ былъ лишиться своего имѣнія; но тѣмъ не менѣе среди дворянъ поднялась тревога. Новый законъ показался очень опаснымъ; онъ подрывалъ крѣпостное право, а главное—крестьяне могли покупать въ этомъ случаѣ землю, и значитъ земля уходила изъ дворянскихъ рукъ.

Чтобы успокоить тревоги своего дворянства, Николай I—какъ онъ дѣлалъ это и раньше—пригласилъ къ себѣ депутатовъ отъ дворянъ Петербургской губерніи и опять произнесъ передъ ними рѣчь.

Онъ сталъ имъ говорить, что они должны обратить особенное вниманіе на благосостояніе своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и продолжалъ такъ: «Нѣкоторыя лица приписывали мнѣ по сему предмету самыя не-

Digitized by Google

лѣпыя и безразсудныя мысли и намѣренія. *Я ихъ отвергаю съ негодованіемъ.* Когда я издалъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, то объявилъ, что *вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину-помѣщику.* Это—вещь святая, и никто къ ней прикасаться не можетъ. Но я долженъ сказать съ прискорбіемъ, что у насъ весьма мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще болѣе худыхъ. *А при дуетъ времени,* кромѣ предписаній совѣсти и закона, вы должны, *для собственнаго своего интереса,* заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ вамъ людей и стараться всѣми силами снискать ихъ любовь и уваженіе. Ежели окажется среди васъ помѣщикъ безнравственный или жестокій, вы обязаны его предать силѣ закона. Нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающіе крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры и этого впредь не будетъ» *).

Итакъ, Николай I еще разъ успокаивалъ помѣщиковъ насчетъ ихъ главной заботы, т. е. владѣнія землею. Эта ихъ святыня останется неприкосновенной. Пусть только они въ своихъ собственныхъ интересахъ, не очень жестоко обращаются съ крестьянами, а уже правительство будетъ съ своей стороны оберегать ихъ отъ опасныхъ злоумышленниковъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли «неблаговидныя статьи въ журналахъ, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ».

Такъ относилось правительство Николая I къ крѣпостному праву. Оно всѣми силами оберегало интересы помѣщиковъ и очень мало обращало вниманія на нужды и страданія крѣпостныхъ крестьянъ. Что касается вышеупомянутаго указа о дозволеніи крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ имѣнія за долги, то въ угоду помѣщикамъ этотъ указъ былъ отмѣненъ черезъ полтора года.

---

*) Семевскій. Крестьянскій вопросъ т. II, стр. 189.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Государственные крестьяне, фабричные и заводскіе рабочіе.

Мы болѣе подробно описали положеніе крѣпостныхъ при Николаѣ I, такъ какъ это положеніе было самымъ безправнымъ и самымъ ужаснымъ. Но, при общемъ безправіи, немногимъ было лучше также и положеніе другихъ разрядовъ «податнаго сословія» въ Россіи: государственныхъ крестьянъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ и, наконецъ, такъ называемыхъ «посессіонныхъ», т. е. приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Всѣ эти люди низшаго, податнаго сословія, люди «черной кости», одни несли на себѣ всѣ государственныя повинности и за это находились въ полномъ подчиненіи и рабствѣ.

Существо самодержавной власти въ томъ именно и заключается, что для управленія государствомъ эта власть передается изъ рукъ такъ называемаго самодержца въ руки его разныхъ чиновниковъ, которые также оказываются поэтому самодержавными. При такомъ государственномъ управленіи въ обществѣ нѣтъ свободныхъ людей, а есть безправные подданные и безотвѣтственные передъ ними управители или надсмотрщики. Весь порядокъ въ государствѣ поддерживается не сознаніемъ общаго блага, не добровольнымъ желаніемъ и пониманіемъ самихъ гражданъ, а однимъ только страхомъ наказанія, какъ въ какомъ-нибудь острогѣ, или въ тюрьмѣ. Если въ этой самодержавной тюрьмѣ все тихо и спокойно, если всѣ сидятъ молчаливо по своимъ мѣстамъ и безропотно выполняютъ свои обязанности: платятъ подати, снимаютъ шапки передъ начальствомъ, исправно выходятъ на работы,

Digitized by Google

то значитъ все хорошо, царствуетъ надлежащій порядокъ и все обстоитъ благополучно:

> Отъ молдованина до финна
> На всѣхъ языкахъ все молчитъ—
> Бо благоденствуетъ...

Каково истинное положеніе этихъ безмолствующихъ вѣрноподданныхъ, хорошо ли имъ живется на бѣломъ свѣтѣ, удовлетворяются ли ихъ необходимыя человѣческія потребности, просвѣщается ли ихъ умъ,—до всего этого самодержавному правительству нѣтъ ровно никакого дѣла:

Даже напротивъ того: народное благосостояніе и народное просвѣщеніе неизбѣжно вредятъ такому государственному порядку, ибо всякій не забитый нуждою и не ослѣпленный невѣжествомъ человѣкъ необходимо будетъ возмущаться своею тюремною жизнью; онъ не можетъ совершенно отказаться отъ своего человѣческаго разума, не можетъ считать за непогрѣшимое верховное существо какого-нибудь пьянаго полицейскаго пристава или развратнаго дворянина-помѣщика. Между тѣмъ, всякое такое разсужденіе, всякое такое роптаніе есть уже полное нарушеніе самодержавнаго строя. Мы видѣли, что въ царскомъ указѣ отъ 20 іюня 1848 года и такъ прямо сказано было: «не допускать никакихъ порицаній дѣйствій и распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія не принадлежали». Вотъ почему правительству, желающему сохраненія своей самодержавной власти, нѣтъ никакой надобности заботиться о народномъ благосостояніи, а тѣмъ паче о народномъ просвѣщеніи. Лучшій другъ такого государственнаго строя, это—забитый нуждою, темный человѣкъ, ослѣпленный всякими предразсудками.

Подобно тому, какъ по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ власть помѣщика была «орудіемъ и опорою самодержавной власти», по отношенію ко всѣмъ казеннымъ, кабинетскимъ и удѣльнымъ крестьянамъ

Digitized by Google

такой опорой самодержавія служила власть земской полиціи: становыхъ, засѣдателей, исправниковъ, губернаторовъ. Такъ же почти безотвѣтственные, какъ и помѣщики, всѣ эти земскіе и окружные чиновники могли сѣчь и засѣкать, судить и засуживать подвластныхъ имъ государственныхъ крестьянъ. Помѣщичьи поборы и вымогательства замѣнялись здѣсь взятками, которыя драли съ казенныхъ крестьянъ всѣ установленныя власти, «къ какой бы степени сіи послѣднія не принадлежали».

Брать взятки свойственно всякому чиновнику, когда надъ нимъ нѣтъ никакого надзора со стороны самого общества; это доказано опытомъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Вокругъ огня обожжешься, вокругъ сажи запачкаешься, а вокругъ казенныхъ денегъ проворуешься. Но у чиновниковъ Николая I руки были особенно «клейкія»,—какъ говорилъ Герценъ,—и если надо было получить въ казну рубль, то къ этимъ клейкимъ чиновничьимъ рукамъ всегда прилипало еще лишнихъ четыре рубля.

Вотъ почему, хотя пользованіе землею было свободнѣе у казенныхъ крестьянъ, чѣмъ у помѣщичьихъ, но положеніе ихъ было развѣ немногимъ лучше.

Мы уже видѣли при перечисленіи крестьянскихъ бунтовъ, что эти бунты происходили нерѣдко и въ казенныхъ имѣніяхъ, причемъ именно здѣсь они всегда охватывали большія пространства и принимали особенно ожесточенный характеръ.

Такъ, въ 1843 году, въ Оренбургской губерніи, Челябинскомъ уѣздѣ, поднялось противъ начальства 40,000 государственныхъ крестьянъ, причемъ противъ нихъ было выслано 10,000 солдатъ съ десятью пушками.

Въ 1844 году, въ Тамбовской губерніи, крестьяне цѣлой волости, доведенные до отчаянія чиновничьими поборами, нацѣлали кистеней и пикъ и отказались отъ платежа. Явилась земская полиція; въ первый разъ мужики ее прогнали; она явилась вторично съ достаточнымъ числомъ христолюбиваго воинства и съ этой божьей помощью водворила самодержавный по-

Digitized by Google

рядокъ. Во время этого бунта впереди толпы шла дѣвушка, пѣвшая псалмы. Всѣ эти крестьяне принадлежали къ такъ называемымъ молоканамъ *).

Въ 1841 и 1842 годахъ среди государственныхъ крестьянъ происходили такъ называемые картофельные бунты. Въ рукахъ самодержавнаго правительства даже полезное дѣло непремѣнно получитъ безсмысленный и жестокій видъ. Дѣло шло о томъ, чтобы ввести въ Россію посѣвъ картофеля, который только незадолго передъ тѣмъ былъ привезенъ изъ Америки и впервые узнанъ въ Европѣ. Вмѣсто того, чтобы постепенно познакомить населеніе съ неизвѣстнымъ ему новымъ растеніемъ, самодержавное начальство прямо объявило по всѣмъ волостямъ Казанской и Вятской губерній приказъ засѣять столько-то десятинъ картофелемъ. Крестьяне, хотя и неохотно, но послушались: засѣяли и собрали картошку. Но тогда министерство придумало устроить по волостямъ общія центральныя ямы, чтобы сохранить эту картошку отъ зимнихъ морозовъ до будущаго посѣва. Крестьяне, скрѣпя сердце, стали копать центральныя ямы и свозить въ нихъ картошку. Ямы были устроены плохо и картошка за зиму промерзла. Тѣмъ не менѣе на слѣдующую весну начальство приказало все-таки сажать этотъ мерзлый картофель. Тутъ мужики уже не выдержали и отказались. Этотъ отказъ былъ сочтенъ, разумѣется, за бунтъ: вмѣсто того, чтобы повиноваться, крестьяне осмѣливались разсуждать. Министръ Киселевъ прислалъ особаго чиновника. Чиновникъ взялъ въ первой волости по рублю съ души и позволилъ не сѣять картофельныхъ выморозковъ. То же повторилось во второй и третьей волости. Но въ четвертой крестьяне объявили, что они и картофеля сажать не будутъ, и денегъ не дадутъ. Чиновникъ, по обычаю, хотѣлъ кончить дѣло розгами; но мужики хватились за колья и прогнали полицейскую команду. Тогда военный губернаторъ прислалъ казаковъ. Сосѣднія волости заступались за сво-

*) См. сочиненія А. И. Герцена, т. I, стр. 192.

Digitized by Google

ихъ, и разгорѣлся огромный бунтъ. Дѣло дошло до ружейныхъ залповъ и пушечной картечи. Мужики бросили деревни и разсыпались по лѣсамъ. Казаки стали выгонять ихъ изъ лѣсной чащи, какъ дикихъ звѣрей; тутъ ихъ хватали, ковали въ цѣпи и отправляли въ военно-судную комиссію, въ Козьмодемянскъ. Судебное слѣдствіе пошло обычнымъ самодержавнымъ порядкомъ: мужиковъ нещадно сѣкли при допросахъ, сѣкли въ наказаніе, сѣкли для примѣра, сѣкли изъ-за денегъ и цѣлыми толпами ссылали въ Сибирь *).

По поводу этихъ картофельныхъ бунтовъ среди господъ долго шли разговоры *о поразительномъ невѣжествѣ русскаго мужика, который поднялъ* безсмысленный бунтъ противъ начальства, заботившагося о его же собственной пользѣ.

Другимъ примѣромъ самодержавныхъ начальственныхъ заботъ о русскомъ мужикѣ можетъ служить устройство военныхъ поселеній. Еще Александру I пришло какъ-то въ голову, ради облегченія воинской повинности, обратить нѣкоторыя казенныя волости въ военныя поселенія, такъ чтобы всѣ жившіе въ нихъ крестьяне не отрывались отъ своихъ деревень и съ самаго дѣтскаго возраста готовились бы къ военной службѣ. Назначенныя для этого деревни въ Новгородской, Могилевской, Харьковской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ были перестроены на военный ладъ, избы были выравнены въ одну линію, по казенному плану, въ каждую деревню назначены офицеры для обученія мужиковъ военному строю, по волостямъ посажены полковники и генералы, — словомъ, все крестьянское населеніе было отдано въ полное распоряженіе военныхъ властей: они наблюдали за посѣвомъ и за хозяйственными работами, они обучали мужиковъ маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ, и они же наказывали ихъ по военнымъ законамъ.

Можно представить себѣ, каково было крестьянамъ

*) См. сочиненія А. И. Герцена, т. IV, стр. 327.

Digitized by Google

перейти отъ своей прежней деревенской жизни къ этой казарменной обстановкѣ. Извѣстно, что на николаевскую военную службу, какъ на погибель, со слезами и рыданіями, деревенскіе люди провожали своихъ рекрутовъ, а теперь всѣ они сами попали въ неволю. Нѣкоторые приближенные пытались было отклонить Александра I отъ его намѣренія, но онъ почему-то крѣпко забралъ себѣ въ голову эти военныя поселенія и отвѣчалъ на всѣ уговоры, что военныя поселенія будутъ введены, «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова». Исполнителемъ своего замысла онъ назначилъ Аракчеева, для котораго дѣйствительно ничего не значило уложить трупами дорогу отъ Петербурга хоть до самой Москвы.

Мысль самодержавнаго царя была какъ будто хороша: замѣнить казарменное войско обученіемъ военному искусству всего сельскаго населенія, не отрывая его отъ земледѣлія и отъ родныхъ мѣстъ; это было уничтоженіе солдатчины, разобщенной отъ народа, — замѣна солдатскаго казарменнаго войска всеобщимъ народнымъ ополченіемъ. Но посмотрите, во что обратилась эта хорошая мысль, когда она попала въ руки самодержавнаго правительства: сельское населеніе было отдано въ полную власть грубыхъ офицеровъ; вся крестьянская жизнь была подчинена солдатскому уставу; чтобы отлучиться въ городъ или сосѣднее село, крестьянинъ долженъ былъ просить разрѣшенія у начальства; крестьянскія дѣти отнимались у родителей и все время проводили въ солдатскихъ школахъ, крестьянскія дѣвушки выдавались замужъ по назначенію военнаго начальства; земледѣльческія работы производились по приказамъ офицеровъ, ничего не понимавшихъ въ земледѣліи, вслѣдствіе чего нерѣдко сѣно гнило, а хлѣбъ осыпался на корню; военное обученіе было основано на нещадныхъ побояхъ.

И вотъ, надъ всей этой новой жизнью, придуманной для несчастныхъ крестьянъ, стоялъ стонъ замученныхъ людей и лилась невинная кровь. Цѣлые возы

Digitized by Google

розогъ и палокъ, одинъ за другимъ, истреблялись въ военныхъ поселеніяхъ, какъ необходимая статья новаго крестьянскаго обихода. Ни въ одномъ звѣринцѣ, ни съ какими дикими животными никогда не обращались такъ жестоко и не употребляли такихъ побоевъ и такихъ истязаній, чтобы поддерживать среди нихъ порядокъ, какъ было это здѣсь, при обращеніи самодержавнаго правительства съ людьми, «созданными по образу и подобію божьему».

Въ душѣ этихъ несчастныхъ людей, при такомъ обращеніи съ ними, конечно накоплялись озлобленія, ненависть и недовѣріе къ своимъ мучителямъ. При первомъ благопріятномъ поводѣ вспыхивали бунты, а за бунтами слѣдовали усмиренія съ безчисленными казнями. Даже Аракчеевъ писалъ какъ-то Александру I, что онъ «усталъ» отъ этихъ казней, что ему «не легко приводить въ исполненіе царскую волю». Но его осыпали наградами, чинами, орденами и всякими почестями.

При Николаѣ I самый большой бунтъ вспыхнулъ въ 1831 году, въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, во время холеры. Военное начальство стало принимать мѣры противъ распространенія заразы, стало окуривать зараженные дома, держать людей въ карантинахъ, посыпать улицы предохранительными порошками. Но народъ, разумѣется, не вѣрилъ начальству, не вѣрилъ поставленнымъ отъ него докторамъ. Какъ могъ онъ вѣрить людямъ, которые били и истязали его всю его жизнь? Какъ могъ онъ имѣть надлежащее понятіе о холерѣ и о предохранительныхъ порошкахъ, когда всѣ эти самодержавные правители, всѣ эти православные священники не только не просвѣщали его умъ, а, напротивъ того, подавляли его и затуманивали распространеніемъ той вѣры, что все окружавшее безобразіе и неистовства исходили отъ самого Бога?

И вотъ лѣтомъ 1831 года вспыхнулъ страшный бунтъ. Въ Старой Руссѣ и въ другихъ окружныхъ селахъ военные поселенцы убили болѣе 100 офицеровъ, а избили и изувѣчили почти все остальное началь-

Digitized by Google

ство; только немногимъ удалось скрыться. Затѣмъ, по обычному чередованію, наступило усмиреніе. Болѣе 3000 человѣкъ были присуждены военно-судными комиссіями къ безпощадному тѣлесному наказанію. Прогоняли сквозь строй и били розгами съ такою жестокостью, что многіе умерли тутъ же на мѣстѣ, во время истязанія. Затѣмъ опять все стало тихо, опять наступилъ «порядокъ», опять «все обстояло благополучно».

Эти военныя поселенія просуществовали въ теченіе всего царствованія Николая I, они были уничтожены только Александромъ II въ 1857 году.

* * *

Теперь намъ надо сказать еще нѣсколько словъ объ участи такъ называемыхъ посессіонныхъ крестьянъ, составлявшихъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ и заводовъ.

Для развитія русской промышленности, т.-е. опять-таки, повидимому, для очень хорошей цѣли, еще Петромъ I, въ 1721 году, было разрѣшено богатымъ купцамъ покупать къ своимъ суконнымъ, бумажнымъ, полотняннымъ и другимъ фабрикамъ деревни вмѣстѣ съ живущими въ нихъ крѣпостными крестьянами. Кромѣ того, къ горнымъ уральскимъ заводамъ были прямо приписаны казенные крестьяне, въ качествѣ подневольныхъ рабочихъ, а потомъ эти горные заводы съ огромнымъ количествомъ отведенныхъ имъ казенныхъ земель и лѣсовъ были розданы царскимъ любимцамъ и богатымъ людямъ за ничтожную плату, съ пятилѣтней разсрочкой [1]).

Для пополненія состава рабочихъ заводчикамъ и фабрикантамъ разрѣшено было также принимать къ себѣ бродягъ, бѣглыхъ крестьянъ, солдатскихъ женъ

---

[1]) Къ Нижнетагильскому заводу было приписано 600000 десятинъ земли и лѣса; къ Верхъисетскому 700000 десятинъ, къ Алапаевскому—800000 и т. д.

Digitized by Google

и нищихъ; а потомъ въ 1736 году, по указу Анны Ивановны, всѣхъ этихъ вольнонаемныхъ рабочихъ позволено было прикрѣпить къ фабрикамъ и заводамъ навсегда и обратить въ состояніе, очень близкое къ крѣпостному.

Такимъ путемъ около фабрикъ и заводовъ набралось довольно много особаго крѣпостного населенія, которое было обязано, за извѣстную, очень небольшую плату, исполнять фабричныя и заводскія работы. Вотъ, этого рода крѣпостные крестьяне и назывались посессіонными. Всѣхъ ихъ къ концу царствованія Николая I насчитывалось около 200000 душъ мужского пола; изъ нихъ 160000 душъ было горнозаводскихъ.

Кромѣ того помѣщики часто поставляли на эти заводы и фабрики, за очень сходную цѣну, рублей по 25 въ годъ съ души, своихъ крѣпостныхъ крестьянъ; въ томъ числѣ также и крѣпостныхъ крестьянскихъ дѣтей.

Все это кабальное рабочее населеніе было подчинено, согласно общему духу самодержавнаго строя, своимъ хозяевамъ; оно было отдано въ полное распоряженіе заводчиковъ и фабрикантовъ. По указу царицы Анны Ивановны фабриканты и заводчики получили право наказывать своихъ крѣпостныхъ рабочихъ «домашнимъ порядкомъ», а также отправлять ихъ въ Коммерцъ-Коллегію «для ссылки въ дальніе города или на Камчатку въ работу, чтобъ другимъ былъ страхъ».

Какъ всякіе люди, не лишенные разума и сознанія, эти отданные въ неволю рабочіе не всегда выдерживали тяжесть угнетенія и оказывали сопротивленіе. Тогда ихъ подвергали всяческимъ истязаніямъ. Словомъ, здѣсь, какъ во всей самодержавной Россіи, порядокъ управленія былъ одинъ и тотъ же, вполнѣ напоминавшій обращеніе съ тюремными арестантами. Для поясненія приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Уже вскорѣ послѣ возникновенія этого разряда посессіонныхъ крестьянъ, въ 1752 году, на парусной и бумажной фабрикѣ Гончарова, въ Малоярославскомъ

Digitized by Google

уѣздѣ, произошелъ бунтъ, причемъ возмутившіеся крестьяне, какъ разсказываетъ историкъ Соловьевъ *), сначала разбили высланную противъ нихъ воинскую команду и отняли у нея пушки. Но послѣ того присланные вновь три пѣхотныхъ полка съ артиллеріей одержали верхъ и «привели крестьянъ къ покорности».

Въ царствованіе Александра I, рабочіе Ярославской полотняной фабрики Яковлева отправили своихъ ходоковъ въ губернское правленіе съ жалобой на то, что они получаютъ очень низкую заработную плату. Губернское правленіе отвѣтило ходокамъ, что они должны «съ должнымъ повиновеніемъ пребывать спокойными и ждать разсмотрѣнія ихъ жалобы хозяевами» и хотѣло, чтобы они дали въ этомъ подписку. Ходоки отказались дать подписку и были наказаны плетьми. На слѣдующій годъ рабочіе опять послали двухъ своихъ ходоковъ, Москвина и Маркелова, уже въ Петербургъ, для подачи просьбы самому Александру I о прибавкѣ заработной платы. Эти ходоки были схвачены въ Петербургѣ, и ихъ также было велѣно наказать плетьми, причемъ «для внушенія повиновенія прочимъ рабочимъ людямъ» приказано было произвести это наказаніе публично, на фабрикѣ, въ присутствіи отряда солдатъ. Но рабочіе не унялись и послали новыхъ ходоковъ для подачи жалобы государю. На этотъ разъ дѣло дошло до сената, который поставилъ такую резолюцію: «Объявить мастеровымъ просителямъ, чтобы впредь неосновательными жалобами высшее начальство утруждать не отваживались, а пребывали въ положеніи своемъ спокойными и въ должномъ у содержателей мануфактуръ повиновеніи. Въ противномъ случаѣ подвергнутъ себя неослабному по законамъ наказанію.

На этотъ разъ ходоковъ почему-то не подвергли тѣлесному наказанію. Но въ концѣ концовъ Ярославскіе рабочіе все-таки добились своего: въ 1806 году они снова отправили ходоковъ къ царю съ жалобой

*) *Исторія Россіи*, т. XXIII, стр. 118.

Digitized by Google

на низкую заработную плату. Тогда ихъ ходоки были наконецъ наказаны розгами и высланы обратно въ Ярославль *).

А вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ волненія фабричныхъ рабочихъ въ царствованіе Николая I. Въ 1837 году, фабричные крестьяне при полотняной и миткалевой фабрикѣ Бровкиныхъ, въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, подали жалобу министру финансовъ Канкрину на разныя притѣсненія хозяина, а главнымъ образомъ на неплатежъ денегъ за работу. По наведенному разслѣдованію оказалось, что на фабрикѣ Бровкиныхъ работаетъ 110 мужчинъ, изъ которыхъ только 44 получаютъ плату, прочіе же вмѣсто платы пользуются землей, которые обрабатываютъ на себя. Несмотря на всѣ мѣры владѣльца и мѣстныхъ властей, крестьяне рѣшительно отказались работать на фабрикѣ безъ всякой платы. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ были арестованы, другіе наказаны розгами. Тѣмъ не менѣе рабочіе стояли на своемъ. Тогда въ село была послана воинская команда и восемь возмутителей, «въ страхъ другимъ», были наказаны плетьми въ самомъ селеніи, а затѣмъ сосланы въ Сибирь. Прочіе были наказаны розгами «полицейскимъ исправленіемъ». Въ село была поставлена команда солдатъ, которые въ одинъ мѣсяцъ совершенно раззорили крестьянъ **).

* * *

Таково было положеніе трудового народа въ царствованіе Николая I. Мы вовсе не имѣли желанія представлять это положеніе худшимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; мы вовсе не имѣли намѣренія подчеркнуть его темныя стороны, или умалчивать о его хорошихъ сторонахъ. Пусть намъ укажутъ, въ чемъ именно заключались эти хорошія стороны. Царство-

*) См. объ этомъ книгу Туганъ-Барановскаго. *Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ*, т. I, стр. 122.

**) Туганъ-Барановскій, стр. 136—137.

Digitized by Google

ваніе Николая I было полнымъ разцвѣтомъ самодержавной власти. Любители самодержавной власти выставляютъ Николая I, какъ образцоваго царя. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ громкій голосъ и грозно вращалъ глазами. При одномъ появленіи его всѣ трепетали, отъ одного его слова зависѣла судьба человѣка. Главная забота его заключалась въ томъ, чтобы все покорялось его волѣ. Такъ какъ все управленіе исходило отъ его воли, то еслибы этой волѣ не покорялись, не было бы никакого управленія. Поэтому, за малѣйшее ослушаніе слѣдовало самое жестокое наказаніе. Никто не долженъ былъ имѣть своей собственной воли или своего собственнаго разсужденія въ дѣлахъ управленія государствомъ. Простой обыватель, крестьянинъ, рабочій, военный поселенецъ, солдатъ, мѣщанинъ, должны было беспрекословно исполнять приказанія своего ближайшаго, уже высшаго начальства, которое, въ свою очередь, должно было исполнять приказанія еще болѣе высшаго начальства, и такъ далѣе, пока дѣло не доходило, наконецъ, до источника всѣхъ приказаній и всѣхъ распоряженій — до самаго царя.

Во главѣ управленія стоялъ этотъ самодержавный царь, который долженъ былъ заботиться обо всемъ; отъ царя шли правительственныя нити къ министрамъ, отъ министровъ шли правительственныя нити къ директорамъ департаментовъ, къ губернаторамъ и предводителямъ дворянства; отъ директоровъ департаментовъ, отъ губернаторовъ и предводителей дворянства шли эти правительственныя нити, ко всѣмъ столоначальникамъ, дѣлопроизводителямъ и секретарямъ, имъ же не было числа, ко всѣмъ помѣщикамъ. И вотъ, дернетъ царь за какую-нибудь ниточку—и сейчасъ же начнетъ дѣйствовать по его приказу министръ, а вслѣдъ за министромъ забѣгаютъ по его ниточкамъ всѣ подчиненные ему высшіе чиновники и губернаторы, а вслѣдъ за этими высшими чиновниками и губернаторами забѣгаютъ по ниточкамъ всѣ другіе мелкіе чиновники и секре-

Digitized by Google

тари—какъ это бываетъ устроено въ кукольныхъ комедіяхъ—и всѣ будутъ исполнять приказанія своего верховнаго руководителя. Такова была эта система управленія. И вотъ, этотъ, ослѣпленный властью человѣкъ думалъ, что такимъ игрушечнымъ способомъ, всѣми этими воображаемыми ниточками можно было управлять судьбою цѣлаго огромнаго государства, управлять жизнью и счастіемъ многихъ милліоновъ людей!

Но онъ не могъ даже и этого думать; онъ только обманывалъ самого себя, когда думалъ, что онъ самодержецъ, потому что онъ самъ хорошо зналъ, что въ дѣйствительности не чиновники плясали по его ниточкамъ, а напротивъ, онъ самъ являлся игрушкой въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Онъ скакалъ по всему государству и вездѣ натыкался на мошенничество и беззаконія, онъ кричалъ, грозилъ, вращалъ зрачками, ссылалъ въ Сибирь, разжаловывалъ въ солдаты, а когда уѣзжалъ, то все оставалось по старому, и всѣ чиновники попрежнему брали взятки, воровали и нарушали законы. Недаромъ самъ Николай I сказалъ какъ-то, что государствомъ управлялъ не онъ, а столоначальники губернскихъ правленій.

Мы уже видѣли, что, желая сдѣлать хоть какое-нибудь облегченіе для крѣпостныхъ крестьянъ, онъ признавался Киселеву, что одинъ онъ безсиленъ и что «безъ добраго пособія» онъ не можетъ исполнить своего намѣренія. Но къ кому же онъ обращался за этимъ пособіемъ? Онъ говорилъ со многими своими приближенными «и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ прямого сочувствія»; даже въ семействѣ своемъ онъ встрѣтилъ противодѣйствіе. А между тѣмъ онъ искалъ себѣ сотрудниковъ именно въ окружавшихъ его знатныхъ дворянахъ и великихъ князьяхъ. Въ теченіе своего долгаго царствованія, онъ назначалъ, одинъ за другимъ, *десять* секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу изъ высшихъ сановниковъ, изъ всѣхъ этихъ Орловыхъ, Васильчиковыхъ, Паниныхъ, Блудовыхъ, Ханыковыхъ, Перовскихъ, Киселевыхъ,

Digitized by Google

но не доставилъ крестьянамъ ровно никакого облегченія. Даже по вопросу о томъ, слѣдовало ли позволить крестьянамъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ, секретный комитетъ изъ Васильчикова, Орлова, Перовскаго и цесаревича далъ отвѣтъ, въ 1845 году, что «очередь сей мѣры еще не наступила»; а посему былъ изданъ указъ, по которому, за жалобой крестьянина на помѣщика слѣдовало 50 ударовъ розгами.

Всякое самодержавное правительство представляетъ собою не что иное, какъ прикрытое правительство дворянъ и чиновниковъ. Если царь-человѣкъ съ умомъ и характеромъ, то онъ еще имѣетъ нѣкоторое значеніе въ своемъ кругу; а если онъ человѣкъ слабый, то затирается на задній планъ, впередъ же выступаютъ какіе-нибудь Аракчеевы, Киселевы и Орловы. Въ настоящемъ же значеніи этого слова самодержавіе, какъ правленіе единаго человѣка, совершенно небывалая вещь; а потому и считается оно таковымъ лишь въ глазахъ легковѣрнаго и мало просвѣщеннаго народа.

ГЛАВА V.

Крымская война.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, что такое представляло собою въ дѣйствительности самодержавное правительство Николая I, и въ какомъ положеніи находились при этомъ правительствѣ всѣ трудящіяся массы русскаго народа: крѣпостные и казенные крестьяне, фабричные и заводскіе рабочіе; мы видимъ также, какую роль играли при этомъ правленіи наши высшіе классы: дворяне-помѣщики и царскіе чиновники, не подлежавшіе никакому надзору со стороны управляемаго ими народа. Дворяне-помѣщики обратились въ праздныхъ, развратныхъ и жестокихъ людей,

Digitized by Google

часто мучившихъ крѣпостныхъ крестьянъ по одному своему капризу, а царскіе чиновники были почти сплошь казнокрадами.

Теперь посмотримъ, каковы же получились послѣдствія отъ такого способа управленія для самого самодержавнаго правительства? Въ какомъ положеніи находились его собственныя дѣла? О положеніи народныхъ массъ мы уже говорили: оно было ужасно. Но въ самодержавномъ государствѣ не правительство существуетъ для народа, а народъ существуетъ для правительства; все приносится въ жертву ради сильной и могущественной самодержавной власти, причемъ предполагается, что такая сильная власть можетъ всего лучше поддерживать военную славу государства и защищать его отъ внѣшнихъ враговъ. Посмотримъ же, въ какомъ положеніи находились дѣла у правительства Николая I по отношенію къ этой военной защитѣ.

Сильнодержавный, царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ!

Такъ воспѣваютъ раззоряемые налогами и податями вѣрноподданные славу своего самодержавнаго правительства. Какъ ни дорого достается имъ это самодержавіе, но хоть по крайней мѣрѣ они могутъ задавать страхъ своимъ врагамъ!

Легко видѣть, однако, что даже и въ этомъ случаѣ поклонники самодержавной власти жестоко ошибаются въ своихъ разсчетахъ; легко видѣть, что даже въ дѣлѣ военнаго могущества и военной защиты самодержавное правительство также мало заслуживаетъ довѣрія какъ и въ вопросѣ о поддержаніи народнаго благосостоянія. Вмѣстѣ съ подрывомъ всѣхъ народныхъ силъ, вмѣстѣ съ раззореніемъ и обнищаніемъ трудовыхъ массъ населенія, вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ поголовнаго взяточничества и казнокрадства—необходимо должны подрываться также и военныя силы самодержавнаго государства.

Digitized by Google

Прежде всего надо замѣтить, что самые причины войнъ, которыя ведутся самодержавными правительствами, часто бываютъ несправедливы и совсѣмъ несогласны съ интересами всего населенія. Въ свободныхъ государствахъ, гдѣ государственныя дѣла находятся въ рукахъ самого народа, вопросъ о войнѣ всегда обсуждается въ соотвѣтствіи съ народными интересами, въ соотвѣтствіи съ тѣми послѣдствіями, какія можетъ оказать война на благосостояніе всего народа. Никакой народъ никогда не рѣшится добровольно начать кровополитную войну и жертвовать жизнями своихъ сыновей и братьевъ, если его не вынудитъ къ этому очень важная причина.

Но не такъ бываетъ при самодержавныхъ порядкахъ, когда правительство не подлежитъ никакому надзору со стороны народа и когда оно даже гордится тѣмъ, что можетъ поступать по одной своей высочайшей волѣ. Тогда оно часто играетъ въ опасную игру и навлекаетъ на себя ненависть другихъ народовъ; нерѣдко также оно прибѣгаетъ къ войнамъ и проливаетъ кровь своихъ подданныхъ ради своихъ собственныхъ расчетовъ, а не ради народныхъ интересовъ. Лучшее подтвержденіе всему этому мы находимъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыми была вызвана при Николаѣ I кровополитная Севастопольская война, такъ печально закончившая собою это тяжелое и печальное царствованіе.

Причины Севастопольской или Крымской войны лежатъ очень далеко; эта война подготовлялась еще въ предшествующее царствованіе Александра I. Извѣстно, что послѣ нашествія Наполеона I на Россію, четыре государства: Англія, Россія, Австрія и Пруссія соединились вмѣстѣ, одолѣли его своими соединенными войсками и свергли съ престола. Послѣ этого въ Австрійской столицѣ, въ Вѣнѣ, произошелъ съѣздъ всѣхъ государей или ихъ посланниковъ, съ цѣлью привести въ порядокъ европейскія дѣла. Наполеонъ I завоевалъ многія государства, низложилъ съ престола многихъ королей и посадилъ на ихъ мѣсто своихъ

Digitized by Google

собственныхъ подручниковъ; и вотъ побѣдители захотѣли теперь возстановить прежній порядокъ: отобрать у Франціи завоеванныя Наполеономъ земли и вернуть ихъ прежнимъ королямъ. Съ этой цѣлью и былъ созванъ въ 1814 г. Вѣнскій Съѣздъ или Конгрессъ.

На этомъ конгрессѣ между тремя самодержавными монархами: русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ былъ заключенъ, такъ называемый Священный Союзъ, съ цѣлью поддержанія самодержавнаго образа правленія какъ въ своихъ государствахъ, такъ и въ другихъ странахъ, въ случаѣ если бы самодержавный строй былъ тамъ поколебленъ. Эти три самодержавные монарха были очень напуганы французской революціей, которая въ томъ именно и заключалась, что французскій народъ уничтожилъ въ своемъ государствѣ самодержавный образъ правленія и замѣнилъ его правительствомъ, выбраннымъ отъ всего народа; при этомъ послѣдній самодержавный французскій король, Людовикъ XVI, былъ преданъ верховному суду народныхъ представителей за то, что вошелъ въ соглашеніе съ иностранными государями и призывалъ къ себѣ на помощь чужеземныя войска. Французская государственная дума, избранная всеобщею подачею голосовъ, судила Людовика XVI за измѣну отечеству и присудила его къ смертной казни (въ декабрѣ 1792 г.)

Напуганные этимъ возстаніемъ французскаго народа противъ своего короля, три самыхъ главныхъ самодержавныхъ монарха въ Европѣ,—русскій, австрійскій, прусскій, заключили между собою Священный Союзъ и рѣшили бороться соединенными силами съ враждебнымъ имъ духомъ свободы; они рѣшили преслѣдовать въ своихъ государствахъ свободную мысль и подавлять всякое неповиновеніе самодержавной власти. Но мало этого: они согласились также между собою не дозволять ниспроверженія самодержавныхъ порядковъ не только у себя дома, но въ другихъ государствахъ; а въ случаѣ если бы какой нибудь народъ захотѣлъ уничтожить у себя самодержавную власть, то посылать въ такую страну войска, чтобы подавить

Digitized by Google

тамъ народное возстаніе и поддерживать силою прежнюю неограниченную власть государя.

Это былъ настоящій союзъ государей противъ народовъ, причемъ союзъ этотъ былъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Союзные самодержавцы не разъ посылали свои войска въ чужія страны для усмиренія возставшихъ народовъ. Первый такой случай произошелъ въ 1820 году, когда въ Неаполитанскомъ королевствѣ, на югѣ Италіи, народъ пытался уничтожить у себя самодержавную власть.

Неаполитанское королевство было захвачено Наполеономъ въ 1806 году. Онъ выгналъ оттуда самодержавнаго короля Фердинанда и посадилъ на его мѣсто своего родственника и подручника, генерала Мюрата. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ введены, вмѣсто прежняго самодержавія, новые французскіе порядки: равенство всѣхъ передъ закономъ, личная свобода и вѣротерпимость, а также были отобраны въ казну всѣ монастырскія имущества Но послѣ низложенія Наполеона Неаполитанское королевство, согласно рѣшенію Вѣнскаго Конгресса, было возвращено прежнему королю Фердинанду, а вмѣстѣ съ тѣмъ туда вернулись и прежніе самодержавные порядки. Особенно усилились при этомъ власть католическаго духовенства и произволъ полиціи. Тогда Неаполитанскій народъ сталъ готовится къ возстанію; среди него возникли тайные общества. Наконецъ въ 1820 году вспыхнула революція. Испуганный король объявилъ, что онъ самъ, добровольно даетъ конституцію своему народу съ единой законодательной палатой, причемъ право выбора депутатовъ въ эту единую законодательную палату было предоставлено всѣмъ гражданамъ, достигшимъ 21 года и платящимъ подать, равную трехдневной рабочей платѣ. При этомъ король присягнулъ конституціи и произнесъ слѣдующія слова: «Если я солгу и нарушу свою клятву, то пусть Богъ обрушитъ на мою голову громы своего мщенія».

Digitized by Google

Но такое ниспроверженіе въ Неаполѣ самодержавнаго образа правленія шло противъ постановленій Священнаго Союза. И вотъ, уполномоченные посланники отъ монархическихъ державъ, а въ томъ числѣ и отъ Александра I, собрались въ австрійскомъ городѣ Лайбахѣ для совѣщанія и вызвали къ себѣ также неаполитанскаго короля. На совѣщаніи было рѣшено возстановить въ неаполитанскомъ королевствѣ самодержавную власть при помощи австрійскаго войска. Король Фердинандъ, присягнувшій сохранить въ неприкосновенности данную имъ конституцію, вернулся въ свое королевство уже не одинъ, а велъ съ собою пятьдесятъ тысячъ австрійскихъ солдатъ. Народное неаполитанское войско было разбито, и самодержавіе было возстановлено силою; при этомъ многіе защитники народной свободы были казнены или сосланы на каторжныя работы. Таково было первое вмѣшательство Священнаго Союза во внутреннія дѣла чужого государства.

Въ 1821 году былъ снова такой же случай. Народъ возсталъ на своего самодержавнаго короля въ Сардинскомъ королевствѣ. Сардинскій король Викторъ-Эмануилъ долженъ былъ отречься отъ престола и передалъ временно власть своему племяннику, который провозгласилъ конституцію и созвалъ государственный совѣтъ. Но тогда другая придворная партія желавшая сохраненія самодержавія, обратилось за помощью къ Священному Союзу. Въ отвѣтъ на это русскій императоръ Александръ I двинулъ на защиту самодержавія въ Сардинскомъ королевствѣ стотысячную армію; но раньше чѣмъ русская армія дошла до Сардиніи, туда уже подоспѣла австрійская армія, которая и сдѣлала свое дѣло. Защитники свободы были побѣждены, а на престолѣ снова усѣлся самодержавный король. При этомъ снова произошли казни и преслѣдованія: 178 человѣкъ были приговорены къ смертной казни, 220 офицеровъ были разжалованы; университеты были закрыты. Въ странѣ опять воцарились произволъ и насиліе.

Digitized by Google

Въ 1822 году, въ итальянскомъ городѣ Веронѣ снова собрался Священный Союзъ по случаю революціоннаго движенія въ Испаніи. На этомъ конгрессѣ присутствовалъ уже самъ русскій императоръ Александръ I, а также австрійскій императоръ и прусскій король; кромѣ того были представители отъ французскаго короля, который присоединился къ Священному Союзу. На конгрессѣ было рѣшено послать въ Испанію французское войско и возстановить тамъ самодержавіе, что и было исполнено.

Такимъ образомъ союзъ самодержавныхъ монарховъ поставилъ своею цѣлью поддерживать неограниченную власть государей по всей Европѣ и подавлять вооруженной силой всякое стремленіе къ политической свободѣ со стороны угнетенныхъ народовъ. Понятно, что такое вмѣшательство въ чужія дѣла вызывало сильное раздраженіе противъ непрошенныхъ усмирителей и возбуждало ненависть къ нимъ во многихъ странахъ. Но главнымъ руководителемъ Священнаго Союза былъ русскій императоръ Александръ I. Ему принадлежала даже самая мысль объ этомъ союзѣ. Мы уже знаемъ что подъ вліяніемъ французской революціи онъ отрекся отъ своихъ первоначальныхъ свободолюбивыхъ намѣреній и вернулся въ Россію, послѣ своего заграничнаго похода, настоящимъ деспотомъ. Онъ именно, вмѣстѣ съ хитрымъ австрійскимъ министромъ Меттернихомъ, всего болѣе хлопоталъ объ искорененіи повсюду духа свободы, ибо этотъ духъ свободы былъ по ихъ мнѣнію, противенъ духу христіанскаго ученія. И вотъ, во славу божію они насаждали и укрѣпляли это христіанское ученіе съ помощью штыковъ и тайной полиціи. А такъ какъ у русскаго императора было всего больше войска и всего больше тайной полиціи, то онъ и былъ главнымъ усмирителемъ и гасителемъ свободнаго духа по всей Европѣ, навлекая на себя всеобщую ненависть.

Но еще больше подвизался на этомъ поприщѣ Николай I. Онъ довелъ свою армію до цѣлаго милліона штыковъ и почти всю свою жизнь проводилъ въ во-

Digitized by Google

енныхъ парадахъ и въ муштровкѣ своихъ солдатъ. Поэтому его армія считалась самой страшной въ цѣлой Европѣ, и ея очень боялись всѣ другіе государи. Слово Николая I много значило при рѣшеніи европейскихъ дѣлъ. Самодержавные государи опирались на него, какъ на каменную гору. Онъ, подобно Александру I, считалъ себя хранителемъ священныхъ завѣтовъ самодержавія и исполнялъ роль всесвѣтнаго политическаго усмирителя. Когда во Франціи вспыхнула въ 1830 году революція, при чемъ король Карлъ X, стремившійся къ усиленію своей власти, былъ прогнанъ съ престола, то Николай I издалъ даже манифестъ, въ которой грозилъ Франціи войной. Эту французскую революцію, случившуюся въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ иначе не называлъ, какъ «подлой іюльской революціей»; онъ отзывался о ней, какъ объ исчадіи ада, какъ о «борьбѣ адскихъ началъ съ божественными установленіями». Его военный министръ гр. Чернышевъ, писалъ, что если-бы всѣ европейскіе государи были похожи на русскаго императора, то «какъ должны были-бъ трепетать зачинщики смутъ и мятежей». Николай I только того и ждалъ, чтобы ему представился случай уничтожить ненавистный ему свободный духъ не только у себя въ Россіи но и въ цѣлой Европѣ. «Съ революціями шутить нельзя», говорилъ онъ одному изъ приближенныхъ прусскаго короля, Герлаху, «ихъ надо подавлять по возможности скорѣе; иначе они окажутся сильнѣе насъ».

Наконецъ, ему представился случай вмѣшаться въ европейскіе дѣла. Въ 1848 году вспыхнуло огромное революціонное движеніе, сначало во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ: въ Италіи, въ Пруссіи и въ Германской имперіи. Франція хотѣла установить у себя всеобщее избирательное право, а другіе народы стремились сбросить съ себя самодержавный гнетъ и установить выборное правительство изъ народныхъ представителей. То же самое произошло и въ Австріи, которая стояла тогда во главѣ Германской Имперіи. Старый австрійскій министръ Меттернихъ, вѣрный союзникъ Александра I по гоненію на свободу, долженъ

Digitized by Google

былъ скрыться изъ боязни, чтобы его не убили, а австрійскій императоръ бѣжалъ со своей семьей изъ столицы.

Австрія состояла тогда, какъ и теперь, изъ многихъ нѣмецкихъ и славянскихъ земель; къ славянскимъ народамъ входящимъ въ составъ Австрійской Имперіи, принадлежали чехи, русины, поляки, кроаты; но кромѣ того въ составъ Австрійской Имперіи входила еще Венгрія. Венгерскій народъ единодушно поднялся въ 1848 году противъ самодержавной власти австрійскаго императора; онъ потребовалъ себѣ выборнаго правительства, созвалъ свой народный сеймъ, провозгласилъ свободу печати, равномѣрное распредѣленіе налоговъ и отмѣну барщинныхъ повинностей въ деревняхъ.

Сначала побѣда была на сторонѣ возставшаго австрійскаго народа, и австрійскій императоръ уступилъ всѣмъ требованіямъ какъ своихъ нѣмецкихъ, такъ и своихъ венгерскихъ подданныхъ. Но потомъ, когда онъ увидѣлъ, что у него еще остались преданныя ему войска, а также узналъ, что нѣкоторыя подвластныя ему славянскія племена, какъ, напримѣръ, кроаты, враждовавшіе съ Венгріей, готовы были ему помогать, то онъ взялъ назадъ свои уступки и обѣщанія и сталъ подавлять силой революціонное движеніе. Въ нѣмецкихъ провинціяхъ это ему скоро удалось. Столичный городъ Вѣна былъ окруженъ войсками, подвергнутъ пушечному разстрѣлу и взятъ приступомъ. Многіе защитники свободы пали съ оружіемъ въ рукахъ, другіе были казнены. Послѣ этого въ нѣмецкихъ провинціяхъ былъ возстановленъ старый порядокъ, хотя уже не въ полномъ видѣ: нѣкоторыя дворянскія и помѣщичьи права были тамъ уничтожены навсегда.

Но въ Венгріи движеніе было труднѣе подавить. Венгерскіе народные вожди (главный изъ нихъ назывался Людвигъ Кошутъ) объявили всеобщее ополченіе въ своей странѣ и собрали болѣе 50,000 хорошо вооруженнаго войска. Это венгерское народное ополченіе успѣшно боролось съ австрійской арміей и отбросило ее изъ предѣловъ Венгріи. Тогда австрійскій импера-

Digitized by Google

торъ обратился за помощью къ русскому царю. Николай I только того и ждалъ; онъ сейчасъ же велѣлъ своему лучшему полководцу фельдмаршалу Паскевичу, двинуться въ Венгрію съ восьмидесяти-тысячной арміей. Тогда у австрійскаго императора оказалось вчетверо больше войска, чѣмъ у венгерцевъ. Борьба была слишкомъ неравная, и венгерцамъ пришлось сложить оружіе. За побѣдой послѣдовали казни и самыя жестокія преслѣдованія. Кошуту удалось бѣжать, но многіе другіе венгерскіе вожди были разстрѣлены или повѣшены; многіе участники возстанія были посажены въ тюрьмы или сданы въ солдаты въ австрійскую армію; австрійскій главнокомандующій Гейнау не щадилъ даже женщинъ. Эта жестокая помощь, оказанная русскими войсками въ подавленіи венгерскаго народа, надолго сохранилась въ памяти у всей Европы.

Такимъ образомъ, послѣ подвиговъ Александра I и Николая I, относительно Россіи сложилось такое мнѣніе, что она не только сама находится въ политическомъ рабствѣ, но еще препятствуетъ политическому освобожденію другихъ народовъ. Понятно, что это не могло внушить къ ней любви и расположенія; напротивъ того, свободныя страны. а также всѣ народы, стремившіеся къ своему освобожденію, чувствовали къ ней большую вражду.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ европейскія правительства, даже и самодержавныя, даже тѣ, которыя искали помощи у Николая I для поддержанія своего самодержавія—какъ, напримѣръ, австрійское правительство—боялись военнаго могущества Россіи, боялись ея завоевательныхъ стремленій. Мы уже говорили, что въ дѣлѣ государственнаго управленія главное вниманіе русскихъ самодержавныхъ царей было обращено на усиленіе войска. Въ дѣтствѣ они играли въ деревянные и оловянные солдатики, а въ зрѣломъ возрастѣ всего больше хлопотали объ увеличеніи своей арміи. Ради этого они не жалѣли никакихъ расходовъ. Военныя издержки всегда поглощали главную часть государственныхъ расходовъ въ Россіи, въ ущербъ народ-

Digitized by Google

ному благосостоянію. Самодержавные цари чувствовали, что власть ихъ опирается не на народную привязанность, а на военную силу; поэтому для укрѣпленія своей власти они не боялись разорять народъ, лишь бы только усиливалась послушная имъ армія. Когда, при Николаѣ I, нѣкоторые разумные люди жаловались на распространеніе винныхъ откуповъ, которые способствовали развитію пьянства въ народѣ, то министръ финансовъ Канкринъ говорилъ: «Легко вамъ нападать на откупа, а вѣдь у насъ что ни кабакъ, то новый батальонъ войска» *).

Такимъ образомъ войско въ Россіи росло не по днямъ, а по часамъ. Мы уже видѣли, что при Николаѣ I оно достигло милліона солдатъ. И вотъ эта грозная армія страшила всѣхъ европейскихъ государей, ибо они знали, что русскіе цари всю свою славу полагали въ военномъ могуществѣ. Имъ нельзя было гордиться ни благосостояніемъ, ни просвѣщеніемъ своего народа; русскій народъ жилъ въ нищетѣ и голодѣ и въ полной умственной темнотѣ. Оставалось только одна военная слава:

Сильнодержавный, царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ!

Самыми опасными замыслами со стороны русскаго правительства казались, въ глазахъ другихъ государствъ, ея замыслы на Турецкую имперію. Извѣстно, что Турецкая имперія возникла на развалинахъ Греческаго или Византійскаго государства. Около четырехъ съ половиной столѣтій тому назадъ турки стали завоевывать греческое государство и взяли Константинополь (въ 1453 г.), а потомъ подчинили себѣ славянскія государства, примыкавшія съ сѣвера къ Греціи: Сербію и Болгарію, и образовали обширную Турецкую или Оттоманскую имперію. Но съ теченіемъ времени эта Турецкая имперія утратила свой воинствен-

*) Князь С. П. Трубецкой, *Время царствованія Николая I.*

Digitized by Google

ный характеръ и стала приходить въ упадокъ. Управленіе въ ней было самодержавное, а слѣдовательно сопровождалось, какъ и при всякомъ самодержавіи, продажностью чиновниковъ и казнокрадствомъ; кромѣ того, эта имперія состояла въ большей своей части изъ завоеванныхъ народовъ, изъ славянъ и грековъ, которые только и думали о томъ, какъ бы имъ освободиться отъ турецкаго гнета. Вслѣдствіе этого турецкіе султаны съ трудомъ поддерживали свое господство. Главный ихъ способъ поддержанія своей власти заключался въ томъ, что они призывали къ себѣ на службу изъ Азіи полудикихъ курдовъ и составляли изъ нихъ свое иррегулярное войско, вродѣ нашихъ казаковъ. Этому иррегулярному войску они позволяли безнаказанно своевольничать и грабить своихъ вѣрноподданныхъ, особенно болгаръ и сербовъ; а когда эти вѣрноподданные пытались поднимать возстанія, то лихіе турецкіе казаки, называемые баши-бузуками, усмиряли ихъ огнемъ и мечомъ, во славу турецкаго самодержавія.

Но понятно, что завоевать Турецкую имперію другому большому государству было бы очень легко. У турецкаго правительства не было ни денегъ, ни хорошо обученной арміи. Усмирять безоружныхъ вѣрноподданныхъ оно могло очень успѣшно, даже съ помощью полудикихъ баши-бузуковъ, но во всѣхъ своихъ войнахъ съ другими государствами оно всегда терпѣло пораженія. Извѣстно, что одерживать кровопролитныя побѣды надъ «внутреннимъ врагомъ», разстрѣливать крестьянъ и жечь беззащитныя деревни — гораздо легче, чѣмъ одерживать побѣды на поляхъ сраженій.

И вотъ, западно-европейскія государства очень боялись, чтобы Турецкая имперія не была завоевана Россіей. У Россіи было огромное войско, и всѣмъ было извѣстно, что русское самодержавное правительство еще со временъ Екатерины II имѣло виды на Константинополь. Имѣлъ на него виды и Николай I. Онъ вообще чрезвычайно гордился своимъ военнымъ могу-

Digitized by Google

ществомъ, считалъ себя покровителемъ всѣхъ славянскихъ народовъ и любилъ повторять въ своихъ манифестахъ хвастливые священные тексты, вродѣ слѣдующихъ: «Господь избавитель нашъ—кого убоимся!» или: «Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!»

Въ Европѣ, кромѣ Россіи и Польши, существовало еще много земель, населенныхъ славянскими племенами: Галиція, Моравія, Богемія, Сербія, Болгарія, Боснія, Черногорія. Однѣ изъ этихъ земель принадлежали и принадлежатъ до сихъ поръ къ Австріи, а другія находились тогда подъ владычествомъ Турціи. Многіе русскіе поклонники самодержавія мечтали о томъ, чтобы соединить всѣ эти славянскія земли подъ властью одного самодержавнаго царя и образовать огромную всеславянскую имперію. Мечтали объ этомъ также и наши самодержавные правители, не понимавшіе никакой другой славы, кромѣ славы военнаго могущества.

Но такое усиленіе военнаго могущества Россіи вовсе не улыбалось другимъ большимъ западно-европейскимъ государствамъ: Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи; напротивъ того, они очень боялись этого. Въ этихъ странахъ боялись усиленія Россіи не только правительства и богатые классы, но также и рабочія массы, уже сознавшія свои интересы. Правительства и богатые классы боялись усиленія Россіи изъ зависти и разсчета: они сами стремились захватить подъ свою власть побольше населенныхъ земель, чтобы собирать съ нихъ подати и извлекать торговыя выгоды. Особенно дорожили въ этомъ случаѣ сохраненіемъ въ цѣлости Турецкой имперіи англійскіе и французскіе богатые классы, ибо они вели съ Турціей большую торговлю а благодаря бѣдности и слабости турецкаго правительства, держали его въ своихъ рукахъ. Если бы Турецкая имперія съ Константинополемъ были завоеваны Россіей, то тогда торговля со всѣми народами, населяющими Балканскій полуостровъ, находилась бы уже подъ надзоромъ русскаго правительства, оно могло бы облагать пошлинами англійскіе и французскіе то-

Digitized by Google

вары и покровительствовать русскимъ купцамъ. Вотъ почему богатые классы въ Англіи и Франціи желали во что бы то ни стало поддержать цѣлость Турецкой Имперіи и не допустить ея завоеванія Россіей.

Но, кромѣ богатыхъ классовъ, этого не хотѣли и этого очень боялись всѣ просвѣщенные люди въ Европѣ, а также сознательныя рабочія массы, стремившіяся къ своему политическому и экономическому освобожденію. Мы уже говорили о томъ, какую роль играла въ Европѣ самодержавная Россія. Русское самодержавное правительство пріобрѣло себѣ славу усмирителя народовъ и защитника политическаго рабства. Оно стремилось къ тому, чтобы повсюду удержать старый порядокъ, сохранить неограниченную власть полиціи и духовенства, уничтожить науку, остановить всякое движеніе впередъ. Россійская имперія и безъ того уже давила на всю Европу своимъ громаднымъ войскомъ, а если бы она еще болѣе усилилась, то это была бы побѣда не свѣта, а мрака, побѣда не свѣтлой, а темной силы въ цѣлой Европѣ. Вотъ почему усиленія могущества Россійской имперіи и ея завоевательныхъ стремленій страшились одинаково, какъ высшіе классы, такъ и рабочія массы во всѣхъ главныхъ европейскихъ государствахъ.

Такимъ образомъ, Россія не имѣла союзниковъ въ Европѣ. Всѣ большія государства очень подозрительно слѣдили за каждымъ ея шагомъ и были готовы при первой опасности вступить противъ нея въ общій союзъ. Такъ это и случилось во время Крымской войны.

* * *

Ближайшая причина Крымской войны заключалась въ ссорѣ между греческими монахами православнаго вѣроисповѣданія и французскими монахами католическаго вѣроисповѣданія, жившими въ Іерусалимѣ; а Іерусалимъ находился, какъ и теперь, вмѣстѣ со всей Палестиной, во власти турецкаго султана. Православные и католическіе монахи постоянно ссорились

Digitized by Google

и даже дрались между собою въ Іерусалимѣ, потому что никакъ не могли подѣлить доходовъ, которые они собирали съ богомольцевъ, приходившихъ поклониться святымъ мѣстамъ. И тѣ, и другіе хотѣли захватить въ свои руки главныя іерусалимскія святыни, чтобы собирать съ нихъ деньги въ свою пользу. Такъ какъ окончательное рѣшеніе этихъ споровъ зависѣло отъ турецкаго султана, то и православные, и католическіе монахи искали поддержки у другихъ европейскихъ державъ, которыя могли бы повліять въ ихъ пользу на турецкое правительство. Православные монахи обращались за этой поддержкой къ русскому царю, а католическіе—къ французскому правительству. И вотъ, въ 1853 году разгорѣлся съ новой силой споръ между православными и католическими монахами за обладаніе іерусалимскими святынями. Англійскій посланникъ попробовалъ было помирить враждующихъ монаховъ и уговорилъ султана назначить смѣшанную комиссію, изъ представителей обѣихъ сторонъ, чтобы уладить дѣло. Но Николай I отправилъ въ Константинополь своего посла съ требованіемъ, чтобы турецкое правительство признало преимущественныя права на іерусалимскія святыни за православнымъ духовенствомъ, въ противномъ случаѣ грозилъ войной. Турецкое правительство попало между двухъ огней: съ одной стороны оно боялось Россіи, а съ другой стороны боялось Англіи и Франціи, послы которыхъ также грозили ему, причемъ указывали на ту опасность, что всѣ славянскіе подданные султана очень желали соединиться съ Россіей и что только другія европейскія государства могли спасти его отъ окончательной гибели. Султанъ, въ такой крайности, счелъ за лучшее послушаться англійскаго и французскаго пословъ и отказалъ Россіи въ ея требованіяхъ. Тогда Николай I отозвалъ своего посла изъ Константинополя и занялъ войсками Румынію, которая находилась подъ властью султана. Султанъ объявилъ Россіи войну, а черезъ нѣкоторое время послѣ того объявила войну Россіи и Англія съ Франціей (въ февралѣ 1854 года). Австрія и Пруссія, на

Digitized by Google

дружбу которыхъ такъ надѣялся Николай I, не только не поддержали его, но, напротивъ того, сами стали грозить ему войной, если онъ не очиститъ вскорѣ Румынію и если онъ, въ случаѣ побѣды надъ турками, перейдетъ Балканы. Такимъ образомъ, противъ Россіи въ союзѣ оказались всѣ европейскія государства.

Надо замѣтить, что самъ по себѣ вопросъ объ іерусалимскихъ монахахъ не былъ достаточно важнымъ, чтобы изъ-за него началась война; причина войны лежала въ томъ, что всѣ европейскія державы относились крайне враждебно къ Россіи. Если бы Россія не вызвала къ себѣ такой вражды со стороны всей Европы, то султанъ, конечно, не рѣшился бы воевать. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, лордъ Сеймуръ, изъ личнаго расположенія къ Николаю, предупреждалъ его, чтобы онъ былъ осторожнѣе. Но Николай отвѣтилъ ему, что онъ никого не боится и что онъ вѣритъ «въ свою военную силу, въ помощь австрійцевъ и пруссаковъ, а также въ дружбу къ нему англійской королевы Викторіи» *). Сеймуръ отвѣтилъ на это, что королева Викторія мало значитъ въ англійскихъ дѣлахъ, что въ Англіи государственныя дѣла рѣшаются не королевой, а парламентомъ и въ зависимости отъ общественнаго мнѣнія, которое было очень враждебно къ Россіи. Но Николай опять повторилъ, что онъ надѣется на свою силу, надѣется на помощь Австріи и Пруссіи и не можетъ повѣрить,—чтобы голосъ королевы Викторіи ничего не значилъ въ англійскихъ дѣлахъ. Такъ изъ этого предупрежденія ничего и не вышло. Англійскій посланникъ Сеймуръ былъ единственнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ иностранныхъ пословъ, который искренно желалъ добра Николаю и хотѣлъ раскрыть ему глаза на положеніе дѣлъ; но Николай I былъ самодержецъ и, какъ всѣ самодержцы, пребывалъ въ неисправимой слѣпотѣ. Князь Васильчиковъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что приближенный къ царю генералъ Тимашевъ также пре-

*) См. книгу Барсукова: „Жизнь и труды Погодина“, т. XIII, стр. 10

Digitized by Google

дупреждалъ со своей стороны Николая относительно плохого вооруженія русскихъ войскъ, но тотъ возразилъ рѣшительнымъ тономъ, что у него такъ много войска, «что онъ постоянно будетъ сильнѣе своихъ враговъ, а потому никого не боится» *).

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ возникновенія бѣдственной Крымской войны, стоившей Россіи неисчислимаго множества жизней, самодержавное правительство обнаружило всѣ свои пагубныя свойства:

Во первыхъ оно вызвало къ себѣ вражду во всѣхъ странахъ. Англійскій и французскій народы, напримѣръ, вовсе не слѣпо повиновались своимъ правительствамъ и высшимъ классамъ; еслибы эти правительства захотѣли начать войну только изъ-за своихъ собственныхъ выгодъ, то народныя массы могли бы помѣшать этому, особенно же во Франціи, гдѣ значительная часть народа даже прямо ненавидѣла Наполеона III, захватившаго силою императорскую власть. Но когда зашла рѣчь о войнѣ съ Россіей, то какъ англійскій, такъ и французскій народы, во всемъ своемъ составѣ, вполнѣ одобрили эту войну и шли на нее даже съ большимъ одушевленіемъ. Какъ мы уже говорили, они боялись и ненавидѣли русское самодержавное правительство, которое вмѣшивалось со своимъ войскомъ въ чужія дѣла и вездѣ поддерживало мракъ и насиліе.

Во вторыхъ русское самодержавіе обнаружило свои пагубныя свойства въ этой бѣдственной для Россіи войнѣ еще и тѣмъ, что оно, вслѣдствіе своего ослѣпленія, совсѣмъ не понимало настоящаго положенія дѣлъ. Николай I былъ друженъ съ англійской королевой Викторіей, состоялъ въ близкомъ родствѣ съ прусскимъ королемъ и помогъ австрійскому императору подавить венгерское возстаніе. И вотъ, онъ думалъ, что ему можно не бояться ни Англіи, ни Пруссіи, ни Австріи. Для этого ослѣпленнаго властью человѣка все сводилось къ однимъ царствующимъ фамиліямъ; на народы же онъ не обращалъ ровно никакого вниманія. Коли

*) Борсуковъ, т. XIII, стр. 4.

Digitized by Google

онъ друженъ съ королевой Викторіей, то какое ему дѣло до англійскаго народа? Онъ былъ въ родствѣ съ прусскимъ королемъ,—это значило, что вся Пруссія была на его сторонѣ. Онъ помогъ австрійскому императору подавить Венгрію,—это значило, что вся Австрія была ему навсегда благодарна. Когда онъ былъ въ Англіи, то мы видѣли, что онъ нисколько не интересовался англійскимъ парламентомъ, а потому не имѣлъ никакого понятія о томъ, какое значеніе имѣлъ этотъ парламентъ въ государственныхъ дѣлахъ, также о томъ, какъ относятся къ Россіи—не королева Викторія, а англійскіе граждане. Поэтому онъ имѣлъ самое ложное представленіе о дѣйствительномъ положеніи вещей и слѣпо шелъ на большую опасность, увлекая за собою Россію. Въ то время какъ онъ толковалъ Сеймуру о своей дружбѣ съ королевой Викторіей и о своей надеждѣ на прусскаго короля и на австрійскаго императора, въ Константинополѣ англійскій посланникъ Редклифъ уже вступилъ въ соглашеніе съ австрійскимъ и прусскимъ посланниками, чтобы дѣйствовать совмѣстно противъ Россіи; а французскій посолъ все время только о томъ и хлопоталъ, чтобы затруднить переговоры и вызвать войну *).

Наконецъ Николай I, опять таки по общему свойству всѣхъ самодержавныхъ правителей, не имѣлъ вѣрнаго понятія о томъ, въ какомъ положеніи находились его собственныя военныя силы; а между тѣмъ, вслѣдствіе расточительности царскаго двора, а также вслѣдствіе невѣжества и казнокрадства царскихъ чиновниковъ, военныя силы Россіи находились въ самомъ плачевномъ положеніи. Николай I гордился только однимъ—что у него было много солдатъ—цѣлый милліонъ; этого онъ могъ легко достигнуть, такъ какъ никто не мѣшалъ ему брать съ народа сколько угодно рекрутовъ и держать ихъ на службѣ по 25 лѣтъ; затѣмъ онъ гордился также тѣмъ, что его солдаты были такъ хорошо вымуштрованы, что боялись даже

*) См. М. Богдановичъ, Восточная война, т. I., стр. 64.

Digitized by Google

дышать въ строю, и слова не смѣли вымолвить передъ начальствомъ. По своему недостаточному образованію, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что въ этомъ именно и заключалось вся военная сила. Но вотъ какъ отзывались о русской арміи понимающіе дѣло иностранцы, а также умные люди изъ среды самихъ русскихъ офицеровъ.

При Николаѣ первомъ, въ Россію пріѣхалъ прусскій офицеръ Нацмеръ съ приказаніемъ отъ своего короля присутствовать на маневрахъ русской арміи; побывавъ на этихъ маневрахъ, вотъ что онъ писалъ изъ Петербурга въ своемъ докладѣ:

«Самые солдаты этой грозной арміи, какъ всѣмъ извѣстно, превосходны и не оставляютъ желать ничего лучшаго. Но къ *нашему счастію* всѣ безъ исключенія оберъ-офицеры никуда не годны, а большая часть офицеровъ въ высшихъ чинахъ также немногимъ ихъ лучше. Лишь малое число генераловъ помышляютъ о своемъ истинномъ призваніи, а прочіе, наоборотъ, думаютъ, что достигли всего, если имъ удастся удовлетворительно провести свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ государемъ. Никто не думаетъ о высшемъ образованіи среди офицеровъ и о цѣлесообразныхъ упражненіяхъ войскъ» *).

Вполнѣ согласно съ этимъ отзывомъ нѣмецкаго офицера, отзывался о русской арміи также и знаменитый кавалерійскій генералъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, прославившійся своими военными подвигами въ 1812 г. Вотъ что онъ писалъ о состояніи русской арміи при Николаѣ I:

«Изученіе ремешковъ, устава, вытягиваніе носковъ и выдѣлываніе ружейныхъ пріемовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, служитъ для нихъ источникомъ самыхъ высшихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава.

*) Шильдеръ, *Царствованіе Николая I*, стр. 100.

Digitized by Google

Лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя беззаконныя выгоды, которыя правительство, повидимому, поощряетъ. Этотъ порядокъ получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе со времени вступленія на престолъ императора Николая. Онъ и братъ его, великій князь Михаилъ Павловичъ, не щадятъ ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отрасли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгами и выдѣлыванія ружейныхъ пріемовъ наша армія безконечно превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! Каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они не навидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды полагаютъ, въ премудрости своей, что война ослабляетъ пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, а потому лишь вредна для него» *).

Таково было войско Николая I. Это войско готовили не для войны, а для парадовъ и для усмиренія крестьянскихъ бунтовъ. Въ офицерахъ убивали всякое стремленіе къ образованію, дѣлали изъ нихъ грубыхъ невѣждъ, не понимающихъ, что значитъ истинная служба своей странѣ, а солдатъ старались обратить постоянной муштровкой въ слѣпое и послушное орудіе въ рукахъ начальства.

Такая подготовка войска необходимо должна была сказаться на войнѣ. Наши солдаты всегда отличались беззавѣтною храбростью; они смотрѣли на свое дѣло серьезно и шли умирать за отечество, а начальство обучало ихъ не для войны, а для усмиренія народа и для царскихъ парадовъ; оно выводило ихъ на поля сраженія неподготовленными къ настоящему военному дѣлу.

«Обученіе нашей пѣхоты — пишетъ генералъ М. Богдановичъ, — ограничивалось чистотою ружейныхъ

*) Шильдеръ, *Царствованіе Николая I*, стр. 104.

Digitized by Google

пріемовъ и точностью пальбы залпами»; а эта точность пальбы залпами заключалась въ томъ, чтобы при залпахъ всѣ солдаты стрѣляли въ одну и ту же секунду, такъ, чтобы слышался какъ бы одинъ выстрѣлъ; въ этомъ заключалось все искусство; точность же прицѣла, мѣткость стрѣльбы считались за второстепенное дѣло, да и стрѣляли наши солдаты на ученіяхъ всегда холостыми зарядами.

«Кавалерія—продолжаетъ генералъ Богдановичъ—была обезсилена столь же красивою, сколько и неловкою посадкой». Здѣсь также все вниманіе было обращено на то, чтобы кавалеристы красиво сидѣли на лошадяхъ; между тѣмъ, эта красивая посадка мѣшала имъ дѣлать свое дѣло на поляхъ сраженій.

Наконецъ—«артиллерія, по словамъ генерала Богдановича, отличалась болѣе быстротою движеній, нежели мѣткостью выстрѣловъ. Маневры, производимые въ мирное время (т.-е. примѣрныя сраженія, при которыхъ пѣхота, кавалерія и артиллерія обучаются вмѣстѣ), были очень красивы, но мало поучительны» *).

Таковъ отзывъ объ арміи Николая I другого безпристрастнаго свидѣтеля, генерала Богдановича, написавшаго большую книгу о Крымской войнѣ. Между тѣмъ, обученіе арміи много значитъ для военнаго дѣла. Само собою понятно, что если, напр., кавалеристовъ пріучили красиво, но не твердо держаться въ сѣдлѣ, то во время скачки на поляхъ сраженіи они непремѣнно будутъ падать съ лошадей. Трудно было ожидать также, чтобы русская пѣхота мѣтко стрѣляла изъ ружей, когда все ея обученіе стрѣльбѣ производилось холостыми зарядами, причемъ главное вниманіе обращалось на то, чтобы солдаты научились стрѣлять всѣ вразъ, какъ будто бы изъ одного ружья.

Замѣтьте также, что на обученіе этого огромнаго войска были направлены всѣ старанія царскаго правительства. Ничѣмъ оно не занималось съ такимъ

*) М. И. Богдановичъ, *Восточная война 1853—1856 годовъ*, т. I, стр. 93.

Digitized by Google

усердіемъ, какъ солдатской муштровкой. Самъ царь только то и дѣлалъ, что скакалъ изъ Петербурга въ Чугуевъ, изъ Чугуева въ Варшаву и производилъ смотры; все русское офицерство напоминало извѣстнаго Скалозуба въ комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума»: кромѣ военной муштровки они ровно ничего не знали и не понимали. Наконецъ солдаты выносили на своихъ спинахъ несчетное количество розогъ и палокъ за малѣйшія ошибки при фронтовомъ ученіи. И вотъ, при всѣхъ этихъ стараніяхъ и жертвахъ русское войско всетаки оказывалось вовсе негоднымъ къ военному дѣлу. Отчего же это происходило? Оттого, что «никто не думалъ о высшемъ образованіи среди офицеровъ»—, какъ писалъ Нацмеръ; оттого, что «армія наполнялась грубыми невѣждами, посвящавшими всю свою жизнь мелочамъ военнаго устава»—какъ писалъ Давыдовъ; оттого, что императоръ Николай I и его братъ Михаилъ Павловичъ употребляли всѣ свои усилія на то, чтобы «убить въ офицерахъ стремленіе къ образованію» и поселить въ нихъ «ненависть ко всякой наукѣ».

А зачѣмъ имъ надо было «убить въ офицерахъ стремленіе къ образованію» и поселить въ нихъ ненависть ко всякой наукѣ? Затѣмъ, что только мало образованный офицеръ, только такое офицерство, которое сплошь состояло изъ грубыхъ невѣждъ, могло служить вѣрою и правдою не своему народу, а самодержавію, могло съ легкимъ сердцемъ разстрѣливать народъ по приказанію самодержавной власти. Такъ все это тѣсно связано одно съ другимъ при самодержавномъ образѣ правленія; такъ все цѣпляется одно за другое и ведетъ страну не только къ внутреннимъ бѣдствіямъ и неурядицамъ, но также къ бѣдствіямъ и пораженіямъ во время внѣшнихъ войнъ.

Digitized by Google

* * *

Но мало того, что русское войско было плохо обучено военному дѣлу при самодержавномъ правительствѣ, — оно было еще кромѣ того плохо вооружено. Оно было вооружено старыми негодными ружьями, въ то время, какъ у англичанъ и французовъ, ружья у солдатъ были самой лучшей системы. Объ этомъ также единогласно свидѣтельствуютъ всѣ историки Крымской войны:

«Вооруженіе нашей арміи было весьма недостаточно», пишетъ генералъ Богдановичъ: «въ то время, когда значительная часть пѣхоты иностранныхъ армій уже имѣла нарѣзныя ружья, и вся ихъ пѣхота была вооружена ударнымъ ружьемъ, у насъ въ нѣкоторыхъ частьяхъ войскъ все еще существовали кремневыя ружья».

А вотъ что говоритъ по этому поводу другой историкъ Крымской войны, Дубровинъ, также генералъ русской службы, и притомъ писавшій свою исторію по порученію наслѣдника Александра Александровича, бывшаго потомъ императоромъ Александромъ III:

«Даже при одинаковомъ вооруженіи всѣ выгоды находились на сторонѣ союзниковъ, а если вспомнить при этомъ, что большинство нашихъ войскъ были вооружены гладкоствольнымъ оружіемъ, а союзники нарѣзнымъ, то неравенство положеній дѣлается еще болѣе рѣзкимъ. Наша пѣхота могла открывать огонь только на разстояніи 300 шаговъ, тогда какъ непріятель открывалъ огонь по нашимъ войскамъ съ разстоянія 1200 шаговъ и болѣе. Находясь внѣ досягаемости нашихъ выстрѣловъ, непріятельскіе стрѣлки съ полнымъ спокойствіемъ и безопасностью били на выборъ *)».

«Штуцерный огонь непріятеля, — пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — производилъ весьма непріятно впе-

*) *Дубровинъ.* Крымская война, т. I, стр. 263.

Digitized by Google

чатлѣніе на нашихъ солдатъ. Не понимая разницы въ вооруженіи, они удивлялись, что непріятельскихъ стрѣлковъ не было видно, а въ нашихъ рядахъ оказывалась убыль. Это особенно дурно дѣйствовало на полки, стоявшіе во второй линіи. Оставаясь въ бездѣйствіи, полки, эти почти все время находились подъ самымъ убійственнымъ и учащеннымъ огнемъ непріятеля» *).

«Вступая въ бой», пишетъ также генералъ Тотлебенъ, «пѣхота наша тотчасъ же чувствовала превосходство непріятеля въ вооруженіи. Англійскія войска, вооруженныя штуцерами, открывали огонь съ дальняго разстоянія и наносили нашимъ войскамъ весьма чувствительный вредъ... Еще до сближенія съ непріятелемъ наши войска уже теряли значительную часть своихъ начальниковъ, что естественно должно было ослабить ихъ духъ» **).

Въ такомъ невыгодномъ и даже бѣдственномъ положеніи находились наши войска по сравненію съ непріятельскими войсками. Легко себѣ представить, каково было нашимъ солдатамъ выходить на поле сраженія со своими негодными ружьями, когда противъ нихъ стояли войска, стрѣлявшія въ четыре раза дальше! А вѣдь между тѣмъ судьба всей Крымской кампаніи зависѣла отъ сраженій въ открытомъ полѣ. Севастопольская крѣпость рано или поздно необходимо должна была погибнуть подъ непріятельскими пушками,—если только осадная армія могла-бы безпрепятственно дѣлать свое дѣло. Вотъ почему наши главнокомандующіе пытались четыре раза освободить Севастополь, принуждая противника принять сраженіе въ открытомъ полѣ; четыре раза русскія войска вступали въ кровопролитную битву съ непріятельской арміей: при рѣкѣ Альмѣ, подъ Балаклавой, при Инкерманѣ и у Черной рѣчки. Еслибы непріятель былъ разбитъ въ одномъ изъ этихъ сраженій, то онъ долженъ былъ бы

*) *Дубровинъ.* Крымская война, стр. 244.
**) Тамъ же, стр. 247—248.

Digitized by Google

снять осаду. И наши солдаты, какъ всегда, проявляли львиное мужество въ этихъ сраженіяхъ: «Стойкость, мужество и храбрость русскаго солдата», пишетъ Дубровинъ, «возбудили глубокое уваженіе къ нему самихъ противниковъ. Они видѣли, что всѣ полки, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, оказали чудеса храбрости, что всѣ начальники частей, полковые и батальонные командиры, лично водили ихъ въ штыки и умирали передъ колоннами. Это имѣло такое сильное нравственное вліяніе на англо-французовъ, что самонадѣянность ихъ смѣнилась осторожностью, какъ слѣдствіемъ глубокаго уваженія къ доблестямъ русскаго солдата» *).

Такимъ образомъ, русскіе солдаты дѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы спасти Севастополь; не смотря даже на всѣ преимущества, которыя были на сторонѣ противника, они иногда были близки къ побѣдѣ, какъ, напримѣръ, въ сраженіи при Инкерманѣ. Въ сраженіи при рѣкѣ Альмѣ русскія войска также проявили чудеса храбрости.

«Отчего-же при такой стойкости сраженіе на Альмѣ было неудачно? спрашивали всѣ. Оттого, отвѣчалъ одинъ изъ участниковъ боя, что никто не умѣлъ приказывать. Этотъ день, говорилъ генералъ Кишинскій, останется навсегда памятнымъ своимъ безпорядкомъ и неумѣньемъ выбирать главныхъ начальниковъ» **).

Что же могли подѣлать русскіе солдаты при всей своей храбрости и при всемъ своемъ самоотверженіи, когда у нихъ было никуда негодное вооруженіе, а также никуда негодные главнокомандующіе?

Это послѣднее обстоятельство, т. е. неспособность нашихъ главнокомандующихъ, играла также огромную роль въ бѣдствіяхъ Крымской войны. Неспособностью своихъ главнокомандующихъ всегда славилась русская армія. Недаромъ, во время русско-турецкой войны 1877 г., въ заграничныхъ газетахъ русскихъ

*) *Дубровинъ*, т. I, стр. 267.
**) Тамъ же, стр. 261.

Digitized by Google

солдатъ рисовали съ львиными головами, а русскихъ генераловъ—съ ослиными. Такъ было и теперь. Старикъ Аксаковъ, горячій патріотъ, писалъ въ 1854 г. Погодину: «Я боюсь не Европы, на насъ возстающей, а боюсь за выборъ *главнокомандующихъ*, которыхъ понадобится нѣсколько». Выборъ Николая I палъ на князя Меньшикова, которому была поручена оборона Севастополя и всего Крыма. Это былъ хитрый и умный царедворецъ, но никуда негодный полководецъ. «Основная черта его характера заключалась—по словамъ князя Васильчикова — въ недовѣріи ко всѣмъ окружающимъ его личностьямъ. Въ каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ онъ видѣлъ недоброжелателя, подкапывающагося подъ его высшее командованіе». Такъ какъ самъ онъ ничѣмъ не умѣлъ распорядиться, а своихъ способныхъ помощниковъ подозрѣвалъ въ козняхъ противъ него, то онъ ничего не предпринималъ, даже по заготовленію провіанта, и не разрѣшалъ инженерамъ самыхъ нужныхъ работъ по укрѣпленію Севастополя съ суши, а потому «въ минуту высадки союзниковъ ничего не было сообразено и изучено для обороны, и наступленіе непріятеля застало крымскія войска врасплохъ» *).

Понятно, что такія свойства главнокомандующаго не могли хорошо дѣйствовать на русскую армію. «Два дня прошлялся я въ лагерѣ», пишетъ тотъ же князь Васильчиковъ, «и видѣлъ всеобщее уныніе и грусть; видѣлъ что между войсками и ихъ главнокомандующимъ не было никакого общенія; видѣлъ, какъ начальникъ проѣзжалъ передъ войсками, никогда съ ними не здороваясь; видѣлъ какъ люди сурово и молча посматривали на этого начальника, — и удивлялся! Видѣлъ, наконецъ, современную безтолковщину въ администраціи»...

Въ Севастополѣ, во все время осады, оставался при своей церкви протоіерей Лебединцевъ, который, по порученію одесскаго архіепископа Иннокентія, сообщалъ

*) *Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. XIII, стр. 140.

Digitized by Google

ему день за днемъ всѣ свѣдѣнія о ходѣ войны. И вотъ что писалъ ему этотъ протоіерей Лебединцевъ о севастопольскомъ главнокомандующемъ:

«Надежда наша была и есть паче на Бога, нежели на силы человѣческія. Слышалъ, какъ всѣ въ войскѣ, отъ мала до велика, недовольны распоряженіями князя Меньшинкова. Гласъ народа — гласъ Божій. И нельзя въ семъ гласѣ не признать истины... Много разныхъ толковъ, но ни одного въ пользу нашего главнокомандующаго... Князь Меньшиковъ ничего не предпринимаетъ и свои мысли скрываетъ даже отъ своей фуражки, которую сжегъ бы, если бы она узнала ихъ. Эта непонятная таинственность и бывшія неудачи тягостное производятъ вліяніе на всѣхъ, а главное, на армію, которая крайне нерасположена къ своему главнокомандующему» *).

Самымъ важнымъ сраженіемъ, въ теченіе всей севастопольской осады, было Инкерманское. Отъ этого сраженія зависѣла судьба всей Крымской войны, потому что союзники еще не успѣли тогда подвезти всѣ свои войска, и численный перевѣсъ былъ въ эту минуту на нашей сторонѣ. Войска наши «горѣли желаніемъ помѣряться съ непріятелемъ»—пишетъ объ этомъ дѣлѣ генералъ Богдановичъ. «Они сражались такъ храбро, что едва не загладили ошибки своихъ начальниковъ, бывшія причинами понесенной нами неудачи. Первою и главною изъ этихъ ошибокъ была та, что князь Меньшиковъ не воспользовался превосходствомъ своихъ силъ и, предпринявъ рѣшительное наступленіе, оставилъ въ бездѣйствіи болѣе трети своихъ войскъ» **).

«Объ Инкерманскомъ сраженіи, дѣйствительно страшномъ», пишетъ протоіерей Лебединцевъ, «и доселѣ толки идутъ. Всѣ винятъ единогласно князя Меньшикова, который не объявляетъ свои планы даже тогда, когда ведетъ войска въ дѣла. Князь недоволенъ будто-бы

*) *Барсуковъ*, т. XIII, стр. 181.
**) *Богдановичъ*, т. III, стр. 154.

Digitized by Google

генераломъ Данненбергомъ, но всѣ генералы недовольны штабомъ главнокомандующаго».

На другой день послѣ этого неудачнаго сраженія, въ которомъ было убито болѣе 10,000 русскихъ солдатъ, князь Васильчиковъ, рано утромъ пришелъ на пароходъ, на которомъ помѣщался князь Меньшиковъ. На палубѣ встрѣтилъ онъ генеральнаго штаба полковника Герсеванова, состоявшаго при князѣ. Онъ держалъ въ рукахъ какой-то свертокъ бумаги, размахивалъ имъ во всѣ стороны и взволнованнымъ отъ негодованія голосомъ обратился къ князю Васильчикову съ такими словами: «Вотъ какъ у насъ дѣла дѣлаются! Вчера мы давали рѣшительное сраженіе, а сегодня доставленъ къ намъ планъ той мѣстности, на которой происходило сраженіе; вотъ фельдъ-егерь, который сію только минуту прибылъ съ этой посылкой».

Оказалось, что у русской арміи не было даже плана той мѣстности, на которой она была расположена, и этотъ планъ былъ доставленъ только на другой день послѣ сраженія, вслѣдствіе чего, «наши войска, во время своего наступательнаго движенія, неоднократно натыкались на крутые обрывы овраговъ, непроходимыхъ для артиллеріи, и не разъ лишалась оттого полезнаго дѣйствія этого оружія» *).

Итакъ, повторяемъ: что-же могли сдѣлать русскіе солдаты, при всей ихъ необычайной храбрости и при всемъ ихъ самоотверженіи, съ такими главнокомандующими и съ такими порядками? Они могли только безропотно умирать и мужественно отдавать свою жизнь отечеству, которое находилось въ негодныхъ рукахъ. Негодными были высшіе порядки въ государствѣ, а потому негодными были и главнокомандующіе. Въ той-же самой севастопольской арміи, которою предводительствовалъ Меньшиковъ, находились замѣчательно способные и любимые солдатами начальники: Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Хрулевъ и др. Они одиннадцать мѣсяцевъ отстаивали Севастополь, когда

*) «Русскій архивъ», 1891 г., № 6.

Digitized by Google

дѣло было уже погублено высшими командирами. Они не щадили себя и почти всѣ были убиты, точно также какъ тысячами погибали артиллеристы и матросы подъ страшнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій. Тѣ дни, когда происходила бомбардировка Севастополя, смерть безжалостно косила людей, и городъ все болѣе и болѣе превращался въ груду развалинъ. Непріятель бросалъ по сорока и по пятидесяти тысячъ снарядовъ въ сутки. Севастополь покрывался густымъ облакомъ дыма. «Солнце свѣтило, но его не было видно. Громовые, потрясающіе всю окрестность залпы смѣнялись безпрерывнымъ гуломъ орудій, а потомъ снова раздавались съ прежней силой... Это былъ адъ, пожиравшій защитниковъ"*).. И въ этомъ страшномъ аду самоотверженные солдаты подъ предводительствомъ своихъ любимыхъ адмираловъ и генераловъ исправляли разрушенныя укрѣпленія, отбивали штурмы и погибали безъ счета. Но они защищали безнадежное дѣло. Спасти Севастополь уже нельзя было, послѣ того какъ русскимъ войскамъ не удалось отбросить осаждавшую армію. Никакая храбрость и никакая умѣлость не могли исправить тѣхъ роковыхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы главными командирами. И вотъ, всѣ лучшіе русскіе военные начальники, которыхъ было не мало, безплодно погибли подъ стѣнами Севастополя. Ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ главнокомандующіе: этимъ главнокомандующимъ былъ назначенъ любимецъ и приближенный царя, князь Меньшиковъ.

Здѣсь опять обнаруживается передъ нами одно изъ пагубныхъ свойствъ самодержавнаго образа правленія. Откуда было знать Николаю I о тѣхъ генералахъ, которыхъ цѣнили и любили русскіе солдаты. Развѣ къ этому самодержцу былъ открытъ доступъ народнымъ желаніямъ. Развѣ онъ дорожилъ тѣми людьми, которыхъ любили народныя массы? Ему нужны были такіе люди, которыхъ-бы народныя массы *боялись*, а не любили, которые умѣли бы внушать страхъ и усми-

*) Богдановичъ, т. IV, стр. 81.

Digitized by Google

рять неповиновеніе. Его окружали наилучшіе защитники не народа, а самодержавной власти. Тѣ самые люди, которые помогли ему истребить декабристовъ, а также тѣ, которые измѣнили декабристамъ и сдѣлались ихъ предателями, — тѣ самые люди и остались приближенными Николая I на всю его жизнь. Во всѣхъ секретныхъ комитетахъ, которые назначались Николаемъ I для рѣшенія самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ, мы встрѣчаемъ одни и тѣ же имена: Чернышевъ, Бенкендорфъ, Дибичъ, Блудовъ, Корфъ, Орловъ, Панинъ, Перовскій, Закревскій и т. д.—вотъ кто окружалъ Николая I. Все это были лютые звѣри, свирѣпые сторожа, охранители самодержавной власти. Между ними не было любимцевъ народа. Они ничѣмъ не отличились въ безкорыстномъ служеніи народу, въ самоотверженной защитѣ общихъ народныхъ интересовъ; они отличились въ служеніи Николаю I, въ служеніи общему для нихъ съ нимъ дѣлу. Къ кругу такихъ-же любимцевъ самодержавія принадлежалъ и избранникъ Николая I, главнокомандующій крымской арміи, князь Меньшиковъ, который оттѣснилъ собою Нахимова, Корнилова, Хрулева и другихъ.

Но, кромѣ своей жестокости и неспособности, служители самодержавія отличаются еще своимъ корыстолюбіемъ. А между тѣмъ, въ ихъ рукахъ находится вся народная казна. Пополняется эта народная казна кровными деньгами рабочихъ массъ, добываемыми по копѣечкѣ, но казна эта громадна. Также, какъ великъ и необъятенъ самъ народъ, такъ велика и необъятна его, народная, казна. Если даже малая частица этихъ сокровищъ прилипнетъ къ рукамъ царскихъ служителей, то каждый изъ нихъ дѣлается богачемъ. А между тѣмъ, надъ ними нѣтъ никакого надзора со стороны настоящаго владѣльца, этихъ сокровищъ—со стороны самаго народа. Они ни въ чемъ не отвѣчаютъ передъ нимъ; у нихъ въ рукахъ груды золота и всякихъ богатствъ, и никто не мѣшаетъ имъ брать. Соблазнъ слишкомъ великъ для нихъ, и вотъ мы видимъ, что всѣ эти самодержавные прислужники, начиная отъ

Digitized by Google

самыхъ верховъ и до самыхъ низовъ, привыкаютъ не щадить народной копѣйки, по пословицѣ: «рука руку моетъ». Старшіе казнокрады наблюдаютъ за младшими казнокрадами, и всѣ вмѣстѣ дѣлятъ свою добычу.

Во все время царствованія Николая I мы безпрестанно встрѣчаемся съ происшествіями такого рода:

«Огромную сумму своровали генералы и полковники резервнаго корпуса. Они должны были препроводить на Кавказъ, къ князю Воронцову 17,000 рекрутъ и препроводили ихъ безъ одежды и хлѣба, нагихъ и голодныхъ, такъ что только меньшая часть ихъ пришла на мѣсто назначенія, остальные-же перемерли. Генералъ Тришатный былъ главный начальникъ корпуса и устроитель этихъ дѣлъ, и онъ-же былъ посланъ разслѣдовать ихъ. Онъ донесъ, что все обстоитъ благополучно, что рекрута благоденствуютъ, вѣроятно, на небесахъ, куда они отправились по его милости. Послали другого слѣдователя. Оказалось, что Тришатный своровалъ. Своровали и подчиненные ему генералы и полковники, и всѣ они воровали съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ получили, по своему положенію, возможность воровать» *).

Или такой случай: «Гвардейскій генералъ, любимецъ царя, красивый, бравый молодецъ, растратилъ деньги, которыя покойный императоръ Александръ I подарилъ Семеновскому полку» **).

Или въ такомъ родѣ: «Былъ нѣкто Политковскій правитель дѣлъ Комитета о раненыхъ. Въ комитетѣ накопился огромный капиталъ въ пользу инвалидовъ. Политковскій—камергеръ, тайный совѣтникъ, кавалеръ многихъ орденовъ, и пр. Онъ въ теченіи многихъ лѣтъ кралъ эти казенныя деньги, пышно жилъ, задавалъ пиры, содержалъ любовницъ. На-дняхъ онъ умеръ. Незадолго до его смерти открылось, что онъ укралъ *милліонъ двѣсти тысячъ рублей серебромъ*. Говорятъ, государь былъ очень огорченъ и разгнѣванъ. Въ са-

*) *Дневникъ Никитенко*, т. I, стр. 484.
**) Тамъ же.

Digitized by Google

момъ дѣлѣ, горько видѣть такой развратъ, и не гдѣ-нибудь въ глуши, между приказной мелочью, а въ кругу людей значительныхъ, въ своей столицѣ, чуть не у себя дома» *).

О томъ, что дѣлалось въ глуши губерній, между приказной мелочью, ужъ и не говорилось даже. Всѣмъ было извѣстно, что тамъ шло поголовное воровство и казнокрадство. Вся Россія была отдана на разграбленіе и на съѣденіе арміи царскихъ чиновниковъ. Царское правительство даже не всегда заботилось о томъ, чтобы платить имъ жалованье: они получали иногда по 20, иногда по 10, а иногда даже по 4 р. въ мѣсяцъ, а проживали тысячи. Царское правительство разсуждало такъ: зачѣмъ платить вамъ жалованье; вы все равно будете воровать.

«Царь былъ очень огорченъ и разгнѣванъ», когда узналъ о воровствѣ Политковскаго; а между тѣмъ, тотъ же самый царь поддерживалъ казнями и разстрѣлами свой самодержавный порядокъ, при которомъ такое воровство было неизбѣжно. Отчего бы ему, вмѣсто того, чтобы печалиться и гнѣваться, не отдать подъ надзоръ народныхъ выборныхъ всѣ государственныя богатства и всѣ государственные расходы; первымъ же дѣломъ расходы своего собственнаго императорскаго двора, на который уходило въ годъ по 12 мильоновъ народныхъ денегъ? **)

---

*) Тамъ же, т. I, стр. 543.

**) Въ 30-хъ годахъ въ Петербургъ пріѣзжалъ французскій путешественникъ маркизъ Кюстинъ и былъ приглашенъ на придворные балы въ Зимній дворецъ. И вотъ, даже онъ, видавшій великолѣпную жизнь французскихъ королей, былъ пораженъ необычайною роскошью русскаго царскаго двора. Праздники въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ все утопало въ золотѣ и роскоши, гдѣ рѣкою лились дорогія вина, и подавались самыя дорогія угощенія на тысячи званыхъ гостей, казались ему какимъ-то волшебнымъ сномъ, а не дѣйствительностью. Тутъ ужъ не считались не только копѣйки, но и сотни тысячъ рублей народныхъ денегъ.

Digitized by Google

* * *

Легко понять, въ какомъ положеніи при такихъ порядкахъ находилось въ царствованіе Николая I все его военное хозяйство.

«Въ 1853 году Россія не была готова къ войнѣ, не смотря на громадныя цифры воинскихъ чиновъ, числившихся по спискамъ нашей арміи»—читаемъ мы въ книгѣ генерала Богдановича: «на провіантскомъ продовольствіи состояло болѣе мильона нижнихъ чиновъ, а на фуражномъ—болѣе двухсотъ тысячъ лошадей; но разница между списочною и боевою силою была огромная» *). Много было войскъ на бумагѣ, а въ наличности ихъ оказалось гораздо меньше. Такъ всегда бываетъ при самодержавіи: «Взгляните на годовые отчеты», писалъ самъ великій князь Константинъ Николаевичъ въ ноябрѣ 1855 г. «вездѣ все хорошо, вездѣ успѣхи, вездѣ водворяется должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите суть отъ бумажной оболочки, и рѣдко гдѣ окажется плодотворная польза. Сверху блескъ, внизу гниль» **).

Такъ писалъ братъ новаго царя послѣ горькаго опыта Крымской войны. Но послужилъ ли этотъ горькій опытъ на пользу нашему самодержавному правительству? Объ этомъ мы узнаемъ изъ дальнѣйшей исторіи русскаго государства, а пока будемъ слушать другихъ свидѣтелей.

«Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно», опять свидѣтельствуетъ генералъ Богдановичъ, описывая состояніе войскъ передъ войной. «Имѣя въ изобиліи главную изъ составныхъ частей пороха—селитру, мы, вступивъ въ борьбу со всей Европой, терпѣли крайній недостатокъ въ порохѣ ***).

«Недостатокъ снарядовъ и пороху былъ такъ великъ, пишетъ другой историкъ Крымской войны, ге-

---

*) Восточная Война, т. I, стр. 92.
**) *Барсуковъ*, т. XIV, стр. 117.
***) *Богдановичъ*, т. I, стр. 93.

Digitized by Google

нералъ Дубровинъ, «что къ 31 марта (осада началась въ сентябрѣ) на нѣкоторыхъ батареяхъ было не болѣе 35 снарядовъ на орудіе, а между тѣмъ, въ складѣ севастопольскаго гарнизона оставалось только 4326 пудовъ пороха.—Какое несчастье, говорилъ главнокомандующій во время осады Севастополя, что я имѣю такъ мало пороха! Отъ этого зависитъ честь и слава Россіи» *).

Честь и слава Россіи зависѣла отъ количества пороха, а количество пороха зависѣло отъ казнокрадовъ провіантскаго вѣдомства. И такъ, мы видимъ, что, начиная огромную, кровопролитную войну, русское самодержавіе не имѣло въ своемъ распоряженіи ни достаточнаго войска (хотя Николай I думалъ, что у него мильонная армія), ни хорошаго вооруженія, ни даже пороху (хотя селитра въ Россіи была въ изобиліи). Въ такихъ надежныхъ рукахъ находились честь и слава Россіи.

Но въ этихъ рукахъ находились также здоровье и жизнь русскихъ солдатъ. Посмотримъ-же, въ какомъ положеніи были одежда, обувь, пища и медицинская часть Крымской арміи.

«Находившіяся на укрѣпленіяхъ войска не имѣли ни крова, ни теплой одежды и подвергались вредному дѣйствію непогоды. Находясь на оборонительной линіи безсмѣнно днемъ и ночью, съ самаго начала осады, солдаты принуждены были сами изобрѣтать средства для защиты отъ дождя и стужи. Въ то время солдаты не имѣли еще полушубковъ и довольствовались мундиромъ и шинелью. Въ ненастную погоду они мастерили себѣ такіе башлыки изъ рогожи, смотря на которые, дивовались и свои и французы» **).

Объ этомъ замѣчательномъ обмундированіи русскихъ солдатъ посредствомъ рогожъ говоритъ также и генералъ Тотлебенъ въ своемъ описаніи обороны Севастополя (часть I, стр. 660): «Было время, когда недостатокъ теплой одежды, полушубковъ, заставлялъ выда-

*) *Дубровинъ*, т. III, стр. 68.
**) *Дубровинъ*, т. II, стр. 297.

Digitized by Google

вать людямъ, находившимся въ траншеяхъ и на батареяхъ, рогожи и цыновки отъ сахарныхъ кулей».

«Непомѣрное число больныхъ въ нѣкоторыхъ донскихъ полкахъ», писалъ генералъ Врангель, «происходитъ отъ плохой и дурной обуви въ настоящую ненастную погоду. Большая часть казаковъ не имѣетъ полушубковъ, ходитъ въ оборванныхъ лѣтнихъ штанахъ и въ худыхъ сапогахъ» *).

«Правильность подвоза провіанта и фуража съ каждымъ днемъ нарушалась, и войска стали ощущать недостатокъ въ продовольствіи. Сухари и крупа выдавались неаккуратно, а лошади дня по три не имѣли ни овса, ни сѣна... Худоба лошадей дошла до того, что ни одной изъ нихъ нельзя было подтянуть, какъ слѣдуетъ подпруги» **).

Самъ главный интенендантъ, генералъ Заттлеръ, на котораго обрушились потомъ всѣ обвиненія, признавалъ, что «сухари были дѣйствительно плохи, часто покрыты плѣсенью, а иногда даже и червями». ***). Сухари эти «въ теченіе осени, зимы и весны, т. е. болѣе 8 мѣсяцевъ, хранились подъ открытымъ небомъ, прикрытые только мѣшками и рогожами; естественно, что въ дождливую погоду они подмачивались снизу и сверху и черезъ то плѣснѣвѣли, гнили и изъѣдались червями» ****).

«Недостатокъ теплой одежды, конечно, былъ одною изъ причинъ, увеличивавшихъ число заболѣвавшихъ, и хотя для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ принимались всѣ возможныя мѣры, но дурная погода оказывала свое вліяніе. Въ войскахъ появились холера, изнурительныя лихорадки и кровавые поносы. Число больныхъ съ каждымъ днемъ быстро возростало,

---

*) Тамъ же, стр. 338.
**) Тамъ-же, стр. 326.
***) *Н. Соловьевъ.* «Скорбные листы Крымской Кампаніи». («Рус. Вѣстникъ», 1872 г., № 9).
****) Тамъ-же.

Digitized by Google

и къ 23 ноября въ госпиталяхъ и лазаретахъ находились 663 офицера и 27,911 нижнихъ чиновъ» *).

«Войска представляли довольно печальный видъ. Отъ недостатка продовольствія и слишкомъ большаго употребленія плодовъ въ арміи показались лихорадки и поносы. Въ Симферополѣ скопилось столько больныхъ. а въ особенности раненыхъ на рѣкѣ Альмѣ, что для размѣщенія ихъ въ единственномъ военномъ госпиталѣ не доставало мѣста. За недостаткомъ кроватей, матрацевъ и одѣялъ, больные валялись на полу, прикрываясь тѣмъ, что на ихъ было» **).

Извѣстно, что во время всякой войны гораздо больше людей погибаетъ отъ болѣзней и отъ плохаго ухода за ранеными, чѣмъ на поляхъ сраженій; самымъ страшнымъ врагомъ солдатъ является дурная пища и одежда и плохое устройство госпиталей. Въ Крымскую войну убитыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти на поляхъ сраженій было у насъ около ста тысячъ человѣкъ, а умершихъ отъ ранъ и болѣзней оказалось болѣе *четырехсотъ тысячъ*. У союзниковъ—англичанъ и французовъ, и убитыхъ и умершихъ въ госпиталяхъ было вдвое меньше ***). За эту двойную и огромную потерю людей отъ болѣзней и ранъ Россія должна была благодарить никого иного, какъ свои самодержавные порядки.

«Санитарная часть находилась въ самомъ плохомъ состояніи. О помощи раненымъ никто и не думалъ. Въ корпіи и бинтахъ чувствовался значительный недостатокъ; солдаты принуждены были для перевязки ранъ рвать собственныя рубашки, а между тѣмъ кладовыя симферопольской почтовой конторы были переполнены тюками съ корпіей и бинтами, летѣвшими со всѣхъ концовъ Россіи отъ доброхотныхъ жертвователей ****).

---

*) *Дубровинъ* т. III, стр. 339.
**) Тамъ-же, стр. 264.
***) См. книгу Богдановича, т. IV, стр. 413—415.
****) *Дубровинъ*, т. I, ст. 272.

Digitized by Google

«Нѣсколько дней послѣ Инкерманскаго сраженія, Севастополь былъ буквально наполненъ ранеными, которые оставались не только безъ перевязки, но безъ крова и пищи, несмотря на всѣ усилія начальства. Чтобы удалить эту массу раненыхъ и больныхъ, рѣшено было отправить ихъ въ Симферополь... Но и тамъ, по недостатку медицинскихъ средствъ, больные находились въ бѣдственномъ положеніи. Нерѣдко приходилось имъ, по прибытіи въ Симферополь, проводить на повозкѣ полдня и болѣе; затѣмъ, не снимая съ нихъ окровавленнаго платья, ихъ укладывали за неимѣніемъ постелей, на полу, на рогожи или солому Госпитальная прислуга была крайне плоха» *).

Генералъ Тотлебенъ не отличался особымъ мягкосердечіемъ и не былъ врагомъ самодержавнаго правительства, а между тѣмъ вотъ что писалъ и онъ о положеніи раненыхъ:

«Этаповъ не было въ началѣ устроено, а дурныя дороги и неудобныя подводы, недостатокъ докторовъ, фельдшеровъ, перевязочныхъ матеріаловъ, лекарствъ, хирургическихъ инструментовъ, наконецъ, теплой одежды и котловъ для варки пищи производили разрушительное вліяніе на здоровье страждущихъ, въ особенности при перевозкѣ ихъ въ глубокую осень и зиму... Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи транспортъ, высланный 29 октября изъ симферопольскаго госпиталя, въ числѣ болѣе 1500 раненыхъ. Въ транспортѣ этомъ, отправленномъ безъ осмотра врачей, по назначенію однихъ фельдшеровъ, оказались весьма тяжело раненые безъ зимней одежды и обуви, въ окровавленныхъ шинеляхъ и рубашкахъ и даже съ пулями въ тѣлѣ, которыхъ нельзя было вынуть по неимѣнію хирургическихъ инструментовъ. Этотъ транспортъ, испытавъ всевозможныя бѣдствія, прибылъ по назначенію 7 ноября, однако, необходимыя операціи произведены раненымъ уже только въ концѣ декабря».

---

*) Тамъ-же.

Digitized by Google

Но много-ли, спрашивается, осталось въ живыхъ изъ этихъ 1500 раненыхъ, и многимъ-ли изъ нихъ пришлось дѣлать операцію въ концѣ декабря?

На помощь севастопольскимъ раненымъ пріѣхалъ изъ Петербурга знаменитый русскій докторъ Пироговъ, который, благодаря своему необыкновенному искусству и тому вліянію, какимъ онъ пользовался, могъ кое-что сдѣлать для облегченія участи этихъ несчастныхъ, бронеными безъ призора, искалѣченныхъ людей. Въ госпиталяхъ, гдѣ раненые валялись на полу, не было даже свѣжей соломы, чтобы перемѣнить грязную промоченную кровью подстилку. Когда къ Пирогову обратился одинъ изъ царскихъ флигель-адъютантовъ съ вопросомъ «какова теперь смертность между ранеными?».—Пироговъ привелъ его въ сарай, наполненный грязной соломой изъ тюфяковъ, и сказалъ: «Сначала постарайтесь дать намъ чистой соломы, а потомъ ужъ спрашивайте о смертности» *).

Въ такомъ положеніи находилась провіантская и госпитальная часть во время Крымской войны. Правительство не жалѣло, конечно, денегъ во время самой войны, ибо тутъ дѣло шло о его собственномъ спасеніи; Крымская война стоила Россіи 500 милліоновъ рублей; но, во-первыхъ, ничего не было приготовлено заранѣе, а когда вспыхнула война, то многаго уже нельзя было сдѣлать; а во вторыхъ, большая часть этихъ денегъ была разворована царскими чиновниками.

Уже послѣ войны, новый царь Александръ II встрѣтилъ у императрицы доктора Пирогова, который совершенно откровенно высказывалъ ему правду о воровствѣ въ Севастополѣ. «Государь не вѣрилъ, выходилъ изъ себя и говорилъ: *неправда, не можетъ быть!* и возвышалъ голосъ. Пироговъ также возвысилъ голосъ и сказалъ: *правда, государь, когда я самъ это видѣлъ!* «Это ужасно»! воскликнулъ, наконецъ, царь и едва удержался отъ слезъ» **).

---

*) *Дубровинъ*, т. II, стр. 349.
**) *Борсуковъ*, т. XIV, стр. 122.

Digitized by Google

«Жаль добраго и человѣчнаго государя», писалъ изъ Петербурга Погодину нѣкто Савельевъ: «при всѣхъ его добрыхъ желаніяхъ, дѣло не легко поправить. А воровство его чиновниковъ! Говорятъ, въ Николаевѣ онъ ужаснулся. Разсказываютъ, что въ разные банки прислано по нѣскольку милліоновъ денегъ на имя неизвѣстныхъ изъ Севастополя, и о томъ идетъ слѣдствіе *).

«Не внѣшній врагъ насъ побѣдилъ, а внутренній: наши безпорядки, неурядицы отчасти равнодушіе общества къ общему дѣлу», такъ писалъ одинъ изъ свидѣтелей тѣхъ ужасовъ, которые происходили въ нашей арміи въ Восточную войну, Н. Соловьевъ **). А молодой Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ, приглашенный потомъ въ помощники къ Васильчикову, чтобы вести слѣдствіе по воровству въ интендантскомъ вѣдомствѣ, такъ описывалъ наше положеніе во время войны:

«Страшная борьба. На ихъ сторонѣ наука, искусство, талантъ, храбрость, всѣ матеріальныя средства; на нашей только правота дѣла и личное мужество войскъ; остального ничего нѣтъ ***)».

Остального ничего не было у насъ: ни науки, ни искусства, ни денегъ все это было загублено самодержавнымъ правленіемъ. Была только храбрость русскихъ солдатъ, и эти солдаты умирали десятками и сотнями тысячъ, безъ всякого толку. Въ такомъ положеніи трудно было долго воевать, а еще труднѣе было надѣяться на содержаніе побѣды. Послѣ пяти мѣсяцевъ постоянныхъ неудачъ и пораженій стало очевиднымъ, что мы не въ состояніи отбросить непріятеля и не въ состояніи были спасти Севастополь. Севастполь долженъ былъ погибнуть.

Самонадѣянный, ослѣпленный своимъ величіемъ Николай I не могъ вынести такого позора. Когда раскрылись всѣ бѣдствія Крымской кампаніи, и обна-

---

*) Тамъ-же.
**) *Скорбные листы Крымской кампаніи* «Рус. Вѣст.,» 1872 г., № 9.
***) *Борсуковъ*, т. XIII, стр. 180.

Digitized by Google

ружилась вся безнадежность положенія, онъ внезапно умеръ 25 февраля 1855 г..Смерть его осталась загадочной, и многое заставляетъ думать, что онъ самъ принялъ ядъ.

* * *

Новый императоръ Александръ II смѣнилъ главнокомандующаго и вмѣсто князя Меньшикова назначилъ князя Горчакова, но это мало помогло дѣлу: спасти Севастополь было невозможно безъ свѣжихъ войскъ, безъ пороху, безъ правильнаго подвоза провіанта. Горчаковъ попытался было еще разъ отбить осаду и 4 августа далъ сраженіе при рѣчкѣ Черной, но онъ самъ не надѣялся при этомъ идержать побѣду. У непріятеля было вдвое больше войска, и онъ занималъ очень сильно укрѣпленную позицію на Сапунъ-горѣ. Сраженіе было кровопролитное, и мы потеряли около 8 тысячъ солдатъ, но не добились никакого успѣха. Послѣ этого послѣдняго сраженія Горчаковъ писалъ Александру II:

«...Изъ вчерашней депеши вамъ, всемилостивѣйшій государь, извѣстно уже, что наша аттака не имѣла успѣха. На удачу я мало разсчитывалъ, но не думалъ понести столь большого урона... Огромное бомбардированіе, угрожающее Севастополю, вѣроятно, скоро доведетъ насъ до необходимости очистить городъ. Надѣюсь, что въ этой крайности мы не дойдемъ до окончанія моста черезъ бухту. Но вашему императорскому величеству надо быть готовымъ на все».

Къ концу августа 1855 г. разрушенный Севастополь, дѣйствительно, уже не могъ болѣе держаться; 27 августа, послѣ страшной бомбардировки, союзники взяли, наконецъ, приступомъ Малаховъ курганъ; и тогда русскія войска отступили къ сѣверу по мосту, построенному черезъ бухту, а союзники заняли горѣвшій городъ.

Взятіемъ Севастополя война въ сущности уже окончилась. Александръ II, хотя и объявилъ всеобщее

Digitized by Google

ополченіе, но не могъ надѣяться на возможность продолжать борьбу. Начались переговоры о мирѣ, которые тянулись около полугода. Наконецъ, 17 февраля 1855 г. было заключено перемиріе, а 18 марта былъ подписанъ Парижскій договоръ о мирѣ.

Согласно этому договору, Россія вернула Турціи крѣпость Карсъ и другія земли, завоеванныя во время войны въ Закавказьѣ; затѣмъ она обязалась не держать военнаго флота въ Черномъ морѣ *); наконецъ, Россія должна была уступить нѣкоторыя земли при устьѣ Дуная, такъ, чтобы устье Дуная находилось уже не въ ея владѣніяхъ. **)

Такъ кончилось эта бѣдственная для Россіи война 1853—1855 г.г., къ которой привело Россію бѣдственное правленіе Николая I. Народъ всегда дорого платится за плохіе государственные порядки. Во внутреннихъ дѣлахъ онъ платится нищетою и неисчислимыми бѣдствіями рабочихъ массъ, а во внѣшнихъ дѣлахъ— ненужными и кровопролитными войнами. И вотъ, при Николаѣ I Россія заплатила за свое самодержавіе эту дорогую цѣну, точно также, какъ при Николаѣ II она заплатила за свое самодержавіе еще болѣе дорогой и кровавой Японской войной.

---

*) Право имѣть флотъ на Черномъ морѣ и строить тамъ крѣпости Россія вернула себѣ въ 1871 г., во время войны французовъ съ Германіей.

**) Эти земли при устьѣ Дуная были возвращены Россіи послѣ турецкой войны 1877 г., взамѣнъ Добруджи, отданной Румынін.

Digitized by Google

Н. РЯЗАНОВЪ

ДВѢ ПРАВДЫ

НАРОДНИЧЕСТВО И МАРКСИЗМЪ

Очеркъ изъ исторіи русской интеллигенціи

Цѣна 20 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„БИБЛІОТЕКА МАРКСИЗМА"
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1906

Digitized by Google

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

Digitized by Google

Отказываемся ли мы отъ „наслѣдства“

Digitized by Google

Digitized by Google

Предисловіе къ второму изданію.

Представляетъ ли русскій марксизмъ продуктъ „чужеяднаго творчества“ или, наоборотъ, такое же необходимое звено въ развитіи русской общественной мысли, какъ и народничество 70-хъ годовъ? Является ли онъ, какъ думалъ В. Ильинъ, „отказомъ отъ наслѣдства 70-хъ годовъ“ или, наоборотъ, переработкой его и дальнѣйшимъ развитіемъ „основной тенденціи“ революціоннаго народничества?

Отвѣтъ на эти вопросы я старался дать въ своей брошюрѣ, написанной по поводу сорокалѣтія литературной дѣятельности Н. Михайловскаго. Она перепечатывается теперь, безъ всякихъ измѣненій и дополненій.

20 марта 1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

„Должна ли Россія начать съ разрушенія сельской общины, переходя къ капиталистическому строю (какъ хотятъ либеральные экономисты), или, напротивъ, она можетъ усвоить всѣ плоды этого строя, не переживая сопряженныхъ съ нимъ мученій и развиваясь сообразно своимъ собственнымъ историческимъ даннымъ?“ (Марксъ).

Этотъ вопросъ, въ сороковыхъ годахъ расколовшій нашу интеллигенцію на „нашихъ“ и „не нашихъ“, на славянофиловъ и западниковъ, въ шестидесятыхъ годахъ рѣшавшійся въ „замѣчательныхъ статьяхъ“ „великаго русскаго ученаго и критика“, былъ поставленъ на практическую почву въ семидесятыхъ годахъ и наложилъ на нихъ свою яркую печать.

Путы крѣпостного права были порваны. Россія освободилась отъ страшнаго кошмара, мѣшавшаго ея свободному развитію. Она могла теперь начать жизнь на новыхъ началахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ проклятой памяти прошлымъ. Въ ея распоряженіи былъ „лучшій шансъ, когда-либо данный народу исторіей“, чтобы избавиться отъ мукъ и страданій, которыми куплена была западно-европейская цивилизація.

Даже для „несомнѣннаго марксиста“ Положеніе 19-го февраля было лебединой пѣснью стараго процесса производства. Оно мѣшало, по его мнѣнію, приложенію капитала къ землѣ, исполненію его исторической мис-

Digitized by Google

сіи, потому что надѣлило производителей орудіями труда. Конечно, „Положеніе“ имѣло свои недостатки, но все-таки принципъ манифеста, надѣленіе крестьянъ землею, стоялъ въ безусловномъ противорѣчіи съ принципомъ, на которомъ зиждется хозяйственный строй западно-европейскихъ государствъ. Только послѣ этого положенія уже начинается борьба двухъ хозяйственныхъ формъ.

Но, какъ извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда

Прошедшее—прискорбно или мило
Ни личностямъ доселѣ никогда,
Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.

То, что казалось лебединой пѣснью народнаго хозяйства, оказалось „пѣснью торжествующей любви“ капиталистическаго строя, зародившагося и развившагося въ нѣдрахъ не „народнаго производства“, а того соціально-экономическаго уклада, который лучше всего характеризуется названіемъ „капитализмъ на барщинной основѣ“. Положеніе освятило принципъ индивидуальнаго владѣнія орудіями производства и лишь противъ воли допускало существованіе общиннаго владѣнія однимъ изъ нихъ, стараясь, по скольку это возможно было, уничтожить и этотъ остатокъ старины. Оно не надѣлило крестьянъ землею, а, вѣрнѣе, обдѣлило ихъ: въ значительной степени сократило оно ихъ надѣлы и лишило ихъ пастбищъ, лѣсовъ и луговъ, создавъ, такимъ образомъ, всѣ условія для быстрой, „не насильственной“, экспропріаціи крестьянъ. За оставшуюся въ ихъ владѣніи землю оно принудило ихъ платить непомѣрно-большіе выкупные платежи, включавшіе, въ замаскированной формѣ, и выкупъ личной зависимости. Оно создало нищенскій даровой надѣлъ. Sans phrases обезземелило оно около 3 милліоновъ дворовъ и „забыло“ надѣлить землею Уральскихъ горнозаводскихъ рабочихъ.

Пореформенная Россія была, такимъ образомъ, кровнымъ дѣтищемъ, плотью отъ плоти и костью отъ кости,

Digitized by Google

Россіи до 61 года. „Мѣсто“ для капиталистической формы не только „было“: налицо уже имѣлись всѣ условія для пышнаго расцвѣта „западно-европейскихъ порядковъ“. И только этимъ объясняется, что „Податная комиссія“ могла констатировать полное разложеніе крестьянскаго хозяйства—черезъ какихъ нибудь 10 лѣтъ

Но то, что теперь, 30—40 лѣтъ спустя, ясно видно намъ, современникамъ представлялось въ иномъ свѣтѣ. Для нихъ Россія являлась богатыремъ, только что сбросившимъ свои оковы; она могла теперь сознательно выбрать ту дорогу, которая наиболѣе соотвѣтствовала интересамъ народа.

Средь міра дольнаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути.
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую,
Какимъ идти?

Нашему богатырю оставалось „сравнить“ эти „два пути“ и сдѣлать выборъ. А выборъ былъ, казалось, не труденъ. „Тамъ, въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ, землевладѣніе, капиталъ и трудъ отдѣлены другъ отъ друга весьма рѣзко, чѣмъ органическая теорія и удовлетворена. У насъ этого нѣтъ. Подавляющее большинство населенія Россіи состоитъ изъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ. Въ Европѣ обрабатывающая промышленность вся сконцентрирована въ городахъ. У насъ огромная доля ея не отдѣлилась отъ сельской промышленности и не выходитъ изъ деревни. У насъ мужикъ, если и работаетъ на фабрикѣ, то тѣмъ не менѣе имѣетъ свой клокъ земли, къ которому и возвращается лѣтомъ и въ минуты невзгоды. Въ Европѣ этого нѣтъ, потому что и мужика тамъ настоящаго не вездѣ можно сыскать. У насъ безземельный рабочій есть исключеніе, тогда какъ въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ Европы дѣло устроено самымъ органическимъ образомъ и такого явленія, какъ землевладѣлецъ-капиталистъ-рабочій, тамъ давно уже нѣтъ. Вмѣстѣ

Digitized by Google

съ тѣмъ Россія есть страна не развитая, бѣдная капиталами и знаніями. Въ виду всего этого возможны двѣ діаметрально противоположныя политическія программы. Можно требовать для Россіи повторенія исторіи Европы въ экономическомъ отношеніи; отнять у мужика землю и отправить его на фабрики, свести всю обрабатывающую промышленность въ города, а сельскую предоставить мелкимъ или крупнымъ землевладѣльцамъ не-земледѣльцамъ. Такимъ путемъ различныя общественныя функціи обособятся. Но можно представить себѣ и другой ходъ вещей. Можно представить себѣ поступательное развитіе тѣхъ самыхъ экономическихъ началъ, какія и теперь имѣютъ мѣсто на громадномъ пространствѣ имперіи. Это будетъ, разумѣется, опытъ небывалый, но вѣдь мы и находимся въ небываломъ положеніи. Мы представляемъ собою народъ, который былъ до сихъ поръ, такъ сказать, прикомандированъ къ цивилизаціи. Мы владѣемъ всѣмъ богатѣйшимъ опытомъ Европы, ея исторіей, но въ то же время сами только оцарапаны цивилизаціей. Наша цивилизація возникаетъ такъ поздно, что мы успѣли вдоволь насмотрѣться на чужую исторію и можемъ вести свою собственную вполнѣ сознательно,—преимущество, которымъ въ такой мѣрѣ ни одинъ народъ въ мірѣ до сихъ поръ не пользовался", (Н. Михайловскій, сочиненія т. I сс. 806—807).

Наивно, не правда ли? У насъ теперь вошло въ моду—о, мы умудрены опытомъ!—смѣяться надъ семидесятниками за ихъ безумныя попытки „поворотить назадъ колесо исторіи". Но этотъ смѣхъ доказываетъ только безусловную неспособность стать на историческую точку зрѣнія. „Мы", конечно, поступили бы иначе, но, къ сожалѣнію, „насъ" тогда не было, и поколѣнію того времени приходилось рѣшать этотъ вопросъ на основаніи данныхъ своего времени, сквозь призму даннаго историческаго момента. Они не убаюкивали себя оптимистическими надеждами, что „положеніе нашего рабочаго не имѣетъ ничего общаго съ западнымъ про-

Digitized by Google

летаріатомъ, а потому за будущность Россіи нечего бояться“ *). Они были твердо убѣждены, что стоитъ сложить на пустой груди ненужныя руки, и „Россія потеряетъ лучшій шансъ, который когда-либо давала народу исторія, чтобы пройти вмѣсто того чрезъ всѣ роковыя послѣдовательныя измѣненія капиталистической системы“.

Не насмѣшку, не презрительное сожалѣніе, а только глубокую грусть могутъ вызвать слѣдующія слова, въ которыхъ слышится стонъ цѣлаго поколѣнія, погибшаго въ борьбѣ съ неумолимымъ фатумомъ. „Пусть это въ самомъ дѣлѣ роковая ошибка и безполезное безуміе, напрасныя усилія остановить непререкаемый ходъ исторіи, который все равно возьметъ свое и безжалостно измолотитъ все, ему противящееся... въ исторіи вовсе не рѣдки случаи, когда люди бываютъ роковымъ образомъ осуждены на безполезное противодѣйствіе ясно обозначившемуся и далеко подвинувшемуся историческому процессу. И это не изъ упрямства, а по тому же убѣжденію, по которому человѣкъ иногда бросается въ воду спасать завѣдомо не подлежащаго спасенію утопающаго, съ рискомъ самому утонуть“. **)

Они ошибались, но субъективно они были правы. „Das war ein weltgeschichtlicher Irrthum, aber kein persönlicher. Ihr Untergang war daher tragisch“. Эта тра-

---

*) „Спрашивается, гдѣ основанія такого оптимизма? Развѣ европейскій рабочій въ свое время не былъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь еще находится нашъ? И развѣ не прогрессъ промышленности выбилъ его изъ этой колеи? Пусть намъ докажутъ, что европейскій рабочій никогда не былъ собственникомъ земли и орудій производства, самостоятельнымъ хозяиномъ. (Н. Михайловскій. Соч. Т. I с. 695). Характерно, что оптимизмъ этотъ былъ возведенъ въ теорію г. В. В., какъ разъ тогда, когда уже была потеряна всякая надежда на „особый“ путь для Россіи. Н. Михайловскій, сохранившій еще эту надежду, счелъ нужнымъ и тогда возстать противъ этого оптимизма.

**) Н. К. Михайловскій. Литературныя воспоминанія и современная смута I. сс. 345—346.

Digitized by Google

гедія ждетъ еще своего историка и художника. Началась она движеніемъ въ народъ и завершилась пораженіемъ Народной Воли. Въ теченіе двухъ десятилѣтій весь міръ становится свидѣтелемъ единственной во всемірной исторіи геройческой попытки свернуть исторію Россіи съ покрытаго терніями и залитаго кровью безчисленныхъ поколѣній западно-европейскаго пути и направить ее по пути, который долженъ былъ привести ее прямо въ царство свободы, равенства и братства. Man hat sie gekreuzigt und verbannt... und Schweine genannt. И не намъ, воспользовавшимся такъ дорого купленнымъ опытомъ цѣлаго поколѣнія, присоединяться къ многочисленному хору тѣхъ, которые стараются забросить грязью это поколѣніе титановъ.

Мы не будемъ теперь слѣдить за всѣми перипетіями этой исполинской борьбы. Мы отказываемся теперь и отъ соблазнительной задачи прослѣдить отраженіе ея въ такъ называемой легальной литературѣ, хотя волей-неволей намъ придется коснуться этого вопроса. А въ названной литературѣ Н. К. Михайловскій безспорно занимаетъ первое мѣсто. Въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, къ голосу дорогого „профана“ страстно прислушиваются всѣ тѣ, изъ рядовъ которыхъ рекрутировались gekreuzigte und verbannte. Вмѣстѣ съ ними онъ переживаетъ всѣ фазы этого героическаго времени и, послушный зову его, вѣрно отражаетъ въ своихъ статьяхъ всю многосложную исторію бурнаго періода. Но почему же именно онъ явился выразителемъ думъ и стремленій лучшей части нашей молодежи, гдѣ секретъ этой необычайной любви, въ чемъ искать разгадку этой удивительной entente между читателемъ и писателемъ, и гдѣ причина того разрыва, который начался уже въ 80-хъ годахъ и такъ рѣзко обозначился въ 90-хъ?

Мы не намѣрены теперь разобрать всю литературную дѣятельность Н. Михайловскаго. Многаго намъ придется коснуться лишь мимоходомъ. Теперь онъ насъ интересуетъ больше, какъ публицистъ. Но эта сторона

Digitized by Google

его дѣятельности была бы мало понятна безъ маленькой исторической справки.

II.

Литературная дѣятельность Н. Михайловскаго началась очень рано, еще въ 1861 году, но мѣсто одного изъ лидеровъ общественной мысли онъ начинаетъ занимать только съ конца шестидесятыхъ годовъ. Sturm und Drang періодъ нашей литературы „эпохи великихъ реформъ“ закончился въ 1862 году. „Современникъ“, такъ удачно служившій выразителемъ стремленій „крайней лѣвой“, измѣнилъ свою физіономію. „Эпигоны“ далеко не оказались на высотѣ своей задачи.

Великое дѣло освобожденія народа, которому страстно и вѣрно служилъ „Современникъ“ 1857-1862 гг. такъ или иначе было окончено. Попытка увѣнчать зданіе реформъ окончилась пораженіемъ крайней лѣвой. „Современнику“ оставалось только, нутемъ всякаго рода компромисовъ, отстаивать уже „взятое съ жизни“ и бороться, подчасъ въ самой аляповатой формѣ, съ новымъ настроеніемъ среди молодежи. Вѣрный своимъ старымъ традиціямъ, „Современникъ“ продолжалъ удѣлять много мѣста „внутреннимъ вопросамъ“, но все это сдабривалось значительной долей оппортунизма, котораго слѣда не было въ старыхъ статьяхъ Добролюбова и Чернышевскаго. Внимательно слѣдя за западно-европейской жизнью, онъ продолжалъ знакомить русскую публику съ рабочимъ движеніемъ на западѣ и, въ любопытномъ предисловіи къ переводу Лассалевской рѣчи „Объ особенной связи и т. д.“, уже дѣлалъ попытку перелицевать ее на русскій манеръ. На его же страницахъ была сдѣлана попытка вычислить, какъ великъ долгъ народу цивилизованныхъ классовъ. Но „духъ живъ“ отлетѣлъ отъ журнала, и только отдѣльныя личности изъ молодого поколѣнія сохраняли старыя симпатіи къ журналу.

Digitized by Google

Огромная же часть молодежи группировалась вокругъ „Русскаго Слова“. Послѣ крестьянскаго вопроса на сцену явился новый вопросъ, „вопросъ молодого поколѣнія“ и, какъ часть его, „женскій вопросъ“.

Изъ разоренныхъ мелкопомѣстныхъ и среднепомѣстныхъ усадебъ потянулись въ городъ цѣлыми вереницами „подростающія силы“ въ поискахъ за „своимъ хлѣбомъ“. Настало „трудное время“ для „мыслящаго пролетаріата“. Вопросы общественные смѣняются вопросами личными. „Общество“ отходитъ на задній планъ. Оно опять принимается за нѣчто „данное“, къ чему остается только приспособиться, чтобы принести возможно большую дозу пользы при данныхъ условіяхъ.

Вырабатывается особый кодексъ жизни, изъ котораго безпощадно выбрасывается все, хоть сколько нибудь напоминающее отжившую мораль „отцовъ“. Отношенія къ женщинѣ анализируются самымъ тщательнымъ образомъ. „Мыслящаго реалиста“ не занимаетъ вопросъ, имѣетъ ли онъ право на личное счастье. Онъ для него не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дебатируется только вопросъ о формахъ, въ которыхъ оно наиболѣе достижимо съ точки зрѣнія „экономіи силъ“. Вопросъ о народѣ рѣшается очень просто. Мы бѣдны, потому что глупы. Нужно доказать только „убыточность незнанія“. Дайте „мыслящему пролетарію“ накопить достаточное количество „реальныхъ“ знаній, не накладывайте на его плечи бремени долга—и онъ „просвѣтитъ“ глупыхъ, онъ разсѣетъ ту тьму предразсудковъ, которая мѣшаетъ намъ на каждомъ шагу устраиваться раціональнымъ образомъ.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого теченія среди публицистовъ „Русскаго Слова“ явился Писаревъ. Въ статьяхъ блестящаго стилиста рисовался въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ „мыслящій реалистъ“ съ его идеаломъ: „знаніе, любовь и трудъ“. И эти статьи дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, онѣ увлекали молодежь тѣмъ больше, что писались онѣ въ тюрьмѣ. *Жизнерадостная*

Digitized by Google

проповѣдь личнаго счастья раздавалась изъ казематовъ Петропавловской крѣпости.

И тщетны были старанія „Посторонняго сатирика“ доказать, что идеалъ этотъ носитъ чисто индивидуалистическій характеръ, отвѣчаетъ лишь на вопросъ, какъ устроиться на свѣтѣ, чтобы *тебѣ* жилось хорошо. Вокругъ имени Писарева начала уже образовываться легенда. Долго еще молодежь не могла вскрыть въ его блестящихъ проповѣдяхъ-импровизаціяхъ слѣды того умонастроенія, которое, послѣ его смерти, отлилось въ такія отталкивающія формы. Она замѣчала въ нихъ только протестъ противъ устарѣвшихъ формъ жизни, она увлекалась проникавшимъ ихъ оппозиціоннымъ духомъ. Это пестрое смѣшеніе проповѣди индивидуалистическихъ идеаловъ и инстинктивнаго протеста противъ существующаго общественнаго строя—вообще характерно для „Русскаго Слова“. Почти совершенно оставляя въ сторонѣ „внутренніе вопросы“, публицисты „Русскаго Слова“, въ разныхъ формахъ, знакомили молодежь съ соціалистическими ученіями. Буржуазная политическая экономія, даже въ лицѣ ея лучшихъ представителей, подвергалась самой жестокой критикѣ (подчасъ удивительно комичной) будущаго автора „Отщепенцевъ“. А въ статьяхъ П. Ткачева—странная иронія судьбы—молодежь впервые могла познакомиться со взглядомъ, „перенесеннымъ въ нашу литературу, какъ и все, что только есть въ ней хорошаго, изъ литературы западноевропейской. Еще въ 1859 г. извѣстный нѣмецкій изгнанникъ Карлъ Марксъ, формулировалъ его самымъ точнымъ и опредѣленнымъ образомъ“. *)

А рядомъ съ этими двумя журналами незамѣтно

---

*) Примѣчаніе Ткачева: „Вотъ его подлинныя слова: „Вся совокупность отношеній, касательно производства богатствъ (такъ переводитъ Ткачевъ Produktionsverhaltnisse), образуетъ экономическую структуру общества, основной базисъ, на которомъ возвышаются въ видѣ надстроекъ политическія и юридическія отношенія“. Р. С. 1865 г. 12 Библіографическій листокъ с. 31.

Digitized by Google

прозябалъ совершенно невидный библіографическій журнальчикъ „Книжный Вѣстникъ“, гдѣ „другъ-учитель“ Н. Михайловскаго, Н. Ножинъ, въ рецензіяхъ на книги естественно-историческаго содержанія, читалъ отходную соціализму и восторженно привѣтствовалъ анархію, какъ наиболѣе идеальный строй общественной жизни, въ которомъ окончательно исчезнетъ общественное раздѣленіе труда, корень всего зла.

Выстрѣлъ 4 апрѣля 1866 г., выстрѣлъ не „по реформамъ“, какъ это думаютъ наши либералы, а по реакціи, навлекъ на литературу грозу. „Современникъ“ и „Русское Слово“ погибли. За ними скоро послѣдовалъ и „Книжный Вѣстникъ“.

Въ литературѣ, какъ и въ общественной жизни, наступило затишье. Но оно скоро было прервано. Въ 1867-68 г. освобожденную Россію постигъ такой голодъ, котораго она не знала въ самые темные періоды своей крѣпостной исторіи. Это былъ „громъ изъ яснаго неба“. Всполошилось правительство, учредившее комитетъ подъ предсѣдательствомъ будущаго „миротворца“. Назначены были комиссіи для изслѣдованія положенія крестьянскаго хозяйства. Проснулось и „общество“. Либералы, опираясь на „факты“, указывали на необходимость закончить прерванное на время, якобы подъ вліяніемъ крайней лѣвой, дѣло „великихъ реформъ“, заняться положительной работой.

Но особенно потрясающее впечатлѣніе произвелъ этотъ голодъ на молодое поколѣніе. Предъ „разночинцемъ“ и „кающимся дворяниномъ“, съ головой ушедшими въ вопросы личнаго самосовершенствованія, вдругъ развернулась, съ неотразимой наглядностью, картина народныхъ бѣдствій и общаго разстройства.

„Мизерія“ „десяти лѣтъ реформъ“ раскрылась воочію. Она подвергается безпощадной критикѣ. „Слишкомъ очевидны становятся всѣмъ вся пустота либеральныхъ реформъ и безплодность либеральныхъ усилій“. Быстро выясняется „недѣйствительность легальныхъ формъ борьбы“. Начинается оживленное обсужденіе

Digitized by Google

вопросовъ объ отношеніи „личности“ къ „обществу“. Вычисляется „цѣна прогресса“. Народъ, который, казалось, послѣ нѣсколькихъ изолированныхъ вспышекъ замолкъ, довольный матеріальными результатами „величайшей реформы“, опять напомнилъ о себѣ.

Передъ чуткой совѣстью молодежи поднимается вопросъ: а имѣю ли право я, воспитавшійся на деньги народа, заниматься личнымъ самосовершенствованіемъ въ то время, когда этотъ народъ мретъ отъ голоднаго тифа и цынги? На очередь ставится вопросъ, какъ великъ долгъ народу и все поколѣніе приходитъ къ выводу, что оно—неоплатный должникъ народа. Является потребность поближе познакомиться съ этимъ народомъ, изучить его нужды и стремленія. Положеніе народа становится предметомъ тщательнаго изученія. *) Писаревщина отходитъ на задній планъ: изъ фазы развитія общественной мысли она превращается въ фазу индивидуальнаго развитія, изъ широкаго общественнаго теченія, наложившаго свой отпечатокъ на цѣлый періодъ умственной жизни русскаго общества, она превращается въ кружковое, провинціальное. **)

Это броженіе не могло, конечно, не отразиться на литературѣ. Основанное еще въ 1867 г., „Дѣло“, сначала бывшее почти популярно-научнымъ сборникомъ, гдѣ Писаревъ могъ писать только „Очерки изъ исторіи

---

*) Всѣмъ извѣстно, какою громадною популярностью пользовалась въ семидесятыхъ годахъ и даже въ восьмидесятыхъ книга Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“.

**) Еще долго спустя вопросъ о Писаревѣ являлся „больнымъ“, „неразрѣшеннымъ“ вопросомъ. Ему были посвящены пользовавшіяся такой извѣстностью въ кружкахъ саморазвитія статьи Н. Морозова (М. Протопопова) Литературная злоба дня въ Отеч. Зап. 77 г. I и ст. И. Кольцова (печальной памяти Л. Тихомірова). Неразрѣшенные вопросы, „Дѣло“ 81 г. I, въ свое время надѣлавшая много шума. Обѣ статьи противопоставляютъ индивидуальнымъ идеаламъ Писарева общественные идеалы Добролюбова и Чернышевскаго.

Digitized by Google

итальянскихъ народовъ", въ теченіе 1868 г., превращается опять въ живое періодическое изданіе съ сильной революціонной окраской. Первое амплуа занялъ П. Ткачевъ, соединявшій въ своихъ статьяхъ „экономическій матеріализмъ" вульгарнаго пошиба съ крайнимъ якобинизмомъ. Въ своей блестящей статьѣ „Люди будущаго и герои мѣщанства", онъ даетъ легальный прологъ будущей нечаевщины съ ея принципомъ: „цѣль оправдываетъ средства". Недолго продолжалась на этотъ разъ его литературная дѣятельность. Арестованный въ мартѣ 1869 г., онъ на нѣсколько лѣтъ исчезаетъ, чтобы возобновить свою дѣятельность въ 1872 г., но уже какъ авторъ значительно потускнѣвшихъ статей. „Дѣло" окончательно превращается въ органъ провинціальныхъ юношей и дѣвицъ, пугающихъ своимъ радикализмомъ обомшѣлыхъ отцовъ и матерей.

Нѣкоторое время казалось, что руководящее мѣсто въ журналистикѣ перейдетъ къ „Недѣлѣ". Благодаря настояніямъ покойной Е. И. Конради, наиболѣе энергичной и образованной представительницы тогдашняго женскаго движенія, редакція согласилась помѣстить на страницахъ журнала „Историческія письма", незадолго передъ тѣмъ сосланнаго въ Вологодскую губернію, П. Л. Лаврова. Въ своихъ письмахъ, которыя и въ научномъ отношеніи представляли для своего времени выдающееся явленіе, нашъ незабвенный учитель „будилъ въ учащейся молодежи чувство отвѣтственности за невыносимыя страданія народныхъ массъ, доводилъ ея идеализмъ до самой высокой степени и указывалъ ей дорогу дѣятельности": подготовивъ изъ себя борца за народное освобожденіе, идти въ массы, чтобы подѣлиться съ ними своими знаніями и, разъяснивъ имъ причины ихъ невыносимыхъ страданій, звать ихъ на борьбу противъ существующаго порядка. Онъ научилъ молодежь уважать массу, тѣхъ незамѣтныхъ героевъ человѣчества, которые не совершили ни одного яркаго дѣла, но предъ которыми, по историческому значенію, ничтожны величайшіе историческіе дѣятели. „Они хра-

Digitized by Google

нятъ въ себѣ всю возможность будущаго. Въ томъ обществѣ, гдѣ не было бы ихъ, прекратился бы разомъ всякій историческій прогрессъ". И молодежь откликнулась на горячій призывъ. Какъ говоритъ современникъ, „сотни читателей были глубоко захвачены „Историческими письмами": не прошло и года послѣ ихъ появленія въ отдѣльномъ изданіи, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, сталъ формироваться тотъ легіонъ революціонныхъ „борцовъ за прогрессъ", на которыхъ возложилъ всѣ свои упованія усопшій".

Въ той же „Недѣлѣ",—и почти одновременно съ „Историческими Письмами",—печатались историческіе очерки Михайлова-Шеллера, „Пролетаріатъ во Франціи", долго еще послѣ этого служившіе революціонной молодежи единственнымъ источникомъ для знакомства съ французскимъ движеніемъ. Г. Скабичевскій, съ тѣхъ поръ значительно „поумнѣвшій", писалъ апологію Лассаля въ своей статьѣ „Герои голубинаго полета", направленной противъ россійскихъ Шульце-Деличей. Но недолго держалась „Недѣля" на этой высотѣ. Съ уходомъ Конради, редакція перешла къ П. Гайдебурову, въ рукахъ котораго „Недѣля" превратилась въ „гайдебуристый и скучный" журналъ, по временамъ охватываемый маніей сказать непремѣнно „новое слово".

Съ переходомъ „Недѣли" подъ другую редакцію, первое мѣсто, въ рядахъ радикальной печати *), окон-

*) Были, конечно, въ то время и другіе журналы, въ которыхъ старалась найти себѣ убѣжище крайняя лѣвая. Такъ въ томъ же „Женскомъ Вѣстникѣ", который пріютилъ „Растеряеву улицу" Успенскаго, Ткачевъ долженъ былъ излагать свои взгляды на значеніе экономическаго фактора въ статьяхъ о женскомъ вопросѣ, а П. Лавровъ писалъ статьи о господствѣ женщинъ въ папскомъ Римѣ или о французскихъ салонахъ 18-го вѣка и подвергалъ строгому критическому разбору философію Спенсера въ статьѣ по поводу его опыта „Воспитаніе умственное, нравственное и физическое". Какъ послѣдняя статья, такъ и статья того же автора „Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе", напечатанная въ скоро прекратившемся „Современномъ Обозрѣ-

Digitized by Google

чательно переходитъ къ „Отечественнымъ Записками“ (купленнымъ Некрасовымъ въ 1868 г.). Вокругъ этого журнала группируются лучшія литературныя силы, и онъ становится центромъ тяготѣнія наиболѣе отзывчивой и радикальной части нашей молодежи. „Отрицаніе и критика буржуазнаго строя и либерализма... принимаютъ въ немъ крайне острый, напряженный характеръ. Соціалистическія симпатіи съ одной стороны, вопіющіе факты заграничной жизни, ярко иллюстрирующіе „систему наибольшаго производства“—съ другой, безповоротно рѣшаютъ отрицательное ихъ отношеніе къ буржуазному типу общественной организаціи и къ нравственно-политической доктринѣ его — либерализму. Либерализмъ подвергается тщательной критикѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія и по самымъ разнообразнымъ поводамъ... Рѣзкое разграниченіе интересовъ общества отъ интересовъ народа, какъ рабочей массы — вотъ тотъ неизмѣнный основной критерій, съ точки зрѣнія котораго разсматриваются, изслѣдуются и освѣщаются всѣ болѣе или менѣе крупныя общественно-экономическія явленія. Такимъ образомъ, соціалистическія симпатіи, если не соціалистическое міросозерцаніе, служатъ несомнѣнно той высшей инстанціей, къ которой они аппелируютъ всякій разъ, когда представляется затрудненіе при рѣшеніи или постановкѣ той или иной соціальной проблемы“. (Воспоминанія землевольца) *). Мужикъ, народъ сталъ центральной фигурой всего журнала. Нигдѣ не отразилась такъ ярко, какъ въ этомъ журналѣ, идея долга народу. „Она составляла тотъ общій фонъ, на

ніи“, оказали сильное вліяніе на М. Михайловскаго и В. Лесевича, бывшихъ до того времени правовѣрными позитивистами. Но ни эти журналы, ни, основанный разошедшимися съ Н. Некрасовымъ сотрудниками „Современника“ Ю. Жуковскимъ и М. Антоновичемъ, „Космосъ“ не удержались долго на литературномъ горизонтѣ.

*) „Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“ въ ст. Лаврова, Народники 73—78 г.г.

Digitized by Google

которомъ рисовались узоры лирики, беллетристики, критики, философіи, исторіи, экономики и политики". Но и въ этомъ журналѣ всего ярче отразилась эта идея въ статьяхъ Н. Михайловскаго.

III.

Вопросъ „что дѣлать?" былъ рѣшенъ. Нужно работать для народа. Но какъ дѣлать это? Какъ разобраться въ многосложномъ переплетѣ общественныхъ явленій? Какъ отдѣлить истинное отъ ложнаго? Какъ примирить неумолимыя требованія науки съ нравственнымъ чувствомъ отвѣтственности за свое положеніе? Какъ соединить истину и справедливость въ одно неразрывное цѣлое?

Прошлое оставило намъ въ наслѣдство цѣлый рядъ словъ и девизовъ, за которыми, казалось, скрывалось богатое содержаніе. Свобода, равенство и братство, національное богатство, прогрессъ—десятки лѣтъ люди боролись во имя этихъ словъ—и что же? Національное богатство—это только лицевая сторона народной нищеты, свобода оказалась свободой умирать съ голоду, прогрессъ подвигается убійственно медленнымъ шагомъ и покупается такой дорогой цѣной, что невольно является вопросъ: а не лучше ли было бы безъ него? Въ душѣ разгорается „лютая необузданная вражда" къ существующему, все существо охватывается „страстью разрушенія". Не нужно намъ науки, купленной кровью и муками цѣлыхъ поколѣній! „Для насъ мысль дорога только, по скольку она можетъ служить великому дѣлу радикальнаго и повсюднаго разрушенія. Но ни въ одной изъ нынѣ существующихъ книгъ нѣтъ такой мысли. Кто учится революціонному дѣлу по книгамъ, будетъ всегда революціоннымъ бездѣльникомъ". (Бакунинъ).

А, съ другой стороны, „представители либерализма носились съ теоріей органическаго прогресса, медлен-

Digitized by Google

наго постепеннаго развитія. Господа ученые и профессора проповѣдывали молодежи всемогущество науки, которая, сама собою, дѣятельностью своихъ адептовъ, улучшаетъ постепенно общественныя отношенія". (П. Аксельродъ въ статьѣ о Лавровѣ).

Мы имѣемъ предъ собой, доведенныя до крайности, попытки отдѣлить „теорію" отъ „практики". Съ одной стороны, мы получаемъ „практика", человѣка „дѣла" par excellence, чистаго голубя, которому не хватаетъ „змѣиной мудрости", а съ другой—человѣка „слова", „теоріи", которому не хватаетъ не только голубиной чистоты, но и элементарной чуткости, человѣка, не вѣдающаго ни гнѣва на обидящихъ, ни жалости къ обидимымъ. Всякій изъ насъ побывавшій—а кто изъ насъ не былъ?—въ какомъ нибудь кружкѣ молодежи, знаетъ, какъ часто встрѣчаются эти два типа. Рѣдко кто изъ насъ на первыхъ порахъ не ударялся въ одну изъ этихъ крайностей. И то херилъ теорію въ славу дѣла—практики, то дѣло, практику—во славу теоріи, науки.

Всякая такая попытка оторвать „правду—истину" отъ „правды—справедливости", „правду теоретическаго неба" отъ „правды практической земли" всегда чревата опасностями. Мы рискуемъ, вмѣстѣ съ авторомъ „Сущности христіанства", „разсматривать какъ истинно человѣческую дѣятельность только дѣятельность теоретическую" или только дѣятельность „практическую" въ узко вульгарной формѣ ея проявленія и никогда „не понять значенія „революціонной", практически-критической дѣятельности".

И среди семидесятниковъ были люди, которымъ „благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись всегда обидно безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки". „Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю,—говоритъ Н. Михайловскій,—въ сочиненіяхъ котораго наиболѣе ярко отразились стремленія именно этой группы семидесятниковъ,—чтобы

Digitized by Google

нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представляться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію, правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и, въ то же время, охранять и правду-справедливость, правду субъективную—такова задача всей моей жизни. Не легкая это задача".

Задача эта дѣйствительно нелегкая. Дальнѣйшая литературная дѣятельность Н. Михайловскаго показала, что выработанная имъ съ такимъ трудомъ „точка зрѣнія" оказалась не въ силахъ связать правду теоретическаго неба съ правдой практической земли и не одинъ разъ уже заставляла его въ угоду одной жертвовать другой. Но насъ теперь не интересуетъ позднѣйшая фаза его литературной дѣятельности. Михайловскій насъ теперь занимаетъ только, какъ выразитель опредѣленнаго теченія среди молодежи семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ. Этой молодежи онъ былъ дорогъ именно потому, что въ его сочиненіяхъ она находила систему правды, удовлетворяющую поставленнымъ выше требованіямъ.

Какова же эта система правды? Постараемся изложить ее словами ея автора.

Система Правды требуетъ такого принципа, который 1) служилъ бы руководящей нитью при изученіи окружающаго міра и, слѣдовательно, давалъ бы отвѣты на вопросы, естественно возникающіе въ каждомъ человѣкѣ; который 2) служилъ бы руководящей нитью въ практической дѣятельности и, слѣдовательно, давалъ бы отвѣты на запросы совѣсти и нравственной оцѣнки, опять таки естественно возникающіе въ каждомъ человѣкѣ; и который, наконецъ, 3) дѣлалъ бы это съ такой силой, чтобы прозелитъ съ религіозной преданностью влекся къ тому, въ чемъ принципъ системы полагаетъ счастье.

Digitized by Google

Всѣ умственные, всѣ психическіе процессы совершаются въ личности и только въ ней; только она ощущаетъ, мыслитъ, страдаетъ, наслаждается... Всякіе общественные союзы, какія бы громкія или предвзято симпатичныя для васъ названія они не носили, имѣютъ только относительную цѣну. Они должны быть дороги для васъ постольку, поскольку они способствуютъ развитію личности, охраняютъ ее отъ страданій, расширяютъ сферу ея наслажденій. Слова въ родѣ: „общее дѣло", „общественные интересы", „общая польза", отнюдь не должны васъ смущать, потому что подъ этимъ флагомъ часто провозится контрабанда.

Во избѣжаніе самообмана и обмана другихъ, эту безсознательность нужно ликвидировать. Пусть гордые люди либо сами поймутъ и другимъ откровенно скажутъ, чему именно они служатъ, либо изберутъ себѣ другой, высшій предметъ служенія. Этимъ высшимъ предметомъ можетъ быть не красота, не истина, не справедливость, а только человѣческая личность, цѣльная и полная, въ которой всѣ эти отвлеченныя категоріи складываются въ живое единство. Для чисто теоретическихъ областей человѣческой дѣятельности этотъ критерій всегда ясенъ и удовлетворителенъ. Дѣло должно быть поставлено такъ. Умственный процессъ совершается въ предѣлахъ отдѣльнаго человѣка, личности. Предѣлы эти установлены съ одной стороны природой, а съ другой историческимъ ходомъ вещей. Природныя опредѣленія мы вынуждены брать, какъ они есть, не пытаясь ихъ расширить или измѣнить.

Поэтому, прежде всего мы должны выяснить, какія границы положены нашему уму природой. Въ этомъ именно состоитъ то, что обыкновенно называется теоріей познаванія. Вотъ она въ краткихъ чертахъ: человѣку доступна только относительная Правда, животное съ иной организаціей должно понимать вещи иначе. Правда съ точки зрѣнія человѣка не есть что-нибудь, соотвѣтствующее природѣ вещей и обязательное для всѣхъ существъ. Человѣкъ добываетъ элементы Правды

Digitized by Google

при помощи пяти чувствъ, а, будь у него ихъ больше или меньше, Правда представлялась бы ему совсѣмъ иначе. Границъ, отмѣченныхъ перстомъ природы, перешагнуть нельзя.

Правда, добытая всѣми средствами, какія представляютъ эти конечные предѣлы человѣческой личности, есть Правда относительная; но практически она, пожалуй, безусловна для человѣка, потому что выше ея подняться нельзя. Но вотъ историческій ходъ вещей прибавляетъ къ природнымъ опредѣленіямъ, ограниченіямъ человѣческой личности, еще свои особенныя, общественныя. Скажи мнѣ, къ какому союзу ты принадлежишь, и я скажу тебѣ, какъ ты смотришь на вещи. Поэтому, въ сферахъ практическихъ, критерій человѣческой личности, благодаря запутанности отношеній, можетъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ.

Надо найти въ личности такой ея аттрибутъ, такое свойство, которое было бы ей присуще, именно какъ личности и не зависѣло бы ни отъ какихъ случайныхъ опредѣленій. Такой аттрибутъ есть трудъ, цѣлесообразное напряженіе личныхъ силъ.... Такимъ образомъ, для практическаго обихода, да и не только для него, а въ видахъ теоретической ясности мы можемъ поставить въ нашей первоначальной формулѣ вмѣсто личности, ея единственное проявленіе—трудъ, сознательный, цѣлесообразный расходъ силъ. При дальнѣйшемъ разотвлеченіи интересы труда превращаются въ интересы народа. Народъ это такой общественный элементъ, служеніе которому наиболѣе приближало бы насъ къ намѣченной цѣли. Народъ въ смыслѣ не націи, а совокупности трудящагося люда. Трудъ — единственный объединяющій признакъ этой группы людей—не несетъ съ собой никакихъ привиллегій, служа которымъ мы рискуемъ услужить какому нибудь одностороннему элементу: въ трудѣ личность выражается наиболѣе ярко и полно.

Но служить не значитъ прислуживаться. Служить народу не значитъ потакать его невѣжеству или при-

Digitized by Google

лаживаться къ его предразсудкамъ. Мы, „вверху стоящіе, что городъ на горѣ“, мы, богатые теоретическимъ знаніемъ и чужимъ историческимъ опытомъ, должны стать на стражѣ интересовъ народа, охранять ихъ отъ поползновеній завѣдомыхъ враговъ и тѣхъ лицемѣрныхъ друзей, которые желаютъ держать его въ темнотѣ невѣжества.

Къ такому результату мы пришли не рядомъ только холодныхъ логическихъ выводовъ. Въ насъ говоритъ и щемящее чувство отвѣтственности предъ народомъ, неоплатнаго ему долга за то, что, на счетъ его воловьей работы и кроваваго пота, мы дошли до возможности строить эти логическіе выводы. Мы можемъ, поэтому, съ чистой совѣстью сказать: мы—интеллигенція, потому что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой: слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы—чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ. Сердце и разумъ — замѣтьте это сочетаніе. Это не минутная вспышка сантиментальности, не тѣ женскія слезы, о которыхъ говорится въ пѣснѣ, что онѣ, какъ роса: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Еслибъ чувство остыло или охладѣло подъ напоромъ естественныхъ дѣлъ и дѣлишекъ, не поколеблется разумъ, а поколеблется разумъ—поддержитъ чувство.

Мы имѣемъ теперь систему правды, ея обоснованіе и соціально-психологическія предпосылки. Ей трудно отказать въ извѣстной стройности. Всестороннее развитіе личности (цѣлостность недѣлимаго)—трудъ, какъ основная функція личности—интересы труда, какъ интересы личности — интересы трудящихся классовъ, трудящагося люда, народа въ смыслѣ совокупности трудящихся классовъ—вотъ различные звенья теоріи, старающейся связать воедино идеалъ съ дѣйствительностью, отыскать въ самой дѣйствительности такой общественный элементъ, такую общественную группу,

Digitized by Google

которая была бы наиболѣе заинтересована въ осуществленіи предносящагося намъ идеала.

Не трудно указать и составные ингредіенты этой „системы“ правды. Вошелъ въ нее и антропологизмъ Фейербаха *), вошло и ученіе о самоотчуждающейся личности, вошло Лассалевское построеніе идеи рабочаго сословія, перелицованнаго на русскій манеръ**), вошелъ и долгъ цивилизованныхъ классовъ народу, какъ главный импульсъ общественной дѣятельности. Вошли эти элементы большей частью безсознательно для самаго творца системы, объединявшаго ихъ въ одно неразрывное цѣлое. Специфически русская окраска этой комбинаціи заставила забыть ея автора, что всѣ элементы его системы были выработаны западноевропейской мыслью еще до 1844 г. Надо замѣтить, что и, вообще, зависимость нашей литературы отъ западно-европейской гораздо сильнѣе, чѣмъ это кажется иногда нашимъ „самостоятельнымъ“ мыслителямъ. Съ ними часто случается то же самое, что съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Михайловскій. „Нынѣшній молодой человѣкъ уже воспитывается на многомъ изъ того, что въ свое время стоило большихъ усилій и жертвъ. Онъ самъ иной разъ не знаетъ, откуда запала ему та или другая мысль, то или другое чув-

---

*) Чрезъ посредство Н. Чернышевскаго, Н. Добролюбова и П. Лаврова.

**) „Все, что Лассаль говорилъ о рабочемъ сословіи, мы переносили на крестьянство, являвшееся для насъ нашимъ обездоленнымъ „четвертымъ сословіемъ“. Мы особенно близко къ сердцу принимали разсужденія Лассаля о томъ, что рабочій, отдавшійся борьбѣ за интересы своего сословія, другими словами, за свои собственные интересы, совершаетъ этимъ даже высоконравственный актъ, ибо служитъ дѣлу общечеловѣческаго прогресса — такъ какъ въ настоящую историческую эпоху рабочее сословіе является носителемъ прогресса, подобно тому какъ буржуазія была прогрессивнымъ элементомъ въ прошломъ вѣкѣ“. Дебагорій-Мокріевичъ, Воспоминанія. Выпускъ первый, стр. 14—15.

Digitized by Google

ство, и немудрено, что ему иногда кажется, что онъ дошелъ до нихъ вполнѣ самостоятельно, что онъ первый возвѣщаетъ извѣстную истину".

IV.

Въ изложенной нами системѣ былъ, однако, пунктъ, который, еще въ 70-хъ годахъ, вызвалъ ожесточенные споры между г. Михайловскимъ и народниками въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимали тогда (П. Ч. и Юзовъ). Конечно, интересы народа должны служить верховнымъ критеріемъ, „все для народа", но не рискуемъ ли мы въ своей дѣятельности разойтись съ „мнѣніями" народа? Какъ поступить въ такомъ случаѣ? Пойти ли намъ наперекоръ „мнѣніямъ" парода и устроить его жизнь согласно нашимъ „мнѣніямъ" объ его „интересахъ"? Не превратимся ли „мы", такимъ образомъ, въ особую разновидность бюрократовъ, которые будутъ вершить судьбы народа по своему произволу? Не отвернется ли отъ насъ народъ, если мы не будемъ справляться съ его „мнѣніями"? Не лучше ли дѣйствовать согласно съ интересами людей, признанными и выраженными ими же самими, т. е. согласно также съ мнѣніями ихъ?

Этотъ литературный споръ явился отраженіемъ другого спора, кипѣвшаго среди революціонной молодежи. „Все для народа"—на этомъ всѣ сходились. Дальше начинались разногласія. Якобинская формула, „все для народа, но не чрезъ народъ", особенно послѣ злосчастнаго Нечаевскаго опыта, вызывала почти всеобщее негодованіе. Недовѣріе „къ здравому смыслу и волѣ народа", взглядъ на народъ, какъ „на безсмысленную толпу, которою надо командовать", глубоко возмущали молодежь. Нѣтъ! „Все для народа и посредствомъ народа" — одинаково говорили и мирные пропагандисты, и бунтари. Только революція, произведенная самимъ народомъ, имѣетъ шансы на успѣхъ.

Digitized by Google

Нужно лишь разъяснить народу его интересы, привести въ согласіе его „интересы“ съ его „мнѣніями“— и дѣло народной соціальной революціи обезпечено. Объ этомъ должна была позаботиться мирная пропаганда идей соціализма въ средѣ народа. На этой же точкѣ зрѣнія, въ сущности, стояли и бунтари.

Но если мирные пропагандисты признавали возможность не совпаденія „интересовъ“ народа съ его „мнѣніями“, то бунтари шли дальше: они считали идеалы „рабочихъ массъ“ въ Россіи „согласными въ существенныхъ основаніяхъ съ современнымъ соціализмомъ“. „Мнѣнія“ народа находились, по ихъ убѣжденію, въ согласіи съ его интересами. Дѣло шло только о томъ, какъ лучше съорганизовать народъ, и такое средство они нашли въ агитаціи на почвѣ насущныхъ, конкретныхъ, сознанныхъ народомъ потребностей. Такой взглядъ легко было довести до абсурда. Это и было сдѣлано. Въ нежеланіи навязать народу свои мнѣнія нѣкоторые народники договаривались до самыхъ реакціонныхъ вещей.*) Въ легальной литературѣ это теченіе въ различныхъ своихъ фазахъ отразилось въ статьяхъ П. Ч. и Юзова. Послѣдній особенно часто доводилъ до абсурда основную тенденцію стараго народничества. И съ такимъ противникомъ не трудно было справиться. Стоило только придраться къ какому нибудь курьезу, которыми изобиловали статьи автора „Основъ народничества“—и побѣда была одержана, и проклятый вопросъ о согласованіи „мнѣній“ народа съ его „интересами“ оставался опять безъ отвѣта.

Восьмидесятые годы опять поставили его на очередь.

---

*) Среди русскихъ революціонеровъ попадались одно время единичныя личности, которыя не прочь были примириться и съ „народнымъ царемъ“ — во имя „народничества“. Но эта отрыжка славянофильской чепухи улетучилась, кажется, „совершенно въ нашихъ рядахъ“. П. Аксельродъ. Все для народа и посредствомъ народа. Письмо въ редакцію. Вольное Слово. № 19.

Digitized by Google

Горькій опытъ дѣятельности для народа, но не чрезъ народъ, кончившійся такъ трагически, оживилъ старыя народническія традиціи. Ихъ выразителемъ явился Яковенко въ своемъ „Открытомъ пьсьмѣ г. Михайловскому“ С. В. 86 г. II. Это письмо и отвѣтъ Михайловскаго лучше всего разъясняетъ намъ споръ о „мнѣніяхъ“ и интересахъ“.

„Если вы хотите,—говоритъ Яковенко,—въ дѣйствительности служить кому либо или расплатиться съ кѣмъ либо, то вамъ надо дѣйствовать согласно съ интересами этихъ людей, признанными и выраженными ими же самими, т. е. согласно также съ мнѣніемъ ихъ, а не подставлять вмѣсто этихъ послѣднихъ свое собственное пониманіе“. Все для народа и посредствомъ народа! Но что же дѣлать, если „мнѣнія“ этихъ людей не совпадаютъ съ моими „мнѣніями“ объ ихъ „интересахъ“? А какъ много такихъ случаевъ! Опять начать ту же сизифову работу? Продолжать работать для этихъ людей, не встрѣчая въ нихъ ни отклика, ни сочувствія?

И онъ съ тоской обращается къ учителю.

На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

А учитель? Учитель на это отвѣчаетъ ему длиннымъ разсужденіемъ о „ненавидящей любви“. „Если Иванъ любитъ Ѳедору, которая велика, но любитъ ненавидящею любовью, потому что она дура *), то безспорно его положеніе тягостно, онъ герой мучитель-

*) Этотъ непочтительный тонъ по отношенію къ Ѳедорѣ особенно часто встрѣчается у Глѣба Успенскаго. Еще чаще онъ встрѣчается у типическихъ народовольцевъ „перваго призыва“. Это явленіе объясняется естественной реакціей противъ предшествовавшей идеализаціи. Въ то время наши легальные народники по поводу этихъ непочтительныхъ отзывовъ поднимали такой же вопль (напр. ст. „До чего договорился Глѣбъ Успенскій“), какой теперь поднимаютъ по поводу всякой, иногда не основательной, выходки какого нибудь „марксиста“ по адресу крестьянства.

Digitized by Google

ной драмы; но выскочить изъ этой драмы однимъ ловкимъ скачкомъ онъ не можетъ, закрывать глаза на свое положеніе не долженъ, а надо ему разобрать, въ чемъ величіе и въ чемъ дурость Ѳедоры, а затѣмъ направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы уничтожить дурость и усилить величіе. Тутъ, но только тутъ, и драмѣ конецъ".

Ну, а если эта Ѳедора упорно остается дурой, а если она упорно гонитъ отъ себя своихъ пылкихъ поклонниковъ и, время отъ времени, ошарашиваетъ ихъ увѣсистымъ ударомъ, а то и въ управу благочинія препровождаетъ? Но этимъ не смутишь вѣрныхъ ея поклонниковъ. Для ея счастья они готовы отказаться „отъ всѣхъ своихъ самыхъ кровныхъ и дорогихъ интересовъ, даже жизнью пожертвовать, готовы на позоръ, на преступленіе, все что хотите". Но Ѳедора все таки дура и своихъ „мнѣній" измѣнить не хочетъ. Такъ не измѣнить ли намъ pour ses beaux yeux наши мнѣнія? Ни за что! Какъ ни любятъ они Ѳедору, но отказаться ради нея отъ своего „мнѣнія", спуститься до ея уровня— никогда!

„Можно самопроизвольно и, значитъ подъ условіемъ вмѣненія въ позоръ или доблесть, въ грѣхъ или заслугу, отказаться отъ тѣхъ или другихъ своихъ интересовъ ради иныхъ, чужихъ интересовъ, но отказаться отъ своихъ мнѣній—невозможно". А такъ какъ на измѣненіе умонастроенія Ѳедоры очень мало надежды, то остается только признать, что, въ сущности, вопросъ о „мнѣніяхъ" Ѳедоры не такъ уже важенъ. „Не знаю хорошенько, подлинными ли моими словами выражается Яковенко, говоря: „Вы полагаете, что нужно дѣйствовать въ интересахъ народа, а согласно ли это будетъ съ его мнѣніями или нѣтъ, это уже второстепенный вопросъ". Не то что второстепенный, но, во всякомъ случаѣ второй, да, я полагаю".

Михайловскій боится высказаться рѣшительно. Сказать, что вопросъ о „мнѣніяхъ" Ѳедоры не важенъ, значило бы согласиться съ „Все тѣмъ же" (П. Ткаче-

Digitized by Google

вымъ), съ которымъ онъ такъ рѣзко полемизировалъ въ 70-хъ годахъ. Вѣдь нельзя же не признать, что еслибы любовь къ Ѳедорѣ находила въ ея сердцѣ откликъ, то и работа по части превращенія Ѳедоры изъ дуры въ умницу шла бы и быстрѣе, и успѣшнѣе. Но убѣжденіе въ возможности согласить мнѣнія Ѳедоры съ ея интересами, не покидавшее Михайловскаго въ 70-хъ годахъ, уступило мѣсто разочарованію. Если Ѳедора не понимаетъ своего счастья, сдѣлаемъ ее счастливой противъ ея воли. Хочетъ она этого или нѣтъ—это вопросъ второстепенный.

Бѣдная Ѳедора! „Вѣка протекали, все къ счастью стремилось, все въ мірѣ по нѣсколько разъ измѣнилось“, а Ѳедора, которая хоть и велика, но все таки дура, съ глазами, выражавшими безконечное смиреніе, безропотно переносила всяческія муки, покорно позволяла мудрить надъ собою всякимъ московскимъ и петербургскимъ извергамъ. Насталъ наконецъ день освобожденія. Неужели же Ѳедора останется все той же дурой, и вся разница будетъ состоять лишь въ томъ, что прежде ее били и истязали, не справляясь съ ея мнѣніями, а теперь будутъ любить и лелѣять. Чувствуя справедливость этого протеста, Михайловскій спѣшитъ отвѣтить на него. „Какъ бы ни былъ далекъ вашъ идеалъ, ваше мнѣніе отъ мнѣнія народа, для практическаго осуществленія этого идеала необходимо считаться съ мнѣніями заинтересованныхъ. По крайней мѣрѣ необходимо пользоваться каждымъ случаемъ, когда это возможно“. Во всякомъ случаѣ, „мнѣнія заинтересованныхъ должны быть приняты, если не къ исполненію, такъ къ свѣдѣнію“.

Мы видимъ, „кающійся дворянинъ“ заговорилъ языкомъ, который удивительно напоминаетъ языкъ самого нераскаяннаго дворянина. Но, и помимо этого, такой отвѣтъ, конечно, является только пустой отговоркой. А если эти „мнѣнія“ все-таки остаются далеки отъ нашихъ мнѣній, а если принимаемыя къ свѣдѣнію мнѣнія окажутся такого рода, что у васъ зародится „же-

Digitized by Google

ланіе какого-то инстинктивнаго движенія кулакомъ въ эту самую народную массу" *), Ѳедору тожъ? Но кто же эти Иваны, которые любятъ Ѳедору, кто будетъ принимать мнѣніе Ѳедоры, „если не къ исполненію, такъ къ свѣдѣнію", кто устроитъ ея счастье?

Эти Иваны—это „мы" „интеллигенція" „вверху стоящіе, что городъ на горѣ". Мы благополучно вернулись къ очищенному ткачевизму. Вотъ интересный pendant изъ подпольной области: „за эксплуатируемымъ большинствомъ придется признать одинъ очень существенный недостатокъ. Обыкновенно оно представляетъ собой пассивный элементъ. Лишь на короткое время оно превращается въ активный. Можно горько сѣтовать на это, но тѣмъ не менѣе подобная вещь логически (!) необходима... Предъ большинствомъ раскрывается, какъ видите, роковая дилемма: или умереть съ голоду вмѣстѣ съ хищниками или кормить себя и поддерживать роскошную жизнь организованныхъ эксплуататоровъ. Не будь выхода изъ этой дилеммы, было бы изъ за чего отчаяться за судьбу человѣчества! Но счастью, выходъ есть. Какъ меньшинство выработало себѣ особый органъ нападенія и хищничества, современное государство,— такъ и большинство должно выработать себѣ особый органъ, защищающій его интересы и всегда готовый на борьбу съ насиліемъ и эксплуатаціей. Это и есть революціонное меньшинство (въ отличіе отъ меньшинства привилегированнаго и, стало быть, реакціоннаго)... И пустъ не пугаютъ насъ словесными „жупелами": якобинство, диктатура, посягательство на свободное развитіе народа. Болѣе, чѣмъ кто либо, мы увѣрены, что народъ имѣетъ право на истинно человѣческое развитіе; мало того, въ цѣломъ онъ стремится къ болѣе нормальному, болѣе справедливому строю, чѣмъ настоящій... Сила революціоннаго меньшинства именно состоитъ въ томъ, что оно опирается обѣими ногами на основные интересы народа, большинство эксплуатируемой массы...

*) Глѣбъ Успенскій.

Digitized by Google

Большинство вѣчно вращается въ заколдованномъ кругу. Стремясь къ болѣе нормальнымъ условіямъ жизни, оно тѣмъ не менѣе не можетъ выработать въ себѣ достаточнаго активнаго протеста противъ современнаго строя. Ибо выработка активнаго протеста, вообще активнаго чувства общественной дѣятельности, уже предполагаетъ иныя условія жизни большинства. Кажется, отсюда выводъ ясенъ: революціонное меньшинство должно своимъ активнымъ протестомъ и борьбой измѣнить старыя условія и приспособить новыя къ нормальному развитію бильшинства" *).

Не трудно показать всю неосновательность этого разсужденія. Основное положеніе стараго народничества—все для народа и посредствомъ народа—остается во всей своей силѣ. Предоставимъ слово народнику. „Не отрицая того факта, что наша интеллигенція (т. е. *дѣйствительно образованный* слой общества) въ гораздо большей степени, чѣмъ буржуазная интеллигенція Запада, демократична, не мѣшаетъ, однако, обратить вниманіе на два обстоятельства: во 1) искренне демократичная интеллигенція составляетъ всетаки меньшинство въ общемъ составѣ образованной части нашего общества, а во 2) аналогичное явленіе мы встрѣчаемъ и въ исторіи другихъ странъ, въ эпохи борьбы съ абсолютизмомъ... Интеллигенціи, какъ совокупности лицъ, проникнутыхъ исключительно идеальными стремленіями, живущихъ вполнѣ внѣ классоваго антагонизма, не существуетъ... результатъ борьбы за политическую свободу въ громадной степени зависитъ отъ того, какая роль выпадаетъ въ этой борьбѣ на долю именно рабочихъ массъ .... Лозунгъ: „все для націи", даже съ прибавкой: „посредствомъ заинтересованной въ этомъ дѣлѣ части націи", при всей своей внѣшней идеальности, оказывался до сихъ поръ на дѣлѣ прекраснымъ орудіемъ въ рукахъ привилегированныхъ

*) К. Тарасовъ, „Банкротство буржуазной науки" Вѣстникъ Народной Воли. I. ст. 86, 89, 90.

Digitized by Google

классовъ или ихъ руководителей увлекать рабочія массы на дѣло загребанія жара своими руками на пользу первыхъ.... чѣмъ сильнѣе будетъ участіе истинно народныхъ элементовъ въ общемъ составѣ реформирующихъ строй имперіи фактовъ, тѣмъ больше шансовъ отклонить направленіе равнодѣйствующей всѣхъ этихъ преобразовательныхъ усилій въ сторону интересовъ „безграмотныхъ и забитыхъ“**).

Кто же правъ? Теоретически былъ правъ второй, да этого не отрицалъ и его противникъ. Конечно, работа для народа и посредствомъ народа должна быть для насъ идеаломъ. Но что же дѣлать, если этотъ народъ молчитъ? Сложить руки на груди? Послѣдовательный народникъ, ставившій выше всего дѣятельность для народа посредствомъ народа, соглашается скорѣе на политическую бездѣятельность, чѣмъ на сосредоточеніе революціоннаго движенія исключительно въ средѣ интеллигенціи**). Но это легче было сказать, чѣмъ сдѣлать.

Революціонная мысль тревожно искала выхода изъ этого заколдованнаго круга; безъ народа революція ни къ чему не приведетъ, а народъ не хочетъ этой революціи. „Интересы“ его на сторонѣ революціонеровъ, но „мнѣнія“ его шли въ разрѣзъ съ его же интересами. Субъективная логика народа упорно не хотѣла придти въ согласіе съ объективными условіями его существованія, толкавшими его, повидимому, въ сторону соціализма.

Невольно возникали слѣдующіе вопросы: нѣтъ ли въ этихъ объективныхъ условіяхъ такихъ элементовъ, которые служатъ непреодолимымъ препятствіемъ для такого согласованія? Есть ли надежда на измѣненіе въ этихъ объективныхъ условіяхъ? Представляетъ ли этотъ народъ нѣчто однородное? Дѣйствительно ли условія его существованія такъ рѣзко отличаются отъ западно-

---

*) П. Аксельродъ. „Все для народа и посредствомъ народа“. „Вольное Слово“. № 19.

**) ibidem.

Digitized by Google

европейскихъ? Вотъ вопросы, на которые пытается дать отвѣтъ революціонная мысль.

А дѣйствительность давала слишкомъ много фактовъ, шедшихъ въ разрѣзъ со старыми представленіями. Народъ оказался далеко не такимъ однороднымъ, какъ это представляла себѣ интеллигенція. Кулачество и ростовщичество оказались не наноснымъ явленіемъ, не принесеннымъ извнѣ паразитомъ; они выростали изъ народной почвы и питались ея соками. Товарное производство отнимало одну позицію за другой у натуральнаго хозяйства. Община разлагалась; она не только не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, но сама во многихъ мѣстахъ являлась орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми. Подъ этимъ остаткомъ старины скрывалась вполнѣ индивидуалистическая организація хозяйства, изолировавшая одинъ дворъ отъ другого не въ меньшей степени, чѣмъ была изолирована одна община отъ другой. Артель, при болѣе пристальномъ изученіи, тоже оказалось гораздо болѣе пригодной для эксплуатаціи однихъ членовъ артели другими, чѣмъ для солидарнаго введенія хозяйства. „Самобытность“ оказалась плохой защитой и въ борьбѣ съ фабрикой. Приходилось признаться, что капитализмъ сдѣлалъ громадные успѣхи.

Извѣстная статья Ник—она, не смотря на невѣрное объясненіе генезиса русскаго капитализма, воочію показала, что „капиталистическое теченіе видимо переси̇ливаетъ“. Изъ картины пореформеннаго хозяйства, нарисованной Николай—ономъ, неотразимо вытекалъ выводъ, сдѣланный еще Михайловскимъ. „Дождавшись національнаго разрѣшенія національной задачи“, мы, можно сказать, въ ту же минуту настежь отворили свои ворота банкирской и желѣзнодорожной Европѣ. Эта Европа, вторгаясь къ намъ безъ всякаго съ нашей стороны протеста, быстро и цѣпко душитъ задатки нашего оригинальнаго или, пожалуй, если хотите, національнаго экономическаго развитія. Наше недостроенное зданіе не только не мѣшаетъ этому вторженію, а,

Digitized by Google

напротивъ, способствуетъ ему волею и неволею, предоставляя государственныя средства на преувеличенное развитіе частныхъ интересовъ и кладя къ подножію ихъ благосостояніе народа и „національный“ принципъ. А мы, тѣмъ временемъ, все съ гордостью вспоминаемъ, что дождались національнаго рѣшенія національныхъ задачъ! Мало того, ссылаясь на этотъ, такъ сказать, съѣденный молью примѣръ, рекомендуемъ ожиданіе, какъ политическій принципъ, программу! А лѣтъ пятнадцать тому назадъ, это были бы, можетъ быть, разумныя рѣчи. Теперь онѣ запоздали. Апплодируя торжественному вшествію банкирской и желѣзнодорожной Европы, смѣшно до.... до чего хотите смѣшно, запирать двери предъ Европой политической и научной.... ибо, даже признавая разныя гордости г.г. Аксаковыхъ и иныхъ въ принципѣ законными, Европа можетъ обратиться къ намъ словами книги пророка Исаіи: „И ты сдѣлался безсильнымъ, какъ мы! И ты сталъ подобенъ намъ! Въ преисподнюю низвержена гордыня твоя со всѣмъ шумомъ твоимъ; подъ тобою подстилается червь, и черви—покровъ твой!“

Да! Россія становилась подобна Европѣ! Она все больше удалялась отъ того пути, идя по которому она могла бы миновать тернистый путь Западной Европы. Это сознаніе какъ бы удесятерило энергію революціонной интеллигенціи. И вотъ, собравъ всѣ свои силы, „замѣнивъ динамитомъ отсутствіе матеріальной силы и малочисленность борцовъ ихъ безконечнымъ самоотверженіемъ“, она бросилась въ послѣдній смертный бой съ деспотизмомъ, чтобы создать себѣ болѣе благопріятныя условія для своей великой задачи: избавленія Россіи отъ шуйцы капитализма. Деспотизму былъ нанесенъ страшный ударъ. Нѣкоторое время казалось, что онъ побѣжденъ, что онъ собирается уступить, но, убѣдившись, что за кучкой героевъ никто не послѣдовалъ, деспотизмъ оправился и, развернувъ знамя „народной политики“, давши полную свободу хищническимъ инстинктамъ различныхъ эксплуататоровъ, онъ

Digitized by Google

раздавилъ „Народную Волю“ *). Цвѣтъ цѣлаго поколѣнія былъ безжалостно скошенъ.

Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля!

„Идея, отрѣшенная отъ массы“, оказалась безсильной, народъ продолжалъ оставаться глухимъ къ призывамъ тѣхъ, которые остались вѣрны старому знамени. Большинствомъ овладѣли уныніе и разочарованіе, лишь маленькая кучка бросается въ „поиски“ „за точкой опоры для борьбы“ и старается понять причины своего пораженія.

Мы стали подобны Европѣ, но обезсилѣли ли мы отъ этого? Не является ли наше „безсиліе“ источникомъ новой силы? Что говоритъ намъ европейская дѣйствительность? И пытливая революціонная мысль обращается на западъ.

V.

А тамъ, къ началу восьмидесятыхъ годовъ, произошли большія перемѣны. Революціонное движеніе, которое, послѣ распущенія Интернаціонала, казалось, замерло, опять оживаетъ. Нѣмецкая соціалдемократія, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и ошибокъ конца семидесятыхъ годовъ, приняла опять, на Виденскомъ конгрессѣ 1880 г., революціонную программу, а на выборахъ 1881 г. показала, какую непреодолимую силу представляетъ собою пролетаріатъ, проникнутый классовымъ самосознаніемъ. Французскій пролетаріатъ, совершенно обезсиленный послѣ страшнаго кровопуска-

*) Будущій историкъ Россіи долженъ будетъ отмѣтить, что цѣлый рядъ уступокъ и „реформъ“ эпохи „диктатуры сердца“ и „народной политики“ былъ произведенъ изъ подъ палки „Народной Воли“. Когда она была побѣждена, деспотизмъ пересталъ стѣсняться: тогда только реакція начинаетъ праздновать свои оргіи.

Digitized by Google

нія 1871 г., еще въ 1876 г., отвергшій на Парижскомъ конгрессѣ соціалистическія теоріи, присоединяется въ лицѣ своихъ наиболѣе сознательныхъ элементовъ къ марксистской программѣ. Въ Англіи, пролетаріатъ который, по мнѣнію всѣхъ катедеръ-соціалистовъ, былъ навсегда застрахованъ отъ соціалистической заразы, образуется соціалдемократическая федерація, ставящая себѣ цѣлью организовать рабочій классъ въ особую политическую партію. Къ этому же времени относится образованіе соціалдемократическихъ организацій и въ другихъ странахъ. Сѣмена, посѣянныя „доктринерами“ Интернаціонала, пустили крѣпкіе ростки. Всюду пролетаріатъ начинаетъ собираться подъ знаменемъ соціалдемократіи и становится главнымъ оплотомъ всѣхъ прогрессивныхъ стремленій.

Отчего же идеи соціализма, такъ плохо принимавшіяся на россійской почвѣ, пустили такіе прочные корни на западѣ? Почему же европейскій пролетаріатъ оказывается болѣе способнымъ воспринимать эти идеи, чѣмъ пропитанный общинными инстинктами русскій народъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ научный соціализмъ. Болѣе близкое знакомство съ „непрочитанною главою любимой книги“ т. е. философско-исторической частью ученія Маркса и Энгельса показало, что тѣ самые вопросы, которые возникли для Россіи въ восьмидесятыхъ годахъ, ставились въ Германіи уже въ сороковыхъ. И въ Германіи „интеллигенція“, выработавши идеалъ гармонически развитой личности, пришла къ заключенію, что онъ осуществимъ только въ соціалистическомъ обществѣ. И въ Германіи „интеллигенція“ обратилась къ „хижинамъ“, чтобы направить ихъ противъ „дворцовъ“, но „хижины“ не откликнулись на страстный призывъ Бюхнеровъ и Вейдиговъ. И германской интеллигенціи пришлось себѣ поставить тотъ же вопросъ: почему же „мнѣнія“ народа такъ плохо согласуются съ его „интересами“?

И въ то время, какъ демократы то разражались

Digitized by Google

горячими филиппиками по адресу бѣднаго Михеля, то обращались къ „обществу“, молодой Марксъ поставилъ вопросъ иначе: нѣтъ ли въ этомъ угнетенномъ народѣ такихъ элементовъ, которые, самими условіями своего существованія, толкались бы въ ту же сторону, въ какую направляется „интеллигенція“, которые влили бы кровь, дали бы жизнь, „сердце“, тому движенію, головой котораго явился бы высшій продуктъ германской жизни, ея „философія“? И, анализировавъ объективныя условія существованія разныхъ общественныхъ классовъ, Марксъ пришелъ къ заключенію, что этимъ „сердцемъ“ долженъ стать пролетаріатъ. Прослѣдимъ его аргументацію: мы встрѣтимъ въ ней много знакомаго.

„Мы“, „на верху стоящіе, что городъ на горѣ“ подвергли самой безпощадной критикѣ все небесное и земное. Своей критикой религіи мы освободили людей отъ иллюзіоннаго счастья и этимъ заставили ихъ искать счастья въ этомъ мірѣ. Мы поняли, что и земные идеалы являются такими же продуктами самого человѣка, какъ религія и языкъ. Вмѣсто того, чтобы поклоняться разнымъ, созданнымъ имъ же самимъ, идоламъ, человѣкъ выше всего долженъ поставить цѣлостнаго человѣка. Для этого нужно уничтожить общественныя условія, которыя дѣлаютъ изъ человѣка униженное, порабощенное, опустившееся, презираемое существо, и создать вмѣсто нихъ новыя условія, при которыхъ высшимъ существомъ для человѣка явился бы самъ человѣкъ. Этому требованію удовлетворяетъ только соціалистическій строй.

Но сама по себѣ „идея“ безсильна. Она жизненна только тогда, когда является „идеей“ класса, когда она является его сознаннымъ мнѣніемъ или представленіемъ, когда она уже in potentia заключается въ матеріальныхъ условіяхъ существованія даннаго класса. Слѣдовательно, наша философія можетъ перейти въ дѣйствительность, только опираясь на классъ, который представлялъ бы полную утрату

Digitized by Google

всего человѣческаго и могъ бы, поэтому, завоевать себѣ мѣсто въ жизни, лишь снова пріобрѣтая сполна всѣ права человѣка. Сами условія существованія этого класса необходимо измѣняютъ его „мнѣнія“ въ томъ же направленіи, въ которомъ его толкаетъ наша философія. Протестуя противъ условій своего существованія, этотъ классъ протестуетъ тѣмъ самымъ противъ общественныхъ условій, обезчеловѣчивающихъ человѣка. Онъ не можетъ освободиться, не уничтоживъ собственныхъ условій существованія. Онъ не можетъ ихъ уничтожить, не уничтоживъ въ то же время всѣхъ нечеловѣчныхъ условій жизни, всею своею тяжестью падающихъ на него.

Дѣло вовсе не въ томъ, что̀ тотъ или иной пролетарій, а иногда и даже весь пролетаріатъ, „мнитъ“. Дѣло идетъ о томъ, что̀ пролетаріатъ есть и что сообразно этому бытію своему онъ исторически принужденъ сдѣлать. „Мнѣнія“ его только временно могутъ придти въ столкновеніе съ его „интересами“. Онъ не имѣетъ возможности отдѣлить „теорію“ отъ „практики“ и успокоиться въ области „чистаго созерцанія“ или фаталистическаго индифферентизма. Повелительная нужда—это выраженіе исторической необходимости—служитъ для него „категорическимъ императивомъ“, толкаетъ его къ борьбѣ за свое освобожденіе и толкаетъ тѣмъ сильнѣе, что она не есть нужда, вызванная естественными условіями. Наоборотъ, это—нужда, искусственно вызванная, сопровождающая д а н н ы я общественныя условія. Идея отрицанія частной собственности, соціализмъ, находитъ себѣ въ интересахъ пролетаріата прочную опору. Да и какой классъ отнесется болѣе внимательно къ этой идеѣ, если не классъ, принципомъ существованія котораго является отрицаніе этой частной собственности? „Идея“, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ сочувствіе массъ, „мнѣнія“ массы на ея сторонѣ, а, овладѣвъ массами, „идея“ сама становится матеріальной силой. Всякая попытка изолировать ее отъ массы, чѣмъ бы эта попытка не объяснялась, ве-

Digitized by Google

детъ къ ея посрамленію. Нельзя, поэтому, достаточно энергично протестовать противъ такихъ попытокъ.

Посрамленіе „идеи“ не доказываетъ вообще равнодушія массы; оно доказываетъ только, что данная „идея“ не являлась выраженіемъ „интересовъ“ массы и, если являлась, то въ очень недостаточной степени. Не идя къ „сердцу“ массы, она не могла вызвать энтузіазма, а безъ него невозможны великія историческія событія.

„Интеллигенція“, не найдя себѣ сочувствія въ народной массѣ, склонна была отнестись къ ея „мнѣніямъ“, какъ къ второстепенной вещи, относиться къ массѣ, какъ высшій къ низшему. Она забывала, что „мнѣнія“ обусловливаются обстоятельствами, опредѣляются общественнымъ положеніемъ данной массы. Если „мнѣнія“ массы не измѣнялись, то это значило только, что новая „идея“ не находитъ никакой точки опоры въ условіяхъ жизни этой массы: виновата не масса, а „интеллигенція“, обратившаяся не по тому адресу. Поэтому, всѣ филиппики противъ массы свидѣтельствуютъ о недомыслiи „интеллигенція“. Нужно было обратиться съ своей „идеей“ къ людямъ, все жизненное положеніе которыхъ формируетъ ихъ „мнѣнія“ въ направленіи данной „идеи“. Выводъ: чтобы воплотить въ жизнь дорогую намъ „философію“, намъ нужно обратиться съ своей проповѣдью къ пролетаріату. Только онъ заинтересованъ въ осуществленіи нашей „идеи“, такъ какъ она можетъ осуществиться только, когда исчезнутъ условія, порождающія съ одной стороны богатство, буржуазію, съ другой нищету, пролетаріатъ, когда, слѣдовательно, будетъ уничтожена частная собственность. Кому, поэтому, дорога „идея“, тому нужно, въ своей практической и теоретической дѣятельности, выбрать критеріемъ интересы пролетаріата, какъ единственнаго класса, „мнѣнія“ котораго самими условіями его существованія измѣняются въ желательномъ для насъ направленіи.

Уже выработавъ эту „точку зрѣнія“, правильность

Digitized by Google

которой вскорѣ была подтверждена самой нѣмецкой дѣйствительностью*), Марксъ пришелъ къ заключенію, что ключъ къ объясненію дѣйствительности (государственныхъ формъ и правовыхъ отношеній) нужно искать въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Дальнѣйшія изслѣдованія привели его къ выводу, что въ каждую данную историческую эпоху экономическая структура общества составляетъ основу его политической и умственной исторіи. Оказалось, что не только современная эпоха характеризуется борьбою классовъ, но что вся исторія (писанная) была исторіей классовой борьбы. Оказалось дальше, что капиталистическій процессъ производства самъ создаетъ всѣ матеріальные и интеллектуальные элементы будущаго строя и что самая постановка такой задачи возможна была потому только, что на лицо уже имѣлись матеріальныя условія ея рѣшенія. Только теперь борьба классовъ достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый классъ (пролетаріатъ) не можетъ освободиться отъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса (буржуазіи), не освободивъ въ то же время и навсегда всего общества отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы.

Выяснилось такимъ образомъ, что пролетаріатъ не только **долженъ** сдѣлать это, но и **можетъ** это сдѣлать. Болѣе внимательный анализъ экономическихъ условій показалъ кромѣ того, что пролетаріатъ отличается отъ другихъ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ классовъ не степенью эксплуатаціи, а, въ несравненно большей мѣрѣ, ея **формой**. При товарномъ производствѣ, а стало быть и при капитализмѣ, т. е. такой формѣ товарнаго производства, при которой на рынкѣ

*) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода „Deutsch—Französische Jahrbücher“, гдѣ Марксъ впервые развилъ свою точку зрѣнія, вспыхнуло возстаніе силезскихъ ткачей. Оно ясно показало, что только у пролетаріата имѣется „та революціонная отвага, которая бросаетъ своему противнику дерзкій вызовъ: „я ничто и хочу быть всѣмъ“.

Digitized by Google

является специфическій товаръ — рабочая сила человѣка, — только пролетаріатъ борется противъ самихъ основъ эксплуатаціи, потому что товарное производство никого не бьетъ такъ сильно, какъ именно пролетаріатъ. Вѣдь онъ принужденъ жить продажей самого себя, своей рабочей силы, въ то время какъ другіе угнетенные классы — мелкая буржуазія во всѣхъ ея видахъ, крестьянство, ремесленники — ничего не имѣютъ противъ самаго товарнаго производства и, какъ классы, желали бы только устранить условія, ставящія ихъ товары въ неблагопріятное положеніе въ сферѣ конкурренціи.

Важенъ такимъ образомъ не только фактъ порабощенія—порабощены и другіе классы,—несравненно важнѣе его ф о р м а, потому что съ измѣненіемъ этой формы мѣняются и мнѣнія, которыя зарождаются и могутъ зародиться въ головѣ порабощаемаго. Въ то время, какъ „мнѣпія“ мелкой буржуазіи и крестьянства дѣлаютъ ихъ безсознательными (въ лучшемъ случаѣ) союзниками господствующихъ классовъ вопреки, казалось бы, ихъ интересамъ — частная собственность и для тѣхъ и другихъ есть nec plus ultra человѣческой свободы и индивидуальной независимости—„мнѣнія“ пролетаріата, какъ класса, въ историческомъ процессѣ развитія все больше приходятъ въ согласіе съ его „интересами“. Поэтому, „изъ всѣхъ классовъ, которые противостоятъ теперь буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонный классъ. Всѣ прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются съ развитіемъ крупной промышленности: пролетаріатъ же именно ею и создается“. „Движеніе пролетаріата, такимъ образомъ, есть (и становится все больше и больше) движеніемъ огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства“.

Но важенъ не только количественный его ростъ. Массовыя движенія были и раньше. Гораздо важнѣе его „качественный“ ростъ. Въ то время, какъ съ раз-

Digitized by Google

витіемъ капитализма, значеніе другихъ трудящихся классовъ, съ каждымъ днемъ, падаетъ, пролетаріатъ, наоборотъ, становится все болѣе и болѣе важнымъ факторомъ общественной организаціи производства. Въ то время, какъ энергія сопротивленія другихъ угнетенныхъ классовъ разсѣевается по безчисленнымъ точкамъ „общественнаго организма“, энергія пролетаріата концентрируется въ немногихъ, наиболѣе чувствительныхъ, его пунктахъ. Тутъ онъ сбрасываетъ съ себя всѣ „особенности“, — профессіональныя, религіозныя, національныя и т. д.,—и превращается въ одну великую солидарную и сплоченную армію борцовъ за лучшее будущее.

„Точка опоры“ народниковъ, — „народъ“,—съ развитіемъ экономическихъ отношеній, раскалывается на части съ различными интересами (однородное превращается въ разнородное), пролетаріатъ, напротивъ, вступая въ этотъ процессъ, вслѣдствіе различныхъ условій своего генезиса, разъединеннымъ, съ развитіемъ тѣхъ же самыхъ экономическихъ отношеній, превращается въ одно цѣлое съ однородными интересами (разнородное превращается въ однородное). Конечно, и другіе эксплуатируемые классы имѣютъ революціонное значеніе, но они имѣютъ его „лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ *не современные, но будущіе* свои интересы, по скольку они покидаютъ свою точку зрѣнія (т. е. отказываются отъ „мнѣній“, порождаемыхъ въ ихъ головахъ ихъ современными „интересами“) и становятся на точку зрѣнія пролетаріата“. Классовая идеологія пролетаріата (его „мнѣнія“), такимъ образомъ, все болѣе и болѣе становится идеологіей всѣхъ „обремененныхъ и нуждающихся“, и во главѣ великаго освободительнаго движенія человѣчества становится уже не маленькая кучка идеологовъ, критически мыслящихъ личностей, а могучій, проникнутый сознаніемъ своей исторической миссіи, пролетаріатъ.

Digitized by Google

Что же? Теряетъ ли отъ этого „интеллигенція“? Становится ли ея задача менѣе идеалистической? Она „выигрываетъ“ во всѣхъ отношеніяхъ. „Интеллигенціи“, „идеологамъ, возвысившимся до теоретическаго пониманія всего хода историческаго развитія“, не грозитъ уже опасность остаться не понятой и быть раздавленной господствующими классами. Съ нея снимается непосильная для нея задача „стоять на стражѣ интересовъ народа, охранять ихъ“, задача опасная еще тѣмъ, что развиваетъ въ интеллигенціи склонность отдѣлять себя отъ массы, ставить себя надъ ней, смотрѣть на нее, какъ на матеріалъ. „Тяжко быти единому“. Становитесь въ ряды борющагося за свое освобожденіе пролетаріата, помогите, вы богатые знаніемъ и наукой, „восполнить до нѣкоторой степени недостатокъ историческаго опыта“, и вы увидите, какой страшной, непреодолимой силой становится знаніе, наука, заключившіе союзъ съ пролетаріатомъ. И если слова „всестороннее развитіе личности“ не только фраза въ вашихъ устахъ, если это не „плѣнной мысли раздраженье“, то вы поймете, что только эта дѣятельность можетъ ускорить наступленіе общественнаго строя, при которомъ свободное развитіе каждаго станетъ условіемъ свободнаго развитія всѣхъ!

Руководясь въ своей дѣятельности этимъ критеріемъ—интересами пролетаріата, не только какъ онъ есть, но и какъ онъ развивается—вы не рискуете запутаться, вамъ не грозитъ опасность попасть подъ власть пышныхъ фразъ, которыми такъ долго убаюкивала себя демократія. Предоставьте другимъ работать во имя прогресса, истины, справедливости добра, красоты! Слишкомъ часто всѣ эти Schlagworte, какъ говорятъ нѣмцы, служили прикрытіемъ для эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ классовъ.

Но почему же не выбрать критеріемъ интересы труда, трудящихся классовъ? Да просто потому, что трудъ—понятіе, не имѣющее опредѣленнаго ни историческаго, ни соціологическаго смысла, съ нимъ не координируется ни ка-

Digitized by Google

кая опредѣленная система общественныхъ отношеній, это столько же біологическій, сколько и соціологическій терминъ. Трудится крестьянинъ, трудится ремесленникъ, трудится наемный рабочій—отвлекаясь отъ ф о р м ы, въ которой проявляется ихъ трудъ, мы этимъ самымъ отвлекаемся отъ тѣхъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній, при которыхъ и въ которыхъ совершается трудъ. Это—обычная ошибка идеализма, ошибка, въ которую впадаетъ и вульгарный матеріализмъ: онъ такъ поглощенъ сущностью вещей, что не замѣчаетъ или проходитъ мимо ф о р м ъ, въ которыхъ проявляется эта сущность. Она обрекала идеализмъ на безсиліе въ области изслѣдованія природы, она же обрекаетъ его на безсиліе въ области исторіи и соціологіи.

„Вся исторія—это длинный мартирологъ трудящихся классовъ, въ основѣ ея лежитъ насиліе, порабощеніе". Но далеко ли мы уйдемъ, если забудемъ, что это насиліе, втеченіи историческаго процесса, принимало различныя ф о р м ы: однѣ формы увѣковѣчиваютъ это насиліе и превращаютъ человѣческое общество въ пчелиный улей или муравейникъ, другія—вызываютъ и питаютъ протестъ противъ насильниковъ и поработителей. Не менѣе разнообразными являются эти формы и въ настоящее время и, если мы забудемъ ихъ differentia specifica, то мы не поймемъ и differentia specifica тѣхъ міровоззрѣній, которыя складываются на почвѣ различныхъ формъ насилія. За лѣсомъ мы рискуемъ не увидѣть деревьевъ.

Передъ вами мастеръ и его подмастерье, мужикъ и его батракъ—можете ли вы смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто однородное? Мастеръ желаетъ удлинить рабочій день и уменьшить заработную плату, подмастерье—наоборотъ. Но вы захотите, быть можетъ, изъ „трудящихся классовъ" изгнать мастеровъ, имѣющихъ подмастерьевъ и мужиковъ, нанимающихъ батраковъ? Вы оставите только ремесленниковъ одиночекъ и крестьянъ, обходящихся безъ наемнаго труда. Прекрасно. Но мы вѣдь съ вами хорошо знаемъ,—на то мы

Digitized by Google

и соціалисты,—что причина всѣхъ ихъ злоключеній лежитъ въ товарномъ производствѣ, т. е. въ послѣднемъ счетѣ—въ частной собственности на орудія производства. Является ли ихъ *классовымъ интересомъ* уничтоженіе этой частной собственности? Посмотрите на всѣ эти націоналистическія, антисемитскія и клерикальныя партіи,—и вы увидите, съ какимъ трудомъ ремесленники, крестьяне и вообще мелкая буржуазія, отказываются отъ надежды улучшить свое положеніе путемъ сохраненія и укрѣпленія своей частной собственности, какой высокой степени развитія долженъ онъ достигнуть, чтобы перейти на точку зрѣнія пролетаріата *). Попробуйте съ точки зрѣнія интересовъ *трудящихся* классовъ оцѣнить такое явленіе, какъ *кредитъ*, и вы увидите, какъ, при всемъ вашемъ нежеланіи, вы не сможете не стать на мелко-буржуазную точку зрѣнія.

Съ вами мы согласны, что въ обществѣ, расчлененномъ на классы, приходится оставить всякія надежды на „объективное“ изслѣдованіе, что каждый изъ насъ долженъ прямо заявить: „вотъ тотъ родъ людей, которымъ я симпатизирую, въ положеніе которыхъ я мысленно переношусь“, но этотъ „родъ людей“ мы видимъ въ рабочемъ классѣ, въ пролетаріатѣ.

„Субъективныя разногласія,—говоритъ Н. Михайловскій,—сообщеніемъ знаній не устраняются, потому что и порождаются они не различіемъ въ количествѣ знаній, а различіемъ симпатій и антипатій, различіемъ общественныхъ положеній, препятствующихъ людямъ представлять себѣ чужія мысли и чувства въ [формѣ

---

*) Послѣдовательному народнику нужно было только убѣдиться, что мелкая буржуазія можетъ обратиться къ соціализму, лишь отказавшись отъ своей классовой точки зрѣнія, ergo подвергаясь сильному воздѣйствію пролетарской точки зрѣнія, чтобы онъ сталъ соціалдемократомъ. См. ст. Аксельрода „Соціализмъ и мелкая буржуазія“ В. Н. В. кн. 1 и 2.

Digitized by Google

собственныхъ“ *). Это „общественное положеніе“ пролетаріата порождаетъ въ немъ симпатіи и атипатіи, тождественныя съ „нашими“, „его чувства и мысли“ становятся „нашими“. Въ то время, какъ „голосъ“ деревни, народа (трудящихся классовъ), теряетъ свою первобытную гармонію, замѣняясь отчаянною разноголосицей, въ которой все отчетливѣе слышится хрюканье „торжествующей свиньи“, „голосъ“ пролетаріата становится все гармоничнѣе и все больше сливается въ унисонъ съ голосомъ „интеллигенціи“.

И чѣмъ рѣшительнѣе мы будемъ въ своей дѣятельности руководиться интересами только этого класса, тѣмъ скорѣе будутъ созданы условія, при которыхъ можно будетъ устранить „субъективныя разногласія“ и среди „трудящихся классовъ“.

У насъ теперь чрезвычайно расплодились люди, которые любятъ о „честности высокой“ говорить, то бишь о нравственности. Отъ нихъ мы узнаемъ, что Марксъ и Энгельсъ сказали новое слово только въ области соціально экономической, что „по своему философскому и идеалистическому духу Лассаль стоитъ выше Маркса, именно ему (?) принадлежитъ идеалистическое истолкованіе „идеи четвертаго сословія“, именно онъ (?) съ необыкновенной силой показалъ общечеловѣческій характеръ идеи и вложилъ въ нее цѣнное моральное содержаніе“ **).

Опровергать эту хронологическую и логическую нелѣпость не стоитъ. Мы спросимъ только людей, такъ

*) „Сообщеніе свѣдѣній“, конечно, не всесильно: ему на помощь должно придти измѣненіе общественныхъ условій, но одна возможность безпрепятственнаго „сообщенія свѣдѣній“ уже представляетъ очень крупный шагъ на пути къ такому обществу, въ которомъ исчезнутъ „субъективныя разногласія“, порождаемыя различіемъ общественныхъ положеній. А между тѣмъ, однимъ изъ главныхъ препятствій къ достиженію этой возможности служитъ пассивность того же „народа“.

**) Н. Бердяевъ, Борьба за идеализмъ. Міръ Божій, Іюнь 1901 г.

Digitized by Google

много говорящихъ объ отсутствіи морального содержанія въ системѣ Маркса: если борьба за осуществленіе своего идеала, если стремленье связать въ одно неразрывное цѣлое „теорію“ съ „практикой“, „идеалы“ съ „дѣйствительностью“, съ рискомъ „положить душу свою за други свои“ не нравственно, то что же для нихъ нравственно, что въ состояніи удовлетворить ихъ нравственное чувство? Не нравственность ли буржуазіи, высшимъ идеаломъ которой является возможность давать правой рукой такъ, чтобы того не вѣдала лѣвая, нравственность, не видящая ничего безнравственнаго въ самомъ фактѣ существованія людей, дающихъ и получающихъ, людей имѣющихъ возможность давать только потому, что у другихъ все отнимается?

Но идеаломъ пролетаріата и „матеріалистовъ“ является „сытость“, „матеріальное обезпеченіе“! On veux, que les malheureux soient parfaits! И до такихъ архибуржуазныхъ пошлостей договорились тѣ самые люди, которые, на другой страницѣ, признаютъ „матеріалистическое пониманіе исторіи“. Бросьте міръ сытыхъ, а потому не думающихъ о сытости, людей. Идите въ міръ обездоленныхъ труженниковъ, и вы увидите, какая высокая нравственность развивается въ подвалахъ и углахъ, въ которые проникла проповѣдь новаго идеала! Эта нравственность въ корнѣ отрицаетъ всѣ старыя системы морали. Даже лучшія изъ нихъ не видѣли ничего безнравственнаго въ раздѣленіи общества на классы и только старались смягчить его послѣдствія. А пролетаріатъ изъ условій своего существованія создаетъ новую мораль, исключающую возможность смотрѣть на человѣка, какъ на средство.

Рабочій классъ не можетъ не протестовать противъ унаслѣдованной, традиціонной морали. Только онъ въ борьбѣ за свое освобожденіе создастъ условія, при которыхъ человѣкъ перестанетъ быть средствомъ. И что можетъ быть нравственнѣе дѣятельности, направлен-

Digitized by Google

ной на уничтоженіе самой основы всего безнравственнаго, господства одного человѣка надъ другимъ?

Но мы уклонились въ сторону. Не эти вопросы послужили пунктомъ разногласій между нами и „семидесятниками“. Рѣчи о томъ, что соціализмъ ставитъ себѣ идеаломъ „сытость“, были и имъ знакомы. Такъ же, какъ и мы, знали они, что рѣчи эти—„мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій“.

И они,—„die Brust voll Wehmut, das Haupt voll Zweifel,—хотѣли узнать „загадку жизни“, познать міръ, какъ онъ есть. Нѣкоторые быстро рѣшили всѣ эти вопросы, усвоивъ себѣ міросозерцаніе нѣмецкихъ матеріалистовъ пятидесятыхъ годовъ. Другіе, не удовлетворявшіеся такимъ рѣшеніемъ, обратились къ позитивизму, а затѣмъ къ научной философіи *). У насъ и послѣ ею увлекались, но увлеченіе ею въ семидесятыхъ годахъ имѣло совершенно другіе соціально-психологическіе корни: рѣшивъ, что человѣку, по самымъ свойствамъ его организаціи, недоступно объясненіе „загадки жизни“, признавъ, что въ этомъ мірѣ онъ можетъ удовлетвориться истиной для человѣка, семидесятникъ,—плохо ли, хорошо ли,—выяснивъ себѣ вопросы окружающей его дѣйствительности, бросался въ революціонную дѣятельность. Знаній накоплено достаточно, пора ихъ передать народнымъ массамъ! Когда на первый планъ выступила политическая борьба, особенными симпатіями началъ пользоваться Дюрингъ, но и въ немъ „гносеологическая“ сторона его философіи мало интересовала революціонера-семидесятника: больше всего цѣнили „дѣйственный“ характеръ его этики и выдвиганіе на первый планъ „политическаго фактора“.

Что же говоритъ намъ старая правда?

---

*) Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ полемика о „пользѣ философіи“ между П. Никитинымъ (Ткачевымъ) съ одной стороны и В. В., Лесевичемъ съ другой.

Digitized by Google

„Умственный процессъ совершается въ предѣлахъ отдѣльнаго человѣка, „личности“ или иными словами „всѣ умственные, всѣ психологическіе процессы совершаются въ личности и только въ ней; только она ощущаетъ, мыслитъ, страдаетъ и наслаждается“ *).

Это положеніе, въ общемъ, вѣрно, но оно требуетъ значительныхъ дополненій. Дѣйствительно, „мыслитъ“ отдѣльный человѣкъ. Но мысли, которыми онъ оперируетъ, являются ли онѣ е г о мыслями? Нѣтъ. Онѣ общественный продуктъ, ибо и личность наша, нашъ отдѣльный человѣкъ, принадлежитъ къ опредѣленной формѣ общества. Но сама эта общественная форма не есть нѣчто неизмѣнное. Она является продуктомъ исторіи. Правда, эту исторію дѣлаетъ самъ человѣкъ—своимъ умомъ, своей волей, но дѣлаетъ онъ ее въ готовыхъ условіяхъ, сложившихся за долго до его появленія на свѣтъ божій, дѣлаетъ ее своимъ умомъ, но „умомъ“, всѣ составные элементы котораго суть видоизмѣненное отраженіе окружающихъ его условій въ е г о мозгу, полученномъ имъ въ готовомъ видѣ отъ цѣлаго ряда предковъ, дѣлаетъ ее с в о е й волей, но волей, каждое движеніе которой мотивируется, вызывается окружающимъ его міромъ посредственно или непосредственно. Измѣняя „готовыя“ условія, онъ измѣняется и самъ: его нервная организація усложняется, „умъ“ его обогащается, „воля“ его становится содержательнѣе и разнороднѣе, „горизонтъ“ его расширяется и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, вмѣстѣ со всѣми его способностями, развивается и его познавательная способность.

---

*) Повторяя это положеніе, г. Михайловскій не зналъ, что онъ, какъ и Энгельсъ, ставитъ тезисы, понятные только, какъ отрицаніе тезисовъ Гегеля. Слова „только“ протестуютъ противъ Гегелевскаго гипостазированія одной изъ функцій человѣческой личности—мысли—въ формѣ абсолютной идеи. Не трудно было бы доказать, что Гегель отрицательно или положительно имѣлъ большое вліяніе на міровоззрѣніе г. Михайловскаго.

Digitized by Google

Это—способность по самому существу своему *историческая*. Ставить, поэтому, ей предѣлы значило бы поставить предѣлы историческому развитію вообще. Конечно, выскочить изъ условій своего существованія никто не можетъ. Въ своей познавательной способности мы ограничены тѣми средствами, которыя намъ предоставляетъ въ наше распоряженіе данная форма общественной организаціи. Это обстоятельство ставитъ извѣстные предѣлы нашей познавательной способности, но эти предѣлы отодвигаются вмѣстѣ съ развитіемъ общественныхъ отношеній. То, что было недоступно человѣческому уму вчера, становится ему доступнымъ завтра. *Ограниченность человѣческой мысли каждой отдѣльной эпохи устраняется безграничностью историческаго развитія*. Вотъ почему, мы отвергаемъ всякую попытку проводить границу между познаваемымъ и непознаваемымъ, дѣлить міръ на міръ нуменовъ, сущностей и міръ феноменовъ, явленій: для насъ существуетъ только граница между *уже* познанной и *еще* не познанной дѣйствительностью.

Отвѣтъ на наши вопросы можетъ дать только развитіе этой дѣйствительности, иными словами, практическая человѣческая дѣятельность. Вѣдь единственнымъ критеріемъ истинности нашего мышленія является его адекватность данной дѣйствительности, даннымъ отношеніямъ вещей между собою.—Вотъ почему, „вопросъ о томъ, способно ли человѣческое мышленіе познать предметы въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ дѣйствительности, — вовсе не теоретическій, а практическій вопросъ. Практикой долженъ доказать человѣкъ истину своего мышленія, т. е. доказать, что оно имѣетъ дѣйствительную силу и не осганавливается по-сю сторону явленій. Споръ же о дѣйствительности или не дѣйствительности мышленія, изолирующагося отъ практики, есть чисто схоластическій вопросъ“ (Марксъ).

Только получивъ крещеніе опытомъ и практикой, ваша гипотеза, т. е. мысль, не доказавшая еще своей

Digitized by Google

адекватности дѣйствительнымъ отношеніямъ вещей, можетъ превратиться въ научную теорію *). Чѣмъ разнообразнѣе становится человѣческая практика, тѣмъ больше она, подъ вліяніемъ развитія механической и химической промышленности, изслѣдуетъ и возсоздаетъ процессъ образованія различныхъ веществъ, тѣмъ больше выясняется генезисъ всего существующаго, тѣмъ дальше отодвигаются предѣлы таинственнаго. Такимъ образомъ, „все таинственное, все то, что ведетъ теорію къ мистицизму, находитъ раціональное рѣшеніе въ человѣческой практикѣ и въ пониманіи этой практики".

Самымъ крупнымъ шагомъ въ этомъ направленіи явится выясненіе общественныхъ отношеній; съ нихъ долженъ быть сорванъ покровъ таинственнаго, они должны превратиться въ сознательный продуктъ людей, проникшихъ въ тайну своихъ общественныхъ отношеній. Если и теперь цивилизованное человѣчество, не смотря на раздирающую его борьбу классовъ, не смотря на относительно ничтожное число людей, принимающихъ сознательное участіе въ исторической жизни, вырвало столько тайнъ у природы, то во сколько разъ увеличатся его познавательныя силы, если природѣ будетъ противостоять объединенное въ одну великую семью человѣчество, направившее всѣ свои силы на борьбу

*) Теорія всемірнаго тяготѣнія Ньютона и открытіе Жаномъ Леверрье Нептуна, электромагнитная теорія свѣта Максвеля и опыты Герца, теорія происхожденія видовъ Дарвина и позднѣйшія наблюденія надъ измѣненіемъ видовъ подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ, періодическая система элементовъ Менделѣева (Лотара Мейера) и открытія Лекокъ до Буабодрана и Нильсона. Конечно, теоріи эти въ свою очередь могли возникнуть только послѣ того, какъ человѣчество накопило извѣстный опытъ. И тутъ рѣшающее значеніе принадлежитъ „индустріи", практикѣ, техникѣ. Не надо забывать, что „всѣ продукты мысли могутъ вырабатываться лишь при опредѣленныхъ успѣхахъ техники и при опредѣленныхъ продуктахъ творчества общественныхъ формъ". П. Лавровъ, „Опытъ исторіи мысли новаго времени". с. 68.

Digitized by Google

съ ней? Пока человѣчество не развернуло всѣхъ своихъ способностей, съ нашей стороны было бы пошлымъ филистерствомъ подписывать человѣчеству testimonium paupertatis и сказать: Ignorabimus!

Но вы хотите не только доказать свою истину, вы хотите ее сдѣлать достояніемъ всѣхъ людей, вы хотите „вплотить истину въ общественныя формы". И тутъ теорія должна идти рука объ. руку съ практикой. Хорошо зная, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ, мы съ вами, конечно, не забудемъ, что обстоятельства измѣняются л ю д ь м и,—а это часто дѣлаетъ вульгарный матеріализмъ: исторія с а м а дѣлается,—и опять обратимся все къ той же практикѣ: и з м ѣ н е н і е м і р а к о н к р е т н ы х ъ я в л е н і й, п у т е м ъ н а ш е й к о н к р е т н о й п р а к т и ч е с к о й д ѣ я т е л ь н о с т и, д а с т ъ ж и в и т е л ь н ы й т о л ч о к ъ т е о р е т и ч е с к о м у у с в о е н і ю н а ш и х ъ и с т и н ъ. Не будучи дополнена практикой, теорія остается въ области „чистаго созерцанія". „Философы лишь о б ъ я с н я л и міръ такъ или иначе: но дѣло заключается въ томъ, чтобы и з м ѣ н и т ь его" (Марксъ).

Вы направляете свое оружіе критики противъ данныхъ общественныхъ отношеній, вы вскрыли ножемъ своего анализа скрывающіяся въ нихъ противорѣчія, но этого еще не достаточно: „оружіе критики не можетъ замѣнить критики оружія", вы должны, поэтому, революціонизировать эти общественныя условія путемъ устраненія ихъ противорѣчій. Будучи революціонерами въ области теоріи, вы не можете не быть революціонерами въ области практики. Только революціонная дѣятельность не знаетъ обособленія правды теоретическаго неба отъ правды практической земли, только она является настоящей практически критической дѣятельностью. Соціологическая теорія дополняется соотвѣтствующей соціологической практикой.

Но ваша теорія,—скажутъ намъ наши противники,—сосредоточивается только на одной сторонѣ этой обще-

Digitized by Google

ственной жизни, она игнорируетъ всѣ остальныя ея стороны.

Старая басня! Общественная жизнь въ высшей степени сложна, она, какъ вы выражаетесь, имѣетъ чрезвычайно много „сторонъ“. Но исключаетъ ли это для насъ возможность найти въ ней такой центральный пунктъ, откуда можно было бы,—„извнутри“—„освѣтить“ всѣ стороны этой многосложной жизни? Мы, со своей стороны, думаемъ, что этимъ центральнымъ пунктомъ является соціально-экономическая структура общества. Но мы хотимъ не только „понять“ этотъ общественный строй, мы хотимъ измѣнить его. И въ пролетаріатѣ мы нашли ту силу, которая въ состояніи сдѣлать это. Пролетаріатъ и есть тотъ рычагъ, съ помощью котораго „философія“ перевернетъ весь міръ общественныхъ отношеній!

„Гипотеза“ молодого Маркса все больше подтверждается „практикой“. Она дала ему небывалую еще силу предвидѣнія, она служила ему руководящей нитью въ его теоретическихъ изслѣдованіяхъ, она же помогла ему увѣренно разбираться въ сложныхъ явленіяхъ настоящаго, она же дала ему возможность связать въ одно нераздѣльное цѣлое правду теоретическаго неба и правду практической земли. Правда-истина и правда-справедливость, такъ долго жившія въ разладѣ между собою, въ его теоріи соединились въ одну великую, двуединую, правду.

VI.

Новая „точка зрѣнія“ была найдена. Она вполнѣ удовлетворяла поставленному нами условію: она не жертвовала правдой теоретическаго неба въ угоду правды практической земли и наоборотъ.

Но, какъ бы ни была хороша новая идея, для ея болѣе или менѣе массового усвоенія требуются соотвѣтствующія условія. Правда, западно европейскій опытъ все больше доказывалъ правильность точки зрѣнія Маркса. Восьмидесятые годы для Западной Европы были годами неудержимаго развитія соціалдемократіи. Конт-

Digitized by Google

растъ между ними и семидесятыми годами бросался всѣмъ въ глаза. Особенно яркое выраженіе онъ нашелъ себѣ на Парижскомъ международномъ конгрессѣ 1889 г. Онъ какъ бы произвелъ смотръ всѣмъ силамъ соціализма и подвелъ итогъ 11-ти лѣтней дѣятельности со времени 1878 г., когда соціалдемократія могла считаться серьезной силой только въ Германіи, да и то находилась, какъ тогда казалось, на краю гибели. Результаты оказались блестящими. Соціализмъ пустилъ прочные корни во всѣхъ странахъ. Всюду имѣлись болѣе или менѣе значительныя партіи. Только одна страна должна была устами одного представителя (П. Лаврова) констатировать, послѣ очерка исторіи нѣкогда столь славнаго революціоннаго движенія, полный застой—и устами другого (Г. В. Плеханова) выразить надежду, что русскій рабочій классъ дастъ опять возможность Россіи войти въ ряды международной соціалистической арміи.

Эта надежда оправдалась. Парижскій конгресъ далъ, кромѣ того, въ руки пролетаріата всѣхъ странъ, особенно „отсталыхъ странъ", могучее средство для распространенія идей соціализма среди индифферентныхъ рабочихъ массъ—*маевку*. 20 февр. 1890 г., германская соціалдемократія получила на выборахъ около 1,42,000 голосовъ. Противъ проникнутаго классовымъ самосознаніемъ пролетаріата оказались безсильными всякіе исключительные законы. Бисмаркъ, человѣкъ желѣза и крови, вершитель судебъ Европы, олицетвореніе грубой силы и деспотизма, долженъ былъ уйти.

А 1 мая того же года вся Зап. Европа представляла странное зрѣлище. Казалось, что у ея воротъ стоитъ страшный врагъ, готовый все разрушить. Вся полиція на ногахъ. Къ городамъ стянуты войска. Мрачная тишина, какъ предъ грозой. А между тѣмъ день былъ весенній и мирный. Западной Европѣ не угрожало никакое нашествіе. Что же случилось? Послушный постановленію своихъ представителей, пролетаріатъ устроилъ самую мирную манифестацію. Что же приводило въ такой ужасъ буржуазію?

Digitized by Google

„Если бы рабы сосчитали свое число, мы погибли бы“. Но то, что римскимъ оптиматамъ мерещилось только въ минуты пресыщенія жизнью, буржуазіи теперь представлялось ужасающей наглядностью. Рабы капитала въ первый разъ сосчитали свое число и почувствовали, что они—сила, предъ которой оковы капитализма могутъ также мало устоять, какъ цѣпи, которыми холодъ сковалъ живительныя силы природы, предъ горячими лучами майскаго солнца. Чтобы стать этой силой, массамъ нужно было только сознаніе своихъ дѣйствительныхъ интересовъ. И работа просвѣщенія рабочихъ массъ закипѣла какъ никогда прежде.

Началась она и въ Россіи. Выборы 20 февраля 1890 г. и первая маевка имѣли на Россію вліяніе, въ сравненіе съ которымъ блѣднѣетъ вліяніе Интернаціонала и Коммуны. Соціалдемократія являлась уже безспорной, всѣми признанной силой. Научный соціализмъ или марксизмъ скоро долженъ былъ стать моднымъ.

А тѣмъ временемъ, въ Россіи, все быстрѣе, все сильнѣе, развивались условія, благопріятствовавшія усвоенію этого ученія. Практика приходила на помощь теоріи. Русское революціонное движеніе, въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ, умирало и къ концу ихъ, казалось, совершенно замерло. Старая „Народная Воля“ умерла. Правда, она „умерла“, какъ „умеръ“ въ свое время въ Англіи чартизмъ. Она заставила правительство провести цѣлый рядъ „реформъ“ и толкнула его на путь политики, девизомъ которой служитъ: „Enrichissez vous“ (обогащайтесь). Партія, которая хотѣла избавить Россію отъ шуйцы капитализма, отъ буржуазныхъ порядковъ, ускорила, такимъ образомъ, процессъ превращенія нашего государства въ западно-европейское, буржуазное. Россія все больше европеизировалась. Но этимъ самымъ „Народная Воля“ ускорила его грядущую гибель. Способствуя всѣми силами развитію капитализма, государство создавало тѣмъ самымъ и увеличивало тотъ классъ, который явится его могильщикомъ, какъ и могильщикомъ капитализма. Городское, торгово-промышленное

Digitized by Google

населеніе возрастало въ гигантскихъ размѣрахъ, а вмѣстѣ съ нимъ росъ и классъ городскихъ рабочихъ. Стихійное, массовое движеніе росло и ширилось.

Примыкая къ старымъ народовольческимъ кружкамъ рабочихъ, возобновляя старыя, на время прерванныя сношенія, первые адепты соціалдемократіи понесли проповѣдь идей научнаго соціализма въ рабочую среду. Много предразсудковъ и предубѣжденій приходилось имъ преодолѣвать на каждомъ шагу. Работа была не видная, но замѣтная, не дававшая, казалось, никакихъ осязательныхъ результатовъ. Но это только казалось. Тѣ самые эпигоны, которые—такъ не справедливо—относились съ „трансцендентальнымъ презрѣніемъ“ къ такъ называемой „кружковщинѣ“, послѣ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ нашли въ рабочихъ, распропагандированныхъ первыми піонерами соціалдемократіи, дѣятельныхъ сотрудниковъ. А эти условія очень скоро наступили.

Голодъ 1891—92 г.г. нанесъ окончательный ударъ всѣмъ народническимъ предразсудкамъ, ожившимъ въ періодъ реакціи 80-хъ годовъ. Пассивность крестьянства слишкомъ сильно бросалась въ глаза. А ударъ, нанесенный этимъ голодомъ, былъ непоправимъ. Дифференціація крестьянства пошла еще сильнѣе. Остатки народовольцевъ, особенно въ Россіи, все больше проникались новымъ ученіемъ. Ряды его послѣдователей начали быстро увеличиваться. Работа въ средѣ рабочаго класса пошла быстрѣе и интенсивнѣе. И скоро она принесла свои плоды.

Петербургскія стачки 1896—97 г.г. показали, что рабочій классъ въ Россіи представляетъ единственную силу, которая можетъ импонировать абсолютизму и вынуждать его на уступки. А февральскія и мартовскія событія 1901 г., значеніе которыхъ нельзя достаточно высоко оцѣнить, показали всякимъ маловѣрамъ, что рабочему классу дороги не только интересы „ножа и вилки“, но и интересы свободы науки, интересы просвѣщенія и знанія. Русскій рабочій классъ оказался единственнымъ классомъ, который, въ союзѣ съ „нами“,

Digitized by Google

вынесетъ на своихъ могучихъ плечахъ дѣло очищенія Россіи отъ всякой скверны.

Десятки лѣтъ „мы“, „вверху стоящіе, что городъ на горѣ“, старались провести свои идеалы въ жизнь. Но жизнь отвѣтила намъ жестокими преслѣдованіями, а „трудящіеся и обремененные“ упорно не хотѣли откликнуться на нашъ призывъ. Настало наконецъ время, когда „протянутая молодежью рука“ встрѣтила теплое рукопожатіе мускулистой руки милліоновъ рабочаго люда, когда „мы“ почувствовали за собою „тяжелую поступь могучихъ рабочихъ батальоновъ“, а „мы“, во имя старыхъ воспоминаній, старыхъ предразсудковъ, все еще держимся за обрывки старой правды или стараемся напялить на нее новый костюмъ. Какъ будто все, что дорого намъ въ старой правдѣ, не вошло цѣликомъ въ новую, какъ будто новая правда не есть органическое развитіе старой!

Старая правда умерла! Да здравствуетъ новая правда!

Digitized by Google

Заключеніе.

А Михайловскій?

Баронъ фонъ Гринвальдусъ,
Извѣстный въ Германіи,
Въ забралѣ и латахъ
На камнѣ предъ замкомъ,
Предъ замкомъ Амальи
Сидитъ, принахмурясь

. . . . . .

Года за годами
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ —
Баронъ фонъ Гринвальдусъ
Все въ той же позиціи
На камнѣ сидитъ...

При чтеніи статей послѣдняго періода дѣятельности Михайловскаго мнѣ часто вспоминались эти стихи, приведенные имъ когда то для характеристики литературной дѣятельности г. Пыпина. И мы можемъ теперь сказать ему: „Нѣтъ, 15—20 лѣтъ прошли не даромъ, они выяснили не мало ошибокъ и увлеченій, потребовали дальнѣйшаго развитія, новыхъ приложеній — все той же однако, я думаю, основной мысли, которая одушевляла литературу въ періодъ возрожденія... было бы смѣшно засиживаться даже на наиболѣе жизненныхъ сторонахъ старой литературы, оставляя ихъ безъ дальнѣйшаго развитія и разъясненія".

Дальше пункта, котораго г. Михайловскій достигъ въ началѣ 80-хъ годовъ, онъ уже не пошелъ. Ему и тогда удалось ярко и сильно отразить въ литературѣ

Digitized by Google

стремленія тѣхъ, которые признавали, что „нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантій". Это было для него „настоятельнѣйшимъ требованіемъ нашей жизни; требованіемъ столь настоятельнымъ, что безъ его удовлетворенія всѣ добрыя намѣренія даже самихъ народниковъ должны расплыться въ мірѣ прекрасныхъ словъ и мечтаній". Онъ уже признавалъ, что „возможность непосредственнаго перехода къ лучшему высшему порядку, минуя среднюю стадію своего развитія, стадію буржуазнаго государства... убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа усложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства".

Михайловскій никогда не былъ безусловнымъ защитникомъ нашей общины, а теперь ему „становится даже неловко за В. В. когда этотъ „вполнѣ добросовѣстный, но узкій и односторонній работникъ", свои благожелательныя фантазіи подставляетъ на мѣсто суровой и неприглядной дѣйствительности". Онъ знаетъ, что „деревня раскалывается на два слоя, выдѣляя богатыхъ кулаковъ, держащихъ подъ своей грубой пятой остальное населеніе деревни: что это послѣднее утрачиваетъ „самостоятельное положеніе въ производствѣ". Но онъ не въ состояніи понять всего историческаго значенія населенія, лишеннаго „самостоятельнаго положенія въ производствѣ".

И въ душу стараго борца вкрадывается скептицизмъ. Онъ перестаетъ вѣрить въ будущее, въ „лучшій высшій порядокъ". Его раздражаетъ эта увѣренность въ другихъ, и онъ разражается по адресу увѣренныхъ слѣдующей тирадой: „Относительно будущаго, Марксу (можетъ быть вмѣстѣ съ Энгельсомъ) принадлежитъ предвидѣніе или проницаніе исхода капиталистическаго строя. Оправдается оно или нѣтъ, — по-

Digitized by Google

кажетъ намъ будущее, но такъ какъ ничего подобнаго исторія человѣчества не видала до сихъ поръ, то во всякомъ случаѣ не на данныхъ историческаго опыта и исторической науки можетъ это пророчество опираться... До сихъ поръ историческая дѣйствительность еще нигдѣ и никогда не давала намъ такого завершенія капиталистическаго строя. Это — идеалъ, который одни считаютъ сбыточнымъ и прекраснымъ, другіе — не сбыточнымъ или совсѣмъ не хорошимъ. Это дѣло вѣры, которая по извѣстному, совершенно справедливому опредѣленію, есть увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, и въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ. Такова общая участь всѣхъ идеаловъ, и я не противъ нихъ. Конечно, потому что безъ нихъ жизнь не полна, пуста и темна".

И до этого, чисто филистерскаго, взгляда на идеалы дошелъ тотъ самый писатель, который когда-то написалъ такія прекрасныя строки объ идолахъ и идеалахъ. Напомнимъ ему его же слова: „Идолы — предметы поклоненія, ужаса, обожанія, причемъ твердо сознается невозможность сравняться съ ними, достигнуть ихъ величія и силы. Идеалъ, напротивъ, есть нѣчто для человѣка практически обязательное: человѣкъ желаетъ и чувствуетъ возможность достигнуть того или другого состоянія... Возможность достиженія извѣстной комбинаціи вещей собственными человѣческими средствами составляетъ ихъ необходимое условіе. Извѣстный идеалъ можетъ быть сознанію человѣка недостижимъ ни сегодня, ни завтра, можетъ быть цѣлый рядъ поколѣній долженъ уложить къ нему путь своими костями, но во всякомъ случаѣ онъ близокъ, родствененъ человѣку: человѣкъ признаетъ для себя обязательнымъ и возможнымъ итти, приближаться къ нему". Такимъ образомъ, „лучшій, высшій порядокъ" изъ идеала близкаго, родственнаго человѣку остался правда, „чѣмъ-то прекраснымъ, но недостижимымъ, чужимъ, на что можно только любоваться". „Конечно, вещь хорошая, и я не противъ нихъ, безъ нихъ жизнь не полна и темна".

Digitized by Google

А дальше выводъ не трудно сдѣлать, и онъ былъ сдѣланъ. „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ недостижимому, къ „дальнему“, не лучше ли присмотрѣться къ „ближнему“. На свѣтѣ такъ много страданія и горя! Забудемъ ли мы все это для какого-то далекаго будущаго, которое можетъ быть никогда не настанетъ? И, оставшійся „безъ дороги“, писатель, усомнившійся и въ цѣли, куда во время оно вели два пути, совѣтуетъ теперь Наташѣ, какъ Соломинъ Маріаннѣ, заняться „любовью къ ближнему“.

У насъ много говорили за послѣднее время о „наслѣдствѣ“ и о томъ, кто отказывается отъ него. Мы думаемъ, что если бы этотъ вопросъ былъ подвергнутъ болѣе тщательному пересмотру, оказалось бы, что отъ него отказываются, а то и промотали, очень часто, сами обвинители. Тогда не трудно было бы также понять, почему въ рѣчахъ „отказавшихся“ такъ часто слышится „насмѣшка горькая обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“.

Іюль—Августъ 1901 г.

Digitized by Google

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“

Л. Памирцевъ.

ВОЙНА И ДУМА

ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

Digitized by Google

Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингофскій пр., д. № 10—19.

Digitized by Google

Война и Дума.

I.

Только что опубликованъ Высочайшій Манифестъ о прекращеніи войны и заключеніи мира. Кончилась, такимъ образомъ, одна изъ самыхъ ужасныхъ и кровопролитныхъ войнъ, какія только извѣстны въ исторіи. Вздохъ облегченія вырвался изъ милліона грудей. Но прекращеніе войны не означаетъ возвращенія къ тихому и мирному существованію. Много воды утекло въ теченіе тѣхъ 20 мѣсяцевъ, пока гремѣли пушки на Дальнемъ Востокѣ, и русская жизнь измѣнилась съ тѣхъ поръ до неузнаваемости. Война происходила въ далекой Манчжуріи, за 10000 верстъ отъ коренной Россіи, но это огромное разстояніе не помѣшало ей оставить послѣ себя неизгладимые слѣды въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ Россіи. Какъ молнія, порожденная въ глухую ночь невидимой тучей, освѣщаетъ все небо,—такъ и война своимъ неуловимымъ дыханіемъ пронеслась надъ всей Россіей; для многихъ это дыханіе оказалось смертельнымъ, другихъ оно возродило къ новой жизни.

Мы не беремся перечислить всѣхъ послѣдствій, оставленныхъ войною, да для этого не настало еще время. Но одно изъ нихъ сразу бросается въ глаза: это—Высочайшій указъ 6 августа о созывѣ Государственной Думы. Дума—это дитя войны, война указала, что нельзя народъ держать въ полной неизвѣстности относительно того, что творится на верши-

Digitized by Google

нахъ государства; отнынѣ „излюбленные, довѣріемъ народа облеченные“ люди приглашаются принять участіе въ государственной дѣятельности.

И передъ будущей Думой сразу же встаетъ огромная и трудная задача: необходимо исправить то зло, которое причинила война. Но народъ ждетъ не только помощи отъ бѣдствій, созданныхъ войной; пораженный ея ужасами, онъ жадно и подчасъ совершенно безуспѣшно допытывается узнать, какъ могла разразиться эта губительная война, какія причины навлекли на Россію это ужасное бѣдствіе. И онъ съ тревогою и надеждой смотритъ на будущую Думу: въ силахъ ли она предохранить его на будущее время отъ повторенія такихъ безумныхъ катастрофъ?

Эти три вопроса мы и постараемся разсмотрѣть въ предлагаемой статьѣ.

Сначала мы разскажемъ, какъ возникла война, какія причины вызвали ее, и какъ на почвѣ войны зародилась въ народѣ мысль о необходимости обновленія всей русской жизни.

Затѣмъ мы разскажемъ о томъ, какое разстройство внесла война въ хозяйственную жизнь страны, и о томъ, можетъ ли Дума залѣчить эти народныя раны.

И наконецъ, мы поставимъ передъ собой вопросъ: можетъ-ли Дума предохранить насъ отъ новыхъ войнъ. Здѣсь намъ придется коснуться тѣхъ общихъ причинъ, которыя вызываютъ современныя войны

II.

Изъ-за чего возникла война?

На этотъ вопросъ годъ тому назадъ, навѣрное, не въ силахъ были бы отвѣтить цѣлые милліоны русскихъ людей. Большинство тѣхъ солдатъ, которые въ первыя мобилизаціи садились въ вагоны, чтобы ѣхать въ Манджурію, навѣрное, даже не знали раньше, что существуетъ страна, называемая Японіей; о причинахъ же этой внезапно вспыхнувшей войны они тѣмъ болѣе не могли имѣть никакого представленія. На другой день послѣ объявленія войны мнѣ пришлось услышать отъ встрѣчнаго крестьянина на улицѣ вопросъ: „какъ же это такъ? все было тихо, спокойно, а вдругъ—война! да съ

Digitized by Google

чего же это?" И, навѣрное, тотъ же вопросъ и съ тѣмъ же недоумѣніемъ и растерянностью повторяли многія тысячи тѣхъ крестьянъ и рабочихъ, которые садились въ знаменитыя „теплушки", чтобы больше уже не возвращаться въ родныя семьи. И, навѣрное, многіе изъ нихъ съ тѣмъ же недоумѣніемъ шли подъ первые выстрѣлы и ложились тамъ, въ городахъ Кореи и Манджуріи, чтобы уснуть вѣчнымъ сномъ въ никогда не извѣстной имъ странѣ.

Война, конечно, немедленно же вызвала массу толковъ среди народа. И опять какою страшною безпомощностью въ объясненіи этого огромнаго, кровно затрагивающаго всѣхъ событія вѣяло отъ этихъ разговоровъ! Одинъ ямщикъ объяснялъ въ пути моему знакомому: „изъ-за чего война? Давотъ, видишь ли ты, есть въ Артурѣ на берегу моря большая гора, вся изъ золота, такъ „Золотой" и прозывается, и вотъ теперь между японцами и нашими и идетъ изъ-за той горы споръ— кто кого пересилитъ". Эти наивныя слова лучше всякихъ разсужденій показываютъ намъ, какъ далеки были мысли народа отъ тѣхъ манджурски-корейскихъ приключеній, которыя завершились такой кровавой развязкой. Безъ преувеличенія можно сказать, что по крайней мѣрѣ 100 милліоновъ русскаго народа еще наканунѣ войны не имѣли ни малѣйшаго представленія о существованіи „японскаго" вопроса, самой Японіи.

Но изъ-за чего же, въ самомъ дѣлѣ, возникла война?

Съ внѣшней стороны, факты, которые предшествовали войнѣ, не сложны. Въ 1895 году Японія разбила Китай, завладѣла Кореей и получила отъ Китая въ вѣчное владѣніе весь Ляодунскій полуостровъ, съ Портъ-Артуромъ. Но черезъ мѣсяцъ Россія, вмѣстѣ съ Германіей и Франціей, потребовала отъ Японіи, чтобы она отказалась отъ Портъ-Артура и возвратила его назадъ Китаю. Японія еще не имѣла въ то время большого войска и флота —и должна была смириться передъ волею Россіи,—Портъ-Артуръ былъ возвращенъ Китаю. Но недолго онъ оставался въ его рукахъ. Въ благодарность за услуги, оказанныя Россіей, Китай долженъ былъ вскорѣ же не только отдать его Россіи, но и разрѣшить послѣдней постройку желѣзной дороги черезъ Манджурію. Въ 1900 году, во время китайской смуты, Россія, подъ предлогомъ охраны этой желѣзной дороги отъ китайцевъ, ввела въ Манджурію

Digitized by Google

свои войска и фактически завладѣла ею. Японія потребовала отъ Россіи очищенія Манджуріи. Россія обѣщала сдѣлать это къ 8 октября 1903 г., но обѣщанія своего не исполнила. Болѣе того—утвердившись въ Манджуріи, она стала угрожать оттуда сосѣдней Кореѣ, гдѣ въ это время хозяйничали японцы. Въ 1903 г. образовалось богатое общество, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ государства—Безобразовъ,—и оно, не взирая на протесты Японіи, принялось вырубать богатые корейскіе лѣса для продажи; обществу были посланы для его защиты военные отряды. Такимъ образомъ русскіе солдаты вступили въ Корею. Все это сильно встревожило Японію, которая имѣла свои виды на Корею, и она снова вступила въ переговоры съ Россіей, требуя отъ нея, чтобы та отказалась отъ лѣсныхъ промысловъ въ Кореѣ и вывела свои войска изъ Манджуріи. Переговоры эти тянулись нѣсколько мѣсяцевъ. Безобразовъ съ компаніей продолжали хозяйничать въ корейскихъ лѣсахъ. Тогда Японія прервала переговоры и начала войну. Война тянулась 20 мѣсяцевъ. Россія была разбита на сушѣ и на морѣ. Согласно условіямъ мира, она отказалась теперь въ пользу Японіи отъ Портъ-Артура, обязалась вывести свои войска изъ Манджуріи и признала вліяніе Японіи въ Кореѣ. Изъ хода этихъ событій видно, что не только въ теченіе войны, но и раньше, цѣлыхъ 10 лѣтъ назадъ, подрядъ, Россія и Японія вели упорную между собою борьбу изъ-за Китайской Манджуріи и Портъ-Артура. Зачѣмъ имъ понадобилась эта чужая земля? Какую цѣнность она представляетъ для Россіи? Зачѣмъ нужно было тратить сотни милліоновъ рублей на постройку желѣзной дороги въ чужой странѣ, сооружать тамъ огромныя крѣпости, держать для защиты береговъ огромный, дорого стоящій флотъ и, наконецъ, везти туда на кровавый бой сотни тысячъ крестьянъ и рабочихъ, оторванныхъ отъ мирнаго труда?

Если мы обратимся къ газетамъ прошлаго года, то найдемъ въ нихъ много разсужденій о томъ, почему намъ нужна эта война. Однѣ увѣряли, что она необходима для того, чтобы заставить язычниковъ—китайцевъ и японцевъ—принять христіанскую вѣру. Почему для обращенія въ христіанство необходимо везти сотни тысячъ вооруженныхъ солдатъ и тысячи огромныхъ пушекъ,—объ этомъ ревнители христіанства благо-

Digitized by Google

разумно умалчивали. Другіе—и ихъ былс всего больше среди защитниковъ войны—утверждали, что для Россіи необходимо какъ можно скорѣе завладѣть всей Манджуріей, Кореей и Китаемъ, а нужно это для того, чтобы русскіе купцы и фабриканты могли продать корейцамъ и китайцамъ свои товары. Они говорили, что русская промышленность разоряется, русское населеніе нищаетъ, покупаетъ очень мало, и вотъ поэтому необходимо поскорѣе завладѣть новыми странами и заставить жителей этихъ странъ покупать товары у русскихъ промышленниковъ. Они утверждали, что Дальній Востокъ представляетъ собою огромный рынокъ, на которомъ съ каждымъ годомъ будетъ расходиться все больше и больше русскихъ товаровъ; что необходимо поэтому поскорѣе завладѣть рынкомъ, пока его не захватили въ свои руки японцы или англичане.

Мы не будемъ сейчасъ разсуждать о томъ, насколько справедливо, чтобы ради сбыта фабричныхъ товаровъ русскіе крестьяне и рабочіе отправлялись за 10000 верстъ избивать японскихъ крестьянъ и рабочихъ; постараемся выяснить себѣ пока лишь одно—дѣйствительно ли можно было ожидать, что корейцы и китайцы готовы обратиться въ покупателей нашихъ товаровъ. Посмотримъ, какъ развивалась наша торговля на Дальнемъ Востокѣ. Въ 1901 году Россія привезла въ Китай моремъ товаровъ на 1366 тыс., въ 1902—на 944 т., въ слѣдующемъ—еще меньше. Во всѣ китайскіе порты въ 1896 году пришло изъ Россіи только 66 судовъ, между тѣмъ какъ изъ Англіи ихъ пришло 19711, изъ Японіи—546. Въ Корею Россія ввезла товаровъ: въ 1900 г.—на 117 т. рублей, въ 1901 г.—на 26 т., въ 1902 г.—на 19 т., а японцы—больше 8 милліоновъ. Между тѣмъ, для постройки одного Портъ-Артура пришлось истратить до 100 милліоновъ рублей. Стоило ли бросать такія огромныя деньги только для того, чтобы какой-нибудь московскій фабрикантъ могъ спустить на нѣсколько тысячъ рублей свои залежавшіеся товары? Такимъ образомъ, мы видимъ, что торговля наша съ Китаемъ и Кореей не только не развивалась, а, наоборотъ, падала и какъ разъ въ тѣ годы, когда русскія войска стояли въ Манджуріи. Въ одной газетѣ съ торжествомъ указывалось на то, что за одинъ 1899 годъ изъ Одессы было вывезено вообще на Дальній Востокъ товаровъ на сумму 32 милліона. Но посмотримъ

Digitized by Google

сначала, что это были за товары. Большей частью это были матеріалы для постройки желѣзной дороги, для сооружаемыхъ огромныхъ крѣпостей въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ. Всѣ эти товары оплачивались изъ Петербурга и такимъ образомъ, расширеніе нашей торговли съ Китаемъ и Кореей нисколько не свидѣтельствовали. Особенно было любопытно, что изъ этихъ 32 милліоновъ около $1^1/_2$ милліоновъ приходится на долю ликеровъ, $^1/_2$ миліона—на долю вина въ бутылкахъ, простой водки почти совсѣмъ не вывозилось. Такимъ образомъ, довольно значительная часть нашего вывоза приходилась на долю дорогихъ спиртныхъ напитковъ, которые простымъ народомъ не употребляются. На Дальнемъ Востокѣ скопилось за эти годы много войска, инженеровъ, желѣзнодорожныхъ чиновниковъ; всѣ они получали очень высокіе оклады и, какъ подтверждаютъ всѣ газеты, среди нихъ въ сильной степени процвѣтали разгулъ и пьянство. Отсюда ясно, что огромные океанскіе пароходы, которые везли изъ Одессы тысячи бутылокъ вина и ликеровъ, торговали вовсе не съ китайцами или корейцами, а просто съ русскими инженерами и офицерами, получавшими изъ Петербурга тысячные оклады. Ликеры господа офицеры и инженеры могли бы, свободно выпить и въ самой Россіи; тогда сохранились бы, по крайней мѣрѣ, деньги, затраченныя на перевозку тѣхъ и другихъ на Дальній Востокъ за 10000 верстъ; впрочемъ, наряду съ ликерами былъ еще одинъ оригинальный товаръ, который въ изобиліи вывозился на Дальній Востокъ—именно, женщины для дочовъ терпимости. Русскія торговыя заведенія очень туго прививались на Д. Востокѣ,—зато, съ наплывомъ инженеровъ и арміи, всюду запестрѣли публичные дома. Спросъ на публичныхъ женщинъ оказался столь огромнымъ, что пришлось массами вывозить ихъ изъ Россіи: а желѣзная дорога проявила по отношенію къ нимъ такую любезность, что во многихъ случаяхъ даже снабжала ихъ безплатными билетами на проѣздъ—только пріѣзжайте поскорѣе! И газета, сообщавшая объ этомъ, пишетъ далѣе: „Безъ преувеличенія можно сказать, что какъ Монако стало всемірнымъ игорнымъ домомъ, такъ Харбинъ и Портъ-Артуръ сдѣлались всемірными публичными домами“.

Если кто и развивалъ свою торговлю на Д. Востокѣ, то отнюдь не Россія, а Японія, Англія и Германія; болѣе того:

Digitized by Google

пока Россія не вмѣшивалась въ Китайскія дѣла, ея торговля съ Восточной Сибирью, хотя и медленно, но развивалась. Но едва была выстроена Манджурская дорога, за которую русскій народъ долженъ былъ уплатить въ пользу инженеровъ, потреблявшихъ одесскіе ликеры, около 400 милліоновъ рублей,—какъ немедленно по этой дорогѣ съ юга стали ввозить свои товары нѣмецкіе и англійскіе купцы; въ Сибири повсюду стали открываться нѣмецкія и японскія фирмы, а русскіе купцы должны были отступить на задній планъ. Такимъ образомъ, война съ Японіей, даже и успѣшная, не сулила никакихъ выгодъ нашей промышленности, и тѣ газеты, которыя говорили объ огромномъ торговомъ значеніи для насъ Дальняго Востока, или ошибались или говорили завѣдомую неправду.

Писали еще о томъ, что въ Манджуріи много свободной земли, и она пригодится для страдающаго отъ земельной тѣсноты русскаго мужика. Но не нужно забывать, что эта земля лежитъ за 10000 верстъ отъ нашей крестьянской Россіи,—тамъ совсѣмъ другой климатъ, чѣмъ у насъ, земля тоже не похожа на нашу, и русскому крестьянину устраиваться тамъ очень трудно. Къ тому же, сосѣдніе корейцы и китайцы не менѣе насъ нуждаются въ свободныхъ земляхъ; Манджурія для нихъ—родная страна, и за послѣднее время они сами начинаютъ туда переселяться. Какъ трудно устраиваться въ незнакомой странѣ, показываетъ исторія русскаго Пріамурья. Цѣлыхъ 50 лѣтъ она находится въ рукахъ Россіи, однако, русскихъ крестьянъ переселилось туда за эти полвѣка очень немного, всего нѣсколько десятковъ тысячъ, и они сплошь и рядомъ не сами обрабатываютъ данную имъ землю, а сдаютъ ее за высокую арендную плату пришлымъ корейцамъ и китайцамъ. Наплывъ корейцевъ съ каждымъ годомъ все увеличивается, число же русскихъ крестьянъ почти не возрастаетъ—и это, несмотря на то, что русское правительство даетъ имъ всякія льготы и затрачиваетъ на переселеніе крупныя суммы. Одинъ изслѣдователь высчитываетъ, что за 50 лѣтъ русская казна израсходовала на Пріамурье не менѣе 400 милліоновъ рублей. Кто заплатилъ эти милліоны? Русскій голодающій народъ. И однако эти милліоны не въ силахъ были сдѣлать Пріамурье русской страной—они буквально погибли даромъ. Къ чему же намъ

Digitized by Google

захватывать новыя земли, съ которыми мы, очевидно, все равно справиться не можемъ, и которыя только ложатся тяжелымъ бременемъ?

Итакъ, мы видимъ, что война оказалась совершенно ненужной для всѣхъ сколько-нибудь широкихъ слоевъ населенія,—ни рабочіе, ни крестьяне, ни даже торгово-промышленный классъ, какъ цѣлое, не могли разсчитывать получить отъ этой войны сколько-нибудь серьезныя выгоды. Но комунибудь да нужна была эта война! Не для всѣхъ же она была смертнымъ проклятіемъ? Были же люди, которые тянулись въ эту далекую Корею и Манджурію, сновали по Харбинамъ, Портъ-Артурамъ, забирались вглубь корейскихъ лѣсовъ и гребовали войскъ, оружія, денегъ, чтобы выгнать, раздавить, уничтожить назойливыхъ японцевъ и подъ охраной русскихъ штыковъ продолжать свою темную работу! Кто же эти люди? —Объ однихъ мы уже упоминали,—развѣ стукъ топоровъ въ корейскихъ лѣсахъ не говорилъ о томъ, что здѣсь въ чьи-то карманы обильной струей текутъ милліоны? А развѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ не стоялъ стономъ по всей Руси кличъ: „Въ Манджурію!—строить дорогу!“ Теперь вычислено, что манджурская дорога со всѣми вспомогательными предпріятіями обошлась Россіи въ 400 милліоновъ слишкомъ рублей, т. е. по 252 тысячи на версту, между тѣмъ, какъ обычно верста обходится въ 60—80 тысячъ рублей, рѣдко—больше. На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ дороги, которая обошлась бы такъ дорого. Куда же дѣвались остальныя тысячи? Объ этомъ, вѣроятно, сумѣли бы много любопытнаго разсказать тѣ, которые принимали участіе въ этой постройкѣ, а мы можемъ только прибавить, что Управленіе этой дороги до сихъ поръ не представило отчетовъ и даже открыто заявило, что оно ихъ не имѣетъ. Развѣ для этихъ людей Манджурія не была небеснымъ раемъ? и развѣ не должны были они искренно возмутиться, когда Японія потребовала отъ Россіи покинуть этотъ рай? а развѣ сама война не собираетъ вокругъ себя стаи хищниковъ, которые и здѣсь, въ царствѣ труповъ, сумѣютъ разыскать для себя лакомые кусочки? Газеты сообщаютъ, что одинъ иркутскій купецъ заработалъ на поставкѣ полушубковъ въ казну до 200,000 рублей. Газеты сообщили объ одномъ, но вѣроятно проглядѣли десятки другихъ, болѣе ловкихъ.

Digitized by Google

Ничего непривычнаго здѣсь для Россіи нѣтъ, все знакомыя картинки. Страшнымъ и ужаснымъ оказалось то, что этой стаѣ хищниковъ, купавшихся въ золотѣ, удалось довести свои манджурскія преступленія до трагическаго конца и втянуть въ безсмысленную войну 100-милліонную Россію, незнавшую, по безграмотности, даже о томъ, что существуетъ Японія. Получилась поразительная картина: на Дальнемъ Востокѣ происходитъ ужасная война, гибнутъ сотни тысячъ людей; какъ въ бездонной пропасти, исчезаютъ въ ней милліарды рублей народныхъ сбереженій; потрясается до основанія вся хозяйственная жизнь страны, а война, между тѣмъ, оказывается не только неудачной, но и прямо ненужной, безсмысленной войной, ибо, кромѣ сотни-другой лицъ, въ ней непосредственно никто не заинтересованъ. Этотъ поразительный выводъ слишкомъ бросался въ глаза и не могъ не вызвать внутри народа глухого броженія. „Къ чему намъ всѣ эти Кореи, Манджуріи?"—съ тоской спрашивали себя милліоны русскихъ людей, читая въ газетахъ о тѣхъ кровавыхъ ужасахъ, которые происходили на Дальнемъ Востокѣ. И этотъ неизмѣнный вопросъ, какъ эхо, проносился по всей Россіи. Его можно было услышать и въ большихъ городахъ и въ самыхъ глухихъ селахъ. Но за однимъ вопросомъ поднимались и лѣзли въ голову все новыя и новыя мысли, о которыхъ прежде рѣдко приходилось задумываться. Зашевелилась, загудѣла народная мысль, за одинъ годъ она, быть можетъ, продумала больше, чѣмъ за всю прошлую жизнь. Да, народъ проснулся отъ своей прежней скучной и сѣренькой жизни и жадно потянулся къ свѣту. Загудѣла донынѣ сонная масса, какъ рой пчелъ весною, и нѣтъ уже силъ, способныхъ загнать ее въ зимній улей. Для всѣхъ стало ясно, что такъ дальше жить нельзя, что чего-то не достаетъ въ русской жизни. У всѣхъ въ умѣ поднимался вопросъ: справедливо ли это, чтобы такіе огромные вопросы, какъ война, разрѣшались безъ вѣдома самого народа? справедливо ли это, чтобы 100 милліонная народная масса не принимала никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ? Развѣ всѣ тѣ вопросы, которые разрѣшаются у насъ въ Россіи властью чиновниковъ, не касаются всего народа? развѣ маленькая кучка чиновниковъ лучше можетъ, чѣмъ самъ народъ, разрѣшать такіе вопросы: нужна ли война или не нужна? Слѣдуетъ ли вводить новые

Digitized by Google

налоги? Слѣдуетъ ли строить ту или иную желѣзную дорогу и т. д. Всѣ эти вопросы, какъ и много другихъ, рѣшаются у насъ исключительно властью чиновниковъ, простой же народъ не принимаетъ въ рѣшеніи ихъ никакого участія. Если раньше народъ, рабочіе и крестьяне, не замѣчали этой несправедливости, то теперь война научила ихъ многому. Повсюду и въ городахъ и въ деревняхъ стали раздаваться голоса, заявлявшіе о необходимости такъ измѣнить государственный порядокъ, чтобы дѣла рѣшались всѣмъ народомъ, а не одними чиновниками. Если крестьяне на своихъ мірскихъ сходахъ могутъ управляться со своими мѣстными дѣлами, то развѣ нельзя созвать со всей Россіи такой же мірской сходъ, который обсудилъ бы, что нужно сейчасъ для всей Россіи. Правда, нельзя свезти всю Россію въ одно мѣсто, но можно устроить иначе: можно Россію раздѣлить на нѣсколько округовъ (участковъ), напримѣръ, на 1000; въ каждомъ изъ этихъ 1000 округовъ въ назначенный день всѣ взрослые люди соберутся вмѣстѣ, сообща выберутъ изъ своей среды довѣреннаго человѣка и пошлютъ его, напримѣръ, въ Петербургъ. Такъ сдѣлаетъ каждый изъ 1000 округовъ, — всего значитъ, соберется въ Петербургѣ 1000 довѣренныхъ лицъ,—и они уже вмѣстѣ обсудятъ, что нужно сдѣлать сейчасъ для Россіи. Это будутъ уже не чиновники, которые не могутъ знать Россіи, да и не желаютъ ее знать, а свои, выбранные самимъ народомъ люди. На нихъ скорѣе можно положиться, что они не измѣнятъ народу и сдѣлаютъ для нихъ все, что нужно. Сейчасъ только что кончилась война, народъ выстрадалъ немало бѣдствій, вездѣ раздаются плачъ и стоны, нужно платить долги, заключенные во время войны и раньше, нужно помочь тѣмъ, которые совсѣмъ обнищали,—а вѣдь такихъ сейчасъ сколько по всей Россіи! — не пересчитать! въ этомъ году разразился неурожай — многимъ грозитъ голодовка,—вотъ народъ черезъ этихъ выбранныхъ имъ довѣренныхъ людей и обсудилъ бы, какъ нужно сейчасъ помочь всей страждущей Россіи. Такъ во многихъ мѣстахъ разсуждали многіе русскіе люди и открыто требовали, чтобы поскорѣе былъ созванъ такой всероссійскій мірской сходъ.

6-го августа 1905 года было опубликовано Высочайшее постановленіе о созывѣ Государственной Думы. Было объявлено о томъ, что правительство рѣшило привлечь къ госу-

Digitized by Google

дарственной дѣятельности все населеніе Россіи черезъ особыхъ, выбранныхъ самимъ населеніемъ и довѣріемъ его облеченныхъ людей. Эти выбранные соберутся въ Петербургѣ въ серединѣ будущаго января и составятъ вмѣстѣ Государственную Думу. На разсмотрѣніе этой Думы будутъ представляться всѣ новые законы.

На первый взглядъ могло показаться, что желанія народа теперь исполнены. Отнынѣ онъ, какъ будто бы, выходитъ изъ-подъ вѣчной опеки чиновниковъ. Отнынѣ онъ самъ будетъ выбирать своихъ излюбленныхъ людей, посылать ихъ въ Петербургъ и черезъ нихъ заявлять свою волю. На смѣну воли чиновничьей, какъ будто бы, пришла воля народная. И навѣрное въ сердца многихъ, пережившихъ такъ много страданій въ теченіе послѣдней войны, закралась эта надежда! Прошли черные годы, несчастья и горе остались позади насъ; отнынѣ, когда народъ самъ будетъ управлять государствомъ, онъ не позволитъ, чтобы могла повториться война, подобная только что пережитой; онъ сумѣетъ залѣчить раны, которыя нанесла эта война, — вѣдь эти раны — его собственныя раны; если раньше мы голодали и вымирали, то теперь онъ сниметъ съ домовъ нашихъ это вѣчное проклятіе голодной смерти, ибо вѣдь это проклятіе нависло надъ нимъ же.

Справедливы ли эти надежды, и не несутъ ли онѣ съ собой горькихъ разочарованій? Что такое эта Дума, о которой теперь такъ много говорятъ и пишутъ? Принесетъ ли она съ собою дѣйствительно волю народа?

Дума эта, прежде всего, не можетъ касаться всѣхъ вопросовъ; многіе — и притомъ наиболѣе важные — вопросы совсѣмъ не могутъ затрагиваться ею; они попрежнему будутъ рѣшаться помимо народа, стоящей выше его властью.

Во-вторыхъ, эта Дума не имѣетъ права собственною властью разрѣшить ни одного вопроса, — она призывается не для того, чтобы рѣшать, а только для того, чтобы высказать по тому или иному вопросу свое мнѣніе. Выше ея стоящая власть можетъ имѣть по этому вопросу совершенно другое мнѣніе и остаться при немъ, несмотря на доводы Думы, — и тогда мнѣніе этой власти становится обязательнымъ для всѣхъ закономъ и входитъ въ жизнь, а мнѣніе Думы записывается на бумагу, и бумага эта кладется въ шкафъ. Наконецъ, въ-третьихъ, въ Думу имѣетъ право выбирать не весь народъ, а

Digitized by Google

только нѣкоторая его часть, а именно, только тѣ, кто живутъ на дорогихъ квартирахъ, или кто имѣетъ много денегъ и земли; рабочіе, которые не имѣютъ ни того ни другого, совсѣмъ не попадутъ въ эту Думу; крестьяне могутъ выбирать, но лишь тѣ, которые будутъ угодны начальству. Мы не станемъ сейчасъ подробно останавливаться на устройствѣ будущей Думы и выборовъ въ нее, объ этомъ можно найти въ другихъ брошюркахъ, а сейчасъ запомнимъ только одно: что въ этой Думѣ главную, рѣшающую роль будутъ играть тѣ, кто имѣетъ много денегъ или много земли; эта Дума будетъ не всенародной Думой, но Думой богатыхъ людей. Богатые люди пошлютъ своихъ довѣренныхъ людей въ Петербургъ, и они соберутся тамъ вмѣстѣ и сообща будутъ обдумывать разные вопросы и за себя и за всѣхъ бѣдныхъ людей. Лучше ли будетъ отъ этого бѣднымъ людямъ? Можно ли богатымъ людямъ поручать защиту бѣдныхъ людей? Станетъ ли хозяинъ искренно заботиться о своемъ рабочемъ? Въ интересахъ ли помѣщика желать, чтобы сосѣдній крестьянинъ имѣлъ побольше земли? На эти вопросы отвѣтить, конечно, не трудно; а если бы кто и затруднился, то ему помогутъ разобраться въ нихъ тѣ самые люди, которые собираются сейчасъ итти въ Думу.

Теперь, наканунѣ выборовъ въ Думу, лица, обладающія избирательными правами, соединяются въ группы, чтобы сообща постараться провести въ эту Думу побольше желательныхъ имъ людей. Изъ этихъ группъ сейчасъ извѣстны двѣ, самыя крупныя—это, во-первыхъ, прогрессивно-промышленная партія, въ которую вошли, главнымъ образомъ, предприниматели, фабриканты, купцы, заводчики, банкиры; другая партія—земская, куда примыкаютъ преимущественно землевладѣльцы помѣщики. Богатство первыхъ основано, главнымъ образомъ, на эксплоатаціи труда рабочихъ, богатство вторыхъ—на эксплоатаціи труда крестьянъ. Противъ первыхъ весь годъ идетъ усиленное рабочее движеніе, противъ вторыхъ направлено не менѣе острое и опасное для нихъ крестьянское движеніе. Рабочіе отъ людей, соединившихся въ первую партію, требуютъ сокращенія рабочаго дня, повышенія расцѣнокъ и др.; крестьяне намѣрены у помѣщиковъ, соединившихся во вторую партію, отобрать ихъ земли и присоединить къ своимъ черезчуръ скуднымъ надѣламъ. Какъ отозвались

Digitized by Google

обѣ партіи на эти предъявленныя къ нимъ требованія съ разныхъ сторонъ? Во-первыхъ, обѣ партіи ясно чувствуютъ, чтос отвергнуть цѣликомъ всѣ ихъ требованія было бы безраз удно. И та и другая партіи дѣлаютъ поэтому нѣкоторыя уступки, но при этомъ прилагаютъ всѣу силія, чтобы сдѣлать, ихъ какъ можно меньше. Въ области этихъ уступокъ и обнаруживается самое любопытное явленіе. Первая партія торжественно и безъ всякихъ оговорокъ заявляетъ, что у крестьянъ земли мало, что имъ необходимо увеличить земельные надѣлы; о выкупныхъ платежахъ за эту дополнительную землю она не говоритъ ни слова; нужно полагать, что она, въ порывѣ своего великодушія и щедрости, готова разрѣшить крестьянамъ воспользоваться любою землею и притомъ совершенно безплатно. Вѣдь такъ легко дѣлать подарки на чужой счетъ! Но какъ только рѣчь заходитъ о рабочихъ, ея щедрая доселѣ рука начинаетъ замѣтно дрожать и колебаться. Она согласна съ тѣмъ, что рабочій нуждается въ нѣкоторыхъ облегченіяхъ,—ну пусть, напримѣръ, правительство построитъ для него дешевыя школы, застрахуетъ его отъ болѣзней и смерти на государственный счетъ,—только, чтобы не мѣшали ей выжимать изъ рабочихъ на фабрикахъ „законную“ прибыль; больше всего она ненавидитъ проклятый, до глубины души презираемый ею 8-мичасовой рабочій день: лишь только рѣчь заходитъ о сокращеніи рабочаго дня, она произноситъ свое рѣшительное и мужественное—нѣтъ!

Земская (помѣщичья) партія, наоборотъ, ничего не имѣетъ противъ 8-мичасового дня,—только подъ однимъ маленькимъ условіемъ, чтобы его не распространяли на сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Но больше всего она не любитъ, когда заговариваютъ объ отдачѣ помѣщичьихъ земель крестьянамъ, Крестьянамъ нужна земля?—Но вѣдь у насъ такъ много государственной удѣльной земли,—берите, берите ее, пожалуйста, сколько угодно! Только ужъ, ради Бога, насъ, помѣщиковъ, оставьте въ покоѣ. Впрочемъ, кое-что мы согласны удѣлить вамъ и изъ своей землицы, но... конечно, за приличное вознагражденіе. Помѣщики помнятъ, что въ 61 году это вознагражденіе оказалось для нихъ очень приличнымъ, и они не прочь еще разъ повторить ту же аферу.

Итакъ, мы видимъ, что уже теперь, до выборовъ, обѣ партіи, которыя могутъ разсчитывать на большинство въ Думѣ,

Digitized by Google

проявляютъ большую заботливость о своихъ интересахъ, и будущая дворянско-купеческая Дума приложитъ, навѣрное, всѣ усилія къ тому, чтобы эти интересы не пострадали.

На кого же можетъ разсчитывать бѣдный, трудящійся людъ Россіи? У него нѣтъ другихъ защитниковъ, кромѣ самого себя: будущая Дума—чужая, враждебная ему Дума; и если онъ желаетъ найти въ ней защиту своихъ интересовъ отъ произвола богатыхъ, онъ долженъ самъ войти въ нее, сдѣлать ее своею, всенародной Думой; но для этого онъ долженъ самъ обладать избирательнымъ правомъ, и это право должно быть всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ*).

III.

Мы видѣли, что будущая Дума есть Дума богатыхъ людей, и поэтому бѣдный людъ имѣетъ всѣ основанія относиться къ ней недовѣрчиво. Посмотримъ теперь, можетъ ли народъ разсчитывать, что эта Дума окажется способной залѣчить тѣ раны, которыя нанесла война.

Еще не пришло время оцѣнить всѣхъ послѣдствій войны. Еще нельзя въ точныхъ цифрахъ вычислить всѣ потери, причиненныя ею. Но уже и теперь по короткимъ сообщеніямъ, тамъ и сямъ доходящимъ изъ глухихъ угловъ Россіи, можно представить себѣ, какіе губительные слѣды оставляла повсюду за собою война. Мы не говоримъ уже о томъ, сколько тысячъ молодыхъ, здоровыхъ жизней вырвано изъ русскихъ семей и погублено въ далекихъ поляхъ Манджуріи и Кореи. Кто возьмется сосчитать тѣ слезы, которыя поистинѣ ручьями струились оба эти года по нашей несчастной родинѣ? Одинъ изъ деревенскихъ жителей, дьяконъ, пишетъ выразительно въ своей корреспонденціи: „Какъ только объявили было о призывѣ запасныхъ, великій плачъ поднялся по матушкѣ-Россіи; при проводахъ плакали всѣ навзрыдъ: плакало, духовенство, плакало черствое начальство, провожатые и проуожаемые. Такого плача и такой скорби я на своемъ вѣку еще не видалъ... А за что! Изъ-за какой-то Манджуріи!“ По-собственной желѣзной дорогѣ всѣ эти 20 мѣсяцевъ, какъ

*) Что такое всеобщее, тайное, прямое и равное избирательное право см въ брошюркѣ П. Юшкевича «Объ избирательномъ правѣ».

Digitized by Google

какія-то ненасытныя чудовища, неслись поѣзда, по 6, 8, 10 въ день, нагруженные живымъ человѣческимъ мясомъ. Можно считать, что всего было вывезено этого необычнаго живого товара не менѣе милліона человѣкъ. Многіе ли изъ этого милліона вернутся назадъ? Мы еще не знаемъ точныхъ потерь въ людяхъ за время этой войны, но не менѣе 400.000 выбыло изъ строя. За одну Мукденскую битву во время 15-тидневнаго жесточайшаго боя армія наша лишилась около 200 тысячъ человѣкъ. Теперь повсюду въ деревняхъ и городахъ въ толпѣ можно встрѣтить безруких, увѣчныхъ, калѣкъ всякаго рода,—это тѣ счастливцы, которые за манджурско-корейскія увлеченія г.г. Безобразовыхъ расплатились не всей жизнью, а только рукой, ногой или глазомъ.

Но оставимъ считать мертвыхъ, перейдемъ къ живымъ. Въ утѣшеніе мертвымъ можно сказать только одно: что имъ не придется выплачивать тѣхъ расходовъ, которые пошли на войну,—эта обязанность выпала на долю оставшихся живыхъ. Сколько денегъ поглотила война? Отвѣтить на этотъ вопросъ точно пока невозможно,—можно установить пока только приблизительную цифру. Къ расходамъ на войну необходимо присоединить тѣ суммы, которыя были раньше затрачены на Дальній Востокъ. Въ круглой цифрѣ эта сумма составитъ не меньше 500 милліоновъ рублей. Деньги были въ свое время получены, главнымъ образомъ, путемъ государственныхъ займовъ. Несмотря на тѣ два милліарда, которые ежегодно съ народа собираетъ казна,—къ началу войны въ казначействѣ свободныхъ денегъ почти не оказалось—всего около 150 милліоновъ рублей, которые были израсходованы въ первые же мѣсяцы. Затѣмъ принялись сокращать обычные расходы, прекратили постройку нѣкоторыхъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, лишили Министерство Народнаго Просвѣщенія нѣсколькихъ милліоновъ и произвели другія мелкія сокращенія. Такимъ путемъ удалось съэкономить еще сотню съ небольшимъ милліоновъ рублей. Все это было, конечно, капля въ морѣ. Денегъ не хватаетъ. Деньги нужны. И вотъ одинъ за другимъ пошли новые займы на сотни милліоновъ рублей. Заняли во Франціи, заняли въ Германіи, потомъ—опять въ Германіи. Наши военныя неудачи не могли, конечно, внушить довѣрія къ нашимъ платежнымъ силамъ,—пришлось каждый новый заемъ заключать на все болѣе тяжелыхъ условіяхъ.

Digitized by Google

Такимъ путемъ было добыто около 600 милліоновъ рублей. Но что значатъ для нынѣшней войны какіе-нибудь 100 милліоновъ рублей? Она пожираетъ ихъ въ три-четыре недѣли. А дальше—снова разинутая пасть, въ которую нужно непрерывно, безъ промедленія, бросать все новые огромные мѣшки золота. И машина, которая добываетъ это золото, должна работать съ все болѣе и болѣе лихорадочной быстротой. Заграница говоритъ—довольно! Она не хочетъ больше давать и копейки или предлагаетъ деньги на такихъ условіяхъ, которыя даже нашей, не особенно разборчивой, казнѣ представляются невозможными. Казна обращается къ русскимъ банкирамъ, выпускаетъ два внутреннихъ займа,—дѣло идетъ плохо. Нѣтъ денегъ; банкиры кричатъ: миръ! миръ! и раскошеливаются туго. Выпускаются кредитные билеты на сумму около 300 милліоновъ рублей, повышается на 40 копеекъ цѣна ведра казенной водки—пусть пьяница поддержитъ своими грошами честь Россіи на Д. Востокѣ,—насбирали еще милліоновъ 24—25. Потомъ очередь дошла до пива, спичекъ, даже дрожжи—и тѣ не миновали общей судьбы, и должны были раскошелиться на борьбу съ Ойямой на сумму около 3 милліоновъ руб. Все вмѣстѣ нужно считать около 2 милліардовъ. Но война, хотя и кончилась, продолжаетъ еще высасывать новые милліоны. Нужно платить японцамъ за содержаніе плѣнныхъ, нужно везти войска изъ Манджуріи назадъ въ Россію, нужно пополнить израсходованные во время войны запасы боевыхъ матеріаловъ, арсеналы, пріобрѣтать новыя пушки, строить новый флотъ. Одинъ день Цусимскаго боя, когда погибла вся эскадра Рождественскаго, обошелся Россіи въ 150 милліоновъ рублей. А знаете вы, что на все народное образованіе въ Россіи въ теченіе всего года тратится всего около 40 милліоновъ? Сколько бы людей можно сдѣлать грамотными на эти деньги! Но увы, эти груды золота, превращенныя въ крейсера, у корейскихъ береговъ,—и стерегутъ ихъ въ этомъ подводномъ царствѣ тысячи русскихъ матросовъ, которые шли на войну, не зная, кто такіе японцы, и для чего они идутъ истреблять ихъ. Эскадра, раньше погибшая въ Артурѣ, стоила также около 150 милліоновъ рублей. Итого, еще 300 милліоновъ.—Вообще, нужно считать, что вся манджурская авантюра обошлась казнѣ не менѣе, какъ въ 3 милліарда. Три милліарда, что можно было бы

Digitized by Google

сдѣлать на эти деньги! А теперь онѣ пропали совершенно задаромъ, точно пришелъ одинъ исполинскій воръ, сгребъ со всей Россіи все вѣками накопленное богатство и унесъ его съ собою. Но что же это за богатѣющая страна—Россія, которая съ такимъ легкимъ сердцемъ бросаетъ на завѣдомо ненужныя предпріятія милліарды рублей? Можетъ быть, она вся поголовно состоитъ изъ богачей-милліонщиковъ, которые изъ прихоти готовы раскидывать по вѣтру сотенныя бумажки? Чтобы познакомиться поближе съ этими таинственными милліонщиками, прочтемъ нѣсколько строкъ изъ книги доктора Шингарева, который описываетъ двѣ самыя обыкновенныя русскія деревни въ Воронежской губерніи: „Какъ это ни странно на первый взглядъ, но присутствіе тѣхъ или иныхъ насѣкомыхъ въ избѣ является, до извѣстной степени, показателемъ (хотя грубымъ, конечно) экономическаго благосостоянія ея обитателей. Такъ, если взять семьи, гдѣ есть клопы, то оказывается, что это—большею частью зажиточные хозяева; въ избахъ безнадѣльныхъ крестьянъ клоповъ вовсе не встрѣчается. Клопъ, до извѣстной степени, аристократъ и требуетъ для себя больше комфорта, чѣмъ это могутъ дать ему деревенскіе бѣдняки, и присутствіе его отчасти указываетъ уже на нѣкоторую зажиточность". Итакъ, вотъ они, всемірные завоеватели! Люди, отъ которыхъ, за недостаткомъ пищи, бѣгутъ клопы (и тараканы) призываются вести огромныя войны за обладаніе берегами Тихаго Океана. Намъ говорятъ, что честь Россіи требуетъ отъ насъ, чтобы мы не уступали японцамъ, но какой бы то ни было цѣной раздавили ихъ. Не гораздо ли больше чести для насъ—такъ устроить народную жизнь, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть клопы и тараканы не бѣжали изъ русской деревни, какъ изъ безплодной пустыни, обрекающей своихъ обитателей на голодное вымираніе. И на этой-то бѣднотѣ нависла теперь тяжесть прежнихъ и новыхъ займовъ! Государственный долгъ составляетъ теперь около 8 милліардовъ рублей; однихъ процентовъ по нимъ необходимо ежегодно выплачивать больше 300 милліоновъ рублей. Государственный долгъ это—дань, которую выплачивать придется будущимъ, еще не родившимся, поколѣніямъ. Каждый ребенокъ, который родится въ крестьянской рабочей семьѣ, уже заранѣе несетъ на себѣ эту каинову печать—онъ идетъ въ жизнь не свободнымъ человѣкомъ, но

Digitized by Google

данникомъ тѣхъ банкировъ, которые ссудили въ разное время русской казнѣ свои милліарды. И онъ долженъ работать съ утра до поздней ночи, чтобы выплатить этотъ огромный долгъ. Государственный долгъ— это мертвая петля, которая искусно накидывается на будущія, еще не существующія, поколѣнія. И сейчасъ въ газетахъ упорно держится слухъ, что на-дняхъ будетъ заключенъ въ Парижѣ новый огромный заемъ на сумму въ 700 милліоновъ рублей.

Народъ не хотѣлъ этой войны, онъ даже не зналъ объ ней, пока его не повезли на войну. Не онъ строилъ этотъ огромный флотъ, пропавшій въ нѣсколько часовъ подъ водой. Не онъ воздвигалъ Портъ-Артуры и Дальніе, не онъ пилъ ликеры на Дальнемъ Востокѣ, не онъ заключалъ эти огромные займы. Было бы справедливо, чтобы эти долги платили тѣ, которые ихъ сдѣлали. Но народъ не имѣетъ голоса, за него распоряжаются другіе.

Теперь у насъ скоро созовутъ Государственную Думу. Можетъ ли народъ разсчитывать, что эта Дума позаботится объ его интересахъ? Мы уже знаемъ, что въ эту Думу имѣютъ право посылать своихъ представителей прежде всего тѣ, кто имѣетъ больше всего денегъ или больше всего земли. Земля и деньги, помѣщики и промышленники,—вотъ въ чьихъ рукахъ будетъ находиться эта Дума. Можетъ ли народъ, не имѣющій доступа въ Думу, разсчитывать на то, что эта Дума прислушивается къ его голоднымъ стонамъ? Какъ проникнуть этимъ стонамъ сквозь толстыя стѣны того дворца, который сейчасъ приготовляется для встрѣчи купцовъ и помѣщиковъ? Недаромъ на эти засѣданія не будутъ пускать простую публику. Двери для нея будутъ на-глухо заперты. Даже газеты по закону не смѣютъ о ней печатать никакихъ извѣстій безъ особаго разрѣшенія предсѣдателя. Дума—это тайна, это—могила, это—Портъ-Артуръ, отрѣзанный японцами отъ Россіи.

Впрочемъ, не такъ уже трудно догадаться, какія мѣры для облегченія народныхъ бѣдствій будутъ измышляться будущими депутатами Думы. Наши промышленники—люди довольно откровенные, и нетрудно о нихъ заранѣе составить ясное представленіе. Вспомнимъ нѣкоторые факты послѣдняго времени. Мы говорили сейчасъ о государственныхъ займахъ, о 8 милліардахъ государственнаго долга. Для уплаты по этимъ займамъ собираются съ народа огромные налоги, которые

Digitized by Google

почти цѣликомъ падаютъ на бѣднѣйшіе классы населенія. Въ 1903 году правительство, чтобы пополнить оскудѣвшую казну, объявило о своемъ намѣреніи ввести новый налогъ на богатыхъ людей. Дѣло шло всего двтухъ-трехъ десяткахъ милліоновъ рублей. Но этого былоиовольно, чтобы промышленники заволновались. Имъ платть налоги? Но для чего же существуютъ милліоны крестьянъ и рабочихъ? И немедленно составляется и посылается въ Министерство длинная записка съ просьбой отсрочить введеніе новаго налога, хотя бы лѣтъ на 5, ибо теперь, „вслѣдствіе войны съ Японіей, наша промышленность находится въ тяжеломъ положеніи". Въ какомъ положеніи находятся милліоны крестьянъ и рабочихъ,—это для промышленниковъ совершенно безразлично: пускай народъ, разоренный войною, оплатитъ самъ же, своимъ трудомъ всѣ ея расходы,—а мы—мы желаемъ сохранить въ неприкосновенности всю свою прибыль.

Эта прибыль, согласно закону, даетъ ея владѣльцамъ возможность войти въ будущую Думу. Что способна Дума, составленная изъ такихъ представителей, сдѣлать на пользу разореннаго войной народа? Нужно ли отвѣчать на этотъ вопросъ?

Голодъ, этотъ вѣчный спутникъ деревни, снова стучится въ двери къ крестьянину. Снова огромной части Россіи угрожаетъ тяжелое бѣдствіе. Ко всѣмъ ужасамъ войны присоединился еще новый ужасъ голодной смерти. Казалось, простое человѣческое чувство должно заставить собрать всѣ силы, чтобы облегчить народныя страданія.

И въ это время, среди милліоновъ исхудалыхъ рукъ, которыя тянутся со всѣхъ концовъ Россіи съ робкой мольбою не дать имъ, вѣчнымъ труженикамъ, умереть голодной смертью, бросить имъ хотя бы корку черствaго хлѣба,—въ это время, расталкивая эти милліоны мозолистыхъ рукъ, нагло просовывается къ казнѣ жирная ладонь нефтяныхъ королей и громкимъ, властнымъ голосомъ требуетъ себѣ на подаяніе... ни много ни мало, какъ 40 милліоновъ рублей. Такъ оцѣнили свои потери отъ послѣднихъ бакинскихъ пожаровъ нефтепромышленники. По провѣркѣ потомъ, оказалось, что они ровно вдвое преувеличили свои потери. Но, если они даже дѣйствительно потеряли 20 милліоновъ рублей, то вѣдь эти 20 милліоновъ составляютъ ничтожную часть ихъ состоянія.

Digitized by Google

А что осталось у тѣхъ бакинскихъ рабочихъ, которые лишились заработка и теперь тысячами бродятъ по улицамъ приволжскихъ городовъ, тщетно разыскивая себѣ работы; кто имъ дастъ ссуду? Нефтяные короли получили свои 20 милліоновъ рублей и теперь могутъ спокойно выжидать выборовъ въ Государственную Думу. Всѣ они, конечно, избиратели перваго разряда, и нѣтъ сомнѣнія, что эти милліонные погорѣльцы, спрятавъ въ карманъ только что полученное подаяніе, горделиво, въ качествѣ депутатовъ, войдутъ въ будущую Думу, чтобы обсуждать новые законы. Какихъ законовъ можно ожидать отъ этихъ погорѣльцевъ—ясно само собой.

До сихъ поръ, говоря о войнѣ, мы учитывали однѣ только государственныя затраты на нее. Но развѣ вліяніе войны сказывается только въ оскудѣніи государственной казны? Война—это огромный молотъ, отъ тяжелыхъ ударовъ котораго содрогается и расшатывается все народное хозяйство, отъ нижнихъ, богато убранныхъ этажей до грязныхъ чердаковъ и подваловъ,—наковальней для него служитъ вся Россія

Бѣдствія войны особенно тяжело сказались въ Сибири Желѣзная дорога, прорѣзающая эту исполинскую страну, служила тѣмъ единственнымъ путемъ, по которому Сибирь получала извнутри Россіи всякаго рода необходимые ей припасы. Съ первыхъ же дней войны вся дорога была завалена военными грузами, и Сибирь оказалась какъ-бы отрѣзанной отъ Россіи. Купцы немедленно же повысили цѣны на всѣ товары. Цѣна на нихъ поднялась до невѣроятныхъ размѣровъ. Фунтъ сахара обходился въ рубли, къ мясу нельзя было приступиться. Хлѣбъ, который въ изобиліи производится въ Россіи, закупался для нуждъ войска, а остатки его оставались лежать на рукахъ хозяевъ; ибо дорога не принимала частныхъ грузовъ. Мимо Иркутска каждый день проносились поѣзда, увозившіе этотъ хлѣбъ въ Манджурію, а въ самомъ Иркутскѣ въ это же время свирѣпствовалъ голодъ. 12, 13, 14 февраля толпы народа, сообщаютъ газеты, ходили по Иркутску, требуя: хлѣба, хлѣба.

А между тѣмъ, не было ни хлѣба, ни мяса, ни сахара.

Огромные океанскіе пароходы, которые обычно везли съ собой на много тысячъ товаровъ всякаго рода, теперь были превращены въ вспомогательныя военныя суда, на палубахъ вмѣсто пассажировъ появились солдаты въ мундирахъ, за-

Digitized by Google

блестѣли пушки, и эти огромные плавучіе дворцы, привыкшіе къ мирной торговлѣ, теперь ринулись въ догонку за чужими пароходами, преслѣдуя военную контрабанду. Въ Одессѣ, Москвѣ, Нижнемълежали безъ движенія въ складахъ тысячи пудовъ товара, въ Сибири томились тысячи людей, жаждущіе хлѣба, сахара, а вмѣсто этихъ продуктовъ на суда нагружались пушки, боевые снаряды, загонялись солдаты, только что оторванные отъ мирнаго труда. Такова война.

Были ли приняты хоть какія-нибудь мѣры для облегченія сибирскаго комитета? Единственное, что было сдѣлано,— было сдѣлано въ интересахъ богатыхъ крестьянъ и промышленниковъ, которые занимаются маслодѣліемъ. Въ Сибири процвѣтаетъ маслодѣліе, и ежегодно много милліоновъ пудовъ масла вывозится оттуда за границу. За одинъ 1903 годъ этого масла было вывезено за границу на 35 съ лишнимъ милліоновъ рублей. Какъ только началась война, и по желѣзной дорогѣ прекратилось движеніе частныхъ грузовъ, маслодѣлы заволновались. Заграница имъ платила высокія цѣны за масло, а продавать его бѣдному, голодающему населенію Сибири— это значило бы для купцовъ разстаться со своими прибылями. Немедленно же въ министерство полетѣли тучи прошеній съ просьбой поддержать ихъ торговлю. Министерство оказалось очень отзывчивымъ на эти просьбы. Была образована особая комиссія на все время войны, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Тимирязева. „Въ задачи комиссіи", выяснилъ самъ Тимирязевъ, „входитъ, прежде всего, извѣстное успокоеніе торгово-промышленныхъ круговъ". И наши маслодѣлы, дѣйствительно, имѣли всѣ основанія успокоиться. Дружественная рука правительства не покинула ихъ въ годину несчастій и испытаній. Въ то время, какъ простое сибирское населеніе, страдавшее отъ недостатка хлѣба, не могло допроситься, чтобы для него сохранили хотя бы одинъ поѣздъ въ день для привоза изъ Россіи хлѣба и сахара,— маслодѣламъ было объявлено, что за ними не только оставятъ прежніе 8 поѣздовъ въ недѣлю, но, если будетъ нужно, прибавятъ даже и девятый. И дѣйствительно: масло за все время безъ всякой задержки отправлялось въ свое заграничное путешествіе, съ презрѣніемъ поглядывая изъ своихъ удобныхъ, спеціально выстроенныхъ для него вагоновъ на мелькавшіе мимо города и села, гдѣ въ это время толпы исхудалыхъ крестьянъ

Digitized by Google

и рабочихъ тщетно кричали: дайте намъ хлѣба, хлѣба. Эти маслодѣлы, такъ беззаботно пережившіе всѣ военныя невзгоды, теперь готовятся къ избранію въ Государственную Думу. Они навѣрное попадутъ въ это новое государственное учрежденіе, гдѣ будутъ еще ближе къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависитъ учрежденіе благодѣтельныхъ комиссій.

Восточная Сибирь, отрѣзанная отъ Россіи необъятными пространствами, могла бы получать гораздо болѣе дешевые припасы изъ сосѣднихъ Америки, Японіи, Китая. Но русскіе купцы желаютъ сбызать свои собственные товары, хотя бы они и стоили дороже иностранныхъ. На помощь имъ опять приходитъ государство и искусственно повышаетъ цѣну иностранныхъ товаровъ, облагая ихъ всякой таможенной пошлиной. Пошлина дѣлаетъ товары болѣе дорогими, чѣмъ они стоятъ. Это, конечно, выгодно для купцовъ и промышленниковъ, но разорительно для потребителей. Такъ было до войны въ Сибири. Но когда по всей Сибири начался настоящій голодъ, а ввозить товары русскимъ купцамъ, все равно, было невозможно, потому что море стерегли японскіе крейсера,— правительство сжалилось надъ голодающими и объявило, что отнынѣ всѣ, и русскіе и иностранные, купцы могутъ ввозить товары безпошлинно. Разумѣется, никто не могъ воспользоваться этимъ милостивымъ разрѣшеніемъ, потому что гораздо строже русскихъ таможенныхъ чиновниковъ слѣдили теперь за морской торговлей японскія суда. Но у сибиряковъ была надежда, что, по крайней мѣрѣ, по окончаніи войны у нихъ не сразу отнимутъ эту свободу торговли и дадутъ имъ хоть такимъ путемъ нѣсколько оправиться отъ разоренія, причиненнаго войной. Но русскіе купцы—будущіе депутаты Думы— не дремлютъ! Едва пронеслась вѣсть о заключеніи мира, и явилась возможность для возобновленія торговыхъ сношеній съ Дальнимъ Востокомъ, какъ въ Министерство опять полетѣли прошенія—спасти Сибирь отъ дешевыхъ иностранныхъ товаровъ! Не дайте погибнуть нашей торговлѣ! И въ газетахъ мы читаемъ уже: „лично министръ финансовъ вполнѣ раздѣляетъ точку зрѣнія московскаго купечества о необходимости таможенной охраны Сибири, какъ со стороны моря, такъ и съ суши“. Быстро мчатся по морю иностранныя суда съ дешевыми товарами, но еще быстрѣе мчатся въ Петербургъ слезныя моленія московскихъ торговцевъ, и не нынче-завтра

Digitized by Google

во Владивостокѣ снова появится таможенный чиновникъ. А министерская „Торгово-промышленная газета“ разсказываетъ намъ одновременно поучительную исторію: раньше, когда во Владивостокѣ была свободная торговля, туда въ изобиліи ввозилась дешевая иностранная сардинка, которою питалось мѣстное бѣдное населеніе; русская сардинка, которую привозили одесскіе купцы, стоила слишкомъ дорого, а потому не могла выдержать конкуренціи иностранныхъ сардинокъ. Но вотъ явился таможенный досмотрщикъ и наложилъ на эту сардинку таможенное клеймо. Цѣна ея сразу поднялась вдвое — и ея одесская соперница немедленно взяла надъ нею верхъ. Бѣдный сибирскій людъ долженъ былъ отказаться отъ дешевой иностранной сардинки и обратиться къ болѣе дорогой, одесской, выплачивая за нее денежную дань одесскимъ купцамъ. Зато эта дань, собранная одесскими купцами при помощи таможеннаго досмотрщика съ сибирскаго бѣднаго люда, открываетъ имъ теперь двери въ будущую Думу. Сибиряки, потребляющіе одесскую сардинку, могутъ утѣшиться: оказывается, и они не лишены нѣкоторыхъ избирательныхъ правъ!

По всѣмъ этимъ примѣрамъ не трудно понять, какихъ благодѣяній можетъ ожидать разоренный войною людъ отъ будущей Думы: тамъ соберутся всѣ тѣ, которымъ онъ обязанъ своей нищетой и страданіями; тамъ будутъ сидѣть купцы, фабриканты, въ то время какъ въ сосѣднихъ кварталахъ, подъ грохотъ машинъ будутъ изнывать въ неустанномъ трудѣ тысячи ихъ рабочихъ, лишенныхъ права на входъ въ эту богатую Думу; тамъ будутъ толпиться помѣщики, съ тревогой передающіе другъ другу о томъ, какъ „безчинствуютъ“ въ ихъ помѣстьяхъ голодные крестьяне; тамъ соберутся всѣ тѣ, которые сумѣли нажиться во время войны, кого обогатило народное горе; тамъ мы встрѣтимъ нашихъ знакомцевъ—одесскихъ купцовъ, еще пахнущихъ сардинкой, сибирскихъ маслодѣловъ, бакинскихъ нефтяниковъ съ 20 милліонами подаянія въ карманѣ. И много своихъ другихъ друзей приведутъ они съ собой. Но напрасно стали бы мы тамъ искать бакинскихъ рабочихъ, лишившихся работы, а вмѣстѣ съ нею—и куска хлѣба; не найдемъ мы тамъ и сибирскихъ бѣдняковъ и вообще всей голодающей полунищей Россіи; она на своихъ плечахъ вынесла всю войну,— она же будетъ платить милліарды рублей долгу,—ужъ будущая Дума позаботится объ этомъ!

Digitized by Google

IV.

Обратимся теперь къ послѣднему поставленному нами вопросу: можно ли надѣяться, что будущая Дума въ состояніи предохранить насъ отъ какой-либо новой войны? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно сначала узнать, какія силы заставляютъ современные народы бросать орудія мирнаго труда хвататься за ружья, пушки, собираться огромными массами и съ дикой яростью истреблять другъ друга. И нельзя успокоиться тѣмъ, что эти ужасы творятся сравнительно рѣдко, что войны въ наши дни происходятъ не каждый годъ. Въ теченіе только послѣднихъ 10—15 лѣтъ произошло шесть серьезныхъ войнъ,—тянулись по нѣскольку лѣтъ: цѣлыхъ три года англичане избивали маленькое и храброе бурское племя. Можно сказать, что почти непрерывно льется гдѣ-нибудь человѣческая кровь. Но если даже временами рѣка этой крови высыхаетъ, то свободнаго времени государства не тратятъ даромъ, а усиленно готовятся къ новымъ войнамъ. Вся Европа превратилась въ одинъ огромный вооруженный лагерь. Одна Россія за 10 послѣднихъ лѣтъ (съ 1894 по 1903, т. е. до войны) израсходовала на военныя надобности 3120 милліоновъ руб., а между тѣмъ за тѣ же десять лѣтъ Россія пережила нѣсколько тяжелыхъ голодовокъ. Выходитъ, что люди лишаютъ себя въ буквальномъ смыслѣ слова послѣдней корки хлѣба, чтобы только имѣть побольше броненосцевъ, ружей, ядеръ и при случаѣ сумѣть побольше отправить людей на тотъ свѣтъ. И теперь, едва только кончилась война, поглотившая до 3000 милліоновъ рублей, какъ уже снова говорятъ о скорой постройкѣ новаго флота, на который предполагается затратить до 400 милліоновъ рублей. И это въ то время, когда голодная смерть уже снова носится по русскимъ деревнямъ и селамъ, намѣчая себѣ новыя жертвы. И такъ происходитъ не въ одной Россіи, но буквально во всей Европѣ. Что же заставляетъ народы съ такой мрачной, неустанной торопливостью накапливать годъ за годомъ все новыя груды все болѣе и болѣе ужасныхъ орудій истребленія? Чтобы понять это, посмотримъ, какъ и почему возникла какая-либо изъ послѣднихъ войнъ, напримѣръ—испано-американская.—Разра

Digitized by Google

зилась она изъ-за острова Кубы. Раньше онъ принадлежалъ Испаніи, послѣ войны перешелъ къ Америкѣ. Чѣмъ знаменитъ этотъ маленькій островъ, что изъ-за него совершенно чуждые ему люди пришли и принялись истреблять другъ друга? Съ этимъ островомъ испанскіе фабриканты вели довольно оживленную торговлю. Въ Испаніи, какъ и во всѣхъ другихъ современныхъ странахъ Европы, большая часть народнаго богатства, чѣмъ живетъ и въ чемъ нуждается населеніе, производится на большихъ фабрикахъ и заводахъ, которые принадлежатъ небольшой кучкѣ людей—фабрикантамъ. Но фабриканты, въ складахъ которыхъ накапливаются огромныя груды товаровъ, не могутъ, конечно, сами потреблять ихъ,—имъ необходимо всѣ эти товары продать, выручить за нихъ деньги. И вотъ начинаются отчаянные поиски за покупателями или, какъ принято говорить, за рынками сбыта. Своя страна наполовину разорена тѣми же фабрикантами, населеніе охотно разобрало бы всѣ эти груды товаровъ, но не имѣетъ денегъ заплатить за нихъ,—а фабрикантъ, между тѣмъ, продолжаетъ расширять свою фабрику, увеличивать свое производство, ему нужно, чтобы товары, какъ можно быстрѣе, тысячами, милліонами пудовъ расходились во всѣ стороны,—и вотъ снаряжаются суда, длинные поѣзда нагружаются до верху этими товарами, и быстро мчатся тѣ и другія по всѣмъ направленіямъ, лихорадочно разыскивая, нѣтъ ли гдѣ денежнаго покупателя, который нуждался бы въ этихъ товарахъ Но фабричныя трубы дымятъ не въ одной Испаніи, цѣлый лѣсъ ихъ возвышается надъ Лондономъ, Берлиномъ, Москвой, Петербургомъ—вездѣ кипитъ лихорадочная работа,—сотни поѣздовъ мчатся со всѣхъ сторонъ и во всѣ стороны, огромные океанскіе пароходы несутся по всѣмъ морямъ и океанамъ, перегоняя другъ друга. Скорѣе, скорѣе! Вонъ тамъ, на Кубѣ, Марокко, Манджуріи, Китаѣ, есть еще свободные рынки, пока еще можно тамъ разсовать свои товары. И огромный пароходъ подлетаетъ на всѣхъ парахъ къ какой-нибудь Кубѣ, но—увы!—тамъ уже стоятъ десятка два другихъ пароходовъ, а изъ-за горизонта показываются новыя трубы,—это спѣшатъ вдогонку все новые проклятые соперники. Въ результатѣ, товаровъ оказывается слишкомъ много—они остаются нераспроданными, и промахнувшійся капиталистъ съ сердцемъ посылаетъ грозное проклятіе своимъ болѣе счаст-

Digitized by Google

ливымъ соперникамъ. Но онъ—слишкомъ энергичный и ловкій человѣкъ, чтобы ограничиться однимъ безплоднымъ проклятіемъ. У себя на родинѣ онъ пользуется огромнымъ вліяніемъ, какъ и всѣ богатые люди страны. Избирательный законъ далъ ему возможность попасть въ парламентъ, тамъ онъ встрѣтился съ другими капиталистами, которые, какъ и онъ, жалуются на чужое соперничество въ торговлѣ. Они, произнося шумныя рѣчи, ругаютъ чужую страну, которая отбила у нихъ прибыли; съ большимъ воодушевленіемъ восклицаютъ они: какой позоръ для нашей страны, если она уступитъ въ этомъ спорѣ! Съ цифрами въ рукахъ они начинаютъ доказывать, что народъ бѣденъ, что ему грозятъ голодъ, нищета, вырожденіе, и что во всемъ этомъ виноваты проклятые иностранцы. Въ рукахъ этихъ капиталистовъ находится много газетъ, которыя широко расходятся среди населенія. Въ этихъ газетахъ теперь день за днемъ появляется масса воинственныхъ статей, и въ нихъ на разные лады доказывается, что народъ долженъ постоять за свою славу, что нельзя уступать какимъ-то желтолицымъ варварамъ. Пишутся ученыя статьи, выпускаются цѣлыя книги, и все съ единственной цѣлью пробудить въ народѣ ненависть къ чужому народу. Газеты, статьи и книги читаются милліонами людей; въ вѣчной борьбѣ за кусокъ хлѣба имъ некогда разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ, они знаютъ только одно: что они голодны, что жизнь для нихъ — вѣчная мука; невѣжественные и забитые, они тщетно усиливаются понять, откуда къ нимъ идутъ эти вѣчныя страданія. И вотъ имъ со всѣхъ сторонъ твердятъ — во всемъ виновата „англичанка“, „нѣмецъ“ и т. п. Какъ губительный ядъ, впитывается эта человѣкоубійственная проповѣдь въ народныя массы. Повсюду раздаются крики: война! война! Капиталисты, стоящіе близко у власти, вмѣстѣ съ этими, опьяненными злобной проповѣдью единомышленниками, назначаютъ огромныя суммы на военныя надобности. Въ арсеналахъ кипитъ работа. Но въ то же самое время то же происходитъ и въ другой странѣ, и вотъ два народа, раздѣляемые другъ отъ друга морями и огромными пространствами и доселѣ не знавшіе другъ друга, съ яростью обрушиваются одинъ на другого. Гибнутъ тысячи жизней, гибнутъ милліарды народныхъ сбереженій — но капиталисты, натравившіе народы другъ на друга, обыкновенно остаются въ сторонѣ, выжидая

Digitized by Google

плодовъ побѣды—эти плоды не минуютъ ихъ рукъ, а народъ, возвращающійся съ поля битвы, встрѣтитъ дома еще большую нищету, чѣмъ прежде.

Такъ происходило въ Испаніи и Америкѣ передъ войною за Кубу. Такъ происходило въ Англіи, когда она въ 1899 г. бросилась на буровъ; такъ происходитъ сейчасъ въ Германіи и Франціи по поводу Марокко, изъ-за котораго недавно чуть-чуть было не возгорѣлась ужаснѣйшая война.

Что касается послѣдней японской войны, то мы уже знаемъ, что для русской торговли она не могла имѣть никакого серьезнаго значенія. Дальній Востокъ былъ, дѣйствительно, „дальнимъ“ для нашей торговли.

Но если русская промышленность мало выиграла отъ войны, то немало выиграли отъ нея отдѣльные промышленники. Торговля съ Китаемъ не выросла отъ захвата Манджуріи и Портъ-Артура, —но въ огромной степени выросли прибыли тѣхъ, которые хозяйничали тамъ и здѣсь въ качествѣ подрядчиковъ, инженеровъ, строителей всякаго рода. Надъ Манджуріей всѣ эти семь-восемь лѣтъ стоялъ непрерывный золотой ливень, подъ который съ разныхъ сторонъ Россіи сбѣжались сотни аферистовъ всякаго рода. Манджурія оказалась искуснымъ отводнымъ каналомъ, по которому непрерывной струей стекалось золото, по мелочамъ набранное съ голодающей Россіи, и переливалось тамъ въ предпринимательскіе карманы.

Такимъ образомъ, и у насъ война, какъ подготовившая ее корейско-манджурская авантюра, оказалась въ рукахъ капитала могущественнымъ средствомъ обогащенія. Въ самомъ дѣлѣ, откуда и куда пошли тѣ милліарды рублей, которые за послѣднія 10 лѣтъ безвозвратно поглотилъ Дальній Востокъ? Ихъ выплатилъ всѣ до послѣдней копейки русскій трудящійся полунищій людъ. Но кого обогатили корейскіе лѣса, манджурская дорога, города Дальніе — Лишніе и т. п...? Бѣдный людъ узналъ о нихъ ужъ тогда, когда его повезли умирать за нихъ на поляхъ Манджуріи.

Капиталъ—вотъ бичъ современности, и недаромъ про него одинъ писатель сказалъ, что „изъ головы и пятокъ его вѣчно сочится грязь и кровь“.

Въ сущности, то же самое происходило и въ Японіи. Уже послѣ возникновенія войны, осенью 1904 года, состоялся въ Амстердамѣ международный съѣздъ рабочихъ соціалдемокра-

Digitized by Google

товъ. Тамъ присутствовалъ, между прочимъ, представитель японскихъ рабочихъ, Катайама. Въ горячей рѣчи онъ разсказалъ всему собранію, въ какой нуждѣ живутъ японскіе рабочіе, какъ ихъ жестоко обираютъ японскіе фабриканты; теперь этимъ фабрикантамъ понадобились новые рынки сбыта для своихъ товаровъ, и они устремили свое вниманіе на Китай и Корею; цѣлыя 10 лѣтъ они усиленно проповѣдывали по всей странѣ, что эти Корея и Манджурія необходимы для блага всей Японіи; что Японія погибнетъ, если не прогонитъ оттуда Россію; что если японскіе рабочіе голодаютъ, то только потому, что Корея и Манджурія находятся еще въ рукахъ Россіи; всѣ газеты подхватили этотъ кличъ, и цѣлыхъ 10 лѣтъ они трубили, что въ народной нищетѣ повинна прежде всего Россія, засѣвшая въ Манджуріи; выгоните ее оттуда, и тогда всѣ вы, японцы, будете богаты и счастливы. И Катайама съ грустью добавилъ, что эта проповѣдь оказала свое дѣйствіе: капиталистамъ и правительству удалось обмануть народъ; народъ повѣрилъ, что онъ голодаетъ не потому, что на его счетъ наживаются капиталисты, а потому, что въ Манджуріи — Россія. И повсюду раздались крики: Война, война! Бѣдный, обманутый народъ, идя на войну, воображалъ, что онъ идетъ добывать кусокъ хлѣба, что послѣ побѣды ему жить будетъ лучше. Многія тысячи остались на полѣ битвы. А тѣ, кто вернулся живыми, найдутъ въ странѣ еще большее разореніе и, спасаясь отъ голода, пойдутъ къ тѣмъ же капиталистамъ и станутъ на нихъ работать всю жизнь, довольствуясь попрежнему, какъ и до войны, жалкой горсточкой рису въ день.

Но Катайама разсказалъ, далѣе, что многіе японскіе рабочіе за послѣднее время начинаютъ понимать, что ихъ обманываютъ; что главный ихъ врагъ — не Россія въ Манджуріи, а свои собственные капиталисты; они поняли, что война съ Россіей нужна, прежде всего, этимъ капиталистамъ. Поскольку могутъ, они стараются просвѣтить своихъ товарищей и раскрыть имъ, ослѣпленнымъ, какъ ихъ жестоко обманывали всѣ эти 10 лѣтъ. Но пока ихъ еще очень немного, всего нѣсколько тысячъ, — поэтому-то они и не могли остановить войны; работа ихъ среди товарищей идетъ съ большимъ трудомъ, потому что ихъ преслѣдуетъ правительство: такъ, оно немедленно закрыло газеты, въ которыхъ эти сознательные рабочіе опубликовали свой протестъ противъ войны, а ре-

Digitized by Google

дактора газеты посадило въ тюрьму: но они вѣрятъ, что, рано или поздно, а побѣда будетъ за ними, а пока, въ ожиданіи этой побѣды, они послали его, Катайаму, на этотъ конгрессъ, чтобъ громко, передъ лицомъ рабочихъ всего міра, протестовать противъ этой преступной войны, затѣянной капиталистами обѣихъ странъ, и протянуть руку дружбы русскимъ рабочимъ, въ которыхъ они видятъ своихъ товарищей по труду, несчастію и борьбѣ съ общимъ врагомъ—капиталомъ.—Эта рѣчь вызвала шумный восторгъ среди всѣхъ присутствующихъ.

И мы снова, послѣ всего сказаннаго, возвращаемся къ нашему вопросу: можетъ ли будущая Дума предохранить насъ отъ новой войны? Отвѣтить на этотъ вопросъ теперь не трудно; вѣдь въ эту Думу, какъ мы уже знаемъ, попадутъ, главнымъ образомъ, богатые люди и среди нихъ, прежде всего, капиталисты всякаго рода. Если и прежде, разбросанные повсюду, они оказывали такое сильное вліяніе на всю жизнь страны, то теперь, собранные въ лицѣ своихъ представителей въ Государственной Думѣ, они будутъ еще съ большимъ удобствомъ проводить свои интересы, которые сплошь и рядомъ идутъ въ разрѣзъ съ интересами трудящагося люда. И уже теперь, можно сказать—на другой день послѣ окончанія войны, когда наши войска остаются еще невыведенными изъ Манджуріи, эти люди и ихъ газетные приспѣшники начинаютъ снова брящать оружіемъ. Не успѣли мы раздѣлаться съ Дальнимъ Востокомъ, а уже въ такихъ газетахъ, какъ „Русь“ и „Новое Время“, помѣщаются статьи о Ближнемъ Востокѣ и о Среднемъ Востокѣ. Ближній Востокъ—это Турція, гдѣ русскіе капиталисты сталкиваются съ нѣмецкими. Средній Востокъ—это Персія, гдѣ идетъ борьба между русскими и англійскими товарами. И одни не прочь побрящать оружіемъ по адресу Германіи, другіе—по адресу Англіи, смотря по личнымъ вкусамъ. И почти нѣтъ сомнѣній, что эти воинственные люди, войдя въ будущую Думу, будутъ и тамъ восклицать съ „патріотическимъ“ пыломъ: „Какой позоръ для Россіи, что она не можетъ выгнать нѣмцевъ изъ Константинополя! Какой позоръ для Россіи, что она уступаетъ Персію англичанамъ!“ И нѣтъ сомнѣнія, что если только они будутъ въ силахъ, они снова вовлекутъ Россію въ какую-либо новую, еще болѣе кровопролитную и ужасную войну, чѣмъ только что пережитая. Да не будетъ этого! Довольно крови

Digitized by Google

и слезъ! Съ насъ довольно Дальнаго Востока! Русскому народу не нужны ни Дальніе, ни Средніе, ни Ближніе Востоки,— у него достаточно своего дѣла у себя на родинѣ.

Но какъ же бороться съ этой новой, возможною опасностью, которая зрѣетъ въ самой будущей Думѣ? И мы снова приходимъ къ тому же выводу, къ которому уже не разъ приходили раньше: намъ нужна не Дума богатыхъ людей, а Дума общенародная; намъ нужно, чтобы избирательное право принадлежало не только купцамъ и помѣщикамъ, а всѣмъ взрослымъ людямъ—безъ различія пола, условій, имущества, націи,— нужно, чтобы оно было всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ. Тамъ, въ этой будущей общенародной Думѣ рабочему люду будетъ легче вести борьбу съ тѣснящими его богатыми людьми; тамъ ему будетъ легче слѣдить за ними, чтобы они не вовлекли его въ какую-либо новую ужасную войну; а если это несчастье разразится, онъ не позволитъ имъ уйти съ такой легкостью отъ расплаты за свои преступленія, какъ они это дѣлаютъ сейчасъ въ Россіи.

Digitized by Google

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

РѢЧЬ О БѢЛИНСКОМЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

на русскихъ собраніяхъ въ Женевѣ, Цюрихѣ и Бернѣ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Книгоиздательство „БУРЕВѢСТНИКЪ“.

ОДЕССА. — 1906.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. Одесса 20 января 1906 года.

ОДЕССА 1906.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая 26, уг. Пушкинской

Digitized by Google

Георгій Валентиновичъ Плехановъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Пролетаріатъ и крестьянство „на Западѣ".

I.

Мы начинаемъ съ «Запада». Почему? Это выяснится самимъ ходомъ изслѣдованія. Теперь же мы просимъ читателя удовольствоваться пока тѣмъ общимъ соображеніемъ, что западныя страны болѣе «развиты», чѣмъ наше отечество, а болѣе развитыя страны до нѣкоторой степени показываютъ то, что предстоитъ «отсталымъ».

Что такое пролетарій? Это производитель, который не имѣетъ никакихъ средствъ производства и потому вынужденъ продавать свою рабочую силу обладателю таковыхъ, капиталисту, т. е. долженъ работатъ по найму.

А что такое крестьянинъ? Это, прежде всего, землевладѣлецъ. Но прусскій юнкеръ тоже—землевладѣлецъ, а между тѣмъ его никто не назоветъ крестьяниномъ. Стало быть, землевладѣніе составляетъ хотя необходимый, но еще недостаточный признакъ того общественнаго слоя, который называется крестьянствомъ.

Каковы же его другіе признаки? Прежде, въ то доброе старое время, когда «западныя» страны, — напр., хоть та же Пруссія,—были отсталыми въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ мы назвали отсталой Россію, крестьянская поземельная собственность отличалась тамъ отъ дворянской правовымъ положеніемъ собственника. Теперь правовыя различія этого рода, можно сказать, совсѣмъ исчезли даже въ наименѣе «передовыхъ» изъ западно-европейскихъ странъ, и потому крестьянское землевладѣніе характеризуется тамъ лишь своими размѣрами.

Согласно опредѣленію, даваемому извѣстнымъ нѣмецкимъ экономистомъ Конрадомъ, крестьянскимъ считается такой участокъ, который достаточно великъ для того, чтобы занять своей обработкой всю рабочую силу своего обладателя и его семьи, но слишкомъ малъ для того, чтобы его обладa-

Digitized by Google

тель могъ не принимать личнаго участія въ его воздѣлываніи и ограничиться трудомъ управленія и надзора за наемными рабочими[1]).

Кондрадъ противопоставляетъ крестьянина обладателю парцеллы, который не можетъ жить доходомъ со своего клочка земли и вынужденъ искать заработка на сторонѣ (тамъ же, стр. 438).

Если мы послѣдуемъ за Конрадомъ въ этомъ противопоставленіи,—а послѣдовать полезно въ интересахъ точнаго разграниченія понятій, — то крестьянское землевладѣніе все-таки окажется у насъ охватывающимъ участки весьма неодинаковой величины. Въ Германіи называютъ крестьянскими такіе участки, которые простираются отъ 2 до 100 гектаровъ (гектаръ—0,9 десятины). Въ виду этого нельзя не согласиться съ А. Толстымъ, утверждавшимъ, что «есть мужикъ и мужикъ». Крестьянинъ, владѣющій двумя-тремя гектарами, живетъ „трудами рукъ своихъ" и въ лучшемъ случаѣ кое-какъ сводитъ концы съ концами; а крестьянинъ, имѣющій сто гектаровъ, не только пользуется благосостояніемъ, но — и это для насъ главное—не можетъ обойтись въ своемъ хозяйствѣ безъ наемныхъ рабочихъ. Поэтому онъ принадлежитъ къ классу предпринимателей, эксплуататоровъ.

Но эти двѣ категоріи крестьянъ соединяются между собою множествомъ промежуточныхъ ступеней, дѣлающихъ почти незамѣтнымъ переходъ отъ одной изъ нихъ къ другой. При томъ же крестьянинъ, эксплуатирующій наемныхъ рабочихъ, самъ принимаетъ участіе въ ихъ трудѣ и этимъ отличается отъ крупнаго предпринимателя, который только распоряжается и управляетъ «дѣломъ». Характеръ крестьянина, имѣющаго батраковъ, отличается, стало быть, двойственностью: такой крестьянинъ не только эксплуататоръ; онъ также и производитель.

Чѣмъ больше у него батраковъ, тѣмъ меньше, обыкновенно, его личное участіе въ ихъ трудѣ и тѣмъ болѣе въ его характерѣ преобладаютъ черты эксплуататора; а чѣмъ незначительнѣе число его батраковъ, тѣмъ больше приходится работать ему самому и тѣмъ болѣе онъ приближается къ мелкимъ, самостоятельнымъ производителямъ.

Такъ какъ его характеръ опредѣляется этими двумя чертами, то для пониманія этого характера надо имѣть ясное представленіе: 1) о томъ, что такое эксплуататоръ; 2) о томъ, что такое самостоятельный производитель.

---

[1]) Handwörtererucn d. Staatsw., B. II, S. 437.

Digitized by Google

Всякій соціалистъ хорошо знаетъ, что такое эксплуататоръ. На этотъ счетъ распространяться излишне. Поэтому мы прямо переходимъ къ выясненію того, что такое мелкій самостоятельный производитель. Выяснить это намъ тѣмъ болѣе полезно, что значительная часть крестьянства цѣликомъ принадлежитъ къ этой категоріи, обрабатывая свои участки своими собственными силами и вовсе не прибѣгая къ покупкѣ чужой рабочей силы.

Прежде всего мы наталкиваемся здѣсь на такіе вопросы: имѣемъ-ли мы право отождествить понятіе: мелкій самостоятельный производитель съ понятіемъ: пролетарій? А если для ихъ отождествленія нѣтъ достаточнаго основанія, то не можемъ-ли мы, по крайней мѣрѣ, объединить ихъ въ одномъ общемъ, болѣе широкомъ понятіи, напр., въ понятіи: трудящееся населеніе?

И да, и нѣтъ! Здѣсь все зависитъ отъ точки зрѣнія.

Если мы станемъ на точку зрѣнія морали и, объявивъ эксплуатацію чужого труда безнравственной, будемъ классифицировать членовъ современнаго цивилизованнаго общества сообразно тому, живутъ или не живутъ они такой эксплуатаціей, то у насъ непремѣнно выйдетъ, что и пролетарій, работающій по найму, и ремесленникъ, не имѣющій наемныхъ рабочихъ, и крестьянинъ, собственнымъ трудомъ воздѣлывающій свое поле, принадлежатъ къ одному общественному классу,—классу производителей, неповинныхъ въ эксплуатаціи своихъ согражданъ. И этому классу будетъ противостоять у насъ классъ эксплуататоровъ.

Но можемъ-ли мы довольствоваться точкой зрѣнія морали?

Намъ опять приходится отвѣтить: и да, и нѣтъ. Здѣсь все зависитъ отъ нашей умственной требовательности.

Было время, когда многіе соціалисты совершенно довольствовались точкой зрѣнія морали. Это время было временемъ утопическаго соціализма. А потомъ соціалисты перестали довольствоваться точкой зрѣнія морали и перешли на точку зрѣнія науки. Тогда началась эпоха научнаго соціализма[1]).

Послѣдователи научнаго соціализма стремятся къ научному пониманію и къ научной классификаціи явленій. А на-

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что многіе соціалисты-утописты уже понимали неудовлетворительность моральной точки зрѣнія и стремились къ научному анализу общественной жизни. Но они еще не знали, гдѣ искать основы этой жизни, и потому ихъ анализъ не могъ идти далеко.

Digitized by Google

учная классификація явленій основывается на ихъ свойствахъ или на ихъ происхожденіи, а не на тѣхъ моральныхъ сужденіяхъ, которыя мы произносимъ по ихъ поводу. Мы можемъ сколько угодно порицать волка и хвалить собаку. Это не помѣшаетъ зоологу отнести и того, и другую къ одному роду canis.

Какъ же представляется дѣло съ научной точки зрѣнія? Чтобы понять это, надо сначала разрѣшить вопросъ о томъ, что именно называется классомъ въ современной общественной наукѣ.

Марксъ задался этимъ вопросомъ въ послѣдней главѣ третьяго тома „Капитала", причемъ формулировалъ его такъ: почему наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы составляютъ три великихъ класса современнаго общества? Указанная глава осталась неоконченной, и потому не даетъ полнаго отвѣта. Однако, даже и то, что сказано тамъ, достаточно опредѣляетъ мысль автора, если не съ положительной, то съ отрицательной ея стороны. Именно, мы узнаемъ, что, по мнѣнію Маркса, только на первый взглядъ кажется, будто дѣло тутъ (въ вышеприведенной классификаціи) заключается въ одинаковости дохода и источника дохода; дальнѣйшій анализъ приводитъ къ другому выводу. Каковъ этотъ выводъ, осталось, повидимому, неизвѣстнымъ, такъ какъ именно въ этомъ мѣстѣ оборвалась рукопись третьяго тома. Но совершенно ясно, по крайней мѣрѣ, то, что не распредѣленіемъ общественнаго дохода,— т. е. не подраздѣленіемъ его на заработную плату, предпринимательскую прибыль и поземельную ренту,— обусловливается раздѣленіе современнаго общества на три великихъ класса: наемныхъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Распредѣленіе дохода не можетъ, стало быть, служить научной основой классификаціи этого рода.

Если это такъ,—а мы сейчасъ увидимъ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ,—то очевидно, что очень ошибаются тѣ люди, которые относятъ крестьянина или вообще мелкаго самостоятельнаго производителя къ одному классу съ пролетаріемъ на томъ основаніи, что доходъ такого производителя не выше, а иногда и ниже, чѣмъ доходъ пролетарія, или же въ силу того соображенія, что крупный капиталъ эксплуатируетъ не только пролетарія, но также и мелкаго производителя. Факты, на которые при этомъ указываютъ, очень часто совершенно неоспоримы; но они имѣютъ совсѣмъ не то общественнное значеніе, какое имъ обыкновенно приписываютъ.

Чѣмъ же обусловливается раздѣленіе общества на классы? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ другая, предпослѣдняя глава „Капитала".

Общій выводъ, который изъ нея вытекаетъ, можетъ быть выраженъ словами самого Маркса: данныя отношенія распредѣленія являются выраженіемъ исторически опредѣленныхъ отношеній производства.

Но выраженіе предполагаетъ существованіе того, что выражается. Поэтому, данныя отношенія распредѣленія —т. е. данный способъ распредѣленія продукта,—предполагаетъ извѣстныя производственныя отношенія. Предполагаетъ не только логически, но и исторически. Наемный рабочій получаетъ извѣстный доходъ въ видѣ заработной платы. Это—фактъ, характеризующій собой отношенія распредѣленія. Наемный рабочій не имѣетъ ничего, кромѣ своей рабочей силы; всѣ средства производства принадлежатъ другимъ классамъ: капиталистамъ и землевладѣльцамъ. Это—фактъ, относящійся къ области производственныхъ отношеній. Но почему же рабочій получаетъ только заработную плату, т. е. только часть продукта, созданнаго его трудомъ? Именно потому, что у него нѣтъ ничего, кромѣ рабочей силы. Отношенія распредѣленія выражаютъ собой отношенія производства. Но они не только выражаютъ ихъ, а также и обусловливаются ими. Если бы не было свойственныхъ капиталистическому обществу производственныхъ отношеній, то и не было бы свойственныхъ ему отношеній распредѣленія. А его производственныя отношенія представляютъ собою лишь одинъ періодъ въ экономической исторіи человѣчества. Они возникли вслѣдствіе экономическаго развитія и исчезнутъ подъ его же вліяніемъ. Кто хочетъ понять судьбу, ожидающую нынѣшнее, буржуазное общество, тотъ ни на шагъ не приблизится къ своей цѣли. когда узнаетъ, какъ совершается въ немъ распредѣленіе продукта; дѣло станетъ ему ясно только тогда, когда онъ пойметъ историческій характеръ, переходное, временное значеніе свойственныхъ этому обществу отношеній производства.

Теперь мы знаемъ, что такое общественный классъ. Это —болѣе или менѣе обширный разрядъ лицъ, находящихся въ одинаковыхъ отношеніяхъ производства къ другимъ разрядамъ. Раздѣленіе общества на классы обусловливается существующими въ немъ производственными отношеніями. Стало быть, къ этимъ отношеніямъ мы должны обратиться и при

Digitized by Google

рѣшеніи вопроса о томъ, принадлежатъ-ли мелкіе самостоятельные производители къ одному классу съ пролетаріями.

Съ точки зрѣнія производственныхъ отношеній пролетарій совсѣмъ не то, что мелкій самостоятельный производитель. И тотъ, и другой трудятся; это такъ. Но одинъ трудится для себя, а другой—для хозяина; въ этомъ существенная разница. Если мелкій производитель трудится для себя, а не для хозяина, то этимъ онъ обязанъ не своему труду, а своему положенію обладателя извѣстныхъ средствъ производства. Это положеніе составляетъ отличительный признакъ этой категоріи производителей, заставляющій выдѣлить ее въ особый общественный классъ.

Кто думаетъ, что понятіе: пролетарій должно раствориться въ болѣе «широкомъ» понятіи: трудящійся, тотъ или ничего не понимаетъ въ современномъ соціализмѣ, или умышленно насаждаетъ теоретическую путанницу ради какой-нибудь практической цѣли, не имѣющей ровно ничего общаго съ дѣломъ истиннаго освобожденія «трудящихся».

Производственныя отношенія всякаго даннаго общества не только обусловливаютъ собою раздѣленіе его на классы и свойственное ему распредѣленіе продукта. Ими опредѣляется также направленіе всѣхъ великихъ общественныхъ движеній. Производственными отношеніями капиталистическаго общества обусловливается то обстоятельство, что пролетарій не можетъ сбросить съ себя ига капитала иначе, какъ совершивъ соціальную революцію. Поэтому пролетаріатъ является теперь классомъ революціоннымъ по преимуществу. Не то съ мелкими производителями. Принадлежность имъ средствъ производства является, какъ мы видѣли, залогомъ ихъ экономической самостоятельности. Поэтому ихъ жизненный интересъ требуетъ сохраненія частной собственности на средства производства. Если производственныя отношенія дѣлаютъ изъ пролетарія революціонера, то изъ мелкаго производителя они дѣлаютъ консерватора. Само собою разумѣется, что этотъ консерваторъ не всегда доволенъ своимъ положеніемъ. Онъ тоже можетъ роптать и волноваться. Но пока онъ стоитъ на своей собственной точкѣ зрѣнія; пока онъ усиливается защитить или возстановить характерныя для него отношенія производства, до тѣхъ поръ его недовольство пропитано духомъ консерватизма или даже реакціи: оно направляется не противъ частной собственности на средства производства, а противъ того, что мѣшаетъ ему пользоваться выгодами такой собственности. Онъ хотѣлъ бы остановить или повер-

нуть назадъ колесо исторіи. И это давно и хорошо сознали гг. «охранители». Такъ, уже цитированный нами Конрадъ говоритъ о крестьянахъ: «Крестьянство всегда было консервативнѣйшимъ элементомъ государства; оно всегда упорно держалось за старое и защищало его съ величайшей энергіей. Пониманіе важнаго значенія имущества и любовь къ отечеству дѣлаютъ его естественнымъ противникомъ свойственныхъ городамъ революціонныхъ идей и твердымъ оплотомъ противъ соц.-дем. стремленій (тамъ-же, стр. 439). Такое же отрадное упованіе на консерватизмъ крестьянина не разъ высказывали «охранители» другихъ западно-европейскихъ странъ: для примѣра укажемъ на книгу французскаго экономиста Сушона[1]).

Правда, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ соціалистической литературѣ все чаще и чаще раздаются голоса, выражающіе твердое убѣжденіе въ томъ, что крестьянинъ можетъ и долженъ быть привлеченъ къ соціализму. И не въ одной только европейской литературѣ высказывается подобная увѣренность. Совсѣмъ недавно въ Чикаго вышла книга «The American farmer», авторъ которой, американскій соціаль-демократъ Саймонсъ, полагаетъ, что мелкій фермеръ является теперь естественнымъ союзникомъ промышленнаго пролетарія. Но это мнѣніе Саймонса не противорѣчитъ нашей мысли. Его только надо понять, какъ слѣдуетъ.

Капиталистическія производственныя отношенія все болѣе и болѣе расширяютъ область своего господства въ передовыхъ странахъ нашего времени. Это расширеніе области господства названныхъ отношеній дѣлаетъ положеніе мелкаго производителя,—какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи,—все болѣе и болѣе непрочнымъ, зависимымъ и тяжелымъ. Саймонсъ приводитъ много интересныхъ примѣровъ, показывающихъ, что мелкій американскій фермеръ часто кругомъ опутанъ сѣтями капитала. Въ виду этого сѣверо-американская соціаль-демократія можетъ найти и должна искать себѣ сторонниковъ также и между мелкими фермерами. Но для того, чтобы мелкій фермеръ пошелъ подъ ея знамя, безусловно необходимо одно важнѣйшее психологическое условіе: онъ долженъ убѣдиться въ томъ, что мелкое землевладѣніе отжило свой вѣкъ и что частная собственность на средства производства должна уступить мѣсто — общественной. Другими словами, ему надо покинуть точку зрѣнія

[1]) La propriété paysanne, Paris, 1899.

Digitized by Google

мелкаго производителя и встать на точку зрѣнія пролетаріата. При наличности этого условія соц.-демократія, разумѣется, обязана принять его въ свои ряды. Болѣе того, она обязана облегчить ему своей пропагандой и агитаціей переходъ на новую, непривычную для него точку зрѣнія. Но до тѣхъ поръ, пока такой переходъ не состоялся; пока фермеръ требуетъ такихъ мѣръ, которыя обезпечили бы его существованіе, какъ мелкаго производителя; пока онъ стремится не къ соціальной революціи, а лишь къ нѣкоторымъ соціальнымъ реформамъ, которыя задержали-бы побѣдоносное шествіе крупнаго капитала, или ограничили бы областъ его вторженія, до тѣхъ поръ онъ не соціалистъ и ему нечего дѣлать между соціалистами. И если бы соціальная демократія вздумала поддерживать эти его стремленія, то она тѣмъ самымъ пришла бы въ непримиримое противорѣчіе со своей собственной коренной задачей, которая заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы задерживать развитіе капитализма, а въ томъ, чтобы воспользоваться этимъ развитіемъ въ интересахъ соціальной революціи.

Мы знаемъ, что въ соціалистическихъ партіяхъ всего цивилизованнаго міра есть теперь «товарищи», изображающіе этотъ вопросъ въ другомъ свѣтѣ. Эти «товарищи» говорятъ, что соціализмъ нисколько не измѣнитъ себѣ, взявъ на себя отстаиваніе интересовъ крестьянства, какъ такового. Но своими доводами эти господа обнаруживаютъ лишь неясность и непослѣдовательность своихъ собственныхъ воззрѣній.

Святой Бернаръ, споря съ людьми, утверждавшими, что взгляды Аристотеля тождественны съ ученіемъ Іисуса, воскликнулъ: вы доказали не то, что Аристотель былъ христіаниномъ, а то, что вы сами язычники.

Подобно этому мы можемъ сказать о многихъ и многихъ изъ «товарищей», которые рекомендуютъ западнымъ соціалистамъ «новую тактику» по отношенію къ крестьянству: они доказали не то, что предлагаемыя ими мѣры облегчатъ торжество соціализма, а то, что это торжество имъ, нашимъ будто-бы товарищамъ, совсѣмъ не нужно[1]).

---

[1]) Мы настоятельно просимъ читателя твердо помнить, что мы говоримъ пока только о „Западѣ", а о Россіи рѣчь у насъ впереди.

II.

Мы видѣли, что по ученію Маркса раздѣленіе общества на классы обусловливается существующими въ немъ производственными отношеніями, и что съ точки зрѣнія этихъ отношеній пролетарій совсѣмъ не то, что мелкій самостоятельный производитель: ремесленникъ или крестьянинъ. И теперь намъ легко рѣшить, много ли правды въ словахъ г. Виктора Чернова, который, въ статьѣ: «Крестьянинъ и рабочій, какъ категоріи хозяйственнаго строя», развязно утверждаетъ, что въ своемъ взглядѣ на крестьянина Марксъ гораздо ближе къ оппортюнисту Фольмару, чѣмъ къ «ортодоксальному марксисту Каутскому» [1]). Г. В. Черновъ ссылается на тѣ слова Маркса, что въ рукахъ мелкаго крестьянина земля есть простое средство производства. Онъ не понимаетъ того, что въ глазахъ автора «Капитала» именно это обстоятельство—обладаніе средствами производства—и составляетъ признакъ, не позволяющій причислить крестьянина, — и вообще мелкаго производителя, — къ одному классу съ пролетаріемъ. По Марксу, земля въ рукахъ мелкаго крестьянина есть не только простое средство производства; въ этихъ рукахъ она является самымъ главнымъ средствомъ производства, необходимымъ полемъ крестьянскаго труда и капитала. Г. В. Черновъ не замѣтилъ этого, непріятнаго для него словечка, — «капитала»,—а его полезно было бы замѣтить: оно уясняетъ, какимъ образомъ крупный капиталъ можетъ эксплуатировать мелкаго крестьянина. Марксъ хорошо зналъ фактъ такой эксплуатаціи, но онъ столь-же хорошо зналъ и то, въ чемъ она заключается. А заключается она въ томъ, что крупный капиталъ ухитряется тѣмъ или другимъ способомъ отнять у крестьянина ту прибавочную стоимость, которую при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ получилъ-бы этотъ послѣдній, какъ обладатель необходимой для производства движимости и недвижимости, какъ «мелкій капиталистъ» и «землевладѣлецъ» [2]). И вотъ почему крестьянинъ, подвергающійся такой эксплуатаціи, возстаетъ, — какъ мы сказали въ предыдущей статьѣ,—не противъ частной собственности на средства про-

[1]) Излишне прибавлять, что взглядъ Фольмара представляется г. В. Чернову очень близкимъ по взгляду на крестьянство нашихъ субъективистовъ и народниковъ. Въ аграрномъ вопросѣ всѣ симпатіи этихъ господъ принадлежатъ Фольмарамъ, Бернштейнамъ, Герцамъ и прочимъ жрецамъ оппортюнизма.

[2]) Ср. стр 339 и 340 второй части третьяго тома „Капитала".

Digitized by Google

изводства, а только противъ тѣхъ неблагопріятныхъ для него условій, которыя мѣшаютъ ему воспользоваться преимуществами своего положенія, какъ собственника. Вотъ почему онъ склоняется не къ соціальной революціи, а къ соціальнымъ реформамъ, которыя ограничили бы власть крупнаго капитала и вообще замедлили бы ходъ экономическаго развитія современнаго общества. Короче, вотъ почему его положеніе дѣлаетъ его не революціонеромъ, а консерваторомъ или даже реакціонеромъ. Революціонеромъ онъ дѣлается только тогда, когда, — отчаявшись въ возможности защитить или вернуть свою экономическую независимость, — переходитъ на точку зрѣнія пролетарія и стремится уже не отстоять мелкую собственность на средства производства, а устранить присвоеніе этихъ средствъ частными лицами.

Указанная нами статья г. В. Чернова напечатана въ сборникѣ: «На славномъ посту», посвященномъ г. Н. Михайловскому по случаю сороковой годовщины его литературной дѣятельности. Такимъ образомъ, статья является какъ бы «вещественнымъ выраженіемъ невещественныхъ отношеній». И, признаемся, насъ поражаетъ мысль г. Чернова—снабдить фальшивой ссылкой на Маркса литературный подарокъ юбиляру. Неужели г. Михайловскій не заслуживаетъ п р а в д и в а г о приношенія? Правда и то, что г. В. Чернову невозможно было обойтись безъ фальшивой ссылки: слишкомъ уже слаба его теоретическая позиція. Но если г. Михайловскій удосужился прочитать третій томъ „Капитала“, — что кажется намъ, впрочемъ, довольно невѣроятнымъ, — то онъ и самъ, конечно, замѣтилъ фальшъ и, навѣрно, очень огорчился ею: она должна была лишній разъ напомнить ему о томъ, что дѣло, которое онъ защищалъ такъ долго и такъ упорно, въ сущности безвозвратно проиграно. Умѣстно-ли, деликатно-ли было наводить маститаго юбиляра на такія безотрадныя размышленія?

Но оставимъ г. Чернова «на славномъ посту» его фальшивой ссылки и вернемся къ нашей темѣ. Постараемся пояснить наши общія положенія нѣсколькими отдѣльными примѣрами.

Возьмемъ сначала ремесленниковъ, этихъ типичныхъ представителей мелкаго производства въ области обрабатывающей промышленности. Ихъ положеніе въ Германіи, какъ и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ: крупный капиталъ безпощадно отнимаетъ у нихъ одну позицію за другою. Они недовольны;

они ропщутъ; имъ хочется завоевать себѣ лучшее будущее. Но что-же дѣлаютъ они съ этой цѣлью? Они стараются замедлить ходъ экономическаго развитія. Ихъ соціально-политическія программы насквозь проникнуты консервативнымъ,— болѣе того: реакціоннымъ духомъ. Чтобы не идти «въ глубь временъ», укажемъ хоть на программу существующаго съ 1882 г. «Всеобщаго нѣмецкаго союза ремесленниковъ»: отъ нея несетъ средними вѣками. Съ другой стороны, неоспоримъ тотъ фактъ, что въ рядахъ нѣмецкой соц.-демократіи встрѣчается не мало ремесленниковъ. Но эти ремесленники уже не защищаютъ интересовъ мелкой собственности: они уже покинули точку зрѣнія мелкаго самостоятельнаго производителя и перешли на точку зрѣнія пролетарія.

Теперь обратимся къ земледѣльцамъ. Сѣверо-американскіе фермеры давно уже чувствуютъ, что ихъ дѣло обстоитъ не очень благополучно, и давно уже пытаются объединится въ борьбѣ противъ крупнаго капитала. Очень интересной и, въ свое время, довольно вліятельной организаціей фермеровъ является союзъ т.-н. «Patrons of Husbandry» или «Grangers» («фермеровъ» или «земледѣльцевъ»). Наивысшей точки своего процвѣтанія эта организація достигла, повидимому, около 1876 года, когда ей принадлежало пять пароходовъ, тридцать два элеватора и двадцать два магазина для склада товаровъ. Она охотно называла себя рабочей организаціей [1]) и находилась въ дружественныхъ сношеніяхъ съ такъ-наз. «Рыцарями Труда». Но ея программа не заключала въ себѣ даже и намека на необходимость устраненія капитализма. Напротивъ, въ ней категорически сказано: «Мы не враги капитала, но мы возстаемъ противъ тираніи монополій» [2]). И это понятно: крупный капиталъ подчиняетъ себѣ фермера не въ процессѣ производства продуктовъ, а въ процессѣ ихъ обращенія, а также въ области кредита. Поэтому и усилія «Грэнджеровъ» направлялись не противъ производственныхъ отношеній, свойственныхъ капиталистическому обществу, а только противъ нѣкоторыхъ капиталистическихъ «монополій», касающихся кредита, перевозки товаровъ и торговли ими. Иляй надѣется, что сближеніе «деревни съ городомъ» сообщитъ рабочему движенію «здоровый консерватизмъ» (тамъ же, стр. 73-74). Онъ правъ въ томъ смыслѣ, что пока фермеры не покинутъ точки зрѣнія мелкаго производителя и не перейдутъ на точ-

[1]) M. R. Ely, „The Labour Movement in America" New York, p. p. 178 and 73.

[2]) Тамъ же, стр. 74.

Digitized by Google

ку зрѣнія пролетарія, ихъ сближеніе съ рабочими будетъ замедлять успѣхи соціализма. Вся исторія рабочаго движенія въ С.-Американскихъ Штатахъ подтверждаетъ это какъ нельзя лучше.

А что мы видимъ въ нашей старой Европѣ? Гг. «критики» Маркса усердно твердятъ, что экономическая и соціально-политическая жизнь западно-европейской деревни рѣзко противорѣчитъ марксовой «догмѣ». Посмотримъ же, вѣрно-ли это въ примѣненіи къ безусловно-«ортодоксальной» догмѣ, лежащей въ основѣ всей нашей статьи.

Какъ ведутъ себя, напр., нѣмецкіе «крестьянскіе союзы»? Каковы ихъ программы? Каково ихъ отношеніе къ освободительному движенію пролетаріата? Эти союзы тоже борются съ «монополіями» капитала въ области товарнаго обращенія и кредита и въ то же время всѣми силами защищаютъ «монополію» частной собственности. Ихъ соціально-политическія тенденціи достаточно характеризуются тѣмъ, что во многіе изъ нихъ закрытъ доступъ евреямъ и пролетаріямъ [1]).

А Франція? Здѣсь очень распространены сельско-хозяйственные синдикаты, громадное большинство членовъ которыхъ состоитъ изъ крестьянъ. Но и эти организаціи, за ничтожными исключеніями, легко объясняемыми нашей «догмой», чужды всякой мысли о революціонной борьбѣ съ капиталомъ, т. е. объ устраненіи капитализма и замѣнѣ его соціализмомъ. Съ этой стороны они могутъ служить образцами мелкобуржуазной умѣренности и консервативнаго благоразумія. И потому французскіе охранители видятъ въ нихъ лучшій оплотъ противъ соціализма [2]).

Но есть же въ Зап. Европѣ такіе счастливые уголки, въ которыхъ крестьяне оказываются очень доступными для соціалистической пропаганды и агитаціи? Развѣ крестьяне не пристаютъ къ соціалистамъ въ Венгріи и въ Италіи? И развѣ г. Юрій Гарденинъ не показалъ намъ, что соціалистическое движеніе между итальянскими и венгерскими крестьянами въ пухъ и прахъ бьетъ относящуюся къ крестьянскому вопросу «догму» марксистовъ [3]).

---

[1]) Georges Blondel, „Etudes sur les Populations Rurales de l'Allemagne". Paris, 1896, pp, 239, 241.

[2]) „Les Syndicats agricoles et leur oeuvre" par le Cte. de Rocquigny. Paris, 1900, p. 392.

[3]) См. его статью: „Чему насъ учитъ соціалистическое движеніе въ Венгріи и Италіи" во второй книжкѣ книжкѣ „Вѣстника русской революціи".

Digitized by Google

Г. Ю. Гарденинъ, дѣйствительно, показалъ намъ нѣчто весьма поучительное. Жаль только, что это нѣчто говоритъ не противъ нашей «догмы», а, наоборотъ, противъ него самого и его единомышленниковъ.

Взглянемъ хоть на Венгрію. Здѣсь прежде всего надо замѣтить, что огромное большинство крестьянъ обладаетъ совершенно незначительными поземельными участками и потому не можетъ существовать доходомъ со своихъ участковъ. Венгерскіе крестьяне вынуждены продавать свою рабочую силу крупнымъ землевладѣльцамъ. По знакомой уже намъ терминологіи Конрада ихъ надо называть не крестьянами въ собственномъ смыслѣ этого слова, а обладателями парцеллъ. Но поскольку обладатель парцеллы продаетъ другимъ свою рабочую силу, постольку онъ перестаетъ быть самостоятельнымъ производителемъ и дѣлается пролетаріемъ. И именно по этой причинѣ ему вообще гораздо легче цѣликомъ перейти на точку зрѣнія пролетарія. Чтобы перейти на нее, ему надо только потерять надежду на улучшеніе своего положенія въ качествѣ собственника микроскопическихъ средствъ производства и сосредоточить свои усилія на защитѣ своихъ интересовъ, какъ продавца рабочей силы. А разъ онъ перешелъ на точку зрѣнія пролетарія, сама логика борьбы рано или поздно приводитъ его къ мысли объ устраненіи капиталистическихъ производственныхъ отношеній, т. е. къ соціальной революціи. Примѣръ венгерскихъ обладателей парцеллъ[1]) подтверждаетъ это съ изумительной ясностью.

Въ 1890 году въ Венгріи считалось 1.440.000 крестьянъ, участки которыхъ были меньше пяти іоховъ (іохъ—полдесятины съ небольшимъ). Но тамошнія сельско-хозяйственныя условія таковы, что даже десяти іоховъ недостаточно для прокормленія средней крестьянской семьи. Венгерскіе крестьяне—какъ мы уже сказали — полупролетаріи по своему экономическому положенію. Эти полупролетаріи арендуютъ у крупныхъ землевладѣльцевъ землю изъ-за доли урожая или за отработки или же нанимаются на земляныя работы, предпринимаемыя для регулированія теченія рѣкъ. Однако, условія арендованія земли все болѣе измѣнялись въ теченіе послѣднихъ дестилѣтій къ невыгодѣ крестьянъ. Развитіе сельско-хозяйственнаго капитализма уничтожило старыя полупатріархальныя отношенія между крестьянами и крупными землевладѣльцами и научило нѣкогда неразсчетливыхъ магна-

[1]) Французы называютъ очень маленькіе земельные участки носовыми платками.

Digitized by Google

товъ разсчетливости: отработки становились все тяжелѣе, а доставававшаяся крестьянамъ доля урожая постоянно уменьшалась[1]). На этой экономической основѣ и возникла та, временами очень ожесточенная борьба классовъ, которая чрезвычайно сильно содѣйствовала проникновенію въ крестьянскую среду соціалистическихъ ученій. Мы видимъ, что во всемъ этомъ пока еще нѣтъ ровно ничего, противорѣчащаго нашей «догмѣ». Но главный вопросъ заключается въ томъ, какія требованія выставляютъ въ своей борьбѣ венгерскіе полупролетаріи. Характеромъ этихъ требованій опредѣляется весь характеръ ихъ движенія. А эти требованія были очень опредѣленно формулированы двумя крестьянскими конгрессами, одинъ изъ которыхъ состоялся 31 января—2 февраля 1897 г. въ Будапештѣ, а другой 14 — 16 февраля того же года въ Чегледѣ.

Будапештскій конгрессъ выставилъ требованія двоякаго характера: одни изъ нихъ касались правового положенія венгерскаго сельско-хозяйственнаго работника (всеобщее, равное и прямое избирательное право); свобода стачекъ; свобода передвиженія; уничтоженіе устава о наймѣ прислуги и т. п.); другія—относились къ условіямъ продажи работникомъ своей рабочей силы (сокращеніе рабочаго дня; расширеніе законодательства, охраняющаго интересы рабочаго, и распространеніе его на сельское хозяйство; назначеніе сельско-хозяйственныхъ инспекторовъ и т. д.). Въ обоихъ случаяхъ представители мелкаго крестьянства цѣликомъ становились на точку зрѣнія пролетаріата, и во всемъ ихъ поведеніи не было ровнехонько ничего, могущаго хоть немного поколебать марксову «догму». Совершенно наоборотъ: когда эти представители, заканчивая списокъ своихъ требованій, объявили себя соціалистами, венгерскіе соціалдемократы могли безъ всякихъ колебаній и оговорокъ признать ихъ своими «ортодоксальными» товарищами.

То же приходится сказать о конгрессѣ въ Чегледѣ. Хотя нѣкоторые изъ засѣдавшихъ тамъ представителей мелкаго крестьянства, повидимому, были отчасти заражены анархизмомъ и даже антисемитизмомъ[2]), но въ своихъ рѣшеніяхъ и этотъ конгрессъ показалъ себя чуждымъ того мелко-буржуазнаго соціализма, точкой отправленія котораго является

---

[1]) „Zwei Sozialdemokratische Bauern Kongresse", „Neue Zeit". 15 Jahrgang, I Band, S. 811, sq.

[2]) „Von der Bauernbewegung in Ungarn", XVI. Jahrgang, I Band, 691.

утопическое стремленіе поддержать мелкую собственность на средства производства. Выставленныя этимъ конгрессомъ требованія имѣли въ виду интересы сельско-хозяйственнаго рабочаго какъ пролетарія, а не какъ мелкаго собственника. Это хорошо видно изъ категорическаго заявленія чегледскаго конгресса на счетъ того, что всѣ рецепты, придумываемые для спасенія мелкаго землевладѣнія, являются пустыми обѣщаніями или въ лучшемъ случаѣ, безсильными палліативами. Конгрессъ объявилъ себя солидарнымъ съ соціалдемократіей именно потому, что убѣдился въ невозможности остановить упадокъ мелкаго землевладѣнія [1]). Въ качествѣ закоренѣлаго «догматика», пишущій эти строки очень хотѣлъ бы, чтобы защищаемая имъ «догма» почаще опровергалась такъ, какъ опровергли ее мелкіе крестьяне Венгріи на будапештскомъ и чегледскомъ конгрессахъ.

Впрочемъ, зачѣмъ ограничиваться этими двумя конгрессами? Все послѣдующее движеніе венгерскихъ крестьянъ совершилось именно въ томъ направленіи, которое такъ ясно обозначилось въ Будапештѣ и Чегледѣ. И не удивительно, что на своихъ позднѣйшихъ конгрессахъ они съумѣли сохранить точку зрѣнія пролетаріевъ. Для примѣра укажемъ на второй будапештскій конгрессъ (25-27 дек. 1897 г.) и на конгрессъ южно-венгерскихъ крестьянъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Темешварѣ (въ янв. 1898 г. [2]).

Если, не смотря на всѣ эти, совершенно неоспоримые факты, г. Ю. Гарденинъ все-таки пытается сконфузить русскихъ марксистовъ ссылками на Венгрію, то намъ остается предположить одно изъ двухъ: или этотъ развязный сочинитель не понимаетъ ни того, что онъ оспариваетъ, ни того, на что ссылается, или онъ разсчитываетъ на легковѣріе своихъ читателей. Какое-бы изъ этихъ двухъ предположеній ни было ближе къ истинѣ, несомнѣнно то, что его статья посрамляетъ его самого, а вовсе не сторонниковъ марксовой «догмы».

---

[1]) Paul Engelmann, l c. S. 817.

[2]) „Von der Bauernbewegung in Ungarn" 11. 961, u. 691.

Замѣтимъ однако, что на второмъ будапештскомъ конгрессѣ большинство представителей состояло изъ безземельныхъ сельско-хозяйственныхъ поденщиковъ.

Digitized by Google

III.

Теперь перенесемся въ Италію и посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ движеніемъ тамошняго крестьянства.

Изъ очень извѣстной книги Наполеона Колаяни мы узнаемъ (стр. 19), что «оффиціальной» программой сицилійскихъ рабочихъ союзовъ служитъ «программа итальянскихъ рабочихъ, программа марксовой школы».[1]) Надѣемся, что это обстоятельство даже расторопнымъ г. Ю. Гарденинымъ не можетъ быть использовано, какъ доводъ п р о т и въ марксизма. Но вѣдь тутъ говорится объ оффиціальной программѣ: ясно, что, по мнѣнію Колаяни, есть еще какая-то другая программа, не признанная вожаками движенія, но за то, можетъ быть, болѣе соотвѣтствующая взглядамъ и стремленіямъ сицилійскаго крестьянства. Каково же содержаніе э т о й программы? Колаяни характеризуетъ ее словами нѣкоего Энея Кавальери, который говоритъ, что въ сущности сицилійскіе Fasci являются «обществами сопротивленія» въ родѣ англійскихъ трэдъ-юніоновъ (стр. 21). Но что же такое— англійскій трэдъ-юніонъ? Это—организація, имѣющая цѣлью улучшить положеніе рабочаго, какъ продавца рабочей силы. Если рабочіе, принадлежащіе къ такой организаціи, не идутъ въ своихъ стремленіяхъ дальше этой цѣли, то они тѣмъ самымъ показываютъ, что ими еще не сознается истинное положеніе ихъ класса и опредѣляемая этимъ положеніемъ революціонная общественная задача. Такихъ рабочихъ можно и должно признать людьми ограниченными; но и этимъ ограниченнымъ людямъ не слѣдуетъ приписывать такихъ стремленій, какихъ они вовсе не имѣютъ: нельзя выставлять ихъ защитниками мелкаго производства. «Чистый трэдъ-юніонистъ» стоитъ на пролетарской точкѣ зрѣнія, хотя по свойственной ему близорукости онъ и не способенъ охватить своимъ взглядомъ всю, открывающуюся оттуда величественную перспективу. Слѣдовательно, даже если Колаяни правъ; если «оффиціальная» марксистская программа признавалась только вожаками сицилійскихъ союзовъ, между тѣмъ какъ масса не шла дальше своеобразнаго трэдъ-юніонизма, то и тогда наша «догма» остается незыблемой; и тогда мы сохраняемъ полное право повторить, что въ нынѣшнемъ обществѣ движеніе земледѣльцевъ можетъ быть прогрессивнымъ только

[1]) „Il programnea della scuola mérxista".

Digitized by Google

въ томъ случаѣ, если они покидаютъ точку зрѣнія мелкихъ собственниковъ и переходятъ на точку зрѣнія пролетаріевъ.

Вообще необходимо помнить, что сицилійское движеніе можетъ быть названо крестьянскимъ только съ большими оговорками. За исключеніемъ небольшой береговой полосы, которая идетъ отъ Марсалы черезъ Палермо и Мессину до Катаніи и отъ Катаніи до Этны, и въ которой преобладаетъ мелкая поземельная собственность и половничество, на всемъ остальномъ пространствѣ «благодатнаго острова» господствуетъ крупное землевладѣніе, а земледѣльцы являются настоящими пролетаріями [1]). Замѣтьте еще, что въ области, отличающейся преобладаніемъ половничества и мелкой собственности, союзы были распространены гораздо менѣе, чѣмъ въ пролетарскихъ мѣстностяхъ (тамъ-же, стр. 59). Это интересное явленіе, кажется, говоритъ тоже не противъ марксизма; вѣроятно, по этой причинѣ г. Гарденинъ и не счелъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія своихъ читателей.

Такъ назыв. крестьянское движеніе на итальянскомъ полуостровѣ тоже въ весьма значительной степени имѣетъ чисто пролетарскій характеръ: союзы крестьянъ и тамъ чаще всего являются обществами сопротивленія, стремящимися обезпечить сельско-хозяйственному рабочему возможно болѣе выгодныя условія продажи его рабочей силы. Въ доказательство сошлемся на брошюру Иваное Бономи и Карло Веццани [2]) и на брошюру Джіовани Монтемартини [3]). «Крестьянскіе» союзы всего чаще и называются союзами «для улучшенія» (условій найма) [4]).

Обо всемъ этомъ г. Ю. Гарденинъ хранитъ въ своей статьѣ самое глубокое молчаніе, а редакція «Вѣстника русской революціи» тоже не находитъ нужнымъ сказать по этому поводу хотя бы одно маленькое словечко. Молчаливость доходитъ у нихъ въ этомъ случаѣ до курьеза, который не мѣшаетъ отмѣтить.

Желая пристыдить насъ той «позиціей», которую «заняли въ аграрномъ вопросѣ» итальянскіе соціалисты, г. Ю. Гарденинъ указываетъ на рѣшеніе, принятое болонскимъ конгрессомъ сельскихъ рабочихъ, состоявшимся въ концѣ 1901 г. Вотъ какой видъ принимаетъ у него это рѣшеніе:

«Принимая во вниманіе, что не смотря на очевидныя

---

[1]) Colajani, gli Avvenimenti, pp 58-65.
[2]) Il movimento proletario nil mantovano, Milano, 1901.
[3]) „Le leghe di miglioramento fra i contadini nell'oltrepo pavese".
[4]) Le leghe di miglioramento.

Digitized by Google

различія, раздѣляющія земледѣльческихъ работниковъ — трудящихся за плату, трудящихся изъ доли урожая, мелкихъ арендаторовъ и мелкихъ крестьянъ собственниковъ — всѣ земледѣльческіе работники подвергаются одинаковой эксплуатаціи какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны государства;

«Принимая во вниманіе, что только дѣятельность всѣхъ эксплуатируемыхъ, основанная на гуманистическомъ и цивилизующемъ принципѣ солидарности, можетъ обезпечить дѣлу моральнаго, политическаго и хозяйственнаго освобожденія трудящагося класса достаточную силу и вѣсъ,—

«Конгрессъ сельскихъ работниковъ высказывается за необходимость объединить въ одномъ національномъ союзѣ всѣ кооперативныя и профессіональныя товарищества: именно, организаціи тѣхъ работниковъ, которыя охватываютъ на основѣ классовой борьбы совокупность слѣдующихъ трудящихся классовъ: сельскихъ батраковъ и чернорабочихъ, издольщиковъ, мелкихъ арендаторовъ и крестьянъ, если послѣдніе самолично обрабатываютъ свою собственную или арендованную землю»[1]).

Тутъ на первый взглядъ кажется, что «позиція» итальянскихъ соціалистовъ рѣзко расходится съ «позиціей» марксистовъ: мелкіе производители должны быть объединены въ одномъ союзѣ съ пролетаріями. Но такъ кажется только на первый взглядъ.

Во-первыхъ, г. Гарденинъ привелъ не полный текстъ рѣшенія болонскаго конгресса. Въ полномъ текстѣ находятся еще слѣдующія, очень важныя строки: «что касается мелкихъ арендаторовъ, издольщиковъ и арендаторовъ, то ихъ пріемъ въ отдѣльныя организаціи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ долженъ зависѣть отъ того, насколько они заинтересованы въ тѣхъ улучшеніяхъ, которыхъ эти организаціи добиваются»[2]).

На самомъ дѣлѣ выходитъ, стало быть, такъ: существуютъ организаціи для защиты интересовъ сельско-хозяйственныхъ работниковъ, какъ продавцовъ рабочей силы; и въ эти организаціи принимаются не только сельскіе пролетаріи, но также и мелкіе арендаторы, издольщики и собственники,

---

[1]) Вѣстникъ русской революціи, кн. 2-ая, стр. 207-208.

[2]) Quanto ai piccoli fittavoli, mezzadrie propeietori, la loro accetazione nelle singole organizzazioni dei lavarotori della ferra deve essere subordinatta alfatto che essi siano interessati al miglioramento di quelle categorie cui le dette organizzazione si riferiscouo. Avanti, 26, xi. 1901.

Digitized by Google

поскольку они заинтересованы въ борьбѣ этихъ организацій, т. е. поскольку имъ самимъ приходится продавать свою силу. Это совершенно естественно и необходимо. Но тѣ лица, т. е. докладчики болонскаго конгресса, которыя предложили это рѣшеніе, отнюдь не смѣшивали понятіе: мелкій крестьянинъ съ понятіемъ: пролетарій. Если бы они были повинны въ такомъ смѣшеніи, то они не сдѣлали бы оговорки, приведенной нами и опущенной г. Гарденинымъ по свойственной ему молчаливости; они не сказали бы, что мелкіе собственники и пр. принимаются лишь постольку и т. д.

Во-вторыхъ, дополненіе, предложенное Гатти и принятое громаднѣйшимъ большинствомъ конгресса, предписываетъ, чтобы потребительныя организаціи мелкихъ собственниковъ дѣйствовали по возможности солидарно съ организаціями сельско-хозяйственныхъ работниковъ, но отдѣльно отъ нихъ [1]). Это дополненіе, о которомъ ни г. Гарденинъ, ни редакція «Вѣстника Р. Р.» тоже не сказали ни одного слова, съ полной ясностью показываетъ, что итальянскіе соціалисты очень хорошо понимаютъ, какъ велика разница между пролетаріями съ одной стороны и мелкими крестьянами—съ другой.

До какой степени ясно они понимаютъ это,—видно изъ происходившихъ на болонскомъ конгрессѣ преній. Во время этихъ преній Энрико Ферри — вождь лѣваго крыла итальянскихъ соціалистовъ — прямо требовалъ, чтобы мелкихъ собственниковъ совсѣмъ не принимали въ рабочія организаціи, а Филиппо Турати,—вождь праваго крыла, — хотя и возсталъ противъ этого требованія, но единственно потому, что, по его словамъ, мелкій собственникъ—на половину рыба, на половину птица; что иногда въ немъ преобладаетъ одинъ характеръ, а иногда—другой, и что въ каждомъ данномъ случаѣ преобладаніе того или другого характера зависитъ отъ мѣстныхъ условій [2]). Принятое конгрессомъ рѣшеніе ближе къ «позиціи» Турати. Но эта «позиція» вполнѣ согласна съ нашей «догмой». Основная мысль хотя бы нашихъ статей о пролетаріатѣ и крестьянствѣ на Западѣ именно къ тому и сводится, что сельско-хозяйственный производитель представляетъ собой «рыбу», пока имѣющіяся у него средства производства обезпечиваютъ ему экономическую самостоятельность, и становится отчасти «птицей», когда оказывается

---

[1]) Ma in sezione separata da essi.

[2]) Avanti, No, di 25/xi., 1901.

Digitized by Google

вынужденнымъ время отъ времени продавать свою рабочую силу. И тогда въ немъ преобладаетъ то характеръ «рыбы», то характеръ «птицы», смотря по тому, въ какой мѣрѣ онъ производитъ самостоятельно и въ какой мѣрѣ ему приходится работать по найму. Кто понялъ это, тотъ никогда не скажетъ—какъ это говорятъ наши такъ называющіеся соц.-революціонеры,—что мелкій крестьянинъ и пролетарій принадлежатъ къ одному общественному классу. А именно это и «требуется доказать».

Партія, старающаяся отождествить мелкаго производителя съ пролетаріемъ, есть партія, мѣшающая пролетаріату отдѣлить свою «позицію» отъ «позиціи» мелкой буржуазіи. А мѣшать пролетаріату сдѣлать это—значитъ работать на пользу мелкихъ буржуа и во вредъ рабочему классу. Поэтому... но выводъ ясенъ даже и для тѣхъ, которые были удивлены тѣмъ, что «Искра» назвала нашихъ «соц.-революціонеровъ» мелко-буржуазной партіей.

IV.

Оппортюнисты западно-европейскаго соціализма, такъ называемые критики Маркса, много пишутъ и говорятъ теперь о сельско-хозяйственной кооперації. Они видятъ въ ней путь, по которому сельское населеніе можетъ придти къ соціализму, миновавъ капиталистическую фазу. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ путь имѣетъ то преимущество, что, выступивъ на него, сельское населеніе избѣжитъ не только капитализма, но также и классовой борьбы, которая съ успѣхомъ будетъ замѣнена союзомъ классовъ[1]). Эта неожиданная для насъ перспектива настолько интересна, что мы считаемъ не лишнимъ остановиться на вопросѣ о названной кооперації.

Извѣстно, что между сельскими товариществами первое мѣсто по численности и по величинѣ оборотовъ почти вездѣ занимаютъ кредитныя товарищества. Такъ, напримѣръ, изъ 15054 товариществъ, числившихся въ Германіи къ 1-му іюля 1901 г., было:

Кредитныхъ	10487
Товариществъ для совмѣстной закупки .	1294
Молочныхъ товариществъ . . .	2047
Прочихъ	1206

[1]) См. Die moderne Agrarfrage, von Dr. A. Nossig, Berlin—Bern, 1902, стр. 480 и многія другія.

Digitized by Google

Обороты германскихъ кредитныхъ товариществъ равняются приблизительно 1.750.000.000 мар. У русскаго читателя, сочувствующаго всякаго рода «ассоціаціямъ» и знающаго, какъ плохо идетъ ихъ дѣло въ нашемъ отечествѣ, при видѣ этой цифры можетъ произойти даже легкое головокруженіе. Ее во всякомъ случаѣ нельзя не признать весьма почтенной. Но каковы могутъ быть экономическія послѣдствія развитія кредитныхъ товариществъ въ деревнѣ?

Товарищества этого рода очень облегчаютъ крестьянину дѣло совершенія займовъ, безъ которыхъ ему часто совсѣмъ нельзя обойтись въ своемъ хозяйствѣ. Нуждой крестьянина въ деньгахъ часто пользуется ростовщикъ, выжимающій изъ него послѣдніе соки. Деревенское ростовщичество представляетъ собою далеко не новое явленіе. Напротивъ,—по замѣчанію Маркса,—ростовщическій капиталъ принадлежитъ, вмѣстѣ со своимъ близнецомъ—торговымъ капиталомъ, къ допотопнымъ формамъ капитала, возникающимъ задолго до появленія капиталистическаго способа производства и встрѣчающимся въ различныхъ экономическихъ формаціяхъ[1]). Но эта старинная форма отличается чрезвычайной живучестью. Изслѣдованіе, сдѣланное въ 1887 г. по почину «Союза для соціальной политики»,—показало, что ростовщикъ очень хорошо чувствовалъ себя даже въ современной германской деревнѣ. Мы не думаемъ, конечно, что теперь его царство въ нѣмецкой деревнѣ окончилось; но мы полагаемъ, что его власть была поколеблена распространеніемъ сельскихъ кредитныхъ товариществъ. И чѣмъ больше станетъ возникать такихъ товариществъ, тѣмъ легче будетъ нѣмецкому крестьянину избѣгать сѣтей ростовщика. Въ этомъ смыслѣ значеніе кредитныхъ товариществъ очень плодотворно. Но это ихъ плодотворное значеніе вовсе не дѣлаетъ изъ нихъ моста, по которому крестьяне могли бы перейти въ соціализмъ, минуя капиталистическія отношенія производства.

Какъ вліяетъ ростовщическій капиталъ на экономику деревни? Онъ задерживаетъ ея развитіе. Онъ разоряетъ и порабощаетъ себѣ производителей, но онъ не измѣняетъ способа производства. Этотъ способъ остается неизмѣннымъ; вліяніе ростовщика сказывается лишь въ томъ, что производственный процессъ совершается при условіяхъ все менѣе и менѣе благопріятныхъ для произ-

[1]) Das Kapital, III, 2, 132.

Digitized by Google

водителей. Поэтому устранить ростовщика изъ деревни значитъ открыть для нея путь экономическаго развитія. А открыть для нея этотъ путь не значитъ помѣшать вторженію въ нее капитализма. Наоборотъ, чѣмъ скорѣе пойдетъ она по этому пути, тѣмъ скорѣе разовьются въ ней капиталистическія отношенія. Устраненіе допотопной формы капитала приведетъ къ расцвѣту его новѣйшей формы.

Мы видимъ отсюда, что сельскія кредитныя товарищества не способны содѣйствовать появленію тѣхъ «ячеекъ», изъ которыхъ,—по словамъ «критиковъ», — сложится соціалистическое общество. Если они приведутъ къ соціализму, то не иначе, какъ черезъ капитализмъ и путемъ борьбы классовъ. Пойдемъ далѣе.

Во многихъ государствахъ Западной Европы начинаютъ играть довольно значительную роль товарищества для закупки необходимыхъ земледѣльцу матеріаловъ и орудій, а также для сбыта продуктовъ земледѣлія. Въ Германіи общая сумма оборота такихъ товариществъ доходила въ 1900 г. до 100 милліоновъ. Это, конечно, далеко не то, что мы видѣли въ кредитныхъ товариществахъ, но и это — уже не маленькая цифра. Надо замѣтить еще, что въ будущемъ этимъ товариществамъ, очевидно, предстоитъ еще очень широкое развитіе. «Близнецы» ростовщиковъ,—торговцы,—интересамъ которыхъ угрожаютъ эти товарищества, уже теперь приходятъ по ихъ поводу въ большое волненіе и стараются остановить ихъ успѣхи. Торговцы по своему совершенно правы. Этотъ видъ товариществъ можетъ нанести значительный ущербъ интересамъ торговаго капитала, значительно ограничивъ область его приложенія[1]). Но и ограниченіе области приложенія торговаго капитала не равносильно устраненію капитализма. Совсѣмъ нѣтъ. Лишая посредниковъ той роли, которую они играли до сихъ поръ въ сношеніяхъ между производителями указанныхъ выше предметовъ и ихъ потребителями, кооперація содѣйствуетъ уменьшенію численности средняго класса и тѣмъ самымъ расширяетъ пропасть между крупной буржуазіей съ одной стороны и пролетаріатомъ—съ другой. Правда, исчезновеніе посредниковъ-торговцевъ можетъ быть возмѣщено ростомъ благосостоянія нѣкоторой части крестьянства, которая перейдетъ въ ряды средней буржуазіи. Но такой переходъ будетъ означать слоеніе крестьянской массы, которое под-

[1]) См. интересную книгу Эли Купэ: Le mouvement syndicat et cooperatif dans l'agriculture francaise. Montpellier 1898.

Digitized by Google

готовляетъ проникновеніе въ деревню капиталистическихъ отношеній производства и связанной съ ними борьбы классовъ, а это врядъ-ли можетъ быть признано надежнымъ путемъ избѣжанія капитализма и классовой борьбы.

Къ этому надо прибавить, что въ товарищества разсматриваемаго вида соединяются и могутъ соединяться исключительно самостоятельные производители. Наемному труду въ нихъ нечего дѣлать, и потому сельскіе батраки не принимаютъ въ нихъ никакого участія. Э. Купэ совершенно справедливо замѣчаетъ, что солидарность, связывающая ихъ членовъ другъ съ другомъ, есть солидарность собственниковъ, и что такая солидарность не представляетъ собою чего-либо свойственнаго одному земледѣльческому населенію: она не менѣе часто встрѣчается и въ промышленности [1]).

Значитъ, мы здѣсь вынуждены сдѣлать выводъ, уже сдѣланный нами выше: если кооперативныя товарищества приведутъ деревню къ соціализму, то они сдѣлаютъ это не иначе, какъ ускоривъ ея переходъ черезъ капитализмъ.

А производительныя товарищества? Говоря о нихъ, надо прежде всего помнить, что собственно въ земледѣліи они въ настоящее время чрезвычайно рѣдки, вслѣдствіе чего даже самые убѣжденные сторонники «кооперативнаго принципа» не возлагаютъ на нихъ почти никакихъ надеждъ или даже относятся къ нимъ совершенно отрицательно [2]). Несравненно большее значеніе имѣютъ товарищества для обработки тѣхъ или другихъ продуктовъ земледѣлія или скотоводства, напр. сыроварни, молочныя, маслодѣльные заводы, мельницы, булочныя, винокурни и т. п. предпріятія этого рода, безъ сомнѣнія, приносятъ своимъ участникамъ подчасъ очень значительныя выгоды, но никакихъ «ячеекъ» соціалистическаго общества они собою не представляютъ по той простой причинѣ, что путь къ капитализму расчищается ими еще рѣшительнѣе, чѣмъ другими видами деревенской кооперації.

---

[1]) Назв. соч., стр. 60.

[2]) Такъ, Давидъ въ своей недавно вышедшей книгѣ „Sozialismus und Landwirtschaft" высказываетъ [стр. 700] ту мысль, что даже добившись политической власти, соціаль-демократія не должна была брать на себя организацію собственно земледѣльческихъ товариществъ. По отношенію къ земледѣлію въ собственномъ смыслѣ слова Давидъ оказывается чистѣйшимъ индивидуалистомъ. Труденъ только первый шагъ. Посмотримъ, остановится-ли на немъ этотъ „критикъ Маркса".

Чтобы убѣдиться въ томъ, намъ нѣтъ надобности отправляться «на Западъ», достаточно взглянуть на русскія артельныя сыроварни и маслодѣльни. Вотъ наглядный примѣръ.

Въ 1896 году въ селѣ Алсуфьевѣ, Вологодской губерніи, образовалась маслодѣльня, въ которой приняло участіе 53 лица, владѣющихъ 250 коровами. Въ числѣ тѣхъ лицъ было 4 землевладѣльца съ 124 коровами; 2 священника и 2 псаломщика съ 15 коровами и 45 крестьянъ изъ 10 селъ, окружающихъ Алсуфьево съ 14 коровами [1]). Если дѣла маслодѣльни шли хорошо, то крестьяне, принявшіе въ ней участіе, навѣрно, живутъ теперь много лучше, чѣмъ жили прежде. Но вѣдь они и прежде не принадлежали къ деревенской бѣднотѣ: у каждаго у нихъ въ среднемъ было почти по двѣ съ половиной коровы. И если эти крестьяне живутъ теперь много лучше, чѣмъ прежде, то разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ деревенской бѣдноты, значительно увеличилось. А это и есть то слоеніе сельскаго населенія, которое такъ сильно способствуетъ развитію сельско-хозяйственнаго капитализма. И не надо думать, что алсуфьевская артель представляетъ собою что-либо исключительное. Нѣтъ, въ разсматриваемомъ отношеніи она какъ нельзя больше похожа на всѣ прочія артельныя предпріятія не только въ Россіи, но и заграницей. Вотъ опять примѣръ. Въ 1891 г. въ Винцигѣ, въ Силезіи, образовалось мукомольно-хлѣбопекарное товарищество; въ него вошло 23 домохозяина съ капиталомъ въ 85.000 марокъ. Это составляетъ въ среднемъ на каждаго товарища довольно круглую сумму, имѣющуюся далеко не у каждаго крестьянина. Въ Винцигскую артель вошла, стало быть, только мѣстная крестьянская «аристократія». Если ея дѣла шли хорошо, то эта «аристократія» стала еще больше отличаться по своей зажиточности отъ своихъ односельчанъ, чѣмъ это было до основанія товарищества. А ея дѣла шли такъ хорошо, что мукомольно-хлѣбопекарныя товарищества начали возникать и въ другихъ мѣстностяхъ Силезіи. Въ 1893 г. подобная же «артель» образовалась, напримѣръ, въ Гурау. Въ этой артели числилось 60 домохозяевъ различной степени зажиточности. На оборудованіе своего предпріятія она употребила въ дѣло 155,101 марку [2]). Это опять составило настолько кругленькій капиталецъ, что деревенской «демократіи» врядъ-ли можно было думать

[1]) П. Пахомовъ. „Очеркъ современнаго состоянія молочнаго хозяйства въ Россіи". Москва 1900, стр. 22.

[2]) Die geschichtliche Entwicklung des landwirtschaftlichen genossenschaftswesen in Deutschland, von Dr. F. Müller, Leipzig, 1901, s. 449.

объ участіи въ «артели». Если предпріятіе принесло выгоду, то оно увеличило неравенство между жителями Гурау. А это,—какъ мы уже знаемъ,—новый шагъ для развитія тамъ капитализма.

Но этого мало. Артели этого рода въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ «работаютъ» наемными руками, что уже прямо превращаетъ ихъ въ капиталистическія предпріятія. Для примѣра укажемъ на голландскія товарищества для обработки молочныхъ продуктовъ.

Первоначально эти продукты обрабатывались въ Голландіи капиталистами sans phrases. Но скоро крестьяне увидѣли, какія большія выгоды приноситъ это дѣло, и стали заводить артельныя маслодѣльни. Первая артельная маслодѣльня появилась въ 1887 г. въ Варгѣ, а 1-го января 1900 г. такихъ маслодѣленъ считалось уже 68, число же ихъ участниковъ было болѣе 400. Дѣла ихъ идутъ очень хорошо, и приносимыя ими выгоды служатъ крестьянамъ значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, можно, повидимому, сказать, что въ области обработки молока голландскій капитализмъ встрѣтилъ побѣдоноснаго соперника въ лицѣ крестьянскихъ артелей. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что крестьянскія маслодѣльни сами эксплуатируютъ наемный трудъ и потому сами должны быть отнесены въ разрядъ капиталистическихъ предпріятій.

По словамъ Кальсбеека, товарищество имѣетъ въ глазахъ крестьянина лишь то преимущество, что направляетъ въ его карманъ прибыль, прежде попадавшую въ руки капиталиста. «Крестьянинъ вступаетъ въ товарищество, чтобы получить какъ можно больше за свой товаръ. Его предпріятіе имѣетъ чисто капиталистическій характеръ. Его собственные интересы враждебно противостоятъ тамъ интересамъ рабочаго; онъ стремится къ тому, чтобы за возможно меньшую плату получить какъ можно больше труда, и въ борьбѣ классовъ играетъ роль капиталиста, обладателя средствъ производства»[1]). Выходитъ, что въ капиталистическомъ обществѣ нельзя отбояриться отъ капитала: гони его въ дверь, онъ влетитъ въ окно.

Замѣтимъ, наконецъ, что и внутри товариществъ капиталъ умѣетъ находить себѣ мѣсто и отстаивать свое «право». Вандервельдъ разсказываетъ, что, посѣтивъ одинъ изъ

[1]) „Die genossenschaftlichen Molkereien in Holland und ihre Arbeiter", „Neue Zeit", отъ 18 октября 1902 г., стр. 91.

Digitized by Google

наиболѣе процвѣтающихъ артельныхъ заводовъ западной Фландріи, онъ засталъ тамъ слѣдующее положеніе дѣлъ: «Основанное въ 1880 г., это товарищество считаетъ теперь 465 членовъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ слоямъ деревенскаго населенія; тутъ есть и рабочіе, имѣющіе по одной коровѣ, и мелкіе крестьяне, имѣющіе ихъ по 2 и по 3 штуки, и крупные фермеры, имѣющіе ихъ до 50 штукъ. Капиталъ, взятый въ займы у богатаго землевладѣльца той же деревни, давно уже выплаченъ. Въ общемъ собраніи участвуютъ всѣ члены товарищества: ими выбирается распорядительный совѣтъ; повидимому, мы находимся здѣсь въ царствѣ полнѣйшей демократіи, и однако на самомъ дѣлѣ зависимость земледѣльцевъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ такъ велика, такъ безусловна, что никто изъ нихъ не осмѣлился бы возвысить голосъ и воспользоваться тѣми правами, которыя даются ему буквой устава; всѣмъ дѣломъ управляетъ— весьма, впрочемъ, ловко,—его основатель»[1]).

И это вовсе не исключеніе. Вандервельдъ прибавляетъ, что въ товариществахъ, не обладающихъ собственнымъ капиталомъ, неимущіе члены еще болѣе порабощены капиталистами[2]). А собственнаго капитала не имѣютъ всѣ тѣ товарищества, которыя ведутъ крупное дѣло и употребляютъ дорогія машины. «Конечно, пока дѣло идетъ о маленькихъ молочныхъ, въ которыхъ нѣтъ машинъ, крестьяне могутъ довольно легко собрать между собою необходимый капиталъ или занять его въ мѣстномъ товариществѣ, но теперь все болѣе и болѣе становится очевиднымъ, что крупныя молочныя, примѣняющія паровыя машины, во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе мелкихъ... Для основанія паровой молочной необходимъ довольно значительный капиталъ: по крайней мѣрѣ, 30 или 40 тысячъ франковъ. Поэтому, часто,—чтобы не сказать всегда,—случается, что этотъ капиталъ ссужаетъ какой нибудь денежный человѣкъ — землевладѣлецъ или крупный фермеръ, которому принадлежитъ,—по договору или въ силу вещей, — верховное господство надъ всѣмъ предпріятіемъ, и которому достается также, подъ видомъ процентовъ, большая часть прибыли»[3]).

Предпріятія, заводимыя будто бы для борьбы съ капиталомъ, создаютъ широкое поприще для его подвиговъ. И капиталъ спѣшитъ устремиться на это новое для него поприще.

---

[1]) Essais sur la question agraire en Belgique, Paris 1903, pp. 177—178. Основатель и есть мѣстный крупный землевладѣлецъ.

[2]) Ibid, p. 178.

[3]) Вендервельдъ, тамъ же, стр. 179.

Digitized by Google

Въ мартѣ 1900 г. «подъ фирмой — «Центральная контора крупныхъ бельгійскихъ молочныхъ», въ Бельгіи было основано анонимное общество, главной цѣлью котораго является именно ссуда денегъ «кооперативнымъ» предпріятіямъ. Значеніе этого шага было такъ ясно, что организованное бельгійское крестьянство пришло въ волненіе. Льевенскій «Крестьянскій Союзъ» постановилъ, что кооператоры не должны входить ни въ какія сношенія съ названной конторой. Но это не помѣшало ея успѣхамъ. «И уже теперь можно предвидѣть,—замѣчаетъ Вандервельдъ,—что при первомъ же кризисѣ множество мелкихъ молочныхъ, работающихъ съ недостаточнымъ капиталомъ, исчезнетъ, уступивъ мѣсто паровымъ молочнымъ, которыя очевидно превосходятъ ихъ и въ техническомъ, и въ коммерческомъ отношеніи» [1]).

А между тѣмъ въ молочномъ хозяйствѣ дѣло бельгійскихъ кооперативныхъ товариществъ обстоитъ все таки лучше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ обработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Если для устройства паровой молочной нужны по крайней мѣрѣ 30 или 40 тысячъ франковъ, то для устройства хорошо оборудованнаго сахарнаго завода необходимо имѣть не менѣе 800 тысячъ. Поэтому, мы видимъ, что хотя сахарные заводы и носятъ иногда кооперативную этикетку, но въ сущности они имѣютъ чисто капиталистическій характеръ [2]). Тоже приходится сказать и о винокурняхъ, пивоварняхъ и т. п. Въ виду всего этого Вандервельдъ, который еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—именно въ рефератѣ, озаглавленномъ: «Золотая свадьба научнаго соціализма», — высказывалъ къ великой радости нашихъ народниковъ то убѣжденіе, что сельско-хозяйственная кооперація позволитъ деревнѣ миновать капиталистическую фазу, теперь пришелъ къ противоположному взгляду. Въ настоящее время онъ убѣжденъ, что сельскохозяйственныя товарищества, размножающіеся въ бельгійской деревнѣ, «или будутъ прозябать въ зачаточныхъ формахъ, или, пріобрѣтая болѣе важное значеніе, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать капиталистическій характеръ» [3]). Это какъ разъ то, что говоримъ мы, «фанатическіе» сторонники «марксовой догмы».

Правда, Вандервельдъ думаетъ, что судьба сельско-хозяйственныхъ товариществъ для производства и продажи продуктовъ могла бы быть иная, если бы они были прочно соединены съ обширными товариществами

[1]) Тамъ-же, стр. 179. [2]) Ср. Вандервельдъ, тамъ же, стр. 189.
[3]) Тамъ же, стр. 194.

Digitized by Google

потребителей. Онъ указываетъ на нѣкоторыя молочныя бельгійскихъ крестьянъ—соціалистовъ, сбывающія свои продукты потребительнымъ товариществамъ городскихъ рабочихъ и потому имѣющія обезпеченное существованіе. Но, во-первыхъ, и здѣсь «перспективы будущаго» кажутся ему «довольно ограниченными»[1]). А во-вторыхъ,—и это всего важнѣе,—здѣсь вопросъ о возможной роли сельско-хозяйственной кооперації получаетъ совершенно другое содержаніе.

Что потребительныя товарищества при извѣстныхъ условіяхъ могутъ оказать значительныя услуги дѣлу освободительной борьбы пролетаріата, это убѣдительно доказано примѣромъ Бельгіи, и на этотъ счетъ теперь безполезно распространяться. Что организованная партія пролетаріата можетъ,—опять таки при наличности извѣстныхъ условій,—привлечь къ себѣ болѣе или менѣе значительную часть мелкаго крестьянства, ни на минуту не покидая при этомъ своей классовой точки зрѣнія, въ этомъ тоже невозможно сомнѣваться. Наконецъ, что организованная партія пролетаріата можетъ, въ своемъ воздѣйствіи на крестьянство, опираться между прочимъ и на свои потребительныя товарищества, это мы допускаемъ безъ малѣйшаго колебанія. Но все это доказываетъ только то, что пролетарій, выброшенный изъ деревни въ качествѣ обнищавшаго члена общины, можетъ и долженъ вернуться въ нее соціаль-демократическимъ агитаторомъ. А это мы знаемъ по крайней мѣрѣ со времени появленія выработаннаго гр. «Освобожденія Труда» проекта программы русской соціаль-демократіи. И когда наши противники указываютъ на сельско-хозяйственную кооперацію, какъ на новый путь, по которому деревня можетъ придти къ соціализму, не испытывая непріятностей классовой борьбы, они имѣютъ въ виду вовсе не эти товарищества крестьянъ, цѣликомъ зависящія отъ пролетарской поддержки. Они утверждаютъ, что собственная внутренняя логика деревенской кооперації приведетъ крестьянина къ соціализму. И тутъ они жестоко ошибаются: эта логика ведетъ къ капитализму.

Намъ полезно будетъ запомнить этотъ выводъ. Онъ поможетъ намъ разобрать программу русскихъ соціалистовъ-реакціонеровъ, которые возлагаютъ на сельско-хозяйственную кооперацію такія же огромныя и такіе же неосновательныя надежды, какія связаны съ нею у ихъ родныхъ братьевъ, оппортунистовъ западно-европейскаго соціализма.

---

[1]) Тамъ-же, та-же страница.

Digitized by Google

Книгоиздательство „Молотъ".

Н. Ленинъ.

Нужды деревни.

(Къ деревенской бѣднотѣ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингоф. 10— 19.
1905.

Digitized by Google

Дозволено цензурою, 9 Октября 1905 года.

Digitized by Google

Чего хотятъ соціалдемократы?

I. Борьба городскихъ рабочихъ.

Многіе крестьяне уже слышали, вѣроятно, о рабочихъ волненіяхъ въ городахъ. Нѣкоторые сами бывали въ столицахъ и на фабрикахъ и видывали тамошніе „бунты“, какъ ихъ называетъ полиція. Другіе знаютъ рабочихъ, которые участвовали въ волненіяхъ и были высланы начальствомъ въ деревни. Третьимъ попадали въ руки рабочіе листки и книжки о рабочей борьбѣ. Четвертые просто слыхали разсказы бывалыхъ людей о томъ, что дѣлается въ городахъ.

Прежде бунтовали одни студенты, а теперь поднялись во всѣхъ большихъ городахъ тысячи и десятки тысячъ рабочихъ. Они борются чаще всего со своими хозяевами, съ фабрикантами, капиталистами. Рабочіе устраиваютъ стачки, прекращаютъ всѣ сразу работу на фабрикѣ и требуютъ прибавки заработка, требуютъ, чтобы ихъ заставляли работать не по одиннадцати, не по десяти часовъ въ день, а только по восьми. Рабочіе требуютъ также всякихъ другихъ облегченій въ жизни рабочаго человѣка. Они хотятъ, чтобы мастерскія были устроены лучше, чтобы машины защищались особыми приспособленіями и не увѣчили работающихъ, чтобы дѣти ихъ могли ходить въ школы, чтобы больнымъ оказывали, какъ слѣдуетъ, помощь въ больницахъ, чтобы жилища рабочихъ были человѣческими домами, а не собачьими конурами.

Полиція вмѣшивается въ рабочую борьбу. Рабочихъ хватаютъ, бросаютъ въ тюрьмы, высылаютъ безъ суда на родину и даже въ Сибирь. Законъ запрещаетъ стачки и собранія рабочихъ. Но ничто не останавливаетъ рабочихъ. Они говорятъ: довольно уже гнули спины мы, милліоны рабочаго народа! довольно мы работали на богачей, оставаясь сами нищими! довольно мы позволяли себя грабить! Мы хотимъ

Digitized by Google

соединиться въ союзы, соединить всѣхъ рабочихъ въ одинъ большой рабочій союзъ (рабочую партію) и сообща добиваться лучшей жизни. Мы хотимъ добиться новаго, лучшаго устройства общества: въ этомъ новомъ, лучшемъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, всѣ должны принимать участіе въ работѣ. Не кучка богатѣевъ, а всѣ трудящіеся должны пользоваться плодами общей работы. Машины и другія усовершенствованія должны облегчать работу всѣхъ, а не обогащать немногихъ на счетъ милліоновъ и десятковъ милліоновъ народа. Это новое, лучшее общество называется соціалистическимъ обществомъ. Ученіе о немъ называется соціализмомъ. Союзы рабочихъ для борьбы за это лучшее устройство общества называются партіями соціалдемократовъ. Такія партіи открыто существуютъ почти во всѣхъ странахъ (кромѣ Россіи и Турціи), и наши рабочіе вмѣстѣ съ соціалистами изъ образованныхъ людей тоже устроили такую партію: Россійскую Соціалдемократическую Рабочую Партію.

Правительство преслѣдуетъ нашу партію. Но она существуетъ, несмотря на всѣ запрещенія. Теперь правительство обѣщало свободу слова, свободу собраній, неприкосновенность личности, но это обѣщаніе оказалось обманомъ. Полиція опять стала разгонять собранія. Рабочія газеты опять закрыты. Соціалдемократовъ опять стали хватать и сажать въ тюрьму. Борцовъ за свободу разстрѣливали въ Кронштадтѣ, Севастополѣ, въ Москвѣ, на Кавказѣ, на югѣ и по всей Россіи.

Но рабочіе не сдаются. Они продолжаютъ борьбу. Они говорятъ: никакія преслѣдованія, ни тюрьмы, ни ссылка, ни каторга, ни смерть, не устрашатъ насъ. Мы боремся за свободу и счастье всѣхъ, кто трудится. Мы боремся за избавленіе отъ насилія, отъ угнетенія, отъ нищеты, десятковъ и сотенъ милліоновъ народа. Рабочіе становятся все болѣе и болѣе сознательными. Число соціалдемократовъ быстро увеличивается во всѣхъ странахъ. Мы побѣдимъ, несмотря ни на какія преслѣдованія.

Деревенской бѣднотѣ надо ясно понять, кто такіе эти соціалдемократы, чего они хотятъ, и какъ слѣдуетъ дѣйствовать по деревнямъ, чтобы помочь имъ завоевать для народа счастье.

Digitized by Google

II. Чего хотятъ соціалдемократы?

Русскіе соціалдемократы добиваются прежде всего политической свободы. А свобода нужна имъ для широкаго, открытаго соединенія всѣхъ русскихъ рабочихъ въ борьбѣ за новое, лучшее, соціалистическое устройство общества.

Что такое политическая свобода?

Чтобы понять это, крестьянину слѣдуетъ сначала сравнить теперешнюю его свободу съ крѣпостнымъ правомъ. При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ не смѣлъ жениться безъ разрѣшенія помѣщика. Теперь крестьянинъ свободенъ женится безъ всякихъ разрѣшеній. При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ долженъ былъ работать непремѣнно на своего барина въ такіе дни, когда бурмистръ укажетъ. Теперь крестьянинъ свободенъ выбирать, на какого хозяина и въ какіе дни, за какую плату ему работать. При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ не смѣлъ никуда отлучаться изъ деревни безъ разрѣшенія барина. Теперь крестьянинъ свободенъ итти, куда хочетъ, если его отпускаетъ міръ, если у него нѣтъ недоимокъ, если ему дадутъ паспортъ, если губернаторъ или исправникъ не запретитъ переселяться. Значитъ, полной свободы итти, куда хочешь, полной свободы передвиженія у крестьянина и сейчасъ нѣтъ, крестьянинъ остается еще наполовину крѣпостнымъ. Мы дальше будемъ говорить подробно о томъ, почему русскій крестьянинъ остается наполовину крѣпостнымъ, и какъ ему выйти изъ этого положенія.

При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ не смѣлъ пріобрѣтать имущества безъ разрѣшенія барина, не смѣлъ покупать земли. Теперь крестьянинъ свободенъ пріобрѣтать всякое имущество (полной свободы уйти изъ міра, полной свободы распорядиться, какъ угодно, своей землей крестьянинъ и теперь не имѣетъ). При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ могъ быть тѣлесно наказанъ помѣщикомъ. Теперь крестьянинъ не можетъ быть наказываемъ своимъ помѣщикомъ, хотя онъ до сихъ поръ не освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія.

Вотъ эта свобода называется гражданской свободой: свобода въ дѣлахъ семейныхъ, въ дѣлахъ личныхъ, въ дѣлахъ имущественныхъ. Крестьянинъ и рабочій свободны (хотя и не вполнѣ) устраивать свою семейную жизнь, свои личныя дѣла, распоряжаться своимъ трудомъ (выбирать себѣ хозяина), распоряжаться своимъ имуществомъ.

Digitized by Google

Но ни русскіе рабочіе, ни весь русскій народъ не имѣютъ до сихъ поръ свободы распоряжаться своими общенародными дѣлами. Народъ весь цѣликомъ остается такимъ же крѣпостнымъ у чиновниковъ, какъ крестьяне—у помѣщиковъ. Русскій народъ не имѣетъ права выбирать чиновниковъ, не имѣетъ права избирать выборныхъ людей, которые бы составляли законы для всего государства. Народъ не имѣетъ даже права устраивать сходки для обсужденія государственныхъ дѣлъ. Безъ разрѣшенія чиновниковъ, поставленныхъ надъ нами безъ нашего согласія, какъ баринъ въ старое время назначалъ бурмистра безъ согласія крестьянъ,—мы не смѣемъ даже печатать газеты и книги, мы не смѣемъ говорить передъ всѣми и для всѣхъ о дѣлахъ всего государства.

Какъ крестьяне были рабами помѣщиковъ, такъ весь русскій народъ остается до сихъ поръ рабомъ чиновниковъ. Какъ крестьяне при крѣпостномъ правѣ не имѣли гражданской свободы, такъ русскій народъ не имѣетъ до сихъ поръ политической свободы. Политическая свобода означаетъ свободу народа распоряжаться своими общенародными, государственными дѣлами. Политическая свобода означаетъ право народа выбирать своихъ гласныхъ (депутатовъ) въ народное собраніе депутатовъ (парламентъ). Всѣ законы должны обсуждаться и издаваться, всѣ налоги и подати—назначаться только этимъ выбраннымъ самимъ народомъ народнымъ собраніемъ депутатовъ (парламентомъ). Политическая свобода означаетъ право народа самому выбирать себѣ всѣхъ чиновниковъ, устраивать всякія сходки для обсужденія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, издавать безъ всякихъ разрѣшеній какія угодно книги и газеты.

Всѣ остальные европейскіе народы уже завоевали себѣ политическую свободу. Только въ Турціи да Россіи народъ остается еще въ политическомъ рабствѣ у правительства. Народъ не принимаетъ никакого участія въ устройствѣ государства и въ управленіи государствомъ. Всѣ законы издаетъ, всѣхъ чиновниковъ назначаетъ императоръ, одинъ, по своей единоличной, неограниченной, самодержавной власти. Но императоръ, разумѣется, не можетъ даже знать всѣ русскіе законы и всѣхъ русскихъ чиновниковъ. Но императоръ не можетъ даже знать всего, что дѣлается въ государствѣ. Утверждается просто воля нѣсколькихъ десятковъ самыхъ крупныхъ и самыхъ знатныхъ чиновниковъ. Одинъ человѣкъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ бы управлять такимъ огромнымъ государствомъ, какъ Россія. Управляетъ

Digitized by Google

Россіей кучка богатыхъ и знатныхъ чиновниковъ. Императоръ узнаетъ только то, что угодно бываетъ этой кучкѣ сообщить; никто не идетъ у насъ противъ воли этой кучки сановитыхъ дворянъ. Обо всемъ русскомъ народѣ при дворѣ узнаютъ только то, что знаютъ эти знатные дворяне, богатые помѣщики и немногіе изъ самыхъ богатыхъ купцовъ, имѣющихъ доступъ ко двору.

Въ другихъ странахъ,—говорятъ нѣкоторые люди,—правленіе выборное; тамъ выбираютъ богатыхъ, а богатые правятъ несправедливо, притѣсняютъ бѣдныхъ. Въ Россіи же правленіе невыборное; правитъ всѣмъ неограниченный въ своей власти императоръ. У насъ правительство выше всѣхъ—и бѣдныхъ, и богатыхъ. У насъ оно относится и къ бѣднымъ, и къ богатымъ одинаково.

Такія рѣчи—одно лицемѣріе. Всякій русскій человѣкъ знаетъ, какова справедливость нашего правленія. Всякій знаетъ, можетъ ли у насъ простой рабочій или крестьянинъ-батракъ попасть въ государственный совѣтъ. А во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ въ народныя собранія депутатовъ (парламенты) попадали и рабочіе съ фабрики, и батраки отъ сохи; и они свободно говорили передъ всѣмъ народомъ о бѣдственной жизни рабочихъ, призывали рабочихъ къ объединенію и борьбѣ за лучшую жизнь. И никто не смѣлъ остановить такія рѣчи народныхъ выборныхъ, ни одинъ полицейскій не смѣлъ тронуть ихъ пальцемъ.

Въ Россіи нѣтъ выборнаго правленія, а правятъ не только одни богатые и знатные, но самые худшіе изъ нихъ. Правятъ тайкомъ: народъ не знаетъ и не можетъ знать, какіе законы готовятся, какія войны собираются вести, какіе новые налоги вводятся, какихъ чиновниковъ и за что награждаютъ, какихъ смѣщаютъ. Кто объявилъ войну съ японцами? Правительство. Спросили народъ о томъ, хочетъ ли онъ воевать изъ-за манчжурской земли? Нѣтъ, не спросили, потому что глава государства управляетъ народомъ черезъ своихъ чиновниковъ. И вотъ, народъ по винѣ правительства былъ разоренъ тяжелой войной. Погибли сотни тысячъ молодыхъ солдатъ, разорены ихъ семьи, погибъ весь русскій флотъ, русскія войска изгнаны изъ Манчжуріи; затрачено на всю войну болѣе двухъ милліардовъ рублей (два милліарда рублей—это составитъ по сту рублей на двадцать милліоновъ семей въ Россіи). Манчжурская земля не нужна народу. Народъ не хотѣлъ войны. А пра-

Digitized by Google

вительство чиновниковъ управляло народомъ по своей волѣ и заставило вести эту позорную, гибельную и разорительную войну. Ни въ одной странѣ нѣтъ такого множества чиновниковъ, какъ въ Россіи, и чиновники эти стоятъ надъ безгласнымъ народомъ, какъ темный лѣсъ. Простому рабочему человѣку никогда не пробраться черезъ этотъ лѣсъ, никогда не добиться правды. Ни одна жалоба на чиновниковъ за взятки, грабежи и насилія не доходитъ до свѣта: всякую жалобу сводитъ на нѣтъ казенная волокита. Голосъ одинокаго человѣка никогда не доходитъ до всего народа, а теряется въ этой темной чащѣ, душится въ полицейскомъ застѣнкѣ. Армія чиновниковъ, которые народомъ не выбраны и не обязаны давать отвѣтъ народу, соткала густую паутину, и въ этой паутинѣ люди бьются, какъ мухи *).

Русское самодержавіе есть самодержавіе чиновниковъ. Русское самодержавіе есть крѣпостная зависимость народа отъ чиновниковъ и больше всего—отъ полиціи. Русское самодержавіе есть самодержавіе полиціи.

Вотъ почему рабочіе выходятъ на улицу и громко заявляютъ о своемъ твердомъ рѣшеніи бороться за измѣненіе существующаго строя. Вотъ почему и десятки милліоновъ деревенской бѣдноты должны поддержать, подхватить этотъ боевой кличъ городскихъ рабочихъ. Подобно имъ, деревенскіе рабочіе и неимущіе крестьяне, не боясь преслѣдованій, не смущаясь первыми неудачами, должны выступить на рѣшительную борьбу за свободу всего русскаго народа и потребовать прежде всего созыва народныхъ представителей. Пусть народъ самъ выбираетъ по всей Россіи своихъ гласныхъ (депутатовъ). Пусть эти гласные составятъ верховное собраніе, которое учредитъ выборное правленіе на Руси, освободитъ народъ отъ крѣпостной зависимости передъ чиновниками и полиціей, обезпечитъ народу право свободныхъ сходокъ, свободной рѣчи и свободной печати.

Вотъ чего хотятъ прежде всего соціалдемократы. Вотъ что означаетъ ихъ первое требованіе —требованіе политической свободы.

Правительство обѣщало созвать народныхъ представителей въ Государственную Думу. Но правительство этимъ обѣщаніемъ еще разъ обмануло народъ. Подъ названіемъ

*) Такое полновластіе чиновниковъ называется бюрократическимъ правленіемъ, а все чиновничество—бюрократіей.

Digitized by Google

Государственной Думы оно хочетъ созвать не настоящихъ народныхъ депутатовъ, а подобранныхъ чиновниковъ, дворянъ, помѣщиковъ, купцовъ. Народные депутаты должны быть выбраны свободно, а правительство не допускаетъ свободныхъ выборовъ, закрываетъ рабочія газеты, запрещаетъ собранія и сходки, преслѣдуетъ Крестьянскій Союзъ, хватаетъ и сажаетъ въ тюрьму крестьянскихъ выборныхъ. Развѣ могутъ быть настоящіе свободные выборы, если полиція и земскіе начальники по-старому измываются надъ рабочимъ и надъ крестьяниномъ?

Народные депутаты должны быть выбраны отъ всего народа поровну, чтобы дворяне, помѣщики и купцы не имѣли перевѣса надъ рабочими и крестьянами. Дворянъ да купцовъ —тысячи, а крестьянъ—милліоны. А подъ названіемъ Государственной Думы правительство созываетъ такое собраніе, въ которое равныхъ выборовъ нѣтъ. Правительство устроило такіе хитрые выборы, что дворянамъ и купцамъ достанутся почти всѣ мѣста въ Думѣ, а рабочимъ и крестьянамъ не достанется даже одного депутата изъ десяти. Это—поддѣльная Дума. Это—полицейская Дума. Это—чиновничья и господская Дума. Для настоящаго собранія народныхъ депутатовъ нужна полная свобода выборовъ, нужны равные выборы отъ всего народа. Вотъ почему рабочіе-соціалдемократы заявляютъ: Долой Думу! долой поддѣльное собраніе! намъ нужно настоящее, свободное собраніе депутатовъ отъ всего народа, а не отъ дворянъ да купцовъ! намъ нужно Всенародное Учредительное Собраніе, чтобы народъ имѣлъ полную власть надъ чиновниками, а не чиновники имѣли власть надъ народомъ!

Мы знаемъ, что политическая свобода, свобода выбора въ народное собраніе (парламентъ) депутатовъ, свобода сходокъ, свобода печати еще не избавятъ сразу трудящійся народъ отъ нищеты и угнетенія. Такого средства и на свѣтѣ нѣтъ, чтобы сразу избавить городскую и деревенскую бѣдноту отъ работы на богатыхъ. Рабочему народу не на кого надѣяться, не на кого разсчитывать, кромѣ какъ на самого себя. Рабочаго человѣка никто не освободитъ отъ нищеты, если онъ самъ себя не освободитъ. А чтобы освободить себя, рабочіе должны объединиться по всей странѣ, во всей Россіи, въ одинъ союзъ, въ одну партію. Но милліоны рабочихъ не могутъ объединиться, если самодержавное полицейское правительство запрещаетъ всякія сходки, всякія рабочія газеты, всякіе выборы рабочихъ депутатовъ. Чтобы объеди-

Digitized by Google

ниться, надо имѣть право устраивать всякіе союзы, надо имѣть свободу союзовъ, надо имѣть политическую свободу.

Политическая свобода не избавитъ рабочій народъ сразу отъ нищеты, но она дастъ рабочимъ оружіе для борьбы съ нищетой. Нѣтъ другого средства и не можетъ быть другого средства для борьбы съ нищетой, кромѣ соединенія самихъ рабочихъ. Нѣтъ возможности соединиться милліонамъ народа, если нѣтъ политической свободы.

Во всѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ народъ завоевалъ себѣ политическую свободу, рабочіе и начали уже давно соединяться. Такихъ рабочихъ, которые не имѣютъ ни земли, ни мастерскихъ, которые всю жизнь работаютъ по найму въ чужихъ людяхъ, такихъ рабочихъ во всей Европѣ называютъ пролетаріями. Больше пятидесяти лѣтъ тому назадъ раздался призывъ къ объединенію рабочаго народа. „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“—эти слова обошли за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ весь міръ, эти слова повторяются въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ рабочихъ собраній, эти слова вы прочтете въ милліонахъ соціалдемократическихъ книжекъ и газетъ на всѣхъ и всякихъ языкахъ.

Разумѣется, соединить въ одинъ союзъ, въ одну партію милліоны рабочихъ—дѣло очень и очень нелегкое, требующее времени, настойчивости, упорства и мужества. Рабочіе задавлены нуждой и нищетой, притуплены вѣчной каторжной работой на капиталистовъ и помѣщиковъ, рабочіе часто не имѣютъ времени и подумать о томъ, почему они вѣчно остаются нищими, какъ имъ отъ этого избавиться. Рабочимъ всячески мѣшаютъ соединиться: либо прямымъ и звѣрскимъ насиліемъ въ такихъ странахъ, какъ Россія, гдѣ нѣтъ политической свободы,—либо отказами брать на работу такихъ рабочихъ, которые проповѣдуютъ ученіе соціализма,—либо, наконецъ, обманомъ и подкупомъ. Но никакія насилія, никакія преслѣдованія не останавливаютъ рабочихъ, борющихся за великое дѣло освобожденія всего рабочаго народа отъ нищеты и угнетенія. Число рабочихъ-соціалдемократовъ постоянно возрастаетъ. Вотъ въ сосѣднемъ государствѣ, въ Германіи, есть выборное правленіе. Прежде въ Германіи было неограниченное, самодержавное, королевское правленіе. Но германскій народъ уже давно, больше пятидесяти лѣтъ тому назадъ, взялъ себѣ силою политическую свободу. Законы издаются въ Германіи не кучкой чиновниковъ, а собраніемъ народныхъ выборныхъ—парламентомъ или имперскимъ сеймомъ, какъ называютъ его нѣмцы. Выбираютъ депутатовъ

Digitized by Google

въ этотъ сеймъ всѣ взрослые мужчины. Поэтому можно сосчитать, сколько голосовъ подано за соціалдемократовъ.

Въ 1887 году *одна десятая часть* всѣхъ голосовъ была подана за соціалдемократовъ. Къ 1898 году число соціалдемократическихъ голосовъ *увеличилось почти втрое. Ужъ больше четвертой части* всѣхъ голосовъ было подано за соціалдемократовъ. Болѣе двухъ милліоновъ взрослыхъ мужчинъ выбрали соціалдемократическихъ депутатовъ въ парламентъ. Въ 1903 году три милліона взрослыхъ мужчинъ выбрали соціалдемократовъ. Среди деревенскихъ рабочихъ соціализмъ распространенъ въ Германіи еще мало, но теперь онъ особенно быстро шагаетъ тамъ впередъ. И когда масса батраковъ, поденщиковъ и неимущаго, обнищавшаго крестьянства присоединится къ своимъ городскимъ братьямъ,—нѣмецкіе рабочіе побѣдятъ и устроятъ такіе порядки, при которыхъ не будетъ нищеты и угнетенія трудящихся.

Какимъ же образомъ хотятъ рабочіе-соціалдемократы избавить народъ отъ нищеты?

Чтобы знать это, надо ясно понять, отчего происходитъ нищета громадныхъ массъ народа при теперешнихъ общественныхъ порядкахъ. Растутъ богатые города, строятся роскошные магазины и дома, проводятся желѣзныя дороги, вводятся всякія машины и улучшенія—и въ промышленности и въ земледѣліи,—а милліоны народа все не выходятъ изъ нищеты, все продолжаютъ работать за одно только содержаніе семьи всю свою жизнь. Да мало того: все больше становится безработныхъ. Все больше становится и по деревнямъ, и по городамъ людей, которые совсѣмъ не могутъ найти никакой работы. Въ деревняхъ они голодаютъ, въ городахъ они наполняютъ босыя команды и золотыя роты, ютятся, какъ звѣри, въ землянкахъ городскихъ предмѣстій или въ такихъ ужасныхъ трущобахъ и подвалахъ, какъ на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ.

Какъ же это можетъ быть? Богатства и роскошь становятся все больше, а тѣ милліоны и милліоны, которые своимъ трудомъ создаютъ всѣ богатства, остаются все-таки въ бѣдности и нищетѣ? Крестьяне вымираютъ отъ голода, рабочіе бродятъ безъ работы,—а изъ Россіи торговцы вывозятъ заграницу милліоны пудовъ хлѣба, фабрики и заводы стоятъ потому, что некуда дѣвать товары, негдѣ сбывать ихъ!

Происходитъ это прежде всего оттого, что громадная масса земли, а также фабрики, заводы, мастерскія, машины, зданія

пароходы—являются собственностью небольшого числа богачей. На этихъ земляхъ, въ этихъ фабрикахъ и мастерскихъ работаютъ десятки милліоновъ народа,—а принадлежатъ онѣ нѣсколькимъ тысячамъ или нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ богачей, помѣщиковъ, купцовъ и фабрикантовъ. На этихъ богачей народъ работаетъ по найму, за плату, за кусокъ хлѣба. Все, что вырабатывается сверхъ нищенскаго содержанія рабочихъ, все это идетъ въ руки богачей, все это составляетъ ихъ прибыль, ихъ „доходы". Всѣ выгоды отъ машинъ, отъ улучшеній въ работѣ, идутъ въ пользу землевладѣльцамъ и капиталистамъ: они накопляютъ милліонныя богатства; а работникамъ достаются изъ этого богатства жалкія крохи. Работники соединяются вмѣстѣ для работы: въ крупныхъ имѣніяхъ и на большихъ фабрикахъ работаютъ по нѣсколько тысячъ рабочихъ. Отъ такого соединенія труда, при употребленіи самыхъ различныхъ машинъ, работа становится болѣе успѣшной: одинъ рабочій вырабатываетъ гораздо больше, чѣмъ прежде десятки рабочихъ, трудившихся въ одиночку и безъ всякихъ машинъ. Но пользуются этой успѣшностью, производительностью труда, не всѣ трудящіеся, а только ничтожное число крупныхъ землевладѣльцевъ, купцовъ и фабрикантовъ.

Часто можно слышать, что помѣщики и купцы „даютъ работу" народу, „даютъ" заработокъ бѣднымъ людямъ. Говорятъ, напримѣръ, что мѣстныхъ крестьянъ „кормитъ" сосѣдняя фабрика или сосѣдняя экономія. На самомъ же дѣлѣ, рабочіе своимъ трудомъ кормятъ и самихъ себя и всѣхъ тѣхъ, кто самъ не работаетъ. Но за позволеніе работать на помѣщичьей землѣ, на фабрикѣ или на желѣзной дорогѣ рабочій отдаетъ даромъ собственнику все, что вырабатывается, получая тамъ только на скудное содержаніе. Значитъ, на самомъ дѣлѣ не помѣщики и не купцы даютъ работу рабочимъ, а рабочіе своей работой содержатъ всѣхъ, отдавая даромъ большую часть своего труда.

Далѣе. Нищета народа происходитъ во всѣхъ современныхъ государствахъ оттого, что работники изготовляютъ всякіе предметы на продажу, на рынокъ. Фабрикантъ, мастеровой и зажиточный крестьянинъ производятъ тѣ или иныя издѣлія, выращиваютъ скотъ, сѣютъ и собираютъ хлѣбъ для продажи, для выручки денегъ. Деньги вездѣ стали теперь главной силой. На деньги выѣниваются всѣ и всякіе продукты человѣческаго труда. На деньги купить можно все, чего хочешь. На деньги можно даже купить человѣка,

т. е. заставить человѣка неимущаго работать на того, у кого есть деньги. Прежде главной силой была земля—такъ было при крѣпостномъ правѣ: у кого была земля, у того были и сила и власть. А теперь главной силой стали деньги, капиталъ. На деньги можно купить сколько угодно земли. Безъ денегъ немного сдѣлаешь и съ землей: не на что будетъ купить плуга или другихъ орудій, купить скота, одежды и всякихъ другихъ городскихъ товаровъ, не говоря объ уплатѣ податей. Изъ-за денегъ чуть не всѣ помѣщики позакладывали свои имѣнія въ банкѣ. Чтобы достать денегъ, правительство дѣлаетъ займы у богатыхъ людей и банкировъ во всемъ свѣтѣ и платитъ процентовъ по этимъ займамъ сотни милліоновъ рублей въ годъ.

Изъ-за денегъ всѣ ведутъ теперь свирѣпую войну другъ противъ друга. Каждый старается дешевле купить, дороже продать, каждый старается обогнать другого, продать какъ можно больше товара, сбить цѣну, скрыть отъ другого выгодное мѣсто сбыта или выгодную поставку. Маленькимъ людямъ, мелкому ремесленнику и мелкому крестьянину тяжелѣе всѣхъ достается въ этой общей свалкѣ изъ-за денегъ: они всегда остаются позади богатаго купца или крестьянина. У нихъ никогда нѣтъ никакого запаса, они живутъ со дня на день, имъ приходится при каждомъ затрудненіи, при каждомъ несчастномъ случаѣ закладывать послѣдніе пожитки или продавать за безцѣнокъ рабочій скотъ. Попавъ разъ въ лапы какого-нибудь кулака или ростовщика, они уже рѣдко-рѣдко въ силахъ выбиться изъ путъ, а большей частью разоряются въ конецъ. Каждый годъ десятки и сотни тысячъ мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ запираютъ свои хаты, отдаютъ надѣлъ обществу задаромъ и становятся наемными рабочими, батраками, чернорабочими,—пролетаріями. А богатые люди все болѣе и болѣе наживаются въ этой борьбѣ изъ-за денегъ. Богатые люди собираютъ деньги въ банки милліонами и сотнями милліоновъ рублей и наживаются не только на свои собственныя деньги, но и на чужія, которыя вкладываются въ банкъ. За свои десятки или сотни рублей, которые маленькіе люди кладутъ въ банки или сберегательныя кассы, они получаютъ процента три или четыре копейки на рубль, а богачи составляютъ изъ этихъ десятковъ — милліоны, расширяютъ на эти милліоны свой оборотъ и наживаютъ по десяти и двадцати копеекъ на рубль.

Вотъ почему рабочіе-соціалдемократы говорятъ, что един-

Digitized by Google

ственное средство положить конецъ народной нищетѣ это— измѣнить снизу до верху теперешніе порядки во всемъ государствѣ и установить порядки соціалистическіе, т. е.: отнять отъ крупныхъ землевладѣльцевъ ихъ имѣнія, у фабрикантовъ—ихъ фабрики и заводы, у банкировъ — ихъ денежные капиталы, уничтожить частную собственность и передать ее въ руки всего рабочаго народа во всемъ государствѣ. Тогда распоряжаться трудомъ рабочихъ будутъ не богатые люди, живущіе чужимъ трудомъ, а сами же рабочіе и ихъ выборные. Тогда плоды общаго труда и выгоды отъ всѣхъ улучшеній и машинъ будутъ итти на пользу всѣмъ трудящимся, всѣмъ рабочимъ. Тогда богатство будетъ расти еще быстрѣе, потому что рабочіе на самихъ себя будутъ работать лучше, чѣмъ на капиталистовъ, и рабочій день будетъ короче, содержаніе рабочихъ будетъ лучше, и вся жизнь совсѣмъ перемѣнится.

Но измѣнить всѣ порядки во всемъ государствѣ — дѣло нелегкое. Для этого нужно много труда, много длинной и упорной борьбы. Всѣ богатые люди, всѣ собственники, вся буржуазія, *) будутъ отстаивать свои богатства всѣми силами. На защиту всего богатаго класса встанутъ чиновники и войско, потому что самое правительство находится въ рукахъ богатаго класса. Рабочіе должны сомкнуться, какъ одинъ человѣкъ, для борьбы противъ всѣхъ, кто живетъ чужимъ трудомъ; рабочіе должны объединиться сами и объединить всѣхъ неимущихъ въ одинъ рабочій классъ, въ одинъ классъ пролетаріата. Борьба будетъ нелегка для рабочаго класса, но эта борьба непремѣнно кончится побѣдой рабочихъ, потому что буржуазія, или люди, живущіе чужимъ трудомъ, составляетъ ничтожную долю народа. А рабочій классъ—громадное большинство въ народѣ. Рабочіе противъ собственниковъ — это значитъ милліоны противъ тысячъ.

И рабочіе въ Россіи начинаютъ уже объединяться для этой великой борьбы въ одну рабочую соціалдемократическую партію. Какъ ни трудно объединяться тайкомъ, хоронясь отъ полиціи, а все же объединеніе крѣпнетъ и растетъ. Когда же русскій народъ завоюетъ себѣ политическую сво-

*) Буржуа—значитъ собственникъ. Буржуазія—всѣ собственники вмѣстѣ. Крупный буржуа—значитъ крупный собственникъ. Мелкій буржуа—мелкій собственникъ. Буржуазія и пролетаріатъ—это все равно, что собственники и рабочіе, богатые и неимущіе, люди, живущіе чужимъ трудомъ, и люди, работающіе на другихъ изъ-за платы

Digitized by Google

боду, тогда дѣло объединенія рабочаго класса, дѣло соціализма, пойдетъ впередъ несравненно быстрѣе, чѣмъ идетъ оно впередъ у нѣмецкихъ рабочихъ.

III. Богатство и нищета, собственники и рабочіе въ деревнѣ.

Мы знаемъ теперь, чего хотятъ соціалдемократы. Они хотятъ бороться со всѣмъ богатымъ классомъ за освобожденіе народа отъ нищеты.

А въ деревнѣ у насъ нищеты не меньше, а, пожалуй, даже и больше, чѣмъ въ городахъ. Какъ велика деревенская нищета, объ этомъ мы здѣсь говорить не будемъ: всякій рабочій, бывавшій въ деревнѣ, и всякій крестьянинъ очень хорошо знаютъ о деревенской нуждѣ, голодѣ, холодѣ и разореніи.

Но крестьянинъ не знаетъ, отчего онъ бѣдствуетъ, голодаетъ и разоряется, и какъ ему отъ этой нужды избавиться. Чтобы узнать это, надо прежде всего понять, отчего всякая нужда и нищета происходятъ и въ городѣ и въ деревнѣ. Мы объ этомъ уже коротенько говорили и видѣли, что неимущіе крестьяне и деревенскіе рабочіе должны соединяться съ городскими рабочими. Но этого мало. Надо, дальше, узнать, какой народъ въ деревнѣ пойдетъ за богатыхъ, за собственниковъ, и какой—за рабочихъ. Надо узнать, много ли такихъ крестьянъ, которые не хуже помѣщиковъ умѣютъ наживать капиталъ и жить чужимъ трудомъ. Если этого досконально не разобрать, то никакіе толки о нищетѣ ни къ чему не приведутъ, и деревенская бѣднота не будетъ понимать, кому въ деревнѣ надо между собой и съ городскими рабочими объединиться, и какъ сдѣлать, чтобы это былъ вѣрный союзъ, чтобы крестьянина не надулъ, кромѣ помѣщика, и свой братъ—богатый мужикъ.

Чтобы разобрать это, мы и посмотримъ теперь, какова сила помѣщиковъ въ деревнѣ, и какова сила богатыхъ крестьянъ.

Начнемъ съ помѣщиковъ. Объ ихъ силѣ можно судить прежде всего по количеству земли, которая находится въ ихъ частной собственности. Всѣхъ земель въ Европейской Россіи, и крестьянскихъ надѣльныхъ, и земель въ частной

Digitized by Google

собственности, считалось около 240 милліоновъ десятинъ *) (кромѣ казенныхъ земель, о которыхъ мы скажемъ особо). Изъ этихъ 240 милліоновъ десятинъ въ рукахъ крестьянъ, т. е. въ рукахъ болѣе, чѣмъ десяти милліоновъ дворовъ, находится 131 милліонъ надѣльныхъ земель. А въ рукахъ частныхъ собственниковъ, т. е. въ рукахъ менѣе полумилліона семей, находится 109 милліоновъ десятинъ. Значитъ, если бы даже сосчитать на кругъ, то на одну крестьянскую семью пришлось бы по 13 десятинъ, а на одну семью частнаго собственника — по 218 десятинъ. Но неравенство въ распредѣленіи земли еще гораздо сильнѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Изъ 109 милліоновъ десятинъ земли у частныхъ владѣльцевъ 7 милліоновъ находится въ рукахъ удѣла, т. е. въ частной собственности членовъ царской фамиліи. Далѣе, у церквей и монастырей—около 6 милліоновъ десятинъ земли. Наши попы проповѣдуютъ крестьянамъ нестяжаніе да воздержаніе, а сами набрали себѣ правдой и неправдой громадное количество земли.

Затѣмъ, около двухъ милліоновъ десятинъ считаютъ у городовъ и посадовъ и столько же — у разныхъ торговыхъ и промышленныхъ обществъ и компаній. 92 милліона десятинъ земли (точная цифра—91.605.845, но мы будемъ приводить для простоты круглыя цифры) принадлежатъ менѣе, чѣмъ полумилліону (481,358) семей частныхъ собственниковъ. Половина этого числа семей—совсѣмъ мелкіе собственники; у каждаго изъ нихъ меньше 10 десятинъ земли. И у всѣхъ ихъ вмѣстѣ—меньше милліона десятинъ. А шестнадцать тысячъ семей имѣютъ каждая больше тысячи десятинъ земли; всего у нихъ 65 милліоновъ десятинъ. Какія необъятныя количества земли собраны въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, это видно еще изъ того, что немногимъ менѣе тысячи семей (924) владѣютъ каждая больше, чѣмъ 10.000 десятинъ земли, и у всѣхъ ихъ — 27 милліоновъ десятинъ!“ 1.000 семей имѣетъ столько же, сколько 2.000.000 крестьянскихъ семей!

Понятно, что милліоны и десятки милліоновъ народа должны бѣдствовать и голодать и всегда будутъ бѣдствовать

*) Всѣ эти и слѣдующія цифры о количествѣ земли сильно уже устарѣли Онѣ относятся къ 1877—78 годамъ. Но болѣе новыхъ цифръ не имѣется. Русское правительство можетъ держаться только въ потемкахъ, и поэтому у насъ такъ рѣдко собираются полныя и правдивыя свѣдѣнія о народной жизни по всему государству.

Digitized by Google

и голодать, покуда въ рукахъ у нѣсколькихъ тысячъ богатѣевъ будутъ такія необъятныя количества земли. Понятно, что и государственная власть будетъ до тѣхъ поръ плясать подъ дудку этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Понятно, что деревенской бѣднотѣ не отъ кого и не откуда ждать помощи, пока она сама не соединится, не сомкнется въ одинъ классъ для упорной борьбы съ этимъ помѣщичьимъ классомъ.

Здѣсь надо отмѣтить, что у насъ очень многіе люди (и даже многіе изъ образованныхъ людей) имѣютъ совершенно неправильный взглядъ на силу помѣщичьяго класса, говорятъ, что еще гораздо больше земли у „государства“. „Уже теперь—говорятъ такіе плохіе совѣтчики крестьянина—большая доля территоріи (т. е. всей земли) Россіи принадлежитъ государству“. Ошибка этихъ людей произошла вотъ отчего. Они слыхали, что казнѣ принадлежитъ у насъ въ Европейской Россіи 150 милліоновъ десятинъ. Это, дѣйствительно, такъ. Но они забыли, что эти полтораста милліоновъ десятинъ—почти цѣликомъ неудобныя земли и лѣса на дальнемъ сѣверѣ, въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской и Пермской. За казной, значитъ, остались только такія земли, которыя до сихъ поръ совершенно не годились для хозяйства. Удобныхъ же земель у казны менѣе четырехъ милліоновъ десятинъ. И эти удобныя казенныя земли (напримѣръ, въ Самарской губерніи, гдѣ ихъ особенно много) снимаются въ аренду за-дешево, за безцѣнокъ богачами. Богачи берутъ по тысячамъ и по десяткамъ тысячъ десятинъ этихъ земель, а потомъ раздаютъ ихъ крестьянству втридорога.

Нѣтъ, совсѣмъ это плохіе совѣтчики крестьянина, которые говорятъ: у казны земель много. Дѣйствительно, много хорошихъ земель у крупныхъ частныхъ землевладѣльцевъ (и у царя лично въ томъ числѣ), и эти крупные помѣщики самое казну держатъ въ своихъ рукахъ. И пока деревенская бѣднота не сумѣетъ объединиться и сдѣлаться черезъ свое объединеніе грозной силой, до тѣхъ поръ „государство“ всегда останется покорнымъ слугой помѣщичьяго класса. И надо не забывать еще вотъ чего: прежде помѣщиками почти только одни дворяне и были. У дворянъ и теперь масса земли (у 115 тысячъ дворянъ считалось въ 1877—1878 г. 73 милліона десятинъ). Но главной силой стали теперь деньги, капиталъ. Очень и очень много земли накупили себѣ купцы и зажиточные крестьяне. Считаютъ, что за тридцать лѣтъ (съ 1863 по 1892 годъ) дворяне потеряли земель (т. е. про-

Digitized by Google

дали больше, чѣмъ купили) на шестьсотъ съ лишнимъ милліоновъ рублей. А купцы и почетные граждане пріобрѣли земель на 250 милліоновъ рублей. Крестьяне, казаки и „другіе сельскіе обыватели“ (какъ называетъ наше правительство людей простого званія, въ отличіе отъ „благородной“ и „чистой публики“) пріобрѣли земли на 300 милліоновъ рублей. Значитъ, каждый годъ среднимъ числомъ крестьяне по всей Россіи покупаютъ себѣ земли въ частную собственность на 10 милліоновъ рублей.

Стало быть, крестьяне есть разные: одни — бѣдствуютъ и голодаютъ, другіе--богатѣютъ. Стало быть, все больше становится такихъ богатыхъ крестьянъ, которые тянутъ къ помѣщикамъ, которые будутъ держать сторону богатыхъ противъ рабочихъ. И деревенской бѣднотѣ, которая хочетъ объединиться съ городскими рабочими, надо хорошо подумать объ этомъ, надо разобрать, много ли такихъ богатыхъ крестьянъ, какова ихъ сила, и какой союзъ нуженъ намъ для борьбы съ этой силой. Мы сейчасъ упоминали о плохихъ совѣтчикахъ крестьянина. Эти плохіе совѣтчики любятъ говорить: у крестьянъ есть уже союзъ. Этотъ союзъ—міръ, общество. Міръ — большая сила. Мірское соединеніе тѣсно сплачиваетъ крестьянъ; организація (то-есть объединеніе, союзъ) мірского крестьянства колоссальна (т.-е. огромна, необъятна).

Это невѣрно. Это—сказка. Хоть и добрыми людьми выдуманная, а все-таки сказка. Если мы сказки слушать будемъ, мы только испортимъ свое дѣло—дѣло союза деревенской бѣдноты съ городскими рабочими. Пусть каждый деревенскій житель посмотритъ хорошенько кругомъ себя: похоже ли мірское соединеніе, похоже ли крестьянское общество на союзъ бѣдноты для борьбы со всѣми богатѣями, со всѣми, кто живетъ чужимъ трудомъ? Нѣтъ, не похоже и не можетъ быть похоже. Въ каждой деревнѣ, въ каждомъ обществѣ, есть много батраковъ, много обнищавшихъ крестьянъ, и есть богатѣи, которые сами держатъ батраковъ и покупаютъ себѣ земли „на вѣчно“. Эти богатѣи—тоже общественники, и они верховодятъ въ обществѣ, потому что они—сила. А развѣ намъ такой союзъ нуженъ, въ который входятъ богатѣи, въ которомъ верховодятъ богатѣи? Совсѣмъ нѣтъ. Намъ нуженъ союзъ для борьбы съ богатѣями. Значитъ, мірской союзъ совсѣмъ для насъ не годится.

Намъ нуженъ добровольный союзъ, союзъ только такихъ людей, которые поняли, что имъ надо соединиться съ го-

Digitized by Google

родскими рабочими. А общество—не добровольный союзъ, а казенный союзъ. Въ общество не тѣ люди входятъ, которые работаютъ на богатѣевъ, которые хотятъ вмѣстѣ бороться съ богатѣями. Въ общество входятъ всякіе люди не по своей волѣ, а потому, что ихъ родители на этой землѣ жили, на этого помѣщика работали, потому что ихъ начальство къ этому обществу приписало. Изъ общества бѣдные крестьяне не могутъ свободно выйти; въ общество они не могутъ свободно чужого человѣка принять, который приписанъ полиціей къ другой волости, а намъ, для нашего союза, требуется, можетъ быть, именно здѣсь. Нѣтъ, намъ совсѣмъ другой союзъ нуженъ: добровольный союзъ однихъ только работниковъ и бѣдныхъ крестьянъ для борьбы со всѣми, кто живетъ чужимъ трудомъ.

Давно прошли уже тѣ времена, когда міръ былъ силою. И не вернутся эти времена никогда. Міръ былъ силою, когда среди крестьянъ почти не было батраковъ и рабочихъ, бродящихъ по всей Россіи за заработкомъ, когда не было почти и богатѣевъ, когда всѣхъ давилъ одинаково баринъ-крѣпостникъ. А теперь главной силой стали деньги. Изъ-за денегъ и однообщественники между собою не хуже лютыхъ звѣрей борются. Денежные мужики своихъ собственныхъ однообщественниковъ тѣснятъ и грабятъ почище иного помѣщика. Теперь нуженъ намъ не мірской союзъ, а союзъ всѣхъ деревенскихъ работниковъ и неимущихъ крестьянъ разныхъ обществъ, союзъ всей деревенской бѣдноты съ городскими рабочими для борьбы противъ помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ одинаково.

Какова сила помѣщиковъ, мы видѣли. Надо посмотрѣть теперь, много ли богатыхъ крестьянъ, и какова ихъ сила.

О силѣ помѣщиковъ мы судили по величинѣ ихъ имѣній, по количеству земли у нихъ. Помѣщики свободно распоряжаются своей землей, свободно покупаютъ и продаютъ ее. Поэтому объ ихъ силѣ можно очень точно судить по количеству земли у нихъ. Крестьяне же до сихъ поръ не имѣютъ у насъ права свободно распоряжаться своей землей, до сихъ поръ они остаются полукрѣпостными, привязанными къ своему обществу. Поэтому о силѣ богатыхъ крестьянъ нельзя судить по количеству надѣльной земли у нихъ. Богатые крестьяне не на своихъ надѣлахъ разживаются: они покупаютъ по многу земли, покупаютъ и „на вѣчно“ (то-есть въ свою частную собственность) и „на года“ (т. е. снимаютъ въ аренду), покупаютъ и у помѣщиковъ, и у своего брата-кре-

Digitized by Google

стьянина, и у того, кто бросаетъ землю, кто изъ нужды сдаетъ надѣлы. Всего вѣрнѣе будетъ, поэтому, различить богатыхъ, среднихъ и неимущихъ крестьянъ по количеству лошадей у нихъ. Многолошадный крестьянинъ почти всегда— богатый крестьянинъ; если онъ держитъ много рабочаго скота,—значитъ, у него и посѣва много, и земля есть, кромѣ одной надѣльной, и деньги въ запасѣ есть. Притомъ же у насъ есть возможность узнать, сколько по всей Россіи (Европейской Россіи, не считая ни Сибири, ни Кавказа) есть многолошадныхъ крестьянъ. Разумѣется, не надо забывать, что обо всей Россіи можно говорить только на-кругъ: въ отдѣльныхъ губерніяхъ и уѣздахъ очень много различія. Напримѣръ, около городовъ часто бываютъ такіе богатые крестьяне - землевладѣльцы, у которыхъ вовсе не много лошадей. Одни занимаются выгоднымъ огороднымъ промысломъ, другіе держатъ мало лошадей, да много коровъ, и торгуютъ молокомъ. Есть вездѣ по Россіи и такіе крестьяне, которые наживаются не на землѣ, а на торговомъ дѣлѣ, заводятъ маслобойни, круподерни и другіе заводы. Всякій, кто живетъ въ деревнѣ, очень хорошо знаетъ богатыхъ крестьянъ въ своемъ селѣ или въ округѣ. Но намъ надо узнать, сколько ихъ по всей Россіи, какова ихъ сила, чтобы бѣдный крестьянинъ не на авось шелъ, не съ завязанными глазами, а чтобы онъ точно зналъ, каковы его друзья и каковы его враги.

Такъ вотъ мы и посмотримъ, много ли крестьянъ, богатыхъ и бѣдныхъ лошадьми. Мы уже говорили, что всего крестьянскихъ дворовъ считаютъ въ Россіи около десяти милліоновъ. Всего лошадей у нихъ теперь, вѣроятно, около пятнадцати милліоновъ (лѣтъ четырнадцать тому назадъ было семнадцать милліоновъ, но теперь стало меньше). Значитъ, на-кругъ приходится на каждые десять дворовъ по пятнадцати лошадей. Но все дѣло въ томъ, что у однихъ, у немногихъ — по многу лошадей, а у другихъ, и притомъ у очень многихъ, — либо совсѣмъ нѣтъ, либо мало. Безлошадныхъ крестьянъ не меньше трехъ милліоновъ, да около трехъ съ половиною милліоновъ однолошадныхъ. Это все— либо совсѣмъ разоренные, либо неимущіе крестьяне. Мы называемъ ихъ деревенской бѣднотой. Ихъ шесть съ половиной милліоновъ изъ десяти, т.-е. почти двѣ трети! Потомъ идутъ средніе крестьяне, у которыхъ по одной парѣ рабочаго скота. Такихъ крестьянъ около двухъ милліоновъ дворовъ, и у нихъ около четырехъ милліоновъ лошадей. За

Digitized by Google

ними идутъ богатые крестьяне, которые имѣютъ больше, чѣмъ по парѣ рабочаго скота. Такихъ крестьянъ полтора милліона дворовъ, но у нихъ семь съ половиной милліоновъ лошадей *). Это значитъ: у одной, примѣрно, шестой доли дворовъ находится въ рукахъ половина всего числа лошадей.

Зная это, мы можемъ довольно точно судить о силѣ богатыхъ крестьянъ. Числомъ ихъ очень немного: въ разныхъ обществахъ, въ разныхъ волостяхъ ихъ наберется одинъ-два десятка на каждую сотню дворовъ. Но эти немногіе дворы—самые богатые. Поэтому у нихъ оказывается по всей Россіи почти столько же лошадей, сколько у всѣхъ остальныхъ крестьянъ, вмѣстѣ взятыхъ. Значитъ, и посѣвовъ у нихъ почти половина всѣхъ крестьянскихъ посѣвовъ. Такіе крестьяне собираютъ хлѣба гораздо больше, чѣмъ нужно ихъ семьямъ. Они продаютъ по многу хлѣба. Имъ хлѣбъ не только для прокормленія служитъ, а больше всего—для продажи, для наживы денегъ. Такіе крестьяне могутъ копить деньги. Они кладутъ ихъ въ сберегательныя кассы и въ банки. Они покупаютъ себѣ земли въ собственность. Мы уже говорили, какъ много земли по всей Россіи покупается каждый годъ крестьянами: почти всѣ эти земли достаются вотъ этимъ немногимъ богатымъ крестьянамъ Деревенской бѣднотѣ не о покупкѣ земли приходится думать, а о томъ, какъ бы прокормиться. Имъ и на хлѣбъ-то часто не хватаетъ денегъ, а не то что на покупку земли. Поэтому всякіе банки вообще и крестьянскій банкъ—въ особенности помогаютъ добывать землю вовсе не всѣмъ крестьянамъ (какъ увѣряютъ иногда люди, обманывающіе мужика или очень уже большіе простачки), а только ничтожному числу крестьянъ, только богатѣямъ. Поэтому и тѣ плохіе совѣт-

*) Повторяемъ еще разъ, что мы беремъ здѣсь цифры на-кругъ, приблизительно. Можетъ быть, богатыхъ крестьянъ не ровно полтора милліона, а милліонъ съ четвертью, или милліонъ три четверти, или даже два милліона. Это уже разница небольшая. Не въ томъ тутъ дѣло, чтобы каждую тысячу или сотню тысячъ усчитать, а въ томъ, чтобы ясно понять, какова сила богатыхъ крестьянъ, каково ихъ положеніе, чтобы умѣть опредѣлить своихъ враговъ и своихъ друзей, чтобы не обманываться всякими розсказнями или пустыми словами, а узнать точно и положеніе бѣдноты, и особо—положеніе богатыхъ.

Пусть каждый деревенскій работникъ приглядится хорошенько къ своей волости и сосѣднимъ волостямъ. Онъ увидитъ, что нашъ разсчетъ правильный, что на-кругъ вездѣ такъ и выйдетъ: изъ каждой сотни дворовъ одинъ, много—два десятка—богатѣевъ, десятка два— среднихъ крестьянъ, а всѣ остальные—бѣднота.

Digitized by Google

чики мужика, о которыхъ мы упоминали, говорятъ неправду про крестьянскую покупку земель, будто эта земля перетекаетъ отъ капитала къ труду. Къ труду, т.-е. къ неимущему рабочему человѣку, земля никогда не можетъ перетекать, потому что за землю платятъ деньги. А у бѣдноты лишнихъ денегъ и въ заводѣ никогда не бываетъ. Земля перетекаетъ только къ богатымъ денежнымъ крестьянамъ, къ капиталу, только къ такимъ людямъ, съ которыми деревенской бѣднотѣ надо вести борьбу въ союзѣ съ городскими рабочими.

Богатые крестьяне не только покупаютъ землю на-вѣчно, но они же больше всего нанимаютъ земли и на года, арендуютъ землю. Они отбиваютъ землю у деревенской бѣдноты, снимая большіе участки. Вотъ, напримѣръ, по одному уѣзду Полтавской губерніи (Константиноградскому) было сосчитано, сколько земли арендовали богатые крестьяне. И что же оказалось? Такихъ, которые арендовали по 30 и болѣе десятинъ на дворъ, было совсѣмъ мало, всего по два двора изъ каждыхъ 15 дворовъ. Но эти богатѣи забрали въ свои руки половину всей сѣятой земли, и на каждаго богатѣя приходилось по 75 десятинъ съемной земли! Или вотъ, въ Таврической губерніи сосчитали, сколько захватили богатѣи изъ той земли, которую крестьяне сняли міромъ, обществами у казны. Оказалось, что богатѣи, числомъ всего одна пятая доля дворовъ, захватили себѣ три четверти всей съемной земли. Землю вездѣ по деньгамъ дѣлятъ, а деньги только у немногихъ богатѣевъ и водятся.

Далѣе, много земли сдаютъ теперь и сами крестьяне. Бросаютъ надѣлы, потому что нѣтъ скота, нѣтъ сѣмянъ, нечѣмъ вести хозяйство. Безъ денегъ нынѣ и съ землей ничего не подѣлаешь. Напримѣръ, въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, у богатыхъ крестьянъ изъ каждыхъ трехъ дворовъ одинъ, а то и два, снимаютъ надѣльную землю въ своемъ же собственномъ или въ чужомъ обществѣ. А сдаютъ надѣлы безлошадные и одно-лошадные. Въ Таврической губерніи цѣлая треть крестьянскихъ дворовъ сдаетъ надѣлы. Сдается четвертая часть всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ, четверть милліона десятинъ. И изъ этой четверти милліона — полтораста тысячъ десятинъ (три пятыхъ доли) попадаютъ въ руки богатыхъ крестьянъ! Мы опять тутъ видимъ, годится ли для бѣдноты мірской союзъ, общество. Въ обществѣ деревенскомъ — у кого деньги, у того и сила. А намъ нуженъ союзъ бѣдноты изъ всякихъ обществъ.

Digitized by Google

Такъ же, какъ насчетъ покупки земли, обманываютъ крестьянина и разговоры о дешевой покупкѣ плуговъ, жатокъ и всякихъ другихъ усовершенствованныхъ орудій. Устраиваютъ земскіе склады, артели и говорятъ: усовершенствованныя орудія улучшатъ положеніе крестьянства. Это — одинъ обманъ. Достаются всѣ эти лучшія орудія однимъ только богатѣямъ, а бѣднотѣ не достаются почти вовсе. Ей не до плуговъ и не до жатокъ, а быть бы только живу! Вся такая „помощь крестьянству“ есть помощь богатѣямъ, и больше ничего. А массѣ бѣдноты, у которой ни земли, ни скота, ни запаса нѣтъ, не поможешь тѣмъ, что лучшія орудія дешевле будутъ. Вотъ, напримѣръ, въ одномъ уѣздѣ Самарской губерніи сосчитали всѣ улучшенныя орудія у крестьянъ—богатыхъ и бѣдныхъ. Оказалось что у одной пятой доли дворовъ, т. е. у самыхъ зажиточныхъ,—почти три четверти всѣхъ улучшенныхъ орудій, у бѣдноты же, у половины дворовъ,—всего-на-всего одна тридцатая доля. Безлошадныхъ и однолошадныхъ въ этомъ уѣздѣ 10 тысячъ дворовъ изъ всего числа 28 тысячъ, и у этихъ 10 тысячъ всего-на-всего семь улучшенныхъ орудій изъ всего числа 5.724 улучшенныхъ орудій у всѣхъ крестьянскихъ дворовъ во всемъ уѣздѣ. Семь орудій изъ 5.724 — вотъ каково участіе деревенской бѣдноты во всѣхъ этихъ улучшеніяхъ хозяйства, распространеніяхъ плуговъ и жатокъ, которыя помогаютъ, будто бы, „всему крестьянству!“ Вотъ чего должна ждать деревенская бѣднота отъ людей, толкующихъ объ „улучшеніи крестьянскаго хозяйства“!

Наконецъ, одна изъ самыхъ главныхъ особенностей богатаго крестьянства состоитъ въ томъ, что оно нанимаетъ батраковъ и поденщиковъ. Подобно помѣщикамъ, богатые крестьяне тоже живутъ чужимъ трудомъ. Подобно помѣщикамъ, они богатѣютъ, потому что разоряется и нищаетъ масса крестьянства. Подобно помѣщикамъ, они стараются выжать какъ можно больше работы изъ своихъ батраковъ и заплатить имъ какъ можно меньше. Если бы милліоны крестьянъ не были въ кочецъ разорены и вынуждены итти на работу въ чужіе люди, итти въ наймиты, продавать свою рабочую силу,—тогда богатые крестьяне не могли бы существовать, не могли бы вести хозяйство. Тогда имъ негдѣ было бы подбирать „упалые“ надѣлы, негдѣ было бы находить себѣ рабочихъ. А по всей Россіи всѣ полтора милліона богатыхъ крестьянъ нанимаютъ, навѣрное, не меньше милліона батраковъ и поденщиковъ. Понятно, что въ великой

Digitized by Google

борьбѣ между классомъ собственниковъ и классомъ неимущихъ, между хозяевами и рабочими, между буржуазіей и пролетаріатомъ,—богатые крестьяне станутъ на сторону собственниковъ противъ рабочаго класса.

Теперь мы знаемъ положеніе и силу богатаго крестьянства. Посмотримъ, каково живется деревенской бѣднотѣ.

Мы уже говорили, что къ деревенской бѣднотѣ принадлежитъ громадное большинство, почти двѣ трети крестьянскихъ дворовъ по всей Россіи. Прежде всего, безлошадныхъ дворовъ никакъ не менѣе трехъ милліоновъ, — вѣроятно, даже болѣе, до трехъ съ половиной милліоновъ въ настоящее время. Каждый голодный годъ, каждый неурожай разоряетъ десятки тысячъ хозяйствъ. Населеніе увеличивается, жить становится все тѣснѣе, а вся лучшая земля уже прибрана къ рукамъ помѣщиками и богатыми крестьянами. И вотъ каждый годъ все больше и больше народа разоряется, уходитъ въ города и на фабрики, поступаетъ въ батраки, становится чернорабочими. Безлошадный крестьянинъ—это такой, который сталъ уже совсѣмъ неимущимъ. Это—пролетарій. Живетъ онъ (покуда живетъ, и вѣрнѣе сказать, что перебивается, а не живетъ) не землей, не хозяйствомъ, а работой по найму. Это—родной братъ городского рабочаго. Безлошадному крестьянину и земля ни къ чему: половина безлошадныхъ дворовъ сдаютъ свои надѣлы, иногда даже даромъ отдаютъ ихъ въ общество (а то, такъ и платятъ еще сами верхи!), потому что имъ не подъ силу обрабатывать землю. Безлошадный крестьянинъ сѣетъ какую-нибудь десятину, много—двѣ. Ему всегда приходится прикупать хлѣбъ (если есть, на что купить)—своимъ хлѣбомъ никогда не прокормиться. Немногимъ дальше ушли и однолошадные крестьяне, которыхъ по всей Россіи около $3^1/_2$ милліоновъ дворовъ. Конечно, бываютъ исключенія, и мы уже сказали, что кое-гдѣ есть средне-живущіе и даже богатые однолошадные. Но мы говоримъ не объ исключеніяхъ, не объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, а обо всей Россіи. Если взять всю массу однолошадныхъ, то несомнѣнно, что это —масса бѣдноты и нищеты. Однолошадный крестьянинъ сѣетъ даже въ земледѣльческихъ губерніяхъ десятины три-четыре, рѣдко—пять; своимъ хлѣбомъ тоже не обходится. Кормится онъ даже и въ хорошій годъ не лучше безлошаднаго,—стало быть, постоянно не доѣдаетъ, постоянно голодаетъ. Хозяйство совсѣмъ въ упадкѣ, скотъ плохой—корму ему мало, землю охаживать, какъ слѣдуетъ—силъ нѣтъ. На все свое

Digitized by Google

хозяйство (кромѣ корма скота) однолошадный крестьянинъ можетъ расходовать, напримѣръ, въ Воронежской губерніи—не больше двадцати рублей въ годъ! (Богатый мужикъ вдесятеро больше расходуетъ). Двадцать рублей въ годъ—и на покупку скота, и на починку сохи и другихъ орудій, и на пастуха, и на прочее! Развѣ это—хозяйство? Это—одна склока, одна каторга, вѣчная маята. Очень понятно, что изъ однолошадныхъ крестьянъ тоже есть такіе, и не мало такихъ, которые сдаютъ свои надѣлы. Нищему и съ землей не много пользы. Денегъ нѣтъ—и отъ земли не только денегъ, а и прокормленія не получишь. А деньги нужны на все: и на пищу, и на одежду, и на хозяйство, и на подати. Въ Воронежской губерніи съ однолошаднаго крестьянина однѣхъ податей сходитъ въ годъ обыкновенно рублей восемнадцать, а ему всего-на-всего, на всѣ расходы, не достать въ годъ больше 75 рублей. Тутъ только въ насмѣшку можно говорить о покупкѣ земли, объ улучшенныхъ орудіяхъ, о сельскихъ банкахъ: совсѣмъ это не для бѣдноты придумано!

Откуда же взять денегъ? Приходится искать „заработковъ". Однолошадный крестьянинъ, какъ и безлошадный, тоже только „заработками" и перебивается. А что это значитъ—„заработки"? Это значитъ—работа въ чужихъ людяхъ, работа по найму. Это значитъ, что однолошадный крестьянинъ наполовину пересталъ быть хозяиномъ, а сталъ наймитомъ, пролетаріемъ. Вотъ почему такихъ крестьянъ и называютъ полупролетаріями. Они тоже—родные братья городского рабочаго, потому что ихъ тоже обираютъ на всѣ лады всякіе хозяева. Имъ тоже нѣтъ иного выхода, нѣтъ иного спасенія, кромѣ какъ соединиться сообща съ соціалдемократами, для борьбы противъ всѣхъ богатѣевъ, противъ всѣхъ собственниковъ. Кто работаетъ на постройкѣ желѣзныхъ дорогъ? Кого грабятъ подрядчики? Кто ходитъ на рубку и сплавъ лѣса? Кто служитъ въ батракахъ? Кто занимается поденщиной? Кто исполняетъ черныя работы въ городахъ и на пристаняхъ? Это все—деревенская бѣднота. Это все—безлошадные и однолошадные крестьяне. Это все—деревенскіе пролетаріи и полупролетаріи. И какая масса такого народа на Руси! Сосчитали, что каждый годъ выбирается по всей Россіи (кромѣ Кавказа и Сибири) восемь, а иногда и девять милліоновъ паспортовъ. Это все—отхожіе рабочіе. Это—крестьяне только по названію, а на самомъ дѣлѣ—наймиты, рабочіе. Они всѣ должны объединиться въ

Digitized by Google

одинъ союзъ съ городскими рабочими, и каждый лучъ свѣта и знанія, попадающій въ деревню, будетъ усиливать и укрѣплять этотъ союзъ.

Надо еще не забывать одной вещи насчетъ „заработковъ“. Всякіе чиновники и люди, думающіе по-чиновничьи, любятъ потолковать о томъ, что „крестьянину“, мужичку, „нужны“ „заработки“. Поэтому, дескать, чтобы помочь народу, надо заводить въ деревнѣ побольше промысловъ, надо „давать“ больше „заработку“. Такія рѣчи—одно лицемѣріе. Для бѣдноты заработки, это—наемная работа. „Давать заработокъ“ крестьянину—значитъ превращать крестьянина въ наемнаго рабочаго. Хорошая помощь, нечего сказать! Для богатыхъ крестьянъ есть другіе „заработки“, требующіе капитала,—напримѣръ, устройство мельницы или другого заведенія, покупка молотилки, торговля и тому подобное. Смѣшивать эти заработки денежныхъ людей съ наемной работой бѣдноты—значитъ обманывать бѣдноту. Богатымъ, конечно, выгоденъ такой обманъ, имъ выгодно представить дѣло такъ, какъ будто всѣ „заработки“ по плечу и по карману всѣмъ крестьянамъ. А кто хочетъ дѣйствительно добра для бѣдноты, тотъ говоритъ ей всю правду и только правду.

Намъ остается теперь сказать о среднемъ крестьянствѣ. Мы уже видѣли, что среднимъ крестьяниномъ можно считать на-кругъ по всей Россіи такого, у кого есть пара скота, и что такихъ крестьянскихъ дворовъ изъ десяти милліоновъ—около двухъ милліоновъ. Средній крестьянинъ стоитъ посрединѣ между богатымъ и пролетаріемъ,—поэтому онъ и называется среднимъ. И живетъ онъ средне: въ хорошій годъ сводитъ концы съ концами на своемъ хозяйствѣ, но нужда у него всегда за спиною стоитъ. Сбереженій у него либо никакихъ нѣтъ, либо совсѣмъ мало. Поэтому хозяйство его шаткое. Деньги доставать трудно: со своего хозяйства рѣдко-рѣдко соберетъ онъ столько денегъ, сколько нужно, да и то въ обрѣзъ. А на заработки итти—значитъ хозяйство бросать, въ хозяйствѣ упущенія пойдутъ. Многимъ среднимъ крестьянамъ все же безъ заработковъ никакъ не обойтись: приходится въ наймы итти, нужда заставляетъ помѣщикамъ закабаляться, въ долги входить. А съ долгами среднему крестьянину развязаться почти никогда не удается: доходовъ у него прочныхъ нѣтъ, какъ у богатаго мужика. Поэтому, разъ вошелъ въ долги—все равно, что накинулъ на себя петлю. Такъ и не выходитъ изъ дол-

Digitized by Google

говъ, покуда совсѣмъ не разорится. Средній крестьянинъ всего больше въ кабалу къ помѣщику идетъ, потому что помѣщику для сдѣльныхъ работъ нуженъ мужикъ не разоренный, чтобы у него и лошадей была пара, и снаряды были всѣ по хозяйству. На сторону итти среднему крестьянину трудно—вотъ онъ и кабалитъ себя помѣщикамъ и за хлѣбъ, и за выпасъ, и за съемку отрѣзныхъ земель, и за зимній долгъ деньгами. Кромѣ помѣщика и кулака, тѣснитъ средняго крестьянина и богатый сосѣдъ: онъ у него всегда землю перебьетъ и никогда не упуститъ случая притѣснить его, чѣмъ можетъ. Такъ и живетъ средній крестьянинъ: не то рыба, не то птица. Ни ему хозяиномъ настоящимъ, заправскимъ быть, ни рабочимъ. Всѣ средніе крестьяне за хозяевами тянутся, собственниками хотятъ быть, но удается это очень и очень немногимъ. Очень мало такихъ, которые даже батраковъ и поденщиковъ нанимаютъ, сами стараются на чужомъ трудѣ нажиться, на чужой спинѣ пролѣзть въ богатѣи. А большинству среднихъ крестьянъ не то, что нанимать,—самимъ наниматься приходится.

Вездѣ, гдѣ начинается борьба между богатыми и бѣднотой, между собственниками и рабочими,—средній крестьянинъ посередкѣ, оказывается, и не знаетъ, куда итти. Богатые на свою сторону зовутъ: ты, молъ, тоже хозяинъ, собственникъ, тебѣ нечего съ голышами-рабочими дѣлать. А рабочіе говорятъ: богатые тебя надуютъ и тебя же оберутъ и нѣтъ тебѣ иного спасенья, кромѣ какъ намъ помогать въ борьбѣ со всѣми богатыми. Этотъ споръ изъ-за средняго мужика вездѣ идетъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ рабочіе-соціалдемократы борются за освобожденіе рабочаго народа. Въ Россіи этотъ споръ какъ разъ начинается. Поэтому намъ надо особенно хорошо разсмотрѣть это дѣло и ясно понять, какими обманами завлекаютъ средняго мужика богатые, какъ намъ эти обманы вывести на чистую воду, какъ намъ помочь среднему крестьянину найти его настоящихъ друзей. Если русскіе рабочіе-соціалдемократы сразу станутъ на вѣрный путь, то намъ удастся скоро устроить прочный союзъ деревенскаго рабочаго народа съ городскими рабочими и быстро притти къ побѣдѣ надъ всѣми врагами трудящихся.

Digitized by Google

IV. Куда итти среднему крестьянину: на сторону собственниковъ и богатыхъ или на сторону рабочихъ и неимущихъ?

Всѣ собственники, вся буржуазія, стараются привлечь средняго крестьянина на свою сторону тѣмъ, что обѣщаютъ ему всякія мѣры для улучшенія хозяйства (дешевые плуги, сельскіе банки, введеніе посѣва травъ, дешевую продажу скота и удобреній и т. п.), а также тѣмъ, что дѣлаютъ крестьянина участникомъ всякихъ сельско-хозяйственныхъ союзовъ (кооперацій, какъ ихъ называютъ въ книжкахъ, союзовъ между всякими хозяевами), съ цѣлью улучшенія хозяйства. Такимъ путемъ буржуазія старается отвлечь отъ союза съ рабочими средняго и даже мелкаго крестьянина, даже полупролетарія, старается побудить ихъ стоять за богатыхъ, за буржуазію, въ ея борьбѣ съ рабочими, съ пролетаріатомъ.

Рабочіе-соціалдемократы отвѣчаютъ на это: улучшеніе хозяйства—вещь хорошая. Ничего въ томъ дурного нѣтъ, чтобы дешевле покупать плуги; теперь даже всякій неглупый купецъ старается дешевле продавать, чтобы покупателей привлечь. Но когда бѣдному и среднему крестьянину говорятъ, что улучшеніе хозяйства и удешевленіе плуговъ поможетъ имъ всѣмъ изъ нужды выбиться и на ноги встать, не трогая вовсе богатыхъ людей,—то это обманъ. Отъ всѣхъ этихъ улучшеній, удешевленій и кооперацій (союзовъ для продажи и закупки товаровъ) гораздо больше выигрываютъ богатые. Богатые становятся все сильнѣе, все больше тѣснятъ и бѣдноту, и среднихъ крестьянъ. Покуда богатые остаются богатыми, покуда они держатъ въ своихъ рукахъ большую часть и земли, и скота, и орудій, и денегъ,—до тѣхъ поръ не только бѣднотѣ, но и среднимъ крестьянамъ никогда изъ нужды не выбиться. Одинъ-другой средній мужикъ пролѣзетъ въ богатые при помощи этихъ улучшеній да кооперацій, а весь народъ и всѣ средніе мужики еще глубже въ нуждѣ застрянутъ. Чтобы всѣмъ среднимъ мужикамъ въ богатые пролѣзть,—для этого надо самихъ богатыхъ убрать, а убрать ихъ можетъ только союзъ городскихъ рабочихъ съ деревенской бѣднотой.

Буржуазія говоритъ среднему (и даже мелкому) крестьянину: мы тебѣ продадимъ дешевую землю, дешевые плуги, а ты намъ продай свою душу, ты за это откажись отъ борьбы противъ всѣхъ богатыхъ.

Digitized by Google

Рабочій-соціалдемократъ говоритъ: ежели дѣйствительно дешево продаютъ, то отчего же не купить: дѣло торговое. Ну, а души своей никогда продавать не слѣдуетъ. Отказаться отъ борьбы вмѣстѣ съ городскимъ рабочимъ противъ всей буржуазіи—это значитъ вѣчно оставаться въ нищетѣ и нуждѣ. Отъ удешевленія товаровъ богатый еще больше выиграетъ, еще больше наживется. А у кого денегъ въ заводѣ не бываетъ, тому никакія дешевки не помогутъ, покуда онъ этихъ денегъ не отберетъ у буржуазіи.

Возьмемъ примѣръ. Сторонники буржуазіи носятся, какъ съ писаной торбой, со всякими коопераціями (союзами для дешевой закупки и выгодной продажи), находятся даже люди, которые называютъ себя „соціалистами-революціонерами“ и тоже кричатъ вслѣдъ за буржуазіей, что всего нужнѣе крестьянину кооперація? Начинаютъ заводить всякія кооперація и у насъ, въ Россіи, но у насъ еще очень мало ихъ, и до тѣхъ поръ будетъ мало, покуда не будетъ политической свободы. А вотъ въ Германіи есть очень много всякихъ кооперацій среди крестьянъ. И посмотрите, кому больше всего помогаютъ эти кооперація. Во всей Германіи 140 тысячъ сельскихъ хозяевъ участвуютъ въ товариществахъ для сбыта молока и молочныхъ продуктовъ, и у этихъ 140 тысячъ хозяевъ (мы беремъ опять круглыя цифры для простоты)—1.100 тысячъ коровъ. Бѣдныхъ крестьянъ считаютъ во всей Германіи 4 милліона. Изъ нихъ только 40 тысячъ участвуютъ въ товариществахъ; значитъ, изъ каждой сотни бѣдняковъ только одинъ пользуется этими коопераціями. Коровъ у этихъ 40 тысячъ бѣдняковъ всего только 100 тысячъ. Далѣе, — среднихъ хозяевъ, среднихъ крестьянъ — 1 милліонъ; изъ нихъ 50 тысячъ участвуютъ въ кооперація (значитъ, пять человѣкъ изъ сотни), и коровъ у нихъ 200 тысячъ. Наконецъ, богатыхъ хозяевъ (т. е. и помѣщиковъ, и богатыхъ крестьянъ вмѣстѣ)—одна треть милліона; изъ нихъ участвуютъ въ кооперація 50 тысячъ (значитъ, 17 человѣкъ изъ каждой сотни!), и коровъ у нихъ 800 тысячъ!

Вотъ кому помогаютъ прежде всего и больше всего кооперація. Вотъ какъ водятъ за носъ мужика люди, которые кричатъ о спасеніи средняго крестьянина всякими подобными союзами для дешевой покупки и выгодной продажи! Ужъ очень дешево хочетъ буржуазія „откупить“ мужика отъ соціалдемократовъ, которые зовутъ и бѣдноту, и средняго крестьянина на свою сторону.

У насъ тоже заводятъ разныя сыроваренныя артели, да

Digitized by Google

сборныя молочныя. У насъ тоже, сколько угодно, имѣется людей, которые кричатъ: артели, да мірской союзъ, да товарищества—вотъ что мужику надобно! А посмотрите-ка, кому эти артели, да товарищества, да мірскія аренды идутъ на-руку. У насъ изъ каждой сотни дворовъ не меньше двухъ десятковъ вовсе не имѣютъ коровъ: три десятка имѣютъ по одной коровѣ; эти продаютъ молоко изъ горькой нужды, дѣти остаются безъ молока, голодаютъ и мрутъ, какъ мухи. Богатые же мужики имѣютъ по три, по четыре коровы и больше, и у этихъ богатыхъ мужиковъ половина всѣхъ крестьянскихъ коровъ. Кому же на пользу идутъ сыроваренныя артели? Ясное дѣло, прежде всего—помѣщикамъ и крестьянской буржуазіи. Ясное дѣло, что имъ выгодно, чтобы средніе крестьяне и бѣднота тянулись за ними, чтобы средствомъ избавленія отъ нужды считали не борьбу всѣхъ рабочихъ со всей буржуазіей, а стремленіе отдѣльныхъ хозяйчиковъ выкарабкаться изъ своего положенія и пролѣзть въ богатѣи.

Это стремленіе поддерживаютъ и поощряютъ на всѣ лады всѣ сторонники буржуазіи, прикидываясь сторонниками и друзьями мелкаго крестьянина. И многіе наивные люди не узнаютъ волка въ овечьей шкурѣ и повторяютъ буржуазный обманъ, думая принести пользу мелкому и среднему крестьянину. Напримѣръ, доказываютъ въ книжкахъ и рѣчахъ, что мелкое хозяйство—самое выгодное, самое доходное, что мелкое хозяйство процвѣтаетъ; поэтому, дескать, такъ много повсюду мелкихъ хозяевъ въ земледѣліи, поэтому-де они такъ крѣпко за землю держатся (а не потому, что всѣ лучшія земли заняты буржуазіей, всѣ деньги тоже у нея въ рукахъ, а бѣднота тѣснится и мается всю жизнь на клочкахъ земли!). Мелкому крестьянину много денегъ не нужно, говорятъ эти сладкорѣчивые люди; мелкій и средній крестьянинъ бережливѣе и старательнѣе крупнаго, и притомъ умѣетъ жить попроще: вмѣсто того, чтобы сѣна прикупить скоту, онъ соломкой обойдется; вмѣсто того, чтобы дорогую машину покупать, онъ пораньше встанетъ, да побольше потрудится и за машиной угонится; вмѣсто того, чтобы за всякую починку денежки чужимъ людямъ отдавать, онъ въ праздникъ самъ топоръ возьметъ, поплотничаетъ—выйдетъ много дешевле, чѣмъ у крупнаго хозяина: вмѣсто того, чтобы дорогую лошадь или вола кормить, онъ и коровой обойдется для пахоты—у нѣмцевъ всѣ бѣдные крестьяне коровами пашутъ, да и у насъ народъ такъ разоренъ, что не только на коровахъ, и

Digitized by Google

на людяхъ пахать начинаютъ И какъ же это выгодно. Какъ это дешево! Какъ это похвально, что средній и мелкій крестьяне такіе прилежные, такіе усердные, такъ просто живутъ, баловствомъ не занимаются и о соціализмѣ не думаютъ, а думаютъ только о своемъ хозяйствѣ! Не за рабочими тянутся, которые противъ буржуазіи стачки устраиваютъ, а за богатыми идутъ, въ хорошіе люди выйти норовятъ! Вотъ кабы всѣ были такіе же усердные, прилежные, жили бы просто, не пьянствовали, побольше бы денегъ сберегали, поменьше на всякіе ситцы тратили, поменьше бы дѣтей рожали,— тогда бы всѣ хорошо жили, и никакой нищеты и нужды не было бы.

Такія сладкія рѣчи напѣваетъ среднему крестьянину буржуазія, и находятся простачки, которые въ эти пѣсни вѣрятъ, и сами ихъ повторяютъ *)! На самомъ дѣлѣ, эти сладкія рѣчи—одинъ обманъ, одна издѣвка надъ крестьяниномъ. Дешевымъ и выгоднымъ хозяйствомъ эти сладкорѣчивые люди называютъ нужду, горькую нужду, которая заставляетъ средняго и мелкаго крестьянина работать съ утра до ночи, урѣзывать себя на каждомъ кускѣ хлѣба, отказывать себѣ въ каждомъ грошевомъ расходѣ деньгами. Конечно, чего уже „дешевле“ и „выгоднѣе“, какъ по три года одни портки носить, лѣтомъ безъ сапогъ ходить, соху веревочкой подвязывать, а корову гнилой соломой съ крыши кормить! Посадить бы на такое „дешевое“ и „выгодное“ хозяйство любого буржуа и богатаго крестьянина,—небось, скоро бы свои сладкія рѣчи забыли!

Люди, которые расхваливаютъ мелкое хозяйство, хотятъ иногда принести пользу крестьянину, а на самомъ дѣлѣ приносятъ одинъ только вредъ. Сладкими рѣчами они такъ же обманываютъ мужика, какъ обманываетъ народъ лотерея. Я сейчасъ разскажу, что такое лотерея. Есть у меня, напримѣръ, корова, стоитъ 50 рублей. Я хочу разыграть эту корову въ лотерею и предлагаю всѣмъ билеты по 1 рублю. За одинъ рубль можетъ корова достаться! Народъ льстится,

*) У насъ въ Россіи тѣ простачки, которые желаютъ добра мужику и, все-таки нѣтъ-нѣтъ, да и собьются на эти сладкія рѣчи, называются „народниками“ или также „сторонниками мелкаго хозяйства“. За ними, по неразумію, плетутся также „соціалисты-революціонеры“. У нѣмцевъ тоже сладкорѣчивыхъ людей не мало. Одинъ изъ нихъ, Эдуардъ Давидъ, написалъ недавно толстую книгу. Въ этой книгѣ онъ говоритъ, что мелкое хозяйство несравненно выгоднѣе крупнаго, потому что мелкій крестьянинъ лишнихъ расходовъ не дѣлаетъ, для пахоты лошадей не держитъ, а той же самой коровой обходится, которая и молоко даетъ.

Digitized by Google

цѣлковые такъ и сыплются. Когда набирается 100 рублей, тогда я устраиваю розыгрышъ; чей билетъ вынется, тому корова за одинъ рубль досталась, а остальные ни съ чѣмъ уходятъ. „Дешево“ ли обошлась эта корова? Нѣтъ, очень дорого, потому что заплачено вдвое противъ цѣны, потому что два человѣка (кто лотерею устраивалъ, и кому корова досталась) нажились безъ всякаго труда и притомъ нажились на счетъ 99 человѣкъ, которые потеряли свои деньги. Значитъ, тотъ, кто говоритъ, что лотереи выгодны для народа, просто обманываетъ народъ. Точно такъ же обманываетъ крестьянъ тотъ, кто обѣщаетъ избавленіе отъ нищеты и нужды посредствомъ всякихъ кооперацій (союзовъ для выгодной продажи и дешевой закупки), всякихъ улучшеній хозяйства, всякихъ банковъ и т. п. Какъ въ лотереѣ: одинъ выигралъ, а остальные въ накладѣ; такъ и тутъ: одинъ средній крестьянинъ изловчился, вышелъ въ богатѣи, а 99 его товарищей всю жизнь гнули спину, не выходя изъ нужды и даже разоряясь все больше. Пусть каждый деревенскій житель присмотрится хорошенько къ своему обществу и ко всей округѣ: много ли среднихъ крестьянъ выходятъ въ богатѣи и забываютъ о нуждѣ? А сколько такихъ, что всю жизнь отъ нужды избавиться не могутъ? Сколько такихъ, что разоряются и уходятъ изъ деревень? У насъ по всей Россіи считаютъ, какъ мы видѣли, не больше двухъ милліоновъ среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Предположимъ, что всякихъ союзовъ для дешевой покупки и выгодной продажи стало вдесятеро больше, чѣмъ теперь. Къ чему это приведетъ? Много-много, если сто тысячъ среднихъ крестьянъ поднимутся до богатыхъ. А это что значитъ? Это значитъ: пять человѣкъ изъ сотни середняковъ разбогатѣли. А остальные девяносто пять? Имъ все такъ же трудно, а многимъ еще гораздо труднѣе жить стало! А бѣднота еще больше разорилась!

Буржуазіи, понятное дѣло, только того и надо, чтобы какъ можно больше среднихъ и мелкихъ крестьянъ тянулось за богатыми, чтобы они *вѣрили* въ возможность избавиться отъ нужды безъ борьбы съ буржуазіей, чтобы они *надѣялись* на свое усердіе, на свою прижимистость, на свое обогащеніе, а не на союзъ съ деревенскими и городскими рабочими. Буржуазія всѣми силами старается поддерживать эту обманчивую вѣру и надежду въ мужикѣ, старается убаюкать его всякими сладкими рѣчами.

Чтобы разоблачить обманъ всѣхъ такихъ сладкорѣчивыхъ людей, достаточно задать имъ три вопроса.

Digitized by Google

Первый вопросъ: Можетъ ли рабочій народъ избавиться отъ нужды и нищеты, когда въ Россіи изъ двухсотъ сорока милліоновъ десятинъ удобной земли сто милліоновъ десятинъ принадлежитъ частнымъ землевладѣльцамъ? Когда у шестнадцати тысячъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ находится въ рукахъ шестьдесятъ пять милліоновъ десятинъ?

Второй вопросъ: Можетъ ли рабочій народъ избавиться отъ нужды и нищеты, когда полтора милліона богатыхъ крестьянскихъ дворовъ (изъ всего числа десяти милліоновъ) забрали въ свои руки половину всѣхъ крестьянскихъ посѣвовъ, всѣхъ крестьянскихъ лошадей, всего крестьянскаго скота и гораздо больше половины всѣхъ крестьянскихъ запасовъ и денежныхъ сбереженій? Когда эта крестьянская буржуазія продолжаетъ все больше и больше богатѣть, притѣсняя бѣдноту и среднее крестьянство, наживаясь чужимъ трудомъ батраковъ и поденщиковъ? Когда шесть съ половиной милліоновъ крестьянскихъ дворовъ—разоренная бѣднота, всегда голодная, добывающая жалкій кусокъ хлѣба всяческой работой по найму?

Третій вопросъ: Можетъ ли рабочій народъ избавиться отъ нужды и нищеты когда главной силой стали деньги, когда на деньги можно все купить: и фабрику, и землю, и даже людей купить въ наемные работники, въ наемные рабы? Когда безъ денегъ нельзя ни жить, ни вести хозяйства? Когда мелкій хозяинъ, бѣднякъ, долженъ вести борьбу съ крупнымъ хозяиномъ изъ-за добыванія денегъ? Когда нѣсколько тысячъ помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ и банкировъ забрали въ свои руки сотни милліоновъ рублей и, кромѣ того, распоряжаются всѣми банками, въ которыхъ собираются тысячи милліоновъ рублей?

Отъ этихъ вопросовъ никакими сладкими рѣчами о выгодахъ мелкаго хозяйства или кооперацій не отвертишься. На эти вопросы отвѣтъ можетъ быть одинъ: настоящая „кооперація“, которая можетъ спасти рабочій народъ, это—союзъ деревенской бѣдноты съ городскими рабочими-соціалдемократами — для борьбы противъ всей буржуазіи. Чѣмъ скорѣе будетъ расширяться и крѣпнуть такой союзъ, тѣмъ скорѣе средній крестьянинъ пойметъ всю ложь буржуазныхъ обѣщаній, тѣмъ скорѣе средній крестьянинъ станетъ на нашу сторону.

Буржуазія знаетъ это, и потому, кромѣ сладкихъ рѣчей, она распространяетъ всякую ложь о соціалдемократахъ. Она

Digitized by Google

говорятъ, что они хотятъ отнять собственность у средняго и мелкаго крестьянина. Это—ложь. Соціалдемократы хотятъ отнять собственность только у крупныхъ хозяевъ, только у того, кто живетъ чужимъ трудомъ. Они никогда не отнимутъ собственности у мелкихъ и среднихъ хозяевъ, не нанимающихъ рабочихъ. Они защищаютъ и отстаиваютъ интересы всего рабочаго народа, не только городскихъ рабочихъ, которые всѣхъ болѣе сознательны и всѣхъ болѣе объединены, но и сельскихъ рабочихъ, а также и мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ, если они не нанимаютъ рабочихъ и не тянутся за богатыми, не переходятъ на сторону буржуазіи. Они борются за всѣ улучшенія въ жизни рабочихъ и крестьянъ, какія только можно предпринять сейчасъ же, пока мы не разрушили еще господства буржуазіи, и какія облегчатъ эту борьбу съ буржуазіей. Но соціалдемократы не обманываютъ крестьянина, они говорятъ ему всю правду, они заранѣе и прямо говорятъ, что никакими улучшеніями нельзя избавить народъ отъ нужды и нищеты, покуда господствуетъ буржуазія. Чтобы весь народъ зналъ, что такое соціалдемократы, и чего они хотятъ, соціалдемократы составили свою программу. Программа, это значитъ—короткое, ясное, точное заявленіе всего, чего партія добивается, и за что она борется. Соціалдемократическая партія есть единственная партія, которая выставляетъ ясную и точную программу, чтобы весь народъ зналъ и видѣлъ ее, чтобы въ партіи могли быть только люди, дѣйствительно желающіе бороться за освобожденіе отъ гнета буржуазіи всего рабочаго народа, притомъ люди, понимающіе правильно, кому надо соединиться для такой борьбы, и какъ надо вести эту борьбу. Кромѣ того, она считаетъ, что надо прямо, открыто и точно объяснить въ программѣ, отчего происходятъ нужда и нищета рабочаго народа, и почему союзъ рабочихъ становится все шире и все сильнѣе. Мало того—сказать, что плохо живется, и призывать къ бунту—это и всякій крикунъ сумѣетъ сдѣлать, да толку отъ этого немного. Надо, чтобы рабочій народъ ясно понялъ, отчего онъ бѣдствуетъ, и съ кѣмъ ему соединиться надо для борьбы за освобожденіе отъ нужды.

Мы уже сказали, чего хотятъ соціалдемократы; сказали, отчего происходятъ нужда и нищета рабочаго народа; сказали, съ кѣмъ надо бороться деревенской бѣднотѣ и съ кѣмъ соединиться для такой борьбы.

Теперь мы скажемъ, какія улучшенія мы можемъ сей-

Digitized by Google

часъ же отвоевать своей борьбой,—улучшенія и въ жизни рабочихъ и въ жизни крестьянъ.

V. Какихъ улучшеній добиваются соціалдемократы для всего народа и для рабочихъ?

Соціалдемократы борются за освобожденіе всего народа отъ всякаго грабежа, отъ всякаго угнетенія, отъ всякой несправедливости. Чтобы освободиться, рабочій классъ долженъ прежде всего объединиться. А чтобы объединиться, надо имѣть свободу соединяться, право соединяться, надо имѣть политическую свободу. Мы уже говорили, что неограниченное ничѣмъ правленіе есть закрѣпощеніе народа чиновникамъ и полиціи. Политическая свобода нужна, поэтому, всему народу, кромѣ кучки придворныхъ и имѣющихъ доступъ ко двору тузовъ и сановниковъ. Но всего болѣе нужна политическая свобода рабочимъ и крестьянамъ. Богатые люди могутъ откупаться отъ произвола, отъ самодурства чиновниковъ и полиціи. Богатые люди могутъ высоко дойти со своей жалобой. Поэтому полиція и чиновники гораздо рѣже позволятъ себѣ придраться къ богатымъ людямъ, чѣмъ къ бѣднотѣ. Рабочимъ и крестьянамъ откупиться отъ полиціи и чиновниковъ нечѣмъ, жаловаться некому, судиться не подъ силу. Рабочимъ и крестьянамъ никогда не избавиться отъ поборовъ, самодурства и надругательства полиціи и чиновниковъ, пока нѣтъ въ государствѣ выборнаго правленія, пока нѣтъ народнаго собранія депутатовъ. Только такое народное собраніе депутатовъ можетъ освободить народъ отъ закрѣпощенія чиновникамъ. Всякій сознательный крестьянинъ долженъ примкнуть къ требованію немедленнаго созыва народнаго собранія депутатовъ. Депутатовъ должны выбирать всѣ, безъ различія, богатые и бѣдные. Выборъ долженъ быть свободный, безъ всякой помѣхи чиновниковъ; за порядкомъ выборовъ должны смотрѣть довѣренные люди, а не урядники и не земскіе начальники. Тогда депутаты отъ всего народа сумѣютъ обсудить всѣ народныя нужды, сумѣютъ установить лучшіе порядки на Руси.

Мы уже говорили, что Государственная Дума не есть настоящее собраніе депутатовъ народа, а полицейскій обманъ, потому что выборы въ нее неравные (дворяне и купцы имѣютъ перевѣсъ надъ крестьянами и рабочими), выборы

въ нее не свободные, а изъ-подъ полицейской палки. Государственная Дума—не народное собраніе депутатовъ, а полицейское собраніе дворянъ и купцовъ. Государственная Дума собирается не для того, чтобы обезпечить народную свободу и выборное правленіе, а для того, чтобы обмануть рабочихъ и крестьянъ, закабаливши ихъ еще болѣе. Народу нужна не казенная Дума, а свободно избранное всѣми гражданами безъ различія и поровну Учредительное Собраніе.

Рабочіе требуютъ, чтобы безъ суда полиція не смѣла никого сажать въ тюрьму. За произвольный арестъ чиновники должны быть строго наказываемы. Чтобы прекратить самоуправство чиновниковъ, надо сдѣлать такъ, чтобы каждый имѣлъ право подать жалобу прямо въ судъ на каждаго чиновника. А то какой толкъ жаловаться на урядника земскому или на земскаго—губернатору? Конечно, земскій только покроетъ урядника, а губернаторъ покроетъ земскаго, да еще жалобщику же достанется. Засадятъ его въ тюрьму или сошлютъ въ Сибирь. Только тогда чиновникамъ острастка будетъ, когда у насъ въ Россіи (какъ во всѣхъ другихъ государствахъ) всякій будетъ имѣть право подавать жалобу и въ народное собраніе и въ выборный судъ и говорить свободно о своихъ нуждахъ или печатать въ газетахъ.

Русскій народъ по сію пору находится въ крѣпостной зависимости у чиновниковъ. Безъ разрѣшенія чиновниковъ народъ не смѣетъ ни сходки устроить, ни книжки или газеты напечатать! Развѣ это—не крѣпостная зависимость? Если нельзя сходки устроить, свободной книжки напечатать, то какъ же на чиновниковъ и на богатыхъ управу найти? Чиновники могутъ запретить всякую правдивую книжку, всякое правдивое слово о народной нуждѣ. Но рабочіе-соціалдемократы не боятся этого: они все больше печатаютъ, все больше раздаютъ читать народу правдивыя книжки. И никакія тюрьмы, никакія преслѣдованія не остановятъ борьбы за народную свободу.

Рабочая партія требуетъ, чтобы были уничтожены сословія, чтобы всѣ граждане государства были совершенно равноправны. Теперь у насъ есть неподатныя и податныя сословія, есть привилегированные и непривилегированные, есть бѣлая кость и черная кость; для чернаго народа даже и розга еще оставлена. Ни въ одной странѣ нѣтъ такого приниженія рабочихъ и крестьянъ. Ни въ одной странѣ нѣтъ разныхъ законовъ для разныхъ сословій, кромѣ Россіи. Пора и русскому народу потребовать, чтобы каждый мужикъ

имѣлъ всѣ тѣ права, которыя есть и у дворянина. Не позоръ ли это, что сорокъ съ лишнимъ лѣтъ спустя послѣ отмѣны крѣпостного права все еще держится розга, все еще есть податное сословіе?

Сознательные рабочіе требуютъ для народа полной свободы передвиженія и промысловъ. Что это значитъ—свобода передвиженія? Это значитъ, чтобы крестьянинъ имѣлъ право итти, куда хочетъ, переселяться, куда угодно, выбирать любую деревню или любой городъ, не спрашивая ни у кого разрѣшенія. Это значитъ, чтобы и въ Россіи были уничтожены паспорта (въ другихъ государствахъ давно уже нѣтъ паспортовъ), чтобы ни одинъ урядникъ, ни одинъ земскій не смѣли мѣшать никакому крестьянину селиться и работать, гдѣ ему угодно. Русскій мужикъ настолько закрѣпощенъ еще чиновникамъ, что не можетъ свободно уйти на новыя земли. Министръ распоряжается, чтобы губернаторы не допускали самовольныхъ переселеній! Губернаторъ лучше мужика знаетъ, куда мужику итти! Мужикъ—дитя малое, безъ начальства и двинуться не смѣетъ! Развѣ это—не крѣпостная зависимость? Развѣ это—не надругательство надъ народомъ, когда всякій чиновникъ командуетъ взрослыми хозяевами-земледѣльцами?

Есть книжка: „Неурожай и народное бѣдствіе“ (голодъ), написанная бывшимъ „министромъ земледѣлія“ Ермоловымъ. Въ этой книжкѣ прямо говорится: не слѣдуетъ мужику переселяться, когда на мѣстѣ господамъ-помѣщикамъ рабочія руки нужны. Зачѣмъ отпускать народъ, когда господамъ-помѣщикамъ дешевые работники надобны? Чѣмъ тѣснѣе живетъ народъ, тѣмъ выгоднѣе для помѣщиковъ: чѣмъ больше нужды, тѣмъ дешевле напиматься будутъ, тѣмъ смирнѣе будутъ сносить всякія прижимки. Прежде бурмистры за барской выгодой смотрѣли, а теперь смотрятъ земскіе да губернаторы. Прежде бурмистры распоряжались на конюшнѣ наказывать, а теперь земскіе распоряжаются въ волостномъ правленіи пороть.

Соціалдемократы требуютъ, чтобы постоянное войско было уничтожено, а вмѣсто него — чтобы введено было народное ополченіе, чтобы весь народъ былъ вооруженъ. Постоянное войско, это—войско, отдѣльное отъ народа и подготовляемое для того, чтобы въ народъ стрѣлять. Если бы солдата не запирали на нѣсколько лѣтъ въ казарму и не муштровали его тамъ безчеловѣчно, развѣ могъ бы солдатъ стрѣлять въ своихъ братьевъ, въ рабочихъ и крестьянъ?

Digitized by Google

Развѣ бы могъ солдатъ итти противъ голодныхъ мужиковъ? Для защиты государства отъ нападенія непріятеля вовсе не нужно постоянное войско; для этого достаточно народное ополченіе. Если каждый гражданинъ государства будетъ вооруженъ, тогда никакой непріятель не можетъ быть страшенъ Россіи. А народъ избавленъ бы былъ отъ гнета военщины: на военщину уходятъ сотни милліоновъ рублей въ годъ; всѣ эти деньги собираются съ народа; отъ этого и подати такъ велики, и жить становится все труднѣе. Военщина еще болѣе усиливаетъ власть чиновниковъ и полиціи надъ народомъ. Военщина нужна, чтобы грабить чужіе народы, напримѣръ, чтобы отнимать землю у китайцевъ. Народу отъ этого не легче, а еще тяжелѣе, по случаю новыхъ налоговъ. Замѣна постояннаго войска вооруженіемъ народа принесла бы огромное облегченіе всѣмъ рабочимъ и всѣмъ крестьянамъ.

Точно такъ же огромнымъ облегченіемъ для нихъ была бы отмѣна косвенныхъ налоговъ, которой добиваются соціалдемократы. Косвенными налогами называются такіе налоги, которые не прямо берутся съ земли или съ хозяйства, а выплачиваются народомъ косвенно, въ видѣ болѣе высокой платы за товары. Казна облагаетъ налогомъ сахаръ, водку, керосинъ, спички и всякіе другіе предметы потребленія; налогъ этотъ платитъ въ казну торговецъ или фабрикантъ, но платитъ, разумѣется, не изъ своихъ денегъ, а изъ тѣхъ денегъ, которыя ему платятъ покупатели. Цѣна на водку, сахаръ, керосинъ, спички повышается, и каждый покупатель бутылки водки или фунта сахара платитъ не только цѣну товара, но и налогъ на него. Напримѣръ, если вы платите, скажемъ, четырнадцать копѣекъ за фунтъ сахару, то четыре (примѣрно) копѣйки составляютъ налогъ: сахарозаводчикъ уже заплатилъ этотъ налогъ въ казначейство и теперь набираетъ заплаченную сумму съ каждаго покупателя. Такимъ образомъ, косвенные налоги, это—налоги на предметы потребленія, налоги, которые уплачиваетъ покупатель въ видѣ повышенной цѣны товара. Говорятъ иногда, что косвенные налоги — самые справедливые: кто сколько покупаетъ, тотъ столько и платитъ. Но это неправда. Косвенные налоги— самые несправедливые налоги, потому что бѣднымъ гораздо тяжелѣе платить ихъ, чѣмъ богатымъ. Богатый получаетъ вдесятеро больше дохода, чѣмъ крестьянинъ или рабочій, а то—даже и во сто разъ больше. Но развѣ богатому нужно во сто разъ больше сахару? Вдесятеро больше водки или спичекъ? или керосина? Конечно, нѣтъ. Богатая семья ку

Digitized by Google

пить керосину, водки, сахару вдвое или, самое большее, втрое противъ бѣдной. А это значитъ, что богатый заплатитъ изъ своего дохода меньшую долю въ видѣ налога, чѣмъ бѣдный. Положимъ, доходъ бѣднаго крестьянина—двѣсти рублей въ годъ; положимъ, онъ купитъ на шестьдесятъ рублей такихъ товаровъ, которые обложены пошлиной и которые вздорожали поэтому (на сахаръ, спички, керосинъ—наложенъ акцизъ, т. е. пошлину платить еще раньше выпуска товара на рынокъ фабрикантъ; на казенную водку казна прямо подняла цѣну; на ситцы, желѣзо и другіе товары цѣна вздорожала, потому что дешевые заграничные товары не пропускаются въ Россію безъ высокой пошлины). Изъ этихъ шестидесяти рублей—двадцать рублей будетъ составлять налогъ. Значитъ, изъ каждаго рубля своихъ доходовъ бѣднякъ отдаетъ десять копѣекъ въ видѣ косвенныхъ налоговъ (не считая прямыхъ налоговъ, выкупныхъ, оброчныхъ, поземельныхъ, земскихъ, волостныхъ, мірскихъ). А у богатаго крестьянина доходъ—тысяча рублей; товаровъ, обложенныхъ пошлиной, онъ купитъ на полтораста рублей; налогу заплатитъ (въ числѣ этихъ полутораста)—пятьдесятъ рублей. Значитъ, богатый изъ каждаго рубля своихъ доходовъ отдастъ въ видѣ косвенныхъ налоговъ только пять копѣекъ. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ меньше онъ платитъ изъ своихъ доходовъ косвеннаго налога. Поэтому косвенные налоги, это—налоги на бѣдныхъ. Крестьяне и рабочіе вмѣстѣ составляютъ $^{9}/_{10}$ всего населенія и платятъ $^{9}/_{10}$ или $^{8}/_{10}$ всѣхъ косвенныхъ налоговъ. А изъ всѣхъ доходовъ крестьяне и рабочіе получаютъ, навѣрное, не больше $^{4}/_{10}$! И вотъ соціалдемократы требуютъ отмѣны косвенныхъ налоговъ и установленія *прогрессивнаго* налога на доходы и наслѣдства. Это значитъ: чѣмъ больше доходъ, тѣмъ выше долженъ быть налогъ. У кого тысяча рублей дохода, пусть платитъ по копѣйкѣ съ рубля, у кого 2000—по двѣ копѣйки, и такъ далѣе. Самые маленькіе доходы (напримѣръ, доходы не свыше четырехсотъ рублей) совсѣмъ ничего не платятъ. Самые крупные богачи платятъ самые крупные налоги. Такой налогъ, *подоходный* или, вѣрнѣе, *прогрессивно-подоходный* налогъ, былъ бы гораздо справедливѣе косвенныхъ налоговъ. Рабочіе и добиваются, поэтому, отмѣны косвенныхъ налоговъ и учрежденія прогрессивно-подоходнаго налога. Но понятное дѣло, что всѣ собственники, вся буржуазія, не хотятъ этого и противодѣйствуютъ этому. Только крѣпкій союзъ деревенской

Digitized by Google

бѣдноты съ городскими рабочими можетъ *отвоевать* у буржуазіи это улучшеніе.

Наконецъ, очень важное улучшеніе для всего народа, а для деревенской бѣдноты — особенно, состоитъ въ даровомъ обученіи дѣтей, котораго требуютъ соціалдемократы. Въ настоящее время въ деревнѣ гораздо меньше школъ, чѣмъ въ городахъ, и притомъ вездѣ только богатые классы, только буржуазія, имѣютъ возможность давать дѣтямъ хорошее образованіе. Только даровое и обязательное обученіе *всѣхъ дѣтей* можетъ избавить народъ, хотя бы отчасти, отъ теперешней темноты. А деревенская бѣднота особенно страдаетъ отъ темноты и особенно нуждается въ образованіи. Но, конечно, намъ нужно настоящее, свободное образованіе, а не такое, какого хотятъ чиновники и попы. Соціалдемократы требуютъ, далѣе, чтобы каждый имѣлъ полное право исповѣдывать какую угодно религію совершенно свободно. Только въ Россіи да въ Турціи изъ европейскихъ государствъ остались еще позорные законы противъ людей иной, не православной, вѣры, противъ раскольниковъ, сектантовъ, евреевъ. Эти законы либо прямо запрещаютъ извѣстную вѣру, либо запрещаютъ распространять ее, либо лишаютъ людей извѣстной вѣры нѣкоторыхъ правъ. Всѣ эти законы — самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные. Каждый долженъ имѣть полную свободу не только держаться какой угодно вѣры, но и распространять *любую вѣру и мѣнять вѣру*. Ни одинъ чиновникъ не долженъ даже имѣть права спрашивать кого-ни-па-есть о вѣрѣ: это дѣло совѣсти, и никто тутъ не смѣетъ вмѣшиваться. Не должно быть никакой *„господствующей“* вѣры или церкви. Всѣ вѣры, всѣ церкви должны быть равны передъ закономъ. Священникамъ разныхъ вѣръ могутъ давать содержаніе тѣ, которые принадлежатъ къ ихъ вѣрамъ, а государство изъ казенныхъ денегъ не должно поддерживать ни одной вѣры, не должно давать содержаніе никакимъ священникамъ, ни православнымъ, ни раскольничьимъ, ни сектантскимъ, никакимъ другимъ. Вотъ за что борются соціалдемократы, и пока эти мѣры не будутъ проведены безъ всякихъ оговорокъ, безъ всякихъ лазеекъ, до тѣхъ поръ народъ не освободится отъ позорныхъ полицейскихъ преслѣдованій за вѣру и отъ не менѣе позорныхъ полицейскихъ подачекъ одной какой-либо вѣрѣ.

Мы разсмотрѣли, какихъ улучшеній добиваются соціалдемократы для всего народа и въ особенности — для бѣдноты.

Теперь посмотримъ, какихъ улучшеній добиваются они для рабочихъ, не только фабричныхъ и городскихъ, но и сельскихъ рабочихъ. Фабричные и заводскіе рабочіе живутъ тѣснѣе, скученнѣе; работаютъ они въ крупныхъ мастерскихъ; имъ легче пользоваться помощью сторонниковъ рабочаго класса изъ образованныхъ людей. По всѣмъ этимъ причинамъ, городскіе рабочіе гораздо раньше всѣхъ другихъ начали борьбу съ хозяевами и добились болѣе значительныхъ улучшеній, добились также изданія фабричныхъ законовъ. Но соціалдемократы ведутъ борьбу за такія же улучшенія для *всѣхъ* рабочихъ: и для кустарей, работающихъ на хозяевъ по домамъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, и для наемныхъ рабочихъ у мелкихъ мастеровъ и ремесленниковъ, и для строительныхъ рабочихъ (плотниковъ, каменщиковъ и прочихъ), и для лѣсныхъ рабочихъ, и для чернорабочихъ *и для сельскихъ рабочихъ, точно такъ же.* Всѣ эти рабочіе начинаютъ теперь по всей Россіи объединяться, вслѣдъ за фабричными и при помощи фабричныхъ, объединяться для борьбы за лучшія условія жизни, за болѣе короткій рабочій день, *за болѣе высокую плату.* И рабочая партія ставитъ своей задачей поддерживать всѣхъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ за лучшую жизнь, помогать всѣмъ имъ организовать (объединить) въ крѣпкіе союзы самыхъ твердыхъ и надежныхъ рабочихъ, помогать имъ распространеніемъ книжекъ и листковъ, посылкой опытныхъ рабочихъ къ новичкамъ и вообще помогать всѣмъ, чѣмъ только можно. Когда мы добьемся политической свободы, тогда у насъ будутъ и въ народномъ собраніи депутаты—свои люди, депутаты-рабочіе; они будутъ, подобно своимъ товарищамъ въ другихъ странахъ, требовать изданія законовъ въ пользу рабочихъ.

Мы не будемъ здѣсь перечислять *всѣхъ* тѣхъ улучшеній, которыхъ добиваются соціалдемократы. Здѣсь намъ достаточно будетъ назвать главныя изъ этихъ улучшеній. Рабочій день долженъ быть не болѣе восьми часовъ въ сутки. Одинъ день въ недѣлю долженъ быть всегда свободенъ отъ работы для отдыха. Сверхурочныя работы должны быть совершенно запрещены, а также ночная работа. Дѣти должны получать даровое образованіе до 16 лѣтъ и потому не должны быть допускаемы на работы по найму до этого возраста. Во вредныхъ производствахъ женщины не должны работать. За всякія увѣчья при работѣ наниматель долженъ вознаграждать рабочихъ, — напримѣръ, за увѣчья, причиняемыя работающимъ при молотилкахъ, вѣялкахъ и тому подобномъ.

Digitized by Google

Расплата должна быть всѣмъ наемнымъ рабочимъ и всегда еженедѣльная, а не разъ въ два мѣсяца или въ четверть года, какъ часто бываетъ при наймѣ на сельскія работы. Рабочимъ очень важно получать плату аккуратно каждую недѣлю и притомъ непремѣнно чистыми деньгами, а не товарами. Наниматели очень любятъ навязывать рабочимъ, въ счетъ платы, всякіе дрянные товары втридорога; чтобы прекратить это безобразіе, надо безусловно запретить закономъ выдачу заработной платы товарами. Затѣмъ, престарѣлые рабочіе должны получать пенсію отъ государства. Рабочіе содержатъ своимъ трудомъ всѣ богатые классы и все государство, а потому они не менѣе имѣютъ права на пенсію, чѣмъ чиновники, получающіе ее. Чтобы хозяева не смѣли злоупотреблять своимъ положеніемъ и нарушать правила, постановленныя въ пользу рабочихъ,—должны быть назначены инспектора не только надъ фабриками, но и за крупными помѣщичьими хозяйствами, вообще, за всѣми предпріятіями, употребляющими наемныхъ рабочихъ. Но эти инспектора должны быть не чиновниками, должны назначаться не министрами или губернаторами, не на службѣ у полиціи быть, а *рабочіе выборные*; казна должна давать жалованье тѣмъ довѣреннымъ людямъ отъ рабочихъ, которыхъ рабочіе сами свободно выберутъ. И такіе выборные рабочіе депутаты должны смотрѣть и за тѣмъ, чтобы хозяева не смѣли заставлять рабочихъ жить въ какихъ-то собачьихъ конурахъ и въ землянкахъ (какъ это часто бываетъ при сельскихъ работахъ), чтобы соблюдались правила о рабочемъ отдыхѣ, и такъ далѣе. При этомъ не надо забывать, что никакіе выборные депутаты отъ рабочихъ не принесутъ никакой пользы, пока нѣтъ политической свободы, пока полиція всевластна и передъ народомъ не отвѣтственна. Всякій знаетъ, что полиція арестуетъ теперь безъ суда не только рабочихъ депутатовъ, но и всякаго рабочаго, который посмѣетъ говорить за всѣхъ, раскрывать нарушенія закона и призывать рабочихъ къ объединенію. Но когда у насъ будетъ политическая свобода, тогда депутаты отъ рабочихъ будутъ приносить очень много пользы.

Всѣмъ нанимателямъ (фабрикантамъ, помѣщикамъ, подрядчикамъ, богатымъ крестьянамъ) слѣдуетъ *совершенно запретить* самовольно дѣлать какіе бы то ни было вычеты за бракованный товаръ, вычеты въ видѣ штрафа и т. д. Это беззаконіе и насиліе, что наниматели *самовольно* дѣлаютъ вычеты изъ заработной платы. Уменьшать плату ра-

Digitized by Google

бочему ни подъ какимъ видомъ и никакими вычетами хозяинъ не долженъ. Хозяинъ долженъ не самъ чинить судъ и расправу (хорошъ судья, который себѣ въ карманъ кладетъ вычеты съ рабочаго!), а обращаться въ судъ *настоящій*, и этотъ судъ долженъ быть выбранъ изъ депутатовъ отъ рабочихъ и отъ хозяевъ поровну. Только такіе суды могутъ по справедливости разбирать всякія недовольства хозяевъ на рабочихъ и рабочихъ на хозяевъ.

Вотъ какихъ улучшеній для всего рабочаго класса добиваются соціалдемократы. Рабочіе въ каждомъ имѣніи, въ каждой экономіи, у каждаго подрядчика должны стараться сообща обсудить съ надежными людьми, какихъ улучшеній имъ надо добиваться, какія требованія имъ выставить (на разныхъ заводахъ, въ разныхъ экономіяхъ, у разныхъ подрядчиковъ требованія рабочихъ будутъ, конечно, разныя). Соціалдемократическіе комитеты помогаютъ рабочимъ по всей Россіи точно и ясно опредѣлить свои требованія, а также выпускаютъ печатные листки съ изложеніемъ этихъ требованій, чтобы ихъ знали всѣ рабочіе, хозяева и начальство. Когда рабочіе дружно, какъ одинъ человѣкъ, стоятъ за свои требованія, то хозяевамъ приходится уступать и соглашаться. Въ городахъ рабочіе уже многихъ улучшеній добились такимъ путемъ, а теперь и кустари, и ремесленные рабочіе, и сельскіе рабочіе тоже начинаютъ объединяться (организовываться) и бороться за свои требованія. Пока у насъ нѣтъ политической свободы, мы ведемъ эту борьбу тайкомъ, прячась отъ полиціи, которая запрещаетъ всякіе листки и всякія соединенія рабочихъ. А когда мы завоюемъ политическую свободу, тогда мы поведемъ эту борьбу еще шире и открыто передъ всѣми, чтобы весь рабочій народъ по всей Россіи соединялся и дружнѣе отстаивалъ себя отъ притѣсненій.

Чѣмъ больше рабочихъ соединится въ одну рабочую соціалдемократическую партію, тѣмъ больше будетъ ихъ сила, тѣмъ скорѣе они добьются и полнаго освобожденія рабочаго класса отъ всякаго угнетенія, отъ всякой работы по найму, отъ всякой работы на буржуазію.

* * *

Мы уже сказали, что рабочая соціалдемократическая партія добивается улучшеній не только для рабочихъ, но и для всѣхъ крестьянъ. Посмотримъ теперь, какихъ улучшеній для всѣхъ крестьянъ она добивается.

Digitized by Google

VI. Какихъ улучшеній добиваются соціалдемократы для всѣхъ крестьянъ?

Для полнаго освобожденія всѣхъ трудящихся, деревенская бѣднота должна, въ союзѣ съ городскими рабочими, вести борьбу противъ всей буржуазіи, а въ томъ числѣ—и противъ богатыхъ крестьянъ. Богатые крестьяне будутъ стараться заплатить своимъ батракамъ подешевле и заставить ихъ работать дольше и тяжелѣе, а городскіе и деревенскіе рабочіе будутъ добиваться, чтобы батраки и у богатаго крестьянина получали лучшую плату и работали легче, съ отдыхомъ. Значитъ, деревенская бѣднота должна составлять свои особые союзы, безъ богатыхъ крестьянъ; мы объ этомъ уже говорили и всегда будемъ повторять это.

Но въ Россіи крестьяне всѣ вмѣстѣ, и богатые и бѣдные, остаются еще во многомъ по-прежнему крѣпостными: всѣ они составляютъ *низшее, черное, податное сословіе;* всѣ они закрѣпощены полицейскимъ чиновникамъ и земскимъ начальникамъ; всѣ они очень часто работаютъ по-прежнему на барина за отрѣзныя земли, за водопой, за выпасъ, за лугъ—точь-въ-точь, какъ работали на барина и при крѣпостномъ правѣ. Всѣ крестьяне хотятъ освободиться отъ этого новаго крѣпостного состоянія, *всѣ хотятъ* быть полноправны, *всѣ* ненавидятъ помѣщиковъ, которые до сихъ поръ заставляютъ ихъ *на барщину ходить*—„отрабатывать" господамъ-дворянамъ и землю, и выпасъ, и водопой, и луга, и „за потравы" работать, и „за честь" посылать бабъ жать. Бѣднота отъ всѣхъ этихъ отработковъ еще болѣе страдаетъ, чѣмъ богатый мужикъ. Богатый мужикъ иногда откупается отъ своей работы на барина, но все же и богатаго мужика большей частью сильно притѣсняютъ помѣщики. Значитъ, деревенская бѣднота должна бороться противъ своего безправія, противъ всякой барщины, противъ всякихъ отработковъ вмѣстѣ съ богатыми крестьянами. Отъ *всей* кабалы, отъ *всякой* нищеты мы избавимся только тогда, когда осилимъ всю буржуазію (и богатыхъ крестьянъ въ томъ числѣ). Но есть такая кабала, отъ которой мы *раньше* избавимся, потому что и богатому мужику эта кабала солоно приходится. Есть еще много у насъ на Руси такихъ мѣстъ и такихъ округовъ, гдѣ крестьяне, всѣ вмѣстѣ, до сихъ поръ остаются сплошь да рядомъ совсѣмъ, какъ крѣпостные. Поэтому всѣмъ русскимъ рабочимъ и всей деревенской бѣднотѣ надо *обѣими руками на двѣ стороны бороться вести:* одной рукой—*борьбу*

противъ всѣхъ буржуа, въ союзѣ со всѣми рабочими; другой рукой—*борьбу съ чиновниками въ деревняхъ, съ помѣщиками-крѣпостниками,* въ союзѣ со всѣми крестьянами. Если деревенская бѣднота не составитъ своего особаго союза, отдѣльно отъ богатыхъ крестьянъ, то богатые крестьяне ее надуютъ, ее обойдутъ, сами въ помѣщики выйдутъ, а бобыля не только бобылемъ оставятъ, но и не дадутъ ему свободы соединенія: если деревенская бѣднота не будетъ бороться вмѣстѣ съ богатыми крестьянами противъ крѣпостной кабалы, тогда она будетъ оставаться связанной, прикрѣпленной къ мѣсту, тогда у нея не будетъ тоже полной свободы для соединенія съ городскими рабочими.

Деревенской бѣднотѣ сначала надо хотя бы только самую злую, самую вредную помѣщичью кабалу съ себя сшибить;—въ этомъ многіе богатые крестьяне и сторонники буржуазіи тоже за бѣдноту будутъ, потому что помѣщичья спесь всѣмъ оскомину набила. Но какъ только помѣщичья власть будетъ сокращена, такъ богатый крестьянинъ сейчасъ себя покажетъ и свои лапы ко всему протянетъ, а лапы у него загребущія и сейчасъ уже много загребли. Значитъ, надо держать ухо востро и заключить крѣпкій, ненарушимый союзъ съ городскимъ рабочимъ человѣкомъ. Городскіе рабочіе и помѣщика сшибить со старой барской повадки помогутъ, да и богатаго крестьянина поусмирятъ (какъ они поусмирили уже немного и своихъ хозяевъ-фабрикантовъ). Безъ союза съ городскими рабочими *никогда* не избавится деревенская бѣднота отъ всякой кабалы, отъ всякой нужды, нищеты; кромѣ нихъ, *никто* ей въ этомъ не поможетъ, и ни на кого, кромѣ, какъ на самихъ себя, разсчитывать нельзя. Но есть такія улучшенія, которыхъ мы раньше добьемся, которыя мы можемъ сейчасъ же получить, въ самомъ началѣ этой великой борьбы. Есть въ Россіи много такой кабалы, которой въ другихъ странахъ давно уже нѣтъ, и вотъ отъ этой чиновной кабалы, отъ этой барской, крѣпостной кабалы, все русское крестьянство можетъ сейчасъ же избавиться.

Мы разсмотримъ теперь, какихъ улучшеній добивается прежде всего, въ первую голову, рабочая соціалдемократическая партія, чтобы избавить все русское крестьянство хотя бы отъ самой злой крѣпостной кабалы и чтобы развязать руки деревенской бѣднотѣ въ борьбѣ со всей русской буржуазіей.

Первое требованіе рабочей соціалдемократической партіи—сейчасъ же отмѣнить всѣ выкупные платежи, всѣ оброчныя

Digitized by Google

податей, всѣ повинности, которыя лежатъ на „податномъ“ крестьянствѣ. Когда дворянскіе комитеты и дворянское чиновничество „освобождали“ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, то крестьянъ заставили выкупать ихъ собственныя земли, выкупать земли, которыя крестьяне искони пахали. Дворянскіе комитеты прямо грабили крестьянъ. Во многія мѣста приходилось даже посылать войска для введенія уставныхъ грамотъ силою, для военной экзекуціи надъ крестьянами, которые не хотѣли принимать „нищенскихъ“ обрѣзанныхъ надѣловъ. Безъ помощи войска, безъ истязаній и разстрѣливаній никогда не могли бы дворянскіе комитеты такъ нагло ограбить крестьянъ, какъ они сдѣлали это во время освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Крестьянамъ слѣдуетъ всегда помнить, какъ надували и грабили ихъ помѣщичьи, дворянскіе комитеты, — потому что и теперь еще тоже назначаются у насъ всегда дворянскіе или чиновничьи комитеты, гдѣ дѣло идетъ о новыхъ законахъ для крестьянъ. Крестьяне всегда будутъ обманываемы, пока не добьются, чтобы были учреждены крестьянскіе комитеты для улучшенія крестьянской жизни. Крестьяне должны требовать, чтобы имъ дали свободу самимъ устраивать свои дѣла, самимъ обдумать, указать и провести новые законы. Крестьяне должны потребовать свободныхъ, выборныхъ крестьянскихъ комитетовъ,—покуда они не добьются этого, ихъ всегда будутъ обманывать и грабить дворяне и чиновники. Никто не освободитъ мужиковъ отъ кабалы чиновниковъ, если мужики сами себя не освободятъ, если они не объединятся, чтобы взять свою судьбу въ свои собственныя руки.

Соціалдемократы требуютъ не только полной и немедленной отмѣны выкупныхъ платежей, оброчныхъ платежей и всякихъ повинностей, но, кромѣ того, они требуютъ еще возвращенія народу взятыхъ съ него выкупныхъ денегъ. Сотни милліоновъ рублей переплатили мужики по всей Россіи со времени освобожденія ихъ дворянскими комитетами отъ крѣпостного права. Эти деньги крестьяне должны потребовать назадъ. Пусть правительство наложитъ особый налогъ на крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, пусть переѣдутъ безвозмѣздно крестьянамъ земли монастырей и удѣльнаго вѣдомства, пусть народное собраніе депутатовъ распорядится этими деньгами на пользу крестьянъ. Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такого приниженія, такого обнищанія крестьянства, такого ужаснаго вымиранія голодной смертью милліоновъ крестьянъ, какъ въ Россіи. Крестья

Digitized by Google

пина довели у насъ до голодной смерти, потому что его ограбили еще дворянскіе комитеты, потому что его грабятъ съ тѣхъ поръ каждый годъ, выколачивая старую дань старымъ крѣпостникамъ послѣдышамъ, выколачивая выкупные и оброчные. Пусть тѣ, кто грабитъ, и отвѣтятъ за это. Пусть съ дворянъ, крупныхъ помѣщиковъ, и будутъ взяты деньги, чтобы оказать серьезную помощь голодающимъ. Голодающему мужику не надо милостыни, не надо грошевыхъ подачекъ. Пусть онъ потребуетъ возвращенія ему тѣхъ денегъ, которыя онъ годами и годами платилъ помѣщикамъ и государству. Тогда народное собраніе депутатовъ и крестьянскіе комитеты сумѣютъ оказать настоящую, серьезную помощь голодающимъ.

Далѣе. Соціалдемократическая рабочая партія требуетъ тотчасъ же полной отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей. Крестьянинъ долженъ получить полную свободу распоряжаться своей землей: отдавать ее и продавать, кому хочетъ, никого не спрашивая. Всѣ дворяне, купцы и мѣщане могутъ свободно распоряжаться землей, а крестьянинъ не можетъ. Мужикъ—дитя малое. Къ нему надо земскаго приставить, чтобы за нимъ смотрѣлъ, вродѣ няньки. Мужику надо запретить продавать свой надѣлъ, а то мужикъ деньги промотаетъ!—Вотъ какъ разсуждаютъ крѣпостники, и находятся простачки, которые имъ вѣрятъ и, желая добра мужику, говорятъ, что надо запретить ему продавать землю. Даже народники (о которыхъ мы говорили раньше) и люди, называющіе себя „соціалистами революціонерами“, тоже на это сдаются и находятъ, что лучше пускай немножечко крѣпостнымъ остается нашъ мужикъ, земли пускай не продаетъ.

Соціалдемократы говорятъ: все это—одно лицемѣріе, одно барство, одни только сладкія слова! Когда мы добьемся соціализма, когда рабочій классъ побѣдитъ буржуазію,—тогда вся земля будетъ общей, тогда никто не будетъ имѣть права продавать землю. Ну, а до тѣхъ поръ какъ? Дворянинъ и купецъ можетъ продавать, а крестьянинъ не можетъ?! Дворянинъ и купецъ свободны, а крестьянинъ все еще полукрѣпостнымъ будетъ, крестьянинъ все еще у начальства будетъ разрѣшенія выпрашивать!?

Это—одинъ обманъ, хоть и прикрытый сладкими рѣчами, а все же обманъ.

Пока дворянину и купцу позволяютъ продавать землю, до тѣхъ поръ и крестьянинъ долженъ имѣть *полное право*

Digitized by Google

свою землю продавать и распоряжаться ею *совершенно свободно*, совершенно такъ же, какъ дворянинъ и купецъ.

Когда рабочій классъ побѣдитъ всю буржуазію, тогда онъ отниметъ землю у крупныхъ хозяевъ, тогда онъ устроитъ на крупныхъ экономіяхъ *товарищеское хозяйство*, чтобы землю обрабатывали рабочіе вмѣстѣ, сообща, выбирая свободно довѣренныхъ людей въ распорядители, имѣя всякія машины для облегченія труда, работая посмѣнно, не болѣе восьми (а то и шести) часовъ въ день каждый. Тогда и мелкій крестьянинъ, который захочетъ еще по-старому въ одиночку хозяйничать, будетъ хозяйничать не на рынокъ, не на продажу первому встрѣчному, а на товарищества рабочихъ: мелкій крестьянинъ будетъ доставлять товариществу рабочихъ хлѣбъ, мясо, овощи, а рабочіе будутъ безъ денегъ давать ему машины, скотъ, удобренія, одежду и все, что ему нужно. Тогда не будетъ борьбы между крупнымъ и мелкимъ хозяиномъ изъ-за денегъ, тогда не будетъ работы по найму, на чужихъ людей, а всѣ работники будутъ работать на себя, всѣ улучшенія въ работѣ и машины пойдутъ на пользу самимъ рабочимъ, для облегченія ихъ труда, для улучшенія ихъ жизни.

Но всякій разумный человѣкъ понимаетъ, что сразу нельзя добиться соціализма, для этого надо вести отчаянную борьбу со всей буржуазіей и бюрократіей, для этого надо соединить въ прочный, ненарушимый союзъ всѣхъ городскихъ рабочихъ по всей Россіи и деревенскую бѣдноту вмѣстѣ съ ними. Это—великое дѣло, и на такое дѣло не жалко и всю жизнь отдать. А покуда мы еще не добились этого соціализма, до тѣхъ поръ крупный хозяинъ всегда будетъ вести борьбу съ мелкимъ изъ-за денегъ: неужели же крупный будетъ свободенъ и землю продавать, а мелкій крестьянинъ—нѣтъ? Повторяемъ: крестьяне—не дѣти малыя и никому не позволятъ надъ собой командовать; крестьяне должны получать *всѣ тѣ права*, безъ всякаго ограниченія, всѣ права, какія есть у дворянъ и купцовъ.

Говорятъ еще: у крестьянина земля не своя, а общественная. Нельзя разрѣшить каждому общественную землю продавать.—И это—тоже одинъ обманъ. А развѣ у дворянъ и купцовъ не бываетъ также обществъ? развѣ дворяне и купцы не соединяются тоже въ компаніи, не покупаютъ вмѣстѣ земли и фабрикъ и чего угодно? Почему же для дворянскихъ обществъ не выдумываютъ никакихъ стѣсненій, а для мужика норовятъ придумать ограниченіе да запрещеніе?

Digitized by Google

Никогда крестьяне ничего добраго не видали отъ чиновниковъ, а видали только битье, поборы, да обиды. Никогда крестьяне не дождутся добра, пока сами всѣ свои дѣла не возьмутъ въ свои руки, пока не добьются полной равноправности и полной свободы. Хотятъ крестьяне, чтобы земля ихъ была общественная,—никто не смѣетъ имъ мѣшать, и они по добровольному соглашенію составятъ себѣ общество, изъ кого хотятъ и какъ хотятъ, напишутъ себѣ общественный договоръ, какой хотятъ, совершенно свободно.

* * *

Наконецъ, еще одного и важнаго улучшенія добиваются для крестьянъ соціалдемократы. Они хотятъ сейчасъ же, немедленно, ограничить барскую кабалу, крѣпостную кабалу мужика. Всей кабалы намъ, конечно, не избыть, пока есть нужда на свѣтѣ, а нужды не избыть, пока земля и фабрики находятся въ рукахъ буржуазіи, пока главная сила на свѣтѣ—деньги, пока не введено *соціалистическое общество*. Но въ Россіи, по деревнямъ, осталось много еще особенно злой кабалы, которой нѣтъ въ другихъ странахъ, хотя тамъ и не введенъ еще соціализмъ. Въ Россіи много еще *крѣпостнической кабалы*, которая полезна всѣмъ помѣщикамъ, которая давитъ всѣхъ крестьянъ, которую можно и должно уничтожить сейчасъ же, немедленно, въ первую голову.

Объяснимъ, какую кабалу мы называемъ крѣпостнической кабалой.

Всякій деревенскій житель знаетъ такіе случаи. Помѣщичья земля находится рядомъ съ крестьянской. У крестьянъ, при освобожденіи ихъ, отрѣзали необходимыя для нихъ земли, отрѣзали выпасъ, выгонъ, отрѣзали лѣсъ, отрѣзали водопой. Крестьянамъ некуда дѣться безъ этой отрѣзной земли, безъ водопоя. Хочешь-не-хочешь, а приходится къ помѣщику итти, просить дать пропускъ скоту къ водѣ или дать выпасъ, и тому подобное. А помѣщикъ своего хозяйства не ведетъ и денегъ, можетъ быть, никакихъ не имѣетъ, а только тѣмъ и живетъ, что кабалитъ крестьянъ. Крестьяне на него за отрѣзныя земли работаютъ безъ денегъ, пашутъ своими лошадьми его землю, убираютъ его хлѣбъ и его луга, молотятъ на него, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возятъ на барскую землю свой, крестьянскій, навозъ, носятъ на барскій дворъ полотна и яйца и живность всякую. Совсѣмъ, какъ при крѣпостномъ правѣ! Тогда крестьяне—въ чьей вотчинѣ

Digitized by Google

жили, на того работали, и теперь очень часто на барина даромъ работаютъ, за ту же самую землю, которая отошла отъ крестьянъ при освобожденіи ихъ дворянскими комитетами. Это—та же самая барщина. Крестьяне сами называютъ эту работу въ нѣкоторыхъ губерніяхъ барщиной или панщиной. Вотъ это мы и называемъ крѣпостнической кабалой. Помѣщичьи, дворянскіе комитеты нарочно устраивали такъ, во время освобожденія отъ крѣпостного права, чтобы имъ можно было кабалить крестьянъ по-старому, нарочно обрѣзывали мужицкіе надѣлы, вгоняли помѣщичью землю клиномъ, чтобы мужику было некуда курицы выпустить, нарочно переселяли крестьянъ на худшую землю, нарочно загораживали помѣщичьей землей дорогу къ водопою,—однимъ словомъ, подстраивали такъ, чтобы крестьяне въ западнѣ очутились, чтобы крестьянъ по-прежнему голыми руками можно было въ плѣнъ взять. И сколько у насъ еще такихъ деревень, числа имъ нѣтъ, гдѣ крестьяне въ плѣну у сосѣднихъ помѣщиковъ, въ такомъ же плѣну, какъ были при крѣпостномъ правѣ! Въ такихъ деревняхъ и богатый и бѣдный мужики вмѣстѣ связаны по рукамъ и по ногамъ и помѣщику съ головой выданы. Бѣдному еще гораздо тяжелѣе отъ этого приходится, чѣмъ богатому мужику. Богатый мужикъ и свою землю иногда имѣетъ и батрака вмѣсто себя посылаетъ на барщину, а бѣдному дѣться совсѣмъ некуда, и помѣщикъ изъ него веревки вьетъ. Бѣдному крестьянину при такой кабалѣ часто и вздохнуть некогда, и на сторону уйти нельзя изъ за работы на барина, и подумать нельзя о томъ, чтобы соединиться въ одинъ союзъ, въ одну партію со всей деревенской бѣднотой и съ городскими рабочими.

Такъ вотъ, нѣтъ ли какого-нибудь средства, чтобы теперь же, сейчасъ, сразу такую кабалу уничтожить? Соціалдемократическая рабочая партія предлагаетъ крестьянамъ *два* средства для этой цѣли. Но мы еще разъ повторимъ, что отъ всей и всякой кабалы одинъ только соціализмъ избавитъ всю бѣдноту, ибо, покуда богатые силу имѣютъ, они всегда такъ или иначе притѣснятъ бѣдныхъ. Совершенно уничтожить всю кабалу сразу нельзя, но можно сильно стѣснить самую злую крѣпостническую кабалу, которая и бѣдныхъ, и среднихъ, и даже богатыхъ крестьянъ давитъ, можно сейчасъ добиться облегченія для крестьянства.

Средствъ для этого два.

Первое средство—свободно выбранные суды изъ довѣренныхъ людей отъ сельскихъ батраковъ и отъ бѣднѣйшихъ

Digitized by Google

крестьянъ, а также отъ богатыхъ крестьянъ и помѣщиковъ.

Второе средство—свободно выбранные крестьянскіе комитеты. Эти крестьянскіе комитеты должны имѣть право не только обсудить и принять всякія мѣры для уничтоженія барщины, для уничтоженія остатковъ крѣпостного права, но они должны также имѣть право отобрать отрѣзныя земли и вернуть ихъ крестьянамъ.

Крестьянскіе комитеты должны имѣть право отобрать всѣ земли у помѣщиковъ и у всѣхъ частновладѣльцевъ вообще, причемъ народное собраніе депутатовъ само установитъ, какъ быть съ этими землями, переходящими въ собственность всего народа.

Разсмотримъ немножко подробнѣе оба эти средства. Свободно выбранные суды изъ довѣренныхъ людей будутъ разсматривать всѣ дѣла по жалобамъ крестьянъ на кабалу. Такіе суды будутъ имѣть право понижать арендную плату за землю, если помѣщики назначили ее слишкомъ высоко, пользуясь нуждой крестьянъ. Такіе суды будутъ имѣть право избавлять крестьянъ отъ чрезмѣрныхъ платежей,—напримѣръ, если мужика нанялъ помѣщикъ зимой на лѣтнюю работу за полцѣны, то судъ разсмотритъ дѣло и положитъ справедливую плату. Такой судъ долженъ состоять, конечно, не изъ чиновниковъ, а изъ свободно выбранныхъ довѣренныхъ людей, и чтобы отъ сельскихъ батраковъ и деревенской бѣдноты были непремѣнно свои выборные и не меньше числомъ, чѣмъ отъ богатыхъ крестьянъ и отъ помѣщиковъ. Такіе суды будутъ разбирать также дѣла между рабочими и хозяевами. Рабочимъ и всей деревенской бѣднотѣ легче будетъ отстаивать свои права при такихъ судахъ, легче будетъ соединиться между собой и вызнать точно, какіе люди могутъ надежно и вѣрно стоять за бѣдноту и за рабочихъ.

Другое средство—еще болѣе важное. Это—свободные крестьянскіе комитеты, выбранные изъ довѣренныхъ людей отъ батраковъ, отъ бѣдныхъ, среднихъ и богатыхъ крестьянъ по каждому уѣзду или по нѣсколько комитетовъ на уѣздъ, если крестьяне найдутъ нужнымъ; можетъ быть, даже они устроятъ крестьянскіе комитеты въ каждой волости и въ каждомъ большомъ селѣ. Никто лучше самихъ крестьянъ не знаетъ, какая кабала ихъ давитъ. Никто лучше самихъ крестьянъ не сумѣетъ изобличить помѣщиковъ, живущихъ и по сію пору крѣпостнической кабалой. Крестьянскіе комитеты разберутъ, какія отрѣзныя земли, или луга, или выпасы, и тому подобное, отошли отъ крестьянъ

Digitized by Google

несправедливо, разберутъ, слѣдуетъ ли даромъ отобрать эти земли или дать, на счетъ крупныхъ дворянъ, вознагражденіе тѣмъ, кто купилъ такія земли. Крестьянскіе комитеты высвободятъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, хоть изъ тѣхъ ловушекъ, въ которыя загнали ихъ очень многіе дворянскіе, помѣщичьи комитеты. Крестьянскіе комитеты избавятъ крестьянъ отъ вмѣшательства чиновниковъ, покажутъ, что крестьяне сами хотятъ и могутъ устраивать свои дѣла, помогутъ крестьянамъ сговориться о своихъ нуждахъ и разузнать хорошо людей, способныхъ стоять вѣрно за деревенскую бѣдноту и за союзъ съ городскими рабочими. Крестьянскіе комитеты—первый шагъ къ тому, чтобы и по захолустнымъ деревнямъ крестьяне встали на свои собственныя ноги и взяли свою судьбу въ свои собственныя руки.

Вотъ почему рабочіе-соціалдемократы предупреждаютъ крестьянъ:

Не вѣрьте никакимъ дворянскимъ комитетамъ, никакимъ чиновничьимъ комиссіямъ!

Требуйте всенароднаго собранія депутатовъ!

Требуйте учрежденія крестьянскихъ комитетовъ!

Требуйте полной свободы печатать всякія книжки и газеты!

Когда всѣ и каждый будутъ имѣть право свободно, никого не боясь, высказывать свои мнѣнія и свои желанія и во всенародномъ собраніи депутатовъ, и въ крестьянскихъ комитетахъ, и въ газетахъ,—тогда очень скоро будетъ видно, кто идетъ на сторону рабочаго класса, кто идетъ на сторону буржуазіи. Теперь громадное большинство людей вовсе не думаетъ объ этомъ; нѣкоторые скрываютъ свое настоящее мнѣніе, нѣкоторые сами еще не знаютъ, нѣкоторые нарочно обманываютъ. А тогда всѣ объ этомъ думать станутъ, скрываться незачѣмъ будетъ, и все дѣло скоро выяснится. Мы уже говорили, что буржуазія привлечетъ на свою сторону богатыхъ крестьянъ. Чѣмъ скорѣе и чѣмъ больше удастся уничтожить крѣпостную кабалу, чѣмъ больше настоящей свободы добьются всѣ крестьяне, тѣмъ скорѣе объединится между собою деревенская бѣднота, тѣмъ скорѣе объединится со всей буржуазіей и богатое крестьянство. И пускай ихъ объединяются: мы этого не боимся, хотя мы отлично знаемъ, что богатое крестьянство станетъ сильнѣе отъ этого объединенія. Мы вѣдь тоже объединимся, и нашъ союзъ—союзъ деревенской бѣдноты съ городскими рабочими—будетъ неизмѣримо мно-

Digitized by Google

гочисленнѣе, будетъ союзомъ десятковъ милліоновъ противъ союза сотенъ тысячъ. Мы знаемъ также, что буржуазія будетъ стараться (она и теперь уже старается) привлечь на свою сторону и среднихъ и даже мелкихъ крестьянъ, стараться обмануть ихъ, стараться завлечь ихъ, разъединить ихъ, пообѣщать каждому изъ нихъ вытянуть его тоже въ богатые. Мы уже видѣли, какими средствами и какими обманами завлекаетъ буржуазія средняго крестьянина. Мы должны поэтому напередъ раскрывать глаза деревенской бѣднотѣ, напередъ укрѣплять ея особый союзъ съ городскими рабочими противъ всей буржуазіи.

Пусть каждый деревенскій житель посмотритъ хорошенько вокругъ себя. Какъ часто мужики-богатѣи говорятъ противъ господъ, противъ помѣщиковъ! Какъ они жалуются на притѣсненіе народа, на то, что у господъ земля зря пустуетъ! Какъ они любятъ покалякать (съ глазу-на-глазъ), что надо бы, дескать, прибрать землю къ мужицкимъ рукамъ!

Можно-ли вѣрить тому, что говорятъ богатѣи? Нѣтъ, они не для народа хотятъ земли, а для себя. Они и теперь уже понабрали себѣ и купчей земли и съемной, да имъ еще мало. *Значитъ, деревенской бѣднотѣ недолго придется итти вмѣстѣ съ богатѣями противъ помѣщиковъ.* Только первый шагъ мы можемъ вмѣстѣ съ ними сдѣлать, а тамъ придется врозь итти.

Вотъ почему надо ясно отдѣлить этотъ первый шагъ отъ другихъ шаговъ и отъ нашего послѣдняго главнаго шага. Первый шагъ въ деревнѣ—полное освобожденіе крестьянина, полныя права ему, устройство крестьянскихъ комитетовъ для возвращенія отрѣзковъ и для отобранія *всей* земли у помѣщиковъ. А послѣдній нашъ шагъ и въ городѣ и въ деревнѣ одинъ будетъ: уничтоженіе частной собственности на земли и фабрики и устройство соціалистическаго общества. Между первымъ и послѣднимъ шагомъ намъ еще не мало борьбы пережить придется, *и кто смѣшиваетъ первый шагъ съ послѣднимъ, тотъ вредитъ этой борьбѣ, тотъ, самъ того не вѣдая, засоряетъ глаза деревенской бѣднотѣ.*

Первый шагъ деревенская бѣднота сдѣлаетъ со всѣми крестьянами вмѣстѣ: развѣ нѣкоторые кулаки отстанутъ, развѣ одному изъ сотни мужиковъ никакая кабала не претитъ. А вся громада тутъ еще заодно пойдетъ: равныя права всему крестьянству нужны. Помѣщичья кабала всѣхъ по

Digitized by Google

рукамъ и по ногамъ вяжетъ. Ну, а послѣдняго шага никогда не сдѣлаютъ всѣ крестьяне вмѣстѣ: тутъ уже все богатое крестьянство противъ батраковъ встанетъ. Тутъ уже намъ нуженъ крѣпкій союзъ деревенской бѣдноты съ *городскими рабочими-соціалдемократами*. Кто говоритъ крестьянамъ, что они сразу могутъ первый и послѣдній шагъ сдѣлать, тотъ обманываетъ мужика. Тотъ забываетъ о великой борьбѣ между самими крестьянами, о великой борьбѣ между деревенской бѣднотой и крестьянами-богатѣями.

Вотъ почему соціалдемократы не сулятъ крестьянину *сразу* молочныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ. Вотъ почему соціалдемократы прежде всего требуютъ полной свободы для борьбы, для великой, широкой, всенародной борьбы всего рабочаго класса противъ всей буржуазіи. Вотъ почему соціалдемократы указываютъ *первый шагъ—маленькій, но вѣрный*.

Нѣкоторые люди думаютъ, что наше требованіе учредить крестьянскіе комитеты для ограниченія кабалы и возвращенія отрѣзковъ есть какой-то заборъ, какая-то загородка. Стой, дескать, тутъ и дальше не ходи! Такіе люди очень плохо вдумались въ то, чего хотятъ соціалдемократы. Требованіе учредить крестьянскіе комитеты для ограниченія кабалы и для возвращенія отрѣзковъ не есть загородка. Оно есть *дверь*. Въ эту дверь прежде всего надо выйти *для того, чтобы итти дальше*, для того, чтобы по открытой, по широкой дорогѣ итти до *самаго конца*, до полнаго освобожденія всего трудящагося народа. Пока крестьянство изъ этой двери не вышло, оно остается въ темнотѣ, въ кабалѣ; безъ полныхъ правъ, безъ полной, настоящей свободы, оно не можетъ даже между собою окончательно разобрать, кто другъ рабочаго человѣка, и кто его врагъ. Поэтому соціалдемократы указываютъ на эту дверь и говорятъ, что прежде всего всѣмъ міромъ, всѣмъ народомъ на эту дверь напирать надо и выломать ее дочиста. А то въ тѣ есть люди, называющіе себя народниками и соціалистами-революціонерами которые тоже добра хотятъ мужику, шумятъ, кричатъ, руками машутъ, помочь хотятъ, *а двери той не видятъ*! Настолько даже слѣпы эти люди, что говорятъ: не надо вовсе давать мужику права своб дно распоряжаться своей землей! Хотятъ добра мужику, а разсуждаютъ иногда все равно, какъ крѣпостники! Отъ такихъ друзей помощи мало будетъ. Что изъ того, что ты желаешь мужику всего лучшаго, коли ты не видишь ясно самой первой двери, кото-

Digitized by Google

рую выломать надо? Что изъ того, что тоже стремишься къ соціализму, коли ты не видишь, какъ выйти на дорогу свободной народной борьбы за соціализмъ не только въ городѣ, но и въ деревнѣ, не только съ помѣщиками, но и съ *богатѣями, внутри общества, внутри міра?*

Вотъ почему соціалдемократы указываютъ такъ настойчиво на эту ближнюю и первую дверь. Не въ томъ трудность теперь, чтобы всякихъ хорошихъ пожеланій наговорить, а въ томъ, чтобы вѣрно дорогу указать, чтобы ясно понять, *какъ надо сдѣлать самый первый шагъ.* Что русскій мужикъ задавленъ кабалой, что русскій мужикъ наполовину крѣпостнымъ остался,—объ этомъ уже сорокъ лѣтъ говорятъ и пишутъ всѣ друзья мужика. Какъ безобразно грабятъ и окабалятъ мужика помѣщики, посредствомъ всякихъ отрѣзныхъ земель,—объ этомъ много книгъ написано всѣми друзьями мужика задолго еще до того, какъ появились на Руси соціалдемократы. Что мужику надо помочь сейчасъ же, немедленно, что изъ кабалы надо его хоть сколько нибудь освободить, это теперь уже всѣ честные люди видятъ, объ этомъ даже чиновники говорить начинаютъ. Весь вопросъ: *какъ взяться за дѣло, какъ первый шагъ* сдѣлать, въ какую дверь прежде всего ломиться?

На этотъ вопросъ даютъ разные люди (изъ тѣхъ, что хотятъ добра мужику) два разныхъ отвѣта. Всякій деревенскій пролетарій долженъ постараться яснѣе понять оба отвѣта и составить себѣ опредѣленное и твердое мнѣніе. Одинъ отвѣтъ даютъ народники и соціалисты-революціонеры. Прежде всего надо, говорятъ они, развивать въ крестьянствѣ всякія товарищества (кооперації). Мірской союзъ надо укрѣпить. Каждому крестьянину не надо давать права свободно распоряжаться своей землей. Пусть мірское общество больше права имѣетъ, и постепенно пусть вся земля въ Россіи мірской землей будетъ. Всю землю отнять у помѣщиковъ и отдавать поровну только тѣмъ, кто самъ ее обработаетъ. Крестьянамъ надо всякія облегченія сдѣлать насчетъ покупки земли, чтобы земля легче перетекала отъ капитала къ труду.

Другой отвѣтъ даютъ соціалдемократы. Крестьянинъ долженъ прежде всего добиться себѣ всѣхъ, безъ изъятія, тѣхъ правъ, какія есть у дворянина и купца. Крестьянинъ долженъ имѣть полное право свободно распоряжаться своей землей. Для уничтоженія самой гнусной кабалы должны быть учреждены крестьянскіе комитеты для возвращенія отрѣзковъ. Крестьянскіе комитеты должны имѣть право *всю землю*

Digitized by Google

отнять у помѣщиковъ. Народные депутаты установятъ, какъ быть *съ народной землей*. Но мы должны добиваться полнаго осуществленія соціалистическаго общества и не забывать, что пока держится власть денегъ, власть капитала, никакое распредѣленіе земли поровну не избавитъ народъ отъ нищеты. Не мірской союзъ нуженъ намъ, а союзъ деревенской бѣдноты изъ разныхъ деревенскихъ пролетаріевъ съ городскими пролетаріями. Всякія товарищества (кооперації) и мірская покупка земли всегда будутъ приносить больше пользы крестьянскимъ богатѣямъ да обманывать средняго крестьянина.

Правительство русское видитъ, что надо дать облегченіе крестьянамъ; но оно хочетъ отдѣлаться пустяками, оно хочетъ все чиновниками сдѣлать. Крестьяне должны быть на чеку, потому что чиновничьи комиссіи такъ же обманутъ ихъ, какъ обманули дворянскіе комитеты. Крестьяне должны требовать выбора свободныхъ крестьянскихъ комитетовъ. Не въ томъ дѣло, чтобы отъ чиновниковъ ждать облегченія, а чтобы самимъ крестьянамъ взять въ руки свою судьбу. Пусть сначала только одинъ шагъ сдѣлаемъ, пусть сначала отъ злѣйшей кабалы освободимся, лишь бы крестьяне почуяли свою силу, лишь бы они свободно сговорились и объединились. Ни одинъ добросовѣстный человѣкъ не можетъ отрицать, что отрѣзныя земли служатъ часто къ самой безобразной, крѣпостной кабалѣ. Ни одинъ добросовѣстный человѣкъ не можетъ отрицать, что наше требованіе—самое первое и самое справедливое требованіе; пусть крестьяне свободно выберутъ *свои* комитеты, безъ чиновниковъ, для уничтоженія всякой крѣпостной кабалы.

Въ свободныхъ крестьянскихъ комитетахъ (и точно такъ же—въ свободномъ всероссійскомъ собраніи депутатовъ) соціалдемократы сейчасъ же и всѣми силами будутъ закрѣплять особый союзъ *городскихъ* пролетаріевъ съ деревенскими пролетаріями. Соціалдемократы будутъ отстаивать всѣ мѣры въ пользу деревенскихъ пролетаріевъ и помогать имъ вслѣдъ за первымъ шагомъ дѣлать, какъ можно скорѣе и какъ можно дружнѣе, второй шагъ и третій, и такъ далѣе, до самаго конца, до полной *побѣды пролетаріата*. Но можно ли теперь уже сразу сказать, какое требованіе станетъ на очередь завтра, для второго шага? Нѣтъ, этого сказать нельзя, потому что мы не знаемъ, какъ будутъ себя держать завтра богатые крестьяне и многіе образованные люди, занятые всякими кооперацiями и всякимъ перетеканіемъ земли отъ капитала къ труду

Digitized by Google

Можетъ быть, они еще не успѣютъ завтра же сойтись съ помѣщиками и захотятъ добить помѣщичью власть до конца. Отлично. Соціалдемократамъ это очень желательно, и соціалдемократы будутъ совѣтовать деревенскимъ и городскимъ пролетаріямъ требовать отнятія всей земли у помѣщиковъ и отдачи ея свободному народному государству. Соціалдемократы будутъ зорко смотрѣть, чтобы деревенскіе пролетаріи не оказались при этомъ обманутыми, чтобы они укрѣпились еще лучше для окончательной борьбы за полное освобожденіе пролетаріата.

Но, можетъ быть, будетъ совсѣмъ иначе, и даже вѣроятнѣе, что будетъ иначе. Богатые крестьяне и многіе образованные люди могутъ завтра же, какъ только худшая кабала будетъ ограничена и урѣзана, завтра же соединиться съ помѣщиками, и тогда противъ всего деревенскаго пролетаріата встанетъ вся деревенская буржуазія. Тогда намъ смѣшно было бы бороться съ одними помѣщиками. Тогда мы должны бороться со всей буржуазіей и требовать прежде всего какъ можно больше свободы и простора для такой борьбы, требовать облегченія жизни рабочему для облегченія его борьбы.

Во всякомъ случаѣ, будетъ ли такъ или иначе, первое наше главное и непремѣнное дѣло: *укрѣпить союзъ деревенскихъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ съ городскими пролетаріями.* Для этого союза намъ нужны сейчасъ и немедленно: *полная политическая свобода народу, полная равноправность крестьянина и уничтоженіе крѣпостной кабалы.* А когда этотъ союзъ создастся и укрѣпится,— тогда мы легко разоблачимъ всякіе обманы, которыми завлекаетъ буржуазія средняго крестьянина, тогда мы легко и скоро сдѣлаемъ противъ всей буржуазіи, противъ всѣхъ силъ правительства, и второй, и третій, и послѣдній шаги, тогда мы неуклонно пойдемъ къ побѣдѣ и быстро завоюемъ *полное освобожденіе всего рабочаго народа.*

VII. Классовая борьба въ деревнѣ.

Что такое *классовая борьба?* Это—борьба одной части народа противъ другой, борьба массы безправныхъ, угнетенныхъ и трудящихся противъ привилегированныхъ, угнетателей и тунеядцевъ, борьба наемныхъ рабочихъ, или пролетаріевъ, противъ собственниковъ, или буржуазіи. И въ русской деревнѣ всегда происходила и теперь происходитъ эта вели-

Digitized by Google

кая борьба, хотя не всѣ видятъ ее, не всѣ понимаютъ значеніе ея. Когда было крѣпостное право,—вся масса крестьянъ боролась со своими угнетателями, съ классомъ помѣщиковъ, которыхъ охраняла, защищала и поддерживала бюрократія. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсѣмъ задавлены темнотой, у крестьянъ не было помощниковъ и братьевъ среди городскихъ рабочихъ, но крестьяне все же боролись, какъ умѣли и какъ могли. Крестьяне не боялись звѣрскихъ преслѣдованій, не боялись экзекуцій и пуль, крестьяне не вѣрили попамъ, которые изъ кожи лѣзли, доказывая, что крѣпостное право одобрено священнымъ писаніемъ (прямо такъ и говорилъ тогда митрополитъ Филаретъ), крестьяне поднимались то здѣсь, то тамъ, и правительство, наконецъ, уступило, боясь общаго возстанія всѣхъ крестьянъ.

Крѣпостное право отмѣнили, но не совсѣмъ. Крестьяне остались безъ правъ, остались низшимъ, податнымъ, чернымъ сословіемъ, остались въ когтяхъ у крѣпостной кабалы. И крестьяне продолжаютъ волноваться, продолжаютъ искать полной, настоящей воли. А между тѣмъ, послѣ отмѣны крѣпостного права успѣла вырасти новая классовая борьба, *борьба пролетаріата съ буржуазіей*. Богатства стало больше, настроили много желѣзныхъ дорогъ и крупныхъ фабрикъ, города стали еще многолюднѣе и еще роскошнѣе, но всѣ эти богатства забирало въ свои руки совсѣмъ небольшое число людей, а народъ все бѣднѣлъ, разорялся, голодалъ, уходилъ на работы по найму въ чужихъ людяхъ. Городскіе рабочіе начали новую, великую борьбу всѣхъ бѣдныхъ противъ всѣхъ богатыхъ. Городскіе рабочіе объединились въ *соціалдемократическую партію* и ведутъ свою борьбу упорно, стойко и дружно, подвигаясь шагъ за шагомъ, готовятся къ великой окончательной борьбѣ, требуя политической свободы для всего народа.

Наконецъ, не стерпѣли и крестьяне. Весной 1902 года поднялись крестьяне Полтавской, Харьковской и другихъ губерній и пошли на помѣщиковъ, отпирали ихъ амбары, дѣлили между собою ихъ добро, давали голоднымъ хлѣбъ, посѣянный и собранный мужикомъ, но захваченный въ собственность помѣщикомъ, требовали новаго раздѣла земли. Крестьяне не вынесли безмѣрнаго угнетенія и стали искать лучшей доли. Крестьяне рѣшили, что лучше умирать въ борьбѣ съ угнетателями, чѣмъ умирать безъ борьбы голодной смертью. Но крестьяне не добились лучшей доли. Ихъ объявили простыми бунтовщиками и грабителями (за то,

что они отобрали у грабителей-помѣщиковъ крестьянами же посѣянный и убранный хлѣбъ). Противъ нихъ послали войско, какъ противъ непріятелей, и крестьяне были разбиты, въ крестьянъ стрѣляли, многихъ убили... А послѣ всего, крестьянъ же судили судомъ чиновниковъ, крестьянъ же заставили уплатить въ пользу помѣщиковъ восемьсотъ тысячъ рублей, и на судѣ, на этомъ позорномъ, тайномъ, застѣночномъ судѣ, не позволили ихъ защитникамъ разсказать, какъ истязали и мучили крестьянъ.

Крестьяне боролись за правое дѣло. Русскій рабочій классъ всегда будетъ чтить память своихъ застрѣленныхъ и засѣченныхъ мучениковъ. Эти мученики были борцами за свободу и счастье рабочаго народа. Сознательные рабочіе приложатъ всѣ усилія, чтобы какъ можно больше рабочаго народа въ городахъ и деревняхъ знало о крестьянской борьбѣ и готовилось къ новой, болѣе успѣшной борьбѣ. Сознательные рабочіе всѣми силами постараются помочь крестьянамъ *ясно понять, въ чемъ была ошибка перваго крестьянскаго движенія (1902 г.), и какъ надо сдѣлать, чтобы побѣда осталась, наконецъ, за крестьянами и рабочими, а не за самодержавнымъ правительствомъ.*

Крестьяне поднялись несознательно, просто потому, что имъ стало невтерпежъ, что они не хотѣли умирать безсловесно и безъ сопротивленія. Крестьяне такъ изстрадались отъ всякаго грабежа, угнетенія и мучительства, что они не могли хоть на минуту не повѣрить темнымъ слухамъ о царской милости, не могли не повѣрить, что всякій разумный человѣкъ признаетъ справедливымъ раздѣлъ хлѣба между голодными, между тѣми, кто всю свою жизнь работалъ на другихъ, сѣялъ и убиралъ хлѣбъ, а теперь умираетъ отъ голода подлѣ амбаровъ „господскаго“ хлѣба. Крестьяне какъ будто забыли, что лучшія земли, всѣ фабрики и заводы захвачены богатыми, захвачены помѣщиками и буржуазіей именно, для того, чтобы голодный народъ шелъ работать на нихъ. Крестьяне забыли, что въ защиту богатаго класса не только говорятся поповскія проповѣди, а поднимается также цѣлая тьма чиновниковъ и солдатъ. Правительство напомнило крестьянамъ объ этомъ. Намъ надо только почаще напоминать крестьянамъ объ этомъ урокѣ, и они легко поймутъ, что такое государственная власть, кому она служитъ, кого

Digitized by Google

она защищаетъ, почему необходимо измѣненіе государственныхъ порядковъ, почему необходима *политическая свобода*. Крестьянскія возстанія перестанутъ быть безсознательными, когда большее и большее количество народа поймете это, когда всякій грамотный и думающій мужикъ узнаетъ *три главныя требованія*, за которыя надо бороться прежде всего. Первое требованіе — созывъ *всенароднаго собранія депутатовъ для устройства на Руси выборнаго народнаго правленія*. Второе требованіе—*свобода всѣмъ и каждому печатать всякія книжки и газеты*. Третье требованіе—*признаніе закономъ полной равноправности крестьянъ съ другими сословіями и созывъ выборныхъ крестьянскихъ комитетовъ для уничтоженія прежде всего всякой крѣпостной кабалы*. Это—главныя коренныя требованія соціалдемократовъ, и крестьянамъ будетъ очень не трудно понять эти требованія, понять, *съ чего надо начать* борьбу за народную свободу. А когда крестьяне поймутъ эти требованія, тогда они поймутъ также, что надо заранѣе, долго, упорно и стойко *готовиться* къ борьбѣ и готовиться не въ одиночку, а вмѣстѣ съ городскими рабочими-соціалдемократами.

Пусть каждый сознательный рабочій и крестьянинъ собираетъ подлѣ себя самыхъ разумныхъ, надежныхъ и смѣлыхъ товарищей. Пусть старается объяснить имъ, чего хотятъ соціалдемократы, чтобы всѣ поняли, какую борьбу надо вести и чего надо требовать. Пусть сознательные соціалдемократы начнутъ исподволь, осмотрительно, но неуклонно обучать крестьянъ своему ученію, давать читать соціалдемократическія книжки, разъяснять эти книжки на маленькихъ сходкахъ вѣрныхъ людей.

Но разъяснять соціалдемократическое ученіе надо не только по книгамъ, но и на каждомъ примѣрѣ, на каждомъ случаѣ угнетенія и несправедливости, какой мы видимъ подлѣ себя. Соціалдемократическое ученіе есть ученіе о борьбѣ противъ всякаго гнета, противъ всякаго грабежа, противъ всякой несправедливости. Только такой человѣкъ —настоящій соціалдемократъ, который знаетъ причины угнетенія, *во всей своей жизни борется съ каждымъ случаемъ угнетенія*. Какъ это дѣлать? Сознательные соціалдемократы, собравшись вмѣстѣ въ своемъ городѣ, въ своей деревнѣ, должны сами рѣшить, какъ это надо дѣлать, чтобы принести больше пользы всему рабочему классу. Для примѣра, приведу одинъ или два случая. Положимъ, что рабочій со-

Digitized by Google

ціалдемократъ пришелъ на побывку въ свою деревню или же въ свою деревню попалъ какой ни на есть городской рабочій соціалдемократъ. Деревня вся цѣликомъ, какъ муха въ паутинѣ,—въ лапахъ у сосѣда-помѣщика, не выходитъ изъ кабалы всю жизнь, и некуда дѣться ей отъ кабалы. Надо сейчасъ выбрать самыхъ толковыхъ, разумныхъ и надежныхъ крестьянъ, которые ищутъ правды и не убоятся перваго полицейскаго, и разъяснить этимъ крестьянамъ, отчего происходитъ ихъ безысходная кабала, разсказать, какъ помѣщики надували крестьянъ и обирали ихъ въ дворянскихъ комитетахъ, разсказать про силу богатыхъ и поддержку ихъ правительствомъ, разсказать о требованіяхъ рабочихъ-соціалдемократовъ. Когда крестьяне поймутъ всю эту нехитрую механику, тогда надо хорошенько обдумать сообща, нельзя ли дать дружный отпоръ этому помѣщику, нельзя ли крестьянамъ заявить свои первыя и главныя требованія (подобно тому, какъ рабочіе въ городахъ заявляютъ свои требованія фабрикантамъ). Если закабалено этимъ помѣщикомъ большое село или нѣсколько деревень, то лучше бы всего было достать отъ ближняго соціалдемократическаго комитета черезъ довѣренныхъ людей листовку: въ листовкѣ соціалдемократическій комитетъ напишетъ, какъ слѣдуетъ, съ самаго начала, отъ какой кабалы страдаютъ крестьяне, и чего они въ первую голову требуютъ (чтобы плата за съемную землю была дешевле, или чтобы при зимней наемкѣ разсчитывали по настоящимъ цѣнамъ, а не за полцѣны, или чтобы за потравы такъ не преслѣдовали, не тѣснили, или разныя другія требованія). Изъ такой листовки всѣ грамотные узнаютъ хорошо, въ чемъ дѣло, да и неграмотнымъ объяснятъ. Тогда крестьяне увидятъ ясно, что соціалдемократы стоятъ за нихъ, что соціалдемократы всякій грабежъ осуждаютъ. Тогда крестьяне понимать начнутъ, какихъ облегченій, хоть самыхъ небольшихъ, а все же облегченій, можно добиться сейчасъ, сразу, если дружно стоять,— и какихъ большихъ улучшеній во всемъ государствѣ надо добиваться великой борьбой вмѣстѣ съ городскими рабочими-соціалдемократами. Тогда крестьяне все больше да больше станутъ готовиться къ этой великой борьбѣ, станутъ учиться, какъ надо надежныхъ людей находить, какъ надо сообща за свои требованія стоять. Можетъ быть, иногда удастся стачку устроить, какъ городскіе рабочіе дѣлаютъ. Правда въ деревнѣ это труднѣе, а все же иногда возможно, и въ другихъ странахъ бывали уличныя стачки, напримѣръ, въ

Digitized by Google

рабочую пору, когда помѣщики и богатые посѣвщики до зарѣзу нуждаются въ рабочихъ. Если деревенская бѣднота подготовлена къ стачкѣ, если всѣ давно уже согласились насчетъ общихъ требованій, если эти требованія въ листовкахъ объяснены или просто на сходкахъ хорошо растолкованы—тогда всѣ дружно будутъ стоять, и помѣщику уступить придется или хоть немного посдержать себя въ грабежѣ. Если стачка дружная и въ горячее время устроена, то помѣщику и даже начальству съ войскомъ трудно что-нибудь выдумать,—время идетъ, помѣщику разореніе, онъ тогда скоро сговорчивымъ станетъ. Конечно, это — дѣло новое. Новое дѣло часто сначала не спорится. Рабочіе въ городахъ тоже сначала не умѣли вести дружной борьбы, не знали какія имъ требованія сообща заявлять, а просто шли машины ломать, да фабрику разносить. Ну, а теперь вотъ рабочіе обучились дружной борьбѣ. Всякому новому дѣлу надо сначала обучиться. Теперь рабочіе понимаютъ, что сразу можно только облегченій добиться, если дружно встать—а между тѣмъ, народъ привыкаетъ къ дружному отпору и все больше готовится къ великой, рѣшительной борьбѣ, такъ и крестьяне научатся разбирать, какъ давать отпоръ самымъ жестокимъ грабителямъ, какъ требовать дружно облегченія, и какъ надо готовиться исподволь, стойко и повсюду къ великой битвѣ за свободу. Число сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ будетъ становиться все больше, союзы деревенскихъ соціалдемократовъ—все крѣпче, и каждый случай помѣщичьей кабалы, поповскихъ поборовъ, полицейскаго звѣрства и притѣсненій начальства будетъ все больше и больше раскрывать глаза народу, пріучать его къ дружному отпору и къ мысли о необходимости добиться измѣненія государственныхъ порядковъ.

Digitized by Google

Оглавленіе.

I. Борьба городскихъ рабочихъ 3
II. Чего хотятъ соціалдемократы 5
III. Богатство и нищета, собственники и рабочіе въ деревнѣ 15
VI. Куда идти среднему крестьянину: на сторону собственниковъ и богатыхъ или на сторону рабочихъ неимущихъ 28
V. Какихъ улучшеній добиваются соціалдемократы для всего народа и всѣхъ рабочихъ 35
VI. Какихъ улучшеній добиваются соціалдемократы для всѣхъ крестьянъ 44
VII. Классовая борьба въ деревнѣ 57

Digitized by Google

Digitized by Google

Н. ЛЕНИНЪ.

Аграрный вопросъ и „критики“ Маркса.

Книгоиздательство „БУРЕВѢСТНИКЪ“.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. Одесса, 23 іюля 1905 года.

ОДЕССА 1905.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая, 26, уг. Пушкинской.

Digitized by Google

...«Доказывать,... что догматическій марксизмъ въ области аграрныхъ вопросовъ сбитъ съ позиціи—значило бы стучаться въ открытую дверь»... Такъ заявило въ прошломъ году «Русское Богатство» устами г. В. Чернова (1900 г. № 8 стр. 204). Страннымъ свойствомъ обладаетъ этотъ «догматическій марксизмъ»! Вотъ уже много лѣтъ ученые и ученѣйшіе люди Европы важно заявляютъ (а газетчики и журналисты повторяютъ и пересказываютъ), что марксизмъ уже сбитъ съ позицій критикой,—и, тѣмъ не менѣе, каждый новый критикъ опять съ начала начинаетъ трудиться надъ обстрѣливаніемъ этой, якобы уже разрушенной, позиціи. Г. В. Черновъ, напримѣръ, и въ журналѣ «Русское Богатство» и въ сборникѣ «На славномъ посту» на протяженіи *цѣлыхъ 240 страницъ* «стучится въ открытую дверь», «бесѣдуя» съ читателемъ по поводу книги Герца. Столь обстоятельно пересказанное сочиненіе Герца, который, въ свою очередь, бесѣдуетъ о книгѣ Каутскаго, переведено уже на русскій языкъ. г. Булгаковъ, исполняя свое обѣщаніе опровергнуть того же Каутскаго выпустилъ цѣлое двухтомное изслѣдованіе. Теперь уже, навѣрное, никто не доищется и остатковъ «догматическаго марксизма», раздавленнаго на смерть этими горами критической печатной бумаги.

I.

Присмотримся сначала къ общей теоретической физіономіи критиковъ. Г. Булгаковъ выступилъ еще въ журналѣ «Начало» со статьей противъ «Аграрнаго вопроса» Каутскаго и обнаружилъ сразу всѣ свои критическіе пріемы. Съ необычайной хлесткостью и развязностью истиннаго наѣздника «разносилъ» онъ Каутскаго, подсовывая ему то, чего онъ не говорилъ; обвиняя его, Каутскаго, въ игнорированіи обстоятельствъ и соображеній, точно изложенныхъ имъ же, Каутскимъ; преподнося читателю подъ ви-

своихъ собственныхъ критическихъ выводовъ—выводы, сдѣланные Каутскимъ. Съ видомъ знатока г. Булгаковъ обвинялъ Каутскаго въ смѣшеніи техники и экономики,—и самъ при этомъ тутъ же обнаруживалъ не только невѣроятную путаницу, но и свое нежеланіе дочитывать до конца цитируемыя имъ страницы у своего противника. Само собою разумѣется, что статья будущаго профессора кишѣла избитыми выходками противъ соціалистовъ, противъ «теоріи краха», утопизма, вѣры въ чудеса и проч. Теперь въ своей докторской диссертаціи («Капитализмъ и земледѣліе», Спб. 1900 г.) г. Булгаковъ покончилъ всѣ счеты съ марксизмомъ и довелъ свою «критическую» эволюцію до ея логическаго конца.

Во главу угла своей «теоріи аграрнаго развитія» г. Булгаковъ ставитъ «законъ убывающаго плодородія почвы». Намъ приводятъ выдержки изъ сочиненій классиковъ, установившихъ этотъ «законъ» (въ силу котораго каждое добавочное вложеніе труда и капитала въ землю сопровождается не соотвѣтственнымъ, а уменьшающимся количествомъ добываемаго продукта), намъ сообщаютъ списокъ англійскихъ экономистовъ, признающихъ этотъ законъ, насъ увѣряютъ, что онъ «имѣетъ универсальное значеніе», что это—«вполнѣ очевидная истина, которую совершенно невозможно отрицать», «которую достаточно лишь ясно констатировать» и пр. и т. д. Чѣмъ рѣшительнѣе выражается г. Булгаковъ, тѣмъ яснѣе видно, что онъ *пятится назадъ*, къ буржуазной политической экономіи, заслонявшей общественныя отношенія вымышленными «вѣчными законами». Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводится «очевидность» пресловутаго «закона убывающаго плодородія почвы»? Къ тому, что если бы послѣдующія приложенія труда и капитала къ землѣ давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продукта, то тогда незачѣмъ было бы вообще расширять запашки, тогда добавочное количество хлѣба можно было бы производить на прежнемъ количествѣ земли, какъ бы мало это количество ни было, тогда «земледѣліе всего земного шара можно было бы умѣстить на одной десятинѣ». Таковъ обычный *(и единственный)* доводъ въ пользу «универсальнаго» закона. И самое небольшое размышленіе покажетъ всякому, что этотъ доводъ представляетъ изъ себя безсодержательнѣйшую абстракцію, которая оставляетъ въ сторонѣ самое главное: уровень техники, состояніе производительныхъ силъ. Въ сущности, вѣдь самое понятіе: «добавочныя (или: послѣдовательныя) вложенія труда и капитала» *предполагаетъ* измѣненіе способовъ производства, преобразованіе техники. Чтобы увеличить въ значительныхъ размѣрахъ количество вкладываемаго въ землю ка-

питала, надо *изобрѣсти* новыя машины, новыя системы полеводства, новые способы содержанія скота, перевозки продукта и пр. и пр. Конечно, въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ «добавочныя вложенія труда и капитала могутъ происходить (и происходятъ) и на базисѣ даннаго неизмѣннаго уровня техники: въ этомъ случаѣ примѣнимъ *до нѣкоторой степени* и «законъ убывающаго плодородія почвы», примѣнимъ въ томъ смыслѣ, что неизмѣнное состояніе техники ставитъ очень узкіе, сравнительно, предѣлы добавочнымъ вложеніямъ труда и капитала. Вмѣсто универсальнаго закона мы получаемъ, слѣдовательно, въ высшей степени относительный «законъ».—настолько относительный, что ни о какомъ «законѣ» и даже ни о какой кардинальной особенности земледѣлія не можетъ быть и рѣчи. Возьмемъ за данное: трехполье, посѣвы традиціонныхъ зерновыхъ хлѣбовъ, навозное скотоводство, отсутствіе улучшенныхъ луговъ и усовершенствованныхъ орудій. Очевидно, что при условіи неизмѣнности этихъ данныхъ предѣлы добавочныхъ вложеній труда и капитала въ землю крайне узки. Но и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ все-таки добавочныя вложенія труда и капитала возможны, *отнюдь не всегда и не безусловно* будетъ наблюдаться уменьшеніе производительности каждаго такого добавочнаго вложенія. Возьмемъ промышленность. Представимъ себѣ мукомольное или желѣзопередѣлочное производство въ эпоху, предшествовавшую всемірной торговлѣ и изобрѣтенію паровыхъ машинъ. При этомъ состояніи техники предѣлы добавочныхъ вложеній труда и капитала въ ручныя кузницы, вѣтряныя и водяныя мельницы были крайне узки; неизбѣжно должно было наблюдаться громадное распространеніе мелкихъ кузницъ и мельницъ, пока радикальное преобразованіе способовъ производства не создало базиса для новыхъ формъ промышленности.

Итакъ: «законъ убывающаго плодородія почвы» вовсе не примѣнимъ къ тѣмъ случаямъ, когда техника прогрессируетъ, когда способы производства преобразуются; онъ имѣетъ лишь весьма относительное и условное примѣненіе къ тѣмъ случаямъ, когда техника остается неизмѣнной. Вотъ почему ни Марксъ, ни марксисты и не говорятъ объ этомъ «законѣ», а кричатъ о немъ только представители буржуазной науки, вродѣ Брентано, которые никакъ не могутъ отдѣлаться отъ предразсудковъ старой политической экономіи съ ея абстрактными, вѣчными и естественными законами.

Г. Булгаковъ защищаетъ «универсальный законъ» такими доводами, надъ которыми стоитъ посмѣяться.

«То, что являлось свободнымъ подаркомъ природы, теперь

Digitized by Google

должно быть сдѣлано человѣкомъ: вѣтеръ и дождь разрыхлили почву, полную питательныхъ элементовъ; достаточно было небольшого усилія со стороны человѣка, чтобы добыть необходимое. Съ теченіемъ времени все большая и большая часть производительной работы отходитъ на долю человѣка; какъ и вездѣ, искусственные процессы все больше становятся на мѣсто естественныхъ. Но если въ индустріи въ этомъ выражается побѣда человѣка надъ природой, то въ земледѣліи это указываетъ на растущую трудность существованія, для котораго природа сокращаетъ свои дары».

«Въ данномъ случаѣ безразлично, выражается ли въ увеличеніи человѣческаго труда или же его продуктовъ, напр., орудій производства или удобренія и т. п. увеличивающаяся трудность производства пищи; (г. Булгаковъ хочетъ сказать: безразлично, выражается ли увеличивающаяся трудность производства пищи въ увеличеніи человѣческаго труда или же въ увеличеніи его продуктовъ); важно только то, что она обходится человѣку все дороже и дороже. Въ этомъ замѣщеніи силъ природы человѣческимъ трудомъ, естественныхъ факторовъ производство искусственными, и заключается законъ убывающаго плодородія почвы» (16).

Очевидно, г. Булгакову не даютъ спать лавры гг. Струве и Туганъ-Барановскаго, додумавшихся до того, что не человѣкъ работаетъ при помощи машины, а машина при помощи человѣка. Подобно этимъ критикамъ и онъ падаетъ до уровня вульгарной экономіи, толкуя о *замѣщеніи* силъ природы человѣческимъ трудомъ и т. п. Замѣстить силы природы человѣческимъ трудомъ, вообще говоря, такъ же невозможно, какъ нельзя замѣстить аршины пудами. И въ индустріи и въ земледѣліи человѣкъ можетъ только пользоваться дѣйствіемъ силъ природы, если онъ позналъ ихъ дѣйствіе, и *облегчать* себѣ это пользованіе посредствомъ машинъ, орудій и т. п. Что первобытный человѣкъ получалъ необходимое, какъ свободный подарокъ природы,—это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могутъ освистать даже начинающіе студенты. Никакого золотого вѣка позади насъ не было, и первобытный человѣкъ былъ совершенно подавленъ трудностью существованія, трудностью борьбы съ природой. Введеніе машинъ и улучшенныхъ способовъ производства неизмѣримо облегчило человѣку эту борьбу вообще и производство пищи въ частности. Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность полученія пищи для рабочаго—увеличилась потому, что капиталистическое развитіе вздуло земельную ренту и земельную цѣну, сконцентрировало сельскія хозяйства въ рукахъ крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ, сконцентрировало еще больше машины, орудія, деньги, безъ которыхъ невозможно успѣшное производ-

Digitized by Google

ство. Объяснять эту растущую трудность существованія рабочихъ тѣмъ, что природа сокращаетъ свои дары,—значитъ становиться буржуазнымъ апологетомъ.

«Принимая этотъ законъ,—продолжаетъ г. Булгаковъ—мы вовсе не утверждаемъ непрерывнаго увеличенія трудности производства пищи и не отрицаемъ сельско-хозяйственнаго прогресса: утверждать первое и отрицать второе значило бы идти противъ очевидности. Несомнѣнно, что трудность эта растетъ не непрерывно, развитіе движется зигзагами. Агрономическія открытія, техническія усовершенствованія превращаютъ безплодныя земли въ плодородныя, временно упраздняютъ тенденцію, отмѣченную въ законѣ убывающаго плодородія почвы» (Ibid).

Неправда ли, какъ это глубокомысленно?

Техническій прогрессъ—«временная» тенденція, а законъ убывающаго плодородія почвы, т. е., уменьшающейся (да и то не всегда) производительности добавочныхъ вложеній капитала на базисѣ неизмѣнной техники «имѣетъ универсальное значеніе»! Это совершенно все равно, что сказать: остановки поѣздовъ на станціяхъ представляютъ изъ себя универсальный законъ парового транспорта, а движеніе поѣздовъ между станціями—временная тенденція, парализующая дѣйствіе универсальнаго закона стоянія.

Наконецъ, есть и массовыя данныя, опровергающія наглядно универсальность закона убывающаго плодородія: данныя о земледѣльческомъ и неземледѣльческомъ населеніи. Г. Булгаковъ самъ признаетъ, что «добываніе пищи требовало бы постоянно увеличивающагося относительно» (это замѣтьте!) «количества труда и, слѣдовательно, земледѣльческаго населенія, еслибъ каждая страна была ограничена своими естественными рессурсами» (19). Если въ западной Европѣ земледѣльческое населеніе уменьшается, то это объясняется тѣмъ, что посредствомъ привоза хлѣба удалось отклонить отъ себя дѣйствіе закона убывающаго плодородія. Нечего сказать, хорошо объясненіе! Нашъ ученый забылъ о той мелочи, что относительное уменьшеніе земледѣльческаго населенія наблюдается во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ земледѣльческихъ, и въ вывозящихъ хлѣбъ. Земледѣльческое населеніе относительно уменьшается въ Америкѣ и въ Россіи, оно уменьшается во Франціи съ конца 18-го вѣка (см. цифры въ томъ же сочиненіи г. Булгакова, II, стр. 168); причемъ, это относительное уменьшеніе переходитъ даже иногда въ абсолютное, между тѣмъ, какъ перевѣсъ ввоза хлѣба надъ вывозомъ былъ еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ совершенно ничтоженъ и *только съ 1878 года* не встрѣчается уже совершенно годовъ

съ перевѣсомъ вывоза надъ ввозомъ*). Въ Пруссіи сельское населеніе уменьшалось относительно съ 73,5% въ 1816 г. до 71,7% въ 1849 и 67,5% въ 1871 г., а ввозъ ржи начался лишь съ начала 60-хъ, пшеницы—съ начала 70-хъ годовъ (тамъ же, II, 70 и 88). Наконецъ, если мы возьмемъ европейскія страны, ввозящія хлѣбъ,—напримѣръ, Францію и Германію послѣдняго десятилѣтія,— то мы увидимъ *несомнѣнный прогрессъ* сельскаго хозяйство на ряду съ *абсолютнымъ уменьшеніемъ* числа занятыхъ имъ рабочихъ; во Франціи это число уменьшилось съ 1882 по 1892 г.—съ 6913504 до 6663135 (Statist. agric. ч. II, стр. 248—251), въ Германіи съ 1882 г. по 1895 г.—съ 8064 тыс. до 8045 тыс.**). Такимъ образомъ, можно сказать, что вся исторія 19-го вѣка массовыми данными по отношенію къ самымъ различнымъ странамъ неопровержимо доказываетъ, что «универсальный» законъ убывающаго плодородія *совершенно парализованъ* «временной» тенденціей техническаго прогресса, который даетъ возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населенію производить увеличивающееся количество земледѣльческихъ продуктовъ на увеличивающуюся массу населенія.

Кстати сказать, эти массовыя статистическія данныя вполнѣ опровергаютъ также два слѣдующихъ центральныхъ пункта «теоріи» г. Булгакова, именно: во-первыхъ, его утвержденіе, что «къ земледѣлію совершенно неприложима» теорія болѣе быстраго роста постояннаго капитала (орудій и матеріаловъ производства) сравнительно съ перемѣннымъ (рабочая сила). Г. Булгаковъ преважно заявляетъ, что эта теорія невѣрна, ссылаясь на подтвержденіе своего мнѣнія: а) на «проф. А. Скворцова» (знаменитаго

*) Statistique agricole de la France. (Enquête de 1892) P. 1897. P. 113.

**) Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Bd. 112. Die Landwirthschaft im Deutschen Reich. Berlin 1898. S. 6*. Г. Булгакову, разумѣется, непріятенъ этотъ, разрушающій все его мальтузіанство, фактъ техническаго прогресса при уменьшающемся сельскомъ населеніи. Нашъ „строгій ученый" прибѣгаетъ, поэтому, къ такой уловкѣ: вмѣсто того, чтобы взять сельское хозяйство въ собственномъ смыслѣ слова (земледѣліе, скотоводство и т. п.), онъ беретъ (вслѣдъ за данными объ увеличивающемся количествѣ *земледѣльческихъ* продуктовъ съ 1 гектара!) „сельское хозяйство въ широкомъ смыслѣ", куда нѣмецкая статистика включаетъ и оранжерейное и торговое огородничество, и *лѣсоводство и рыболовство*! Получается увеличеніе общей суммы лицъ, дѣйствительно занятыхъ „земледѣліемъ"! (Булгаковъ II, 133). Приведенныя въ текстѣ цифры относятся къ лицамъ, для конхъ земледѣліе составляло *главное* занятіе. Число лицъ, занимающихся земледѣліемъ побочно возрасло съ 3144 тыс. до 3578 тыс. Складывать эти цифры съ предыдущими не вполнѣ правильно, но и при сложеніи мы получимъ лишь весьма небольшое увеличеніе: съ 11208 до 11623 тыс.

Digitized by Google

всего болѣе тѣмъ, что теорію средней нормы прибыли Маркса онъ приписывалъ агитаторскому злоумышленію) и б) на тотъ фактъ, что при интенсификаціи хозяйства увеличивается количество рабочихъ на единицу площади. Это—одно изъ тѣхъ умышленныхъ непониманій Маркса, которыя постоянно выказываютъ представители модной критики. Подумайте только: теорія болѣе быстраго роста постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ опровергается фактомъ увеличенія *перемѣннаго капитала* на единицу площади! И г. Булгаковъ *не замѣчаетъ*, что приводимыя имъ самимъ въ такомъ изобиліи статистическія данныя подтверждаютъ теорію Маркса. Если во всемъ германскомъ земледѣліи число рабочихъ съ 1882 г. по 1895 г. уменьшилось съ 8064 до 8045 тыс. (а при давленіи лицъ, занятыхъ земледѣліемъ побочно, увеличилось съ 11208 до 11623 тыс., т. е., всего на 3,7%), тогда какъ количество скота за это время возросло съ 23,0 милліоновъ до 25,4 милліоновъ (переводя весь скотъ на крупный), т. е., болѣе чѣмъ на 10%,—число случаевъ употребленія пяти главнѣйшихъ машинъ возросло съ 458 тыс. до 922 тыс., т. е., болѣе чѣмъ вдвое; количество ввозныхъ удобреній съ 636 тыс. тоннъ (1883) до 1961 тыс. тоннъ (1892) и количество калійныхъ солей съ 304 тыс. двойныхъ центнеровъ до 2400 тыс.*),—то не ясно ли, что отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному увеличивается? Мы уже не говоримъ о томъ, что эти огульныя данныя въ громадной степени скрадываютъ прогрессъ крупнаго производства. Объ этомъ ниже.

Во-вторыхъ, прогрессъ сельскаго хозяйства при уменьшеніи или ничтожномъ абсолютномъ увеличеніи сельскаго населенія вполнѣ опровергаетъ нелѣпую попытку г. Булгакова воскресить мальтузіанство. Изъ русскихъ «бывшихъ марксистовъ» эту попытку сдѣлалъ едва ли не впервые г. Струве въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ», но онъ, какъ и всегда, не пошелъ далѣе робкихъ, недоговоренныхъ и двусмысленныхъ замѣчаній, недодуманныхъ до конца и несведенныхъ къ одной системѣ воззрѣній. Г. Булгаковъ смѣлѣе и послѣдовательнѣе: «законъ убывающаго плодородія» онъ, ничтоже сумняхуся, превращаетъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ исторіи цивилизаціи» (sic! стр. 18). «Вся исторія 19-го вѣка... съ его проблемами богатства и бѣдности была бы непонятна безъ этого закона». «Для меня совершенно несомнѣнно, что соціальный вопросъ въ теперешней его постановкѣ существенно связанъ съ этимъ закономъ» (это нашъ стро-

) Statist. d. D. R., 112, S. 36. Булгаковъ II, 135.

Digitized by Google

гій ученый заявляетъ уже на 18-ой страницѣ своего «изслѣдованія»!.. «Несомнѣнно,—заявляетъ онъ въ концѣ сочиненія—что, при наличности перенаселенія, извѣстная часть бѣдности должна быть отнесена на счетъ *абсолютной бѣдности,* бѣдности производства, а не распредѣленія» (II,221). «Проблема народонаселенія въ той особенной ея постановкѣ, какую создаютъ условія сельско-хозяйственнаго производства, составляетъ въ моихъ глазахъ главную трудность, которая лежитъ на пути—въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время—сколько нибудь широкому проведенію принциповъ коллективизма или кооперації въ сельско-хозяйственномъ предпріятіи» (II, 265). «Прошлое оставляетъ въ наслѣдіе будущему хлѣбный вопросъ, болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ соціальный,—вопросъ производства, а не распредѣленія» (II, 455) и проч. и проч. Намъ нѣтъ надобности говорить о научномъ значеніи этой «теоріи», неразрывно связанной съ универсальнымъ закономъ убывающаго плодородія почвы,—послѣ того, какъ мы разобрали этотъ законъ. А что критическое заигрываніе съ мальтузіанствомъ привело въ своемъ неизбѣжномъ логическомъ развитіи къ самому вульгарному буржуазному апологетизму,—это засвидѣтельствовано въ приведенныхъ нами выводахъ г. Булгакова съ неоставляющей ничего желать откровенностью.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы разберемъ данныя нѣкоторыхъ новыхъ источниковъ, указываемыхъ нашими критиками (которые всѣ уши прожужжали о томъ, что ортодоксы чураются детализаціи), и покажемъ, что г. Булгаковъ вообще превращаетъ словечко «перенаселеніе» въ трафаретъ, прикладываніе котораго избавляетъ его отъ всякаго анализа, и, въ особенности, отъ анализа классовыхъ противорѣчій внутри «крестьянства». Теперь же, ограничиваясь обще-теоретической стороной аграрнаго вопроса, мы должны еще коснуться теоріи ренты. Что касается Маркса,—пишетъ г. Б.—то въ третьемъ томѣ «Капитала»—въ томъ видѣ, какъ мы сейчасъ его имѣемъ,—онъ не прибавляетъ ничего, заслуживающаго вниманія, къ теоріи дифференціальной ренты Рикардо» (87). Запомнимъ это «ничего, заслуживающаго вниманія» и сопоставимъ съ приговоромъ критика слѣдующее, сдѣланное имъ раньше заявленіе: «Несмотря на очевидно отрицательное отношеніе къ этому закону (закону убывающаго плодородія почвы), Марксъ усваиваетъ въ основныхъ принципахъ теорію ренты Рикардо, которая построена на этомъ законѣ» (13). Выходитъ, вѣдь, по г. Булгакову, что Марксъ не замѣтилъ связи теоріи ренты Рикардо съ закономъ убывающаго плодородія и потому не свелъ концовъ съ

Digitized by Google

концами! Мы можемъ одно сказать по поводу такого изложенія: никто такъ не извращаетъ Маркса, какъ бывшіе марксисты; никто не проявляетъ такой невѣроятной без...без...безцеремонности въ подсовываніи критикуемому писателю тысячи и одного смертнаго грѣха.

Утвержденіе г. Булгакова есть вопіющее извращеніе истины. На самомъ дѣлѣ Марксъ не только замѣтилъ эту связь теоріи ренты Рикардо съ его ошибочнымъ ученіемъ объ убывающемъ плодородіи почвы, но и съ полнѣйшей опредѣленностью разоблачилъ ошибку Рикардо. Кто хоть съ капелькой вниманія читалъ третій томъ «Капитала», тотъ не могъ не замѣтить того, въ высшей степени «заслуживающаго вниманія», обстоятельства, что именно Марксъ *освободилъ* теорію дифференціальной ренты отъ *всякой связи* съ пресловутымъ «закономъ убывающаго плодородія почвы». Марксъ показалъ, что для образованія дифференціальной ренты необходимъ и достаточенъ фактъ различной производительности различныхъ приложеній капитала къ землѣ. Совершенно несущественно при этомъ, совершается ли переходъ отъ лучшей земли къ худшей или, наоборотъ, понижается ли производительность добавочныхъ вложеній капитала въ землю или повышается. Въ дѣйствительности имѣютъ мѣсто всевозможныя комбинаціи этихъ различныхъ случаевъ, и ни подъ какое единое общее правило этихъ комбинацій подвести нельзя. Такъ, напр.. Марксъ описываетъ сначала дифференціальную ренту перваго вида, происходящую отъ различной производительности приложеній капитала на различныхъ участкахъ земли, и поясняетъ свое изложеніе таблицами (по поводу которыхъ г. Б. дѣлаетъ строгое внушеніе за чрезмѣрное пристрастіе Маркса къ облаченію своихъ —нерѣдко очень простыхъ—мыслей въ сложную математическую одежду). Эта сложная математическая одежда ограничивается четыремя дѣйствіями ариѳметики, а очень простыя мысли оказались, какъ мы видимъ, совершенно непонятными ученымъ профессорамъ. Разобравъ эти таблицы, Марксъ заключаетъ: «Такимъ образомъ, падаетъ та первая невѣрная предпосылка дифференціальной ренты, которая еще господствуетъ у Веста (West), Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференціальная рента необходимо предполагаетъ переходъ къ худшей и худшей почвѣ или же постоянно уменьшающуюся производительность земледѣлія. Дифференціальная рента, какъ мы видѣли, можетъ имѣть мѣсто при переходѣ къ лучшей и лучшей землѣ; дифференціальная рента можетъ имѣть мѣсто, если низшую ступень занимаетъ лучшая почва вмѣсто прежней худшей; она можетъ быть связана съ расту-

Digitized by Google

щимъ прогрессомъ земледѣлія. Ея условіемъ является исключительно неравенство видовъ почвы». (Марксъ не говоритъ здѣсь о различной производительности послѣдовательныхъ вложеній капитала въ землю, ибо это порождаетъ дифференціальную ренту *второго* вида, а въ данной главѣ рѣчь идетъ о дифференціальной рентѣ перваго вида). Поскольку дѣло касается развитія производительности,—постольку дифференціальная рента предполагаетъ, что повышеніе абсолютнаго плодородія всей селько-хозяйственной площади не уничтожаетъ этого неравенства, а либо усиливаетъ его, либо оставляетъ неизмѣннымъ, либо же только уменьшаетъ». (Das Kapital III, 2, S. 199). Г. Булгаковъ *не замѣтилъ* этого коренного отличія теоріи дифференціальной ренты Маркса отъ теоріи ренты Рикардо. Зато онъ предпочелъ разыскать въ третьемъ томѣ «Капитала» «отрывокъ, позволяющій скорѣе думать, что Марксъ относился къ закону убывающаго плодородія почвы далеко не отрицательно» (стр. 13, примѣч.). Мы извиняемся передъ читателемъ, что намъ придется удѣлить очень много мѣста совершенно несущественному (по отношенію къ интересующему насъ съ г. Булгаковымъ вопросу) отрывку. Но что прикажете дѣлать, если герои современной критики (которые еще смѣютъ обвинять ортодоксовъ въ рабулистикѣ) извращаютъ совершенно ясный смыслъ враждебнаго имъ ученія посредствомъ выхваченныхъ изъ контекста цитатъ и посредствомъ перевранныхъ переводовъ? Г. Булгаковъ цитируетъ найденный имъ отрывокъ такъ: «Съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства всегда происходитъ относительное удорожаніе *(земледѣльческихъ)* продуктовъ, *такъ какъ* (мы просимъ читателя обратить особое вниманіе на подчеркиваемыя *нами* слова) для полученія продукта дѣлается извѣстная затрата: должно оплачиваться нѣчто такое, что прежде не оплачивалось». И Марксъ говоритъ дальше, что элементы природы, входящіе въ производство, какъ агенты его, ничего не стоя, являются даровой естественной производительной силой труда, а если для производства добавочнаго продукта приходится работать безъ помощи этой естественной силы, то необходимо затратить новый капиталъ, что ведетъ къ удорожанію производства.

По поводу такого способа «цитировать» мы должны сдѣлать три замѣчанія. Во первыхъ, словечко «такъ какъ», придающее тирадѣ абсолютный смыслъ установленія какого-то «закона», *вставлено г. Булгаковымъ отъ себя. Въ оригиналѣ* (Das Kapital, III, 2, 277/78) *стоитъ не „такъ какъ", а „если". Если* должно оплачиваться нѣчто такое, что раньше не оплачива-

Digitized by Google

лось, то происходитъ всегда относительное удорожаніе продуктовъ; неправда ли, какъ *это* положеніе похоже на признаніе «закона» убывающаго плодородія? Во-вторыхъ, словечко, «земледѣльческихъ» вставлено вмѣстѣ со скобками г. Булгаковымъ. *Въ оригиналѣ его вовсе нѣтъ.* Г. Булгаковъ рѣшилъ, вѣроятно,, со свойственнымъ гг. критикамъ легкомыслiемъ, что Марксъ можетъ говорить здѣсь только о земледѣльческихъ продуктахъ и поспѣшилъ дать читателю «поясненіе» совершенно превратнаго свойства. На самомъ дѣлѣ Марксъ говоритъ здѣсь о всѣхъ продуктахъ вообще. Отрывку, цитированному г. Булгаковымъ, предшествуютъ слова Маркса: «вообще должно замѣтить слѣдующее». Даровыя силы природы могутъ входить и въ промышленное производство—таковъ приведенный Марксомъ въ томъ же отдѣлѣ о рентѣ примѣръ водопада, замѣняющаго для одной изъ фабрикъ силу пара,—и если нужно произвести добавочное количество продукта безъ помощи этихъ даровыхъ силъ, то произойдетъ *всегда* относительное удорожаніе продуктовъ. Въ-третьихъ, надо разсмотрѣть, въ какомъ контекстѣ стоитъ этотъ отрывокъ. Марксъ говоритъ, въ этой главѣ о дифференціальной рентѣ съ худшей воздѣлываемой земли и разбираетъ, *какъ и всегда*, два для него совершенно равноправныхъ, *совершенно одинаково возможныхъ*, случая: первый случай—повышающуюся производительность послѣдовательныхъ приложеній капитала (S. 274—276) и второй случай—понижающуюся производительность ихъ (S. 276—278). По поводу этого послѣдняго изъ возможныхъ случаевъ Марксъ говоритъ: «О понижающейся производительности почвы при послѣдовательныхъ приложеніяхъ капитала смотри у Либиха... *Но* должно *вообще* замѣтить слѣдующее» (курсивъ нашъ). Слѣдуетъ переведенный г. Булгаковымъ отрывокъ, гласящій, что «если оплачивается то, что раньше не оплачивалось, то *всегда* происходитъ относительное удорожаніе продуктовъ».

Предоставляемъ самому читателю судить о научной добросовѣстности критика, который превратилъ замѣчаніе Маркса объ одномъ изъ возможныхъ случаевъ въ признаніе Марксомъ этого случая за какой-то общій «законъ».

А вотъ заключительное мнѣніе г. Булгакова о найденномъ имъ отрывкѣ:

«Этотъ отрывокъ, конечно, неясенъ»... Ну, еще бы! Послѣ булгаковской замѣны одного слова другимъ этотъ отрывокъ совершенно даже лишенъ смысла... «но не можетъ быть понятъ иначе, какъ косвенное или даже прямое признаніе (слушайте!)

Digitized by Google

закона убывающаго плодородія почвы. Мнѣ неизвѣстно, чтобы Марксъ гдѣ-либо еще прямо высказался по поводу послѣдняго» (I, 14). Какъ бывшему марксисту, г. Булгакову «неизвѣстно», что Марксъ прямо объявилъ совершенно невѣрнымъ предположеніе Веста, Мальтуса, Рикардо, будто дифференціальная рента предполагаетъ переходъ къ худшимъ землямъ или падающее плодородіе почвы*). Ему «неизвѣстно», что Марксъ на протяженіи всего своего объемистаго анализа ренты *десятки разъ* показываетъ, что понижающуюся и повышающуюся производительность добавочныхъ затратъ капитала онъ разсматриваетъ, какъ совершенно одинаково возможные случаи!

II.

Теоріи ренты Маркса г. Булгаковъ вообще не понялъ. Онъ увѣренъ, что разбиваетъ эту теорію двумя слѣдующими возраженіями: 1) По Марксу земледѣльческій капиталъ входитъ въ выравниваніе нормы прибыли, такъ что ренту создаетъ добавочная прибыль, превышающая среднюю норму прибыли. Это невѣрно, по мнѣнію г. Булгакова, ибо монополія земледѣлія устраняетъ свободу конкурренціи, необходимую для процесса выравниванія нормы прибыли. Земледѣльческій капиталъ не входитъ въ процессъ выравниванія нормы прибыли. 2) Абсолютная рента есть лишь особый случай дифференціальной ренты, и различеніе ея отъ послѣдней неправильно. Это различеніе основывается на совершенно произвольномъ двоякомъ толкованіи одного и того же факта — монопольнаго владѣнія однимъ изъ факторовъ производства. Г. Булгаковъ такъ увѣренъ въ сокрушительности своихъ доводовъ, что не можетъ воздержаться отъ цѣлаго потока сильныхъ словъ противъ Маркса: petitio principii, немарксизмъ, логическій фетишизмъ, утраты Марксомъ свободы умственнаго полета и пр. А. между тѣмъ, оба его довода основаны на довольно грубой ошибкѣ. То же самое одностороннее упрощеніе предмета, которое побудило г. Булгакова возвести одинъ изъ возможныхъ случаевъ (пониженіе производительности добавочныхъ затратъ капитала) въ универсаль-

*) Это опровергнутое Марксомъ невѣрное предположеніе классической экономіи перенялъ, разумѣется, безъ критики, и „критикъ“ г. Булгаковъ вслѣдъ за своимъ учителемъ Брентано. „Условіемъ возникновенія ренты,—пишетъ г. Булгаковъ,—является законъ убывающаго плодородія почвы“... (I,90). .. „Англійская рента... фактически различаетъ послѣдовательныя затраты капитала, въ общемъ убывающей производительности (I, 130).

Digitized by Google

ный законъ убывающаго плодородія,—приводитъ его въ данномъ вопросѣ къ тому, что онъ безъ критики оперируетъ съ понятіемъ «монополія», возводя это понятіе въ нѣчто въ своемъ родѣ тоже универсальное, и смѣшиваетъ при этомъ тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ, при капиталистической организаціи земледѣлія, изъ *ограниченности земли*, съ одной стороны, и изъ *частной собственности на землю*,—съ другой. Это вѣдь двѣ вещи разныя. Объяснимся.

«Условіемъ, хотя и не источникомъ возникновенія земельной ренты.—пишетъ г. Булгаковъ,—является то же самое, что вызвало и возможность монополизаціи земли,—ограниченность производительныхъ силъ земли и безгранично растущая потребность въ нихъ человѣка» (I. 90). Вмѣсто: «ограниченность производительныхъ силъ земли» надо было сказать: «*ограниченность земли*». (Ограниченность производительныхъ силъ земли сводится, какъ мы уже показали, къ «ограниченности» даннаго уровня техники, даннаго состоянія производительныхъ силъ). Ограниченность земли предполагаетъ. дѣйствительно, при капиталистическимъ строѣ общества монополизацію земли, *но земли, какъ объекта хозяйства, а не какъ объекта права собственности.* Предположеніе капиталистической организаціи земледѣлія необходимо включаетъ въ себѣ то предположеніе, что вся земля занята отдѣльными частными хозяйствами, *но отнюдь не включаетъ предположенія,* что вся земля находится въ частной собственности этихъ хозяевъ или другихъ лицъ или въ частной собственности вообще. Монополія владѣнія землей на правѣ собственности и монополія хозяйства на землѣ — вещи совершенно различныя не только логически, но и исторически. Логически мы вполнѣ можемъ представить себѣ чисто капиталистическую организацію земледѣлія при полномъ отсутствіи частной собственности на землю, при нахожденіи земли въ собственности государства или общинъ и т. п. И въ дѣйствительности мы видимъ, что во всѣхъ развитыхъ капиталистическихъ странахъ вся земля занята отдѣльными частными хозяйствами, но эти хозяйства эксплуатируютъ не только свои собственныя, но и арендуемыя ими земли частныхъ собственниковъ, и государственыя земли, и земли общинъ (напримѣръ, въ Россіи, причемъ во главѣ частныхъ хозяевъ на крестьянскихъ общинныхъ земляхъ стоятъ, какъ извѣстно, капиталистическія крестьянскія хозяйства). И Марксъ недаромъ дѣлаетъ въ самомъ началѣ анализа ренты замѣчаніе, что капиталистическій способъ производства застаетъ (и подчиняетъ себѣ) самыя различныя формы поземельной собственности, начиная отъ кла-

Digitized by Google

новой собственности и феодальной собственности и кончая собственностью крестьянскихъ общинъ.

Итакъ, ограниченность земли неизбѣжно предполагаетъ только монополизацію хозяйства на землѣ (при условіи господства капитализма). Спрашивается, каковы необходимыя послѣдствія *этой* монополизаціи по отношенію къ вопросу о рентѣ? Ограниченность земли ведетъ къ тому, что цѣну хлѣба опредѣляютъ условія производства не на средняго качества землѣ, а на хуже воздѣлываемой землѣ. Эта цѣна хлѣба даетъ фермеру (=капиталистическому предпринимателю въ земледѣліи) покрытіе его издержекъ производства и среднюю прибыль на его капиталъ. Фермеръ на лучшей землѣ получаетъ добавочную прибыль, которая и образуетъ *дифференціальную ренту*. Вопросъ о томъ, существуетъ ли частная собственность на землю, не стоитъ ровно ни въ какой связи съ вопросомъ объ образованіи дифференціальной ренты, которая неизбѣжна въ капиталистическомъ земледѣліи, хотя бы на общинныхъ, государственныхъ, безхозяйныхъ земляхъ. Единственное послѣдствіе ограниченности земли при капитализмѣ—образованіе дифференціальной ренты, вслѣдствіе различной производительности различныхъ затратъ капитала. Г. Булгаковъ усматриваетъ второе послѣдствіе въ устраненіи свободы конкурренціи въ земледѣліи, говоря, что отсутствіе этой свободы препятствуетъ земледѣльческому капиталу участвовать въ образованіи средней прибыли. Это—явное смѣшеніе вопроса о хозяйствѣ на землѣ съ вопросомъ о правѣ собственности на землю. Изъ факта ограниченности земли (независимо отъ частной собственности на землю) вытекаетъ логически только то, что вся земля будетъ занята капиталистами-фермерами, но отнюдь не вытекаетъ необходимость какихъ бы то ни было ограниченій свободы конкурренціи между этими фермерами. Ограниченность земли есть явленіе общее, неизбѣжно кладущее свою печать на всякое капиталистическое земледѣліе. Логическая несостоятельность смѣшенія этихъ различныхъ вещей наглядно подтверждается и исторіей. Не говоримъ уже объ Англіи: въ ней отдѣленіе землевладѣнія отъ земледѣльческаго хозяйства очевидно, свобода конкурренціи между фермерами почти полная, обращеніе образованнаго въ торговлѣ и промышленности капитала на сельское хозяйство имѣло и имѣетъ мѣсто въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но и во всѣхъ остальныхъ капиталистическихъ странахъ происходитъ (вопреки мнѣнію г. Булгакова, тщетно пытающагося вслѣдъ за г. Струве выдѣлить «англійскую» ренту въ нѣчто совершенно своеобразное) *тотъ же самый процессъ* отдѣленія землевладѣнія отъ земледѣльче-

Digitized by Google

каго хозяйства—только въ самыхъ различныхъ формахъ (аренда, ипотека). Не замѣчая этого процесса (усиленно подчеркиваемаго Марксомъ) г. Булгаковъ, можно сказать, слона не замѣчаетъ. Во всѣхъ европейскихъ странахъ наблюдаемъ мы послѣ паденія крѣпостного права разрушеніе сословности землевладѣнія, мобилизацію земельной собственности, обращеніе торгово-промышленнаго капитала на сельское хозяйство, ростъ аренды и ипотечной задолженности. И въ Россіи, несмотря на наибольшіе остатки крѣпостного права, мы видимъ послѣ реформы усиленную покупку земли крестьянами, разночинцами и купцами, развитіе аренды частновладѣльческихъ, государственныхъ и *общинныхъ* земель и проч. и проч. О чемъ свидѣтельствуютъ всѣ эти явленія? О созданіи свободной конкурренціи въ *земледѣліи*, *вопреки* монополіи *земельной собственности* и несмотря на безконечно разнообразныя формы этой собственности. Въ настоящее время во всѣхъ капиталистическихъ странахъ всякій капиталъ можетъ такъ же легко или почти такъ же легко вложить этотъ капиталъ въ сельское хозяйство (посредствомъ покупки или аренды земли), какъ и въ любую отрасль торговли или промышленности.

Г. Булгаковъ въ возраженіе противъ Марксовой теоріи дифференціальной ренты указываетъ на то, что «всѣ эти различія (различія въ условіяхъ производства земледѣльческихъ продуктовъ) противорѣчивы и *могутъ* (курсивъ нашъ) взаимно уничтожать другъ друга; разстояніе, какъ это указывалъ уже Родбертусъ, можетъ парализоваться плодородіемъ; различное же плодородіе можетъ выравниваться болѣе усиленнымъ производствомъ на участкахъ большаго плодородія (181.) Напрасно только забываетъ нашъ строгій ученый о томъ, что Марксъ отмѣтилъ этотъ фактъ и сумѣлъ дать ему не такую однобокую оцѣнку. «Ясно,—пишетъ Марксъ,—что эти два различныя основанія дифференціальной ренты, плодородіе и положеніе (земельныхъ участковъ) могутъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Земельный участокъ можетъ быть хорошо расположенъ и очень мало плодороденъ, и наоборотъ. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняетъ намъ, почему при распашкѣ земли въ данной странѣ переходъ можетъ совершаться точно такъ же отъ лучшей земли къ худшей, какъ и наоборотъ. Наконецъ, ясно, что процессъ соціальнаго производства вообще дѣйствуетъ, съ одной стороны, нивеллирующимъ образомъ на положеніе (земельныхъ участковъ), какъ на основаніе дифференціальной ренты, создавая мѣстные рынки, создавая положеніе посредствомъ проведенія путей сообщенія; а, съ другой стороны, усиливаетъ раз-

Digitized by Google

личія въ мѣстномъ положеніи земельныхъ участковъ, какъ посредствомъ отдѣленія земледѣлія отъ промышленности, такъ и посредствомъ образованія крупныхъ центровъ производства, на ряду съ обратной стороной этого явленія: усиленіемъ относительнаго одиночества деревни». (Relative Vereinsamung des Landes). (Das Kapital III, 2, 190). Такимъ образомъ, въ то время, какъ г. Булгаковъ съ побѣдоноснымъ видомъ повторяетъ давно извѣстное указаніе на *возможность* взаимнаго уничтоженія различій, Марксъ ставитъ *дальнѣйшій* вопросъ о превращеніи этой возможности въ дѣйствительность и показываетъ, что рядомъ съ нивеллирующими вліяніями наблюдаются и дифференцирующія. Конечный итогъ этихъ взаимно противорѣчивыхъ вліяній состоитъ, какъ всякій знаетъ, въ томъ, что во всѣхъ странахъ и повсюду *существуютъ* громадныя различія между земельными участками по плодородію и положенію ихъ. Возраженіе г. Булгакова свидѣтельствуетъ только о полной непродуманности его замѣчаній.

«Понятіе послѣдней наименѣе производительной затраты труда и капитала—продолжаетъ г. Булгаковъ—одинаково безъ критики употребляется и Рикардо и Марксомъ. Нетрудно видѣть, какой элементъ произвола вносится этимъ понятіемъ: пусть на землю затрачивается 10*a* капитала, причемъ каждое послѣдующее *a* отличается убывающей производительностью; общій продуктъ почвы будетъ *A*; очевидно, средняя производительность каждаго *a* будетъ равна A/10 и, если весь капиталъ разсматривать, какъ одно цѣлое, то цѣна будетъ опредѣляться именно этой средней его производительностью» (I. 82) Очевидно,—скажемъ мы на это—, что г. Булгаковъ за своими пышными фразами объ «ограниченности производительныхъ силъ земли» просмотрѣлъ *мелочь*: ограниченность земли. Эта ограниченность—совершенно независимо отъ какой бы то ни было *собственности* на землю—создаетъ извѣстнаго рода монополію, именно: такъ какъ земля вся занята фермерами; такъ какъ спросъ предъявляется на весь хлѣбъ, производимый на всей землѣ, въ томъ числѣ и на самыхъ худшихъ и на самыхъ отдаленныхъ отъ рынка участкахъ,—то понятно, что цѣну хлѣба опредѣляетъ цѣна производства на худшей землѣ (или цѣна производства при послѣдней, наименѣе производительной, затратѣ капитала). «Средняя производительность» г. Булгакова есть пустое ариѳметическое упражненіе; ибо дѣйствительному образованію этой средней препятствуетъ ограниченность земли. Чтобы образовалось эта «средняя производительность» и опредѣлила собой цѣны, для этого необходимо, чтобъ каждый капиталистъ не только могъ вообще приложить капи-

Digitized by Google

талъ къ земледѣлію (настолько въ земледѣліи есть, какъ мы уже говорили, свобода конкурренціи), но также, чтобы каждый капиталистъ могъ всегда—сверхъ наличнаго числа земледѣльческихъ предпріятій—основать новое земледѣльческое предпріятіе, Будь это такъ, тогда между земледѣліемъ и промышленностью никакой разницы не было бы; тогда никакой ренты не могло бы возникнуть. Но именно ограниченность земли дѣлаетъ то, что это не такъ.

Пойдемъ далѣе. Мы разсуждали до сихъ поръ, совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о собственности на землю; мы видѣли, что такой пріемъ обязателенъ и въ виду логическихъ соображеній, и въ виду историческихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о возникновеніи и развитіи капиталистическаго земледѣлія при всякихъ формахъ землевладѣнія. Введемъ теперь это новое условіе. Предположимъ, что вся земля находится въ частной собственности. Какъ отразится это на рентѣ? Дифференціальная рента будетъ отобрана землевладѣльцемъ на основаніи его права собственности у фермера: такъ какъ дифференціальная рента есть избытокъ прибыли сверхъ нормальной, средней прибыли на капиталъ, и такъ какъ свобода конкурренціи въ смыслѣ свободы вложенія капитала въ сельское хозяйство въ земледѣліи есть (respectiv создается капиталистическимъ развитіемъ), то землевладѣлецъ всегда найдетъ фермера, удовлетворяющагося средней прибылью и отдающаго ему, землевладѣльцу, сверхъ-прибыль. Частная собственность на землю не создаетъ дифференціальной ренты, а только перемѣщаетъ ее изъ рукъ фермера въ руки землевладѣльца. Ограничивается ли этимъ вліяніе частной поземельной собственности? Можно ли предположить, что землевладѣлецъ *даромъ* позволитъ фермеру эксплуатировать ту худшую и хуже всѣхъ расположенную землю, которая даетъ только среднюю прибыль на капиталъ? Конечно, нѣтъ. Землевладѣніе есть монополія, и на основаніи этой монополіи землевладѣлецъ потребуетъ плату съ фермера и за эту землю. Эта плата будетъ *абсолютной рентой*, не стоящей ни въ какой связи съ различной производительностью различныхъ затратъ капитала *и вытекающей изъ частной собственности на землю*. Обвиняя Маркса въ произвольномъ двоякомъ толкованіи одной и той же монополіи, г. Булгаковъ не далъ себѣ труда подумать, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ двоякой монополіей; во-первыхъ, мы имѣемъ монополію хозяйства (капиталистическаго) на землѣ. Эта монополія вытекаетъ изъ ограниченности земли, являясь поэтому необходимой во всякомъ капиталистическомъ обществѣ. Ведетъ *эта* мо-

нополія къ тому, что цѣну хлѣба опредѣляютъ условія производства на худшей землѣ, а избыточная прибавочная прибыль, приносимая затратой капитала на лучшей землѣ или болѣе производительной затратой капитала, образуетъ дифференціальную ренту. Рента возникаетъ совершенно независимо отъ частной поземельной собственности, которая только даетъ возможность землевладѣльцу отобрать ее у фермера. Во-вторыхъ, мы имѣемъ монополію частной собственности на землю. Ни логически, ни исторически эта монополія съ предыдущей неразрывно*) не связана. Ничего *необходимаго* для капиталистическаго общества и для капиталистической организаціи земледѣлія эта монополія собою не представляетъ. Съ одной стороны, мы вполнѣ можемъ мыслить капиталистическое земледѣліе безъ частной собственности на землю, и многіе послѣдовательные буржуазные экономисты требовали націонализаціи земли. Съ другой стороны, мы и въ дѣйствительности встрѣчаемъ капиталистическую организацію земледѣлія при отсутствіи частной поземельной собственности, напр. на земляхъ государственныхъ и общинныхъ. Поэтому, различать эти двоякаго рода монополіи безусловно необходимо; а, слѣдовательно, необходимо на ряду съ дифференціальной рентой признать и существованіе абсолютной ренты, которую *порождаетъ* частная собственность на землю.

Возможность происхожденія абсолютной ренты изъ прибавочной стоимости земледѣльческаго капитала Марксъ объясняетъ тѣмъ, что въ земледѣліи доля перемѣннаго капитала въ общемъ составѣ капитала—выше средняго (предположеніе вполнѣ естественное при несомнѣнной отсталости земледѣльческой техники сравнительно съ промышленной). Разъ это такъ—слѣдовательно, стоимость земледѣльческихъ продуктовъ вообще выше ихъ цѣны производства, а прибавочная стоимость выше прибыли. Между тѣмъ, монополія частной поземельной собственности препятствуетъ этому излишку войти цѣликомъ въ процессъ выравниванія прибыли, и абсолютная рента берется изъ этого излишка**).

---

*) Врядъ ли есть надобность напоминать читателю, что, имѣя здѣсь дѣло съ общей теоріей ренты и капиталистической организаціи земледѣлія, мы не касаемся такихъ фактовъ, какъ давность и распространенность частной поземельной собственности, какъ подрывъ заокеанской конкурренціей послѣдняго указаннаго нами вида монополіи, а отчасти и обоихъ видовъ и т. п.

**) Между прочимъ, мы считали необходимымъ особенно подробно остановиться на теоріи ренты Маркса въ виду того, что ошибочное пониманіе ея мы встрѣтили также у г. П. Маслова („Жизнь" 1901 г. № 3 и 4,

Digitized by Google

Г. Булгаковъ очень недоволенъ этимъ объясненіемъ и восклицаетъ: «Что же за вещь такая—эта прибавочная цѣнность, что ея, какъ сукно, хлопокъ или другой какой-либо товаръ можетъ хватать или же не хватать для покрытія возможнаго спроса. Прежде всего, это не матеріальная вещь, это—понятіе, служащее для выраженія опредѣленнаго общественнаго отношенія производства» (I 105). Это противоположеніе «матеріальной вещи»—«понятію» представляетъ изъ себя наглядный образчикъ той схоластики, которую такъ любятъ въ настоящее время преподносить подъ видомъ «критики». Какое значеніе могло бы имѣть «понятіе» о дѣлѣ общественнаго продукта, если бы этому понятію не соотвѣтствовали опредѣленныя «матеріальныя вещи»? Прибавочная цѣнность есть денежный эквивалентъ прибавочнаго продукта, который состоитъ изъ опредѣленной доли сукна, хлопка, хлѣба и всѣхъ прочихъ товаровъ. («Опредѣленность» надо понимать, конечно, не въ томъ смыслѣ, что наука можетъ конкретно опредѣлить эту долю, а въ томъ смыслѣ, что извѣстны условія, опредѣляющія въ общихъ чертахъ размѣръ этой доли). Въ земледѣліи прибавочный продуктъ больше (въ пропорціи къ капиталу), чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, и этого излишка (не входящаго въ выравниваніе прибыли, вслѣдствіе монополіи поземельной собственности) можетъ, естественно, «хватать или не хватать на покрытіе спроса» со спросы монополиста-землевладѣльца.

Мы можемъ избавить читателя отъ подробнаго изложенія той теоріи ренты, которую создалъ г. Булгаковъ, по собственному скромному замѣчанію, «собственными силами», «идя своимъ путемъ» (I, 112). Достаточно нѣсколькихъ замѣчаній, чтобъ охарактеризовать этотъ продуктъ «послѣдней наименѣе производи-

„Къ аграрному вопросу“), который признаетъ убывающую производительность добавочныхъ затратъ капитала, если не закономъ, то „обыкновеннымъ“ и какъ бы нормальнымъ явленіемъ, связываетъ съ этимъ явленіемъ дифференціальную ренту и отвергаетъ теорію абсолютной ренты. Интересная статья г. П. Маслова содержитъ много вѣрныхъ замѣчаній по адресу критиковъ, но она сильно страдаетъ, какъ отъ указанной сейчасъ ошибочности теоріи автора (который, защищая марксизмъ, не потрудился точно опредѣлить отличіе своей „теоріи“ отъ теоріи Маркса), такъ и отъ ряда неосторожныхъ и совершенно несправедливыхъ утвержденій въ родѣ напр того, что г. Бердяевъ „совершенно освобождается отъ вліянія буржуазныхъ писателей“ и отличается „выдержанностью классовой точки зрѣнія не въ ущербъ объективности“, что „во многихъ отношеніяхъ анализъ, сдѣланный Каутскимъ, является мѣстами тенденціознымъ“, что Каутскій „совершенно не опредѣлилъ, въ какомъ направленіи идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи, и т. п.

Digitized by Google

тельной затраты» профессорскаго «труда». «Новая» теорія ренты построена по старинному рецепту: «Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ». Разъ—свобода конкурренціи, тогда уже не должно быть абсолютно никакихъ ограниченій ея (хотя такой обсолютной свободы конкурренціи нигдѣ никогда и не существовало). Разъ—монополія, кончено дѣло. Значить, рента берется вовсе не изъ прибавочной цѣнности, вовсе даже не изъ земледѣльческаго продукта; она берется изъ продукта неземледѣльческаго труда; это—просто дань, налогъ, вычетъ изъ всего общественнаго производства, векселъ землевладѣльца. «Землевладѣльческій капиталъ съ своей прибылью и земледѣльческій трудъ вообще, земледѣліе, какъ объектъ приложенія труда и капитала составляетъ, такимъ образомъ, status in statu въ капиталистическомъ царствѣ... Всѣ (sic!) опредѣленія капитала, прибавочной цѣнности, заработной платы и цѣнности вообще въ примѣненіи къ земледѣлію оказываются величинами мнимыми» (I, 99).

Такъ. Отнынѣ все ясно: и капиталисты и наемные рабочіе въ земледѣліи—все это величины мнимыя. Но если г. Булгакову случается такъ зарапортоваться, что онъ иногда разсуждаетъ и не совсѣмъ неразумно. Черезъ четырнадцать страницъ мы читаемъ: «Производство земледѣльческихъ продуктовъ стоитъ обществу извѣстнаго количества труда; это—ихъ цѣнность». Отлично. Значитъ, уже, по крайней мѣрѣ, «опредѣленія» цѣнности величины не совсѣмъ мнимыя. Дальше: «Разъ производство организовано капиталистически, и во главѣ производства стоитъ капиталъ, то цѣны хлѣба опредѣлятся по цѣнамъ производства; значитъ, будетъ произведенъ учетъ производительности даннаго приложенія труда и капитала сравнительно съ среднеобщественной». Прекрасно. Значитъ, и «опредѣленія» капитала, прибавочной цѣнности и заработной платы—величины не совсѣмъ мнимыя. Значитъ, и свобода конкурренціи (хотя и не абсолютная) имѣется на лицо, ибо безъ перехода капиталовъ изъ земледѣлія въ промышленность и обратно, невозможенъ былъ бы «учетъ производительности сравнительно съ среднеобщественной». Дальше: «Благодаря же земельной монополіи цѣна поднимается выше цѣнности до тѣхъ границъ, до которыхъ позволяютъ условія рынка». Превосходно. Но только гдѣ же это видывалъ г. Булгаковъ, чтобъ дань, налогъ, векселъ и пр. зависѣли отъ условій рынка? Если, благодаря монополіи, цѣна поднимается до границъ, допускаемыхъ условіями рынка, то все отличіе «новой» теоріи ренты отъ «старой» состоитъ въ томъ, что шедшій «своимъ путемъ» авторъ не понялъ, съ одной стороны, разницы между вліяніемъ ограничен-

Digitized by Google

ности земли и вліяніемъ частной собственности на землю, а, съ другой стороны,—связи между понятіемъ «монополія» и понятіемъ «послѣдняя наименѣе производительная затрата труда и капитала». Удивляться ли послѣ этого, что еще черезъ семь страницъ (I, 120) г. Булгаковъ совсѣмъ забылъ уже о «своей» теоріи и разсуждаетъ о «способѣ дѣлежа этого (земледѣльческаго) продукта между землевладѣльцемъ, капиталистическимъ фермерамъ и сельско-хозяйственными рабочими»? Блестящій финалъ блестящей критики! Замѣчательный результатъ новой, обогатившей отнынѣ науку политической экономіи, *Булгаковской теоріи ренты!*

III.

Перейдемъ теперь къ «замѣчательной», по отзыву г. Булгакова, работѣ Герца (Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Socialismus. Wien 1899. Русскій переводъ А. Ильинскаго, Спб. 1900). Намъ придется, впрочемъ, нѣкоторое время разбирать одинаковые доводы обоихъ этихъ писателей совмѣстно.

Вопросъ о машинахъ въ сельскомъ хозяйствѣ и, въ тѣсной связи съ нимъ, вопросъ о крупномъ и мелкомъ производствѣ въ земледѣліи служатъ для «критиковъ» особенно часто поводомъ къ «опроверженію» марксизма. Ниже мы подробно разберемъ нѣкоторыя приводимыя ими детальныя данныя, а теперь разсмотримъ относящіяся сюда общія соображенія. Критики посвящаютъ цѣлыя страницы подробнѣйшимъ разсужденіямъ насчетъ того, что машины въ земледѣліи встрѣчаютъ больше трудностей примѣненія, чѣмъ въ промышленности, и потому примѣняются меньше и имѣютъ меньше значенія. Все это безспорно и совершенно опредѣленно было указано, напримѣръ, тѣмъ самымъ Каутскимъ, одно имя котораго приводитъ гг. Булгакова, Герца и Чернова въ состояніе, близкое къ невмѣняемости. Но этотъ безспорный фактъ нимало не опровергаетъ того, что примѣненіе машинъ быстро развивается и въ земледѣліи, оказывая на него могучее, преобразующее дѣйствіе. Критики могутъ только «отговариваться» отъ этого неизбѣжнаго вывода посредствомъ такихъ, напримѣръ, глубокомысленныхъ разсужденій: «...Земледѣліе характеризуется господствомъ природы въ процессѣ производства, несвободой человѣческой воли» (Булгаковъ I, 43) ...«вмѣсто неувѣренной и неточной работы человѣка, она (машина въ промышленности) съ математической правильностью выполняетъ, какъ микроскопическія, такъ и колоссальныя работы. Машина не можетъ дѣлать ничего

Digitized by Google

подобнаго относительно производства земледѣльческихъ продуктовъ, ибо до сихъ поръ рабочій инструментъ этотъ находится въ рукахъ не у человѣка, а у матери-природы. Это не «метафора» (тамъ же), это дѣйствительно не метафора, а просто пустая фраза, ибо всякій знаетъ, что паровой плугъ, рядовая сѣялка, молотилка и т. п. *дѣлаютъ* работу *болѣе* «увѣренной и точной», а слѣдовательно, сказать «ничего подобнаго»—значитъ, сказать «пустяки!». Точно такъ же, какъ сказать, что машина въ земледѣліи «не можетъ ни въ какой мѣрѣ (sic!) революціонизовать производство (Булгаковъ. I, 43/44, при чемъ цитируются спеціалисты по сельско-хозяйственному машиностроенію, которые, однако, говорятъ только о сравнительномъ отличіи машинъ сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ), или сказать: «Машина не только не можетъ здѣсь превратить работника въ свой придатокъ (?), но этому работнику остается попрежнему роль руководителя процесса» (44), напр., подавальщика при молотилкѣ? Превосходство парового плуга г. Булгаковъ старается ослабить ссылками на Штумпфа и Кутцлеба (писавшихъ о способности мелкаго хозяйства конкуррировать съ крупнымъ) въ противоположность выводамъ спеціалистовъ по сельско-хозяйственному машиностроенію и сельско-хозяйственной экономіи (Фюлинга, Перельса), причемъ фигурируютъ выводы вродѣ того, что возможность паровой вспашки требуетъ особой почвы*) и «чрезвычайно обширныхъ размѣровъ имѣній», (по мнѣнію г. Булгакова, это доводъ не противъ мелкаго хозяйства, а противъ парового плуга!), что, при глубинѣ борозды *въ 12 дюймовъ*, работа скота *дешевле*, чѣмъ пара и т. п. Подобными доводами можно исписать цѣлые томы, нисколько не опровергнувъ этимъ ни того, что паровой плугъ далъ возможность чрезвычайно глубокой вспашки (и глубже, чѣмъ на 12 дюймовъ), ни того, что примѣненіе его быстро развивалось: въ Англіи въ 1867 г. его примѣняло только 135 имѣній, въ 1871 г. было уже въ употребленіи больше 2000 паровыхъ плуговъ (Каутскій); въ Германіи число хозяйствъ, употреблявшихъ паровые плуги, поднялось съ 1882 по 1895 г. съ 836 до 1696.

По вопросу о сельско-хозяйственныхъ машинахъ г. Булгаковъ цитируетъ неоднократно Фр. Бензинга, автора «Спеціальной монографіи о сельско-хозяйственныхъ машинахъ», какъ онъ его

*) Герцъ съ особенно „побѣдоноснымъ" видомъ настаиваетъ на этомъ, доказывая невѣрность „абсолютнаго" сужденія (S. 65, рус. пер. 156), что паровой плугъ „при всякихъ обстоятельствахъ" выше упряжнаго. Это вотъ именно называется ломиться въ открытую дверь!

Digitized by Google

аттестуетъ (I, 44). Было бы большой несправедливостью, если бы мы не отмѣтили и въ данномъ случаѣ, *какъ* цитируетъ г. Булгаковъ, и *какъ* побиваютъ его имъ же вызываемые свидѣтели.

Утверждая, что «конструкція» Маркса о болѣе быстромъ ростѣ постояннаго капитала по сравненію съ перемѣннымъ неприложима къ земледѣлію, г. Булгаковъ ссылается на необходимость все большей затраты рабочей силы по мѣрѣ увеличенія производительности земледѣлія и цитируетъ, между прочимъ, разсчетъ Бензинга. «Общая потребность въ человѣческомъ трудѣ выражается при разныхъ системахъ хозяйства такъ: при трехпольномъ хозяйствѣ - 712 рабочихъ дней; при норфолькскомъ плодоперемѣнномъ хозяйствѣ — 1615 рабочихъ дней; при плодоперемѣнномъ хозяйствѣ съ значительнымъ производствомъ свеклы — 2608 рабочихъ дней на 60 гекторовъ». (Franz Benzing: Der Einfluss der lanwirtschaftichen Maschinen auf Volks—und Privatwirtschaft. Breslau 1897, S. 42. Булгаковъ, I. 32). Бѣда только въ томъ, что Бензингъ этимъ разсчетомъ хочетъ доказать именно растущую роль машинъ; примѣняя эти цыфры ко всему сельскому хозяйству Германіи, Бензингъ вычисляетъ, что наличныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ хватило бы только для обработки земли по трехпольной системѣ, и что, слѣдовательно, введеніе плодоперемѣнной было бы вообще не *возможно*, если бы не примѣнялись машины. Такъ какъ извѣстно, что при господствѣ стараго трехполья машины почти совсѣмъ не употреблялись, то разсчетъ Бензинга доказываетъ *обратное* тому, что хочетъ доказать г. Булгаковъ; именно: этотъ разсчетъ доказываетъ, что ростъ производительности земледѣлія необходимо долженъ былъ идти въ связи съ болѣе быстрымъ ростомъ постояннаго капитала по отношенію къ перемѣнному.

Другой разъ, утверждая, что «существуетъ коренная (sic!) разница между ролью машины въ обрабатывающей промышленности и земледѣліи», г. Булгаковъ цитируетъ слова Бензинга: «Сельско-хозяйственныя машины неспособны къ такому безграничному повышенію производства. какъ промышленныя»... (I, 44). И опять не везетъ г. Булгакову. Бензингъ отмѣчаетъ эту, вовсе не «коренную», разницу между земледѣльческими и промышленными машинами въ началѣ VI-ой главы, которая озаглавлена: «Вліяніе сельско-хозяйственныхъ машинъ на валовой доходъ». Разобравъ подробно по отношенію къ каждому отдѣльному виду машинъ данныя спеціальной сельско-хозяйственной литературы и особо произведенной имъ анкеты, Бензингъ получаетъ такой общій выводъ: увеличеніе валовой выручки получается при употре-

Digitized by Google

леніи парового плуга на 10 процентовъ, рядовой сѣялки—на 10 процентовъ, молотилки—на 15 процентовъ; кромѣ того, рядовая сѣялка сберегаетъ 20 процентовъ сѣмянъ, и только при употребленіи машины для сбора картофеля замѣчается пониженіе валовой выручки на 5 процентовъ. Утвержденіе г. Булгакова: «Во всякомъ случаѣ, паровой плугъ есть единственная изъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, въ пользу которой могутъ быть приведены извѣстныя техническія соображенія» (I,48)—*во всякомъ случаѣ* опровергнуто тѣмъ самымъ Бензингомъ, на котораго неосторожный г. Булгаковъ тутъ же ссылается.

Чтобы дать возможно болѣе точное и цѣльное представленіе о значеніи машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, Бензингъ даетъ рядъ подробнѣйшихъ разсчетовъ о результатахъ хозяйничанья безъ машинъ, съ одной, двумя, и т. д. и, наконецъ, со всѣми важнѣйшими машинами, включая и паровой плугъ и сельско-хозяйственныя подвозныя желѣзныя дороги (Feldbahnen). Оказывается, что при отсутствіи машинъ валовая выручка=69040 маркамъ, расходъ=68615 м., чистый доходъ=425 м., или по 1,37 м. съ гектара, а при употребленіи всѣхъ важнѣйшихъ машинъ валовой доходъ=81078 м., расходъ=62551,5 м., чистый доходъ 18526,5 м. т. е., по 59,76 м. съ гектара; то-есть, *болѣе, чѣмъ въ сорокъ разъ выше.* И это вліяніе однѣхъ только машинъ, ибо система хозяйства предположена неизмѣнной! Что примѣненіе машинъ сопровождается, какъ показываютъ тѣ же разсчеты Бензинга, громаднымъ ростомъ постояннаго капитала и *уменьшеніемъ* перемѣннаго (т. е., капитала, расходуемаго на рабочую силу и самого числа рабочихъ), это разумѣется само собою. Однимъ словомъ, работа Бензинга всецѣло опровергаетъ г. Булгакова и доказываетъ, какъ превосходство крупнаго хозяйства въ земледѣліи, такъ и примѣнимость къ послѣднему закона о ростѣ постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго.

Одно только сближаетъ г. Булгакова и Бензинга: это то, что послѣдній стоитъ на чисто буржуазной точкѣ зрѣнія, совершенно не понимаетъ присущихъ капитализму противорѣчій и преблагодушно закрываетъ глаза на вытѣсненіе рабочихъ машинами и т. п. О Марксѣ этотъ умѣренный и аккуратный ученикъ нѣмецкихъ профессоровъ говоритъ съ такой же ненавистью, какъ и г. Булгаковъ. Только Бензингъ послѣдовательнѣе: онъ называетъ Маркса «противникомъ машинъ», вообще, и въ земледѣліи и въ промышленности, такъ какъ, дескать, Марксъ «извращаетъ факты», толкуя о вредномъ вліяніи машинъ на рабочихъ и, вообще, приписывая машинамъ всякія бѣды. (Benzing, I cap. S. 4, 5, 11). Отношеніе

Digitized by Google

г. Булгакова къ Бензингу паки и паки показываетъ намъ, что перенимаютъ у буржуазныхъ ученыхъ «критики», и на что они смотрятъ сквозь пальцы.

Какого сорта «критика» Герца, это достаточно видно изъ такого примѣра: на стр. 159 (р. пер.) онъ обвиняетъ Каутскаго въ «фельетонныхъ пріемахъ» и на стр. 150 «опровергаетъ» утвержденіе о превосходствѣ крупнаго производства по употребленію машинъ слѣдующими доводами: 1. Посредствомъ товариществъ покупка машинъ *доступна* и мелкимъ хозяйствамъ. Это, изволите видѣть, опровергаетъ *фактъ* большой распространенности машинъ въ крупныхъ хозяйствахъ! Кому болѣе *доступны* блага товарищескаго соединенія, объ этомъ мы во второмъ очеркѣ особо побесѣдуемъ съ Герцомъ. 2. Давидъ показалъ въ «Socialistische Monatshefte» (V, 2), что употребленіе машинъ въ мелкихъ хозяйствахъ «широко распространено и сильно возрастаетъ... что и рядовая сѣялка часто (sic!) встрѣчается даже въ очень мелкихъ хозяйствахъ. То же самое съ сѣнокосилками и другими машинами» (S. 63, стр. 151 р. пер.) А если читатель обратится къ статейкѣ Давида, то увидитъ, что онъ будетъ *абсолютныя цыфры* о числѣ хозяйствъ, употреблявшихъ машины, а не процентное отношеніе этихъ хозяйствъ ко всему числу хозяйствъ этой группы (какъ дѣлаетъ, разумѣется, Каутскій).

Сопоставимъ эти цыфры, относящіяся ко всей Германіи за 1895 годъ*).

Группы хозяйствъ.	Всего хозяйствъ	Въ томъ числѣ употреблявшихъ машины					
		Сѣялки.	%	Рядовыя сѣялки.	%	Косилки и жатки.	%
До 2 ha	3236367	214	0,01	14735	0 46	245	0,01
2— 5 ha	1016318	551	0,05	13088	1,29	600	0.06
5—20 ha	998804	3252	0,33	48751	4,88	6746	0,68
20—100 ha	281767	12091	4,29	49852	17,69	19535	6,93
100 и б. ha	25061	12565	50,14	14366	57,32	7958	31,75
Всего .	5558317	28673	0.52	140792	2,54	35084	0,63

) Stat. d. D. R. 112. Bd., S. 36.

Digitized by Google

Неправда ли, какъ подтверждается этимъ слова Давида и Герца, что сѣяки и косилки «часто» встрѣчаются «даже въ очень мелкихъ хозяйствахъ»? И если Герцъ дѣлаетъ «выводъ», что «со стороны статистики утвержденіе Каутскаго совершенно не выдерживаетъ критики», то на чьей стороны наблюдаемъ мы въ самомъ дѣлѣ поистинѣ фельетонные пріемы?

Какъ курьезъ надо отмѣтить, что, отрицая превосходство крупнаго хозяйства по употребленію машинъ, отрицая вызываемый этимъ фактъ чрезмѣрнаго труда и недостаточнаго потребленія въ мелкомъ хозяйствѣ, «критики» сами, однако, когда имъ приходится касаться фактическаго положенія дѣлъ (и когда они забываютъ о своей «главной задачѣ»—опроверженіи «ортодоксальнаго» марксизма), безпощадно себя побиваютъ. «Крупное хозяйство—говоритъ, напр. г. Булгаковъ во II томѣ своей книги (стр. 115)—работаетъ всегда капиталоинтенсивнѣе, чѣмъ мелкое, и потому, естественно, отдаетъ предпочтеніе механическимъ факторамъ производства сравнительно съ живою рабочей силой». Что г. Булгаковъ, въ качествѣ «критика, склоняется» вслѣдъ за гг. Струве и Туганъ-Барановскимъ, къ вульгарной экономіи, противополагая механическіе «*факторы* производства» живымъ, это, дѣйствительно, вполнѣ «естественно». Но естественно ли было, что онъ такъ неосторожно отрицалъ превосходство крупнаго хозяйства?

О концентраціи въ сельско хозяйственномъ производствѣ г. Булгаковъ выражается не иначе, какъ «мистическій законъ концентраціи» и т. п. Но вотъ приходится ему имѣть дѣло съ англійскими данными, и оказывается, что тенденція къ концентраціи фермъ имѣло мѣсто съ 50-хъ годовъ до конца 70-хъ. «Мелкія потребительскія хозяйства,—пишетъ г. Булгаковъ—соединялись въ болѣе крупныя. *Эта* консолидація земельныхъ участковъ въ представляется отнюдь не результатомъ борьбы крупнаго и мелкаго производства (?), а сознательнаго (!?) стремленія лэндъ-лордовъ къ повышенію своей ренты соединеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяйствъ, платившихъ весьма низкую ренту, въ крупное, могущее платить большую ренту» (I, 239). Вы понимаете, читатель: не борьба крупнаго съ мелкимъ, а вытѣсненіе второго, какъ малодоходнаго, первымъ? «Разъ хозяйство поставлено на капиталистическую ногу, то безспорно, что въ извѣстныхъ границахъ крупное капиталистическое хозяйство имѣетъ несомнѣнныя преимущества надъ мелкимъ капиталистическимъ». (239—240. I) Если это безспорно, то зачѣмъ же такъ шумитъ г. Булгаковъ и шумѣлъ (въ «Началѣ») противъ Каутскаго, который

Digitized by Google

начинаетъ свою главу о крупномъ и мелкомъ производствѣ (въ «Аграрномъ вопросѣ») заявленіемъ: «Чѣмъ болѣе капиталистическимъ становится сельское хозяйство. тѣмъ болѣе развиваетъ оно качественное различіе въ техникѣ между крупнымъ и мелкимъ производствомъ?»

Но не только періодъ процвѣтанія земледѣлія въ Англіи, но и періодъ кризиса приводитъ къ неблагопріятнымъ для мелкаго хозяйства выводамъ. Отчеты коммиссіи за послѣдніе годы «съ удивительной настойчивостью утверждаютъ, что наиболѣе тяжело кризисъ легъ именно на мелкихъ хозяевъ» (I, 311). «Дома ихъ— говоритъ одинъ отчетъ про мелкихъ собственниковъ– хуже среднихъ коттэджей рабочихъ... Работа всѣхъ ихъ удивительно тяжела и значительно продолжительнѣе, чѣмъ рабочихъ; причемъ, многіе изъ нихъ говорятъ, что они не находятся въ столь выгодномъ матеріальномъ положеніи, какъ послѣдніе, что они живутъ не такъ хорошо и рѣдко ѣдятъ свѣжее мясо»... Йомены, обремененные ипотеками. погибли первыми (I, 316)... «Они экономятъ во всемъ такъ, какъ это дѣлаютъ лишь немногіе рабочіе»... «Мелкіе фермеры еще справляются до тѣхъ поръ, пока пользуются неоплаченнымъ трудомъ членовъ семьи»... «Что жизнь мелкаго фермера безконечно тяжелѣе, чѣмъ работника,—едва ли нужно добавлять» (I, 321). Мы привели эти выписки, чтобъ читатель могъ судить о правильности слѣдующаго вывода г. Булгакова: «Жестокое разореніе хозяйствъ, сохранившихся до эпохи аграрнаго кризиса, говоритъ только (!!) о томъ, что мелкіе производители въ подобныхъ случаяхъ погибаютъ скорѣе, чѣмъ крупные,—не болѣе (sic!!). Сдѣлать отсюда какое либо общее заключеніе объ ихъ общей экономической жизнеспособности совершенно невозможно, ибо въ эту эпоху оказалось несостоятельнымъ все англійское земледѣліе» (I, 333). Неправда ли, хорошо? И г. Булгаковъ въ главѣ объ общихъ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства даже обобщаетъ этотъ замѣчательный способъ разсужденія: «Внезапное паденіе цѣны тяжело отзывается на всѣ формы (всѣхъ формахъ?) производства, но крестьянское, какъ наиболѣе слабое капиталомъ, естественно,—менѣе устойчиво, чѣмъ крупное (что нимало не затрагиваетъ вопросъ объ его общей жизнеспособности)» (II, 247). Итакъ. въ капиталистическомъ обществѣ слабыя капиталомъ хозяйства менѣе устойчивы, но это не затрагиваетъ ихъ «общей» жизнеспособности!

Не лучше обстоитъ дѣло въ отношеніи послѣдовательности разсужденіи и у Герца. Онъ «опровергаетъ» (охарактеризованными выше пріемами) Каутскаго, но когда рѣчь заходитъ объ

Digitized by Google

Америкѣ, онъ признаетъ преимущество ея болѣе крупныхъ хозяйствъ, допускающихъ «въ гораздо большей степени примѣненіе машинъ, чего не допускаетъ наше парцельное хозяйство». (S. 36. р. п. 93); онъ признаетъ, что «европейскій крестьянинъ хозяйничаетъ часто, придерживаясь устарѣлыхъ, рутинныхъ способовъ производства, надрываясь (robotend) надъ кускомъ хлѣба, какъ рабочій, не стремясь къ лучшему» (тамъ же). Герцъ признаетъ и вообще, что «мелкое производство примѣняетъ сравнительно больше труда, чѣмъ крупное» (S, 74 р. п. 175); онъ могъ бы съ успѣхомъ подѣлиться съ г. Булгаковымъ данными о повышеніи урожаевъ, вслѣдствіе введенія парового плуга (S. 67/68 р. п. 162/63) и т. д.

Естественнымъ спутникомъ неустойчивости теоретическихъ воззрѣній нашихъ критиковъ на значеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ является безпомощное повтореніе ими чисто реакціонныхъ выводовъ аграріевъ, настроенныхъ противъ машинъ. Герцъ еще очень нерѣшителенъ, правда, въ этомъ щекотливомъ пунктѣ; говоря о «затрудненіяхъ», которыя ставитъ сельское хозяйство введенію машинъ, онъ замѣчаетъ: «Высказывается мнѣніе, что зимой остается столько свободнаго времени, что ручная молотьба бываетъ выгоднѣе (S. 65 р. пер. 156/57). Герцъ склоненъ, видимо, заключить отсюда, со свойственной ему логичностью, что этотъ фактъ говоритъ не противъ мелкаго производства, не противъ капиталистическихъ препятствій введенію машинъ, а противъ машинъ! Зато г. Булгаковъ недаромъ выговариваетъ Герцу, что онъ «слишкомъ связанъ мнѣніями своей партіи!» (II, 287). Россійскій профессоръ, конечно, выше такихъ унизительныхъ «связей» и гордо заявляетъ: «Я достаточно свободенъ отъ столь распространеннаго, особенно въ марксистской литературѣ, предразсудка, согласно которому нужно видѣть прогрессъ во всякой машинѣ» (I, 48). Къ сожалѣнію, полету мысли въ этомъ великолѣпномъ разсужденіи совершенно не соотвѣтствуютъ конкретные выводы. «Паровая молотилка, — пишетъ г. Булгаковъ, — лишивъ многихъ и многихъ рабочихъ зимнихъ занятій, была, несомнѣнно, значительнымъ зломъ для рабочихъ, которое не окупалось техническими выгодами*). На это указываетъ м. пр. Гольцъ, который выставляетъ даже утопическое пожела-

*) Ср. т. I, стр. 51: „...паровая молотилка... выполняетъ главную работу и безъ того бѣднаго работами зимняго періода (полезность этой машины для всего [sic!!] сельскаго хозяйства поэтому болѣе, чѣмъ сомнительно; мы еще встрѣтимся съ этимъ фактомъ]".

Digitized by Google

ніе» (II, 103), именно пожеланіе *ограничить* употребленіе молотилки, особенно паровой, «для улучшенія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ—добавляетъ Гольцъ—а также для уменьшенія эмиграціи и миграціи» (подъ миграціей, вѣроятно, Гольцъ имѣетъ въ виду, добавимъ отъ себя, переселеніе въ города).

Напомнимъ читателю, что именно эту идею Гольца отмѣтилъ въ своемъ «Аграрномъ вопросѣ» и Каутскій. Небезынтересно, поэтому, сравнить отношеніе къ конкретному вопросу экономіи (значеніе машинъ) и политики (не ограничить-ли?) узкаго ортодокса, погрязающаго въ марксистскихъ предразсудкахъ, и современнаго критика, прекрасно воспринявшаго весь духъ «критицизма»

Каутскій говоритъ (Agrarfrage, s. 41) что Гольцъ приписываетъ молотилкѣ особенно «вредное вліяніе»: она отнимаетъ у сельскихъ рабочихъ ихъ главное зимнее занятіе, гонитъ ихъ въ города, усиливаетъ обезлюденіе деревни. И Гольцъ предлагаетъ ограничить употребленіе молотилки. предлагаетъ—добавляетъ Каутскій—«повидимому въ интересахъ рабочихъ, а на самомъ дѣлѣ въ интересахъ помѣщиковъ, для которыхъ», какъ говоритъ самъ Гольцъ, «проистекающій отъ такого ограниченія убытокъ будетъ съ избыткомъ возмѣщенъ—если и не тотчасъ, то въ будущемъ—увеличеніемъ числа рабочихъ силъ на лѣтнее время». «Къ счастью,—продолжаетъ Каутскій,—это консервативное дружелюбіе по отношенію къ рабочимъ есть не что иное, какъ реакціонная утопія. Молотилка слишкомъ выгодна «тотчасъ», чтобъ помѣщики могли отказаться отъ ея употребленія ради прибыли «въ будущемъ». И потому молотилка будетъ продолжать свою революціонную работу: она будетъ гнать сельскихъ рабочихъ въ города, она станетъ вслѣдствіе этого могучимъ орудіемъ, съ одной стороны, повышенія заработныхъ платъ въ деревнѣ, съ другой стороны, дальнѣйшаго развитія сельско-хозяйственнаго машиностроенія».

Отношеніе г. Булгакова къ такой постановкѣ вопроса соціаль-демократомъ и аграріемъ въ вышей степени характерно: это маленькій образчикъ той позиціи, которую заняла, вообще, вся современная «критика» между партіей пролетаріата и партіей буржуазіи. Критикъ, разумѣется, не такъ узокъ и не такъ шаблоненъ, чтобъ стать на точку зрѣнія классовой борьбы и революціонизованія всѣхъ общественныхъ отношеній капитализмомъ. Но, съ другой стороны, хотя нашъ критикъ и «поумнѣлъ», все же воспоминанія о томъ времени, когда онъ былъ «молодъ и глупъ» и раздѣлялъ предразсудки марксизма,— не позволяютъ ему

Digitized by Google

цѣликомъ принять программу его новаго товарища, аграрія, совершенно резонно и послѣдовательно заключающаго отъ вреда машины «для *всего* сельскаго хозяйства», къ пожеланію: запретить! И нашъ добрый критикъ оказывается въ положеніи буриданова осла между двумя вязанками сѣна: съ одной стороны, онъ утратилъ уже всякое пониманіе классовой борьбы и способенъ теперь говорить о вредѣ машинъ для «*всего* сельскаго хозяйства», забывая, что *всѣмъ* современнымъ сельскимъ хозяйствомъ руководятъ на первомъ планѣ предприниматели, думающіе только о своей прибыли; онъ настолько забылъ тѣ «зады юности», когда онъ былъ марксистомъ, что ставитъ уже нелѣпѣйшій вопросъ: «окупаютъ» ли техническія выгоды машины ея вредное дѣйствіе на рабочихъ (и это вредное дѣйствіе оказываетъ не одна паровая молотилка, а ихъ паровой плугъ и косилка и зерноочистительная машина и пр.)? Онъ не замѣчаетъ даже, что аграрій хочетъ, въ сущности, только болѣе глубокаго порабощенія рабочаго зимой и лѣтомъ. Но, съ другой стороны, онъ смутно вспоминаетъ тотъ устарѣлый «догматическій» предразсудокъ, что запрещеніе машинъ есть утопія. Бѣдный г. Булгаковъ, выпутается-ли онъ изъ этого непріятнаго положенія?

Интересно отмѣтить, что наши критики, стараясь всячески ослабить значеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ, выставляя даже «законъ убывающаго плодородія почвы», забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о томъ новомъ техническомъ переворотѣ земледѣлія, который подготовляетъ электротехника. Напротивъ, Каутскій,—который, по болѣе чѣмъ несправедливому сужденію г. П. Маслова, сдѣлалъ существенную ошибку, совершенно не опредѣливши, въ какомъ направленіи идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи („Жизнь", 1901 № 3 стр. 171), —Каутскій указалъ на значеніе электричества въ земледѣліи еще въ 1899 году (Agrarfrage). Въ настоящее время признаки грядущаго техническаго переворота намѣчается уже яснѣе. Дѣлаются попытки освѣтить теоретически значеніе электротехники въ земледѣліи (см. Dr Otto Pringsheim: «Landwirtschaftliche Manufaktur und elektrische Landschaft», Brauns Archiv, XV, 1900, S. 406 – 418. и статью К. Каутскаго въ Neue Zeit XIX, 1, 1900 —1901, № 18, Die Elektrizität in der Landwirtschaft); раздаются голоса практиковъ-помѣщиковъ. описывающихъ свои опыты по примѣненію электричества (Принсгеймъ цитируетъ книжку Адольфа Зейффергельда, разсказывающаго объ опытѣ въ своемъ хозяйствѣ), видящихъ въ электричествѣ средство сдѣлать снова земледѣліе доходнымъ, призывающихъ правительство и помѣщи-

Digitized by Google

ковъ къ устройству центральныхъ силовыхъ станцій и массовому производству электрической силы для сельскихъ хозяевъ (въ Кенигсбергѣ вышла въ прошломъ году книга помѣщика изъ восточной Пруссіи, П. Мака—P. Mack «Der Aufschwung unseres Landwirthschaftsbetriebes durch Verbilligung der Productionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentechnik und Elektrizität der Landwirthschaft bieten»).

Прингсгеймъ дѣлаетъ очень вѣрное, на нашъ взглядъ, замѣчаніе, что современное земледѣліе—по общему уровню его техники, да пожалуй и экономики—ближе подходитъ къ той стадіи развитія промышленности, которую Марксъ назвалъ «мануфактурой». Преобладаніе ручного труда и простой кооперації, спорадическое примѣненіе машинъ, мелкіе, сравнительно, размѣры производства (если считать, напр., по суммѣ ежегодно продаваемыхъ однимъ предпріятіемъ продуктовъ), сравнительно мелкіе, въ большинствѣ случаевъ, размѣры рынка; связь крупнаго производства съ мелкимъ (причемъ послѣднее, подобно кустарямъ въ ихъ отношеніи къ крупному хозяину мануфактуры, доставляетъ рабочую силу первому,—или первое скупаетъ «полуфабрикатъ» у второго; напр., крупные хозяева скупаютъ свеклу, скотъ и т. п. у мелкихъ),—всѣ эти признаки, дѣйствительно, говорятъ за то, что земледѣліе еще не достигло ступени настоящей «крупной машинной индустріи въ смыслѣ Маркса. Въ земледѣліи еще нѣтъ «системы машинъ», связанныхъ въ одинъ производительный механизмъ.

Не надо, конечно, утрировать этого сравненія: съ одной стороны есть особенности земледѣлія, которыя абсолютно неустранимы (если оставить въ сторонѣ слишкомъ отдаленную и слишкомъ проблематическую возможность лабораторнаго приготовленія бѣлка и пищи). Вслѣдствіе этихъ особенностей крупная машинная индустрія въ земледѣліи никогда не будетъ отличаться *всѣми* тѣми чертами, которыя она имѣетъ въ промышленности. Съ другой стороны, и въ мануфактурѣ крупное производство въ промышленности достигло уже преобладанія и значительнаго техническаго превосходства надъ мелкимъ. Это превосходство мелкій промышленникъ пытался долгое время парализовать тѣмъ удлиненіемъ рабочаго дня и сокращеніемъ потребностей, которое такъ характерно и для кустаря и для современнаго мелкаго крестьянина. Преобладаніе ручного труда въ мануфактурѣ давало еще нѣкоторую возможность мелкому производству держаться посредствомъ подобныхъ «героическихъ» средствъ. но тѣ люди, которые обольщались этимъ и говорили о жизнеспособности кустаря (подобно тому, какъ нынѣшніе критики говорятъ о жизнеспособности кресть-

Digitized by Google

янина), оказывались очень быстро опровергнутыми той «временной тенденціей», которая парализуетъ «универсальный законъ» техническаго застоя. Напомнимъ, для примѣра, русскихъ изслѣдователей кустарнаго ткачества въ Московской губерніи въ 70-хъ годахъ. По отношенію къ хлопчатобумажному ткачеству — говорили они — дѣло ручного ткача проиграно: машина взяла верхъ, но, вотъ, зато въ области шелковаго ткачества кустари еще могутъ держаться, машины еще далеко не такъ усовершенствованы. Прошло два десятилѣтія — и техника отняла у мелкаго производства еще одно изъ его послѣднихъ убѣжищъ, какъ бы говоря, — тѣмъ, кто имѣетъ уши, чтобы слушать, и глаза, чтобы видѣть, — что экономистъ всегда долженъ смотрѣть впередъ, въ сторону прогресса техники, иначе онъ немедленно окажется отставшимъ, ибо кто не хочетъ смотрѣть впередъ, тотъ поворачивается къ исторіи задомъ: середины тутъ нѣтъ и быть не можетъ.

«Писатели, которые, подобно Герцу, трактовали о конкурренціи мелкаго и крупнаго производства въ земледѣліи, игнорируя при этомъ роль электротехники, должны будутъ сызнова начать свое изслѣдованіе» — мѣтко замѣтилъ Прингсгеймъ, и его замѣчаніе съ еще большей силой падаетъ на двухтомный трудъ г. Булгакова.

Электрическая энергія дешевле паровой силы; она отличается большей дѣлимостью, ее гораздо легче передавать на очень большія разстоянія; ходъ машинъ при этомъ правильнѣе и спокойнѣе, — она гораздо удобнѣе поэтому примѣняется и къ молотьбѣ, и къ паханью, и къ доенью, и къ рѣзкѣ корма скоту*) и проч. Каутскій описываетъ одну изъ венгерскихъ латифундій**), въ которой электрическая энергія проведена съ центральной станціи по всѣмъ направленіямъ въ отдаленныя части имѣнія, служа для приведенія въ дѣйствіе сельско-хозяйственныхъ машинъ, для рѣзки свеклы, для подъема воды, для освѣщенія и пр. и пр. Для доставки 300 гектолитровъ воды ежедневно изъ колодца, глубиной въ 29 метровъ, въ резервуаръ, высотой въ 10 метровъ, и для приготовленія корма для 240 коровъ, 200 телятъ и 60 рабочихъ воловъ и лошадей, т. е., для рѣзки, рубки свеклы и т. п. требовалось зимой двѣ пары лошадей, лѣтомъ — одна пара, что стоило 1500 гульденовъ. Вмѣсто лошадей работаетъ теперь 2-хъ и 3-хъ сильный моторъ, работа которыхъ обходится, считая покрытіе

*) Къ свѣдѣнію смѣлаго г. Булгакова, который смѣло и неосновательно говоритъ о „такихъ отрасляхъ сельско-хозяйственнаго производства, которыя совсѣмъ недоступны машинамъ, напр. „скотоводство" (I,49).

**) Еще разъ къ свѣдѣнію г. Булгакова, толкующаго о „латифундіарномъ вырожденіи крупнаго хозяйства"!.

Digitized by Google

всѣхъ расходовъ, въ 700 гульденовъ, т. е., на 800 гульденовъ меньше. (Kautsky, 1 с.). Макъ разсчитываетъ стоимость коннаго рабочаго дня въ три марки, а при замѣнѣ его электричествомъ та же работа обходится въ 40 – 75 пфенниговъ, т. е., на 400—700% дешевле. Если бы лѣтъ черезъ 50 или больше—говоритъ онъ—$1^{3}/_{4}$ милліона лошадей въ германскомъ земледѣліи были замѣнены электрической силой (въ 1895 году въ германскомъ земледѣліи употреблялось для полевыхъ работъ 2,6 милліона лошадей+1,0 милліона воловъ+2 3 милліона коровъ, въ томъ числѣ у хозяйствъ выше 20 ha 1,4 милліона лошадей и 0,4 мил. воловъ),—то это уменьшило бы расходы съ 1003 милліоновъ марокъ до 261 милліона, т. е. на 742 милліона марокъ. Громадная площадь, дающая кормъ для скота могла бы быть обращена на производство пищи людямъ, на улучшеніе питанія рабочихъ, которыхъ г. Булгаковъ такъ пугаетъ «сокращеніемъ даровъ природы», «хлѣбнымъ вопросомъ» и т. п. Макъ настойчиво рекомендуетъ соединеніе земледѣлія съ промышленностью для постояннаго эксплуатированія электрической энергіи; рекомендуетъ прорытіе мазурскаго канала который могъ бы питать электрической силой 5 центральныхъ станцій, раздающихъ энергію на 20—25 километровъ вокругъ сельскимъ хозяевамъ; рекомендуетъ утилизацію торфа для той же цѣли; требуетъ объединенія сельскихъ хозяевъ: «только въ товарищескомъ объединеніи съ индустріей и крупнымъ капиталомъ возможно сдѣлать снова прибыльной нашу отрасль промышленности» (Mack, S. 48). Разумѣется, примѣненіе новыхъ способовъ производства встрѣтитъ массу затрудненій и пойдетъ не гладкимъ, а зигзагообразнымъ путемъ, но что оно пойдетъ, что революціонизованіе земледѣлія неизбѣжно — въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. «Замѣна большей части упряжекъ электромоторами означаетъ,—справедливо говоритъ Прингсгеймъ—возможность системы машинъ въ земледѣліи... Чего не могла сдѣлать сила пара, того навѣрное достигнетъ электротехника, а именно: превращенія сельскаго хозяйства изъ старой мануфактуры въ современное крупное производство (I с., p. 414).

Мы не будемъ распространяться о томъ, какую гигантскую побѣду крупнаго производства будетъ означать (отчасти означаетъ уже) введеніе электротехники въ земледѣліе,—это обстоятельство слишкомъ очевидно, чтобъ на немъ настаивать. Посмотримъ лучше, въ какихъ современныхъ хозяйствахъ имѣются на лицо зародыши этой «системы машинъ», которую пуститъ въ ходъ центральная силовая станція. Вѣдь, для системы машинъ нужно сначала употребленіе различныхъ машинъ на опытѣ, нужны примѣры совмѣстнаго употребленія многихъ машинъ. Отвѣтъ на

Digitized by Google

этотъ вопросъ даютъ свѣдѣнія германской переписи земледѣльческихъ хозяйствъ 14 іюня 1895 года. Мы имѣемъ данныя о числѣ хозяйствъ каждой группы, употреблявшихъ свои или чужія машины (г. Булгаковъ ошибается, приведя на 114 стр. второго тома часть этихъ данныхъ и думая, что они относятся къ числу *машинъ*. Кстати: свѣдѣнія о числѣ хозяйствъ, употреблявшихъ машины свои или чужія, представляютъ, разумѣется, превосходство крупнаго производства болѣе слабымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Крупные хозяева чаще имѣютъ собственныя машины, чѣмъ мелкіе, переплачивающіе за пользованіе ими). Данныя эти относятся къ употребленію или машинъ вообще, или каждаго рода машинъ въ отдѣльности, такъ что мы не можемъ опредѣлить *по скольку* машинъ употребляли хозяйства разныхъ группъ. Но если мы сложимъ для каждой группы число всѣхъ хозяйствъ, употреблявшихъ каждый отдѣльный родъ машинъ, то получимъ *число случаевъ употребленія* всякихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Приводимъ обработанныя, такимъ образомъ, данныя, показывающія, какъ подготовляется «система машинъ» въ земледѣліи:

Размѣры хозяйствъ.	На сто хозяйствъ приходится:	
	Хозяйствъ, употреблявшихъ с.-х. машины вообще (1895).	Случаевъ употребленія той или другой с.-х. машины (1895).
До 2 ha	2,03	2,30
2— 5 »	13,81	15,46
5— 20 »	45,80	56,04
20—100 »	78,79	128,46
100 и б. »	94,16	352,34
Всего	16,36	22,36

Итакъ, въ мелкихъ хозяйствахъ до 5 гектаровъ (такихъ хозяйствъ болѣе трехъ четвертей всего числа, 4,1 милл. изъ 5,5 милл., т. е. 75,5%; но у нихъ только 5 милл. гектаровъ земли изъ $32^1/_2$ милл., т. е., 15,6%)—число *случаевъ* употребленія какихъ бы то ни было сельско-хозяйственныхъ машинъ (мы сосчитали вмѣстѣ и машины для молочнаго хозяйства) совершенно ничтожно. Въ среднихъ хозяйствахъ (15—20 ha) меньше половины хозяйствъ

Digitized by Google

употребляютъ вообще машины, и на 100 хозяйствъ приходится только 56 случаевъ употребленія сельско-хозяйственныхъ машинъ. Только въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ *) мы видимъ, что *большинство* хозяйствъ (3/4—9/10) употребляютъ машины, и *начинаетъ складываться система машинъ:* на каждое хозяйство приходится болѣе одного случая употребленія машинъ. Употребляется, слѣдовательно, по нѣсколько машинъ въ одномъ хозяйствѣ; напр. хозяйства выше 100 ha употребляли каждое *около 4-хъ машинъ* (352% на 94% употреблявшихъ вообще). Изъ 572 латифундій (хозяйствъ съ 1000 и болѣ ha) 555 употребляли машины, и число случаевъ употребленія машинъ равняется 2800, т. е., каждое хозяйство употребляло *по пяти машинъ*. Понятно отсюда, какія хозяйства подготовляютъ «электрическую» революцію и какія больше всего ею воспользуются.

IV.

Отъ Герца перейдемъ къ Чернову. Такъ какъ послѣдній только «бесѣдуетъ» по поводу перваго, то мы ограничимся здѣсь краткой характеристикой пріемовъ разсужденія Герца (и пріемовъ перефразировки его г. Черновымъ), чтобы перейти (въ слѣдующемъ очеркѣ) къ разбору нѣкоторыхъ новыхъ, выдвигаемыхъ «критиками», фактическихъ данныхъ.

Что представляетъ изъ себя Герцъ въ качествѣ теоретика, это достаточно показать на *одномъ* примѣрѣ. Въ самомъ началѣ его книги мы встрѣчаемъ параграфъ, носящій претенціозное заглавіе: «Понятіе національнаго капитализма». Герцъ хочетъ не больше и не меньше, какъ дать опредѣленіе капитализму. «Мы можемъ, конечно,—пишетъ онъ, охарактеризовать его, какъ такую народно-хозяйственную систему, которая *юридически* основывается на вполнѣ проведенныхъ принципахъ свободы личности и собственности, *технически*—на производствѣ въ широкихъ»(крупныхъ?)«размѣрахъ*), *соціально*—на отдѣленіи средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей, *политически*—на обладаніе капиталистами центральной политической властью» (концентрированной политической силой государства?) «въ силу одного экономическаго основанія распредѣленія соб-

*) Выше 20 ha только 0,3 милл. хозяйствъ изъ 5,5 млнл., т. е, только 5,5% всего числа, но у нихъ 17,7 милл. гектаровъ земли изъ 32,5, т. е., 54,4% всей сельско-хозяйственной площади.

*) Г. В. Черновъ переводитъ (Р. Б. № 4, 132): „на производствѣ, достигшемъ высокой степени развитія". Это онъ ухитрился „понять" такимъ образомъ нѣмецкое выраженіе: „auf grosser Stufenleiter"!!

ственности». (Р. пер., с. 37). «Эти опредѣленія неполны, требуютъ ограниченій,—говоритъ Герцъ,—напр., домашняя работа и мелкая аренда держатся еще вездѣ на ряду съ крупнымъ производствомъ. Не вполнѣ подходящимъ является также *реальное* (sic!) опредѣленіе капитализма, какъ системы, при которой производство находится подъ контролемъ (господствомъ и контролемъ) капиталистовъ (капиталовладѣльцевъ). Неправда-ли, какъ великолѣпно это «реальное» опредѣленіе капитала, какъ господства капиталистовъ? И какъ характерна эта, столь модная въ настоящее время, quasi-реалистическая, а на самомъ дѣлѣ эклектическая погоня за полнымъ перечнемъ всѣхъ отдѣльныхъ признаковъ и отдѣльныхъ «факторовъ». Въ результатѣ, конечно, эта безсмысленная попытка внести въ общее понятіе всѣ частные признаки единичныхъ явленій, или, наоборотъ, «избѣгнуть столкновенія съ крайнимъ разнообразіемъ явленій»—попытка, свидѣтельствующая просто объ элементарномъ непониманіи того, что такое наука,—приводитъ «георетика» къ тому, что за деревьями онъ не видитъ лѣса. Герцъ, напр., забылъ о такой мелочи, какъ товарное производство и превращеніе рабочей силы въ товаръ! Зато онъ сочинилъ слѣдующее *генетическое* опредѣленіе, которое—въ наказаніе сочинителю—слѣдуетъ привести цѣликомъ: капитализмъ —«такое состояніе народнаго хозяйства, въ которомъ осуществленіе принциповъ свободнаго оборота, свободы личности и собственности достигло высшаго (относительно) пункта, опредѣляемаго экономическимъ развитіемъ и эмпирическими условіями каждаго отдѣльнаго народнаго хозяйства» (S. 10. р. пер. 38/39 не вполнѣ точенъ). Г. В. Черновъ, разумѣется, съ восторженнымъ благоговѣніемъ переписываетъ и расписываетъ эти мыльные пузыри, угощая кромѣ того читателей «Русскаго Богатства» на протяженіи цѣлыхъ тридцати страницъ «анализомъ» типовъ національнаго капитализма. Изъ этого высоко-поучительнаго анализа можно извлечь цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ и нисколько не шаблонныхъ указаній,—напр., указаніе на «независимый, гордый и энергическій характеръ британца», на «солидность» англійской буржуазіи и «несимпатичность» ея нынѣшней политики,—на «страстный увлекающійся темпераментъ романской расы» и на «нѣмецкую аккуратность» (стр. 162 въ № 4 «Р. Б.»). «Догматическій» марксизмъ, разумѣется, окончательно уничтоженъ этимъ анализомъ.

Не менѣе сокрушителенъ произведенный Герцомъ анализъ данныхъ объ ипотекахъ. По крайней мѣрѣ, г. Черновъ въ восторгѣ отъ него. «Фактъ тотъ,—пишетъ онъ,—что... данныя Герца еще никѣмъ не опровергнуты. Каутскій въ своемъ отвѣтѣ на книгу

Герца, распространяясь чрезвычайно много по поводу нѣкоторыхъ частностей, (вродѣ доказательства *передержекъ* Герца! Хороши «частности»!) на аргументацію Герца въ вопросѣ объ ипотекахъ *не отвѣчаетъ ни единымъ словомъ*» («Р. Б.» № 10, стр. 217, курсивъ г. Чернова). Какъ видно изъ ссылки на стр. 238 той же книжки «Р. Б.», г. Черновъ знакомъ съ отвѣтной статьей Каутскаго («Zwei kritiker meiner Agrarfrage» въ «Neue Zeit» 18, 1; 1899/1900); г. Черновъ не могъ не знать также, что журналъ, въ которомъ эта статья помѣщена, запрещенъ въ Россіи цензурой. Тѣмъ знаменательнѣе для характеристики всего облика современной «критики» тотъ фактъ, что подчеркнутыя самымъ г. Черновымъ слова заключаютъ въ себѣ *прямую неправду*, ибо Каутскій *отвѣтилъ* по вопросу объ ипотекахъ «Герцу, Давиду, Бернштейну, Шиппелю. Булгакову e tutti guanti»*) на стран. 472—477 *той самой статьи, которую г. Черновъ указываетъ*. Скучная эта обязанность—возстановлять извращенную истину,—но, разъ имѣешь дѣло съ гг. Черновыми,—отъ этой обязанности никакъ не уклониться.

Каутскій отвѣтилъ Герцу, разумѣется, насмѣшкой, ибо Герцъ и въ этомъ вопросѣ обнаружилъ свое неумѣніе или свое нежеланіе понять, что къ чему, и склонность повторять избитые доводы буржуазныхъ экономистовъ. Въ «Agrarfrage» Каутскаго рѣчь шла (S. 88—89) о концентраціи ипотекъ. «Многочисленные мелкіе деревенскіе ростовщики—писалъ Каутскій—все болѣе и болѣе оттѣсняются на второй планъ, уступая мѣсто крупнымъ централизованнымъ капиталистическимъ или общественнымъ учрежденіямъ, монополизующимъ ипотечный кредитъ». Каутскій перечисляетъ нѣкоторыя капиталистическія и общественныя учрежденія этого рода, говоритъ объ обществахъ взаимнаго поземельнаго кредита (genossenschaftliche Bodenkreditinstitute), указываетъ на то, что и *сберегательныя кассы*, и страховыя общества, и многія корпораціи (S. 89) вкладываютъ свои фонды въ ипотеки и т. п. Напр., въ Пруссіи 17 обществъ взаимнаго кредита выпустило къ 1887 г. на 1650 мил. марокъ закладныхъ листовъ. «Эти цифры указываютъ уже на громадную концентрацію поземельной ренты *въ немногихъ центральныхъ учрежденіяхъ* (курсивъ нашъ), но концентрація быстро растетъ. Въ 1875 г. нѣмецкіе ипотечные банки выпустили закладныхъ листовъ на 900 мил. и, въ 1888 г. на 2½ милліарда; въ 1895 г. эта сумма составляла уже 3400 милліоновъ, сконцентрированныхъ въ 31 (въ 1875 г. въ 27) банкѣ» (S. 89). Эта концентрація по-

*) Выраженіе Каутскаго: стран. 472 „N. Z“.

Digitized by Google

земельной ренты указываетъ ясно на концентрацію *поземельной собственности.*

«Нѣтъ—отвѣчаютъ Герцъ, Булгаковъ, Черновъ и Ко.,—мы встрѣчаемъ самую рѣшительную тенденцію къ децентрализаціи, къ раздробленію собственности» («Р. Б.» № 10, 216), ибо болѣе четверти ипотечнаго кредита сосредоточено въ рукахъ демократическихъ (sic!) кредитныхъ учрежденій съ массою мелкихъ вкладчиковъ» (тамъ же). Герцъ съ необычайнымъ усердіемъ, приводя рядъ таблицъ, доказываетъ, что *мелкіе вкладчики* составляютъ массу вкладчиковъ въ сбер. кассы и т. п. Спрашивается только: къ чему все это? Вѣдь на общества взаимнаго кредита и сберегательныя кассы указалъ самъ Каутскій (не воображая, конечно, какъ воображаетъ г. Черновъ, что это особо «демократическія» учрежденія). Каутскій говоритъ о централизаціи ренты въ немногихъ центральныхъ учрежденіяхъ,—а ему указываютъ на массу мелкихъ вкладчиковъ въ сберег. кассы!! И называютъ это «раздробленіемъ собственности»! Да какое же отношеніе къ сельскому хозяйству (рѣчь идетъ о концентраціи ренты) имѣетъ число вкладчиковъ въ ипотечный банкъ? Развѣ крупная фабрика перестаетъ означать централизацію производства на томъ основаніи, что акціи ея распредѣлены среди массы мелкихъ капиталистовъ? «До тѣхъ поръ, пока Герцъ и Давидъ не освѣдомили меня,—писалъ Каутскій въ отвѣтъ Герцу,—я и понятія не имѣлъ о томъ, откуда берутъ сберегательныя кассы свои деньги. Я думалъ, что онѣ орудуютъ съ сбереженіями Ротшильдовъ и Вандербильтовъ».

По поводу передачи ипотекъ въ собственность государства Герцъ говоритъ: «Это было бы очень плохое средство борьбы противъ крупнаго капитала и, конечно, прекрасное средство, чтобы возстановить противъ виновниковъ такой реформы громадную, все увеличивающуюся армію мелкихъ собственниковъ, и въ ихъ числѣ особенно сельскихъ батраковъ» (S. 29, p. p. 78. Г. Черновъ повторяетъ это съ удовольствіемъ на стр. 217/18 «Р. Б.»).

Такъ вотъ кто эти «собственники»: объ увеличеніи числа которыхъ кричатъ Бернштейнъ и Ко.,—отвѣчаетъ Каутскій.—Это служанки съ 20 марками въ сберегательной кассѣ! И такъ старъ и избитъ этотъ доводъ противъ соціалистовъ, что «экспропріаціей» своей они ограбятъ громадную армію трудящихся. Никто иной, какъ Евгеній Рихтеръ съ особеннымъ усердіемъ выдвигалъ этотъ доводъ въ своей брошюрѣ, которую онъ выпустилъ послѣ отмѣны исключительнаго закона противъ соціалистовъ (и которую фабриканты скупали тысячами для даровой роздачи рабчимъ). Въ этой брошюрѣ Евгеній Рихтеръ выдвинулъ свою знаменитую «бережливую Агнессу», бѣдную швею, которая имѣла нѣсколько

десятковъ марокъ въ сберегательной кассѣ и которая была ограблена злыми соціалистами, захватившими государственную власть и превратившими банки въ государственную собственность. Вотъ изъ какого источника черпаютъ свои критическіе доводы Булгаковы*). Герцы и Черновы!

«Въ то время,— говоритъ Каутскій о «знаменитой» брошюрѣ Евг. Рихтера,—Евг. Рихтеръ былъ за это единодушно осмѣянъ всѣми соціаль-демократами. А теперь находятся среди послѣднихъ люди, которые въ нашемъ центральномъ органѣ» (имѣются въ виду статьи, кажется, Давида въ «Vorwarts») «поютъ хвалебную пѣснь сочиненію, повторяющему тѣ же мысли: Герцъ, мы превозносимъ твои подвиги!»

«Для бѣднаго Евгенія на склонѣ его лѣтъ, это—настоящій тріумфъ, и я не могу не привести еще, къ его удовольствію, слѣдующаго мѣста, находящагося на той же страницѣ у Герца: «Мы видимъ, что мелкаго крестьянина, городского домовладѣльца и особенно крупнаго земледѣльца экспропріируютъ именно низшіе и средніе классы, и главный контингентъ ихъ поставляется, несомнѣнно, сельскимъ населеніемъ» (Герцъ, S. 29; Русск. пер. 77.—пересказано съ упоеніемъ въ Рус. Бог., № 10, стр. 216/217). «Теорія Давида объ «опорожненіи» (Aushöhlung) капитализма посредствомъ коллективныхъ договоровъ о заработной платѣ (Tarifgemeinschaften) и потребительныхъ обществъ, теперь превзойдена. Она блѣднѣетъ передъ Герцевской экспропріаціей экспропріаторовъ посредствомъ сберегательныхъ кассъ. Бережливая Агнеса, которую считали уже умершей, воскресаетъ къ новой жизни» (Kautsky I, c. S. 475)—и русскіе «критики» вмѣстѣ съ публицистами «Русскаго Богатства» спѣшатъ пересадить эту воскресшую «бережливую Агнесу» на русскую почву для посрамленія «ортодоксальной» соціальдемократіи.

И вотъ этотъ-то г. В. Черновъ, захлебывающійся отъ восторга по поводу повторяемыхъ Герцемъ доводовъ Евгенія Рихтера. «разноситъ» Каутскаго на всѣ корки на страницахъ «Русскаго Богатства» и сборника въ честь г. Н. Михайловскаго «На славномъ посту». Было бы несправедливостью, если бы мы не отмѣтили нѣкоторые перлы этого разноса. «Каутскій признаетъ, опять таки вслѣдъ за Марксомъ,—пишетъ г. Черновъ въ № 8 Р. Б. с. 229 —что прогрессъ капиталистическаго земледѣлія ведетъ къ обѣдненію почвы питательными веществами: въ видѣ различныхъ продуктовъ у земли постоянно нѣчто отнимается, направляется

*) Г. Булгаковъ выдвигалъ противъ Каутскаго тѣ же доводы на счетъ гипотекъ въ „Началѣ", а по нѣмецки и въ „Архивѣ" Брауна.

въ городъ и не возвращается обратно землѣ... Какъ видите, въ вопросѣ о законахъ плодородія почвы Каутскій безпомощно (sic!) повторяетъ слова Маркса, основывавшагося на теоріи Либиха. Но когда Марксъ писалъ свой первый томъ, Либиховскій «законъ возстановленія» былъ послѣднимъ словомъ агрономіи. Со времени этого открытія прошло уже болѣе полувѣка. Въ нашихъ знаніяхъ о законахъ плодородія почвы произошла цѣлая революція. И что же? Весь послѣ-либиховскій періодъ, всѣ послѣдующія открытія Пастера, Вилле, опыты Солари съ введеніемъ азота, открытія Бертелло, Гельригеля, Вильфорта и Виноградскаго въ области бактеріологіи почвы — все это для для Каутскаго прошло безслѣдно»... Милый г. Черновъ! Какъ онъ удивительно похожъ на тургеневскаго Ворошилова: помните — въ «Дымѣ» — молодого русскаго приватъ-доцента, который совершалъ променадъ по заграницѣ, отличался вообще большой молчаливостью, но отъ времени до времени его прорывало и онъ началъ сыпать десятками и сотнями ученыхъ и ученѣйшихъ, рѣдкихъ и рѣдчайшихъ именъ? Точь въ точь нашъ ученый г. Черновъ, который совсѣмъ уничтожилъ этого невѣжественнаго Каутскаго. Только... только не справиться ли намъ все же съ книгой Каутскаго? Не заглянуть ли намъ хоть въ оглавленіе ея? Находимъ главу IV: «Современное сельское хозяйство», параграфъ d) «удобренія, *бактеріи*». Открываемъ параграфъ d) и читаемъ:

«Во второй половинѣ прошлаго десятилѣтія было сдѣлано открытіе, что стручковыя растенія въ отличіе отъ остальныхъ культурныхъ растеній получаютъ почти весь свой запасъ азота не изъ почвы, а изъ воздуха, что они дѣлаютъ почву не только не бѣднѣе азотомъ, а еще богаче. Но этимъ свойствомъ обладаютъ они лишь въ томъ случаѣ, если въ почвѣ имѣются извѣстные микроорганизмы, пристающіе къ ихъ корнямъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ микроорганизмовъ. — можно посредствомъ соотвѣтствующей прививки придать стручковымъ растеніямъ способность превращать бѣдную азотомъ почву въ богатую азотомъ и такимъ образомъ удобрять до извѣстной степени эту почву для другихъ культурныхъ растеній. Прививка бактерій стручковымъ растеніямъ даетъ, по общему правилу, возможность въ соединеніи съ соотвѣтствующими минеральными удобреніями (фосфорнокислыми солями и калійными удобреніями) получать съ земли постоянно самые высокіе урожаи и безъ навоза. Лишь благодаря этому открытію «свободное хозяйство» пріобрѣло вполнѣ прочный базисъ» (Kautsky, 51—52) Кто же обосновалъ научно это замѣчательное открытіе собирающихъ азотъ бактерій?—Гельригель...

Digitized by Google

Вина Каутскаго въ томъ, что онъ имѣетъ скверную привычку (которая наблюдается также у многихъ узкихъ ортодоксовъ)—не забывать никогда о томъ, что члены боевой соціалистической партіи должны и въ ученыхъ своихъ трудахъ не упускать изъ виду читателя-рабочаго, должны стараться писать *просто*, безъ тѣхъ ненужныхъ ухищреній слога, безъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ «учености», которые такъ плѣняютъ декадентовъ и титулованныхъ представителей оффиціальной науки. Каутскій и здѣсь предпочелъ разсказать толково и ясно, въ чемъ состоятъ новѣйшія агрономическія открытія, и опустить ничего не говорящія для девяти десятыхъ публики ученыя имена. Ворошиловы поступаютъ наоборотъ: они предпочитаютъ высыпать цѣлый мѣшокъ ученыхъ именъ изъ области агрономіи, политической экономіи, критической философіи и т. п.. загромождая ученымъ соромъ суть дѣла.

Напримѣръ, Ворошиловъ-Черновъ своимъ облыжнымъ обвиненіемъ Каутскаго въ незнаніи ученыхъ именъ и научныхъ открытій загромоздилъ и замялъ крайне интересный и поучительный эпизодъ модной критики, именно: аттаку буржуазной экономіи на соціалистическую идею объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней. Профессоръ Луйо Брентано увѣряетъ, напримѣръ, что переселеніе изъ деревень въ города вызывается не данными соціальными условіями, а *естественной необходимостью*, закономъ убывающаго плодородія почвы*). Г.

*) См. статью Каутскаго въ „Neue Zeit" XIX, 2 1900/01, № 27: „Tolstoi und Brentano". Каутскій сопоставляетъ съ современнымъ научнымъ соціализмомъ ученіе Л. Толстого, остающагося глубокимъ наблюдателемъ и критикомъ буржуазнаго строя, несмотря на реакціонную наивность своей теоріи,—и буржуазную экономію, „звѣзда" которой, Брентано (какъ извѣстно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герца и tutti quanti), обнаруживаетъ самую невѣроятную путаницу, смѣшивая явленія природы и явленія общественныя, смѣшивая понятія продуктивности и прибыльности, стоимости и цѣны и т. п. „Это не столь характерно для Брентано лично—справедливо говоритъ Каутскій—какъ для той *школы*, которой онъ принадлежитъ. *Историческая школа* буржуазной экономіи въ ея современномъ видѣ считаетъ стремленіе къ цѣлостному пониманію общественнаго механизма превзойденной степенью (überwundener stand'punkt). Экономическая наука должна, по этому воззрѣнію, не изслѣдовать соціальные законы и сводить ихъ въ цѣлую систему, а ограничиваться протокольнымъ описаніемъ отдѣльныхъ соціальныхъ фактовъ прошлаго и настоящаго. Такъ она и привыкаетъ съ тому, чтобы касаться только поверхностной стороны явленій А когда тотъ или другой представитель этой школы поддастся тѣмъ не менѣе искушенію разсмотрѣть болѣе глубокія основанія явленія,—тогда онъ оказывается совершенно не въ состояніи ориентироваться и блуждаетъ безпомощно кругомъ да около. И въ нашей партіи съ нѣкотораго времени проявляется стремленіе замѣнить Марксову теорію не какой либо другой теоріей, а тѣмъ отсут-

Digitized by Google

Булгаковъ, вслѣдъ за своимъ учителемъ, объявилъ еще въ «Началѣ» (1899, мартъ, стр. 29) идею объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней «совершенной фантазіей», которая «вызоветъ улыбку у агронома». Герцъ пишетъ въ своей книгѣ: «Уничтоженіе различія между городомъ и деревней является, правда, основнымъ стремленіемъ старыхъ утопистовъ (и даже Манифеста),—но намъ все же не вѣрится, чтобы общественный строй, заключающій въ себѣ всѣ условія для направленія человѣческой культуры къ высшимъ достижимымъ цѣлямъ, дѣйствительно уничтожилъ тѣ великіе центры энергіи и культуры, какими являются большія города, и въ угоду оскорбленному эстетическому чувству, отказался отъ этихъ обильныхъ сокровищницъ искусства и науки, безъ которыхъ невозможенъ прогрессъ» (S. 76. Русскій переводчикъ, стр. 182, ухитрился слово «potenzirt» перевести «потенціальный. Бѣда съ этими русскими переводами! На стр. 270 тотъ же переводчикъ переводитъ: «Wer isst zuletzt das schwein?»—«Кто же въ концѣ концовъ свинья?») Какъ видите, Герцъ защищаетъ буржуазный порядокъ отъ соціалистическихъ «фантазій» фразами, въ которыхъ не меньше «борьбы за идеализмъ», чѣмъ у гг. Струве и Бердяева! Но самая защита отъ этого напыщеннаго идеалистическаго фразерства нимало не выигрываетъ.

Что соціаль-демократы умѣютъ цѣнить историческую заслугу великихъ центровъ энергіи и культуры, это они доказываютъ своей непримиримой борьбой противъ всего, что прикрѣпляетъ къ мѣсту населеніе вообще, крестьянъ и сельскихъ рабочихъ въ частности. И поэтому ихъ, въ отличіе отъ критиковъ, не поймаетъ на удочку ни одинъ аграрій, стремящійся доставить «мужичку» зимніе «заработки». Но рѣшительное признаніе прогрессивности большихъ городовъ въ капиталистическомъ обществѣ нисколько не мѣшаетъ намъ включать въ свой идеалъ (и въ свою программу дѣйствія, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляемъ гг. Струве и Бердяевымъ) уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней. Неправда, что это равносильно отказу отъ сокровищъ науки и искусства. Какъ разъ наоборотъ: это необходимо для того, чтобы сдѣлать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность отъ культу-

---

ствіемъ всякой теоріи (Theorielosigkeit), которое отличаетъ историческую школу,—стремленіе принизить теоретика до роли репортера. Кому нужно не простое безцѣльное перепрыгиваніе (Fortwurschteln) отъ случая къ случаю, а цѣлостное энергическое движеніе впередъ къ великой цѣли, тому да послужитъ обнаруженная нами Брентановская путаница предостереженіемъ отъ теперешнихъ методовъ исторической школы". S. 25.

Digitized by Google

ры милліоновъ деревенскаго населенія, которую Марксъ такъ мѣтко назвалъ «идіотизмомъ деревенской жизни». И въ настоящее время, когда возможна передача электрической энергіи черезъ разстояніе, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньшихъ (противъ теперешнихъ) издержкахъ перевозить пассажировъ съ быстротой 200 верстъ въ часъ*) — нѣтъ ровно никакихъ техническихъ препятствій тому, чтобы сокровищамъ науки и искусства, вѣками скопленными въ немногихъ центрахъ, пользовалось все населеніе, размѣщенное болѣе или менѣе равномѣрно по всей странѣ.

И если ничто не мѣшаетъ уничтоженію противоположности между городомъ и деревней (причемъ слѣдуетъ, конечно, представить себѣ это уничтоженіе не въ формѣ одного акта, а въ формѣ цѣлаго ряда мѣръ), то требуетъ его отнюдь не одно только «эстетическое чувство». Въ большихъ городахъ люди задыхаются, по выраженію Энгельса, въ своемъ собственномъ навозѣ, и періодически всѣ, которые могутъ, бѣгутъ изъ города въ поискахъ за свѣжимъ воздухомъ и чистой водой. Промышленность тоже разселяется по странѣ, ибо и ей нужна чистая вода. Эксплуатація водопадовъ, каналовъ и рѣкъ для полученія электрической энергіи дастъ новый толчокъ этому «разсѣянію промышленности». Наконецъ—last but not least - раціональная утилизація столь важныхъ для земледѣлія городскихъ нечистотъ вообще и человѣческихъ экскрементовъ въ частности тоже требуетъ уничтоженія противоположности между городомъ и деревней. И вотъ на этотъ то пунктъ теоріи Маркса и Энгельса вздумали поправить гг. критики свои агрономическія возраженія (отъ полнаго разбора теоріи, которая по этому вопросу особенно подробно изложена Энгельсомъ въ Anti Düring'ѣ, гг. критики предпочли воздержаться, ограничиваясь, какъ всегда, простой перефразировкой обрывковъ мысли какого нибудь Брентано). Ходъ ихъ разсужденія такой: Либихъ доказалъ необходимость отдавать почвѣ столько же, сколько у нея берется. Онъ считалъ по этому выбрасыванье городскихъ нечистотъ въ моря и рѣки безсмысленнымъ и варварскимъ расхищеніемъ веществъ, необходимыхъ для земледѣлія. Каутскій раздѣляетъ теорію Либиха. *Но* новѣйшая агрономія показала полную возможность возстановленія производительныхъ силъ земли безъ стойлового навоза посредствомъ искусственныхъ удобреній, прививки извѣстныхъ бактерій собирающимъ азотъ

*) Проектъ такой дороги между Манчестеромъ и Ливерпулемъ не получилъ утвержденія парламента только вслѣдствіе корыстнаго противодѣйствія желѣзнодорожныхъ тузовъ, боящихся разоренія старыхъ компаній.

Digitized by Google

стручковымъ растеніямъ и т. п. *Слѣдовательно,* Каутскій и всѣ эти «ортодоксы»—просто отсталые люди.

Слѣдовательно,—отвѣтимъ мы,—гг. критики и здѣсь совершаютъ одну изъ своихъ безчисленныхъ *передержекъ*. Изложивши теорію Либиха, Каутской *тотчасъ же* указалъ, что современная агрономія доказала полную возможность «обходиться совершенно безъ стойлового навоза» (S. 50 «Agrarfrage»; ср. вышеприведенное мѣсто), но добавилъ при этомъ, что это—*палліативъ* сравнительно съ вызываемымъ системой очисткой городовъ расхищеніемъ человѣческихъ экскрементовъ. Вотъ этотъ пунктъ должны были бы опровергнуть критики, если бы они были способны спорить по существу,—показать, что это не палліативъ. Объ этомъ они и не подумали. Понятно само собой, что возможность замѣны естественныхъ удобреній искусственными и фактъ этой (*частичной*) замѣны ни на іоту не опровергаетъ того, что не раціонально выбрасывать естественныя удобренія понапрасну, отравляя при томъ нечистотами рѣки и воздухъ въ пригородныхъ и прифабричныхъ мѣстностяхъ. Около большихъ городовъ и сейчасъ существуютъ поля орошенія, утилизирующія городскія нечистоты съ громадной пользой для земледѣлія,—но утилизируется такимъ образомъ только ничтожная доля нечистотъ. Искусственныя удобренія —говоритъ Каутскій, отвѣчая на стр. 211 своей книги на то самое возраженіе, будто новѣйшая агрономія опровергаетъ фактъ агрономической эксплуатаціи деревни городомъ, которое гг. критики преподносятъ ему за нѣчто новое,—искусственныя удобренія все въ большемъ и большемъ размѣрѣ означаетъ лишь еще одно изъ тѣхъ многочисленныхъ отягощеній сельскаго хозяйства, которыя *отнюдь не являются естественной необходимостью, а проистекаютъ изъ существующихъ соціальныхъ отношеній*" *).

Въ подчеркнутыхъ нами словахъ заключается весь «гвоздь» вопроса, такъ усердно запутываемаго критиками. Писатели, которые, подобно г. Булгакову, пугаютъ пролетаріатъ «хлѣбнымъ вопросомъ» болѣе страшнымъ и важнымъ, чѣмъ соціальный вопросъ, которые восторгаются искусственнымъ ограниченіемъ дѣторожденія, говоря, что «регулированіе прироста населенія» становится «основнымъ (sic!) экономическимъ условіемъ» благополучія крестьянства (II, 261), что это регулированіе заслуживаетъ «уваженія», и что «много лицемѣрнаго негодо-

*) Разумѣется, искусственныя удобренія—говоритъ Каутскій далѣе—не исчезнутъ съ паденіемъ капитализма, но они будутъ обогащать почву особыми веществами, а не исполнять *всю* задачу возстановленія плодородія почвы.

Digitized by Google

ванія» (только лицемѣрнаго? а не законнаго негодованія противъ современныхъ общественныхъ порядковъ?) «возбуждаетъ крестьянскій приростъ населенія у сентиментальныхъ (!?) моралистовъ, какъ будто безудержная похотливость (sic!) сама по себѣ является добродѣтелью» (тамъ же), — подобные писатели естественно, неизбѣжно должны стремиться къ тому, чтобы оставить въ тѣни *капиталистическія* препятствія земледѣльческому прогрессу, чтобы свалить все на естественный «законъ убывающаго плодородія почвы», чтобы выставить уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней «совершенной фантазіей». Но какимъ безграничнымъ легкомыслiемъ должны отличаться гг. Черновы, чтобы вторить подобнымъ разсужденіямъ и въ то же время упрекать критиковъ марксизма въ «отсутствіи принципіальности, эклектизмѣ и оппортунизмѣ» (Р. Б. № 11, стр. 246) ?! Черновъ, упрекающій другихъ въ отсутствіи принципіальности и оппортунизмѣ, — что можетъ быть комичнѣе этого зрѣлища?

Всѣ остальные критическіе подвиги нашего Ворошилова совершенно такіе же, какъ сейчасъ нами разобранный.

Если Ворошиловъ увѣряетъ васъ, что Каутскій не понимаетъ разницы между капиталистическимъ кредитомъ и ростовщичествомъ, что онъ обнаруживаетъ полное неумѣніе и нежеланіе понять Маркса, когда говоритъ о крестьянинѣ, исполняющемъ функціи предпринимателя и въ качествѣ такового занимающемъ относительно пролетаріата мѣсто подобное фабриканту, если Ворошиловъ бьетъ при этомъ себя въ грудь и восклицаетъ: «говорю это смѣло, ибо чувствую (sic!) подъ собою твердую почву» («На славномъ посту» стр. 169), — то вы можете быть спокойны: Ворошиловъ опять безбожно путаетъ и такъ же безбожно хвастаетъ. Онъ «не замѣтилъ» въ книгѣ Каутскаго мѣстъ, посвященныхъ ростовщичеству, какъ таковому (Agrarfrage, S. 11. 102—104 особенно, 118, 290—292), и ломится изо всѣхъ силъ въ открытую дверь, крича при этомъ, какъ водится, о «доктринерскомъ формализмѣ», «нравственной черствости» Каутскаго, «издѣвательствѣ надъ человѣческими страданіями» и пр. Что же касается до исполненія крестьяниномъ функціи предпринимателя, то эта удивительно мудренная вещь, повидимому, превосходитъ мѣру пониманія Ворошилова. Въ слѣдующимъ очеркѣ мы попробуемъ однако разъяснить ему ее на самыхъ конкретныхъ примѣрахъ.

Если Ворошиловъ желаетъ доказать, что онъ настоящій представитель «интересовъ труда» и громитъ Каутскаго за «изгнаніе изъ рядовъ пролетаріата множества самаго доподлиннаго рабочаго люда» (тамъ же, стр. 167), въ родѣ Lumpenproletariat'a, прислуги, кустаря и т. п.,— то знайте, что Ворошиловъ путаетъ,

Digitized by Google

Каутскій разбираетъ здѣсь признаки, выдѣляющіе тотъ «современный пролетаріатъ», который создалъ современное соціальдемократическое пролетарское движеніе» (Agrarfrage. S. 306), и Ворошиловы не сдѣлали еще до сихъ поръ такого открытія, чтобы босяки, кустари или прислуга создали соціальдемократическое движеніе. Упрекъ же, что Каутскій способенъ «изгонять» прислугу (начинающую теперь въ Германіи примыкать къ движенію), кустарей и пр. изъ рядовъ пролетаріата,—показываетъ только въ полномъ видѣ всю беззастѣнчивость Ворошиловыхъ, которые тѣмъ охотнѣе проявляютъ свое дружелюбіе къ «доподлинному рабочему люду», чѣмъ меньше практическаго значенія имѣютъ такія фразы и чѣмъ безопаснѣе разносить *вторую часть* «Аграрнаго вопроса», не пропущенную россійской цензурой. Впрочемъ по части беззастѣнчивости есть и еще перлы: восхваляя гг. Н.—она и Каблукова съ полнымъ умолчаніемъ о направленной противъ нихъ марксистской критикѣ, г. Черновъ въ то же время съ напускной наивностью спрашиваетъ: кого это разумѣютъ нѣмецкіе соціаль-демократы подъ своими русскими «товарищами»? Не вѣрите, что въ «Русскомъ Богатствѣ» ставятся такіе вопросы, такъ справьтесь съ № 7, стр. 166.

Если Ворошиловъ увѣряетъ, что «предсказанія» Энгельса о безрезультатности бельгійскаго рабочаго движенія, благодаря вліянію прудонизма «потерпѣли крушеніе»,—то знайте, что Ворошиловъ опять извращаетъ дѣло, слишкомъ увѣренный въ своей, такъ сказать «безотвѣтственности». Вотъ его слова: «Недаромъ Бельгія никогда не была ортодоксально-марксисткой, и недаромъ недовольный ею за это Энгельсъ предрекалъ, что бельгійское движеніе, благодаря вліянію «прудонистскихъ принциповъ», пойдетъ «Von nichts durch nichts zu nichts» Увы! его предсказанія потерпѣли крушеніе, а широта и всесторонность бельгійскаго движенія сдѣлали его въ настоящее время образцомъ, по которому многому научаются многія «правовѣрныя страны». (Р. Б. № 10, стр. 234). Дѣло было такъ: въ 1872-мъ (семьдесятъ второмъ!) году Энгельсъ полемизировалъ въ соціаль-демократической газетѣ «Volksstaat» съ нѣмецкимъ прудонистомъ Мюльбергеромъ и, возражая противъ преувеличенія значенія прудонизма, писалъ: «Единственная страна, въ которой рабочее движеніе находится непосредственно подъ вліяніемъ прудоновскихъ «принциповъ», это—Бельгія, и именно поэтому бельгійское рабочее движеніе и идетъ, по выраженію Гегеля, «отъ ничего черезъ ничто къ ничему» *).

*) См. брошюру „Zur Wohnungsfrage" Zürich, 1887, содержащую въ себѣ перепечатку статей Энгельса противъ Мюльбергера 1872 года и его введеніе, помѣченное 10-мъ января 1887 г. Цитированное мѣсто на стр. 56.

Итакъ, это *прямая неправда,* будто Энгельсъ что-либо «предрекалъ» или «предсказывалъ». Онъ говорилъ только *про то, что есть,* т. е. про то, что было въ 1872 году. А это несомнѣнный историческій фактъ, что *въ то время* бельгійское движеніе топталось на одномъ мѣстѣ именно благодаря господству прудонизма, вожаки котораго высказывались противъ коллективизма и отвергали самостоятельную политическую дѣятельность пролетаріата. Только въ 1879 г. образована была «бельгійская соціалистическая партія» и только съ этого времени начинается та агитація за всеобщее избирательное право, которая ознаменовала побѣду марксизма надъ прудонизмомъ (признаніе политической борьбы пролетаріата, организованнаго въ самостоятельную классовую партію) и начало выдающихся успѣховъ движенія. Современная программа «бельгійской рабочей партіи» восприняла (не говоря объ отдѣльныхъ менѣе важныхъ пунктахъ) *всѣ* основныя идеи марксизма. И вотъ въ 1887 году, въ предисловіи ко второму изданію своихъ статей о жилищномъ вопросѣ, Энгельсъ особенно подчеркиваетъ «гигантскій прогрессъ международнаго рабочаго движенія за послѣднія 14 лѣтъ». Прогрессъ этотъ тѣсно связанъ,—говоритъ онъ,—съ вытѣсненіемъ прудонизма который *тогда* господствовалъ, а *теперь* почти забытъ. «Въ Бельгіи—замѣчаетъ Энгельсъ—фламандцы оттѣснили валлоновъ отъ руководства движеніемъ, смѣстили (abgesetzt) прудонизмъ и сильно подняли движеніе» (стр. 4 той же брошюры. предисловіе). Неправда ли, какъ вѣрно изображено дѣло въ «Русскомъ Богатствѣ»?

Если Ворошиловъ... но довольно! За легальнымъ журналомъ. который можетъ ежемѣсячно врать на «ортодоксальный» марксизмъ, какъ на мертваго,—намъ, разумѣется, не угоняться.

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано	Должно быть.
18	18 сверху	продолжаетъ	продолжаетъ возражать
20	5 »	Рента	Рента эта
21	23 »	спросы	стороны
22	19 »	что	то
24	22 »	выводы	доводы
25	15 »	lanwirtschaftlichen	landwirthschaftlichen
25	22 »	не *возможно*	*невозможно*
27	5 »	159	149
27	19 »	будетъ	беретъ
28	12 снизу	въ представляетъ	представляетъ
31	18 сверху	рабочихъ	сельскихъ рабочихъ
32	10 »	«зады	«годы
32	14 »	ихъ	и
32	8 снизу	Landschaft	Landwirthschaft

Digitized by Google

С. Прокоповичъ.

Аграрный вопросъ и аграрное движеніе.

Изд. Н. Е. Парамонова
„Донская Рѣчь"
въ Ростовѣ на Дону.

Digitized by Google

Дозволено цензурою 15 іюня 1905 г. Ростовъ на Дону.

Ростовъ на Дону.
Типографія „Донская Рѣчь".
1905.

Digitized by Google

Аграрный вопросъ и аграрное движеніе.

С. Прокоповичъ.

Аграрные безпорядки этого года выдвинули аграрный вопросъ на первую очередь, поставили его рядомъ съ вопросомъ политическимъ и рабочимъ. Они показали, что аграрный вопросъ развился въ аграрный кризисъ, и что разрѣшеніе его стало государственной необходимостью, непремѣннымъ условіемъ сохраненія гражданскаго мира въ странѣ.

Крестьянское малоземелье ведетъ свое начало еще съ 1861 г., когда крестьяне были надѣлены землею въ недостаточномъ количествѣ, чтобы не лишить помѣщичьяго хозяйства рабочихъ рукъ; когда крестьянамъ были даны худшія земли, а лучшія отрѣзаны въ пользу помѣщиковъ; когда отведенныя имъ земли были обложены чрезмѣрными выкупными платежами, такъ какъ въ цѣну земли была включена плата за освобожденіе крестьянскихъ душъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти полъ-столѣтія. Что было за это время сдѣлано въ пользу крестьянъ?—Ничего или почти ничего. Сторонники бюрократическаго режима любятъ утверждать, что въ самодержавномъ государствѣ правительство стоитъ надъ общественными классами и, поэтому, одинаково защищаетъ справедливые интересы всѣхъ клас-

Digitized by Google

совъ, въ томъ числѣ и крестьянъ; тогда какъ въ конституціонныхъ странахъ правительство, выходя изъ народа, связано съ интересами правящихъ классовъ и, защищая эти интересы, принуждено дѣйствовать въ ущербъ интересамъ народныхъ массъ. Неосновательность этого взгляда блестяще доказана судьбами крестьянскаго вопроса за послѣднія десятилѣтія. Что сдѣлано правительствомъ для народнаго образованія? Почти ничего. Въ то же время культурно-просвѣтительной дѣятельности земства ставились всяческія преграды, вплоть до фиксаціи земскаго обложенія; въ деревню допускались только книги, написанныя или для дѣтей, или для слабоумныхъ. Сословное безправіе крестьянъ не только не было уничтожено, а еще усугублено введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Въ матеріальномъ отношеніи крестьяне доведены до полной нищеты. Колоссальный бюджетъ русскаго правительства всею своею тяжестью лежитъ на трудящихся массахъ. За счетъ крестьянъ создана обрабатывающая промышленность, поглотившая милліарды народныхъ денегъ и до сихъ поръ нуждающаяся въ постоянномъ повышеніи тарифныхъ ставокъ. Эта политика пренебреженія къ интересамъ народа принесла свои плоды. Мужикъ началъ голодать. Послѣ всероссійскаго голода 1891—1892 гг. послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣстныхъ голодовокъ. Мужикъ пухъ съ голоду, умиралъ отъ голоднаго тифа и цынги, а потомъ сталъ бунтовать. Аграрное движеніе 1902 года было только увертюрой; первый актъ русской драмы былъ сыгранъ въ этомъ году; что ждетъ насъ въ слѣдующемъ актѣ, и чѣмъ кончится эта драма?

По винѣ правительства, сорокъ лѣтъ пренебрегавшаго интересами народа, аграрный вопросъ принялъ острый соціальный характеръ.

Крестьяне, по остроумному выраженію одного земца, уже обращаются къ помѣщикамъ съ требованіемъ: «прирѣжьте намъ земли, или мы васъ прирѣжемъ». Очевидно, исторія поставила на очередь аграрный вопросъ и разрѣ-

Digitized by Google

шитъ его—съ нами или безъ насъ. Удовлетвореніе остраго земельнаго голода крестьянъ стало исторической необходимостью; неясенъ лишь путь, которымъ будетъ разрѣшена эта задача,—крестьянскимъ ли возстаніемъ противъ помѣщиковъ или планомѣрнымъ вмѣшательствомъ законодательной власти.

Наиболѣе простымъ способомъ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ является увеличеніе ихъ земельной собственности. Но такая мѣра можетъ имѣть лишь временное значеніе, потому что черезъ нѣсколько десятилѣтій, съ дальнѣйшимъ ростомъ населенія, земли окажется опять мало. Населеніе возрастаетъ непрерывно, между тѣмъ какъ земная поверхность остается неизмѣнной, такъ что съ теченіемъ времени на каждаго человѣка приходится все меньшая и меньшая доля поверхности. Пока было много незанятыхъ пространствъ, исходомъ изъ этого положенія было переселеніе на новыя земли. Теперь почти всѣ плодородныя земли уже заняты; поэтому единственнымъ исходомъ остается интенсификація земледѣлія, переходъ къ усовершенствованнымъ, болѣе производительнымъ системамъ земледѣлія. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—лишь временный палліативъ, радикальное же разрѣшеніе аграрнаго вопроса заключается въ переходѣ къ болѣе совершеннымъ пріемамъ обработки земли, въ повышеніи производительности сельскаго хозяйства крестьянъ, что предполагаетъ повышеніе ихъ умственнаго уровня, улучшеніе правового положенія, развитіе общественной и политической самодѣятельности и, прежде всего, измѣненіе финансово-экономической политики правительства. Безцѣльно говорить объ улучшеніи сельско-хозяйственной техники обнищавшему, голодающему населенію; всякое усовершенствованіе стоитъ денегъ и доступно, слѣдовательно, лишь для экономически-крѣпкихъ хозяйствъ. Поэтому, радикальное разрѣшеніе вопроса о малоземельѣ заключается въ улучшеніи экономическаго положенія крестьянъ, въ такомъ направленіи финансово-экономической политики, ко-

Digitized by Google

торое сдѣлало бы возможнымъ накопленіе избытковъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, аграрный вопросъ является прежде всего политическимъ вопросомъ, и лишь во второй линіи—вопросомъ соціальнымъ. При данныхъ политическихъ условіяхъ даже передача всей земли въ руки трудящихся не разрѣшитъ аграрнаго вопроса. Мѣра эта дастъ лишь правительству возможность чрезвычайно быстро и въ чрезвычайныхъ размѣрахъ увеличить свой бюджетъ, аппропріировавъ въ свою пользу тѣ избытки народной производительности, которые въ настоящее время подъ видомъ земельной ренты идутъ въ карманы землевладѣльцевъ. Крестьянинъ же попрежнему остался бы съ однимъ разбитымъ корытомъ *).

Политическая реформа и послѣдующее измѣненіе правительственной политики въ самомъ корнѣ измѣнитъ положеніе мелкихъ земледѣльцевъ-крестьянъ. Но всѣ такого рода радикальныя мѣры имѣютъ одинъ существенный недостатокъ: онѣ дѣйствуютъ медленно, на протяженіи десятилѣтій. Поэтому, рядомъ съ ними необходимы быстро дѣйствующіе палліативы. Острый земельный голодъ можетъ быть удовлетворенъ только немедленнымъ увеличеніемъ крестьянскаго землевладѣнія. Насколько остро нынѣшнее малоземелье, можно судить по даннымъ «Матеріаловъ учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссіи объ оскудѣніи центра Россіи». По этимъ даннымъ, на одну душу мужскаго пола, считая только сельское населеніе, приходилось десятинъ:

	Надѣл. земля.	Купчая земля.	Всего.
въ 1860 г.	4,83	—	4,83
» 1880 »	3,55	0,27	3,82
» 1900 »	2,59	0,46	3,05

*) Въ этомъ отношеніи весьма характерно мнѣніе Особаго Совѣщанія И. Л. Горемыкина относительно пониженія и сложенія выкупныхъ платежей На четвертомъ засѣданіи Совѣщанія было признано, что „подобныя мѣры приносятъ ущербъ государственному казначейству безъ существенной пользы для населенія, ибо трудное экономическое

Digitized by Google

Такимъ образомъ, за 40 лѣтъ размѣръ крестьянскаго землевладѣнія на одну душу понизился на 37% Этотъ печальный результатъ получился, несмотря на развитіе обрабатывающей промышленности, переселенія крестьянъ и дѣятельности крестьянскаго банка. А такъ какъ техника крестьянскаго хозяйства за этотъ промежутокъ времени въ общемъ почти не прогрессировала, то убыль земли привела къ соотвѣтствующей убыли въ сборѣ хлѣбовъ, къ хроническому недоѣданію и голоду. Съ другой стороны, растущій недостатокъ собственной земли привелъ крестьянъ къ усиленному спросу на частновладѣльческія и казенныя земли, къ чрезвычайному повышенію арендныхъ платъ и ухудшенію условій аренды. По мѣрѣ роста малоземелья, аренда получала все болѣе и болѣе ростовщическій характеръ. Наконецъ, общее оскудѣніе крестьянства явилось непреодолимою помѣхою въ дѣлѣ улучшенія положенія сельскихъ батраковъ и поденныхъ рабочихъ. Параллельно съ обнищаніемъ народа шелъ ростъ личности крестьянина, ростъ его запросовъ какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ, росла его воспріимчивость какъ къ матеріальнымъ лишеніямъ, такъ и моральнымъ униженіямъ. Въ народной жизни выросло постепенно колоссальнѣйшее внутреннее противорѣчіе, съ каждымъ годомъ назрѣвающее все болѣе и болѣе.

Собственно говоря, въ этомъ году не было аграрнаго движенія, а были аграрныя движенія. Въ каждой мѣстности движеніе вызывалось своими особыми мѣстными условіями и преслѣдовало свои особыя мѣстныя цѣли *).

Въ газетныхъ корреспонденціяхъ намѣчаются нѣсколько типовъ аграрныхъ движеній, распадающихся на

положеніе крестьянъ объясняется не столько тяжестью прямыхъ налоговъ, сколько скудостью земельнаго обезпеченія, высотою арендныхъ цѣнъ на частновладѣльческія земли и отсутствіемъ заработковъ".

*) Мы не включили въ свой обзоръ аграрное движеніе на Кавказѣ, во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличающееся отъ аграрныхъ движеній въ прочихъ частяхъ Россіи.

Digitized by Google

двѣ большія группы: движенія, имѣющія цѣлью удовлетвореніе непосредственной матеріальной нужды крестьянъ, и движенія, имѣющія цѣлью улучшить условія производительной дѣятельности крестьянъ и сельскихъ батраковъ.

Въ Дмитріевскомъ, Сѣвскомъ и Глуховскомъ уѣздахъ аграрное движеніе было движеніемъ раззоренныхъ, голодныхъ людей, видѣвшихъ въ «разобраніи» помѣщичьихъ экономій спасеніе отъ окончательнаго раззоренія и голодной смерти. По сообщенію «Нижегородскаго Листка», «злополучные участники движенія понесли жестокое наказаніе *); ихъ толпами отправляли въ тюрьмы ближайшихъ городовъ. На многократные вопросы властей: «Чего вы хотѣли?» былъ одинъ отвѣтъ: «Мы хотѣли и хотимъ ѣсть». Что теперь будетъ съ тысячами несчастныхъ голодныхъ семей, кормильцы которыхъ сидятъ по тюрьмамъ—страшно подумать». Движеніе это, по словамъ корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», А. Н. Максимова, началось еще осенью прошлаго года въ Дмитріевскомъ у. Въ декабрѣ начались самовольныя массовыя порубки лѣса. Порубки эти продолжались въ январѣ и февралѣ. Въ ночь на 15февраля крестьяне явились въ хуторъ купца И. А. Черничина, разбили замки на амбарахъ и увезли оттуда весь овесъ. Это событіе послужило какъ бы сигналомъ къ тому, чтобы поднялись и крестьяне другихъ селеній и стали грабить экономіи. Въ 5 дней были разграблены десятки экономій, на пространствѣ 150 кв. верстъ. « Большею частью, говоритъ А. Н. Максимовъ, крестьяне предупреждали заранѣе владѣльца, что явятся къ нему тогда-то, причемъ иногда приходила предварительно небольшая группа, осматривала экономію и уже послѣ того заявляла, что крестьяне придутъ въ извѣстный день. Въ назначенный день недалеко

*) По свидѣтельству г. В. Актимѣрова, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", въ селѣ Гламаздинѣ (Дмитріевскаго у.) были высѣчены, для поддержанія спасительнаго страха, 50 крестьянъ, а за крестьянами также—старшина и волостной писарь и еще пятеро за порубку лѣса въ имѣніи кн. Барятинской. („Бирж. Вѣдомости", № 8845).

Digitized by Google

отъ усадьбы зажигался ометъ соломы, куль или просто большой пукъ соломы на длинной жерди, и по этому сигналу собиралась толпа крестьянъ съ подводами; подводъ иногда съѣзжалось до 500—700. Въ одномъ случаѣ (въ Романовкѣ) сигналъ былъ данъ набатнымъ звономъ. Собравшись, крестьяне направлялись на экономію, подходя къ ней, дѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, ломали замки у амбаровъ, нагружали хлѣбъ на подводы и уѣзжали. Присутствіе хозяина или управляющаго нисколько ихъ не смущало; они дозволяли ему быть свидѣтелемъ происходящаго, не отгоняли отъ себя, но въ то же время и не вступали съ нимъ ни въ какія объясненія. Грабили, главнымъ образомъ, зерновой хлѣбъ; другіе продукты увозили въ рѣдкихъ случаяхъ; поэтому никакихъ другихъ построекъ, кромѣ хлѣбныхъ амбаровъ, обыкновенно не трогали; въ Прилѣпахъ крестьяне разграбили хлѣбъ, но не тронули сахарнаго завода; у Петровскаго—тоже самое: увезли хлѣбъ и оставили въ покоѣ винокуренный заводъ. Въ дома обыкновенно не заглядывали. Денегъ не требовали, за исключеніемъ, кажется, одного случая, когда явившіеся для предварительнаго осмотра шестеро крестьянъ потребовали у владѣлицы усадьбы денегъ и получили по рублю. Насилій никакихъ не дѣлалось, и только въ м. Витичѣ былъ легко раненъ урядникъ, пролежавшій съ недѣлю въ больницѣ. Вообще крестьяне старались вести себя сдержанно и не выходить изъ извѣстныхъ предѣловъ. Это имъ не всегда удавалось. Иногда подъ вліяніемъ возбужденія, опьяненія или особенно обостренныхъ отношеній, страсти разгорались, и тогда уже происходилъ разгромъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова». Такъ были разгромлены и сожжены усадьбы въ Гламаздинѣ, вмѣстѣ съ винокуреннымъ заводомъ, Хинельскій винокуренный и Михайловскій сахарный заводы. Въ началѣ марта были аграрные безпорядки въ Трубчевскомъ у. Началось съ массовыхъ порубокъ помѣщичьихъ лѣсовъ; вечеромъ 2 марта и утромъ 3-го были разгромлены четыре экономіи. Вездѣ порядокъ разгрома былъ приблизитель-

Digitized by Google

но слѣдующій: прежде всего опустошали хлѣбный амбаръ, затѣмъ разбирали кормъ для скота и въ заключеніе приводили въ негодность помѣщичій домъ,—били стекла, ломали печи, уничтожали мебель, книги, бумаги, рвали подушки и, вообще, въ домахъ больше разрушали, чѣмъ грабили. Иногда требовали у помѣщика денегъ на водку (въ толпѣ замѣчались пьяные). Насилій надъ помѣщиками и ихъ семьями нигдѣ не производилось: не было также ни одного пожара. Въ началѣ апрѣля началось аграрное движеніе въ Суджанскомъ у. Въ началѣ мая были безпорядки въ Стародубскомъ и Новозыбковскомъ уу. Въ Балашовскомъ у. въ началѣ февраля крестьяне с. Романовки вывезли съ луговъ кн. Волконскаго много сѣна и вырубили много лѣса. Они считаютъ, что сѣно и лѣсъ взяты съ ихъ собственной земли, неправильно захваченной помѣщикомъ; настойчиво просятъ размежеванія. Въ с. Мордовскомъ Караѣ у Н. Н. Львова крестьяне, въ составѣ почти всего села, произвели массовую порубку лѣса, увѣряя, что они имѣютъ документы и планы, доказывающіе ихъ права на землю. 29 марта саратовскій окружный судъ разсмотрѣлъ дѣло крестьянъ съ кн. Волконскимъ и призналъ права крестьянъ на спорный участокъ земли. Въ апрѣлѣ были аграрные безпорядки въ Царицынскомъ у., выразившіеся въ самовольной пастьбѣ скота на помѣщичьихъ земляхъ и поджогѣ усадебъ. Въ мартѣ были безпорядки въ Бирюченскомъ у., у кн. Юсупова. Въ концѣ февраля крестьяне вырубили сосновую рощу въ Харьковскомъ у., принадлежащую г. Квиткѣ; въ мартѣ вырубили лѣсъ, принадлежащій г. Флоту и росшій на землѣ, бывшей предметомъ спора между крестьянами и экономіей. Для улаженія дѣла рѣшено было на средства экономіи пригласить землемѣра и произвести размежеваніе. Если окажется, что въ прилегающемъ къ спорному крестьянскомъ участкѣ дѣйствительно не хватаетъ земли, то экономія прирѣжетъ недостающее количество. Послѣ этого срубленныя деревья были сложены, а охрану ихъ взяли на себя обѣ стороны:

Digitized by Google

экономія и крестьяне. Въ Епифанскомъ у. были недоразумѣнія въ с. Алмазовѣ. Крестьяне не допустили г. Басманова, новаго владѣльца арендуемаго ими имѣнія, подчищать лѣсъ, утверждая, что это право принадлежитъ только имъ. Ссылаясь на свои контракты, они не допустили также г. Басманова и къ возведенію новыхъ построекъ. Они прогнали людей, явившихся подчищать лѣсъ, раскидали начатыя постройки и выбили въ домѣ Басманова стекла. Въ Богородицкомъ у. 20 апрѣля ночью крестьяне подожгли въ имѣніи гр. Бобринскаго стогъ сѣна и ометъ соломы, пытались поджечь ригу и препятствовали тушенію пожара. По сообщенію «Петербургскихъ Вѣдомостей», «причиною безпорядковъ вообще и послѣдняго погрома въ имѣніи гр. Бобринскаго въ частности, служитъ вопіющая бѣдность крестьянъ». Въ концѣ апрѣля произошли недоразумѣнія въ Одоевскомъ у., между кн. Черкасскимъ и сосѣдними крестьянами, и въ Кирсановскомъ у. Въ Нижнеломовскомъ у. въ январѣ и февралѣ производились массовыя порубки лѣса въ имѣніи графа Мюнстера. Въ Раненбургскомъ у. въ началѣ мая произошло нѣсколько погромовъ помѣщичьихъ усадебъ, сопровождавшихся увозомъ хлѣба и поджогомъ ригъ и амбаровъ. Въ началѣ апрѣля происходили самовольныя порубки лѣса въ Рузскомъ и Волоколамскомъ уу. Самовольныя порубки помѣщичьихъ лѣсовъ происходили также въ Бессарабской губ. и Каменецкомъ у. Подольской губ.; лѣса рубили также въ Двинскомъ, Рѣжицкомъ, Полоцкомъ и Люцинскомъ уу. Витебской губ. Крестьяне окрестныхъ деревень съѣзжались для этого обыкновенно въ заранѣе опредѣленный день огромными толпами (человѣкъ въ 800) и вырубали лѣсъ наголо, въ пень; причемъ были случаи и нанесенія побоевъ подвернувшимся подъ руку сельскимъ властямъ—урядникамъ, сотскимъ и т. п. Въ им. Сивергофъ на подобной порубкѣ былъ пойманъ одинъ крестьянинъ; въ народѣ распространился слухъ, что этого крестьянина били и истязали,—и народъ пошелъ «выручать» его. Разбушевавшаяся

Digitized by Google

толпа разгромила Сивергофъ и еще 5 имѣній, переломала мебель, разрушила постройки, поубивала скотъ. Были вызваны войска; число убитыхъ и раненыхъ неизвѣстно, арестовано до 500 чел. Крестьяне Люцинскаго и Рѣжицкаго уу., по свѣдѣніямъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», оправдывали свои порубки ссылкою на «люстраціонные» акты, по которымъ лѣсъ не долженъ продаваться выше извѣстной цѣны. Когда здѣшніе крестьяне надѣлялись землею и писались «люстраціонные» акты, въ 1863 г.,—то, за неимѣніемъ у крестьянъ лѣсовъ, помѣщикамъ было вмѣнено въ обязанность продавать крестьянамъ лѣсъ не дороже извѣстной цѣны. Такса была установлена на первые 9 лѣтъ. По ихъ истеченіи, такса не была возобновлена. Массовыя порубки были также въ Игуменскомъ, Борисовскомъ и Лидскомъ уу. Въ Царствѣ Польскомъ массовыя порубки имѣли мѣсто въ Петроковкой и Калишской губ. Въ Люблинской и Сѣдлецкой губ. крестьяне «разобрали» нѣсколько экономій, увезя хлѣбъ, скотъ и прочій инвентарь. Безпорядки эти возникли на почвѣ крайняго истощенія матеріальныхъ средствъ польской деревни. Въ Сѣдлецкой губ. приблизительно въ 40 деревняхъ крестьяне сожгли казенныя винныя лавки. Въ Прибалтійскомъ краѣ также было нѣсколько случаевъ самовольныхъ порубокъ лѣса.

Очевидно, всѣми этими самоуправными дѣйствіями холодныхъ и голодныхъ людей руководила одна мысль, одна цѣль,—достать дровъ, чтобы обогрѣться, достать хлѣба, чтобы поѣсть, достать сѣна, чтобы накормить скотину. Жившіе рядомъ богатые люди не сдѣлали рѣшительно ничего для предупрежденія ихъ нужды, не оказали имъ никакой помощи, когда эти нужды наступили и достигли въ февралѣ—апрѣлѣ крайней степени напряженія. Тогда умиравшіе съ голоду рѣшили помочь себѣ сами. Конечно, ихъ дѣйствія были незаконны. Но для голоднаго нѣтъ законовъ. «Разобраніе» помѣщичьихъ экономій доведенными до голода и крайней степени нищеты крестьянами, не заключая въ себѣ никакой творческой соціаль-

Digitized by Google

но-политической идеи, является простымъ протестомъ противъ общаго невыносимаго положенія крестьянина, выносящаго на своихъ плечахъ, при остромъ малоземельѣ, всю тяжесть нашего колоссальнаго государственнаго бюджета. Какъ реагировало правительство на этотъ протестъ? Калишкій, Петроковскій и Люблинскій губернаторы издали, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, обязательныя постановленія, въ которыхъ говорится, что «виновные въ нападеніи на помѣщичьи усадьбы, въ захватѣ земель помѣщиковъ, въ предъявленіи помѣщикамъ разныхъ, сопровождаемыхъ насиліями или угрозами, требованій, въ сопротивленіи толпою чинамъ администраціи, войскамъ или полиціи и проч., будутъ предаваемы военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени». Генералъ-губернаторъ Югозападнаго края объявилъ, что «виновные въ насиліяхъ надъ личностью и имуществомъ будутъ предаваться имъ военному суду». Т. с. Звегинцеву, командированному въ центральныя губерніи «для водворенія порядка», предоставлены самыя широкія полномочія, не исключая права прибѣгать къ военно-полевому суду. 10 апр. былъ изданъ Высочайшій указъ, предоставившій министру внутреннихъ дѣлъ право учреждать, по мѣрѣ надобности, въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, временныя уѣздныя коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, въ участкахъ коихъ произошли безпорядки, а также приглашаемыхъ въ комисію одного или двухъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, проживающихъ въ ближайшихъ къ мѣсту происшествій мѣстностяхъ; возложить на эти коммиссіи выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ, причиненныхъ ими убытковъ, для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селен-

Digitized by Google

ныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи. Конечно, «выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ», было бы съ гораздо большимъ успѣхомъ произведено судебною властью, чѣмъ этими экстренными комиссіями, составленными изъ помѣщиковъ и чиновниковъ для суда надъ крестьянами. Зачѣмъ понадобилась административно-классовая юстиція въ дѣлѣ, несомнѣнно носящемъ классовый характеръ?—Затѣмъ, что ни одинъ регулярный судъ не могъ бы возложить имущественную отвѣтственность за дѣйствія отдѣльныхъ лицъ на все сельское общество. Такое примѣненіе круговой поруки нарушаетъ элементарнѣйшія начала права и справедливости. Потомъ: обнищавшій, полуголодный человѣкъ силою отнимаетъ у своего богатаго сосѣда дрова, хлѣбъ и сѣно; за это его и его сосѣдей лишаютъ послѣднихъ крохъ имущества. Ты былъ бѣденъ и малоимущъ, и для сохраненія жизни и остатковъ твоего хозяйства силою похитилъ нѣкоторое количество необходимыхъ продуктовъ у своего сосѣда; значитъ, ты подлежишь окончательному раззоренію и будешь обреченъ на нищету. По свѣдѣніямъ газетъ, среди земскихъ дѣятелей велась усиленная агитація за отказъ отъ участія въ организуемыхъ, согласно указу 10 апр., уѣздныхъ комитетахъ. Комитеты эти были учреждены въ Дмитріевскомъ, Сѣвскомъ, Дмитровскомъ, Трубчевскомъ, Глуховскомъ и Бирюченскомъ уѣздахъ.

Эти бунты голодныхъ и холодныхъ указываютъ на неотложность не безцѣльныхъ и несправедливыхъ репрессивныхъ мѣръ, а глубокихъ финансово-экономическихъ и аграрныхъ реформъ, которыя радикальнымъ образомъ измѣнили бы экономическое положеніе крестьянъ. О необходимыхъ аграрныхъ реформахъ мы будемъ говорить ниже, сейчасъ же остановимся на финансово-экономическихъ реформахъ. Для облегченія налогового бремени, лежащаго на трудящихся массахъ, нужны: 1) отмѣна выкупныхъ платежей, взимаемыхъ съ крестьянскихъ земель, 2) развитіе прямого обло

Digitized by Google

женія на счетъ косвеннаго, постепенное пониженіе и уничтоженіе косвенныхъ налоговъ, 3) реформа прямого обложенія на основѣ прогрессивной пропорціональности налоговъ доходамъ облагаемыхъ лицъ, установленіе прогрессивнаго налога на наслѣдства. Нѣкоторыхъ разъясненій требуетъ только п. 2-й. Отмѣнѣ подлежатъ лишь нѣкоторые косвенные налоги, но далеко не всѣ; народъ не заинтересованъ въ уничтоженіи налоговъ на предметы роскоши. Далѣе, пониженіе косвеннаго обложенія можетъ происходить только постепенно, какъ потому, что при бѣдности народа прямое обложеніе можетъ удовлетворить лишь незначительную часть государственныхъ потребностей, такъ и потому, что всякая рѣзкая мѣра въ области обложенія тяжко отозвалась бы на всемъ ходѣ народной жизни,—напр., отмѣна таможенныхъ пошлинъ почти убила бы нашу обрабатывающую промышленность.

Въ ряду аграрныхъ движеній, имѣющихъ цѣлью улучшить условія сельскохозяйственнаго труда крестьянъ, первое мѣсто принадлежитъ тому типу движенія, который имѣетъ цѣлью непосредственное увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія. Въ газетахъ много писалось о томъ, что крестьяне желаютъ экспропріаціи всей помѣщичьей земли, что весной они не дадутъ обрабатывать помѣщичьи поля и т. д. Но фактовъ захвата крестьянами помѣщичьей земли газеты сообщили очень мало.

Въ Коротоякскомъ у. крестьяне запахали 70 дес. помѣщичьей земли. Былъ захватъ земли въ Сергачскомъ у. Въ Бузулукскомъ у. крестьяне распахали оспариваемый ими у частновладѣльческой экономіи участокъ земли. Въ д. Кунанъ, въ 48 в. отъ Евпаторіи, крестьяне вспахали часть помѣщичьей земли, а на другую часть пустили пастись свой скотъ. Свои дѣйствія крестьяне оправдывали тѣмъ соображеніемъ, что у нихъ за малымъ количествомъ земли своихъ пастбищъ нѣтъ совершенно, а безъ скота они обойтись не могутъ. Были захваты земли въ Днѣпровскомъ, Оргѣевскомъ и Кишиневскомъ уу. Въ од-

Digitized by Google

номъ имѣніи Проскуровскаго у. крестьяне уничтожили пограничныя канавы и перепахали помѣщичьи посѣвы. Въ Борисовскомъ у. былъ случай перепашки помѣщичьихъ полей и раздѣла ихъ между крестьянами. Вотъ и всѣ извѣстные намъ случаи фактическаго примѣненія идеи «чернаго передѣла». Но мысль эта, повидимому, продолжаетъ зрѣть въ глубинахъ народнаго духа. По крайней мѣрѣ г. П. Чижевскій (№ 49 «Сына Отечества») разсказываетъ намъ о слѣд. практическомъ планѣ чернаго передѣла, циркулирующемъ среди крестьянъ:

«Земля, какъ воздухъ и вода, не должна составлять, по ихъ мнѣнію, предмета чьей бы то ни было собственности. Всѣ земельныя пространства должны быть постепенно выкуплены казной отъ частныхъ владѣльцевъ и предоставлены затѣмъ въ пользованіе того, кто занимается лично хлѣбопашествомъ.

Желающій приложить свой трудъ къ землѣ долженъ имѣть возможность получить ее отъ казны за извѣстную арендную плату. Законъ долженъ бы ограничить количество земли, которое поступаетъ для эксплоатаціи въ однѣ руки,—говорятъ нѣкоторые крестьяне. Какъ это сдѣлать? Какъ уравнять далѣе шансы болѣе сильныхъ и болѣе слабыхъ хозяевъ? Разрѣшаются эти вопросы установленіемъ прогрессивно увеличивающейся платы за землю, соотвѣтственно увеличенію количества арендуемой у государства земли. За первую десятину,—полагаютъ сторонники этого мнѣнія,—должна быть назначена годовая арендная плата въ одинъ рубль, за вторую—въ два, за третью—въ три и т. д.; тогда едва-ли кто изъ хозяевъ въ силахъ будетъ захватить въ свои руки болѣе двадцати пяти десятинъ!»

Во всякомъ случаѣ, новое надѣленіе крестьянъ землею является въ настояще время соціальною и политическою необходимостью: соціальною—потому что безъ него намъ грозитъ Пугачевщина, политическою — потому что безъ примѣненія этой радикальной мѣры нельзя вывести

Digitized by Google

Росссію на путь экономическаго прогресса. Противники новаго надѣленія крестьянъ землею указываютъ, что для борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ совершенно достаточно развить дѣятельность крестьянскаго банка и усилить переселенческое движеніе. Мы видѣли выше, что, несмотря на переселеніе крестьянъ и покупку ими частновладѣльческой земли, крестьянское малоземелье росло очень быстро. Въ лучшемъ случаѣ, при правильной постановкѣ переселенческаго дѣла и крестьянскаго банка, эти средства борьбы съ малоземельемъ обезпечатъ землею весь приростъ сельскаго населенія,—но они совершенно безсильны справиться съ существующимъ уже малоземельемъ. Къ тому же, идти на новыя земли или покупать землю могутъ только состоятельные кростьяне, для бѣдняковъ—болѣе всего нуждающихся въ землѣ—эти средства борьбы съ малоземельемъ недоступны. Сторонники идеи надѣленія крестьянъ землею высказываются за различныя формы этого надѣленія. Одно направленіе общественной мысли считаетъ нужнымъ возвратить сельскимъ обществамъ, посредствомъ экспропріаціи или,—въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки,—выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія тѣхъ земель, которыя отобраны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія. Такое разрѣшеніе вопроса было бы совершенно недостаточно. Наша задача заключается не въ исправленіи историческихъ несправедливостей, а въ устраненіи существующихъ въ данную минуту соціальныхъ неустройствъ. За истекшіе съ 1861 г. сорокъ лѣтъ разныя перемѣны произошли въ жизни деревни. Гдѣ были большіе отрѣзы, крестьяне могли повыселиться, и теперь никому ненужна прирѣзка старыхъ отрѣзовъ; гдѣ отрѣзовъ не было—крестьяне могли умножиться, и нуждаются въ прирѣзкѣ, хотя и не имѣютъ историческихъ правъ на окружныя помѣщичьи земли. Конечно, огромное большинство отрѣзныхъ земель должно

Digitized by Google

поступить въ надѣлъ крестьянамъ, — но новое надѣленіе крестьянъ землею не можетъ быть нормировано произведенными въ 1861 г. отрѣзками земли отъ крестьянъ. Другое направленіе общественной мысли высказывается за отобраніе земель у крупныхъ землевладѣльцевъ и передачу всей земли кабинетской, удѣльной и всякой другой въ общее уравнительное пользованіе всего трудящагося населенія. Мы не знаемъ, предполагается-ли этою программою національзація всей земли, переходъ ея въ собственность государства, или нѣтъ. Переходъ земли въ руки трудящихся нуженъ трудящимся только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ возможна ея эксплуатація, т. е. въ размѣрѣ рабочей силы семьи; земли сверхъ этой нормы—ненужны, а при экспропріаціи земель на основахъ выкупа за счетъ государства—даже лягутъ лишнимъ бременемъ на плечи народа. Что же касается національзаціи земли, то она, признавая за государствомъ право собственности на всю землю, предполагаетъ экспропріацію земель не только крупныхъ, но и мелкихъ владѣльцевъ, и аппропріацію государствомъ всей земельной ренты, что для крестьянъ—мелкихъ собственниковъ было бы безусловно невыгодно. Крестьянину трудно вносить и нынѣшніе выкупные платежи, и необходимо ихъ отмѣнить; при національзаціи земли онъ долженъ былъ бы платить съ своего надѣла въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ платитъ теперь. Тогда вся тяжесть государственнаго бюджета легла бы на крестьянъ. Съ другой стороны, національзація земли освободила бы правительство отъ контроля народныхъ представителей надъ взимаемыми налогами и пошлинами, т. е. вырвала бы изъ рукъ народныхъ представителей главную основу ихъ политическаго вліянія. Мы сомнѣваемся поэтому, чтобы національзація земли въ данный историческій моментъ, при данныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ, соотвѣтствовала интересамъ народа.

Что касается вознагражденія нынѣшнихъ владѣльцевъ земель, то одна изъ разсматриваемыхъ программъ выска-

Digitized by Google

зывается за «отобраніе» всѣхъ земель крупныхъ землевладѣльцевъ, другая—за экспропріацію безъ вознагражденія только тѣхъ отрѣзовъ, которые съ 1861 г. не перешли въ новыя руки. Въ обѣихъ программахъ проводится мысль, что надѣленіе крестьянъ землею должно быть произведено за счетъ имущихъ классовъ, безъ оплаты надѣляемыхъ земель крестьянами. Выкупъ этихъ земель крестьянами, выплата ими выкупныхъ суммъ безусловно явились бы непреодолимою преградою для подъема экономическаго благосостоянія крестьянъ и развитія производительныхъ силъ страны. Но нельзя дѣлать отдѣльныхъ лицъ отвѣтственными за весь классъ. Имущіе классы должны принять участіе въ надѣленіи крестьянъ землею пропорціонально своимъ доходамъ и имуществу,—т. е. владѣльцы экспропріируемыхъ земель должны быть вознаграждены за счетъ государства, расходы тѣ государства по этой операціи должны быть возмѣщены установленіемъ особаго прогрессивнаго подоходнаго налога. Для опредѣленія земель, подлежащихъ экспропріаціи, и установленія размѣровъ выкупа одна изъ разсматриваемыхъ нами программъ предлагаетъ образованіе спеціальныхъ уѣздныхъ крестьянскихъ комитетовъ, составленныхъ изъ довѣренныхъ людей отъ батраковъ, отъ бѣдныхъ, среднихъ и богатыхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, въ этихъ комиссіяхъ владѣльцы экспропріируемыхъ земель не были бы представлены. Обстоятельство это безусловно придало бы работамъ этихъ крестьянскихъ комитетовъ нѣсколько односторонній характеръ. Мы полагаемъ, что въ цѣлесообразномъ проведеніи земельной реформы заинтересовано все населеніе уѣзда. Поэтому, всю операцію надѣленія крестьянъ землею слѣдовало бы поручить органамъ мѣстнаго самоуправленія, избраннымъ на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права.

Такимъ образомъ, для борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ и передачи земли въ руки трудящихся необходимы слѣд. мѣры: 1) новое надѣленіе землею малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, ведущихъ хозяйство на

Digitized by Google

арендованной землѣ, въ размѣрахъ, отвѣчающихъ рабочей силѣ семьи; 2) фондомъ для этого надѣленія должны служить земли государственныя, удѣльныя и кабинетскія, а гдѣ ихъ нѣтъ—частновладѣльческія, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ этихъ земель за счетъ государства; 3) установленіе особаго прогрессивнаго подоходнаго налога для покрытія расходовъ государства по этой операціи; 4) проведеніе этой реформы поручается органамъ мѣстнаго самоуправленія, избраннымъ на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права.

Такъ какъ мы не въ состояніи предугадать, насколько полно будетъ осуществлено въ ближайшее время новое надѣліе крестьянъ землею, то мы должны выяснить также желательныя измѣненія въ арендѣ земли и личномъ наймѣ. Измѣненія эти намѣчаются отчасти аграрными движеніями этого года. Въ Орловской и Пензенской губ. (Чембарскій у.) крестьяне отказывались снимать земли въ аренду. Въ Самарскомъ у. общества крестьянъ с. Воскресенскаго и д. Преображенки постановили мірскими приговорами платить экономіи кн. Щербатовой за выгонъ вмѣсто 1 р. 80 к. и 2 р. 40 к., по 1 р. за десятину. Въ Ардатовскомъ у. Симбирской губ. были протесты противъ высокихъ арендныхъ цѣнъ, «возникшіе вслѣдствіе безтактности управляющихъ, получающихъ отъ сдачи земли высокій коммерческій процентъ», и требованія болѣе льготныхъ условій сдачи земель. Въ Балахнинскомъ у. крестьяне потребовали возстановленія прежнимъ арендныхъ цѣнъ, за послѣднее время сильно вздутыхъ. Въ Кіевской губ. крестьяне предъявляли требованія объ оставленіи аренды нынѣшними арендаторами и объ отдачѣ земли имъ, крестьянамъ. Въ Балтскомъ у. Подолькой губ. въ им. Абамелекъ-Лазарева мѣстные чиншевики давно уже настойчиво домогались передачи имъ въ аренду экономической земли, сданной тремъ лицамъ изъ ихъ общества, которые уже отъ себя раздавали земли въ аренду односельчанамъ. Въ 20-хъ числахъ апрѣля чиншевики предъявили управляющему имѣніемъ требованіе

Digitized by Google

объ изъятіи земли изъ владѣнія арендаторовъ и отдачѣ имъ въ аренду на прежнихъ условіяхъ. Въ ночь на 1-е мая крестьяне самовольно выгнали скотъ на земли экономіи. При задержаніи лошадей былъ убитъ крестьянинъ. Тогда толпа въ 1,000 ч. разгромила усадьбу Абамелекъ-Лазарева. Въ Курляндіи бѣднѣйшіе усадьбовладѣльцы требовали отъ помѣщиковъ болѣе льготныхъ арендныхъ условій. По словамъ цитированнаго уже выше г. Чижевскаго, въ своихъ требованіяхъ пониженія арендной платы крестьяне руководствуются слѣд. соображеніями: «Владѣлецъ земли, обрабатывая ее на свой рискъ и страхъ, съ помощью наемнаго труда, выручаетъ съ десятины чистый доходъ въ размѣрѣ не болѣе восьми рублей. Такую цѣну и согласны платить крестьяне. А что сверхъ сего, то уже —потъ и кровь арендаторовъ, которыми они разсчитываться не желаютъ». Для урегулированія арендныхъ отношеній необходимо созданіе арендnаго права, гарантирующаго земледѣльцу плоды его улучшеній, и учрежденіе примирительныхъ палатъ, составленныхъ изъ равнаго числа выборныхъ представителей отъ арендаторовъ и землевладѣльцевъ, для регулированія арендой платы въ интересахъ трудящихся и для разбора споровъ и несогласій между арендаторами и землевладѣльцами.

Наконецъ, цѣлый радъ аграрныхъ движеній произошелъ на основѣ отношеній найма и имѣлъ своею цѣлью улучшеніе положенія сельскихъ батраковъ и повышеніе платы поденщикамъ. Начнемъ нашъ обзоръ съ Прибалтійскаго края. Движеніе началось въ февралѣ съ Юрьевскаго уѣзда Лифляндской губ. и Вейсенштейнскаго у. Эстляндской губ. Мызные рабочіе требовали сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы. Въ Юрьевскомъ у., въ имѣніи Мекгофъ и Кастеръ, чтобы скорѣе достигнуть выполненія своихъ требованій, рабочіе перестали давать лошадямъ и коровамъ кормъ. Въ им. Алацкиви 2 марта мызные рабочіе прекратили работы. Депутаты рабочихъ предъявили управляющему, который вышелъ къ нимъ

Digitized by Google

вмѣстѣ съ лѣсничимъ, требованія объ увеличеніи заработной платы, сокращеніи рабочаго дня, освобожденіи отъ воскресныхъ работъ и т. д. Управляющій и лѣсничій имѣли въ рукахъ ружья, и какъ только рабочіе хотѣли приблизиться, было произведено въ депутатовъ два выстрѣла; одинъ изъ рабочихъ былъ убитъ, а другой—тяжело раненъ. Толпа разгромила замокъ и сожгла 5 сараевъ. Въ Венденскомъ у. на собраніяхъ рабочихъ выкидывался красный флагъ. Оттуда движеніе перекинулось въ Гробинскій и Газенпотскій уу. Курляндской губ. Тамъ также происходили демонстраціи съ красными флагами. Потомъ началось движеніе въ Гольдингенскомъ и Виндавскомъ уу., также съ красными флагами. Въ им. Толама Верроскаго у. отношенія между владѣльцемъ и мызными рабочими приняли столь острый характеръ, что съ обѣихъ сторонъ прибѣгли къ оружію. Во время перестрѣлки нѣсколько рабочихъ было ранено; черезъ нѣсколько дней озлобленные рабочіе сожгли принадлежащую имѣнію корчму, предварительно вынеся изъ нея имущество корчмаря. Потомъ были сожжены паровая мельница, лѣсопильня и сушильня, въ которой сгорѣло много хлѣба; двери и окна въ домѣ мызнаго управленія были разбиты. Аграрные безпорядки имѣли мѣсто также въ Рижскомъ и Ревельскомъ уу. Въ им. Лунія рабочими изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ имѣній предводительствовалъ вернувшійся изъ Маньчжуріи раненый солдатъ. При усмиреніи безпорядковъ въ им. Мойзекацъ (Верроскій у.) солдаты стрѣляли и ранили 13 ч., изъ нихъ одинъ вскорѣ умеръ.

Латышское сельскохозяйственное общество въ Митавѣ подвергло вопросъ о батракахъ особому обстоятельному обсужденію, въ особенности вопросъ о семейныхъ батракахъ, положеніе которыхъ въ большинствѣ случаевъ признано невыносимымъ. По сообщенію «Биржевыхъ Вѣдомостей» сельскохозяйственное общество высказалось за слѣд. мѣры: 1) установить норму лѣтняго рабочаго дня, кромѣ случаевъ необходимыхъ, срочныхъ и спѣшныхъ

Digitized by Google

лѣтнихъ работъ; 2) улучшить квартиры для рабочихъ; 3) учредить фондъ съ цѣлью призрѣнія и обезпеченія рабочихъ въ старости; 4) принять самыя энергичныя усилія—образованіемъ ли особаго фонда или какъ-нибудь иначе, чтобы дать рабочимъ возможность пріобрѣтать землю и дѣлаться самостоятельными хозяевами; 5) обратить вниманіе на обученіе дѣтей рабочихъ; 6) ходатайствовать о предоставленіи рабочимъ права собраній по волостямъ, или инымъ районамъ, для обсужденія своихъ нуждъ. Въ числѣ требованій батраковъ заслуживаетъ вниманія ихъ желаніе получать провизію по вѣсу, а не мѣрами. По словамъ корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей», мѣра хлѣба «можетъ вѣсить больше или меньше, въ зависимости отъ его доброкачественности и полновѣсности. Поэтому нерѣдки случаи, когда хозяева свой хорошій хлѣбъ предпочитаютъ продать, а для рабочихъ покупаютъ и выдаютъ имъ плохой, легковѣсный хлѣбъ,—лишь бы выдать обусловленное число мѣръ». По свѣдѣніямъ «Русскихъ Вѣдомостей», требованія батраковъ въ общихъ чертахъ сводились къ увеличенію жалованія на 25%, улучшенію квартиръ, уменьшенію числа обязательныхъ рабочихъ дней на помѣщика, установленію лѣтняго рабочаго дня въ 12—13 ч. и т. д. По сообщенію корреспондента этой газеты, «въ началѣ текущаго года въ деревняхъ Прибалтійскаго края среди помѣщичьихъ батраковъ началось броженіе. Подъ вліяніемъ январскихъ событій и частыхъ стачекъ, которыя крестьянамъ приходилось наблюдать почти во всѣхъ городахъ края, движеніе среди батраковъ все возрастало, принимая характеръ открытой стачки. Слѣдуетъ замѣтить, что въ движеніи принимали участіе только помѣщичьи батраки, составляющіе меньшинство сельскохозяйственныхъ рабочихъ края; большинство-же батраковъ, работающихъ у крестьянъ-усадьбовладѣльцевъ, никакого участія въ стачкѣ не принимало, не потому, конечно, чтобы имъ жилось лучше, чѣмъ помѣщичьимъ батракамъ, а потому, что у нихъ еще мало развито чувство самосознанія, чув-

Digitized by Google

ство сознанія своихъ классовыхъ интересовъ. Движеніе среди батраковъ началось въ концѣ февраля нынѣшняго года. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Лифляндіи и Курляндіи состоялись сходки батраковъ, на которыхъ были выработаны общія требованія батраковъ къ помѣщикамъ и программа стачки, которую рѣшено было устроить, если помѣщики откажутся удовлетворить требованія рабочихъ. Такъ оно и случилось: помѣщики, за двумя-тремя исключеніями, отказались войти въ соглашеніе съ батраками. Вслѣдъ затѣмъ немедленно началась всеобщая стачка помѣщичьихъ батраковъ. Стачка съ самаго начала носила совершенно мирный характеръ (за исключеніемъ примѣненія нѣсколькихъ случаевъ обструкціи къ товарищамъ, не примкнувшимъ къ стачкѣ). Происшедшія черезъ нѣкоторое время столкновенія съ полиціей и поджоги помѣщичьихъ усадебъ были вызваны нетактичными пріемами «усмиренія», которые были примѣнены полиціей къ стачечникамъ. Администрація края, понятно, выступила горячей защитницей помѣщичьихъ интересовъ и придала мирному стачечному движенію батраковъ характеръ стихійныхъ крестьянскихъ бунтовъ. Каковы бы ни были матеріальныя послѣдствія этой стачки, нравственное значеніе ея громадно для всего рабочаго населенія края. Эта стачка неизбѣжно приведетъ къ образованію сильныхъ, правильно организованныхъ союзовъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, открытыхъ или тайныхъ,—это будетъ зависѣть отъ общаго хода событій въ Россіи. Во всякомъ случаѣ уже теперь рабочіе союзы въ Прибалтійскомъ краѣ представляютъ собою силу, съ которой правительству приходится серьезно считаться».

Въ царствѣ Польскомъ аграрное движеніе началось въ концѣ января въ Сѣдлецкой губ., оттуда перешло въ Люблинскую и, наконецъ, въ Варшавскую губ. По свѣдѣніямъ «Сына Отечества», «движеніе это началось съ требованій сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ о повышеніи имъ платы за трудъ и вообще

Digitized by Google

объ улучшеніи ихъ положенія и быта. До выясненія результатовъ рабочіе забастовали. Требованія, предъявленныя сельскохозяйственными рабочими, сводятся, главнымъ образомъ, къ повышенію заработной платы на 5 руб. въ годъ, предоставленію имъ безплатной и постоянной врачебной помощи, пары коровъ для семьи, улучшенію продовольствія, учрежденію школы для дѣтей рабочихъ». «Слово» передаетъ содержаніе одного листка, циркулировавшаго среди батраковъ. Въ ней требуется, чтобы помѣщикъ не обращался къ рабочему на ты, а говорилъ ему вы; если помѣщикъ ударитъ рабочаго, работы немедленно должны быть прекращены, пока помѣщикъ не извинится публично; ординарія должна быть увеличена до 2 коровъ на семью, 18 корцевъ картофеля (вмѣсто 8), жалованье до 300 руб. въ годъ, отводъ земли подъ огородъ и картофельное поле для каждой семьи, увеличеніе поденной платы до 50 к., въ зависимости отъ времени года, уничтоженіе ненавистной «посылки» и т. п. Безпорядки повсюду начинались одинаковымъ образомъ: именно, на дворъ помѣщика являлось человѣкъ 5 вооруженныхъ револьверами работниковъ и требовали, чтобы батраки прекратили работу и шли съ ними. Если хозяинъ добрый, они позволяли задать кормъ скотинѣ и лошадямъ; если онъ не пользовался любовью, его оставляли на произволъ судьбы. Такъ собирались помѣщичьи рабочіе изъ нѣсколькихъ деревень; такъ они шли изъ деревни въ деревню, прекращая въ встрѣчныхъ экономіяхъ работу до выполненія предъявленныхъ требованій. Къ забастовавшимъ рабочимъ присоединялась также вся прислуга помѣщичьяго дома. Ей, однако, не возбранялось возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей, но лишь на условіи сопутствовать толпѣ при посѣщеніи не менѣе, чѣмъ шести фольварковъ. Затѣмъ желающимъ изъ помѣщичьей прислуги предоставлялось право вернуться домой. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ забастовали также работницы, такъ что доить коровъ было некому, задать кормъ животнымъ—также. Цѣлый день батраки путеше-

Digitized by Google

ствовали обыкновенно изъ одного имѣнія въ другое, на ночь же располагались на ночлегъ въ какомъ либо фольваркѣ. Толпа вела себя совершенно смирно, ни надъ личностью помѣщика, ни надъ его имуществомъ никакихъ насилій не учиняла, а ограничивалась лишь тѣмъ, что требовала отъ помѣщика или продовольствія по числу явившихся въ имѣніе «натурой» или же по 10 к. на каждаго на «харчъ». Помѣщики обыкновенно противъ этого не протестовали, выдавая, сообразно числу людей 50, 75 и до 100 руб. на продовольствіе. Получая отъ помѣщика деньги, рабочіе настоятельно требовали отъ него также письменнаго удостовѣренія о своемъ посѣщеніи имѣнія. Поладивъ съ помѣщикомъ, толпа предлагала ему подумать и дать отвѣтъ на предъявленныя требованія и мирно удалялась. 8 марта толпа рабочихъ въ 200 человѣкъ направилась изъ Гостынинскаго уѣзда Варшавской губ. въ Кутновскій; ихъ встрѣтили войска, давшія два залпа; убито 11 чел. (въ томъ числѣ 3 женщины) и ранено 10 чел. По свѣдѣніямъ «Слова», было дано 3 залпа, отъ которыхъ пострадало болѣе 60 человѣкъ; большинство ранъ получено въ спину. Въ апрѣлѣ началось движеніе среди сельскихъ батраковъ въ Ушицкомъ, Проскуровскомъ, Каменецкомъ, Брацлавскомъ и Могилевскомъ уѣздахъ Подольской губ. Началось съ того, что гдѣ-то во время ярмарки кто-то изъ крестьянъ громогласно объявилъ самими крестьянами установленную норму заработной за сельскохозяйственный трудъ платы, по примѣру того, какъ представители владѣльческихъ экономій тамъ же объявляли цѣны на различные сельскохозяйственные продукты. Потомъ крестьяне многихъ селъ Проскуровскаго уѣзда собрали мірскіе сходы и установили на нихъ минимальную рабочую плату, за которую «батраки» могутъ «итти въ наймы». Крестьяне цѣлыми селами ходили по помѣщичьимъ экономіямъ и требовали отъ рабочихъ, подъ угрозой расправы, прекращенія работъ и присоединенія къ ихъ требованіямъ. Движеніе охватило въ трехъ уѣздахъ 110 селеній.

Digitized by Google

Въ Кіевской губ. подобное же движеніе охватило въ маѣ 9 уѣздовъ, а также Житомірскій уѣздъ Волынской губ.

Дополняя предъявленныя рабочими требованія нѣкоторыми пожеланіями, высказанными въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ 1902 г., мы получимъ слѣдующую программу реформъ въ области сельскохозяйственнаго найма: 1) отмѣна уголовныхъ наказаній за нарушеніе договора найма; 2) право стачекъ; 3) право собраній и союзовъ; 4) законодательное регулированіе длины рабочаго дня; 5) установленіе праздничнаго отдыха; 6) запрещеніе эксплуатаціи труда дѣтей; 7) запрещеніе найма на сельскохозяйственныя работы дѣвушекъ до 18 лѣтъ и беременныхъ женщинъ,—съ момента появленія видимыхъ признаковъ беременности; 8) обращеніе налагаемыхъ на батраковъ штрафовъ на общеполезныя цѣли; 9) организація безплатной медицинской помощи рабочимъ за счетъ сельскихъ хозяевъ, съ сохраненіемъ заработной платы во время болѣзни; 10) обезпеченіе рабочимъ полнаго вознагражденія отъ предпринимателей за утраченную трудоспособность вслѣдствіе несчастнаго случая или профессіональной болѣзни; 11) организація государственнаго страхованія на случай старости и неспособности къ труду; 12) учрежденіе сельскохозяйственной инспекціи съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ въ надзорѣ за исполненіемъ законовъ, охраняющихъ интересы труда; 13) учрежденіе примирительныхъ палатъ, составленныхъ изъ равнаго числа выборныхъ представителей отъ сельскихъ хозяевъ и батраковъ, для установленія пищевыхъ и жилищныхъ нормъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и разбора всѣхъ споровъ и несогласій, возникающихъ между рабочими и предпринимателями; 14) организація биржъ труда съ участіемъ въ ихъ управленіи выборныхъ представителей отъ рабочихъ и 15) установленіе такой же отвѣтственности за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда, какая существуетъ за нарушеніе другихъ законовъ.

Такова въ общихъ чертахъ аграрная программа,

Digitized by Google

подсказываемая аграрнымъ движеніемъ этого года. Для центральной Россіи главное значеніе имѣетъ новое надѣленіе крестьянъ землею, для восточной и южной Россіи—регулированіе арендныхъ отношеній, для западныхъ губерній—регулированіе отношеній найма. Осуществленіе этихъ реформъ разрѣшитъ назрѣвшій въ Россіи аграрный вопросъ. Когда будетъ разрѣшенъ современный аграрный вопросъ, неизбѣжно возникнетъ новый аграрный вопросъ, для разрѣшенія котораго нужны будутъ уже иныя мѣры. Одно изъ цитированныхъ нами направленій общественной мысли боится, что новое надѣленіе крестьянъ землею, разрѣшая современный аграрный вопросъ, явится помѣхою для разрѣшенія грядущаго аграрнаго вопроса, того вопроса, который уже назрѣваетъ въ капиталистическихъ странахъ Запада. Сторонники этого направленія находятъ, что поддержка мелкой собственности реакціонна, ибо она направляется противъ крупнаго капиталистическаго хозяйства и задерживаетъ, слѣдовательно, общественное развитіе. Опасенія эти совершенно неосновательны. Пауперизація общинныхъ народныхъ массъ вовсе не способствуетъ развитію капитализма, а напротивъ, задерживаетъ его; развитіе капитализма предполагаетъ накопленіе капитала, развитіе производительныхъ силъ страны и повышеніе уровня жизни трудящихся классовъ. Поэтому, пауперизація народныхъ массъ мѣшаетъ ихъ пролетаризаціи. Пролетаризація трудящихся есть результатъ развитія новыхъ экономическихъ отношеній, сопряженныхъ обыкновенно съ повышеніемъ ихъ благосостоянія. Поэтому, борьба съ пауперизмомъ русской деревни не только не можетъ препятствовать развитію капитализма, но является необходимымъ условіемъ этого развитія. Далѣе, развитіе капитализма въ деревнѣ вовсе не означаетъ концентраціи производства, торжества крупнаго сельскаго хозяйства надъ мелкимъ. Въ обрабатывающей промышленности торжество крупнаго производства обусловливается широкимъ примѣненіемъ машинъ. Легкая подвижность сырыхъ матеріаловъ,

Digitized by Google

подлежащихъ обработкѣ въ промышленности, приводитъ къ неподвижному состоянію орудій обработки и работающаго ими рабочаго. На неподвижно стоящую фабрику втекаетъ потокъ сырыхъ матеріаловъ и вытекаетъ изъ нея уже въ видѣ обработанныхъ продуктовъ; концентрація процессовъ обработки въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ выгоднымъ примѣненіе возможно болѣе крупныхъ источниковъ силы и самыхъ громоздкихъ машинъ. Характеръ сырого матеріала въ земледѣліи—земли—приводитъ къ совершенно инымъ результатамъ. И орудія производства, и рабочіе должны перемѣщаться съ мѣста на мѣсто какъ при обработкѣ земли, такъ и при уборкѣ ея произведеній. Въ этихъ операціяхъ невозможно мало-мальски сложное раздѣленіе труда: рабочіе принуждены разсѣиваться въ пространствѣ, а не подраздѣлять между собою стадіи обработки одного и того же матеріала. Поэтому, машины въ сельскомъ хозяйствѣ не способны дать крупному производству тотъ перевѣсъ надъ мелкимъ, какой они даютъ въ обрабатывающей промышленности. Развитія соціалистическихъ отношеній производства въ сельскомъ хозяйствѣ мы должны ждать не отъ побѣды крупнаго производства надъ мелкимъ, а отъ развитія кооперативныхъ предпріятій. Вопросъ этотъ совершенно правильно разрѣшается другимъ изъ цитированныхъ выше направленій общественной мысли, которое ждетъ соціализаціи земледѣльческаго производства отъ развитія въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ кооперацій. Что же касается общиннаго землепользованія, то полноправные граждане, какими должны стать крестьяне, будутъ конечно имѣть право по собственному усмотрѣнію устраивать свои частныя дѣла,—какъ личныя, такъ и касающіяся той или иной группы лицъ, слѣдовательно, будутъ вольны или сохранить общинное владѣніе землею, или реформировать его, или перейти къ подворному владѣнію.

Въ заключеніе мы хотимъ указать на то принципі-

Digitized by Google

альное измѣненіе въ постановкѣ аграрнаго вопроса, которое произошло за послѣднее время. До сихъ поръ аграрный вопросъ былъ вопросомъ о крестьянахъ, такъ или иначе формулируемымъ и разрѣшаемымъ правительствомъ и правящими классами общества. Теперь вопросъ этотъ сталъ въ истинномъ смыслѣ слова крестьянскимъ вопросомъ: теперь ставятъ его сами крестьяне и пытаются разрѣшить его собственными силами. Перемѣна, происшедшая въ крестьянствѣ, довольно удачно очерчена свящ. М. Чельцовымъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ». «Я каждое лѣто, говоритъ о. Чельцовъ, мѣсяца два—три проживаю въ глухомъ уѣздѣ глухой губерніи, въ дѣревнѣ, гдѣ священникъ и становой—почти единственная интеллигенція и гдѣ только одна единственная благонамѣренность насаждается. И въ послѣдніе два—три года деревня стала неузнаваемой. Мужичекъ какъ-то незамѣтно умственно выросъ, кругозоръ его увеличился, и неправда жизненная имъ стала чувствоваться и сознаваться опредѣленнѣе, яснѣе и требовательнѣе. Онъ уже и начинаетъ возмущаться барствомъ, —не потому, впрочемъ, что тѣ—бары, а онъ—мужикъ, а потому, что у баръ онъ видитъ много неправды по отношенію къ себѣ, а у властей—потачки первымъ и угнетеніе его. И вотъ результаты: 1) во многія деревни полиція мѣстная боится уже показываться, а урядника нерѣдко стали и поколачивать,—и уже совершенно не въ пьяномъ видѣ и не по пьяному дѣлу, а преднамѣренно, обдуманно; 2) прошлымъ лѣтомъ какъ-то безъ широкаго уговора явилась стачка. Мужички селъ, діаметръ которыхъ простирается верстъ на 70, рѣшили итти на полевыя работы въ страдную пору къ купцамъ и барамъ не иначе, какъ если тѣ будутъ платить имъ по 12 руб. за уборку десятины... Бары сначала посмѣивались, потомъ стали и негодовать; а мужички все стояли на своемъ. Такъ, въ концѣ-концовъ и пришлось вступить съ ними въ переговоры и послѣ взаимныхъ уступокъ работа началась». Наиболѣе интеллигентною частью крестьянства являются люди, побывавшіе

Digitized by Google

въ отходѣ на фабрикахъ и заводахъ. По свидѣтельству А. Н. Максимова, корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», «современная деревня изъ своей собственной среды уже начинаетъ выдѣлять элементы, становящіеся во главѣ подобныхъ (аграрныхъ) движеній, и особенно это можно сказать про деревни, гдѣ сильно развиты отхожіе промыслы, что и было въ данномъ районѣ (губ. Орловская, Курская, Черниговская)... Отхожіе промыслы вообще здѣсь развиты сильно въ виду совершенной необезпеченности крестьянъ землей и недостаточности мѣстныхъ заработковъ. Идутъ преимущественно на югъ, въ Одессу, на заводы Юза и т. д., плотниками, каменщиками, шахтерами. Вотъ эти-то лица, уже вошедшія въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ городомъ и заводскими центрами, и явились наиболѣе активными участниками безпорядковъ какъ въ Сальномъ, такъ, повидимому, и въ другихъ мѣстахъ... Не надо, однако, преувеличивать значенія этихъ мѣстныхъ руководителей безпорядковъ; роль ихъ очень ограничена и сводится къ тому, что они только помогаютъ крестьянамъ столковаться между собою, можетъ быть, ускоряютъ отдѣльныя вспышки, и только. Вообще же движеніе создается не ими, а возникаетъ самостоятельно вслѣдствіе полной неудовлетворительности условій крестьянской жизни, экономической необезпеченности крестьянства и его безправнаго положенія». По свидѣтельству г. Н. Шебуева, корреспондента «Руси», въ с. Гламаздинѣ «въ толпѣ «для порядку» выкинули красный флагъ. Такъ въ Юзовскихъ шахтахъ дѣлали. Крестьяне были увѣрены, что флагъ является символомъ порядка. Для того и вывѣсили флагъ, чтобы знали, что мы идемъ не на разбой, не для озорства, а за дѣломъ». Красные флаги, этотъ символъ городского пролетаріата, фигурировалъ также въ Прибалтійскомъ краѣ. По свидѣтельству другого корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей» г. И. У., «теперь деревня жадно читаетъ газеты—и не однѣ «Дружескія Рѣчи» князя Мещерскаго. Современная деревня уже далеко не та, какою она была всего

Digitized by Google

какихъ-нибудь десять лѣтъ назадъ. Она проснулась, она выросла, и хотя ощупью, но сознаніе ея начинаетъ работать надъ разрѣшеніемъ больныхъ вопросовъ. Въ деревнѣ народился совершенно новый типъ крестьянина,—крестьянина рабочаго, уходящаго на заработки, но не порывающаго вполнѣ съ деревней. Теперь не рѣдкость встрѣтить мужика, побывавшаго и въ Одессѣ, и на Кавказѣ, и на южныхъ заводахъ. Это уже не сѣрые, рядовые крестьяне, не умѣющіе ни въ чемъ разобраться. Эти люди вносятъ въ деревню элементъ сознанія и организованности и являются тамъ соціальнымъ грибкомъ, который разлагаетъ былыя патріархальныя отношенія и міросозерцаніе деревни. Этому умственному пробужденію, какъ это ни странно кажется на первый взглядъ, большую услугу оказалъ покойный Плеве. Его массовыя высылки рабочихъ изъ столицъ и фабричныхъ центровъ разнесли идеи рабочаго движенія по всей Россіи, не минуя и деревень». Благодаря «мѣропріятіямъ» политической полиціи, красный флагъ проникъ и въ деревню. Охранительная печать и въ этомъ году, какъ въ 1902, пыталась пустить въ оборотъ легенду о «злонамѣренныхъ лицахъ», «революціонерахъ-агитаторахъ», которые произвели-де аграрные безпорядки. На самомъ дѣлѣ, вожакомъ и организаторомъ движенія была крестьянская, а не пришлая интеллигенція. О пришлыхъ агитаторахъ мы находимъ весьма интересныя свѣдѣнія въ уже цитированной корреспонденціи А. Н. Максимова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «были-ли въ районѣ безпорядковъ посторонніе агитаторы изъ интеллигентной среды? На мѣстахъ, при поѣздкѣ туда, мнѣ пришлось слышать много разсказовъ о лицахъ, разъѣзжавшихъ то въ военной формѣ, то въ монашеской рясѣ, то подъ видомъ странника и возбуждавшихъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, но несмотря на обиліе этихъ разсказовъ, ни разу мнѣ не пришлось встрѣтиться съ человѣкомъ, который бы самъ видѣлъ кого-либо изъ этихъ разъѣзжихъ агитаторовъ. Всѣ говорили съ чужихъ словъ и притомъ въ такой формѣ,

Digitized by Google

что не могло быть никакого сомнѣнія въ легендарности этихъ разсказовъ; не только разные разсказчики противорѣчили самымъ рѣшительнымъ образомъ другъ другу, но и каждый отдѣльный изъ нихъ не могъ въ своемъ разсказѣ свести концовъ съ концами и запутывался въ собственныхъ противорѣчіяхъ. Обыкновенно въ одной деревнѣ говорятъ, что у нихъ никого не было, а пріѣзжалъ кто-то въ сосѣднюю деревню, тамъ это отрицаютъ и ссылаются на третью и т. д. до безконечности. Правда, я былъ на мѣстахъ безпорядковъ слишкомъ недолго, чтобы считать свои впечатлѣнія вполнѣ безошибочными, но къ аналогичному со мной выводу о легендарности всѣхъ разсказовъ о разъѣзжихъ постороннихъ агитаторахъ пришелъ также и г. Мировъ, корреспондентъ «Русскаго Слова», и тоже самое говоритъ большинство мѣстныхъ интеллигентныхъ дѣятелей». Наблюденія А. Н. Максимова подтверждаются сообщеніемъ въ «Новомъ Времени» Е. А. Пушкина, лица, стоявшаго «очень близко къ производству дѣлъ о безпорядкахъ въ Харьковской губ.». По словамъ г. Пушкина, при разслѣдованіи аграрныхъ безпорядковъ 1902 г. «никакихъ агитаторовъ или постороннихъ подстрекателей обнаружено не было... Правда, нѣкоторые изъ крестьянъ, свидѣтели и обвиняемые, указывали, что въ народѣ ходили слухи про какихъ-то «скубентовъ», и многіе изъ нихъ ходили смотрѣть на нихъ, но никто, однако, ихъ не видѣлъ. Равнымъ образомъ рѣшительно никто не видѣлъ и «генераловъ», а также «высокопоставленныхъ лицъ», по слухамъ разъѣзжавшихъ по селамъ и будто бы указывавшихъ крестьянамъ очередь, которую они должны соблюдать при «разбираніи» экономій; но тѣмъ не менѣе крестьяне были убѣждены въ дѣйствительномъ появленіи этого начальства и на судѣ упорно подтверждали это, причемъ, по слухамъ, конечно, описывали даже, какъ это начальство было одѣто («пальто съ ясными пуговицами, а разстегнетъ его—на шеѣ видна царская медаль»).

Всѣ этого рода свидѣтельства дѣлаютъ несомнѣн-

Digitized by Google

нымъ, что «сторонніе подстрекатели» тутъ не причемъ, что въ народѣ уже создалась своя интеллигенція, свои вожаки и организаторы. За разрѣшеніе крестьянскаго вопроса взялись теперь сами крестьяне, и законодательное урегулированіе его не можетъ быть далѣе откладываемо.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

С. Прокоповичъ.

Длина рабочаго дня
по русскому законодательству.

Изд. Н. Е. Парамонова
„Донская Рѣчь"
въ Ростовѣ на Дону.

Digitized by Google

Дозволено цензурою 11 апрѣля 1905 г. Ростовъ н-Д.

Ростовъ на Дону.
Типографія „Донская Рѣчь".
1905.

Digitized by Google

Длина рабочаго дня по русскому законодательству.

С. Прокоповича.

I.

Первымъ актомъ новѣйшаго фабричнаго законодательства является въ Россіи законъ 1882 г., ограничившій эксплоатацію дѣтскаго труда. Ему предшествовали нѣсколько частныхъ законоположеній, облегчившихъ положеніе нѣсколькихъ спеціальныхъ категорій рабочихъ. Такъ, еще въ 1838 г. было воспрещено употреблять на казенныхъ горныхъ заводахъ въ работу малолѣтнихъ до 12 лѣтъ; въ 1845 г. была запрещена работа малолѣтнихъ на фабрикахъ ночью,—однако законъ этотъ, по свидѣтельству М. И. Туганъ-Барановскаго, «никакого практическаго значенія не имѣлъ; странно, продолжаетъ Т.-Б., что онъ совсѣмъ не попалъ въ «Сводъ законовъ» и былъ необыкновенно скоро совершенно забытъ; правительственныя комиссіи 60-хъ годовъ и послѣдующія, разрабатывавшія вопросъ о

Digitized by Google

запрещеніи ночной работы малолѣтнихъ, и не вспоминаютъ объ этомъ законѣ, какъ-будто бы его совсѣмъ не было [1]). Въ 1860 г. былъ прекращенъ пріемъ въ мастерскія морского вѣдомства дѣтей моложе 13 лѣтъ, малолѣтніе, принятые въ мастерскія, въ теченіе 7 лѣтъ не могли быть употребляемы въ работу болѣе 7 ч. въ день. Согласно положенію о рабочихъ казенныхъ и частныхъ горныхъ заводовъ 1861 г., дѣти моложе 12 лѣтъ не могутъ быть принимаемы въ заводскія работы; малолѣтніе моложе 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы работой болѣе 8 часовъ въ сутки, и не иначе, какъ днемъ, а при рудникахъ —только на поверхности, а не внутри рудниковъ. Эти ограниченія труда дѣтей и подростковъ были распространены только на Александровскій заводъ Николаевской ж. д. Артиллерійское вѣдомство, по приказу 1870 г., не допускаетъ къ работѣ дѣтей моложе 12 лѣтъ; какъ взрослые рабочіе, такъ и подростки работаютъ 10 час. въ сутки; ночныя работы воспрещаются [2]).

Съ начала 80-хъ гг. эти частныя и случайныя мѣры уступаютъ мѣсто болѣе систематичной защитѣ интересовъ рабочихъ. Этой законодательной работѣ предшествовалъ періодъ комиссій. Еще въ эпоху реформъ 60-хъ гг., на ряду съ крестьянскимъ вопросомъ, былъ поднятъ вопросъ о полной переработкѣ фабричнаго и ремесленнаго уставовъ. Въ 1859 г. была учреждена при СПБ. генералъ-губернаторѣ комиссія для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Петербургѣ и его уѣздѣ, въ томъ же 1859 г. при министерствѣ финансовъ— комиссія для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго, подъ предсѣдательствомъ Штакельберга; въ 1870 г.—

---

[1]) Русская фабрика, т. I. 1900, стр. 176.

[2]) Е. Андреевъ. Работа малолѣтнихъ въ Россіи и Зап. Европѣ, 1884, стр. 91—92.

Digitized by Google

комиссія по пересмотру законовъ о личномъ наймѣ рабочихъ и прислуги, подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева; выработанный ею проэктъ поступилъ на разсмотрѣніе новой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ гр. Валуева. Но труды этихъ комиссій, ходатайства съѣздовъ фабрикантовъ и Владимірскаго земства были совершенно безрезультатны. Гуманныя намѣренія, приведшія къ образованію всѣхъ этихъ комиссій, не перешли въ область соціальной дѣйствительности. Ихъ труды были похоронены государственнымъ совѣтомъ, который «нашелъ, что нынѣшнія узаконенія о наймѣ рабочихъ дѣйствительно представляютъ болѣе или менѣе существенныя неудобства, имѣющія, однако, частный характеръ. Устраненіе сихъ послѣднихъ удобнѣе можетъ быть достигнуто путемъ отдѣльнаго разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ тѣхъ вопросовъ, которые, по указаніямъ практики, окажутся имѣющими наиболѣе важное и настоятельное значеніе. Руководствуясь сими соображеніями, государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ: Предоставить министрамъ, по мѣрѣ обнаруживающейся на опытѣ потребности, входить въ государственный совѣтъ съ представленіями объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ о рабочихъ узаконеній по тѣмъ отдѣльнымъ предметамъ, которые будутъ требовать ближайшаго опредѣленія въ законодательномъ порядкѣ». Это постановленіе, принятое госуд. совѣтомъ въ 1880 г., провозгласило принципъ реальной политики по рабочему вопросу. Отнынѣ рабочимъ нечего было ожидать своего дня 19 февраля въ интересахъ гуманности и развитія производительныхъ силъ страны. Государственную помощь они могли получить только путемъ самопомощи.

Обще-государственный мотивъ охраны производительныхъ силъ страны игралъ выдающуюся роль только въ изданіи закона 1 іюня 1882 г. Въ интересахъ народнаго

Digitized by Google

хозяйства необходимо было оградить малолѣтнихъ отъ чрезмѣрной эксплоатаціи ихъ труда калѣчащей молодой организмъ и пагубно отражающейся на работоспособности взрослыхъ рабочихъ. Но и въ этомъ законодательномъ актѣ активную роль игралъ застой промышленности, начавшійся съ осени 1880 г., вызвавшій сокращеніе оборотовъ фабрикъ, пониженіе заработной платы и роспускъ рабочихъ. На эти мѣры фабрикантовъ рабочіе отвѣтили рядомъ безпорядковъ и стачекъ [1]). При такомъ положеніи рабочаго рынка ограниченія въ эксплоатаціи дѣтскаго труда должны были не только пройти безъ затрудненій для предпринимателей, но и способствовать сохраненію общественнаго порядка, нѣсколько увеличивъ спросъ на взрослыхъ рабочихъ. Государственный совѣтъ, обсуждая законопроэктъ о сокращеніи труда малолѣтнихъ, нашелъ, что «дѣти недостаточныхъ классовъ привлекались, въ огромномъ числѣ, къ преждевременнымъ, по ихъ возрасту, и утомительнымъ, по своей продолжительности, работамъ въ различныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Разрушая физическія силы этихъ дѣтей, подобныя работы лишали ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможности усваивать въ школѣ твердыя начала религіи и нравственности и пріобрѣтать необходимыя для осмысленной жизни, а также для техническихъ производствъ, познанія. Надломленныя физически и нравственно, они оказывались впослѣдствіи неспособными быть полезными гражданами и легко поддавались воспріятію революціонныхъ ученій». На основаніи совокупности этихъ мотивовъ, законъ 1882 г. воспретилъ фабрично-заводскую работу дѣтямъ, не достигшимъ возраста 12 лѣтъ; разрѣшилъ употреблять въ работу малолѣтнихъ 12—15

---

[1]) См. Приклонскій, Внутр. обозрѣнія въ «Русской Мысли», 1882, кн. IV и V.

Digitized by Google

лѣтъ только въ теченіе 8 часовъ въ сутки, при условіи непрерывнаго занятія работою не долѣе 4-хъ часовъ сряду; запретилъ употреблять малолѣтнихъ на работы, вредныя для ихъ здоровья или признаваемыя изнурительными; воспретилъ употребленіе ихъ для ночныхъ работъ, отъ 9 час. вечера до 5 ч. утра, а также работу въ воскресные и праздничные дни.

Несмотря на то, что уже болѣе 20 лѣтъ фабричная инспекція работаетъ надъ проведеніемъ этого закона въ жизнь, до сихъ поръ нерѣдки случаи его нарушенія. По даннымъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, число этихъ случаевъ равнялось:

	Вторая полов. 1900 г.	1901 г.	1902 г.
допущ. къ работѣ малолѣтнихъ моложе 12 лѣтъ	41	62	55
занятіе подростковъ 12 15 л. воспрещенной для нихъ работой	30	40	32
занятіе подростковъ 12-15 лѣтъ сверхъ устан. закономъ времени	152	249	230

Итого въ среднемъ въ годъ 356 случаевъ нарушенія закона. Малоуспѣшность усилій фабричной инспекціи несомнѣнно обусловливается ея чрезмѣрно мягкимъ отношеніемъ къ нарушителямъ закона—только въ 12,23% констатированныхъ случаевъ нарушенія закона ею составлены протоколы, и виновные привлечены къ отвѣтственности.

Въ 1884 г. было разрѣшено, въ видѣ временной мѣры, занимать малолѣтнихъ работой 6 часовъ сряду, съ тѣмъ условіемъ, чтобы общая продолжительность работы малолѣтнихъ, въ теченіе сутокъ, не превышала 6 часовъ. Въ 1885 г. былъ изданъ законъ о воспрещеніи ночной работы женщинъ и подростковъ. Исторію этого закона раз-

Digitized by Google

сказываетъ намъ М. И. Туганъ-Барановскій: «Въ 1883 г. многія бумагопрядильныя и другія фабрики Петербурга сократили работу и отпустили значительную часть рабочихъ. Это дало поводъ с.-петербургскому градоначальнику Грессеру пригласить прядильныхъ фабрикантовъ для выясненія причинъ сокращенія работъ. Приглашенные фабриканты объяснили, что сокращеніе производства вызывается кризисомъ. Единственнымъ средствомъ для устраненія кризиса, по мнѣнію фабрикантовъ, являлось «повсемѣстное воспрещеніе ночныхъ работъ» [1]). Въ виду этого, они подали 25 января 1884 г. Грессеру прошеніе, въ которомъ ходатайствовали объ изданіи закона, запрещающаго ночныя работы несовершеннолѣтнимъ и женщинамъ «съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать сокращенію производства, которое достигло въ послѣднее время столь значительныхъ размѣровъ, что переполнились товаромъ всѣ рынки». Грессеръ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ петербургскихъ фабрикантовъ и передалъ ихъ прошеніе въ министерство финансовъ... Между тѣмъ промышленный кризисъ, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ правительственнаго надзора за отношеніями хозяевъ къ рабочимъ, повелъ въ концѣ 1884 и началѣ 1885 г. къ волненіямъ рабочихъ на нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикахъ Московской и Владимірской губерній... Дѣло двинулось. Несмотря на оппозицію московскихъ фабрикантовъ, 3 іюня 1885 года былъ изданъ законъ о воспрещеніи ночной работы женщинъ и дѣтей въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ производствахъ [2]). По свидѣтельству г. Литвинова-Фалинскаго, законъ этотъ, какъ и законъ 1886 г.,

[1]) Ср. Янжулъ. Фабричный бытъ Московской губ., 1884 г., стр. 56. Песковъ. Фабричный бытъ Владимірской губ., стр. 59-60.

[2]) Туганъ-Барановскій, l. c., стр. 408-9.

Digitized by Google

былъ изданъ съ большою «спѣшностью» [1]). Законъ 1885 г. воспрещалъ женщинамъ и подросткамъ, не достигшимъ 17-ти лѣтъ, ночныя работы на хлопчато-бумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ. Въ 1886 г. запрещеніе это было распространено на фабрики льнопрядильныя, льнотрепальныя и изготовляющія смѣшанныя ткани; въ 1895 г.—на заведенія, занимающіяся обработкой джута и пеньки, въ 1897 г. —шелка, въ 1898 г.—на тѣ отдѣленія спичечнаго производства, въ которыхъ воспрещена работа малолѣтнихъ рабочихъ.

По сводамъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, число случаевъ нарушенія этого закона равнялось:

во 2-й половинѣ 1900 г. 13
1901 г. 18
1902 г. 14

Протоколовъ фабричной инспекціей было составлено только 2, т. е. въ 4,4% всего числа случаевъ.

Уходъ Н. Х. Бунге съ поста министра финансовъ неблагопріятно отразился на дальнѣйшемъ развитіи нашего рабочаго законодательства. Новому министру Вышнеградскому были поданы въ мартѣ 1887 г. два ходатайства московскаго отд. общества для содѣйствія промышленности и торговлѣ [2]), въ августѣ того же года—докладная записка всероссійскаго купечества, съѣхавшагося на Нижегородскую ярмарку. Министръ призналъ основательными желанія купечества и обѣщалъ немедленно же приступить къ исправленію фабричныхъ законовъ [3]). Плодомъ этого обѣщанія

[1]) Литвиновъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи, 1900 г., стр. 119.

[2]) Содержаніе ихъ см. „Русское Обозрѣніе", 1893, IV. Къ вопросу о фабричной инспекціи.

[3]) Туганъ-Барановскій, I. c., стр. 417.

Digitized by Google

былъ законъ 1890 г. Министръ финансовъ находилъ нужнымъ сохранить и въ будущемъ пользованіе трудомъ 10—11 лѣтнихъ дѣтей, такъ какъ такія дѣти допускаются фабрикантами къ работамъ не изъ-за выгодъ, доставляемыхъ трудомъ подобныхъ рабочихъ, а единственно изъ человѣколюбія. «Нѣкоторые фабриканты,—сказано въ представленіи министерства финансовъ,—прямо заявляли, что, принимая такихъ малолѣтковъ на работы, они руководствовались единственно сожалѣніемъ къ участи этихъ дѣтей и скорѣе готовы подчиняться взысканіямъ за нарушеніе закона, нежели не призрѣть дѣтей работавшихъ у нихъ лицъ или не оказать помощи тамъ, гдѣ то представляется необходимымъ» [1]). Государственный Совѣтъ не убѣдился этими доводами: онъ нашелъ, «что фабричная работа является наименѣе удобною и желательною формою призрѣнію малолѣтнихъ, имѣющихъ всего 10 или 11 лѣтъ отъ роду. Не слѣдуетъ забывать, что двѣнадцатилѣтній возрастъ избранъ былъ какъ наименьшая норма для допущенія къ фабричному труду по соображеніямъ первостепенной важности. По единогласному свидѣтельству науки и практики, работа на фабрикахъ и заводахъ, хотя бы въ самыхъ необременительныхъ ея видахъ, дѣйствуетъ разрушительно на физическое развитіе и здоровье дѣтей, не достигшихъ указаннаго возраста. Въ то же время пребываніе въ средѣ взрослыхъ фабричныхъ рабочихъ, далеко не всегда отличающихся строгостью нравовъ, причиняетъ явный, нерѣдко непоправимый вредъ нравственности дѣтей. Такимъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ призрѣніе дѣтей, путемъ зачисленія ихъ въ фабричные рабочіе, покупалось бы слишкомъ дорогою цѣною пожертвованія ихъ здоровьемъ и нравственнымъ развитіемъ». Но на другія ограни-

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1890, кн. V, Внутр. Обозрѣніе стр. 365—6.

Digitized by Google

ченія законовъ 1882—1885 гг. Государственный Совѣтъ изъявилъ свое согласіе. Законъ 1890 г. разрѣшилъ занимать малолѣтнихъ работою въ теченіе 9 часовъ въ сутки, по $4^1/_2$ ч. въ смѣну на фабрикахъ, на которыхъ введена 18 часовая работа двумя смѣнами; непрерывную 6 час. работу въ одну смѣну, съ тѣмъ, чтобы продолжительность работы малолѣтнихъ не превышала 6 час. въ сутки, превративъ временную мѣру 1884 г. въ постоянный законъ; разрѣшилъ ночную 6 часовую работу малолѣтнихъ въ стекляномъ производствѣ, хотя еще въ 1884 г. д-ръ Песковъ привелъ вполнѣ убѣдительныя данныя, доказывающія отсутствіе необходимости труда малолѣтнихъ на стеклянныхъ заводахъ [1]); на фабрикахъ, работающихъ двумя 9-часовыми смѣнами, ночное время ограничено промежуткомъ 10 час. вечера—4 ч. утра; разрѣшено употреблять въ работу малолѣтнихъ въ тѣ воскресные и праздничные дни, въ которые работаютъ взрослые рабочіе. Подросткамъ и женщинамъ новый законъ разрѣшилъ ночную работу одновременно и совмѣстно съ главою ихъ семейства—въ цѣляхъ ограждения нравственныхъ основъ семейной жизни, и въ особо уважительныхъ случаяхъ, какъ-то: послѣ продолжительной, вызванной несчастьемъ, остановки работъ на фабрикѣ или вслѣдствіе усиленнаго поступленія заказовъ передъ ярмарками.

Крупнымъ шагомъ впередъ было изданіе закона 2 іюня 1897 г., нормирующаго рабочее время взрослыхъ рабочихъ. Изданіе этого закона было вызвано стачками рабочихъ на петербургскихъ фабрикахъ въ маѣ 1896 г. и январѣ 1897 г. Послѣ майскихъ стачекъ хозяева мануфактуръ, на которыхъ произошли забастовки, вошли въ министерство финансовъ съ ходатайствомъ. Они признавали вполнѣ

[1]) Фабричный бытъ Владимірской губ., стр. 24.

Digitized by Google

справедливымъ желаніе рабочихъ сократить продолжительность рабочаго дня, бывшее главной причиной забастовки. Рѣшающее же значеніе имѣли мотивы полицейскаго свойства, желаніе успокоить волненія рабочихъ и устранить въ будущемъ поводъ къ «недоразумѣніямъ». Январскія стачки увеличили вѣсъ этого мотива. Академическія разсужденія о длинѣ рабочаго дня и желательности его сокращенія уступили мѣсто дѣлу—и законъ былъ изданъ [1]). По словамъ М. И. Туганъ-Барановскаго, «весьма характерно, что представители министерства внутреннихъ дѣлъ въ комиссіи, вырабатывавшей проэктъ закона 2 іюня 1897 г., настаивали болѣе другихъ на необходимости принять дѣйствительныя мѣры къ сокращенію рабочаго дня, безъ пониженія заработной платы. Чтобы избѣжать подобнаго пониженія, которое могло бы вызвать новые безпорядки, представители министерства внутреннихъ дѣлъ предложили такую крайнюю мѣру, какъ законодательную нормировку заработной платы, и установленіе минимума заработной платы. Представители министерства финансовъ, само собою разумѣется, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ этой идеи» [2]). Законъ 1897 г., ограничивъ рабочее время дневныхъ рабочихъ $11^1/_2$ ч., наканунѣ праздниковъ—10 ч.; рабочіе, занятые хотя бы отчасти въ ночное время (9 ч. в.—5 ч. у. для работающихъ одною смѣною, 10 ч. в.—4 ч. у. при двухъ смѣнахъ)—не должны работать болѣе 10 ч. Мотивы законодателя, остановившагося на нормѣ въ $11^1/_2$ ч., весьма откровенно изложены Н. П. Ланговымъ. По мнѣнію этого представителя министерства финансовъ, «переуто-

[1]) Туганъ-Барановскій, Русская фабрика, стр.428—9; Литвиновъ-Фалинскій, Фабричное законодательство, стр. 93—4, 108—9, 274.

[2]) Art. Arbeiterschutzsetzgebung in Russland, Handw. der Staatswissenschaften, I, ss. 576—7.

Digitized by Google

мляясь изо дня въ день, выходя на фабрику съ недостаточно освѣженными силами на новую несоразмѣрно-продолжительную и утомительную работу, рабочій представляется гораздо менѣе продуктивнымъ, чѣмъ человѣкъ, работающій безъ злоупотребленія своими силами. Иными словами, существуетъ извѣстная норма продолжительности работы, при соблюденіи которой рабочій работаетъ съ наибольшей выгодою; не насилуя себя, онъ доставляетъ наибольшее количество продукта хозяину и выручаетъ себѣ наивысшій заработокъ. Вотъ съ этой точки зрѣнія и надлежитъ обсуждать вопросъ о нормировкѣ рабочаго времени. Предлагаемая нами норма — $11^1/_2$ часовъ въ сутки—и есть, по нашему крайнему разумѣнію, тотъ предѣлъ, за которымъ эксплоатація силъ рабочаго представляется безполезной для фабриканта» [1]). Такимъ образомъ, сверхъ заботъ объ охраненіи общественнаго порядка, законодатель руководствовался интересами промышленности и фабрикантовъ; интересы же рабочихъ оставались внѣ поля его зрѣнія, были чужды его сердцу. Далѣе, по закону 1897 г., въ договоръ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, которыя необходимы по техническимъ условіямъ производства. Работа не производится въ воскресные дни и двунадесятые праздники; такихъ обязательныхъ праздниковъ законъ установилъ 66 (въ 1900 г. прибавлено еще 3 дня), тогда какъ неприсутственныхъ дней въ году—87. Отступленія отъ этого правила допускаются лишь для рабочихъ, занятыхъ работами непрерывными, которыя не могутъ быть прерываемы безъ порчи приборовъ, обрабатываемыхъ матеріаловъ или приготовляемыхъ издѣлій. Въ этихъ производствахъ рабочій долженъ имѣть въ мѣсяцъ 3 или 4 дня отдыха;

---

[1]) Нормированіе продолжительности рабочаго времени на фабрикахъ обрабатывающихъ волокнистыя вещества. 1897, стр. 25.

Digitized by Google

циркуляръ министра финансовъ отъ 24 февраля 1898 г. призналъ необязательнымъ освобожденіе отъ работъ не менѣе 3-хъ разъ въ мѣсяцъ тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ въ сутки, при 3-комплектной работѣ, не болѣе 8 часовъ. Всѣ эти нормы не распространяются на вспомогательныхъ рабочихъ, отличительнымъ признакомъ которыхъ является то, что они, по свойству поручаемыхъ имъ работъ, должны работать также въ то время, когда фабрика не дѣйствуетъ, и прочіе рабочіе свободны. Такъ какъ законъ ограничиваетъ лишь то время, которое рабочій «обязанъ» находиться въ промышленномъ заведеніи то установленыя имъ нормы не распространяются на тѣ случаи, когда въ договорѣ ничего не сказано о рабочемъ времени, напр., при подрядѣ на сдѣльную работу. Поэтому «при сдѣльной работѣ[1]), правила о сверхурочномъ времени, постановленныя въ законѣ, совсѣмъ не наблюдаются. Здѣсь и количество добавочныхъ противъ нормы часовъ работы не ограничено, и правило о повышенной ихъ оплатѣ не имѣетъ мѣста... За сверхурочное время платятъ только на поденныхъ работахъ, а штучникамъ никакой платы за это не полагается. Мастеръ можетъ заставить васъ работать сколько угодно часовъ, хотя про эти то часы онъ и не заикнется даже, а скажетъ только, «чтобы было къ завтрему сдѣлано», и конецъ, а ужъ тамъ, когда хотите, тогда и дѣлайте. Такіе случаи сверхурочныхъ работъ на заводахъ встрѣчаются всего чаще. Общія повышенія рабочихъ нормъ для цѣлыхъ цеховъ хотя и бываютъ, но рѣдко. Но каждый разъ, когда представляется надобность въ усиленной работѣ того или другого рабочаго, мастеръ просто безапелляціонно заявляетъ ему объ этомъ, и тотъ волей неволей долженъ остаться и работать. Сверхурочная работа штучниковъ оцѣнивается

[1]) Статья г. П.-Т. въ „Русскомъ Богатствѣ".

Digitized by Google

при этомъ, въ общемъ правилѣ, наравнѣ съ нормальной, безъ всякой прибавки» [1]) Чтобы регулировать рабочій день сдѣльныхъ рабочихъ, необходимо или лишить рабочихъ права работать свыше опредѣленнаго въ законѣ числа часовъ, или ограничить продолжительность работъ самихъ промышленныхъ заведеній.

По закону 1897 г., необязательныя сверхурочныя работы при повременномъ наймѣ могутъ производиться только съ особаго каждый разъ соглашенія между предпринимателемъ и рабочимъ. Количество часовъ сверхурочной работы каждаго работника не должно превышать 120 ч. въ годъ; циркуляръ министра финансовъ отъ 5 января 1898 г. отмѣнилъ эту норму для хлѣбопекарень и булочныхъ, а циркуляръ 14 марта 1898 г.—для всѣхъ вообще фабрикъ и заводовъ. Этотъ циркуляръ лишилъ законъ 2 іюня 1897 года практическаго значенія, превратилъ его изъ законодательной нормы въ принципіальное провозглашеніе права рабочихъ работать не болѣе $11^1/_2$ часовъ [2]). Инструкція чинамъ фабричной инспекціи по примѣненію этого закона, утвержденная 20 сентября 1897 г.,отнесла къ числу необходимыхъ по техническимъ условіямъ производства сверхурочныхъ работъ также сезонныя работы, при которыхъ предпринимателю затруднительно увеличить число рабочихъ и работы въ типографіяхъ, печатающихъ органы періодической печати. Очевидно, работы эти необходимы экономически, а не технически. Ихъ обязательность въ значительной мѣрѣ лишаетъ законъ силы.

---

[1]) П. Т., Заводскіе будни. Русское Богатство, 1903, VIII, стр. 50—51.

[2]) Ср. Струве. Къ характеристикѣ фабричнаго законодательства. Народное Хозяйство, 1902, кн. III, стр. 81.

Digitized by Google

Всѣ эти недостатки закона 1897 г. и воспослѣдовавшія циркулярныя разъясненія, еще болѣе ограничившія его значеніе, дѣлаютъ вопросъ о дѣйствительной длинѣ рабочаго дня вопросомъ соціальной силы рабочихъ. Законъ 2 іюня 1897 г. не внесъ существенной перемѣны въ нашу фабрично-заводскую жизнь. Такъ, на совѣщаніи чиновъ фабричной инспекціи Кіевскаго округа въ 1900 г. «присутствующими чинами было высказано; что во всѣхъ губерніяхъ округа замѣчается несоблюденіе правилъ о предоставленіи рабочимъ, занятымъ въ непрерывныхъ производствахъ, суточнаго отдыха четыре раза въ мѣсяцъ. Далѣе, почти повсемѣстно обнаруживаются злоупотребленія необязательными сверхурочными работами, и требуемое ст. 17 правилъ соглашеніе съ рабочими является нерѣдко фиктивнымъ» [1]). Аналогичныя свѣдѣнія имѣются относительно Сормовскихъ заводовъ [2]). Въ печати указывались «случаи, когда цѣлыя фабрики работали круглыя сутки двумя смѣнами рабочихъ, и такая работа не находилась въ противорѣчіи закону. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ отмѣны 120-часовой нормы, владѣлецъ промышленнаго предпріятія могъ войти со своими рабочими въ соглашеніе работать лишнихъ $^1/_2$—$2^1/_2$ часа въ сутки; въ результатѣ такового соглашенія и законъ 1897 г. не нарушенъ, и правила о сверхурочныхъ работахъ вполнѣ соблюдены... Что касается необязательности для рабочихъ сверхурочныхъ работъ, то она совершенно фиктивна. Если фабриканту выгодно произвести сверхурочную работу, то рабочіе изъ боязни потерять мѣсто, въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываютъ принуждены согласиться на предложеніе хозяина; къ

[1]) А. Микулинъ. Сверхурочныя работы въ промышленныхъ заведеніяхъ Кіевскаго фабр. округа въ 1899 г. Промышленность и Здоровье 1904, кн. I, стр. 1.

[2]) Рус. Вѣдомости, 1901, № 284; Курьеръ, 1902, № 187.

Digitized by Google

тому же перспектива заработать лишнюю копейку завлекаетъ обманутаго рабочаго. Мы употребили слово «обманутаго» въ томъ смыслѣ, что въ сущности лишняя плата за сверхурочную работу не обогащаетъ рабочихъ. Изслѣдованія быта западно-европейскихъ рабочихъ показали, что наиболѣе частыя сверхурочныя работы практикуются въ заведеніяхъ дурно обставленныхъ, съ низкою заработной платой; рабочіе, поступая на такія фабрики, имѣютъ въ виду, что сверхурочными работами они повысятъ свой скудный заработокъ. При законодательной отмѣнѣ сверхурочныхъ работъ заработная плата не понижается» [1]).

Насколько «добровольны» практикуемыя у насъ необязательныя сверхурочныя работы, можно видѣть изъ числа жалобъ, принесенныхъ рабочими на принужденіе къ нимъ:

	1901		1902	
	Ч. жалобъ.	Изъ нихъ основат.	Ч. жалобъ.	Основат.
единичныя .	186	125	248	156
коллективныя	2,064	1,631	3,025	2,161

Характерно, что въ то время, какъ среди единичныхъ жалобъ рабочихъ основательными фабричная инспекція признала 66%, среди коллективныхъ жалобъ этотъ процентъ достигаетъ 75. Фабричной инспекціей зарегистровано случаевъ нарушенія закона 1897 г.:

	2-я пол. 1900.	1901.	1902.
принужденій къ сверхурочн. работамъ	135	239	217
прочихъ нарушеній правилъ:			
о сверхурочныхъ работахъ	683	1177	1357
о продолжит. и распредѣленіи рабочаго времени . . .	66	352	340

[1]) Практика и нужды русскаго фабричнаго законодательства, Русск. Мысль. 1903, XII, стр. 3.

Digitized by Google

Изъ числа этихъ нарушеній, фабричною инспекціей составлены протоколы только въ 152 случаяхъ, т. е. въ 3,3% всего числа правонарушеній. Мягкость и осторожность фабричной инспекціи въ обращеніи съ нарушающими законъ фабрикантами не имѣетъ границъ!

Такова практика примѣненія закона 2 іюня 1897 г, При дѣйствіи этого закона фактическая длина рабочаго дня цѣликомъ опредѣляется силою сопротивленія рабочихъ попыткамъ фабрикантовъ неопредѣленно удлинить рабочее время. Какъ писалъ П. Б. Струве еще въ 1897 г., немедленно послѣ изданія этого закона, «особенное значеніе съ точки зрѣнія дѣйствительнаго осуществленія закона т. е. сокращенія рабочаго времени и удержанія его хотя бы на нормѣ, указанной закономъ,—должна получить самоохрана рабочихъ. Предоставляя сверхурочную работу свободному усмотрѣнію рабочихъ, законъ апеллируетъ къ ихъ чувству самоохраненія. Даже въ томъ случаѣ, если правила о сверхурочныхъ работахъ, подлежащія изданію «въ развитіе» закона о нормировкѣ, будутъ точно нормировать эти работы во всѣхъ производствахъ, главную роль при фактическомъ исполненіи закона будетъ играть самоохрана трудящихся, имѣющая вообще огромное значеніе для жизненности фабричнаго законодательства. А такая самоохрана требуетъ для своего осуществленія извѣстныхъ внѣшнихъ формъ». Ихъ нѣтъ въ Россіи. Экономическая слабость русскаго рабочаго усугубляется юридическими особенностями его положенія: общей необезпеченностью личныхъ и отсутствіемъ коалиціонныхъ правъ» [1]).

Циркуляръ главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія отъ 7 іюня 1903 г., требующій при производствѣ необязательныхъ сверхурочныхъ работъ

[1]) Новое Слово, іюль 1897.

Digitized by Google

всѣмъ заведеніемъ или значительными группами рабочихъ разрѣшенія мѣстнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія, выдаваемаго только въ особо уважительныхъ случаяхъ, а при работѣ незначительными группами и отдѣльными рабочими—увѣдомленія фабричнаго инспектора,—сократитъ, конечно, нѣсколько злоупотребленія сверхурочными работами, но не въ силѣ исправить коренныхъ недостатковъ закона 2 іюня 1897 г. Мы видѣли выше, какъ мягко относится фабричная инспекція къ нарушенію предпринимателями законовъ относительно труда дѣтей, женщинъ и взрослыхъ рабочихъ. Еще болѣе предупредительно будетъ она относиться къ просьбамъ предпринимателей о разрѣшеніи сверхурочныхъ работъ,—просьбамъ, не только не заключающимъ въ себѣ ничего противузаконнаго, но и предусмотрѣннымъ закономъ.

Сдѣланный нами краткій очеркъ регулированія рабочаго времени русскимъ фабричнымъ законодательствомъ дѣлаетъ очевиднымъ, что въ основѣ его лежало два мотива: забота о сохраненіи общественнаго порядка и спокойствія, нарушаемаго фабричными безпорядками и стачками, и стремленіе оградить, по возможности, интересы фабрикантовъ. По правильному замѣчанію М. И. Туганъ-Барановскаго, «особенностью русскаго фабричнаго законодательства явилась выдающаяся роль, при выработкѣ фабричныхъ законовъ, соображеній политическаго и полицейскаго характера. Всѣ наши важнѣйшіе фабричные законы возникли подъ непосредственнымъ вліяніемъ соображеній этого рода. Нельзя не признать чрезвычайно знаменательнымъ въ этомъ смыслѣ тотъ фактъ, что иниціатива изданія весьма важныхъ фабричныхъ законовъ нерѣдко принадлежала у насъ министерству внутреннихъ дѣлъ въ лицѣ его различныхъ органовъ» [1]).

[1]) Русская фабрика, ст. 430, ср. стр. 166.

Digitized by Google

Иного взгляда на наше рабочее законодательство держатся гг. Розенбергъ и Литвиновъ-Фалинскій. Г. Розенбергъ въ книжкѣ, изданной на нѣмецкомъ языкѣ и посвященной С. Ю. Витте бывшему въ то время министромъ финансовъ, дѣлаетъ открытіе, что «фабричное законодательство въ Россіи, въ противоположность другимъ странамъ, обязано своимъ существованіемъ и развитіемъ не рабочимъ движеніямъ, а единственно пониманію и заботливости законодательной власти. Правительство всегда старалось удовлетворить всѣ потребности, возникающіе съ развитіемъ промышленности и предупредить, такимъ образомъ, возможность конфликта между рабочими и предпринимателями [1]). Трудъ перевести на русскій языкъ сообра женія г. Розенберга взялъ на себя апологетъ [2]) русскаго фабричнаго законодательства, фабричный инспекторъ г. Литвиновъ-Фалинскій. По его мнѣнію, «взглядъ на событія въ фабричной жизни, какъ на борьбу двухъ элементовъ, именуемыхъ трудомъ и капиталомъ, вполнѣ оправдываемый положеніемъ этого вопроса на Западѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ нашей дѣйствительности. Въ силу особыхъ причинъ у насъ не можетъ быть рѣчи о борьбѣ между фабрикантами и рабочими въ западно-европейскомъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ, до настоящего времени наша фабричная жизнь еше не обнаружила этой борьбы... Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что важнѣйшіе вопросы, выдвинутые нашею промышленностью, были разрѣшены законодательнымъ путемъ безо всякой борьбы между робочими и нанимателями въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Проявленія рабочими недовольства,

[1]) G. Rosenbedrg, Zur Arleiterschutzgesetzgebung in Russland, 1895, S. 132.

[2]) Апологетъ—защитникъ.

Digitized by Google

выражавшіяся въ стачкахъ, волненіяхъ и безпорядкахъ, имѣли въ этомъ отношеніи значеніе лишь постольку, поскольку они обращали на ненормальныя стороны въ положеніи рабочихъ вниманіе правительства, которое и принимало на себя заботы объ устраненіи ихъ. Поэтому наше законодательство и проникнуто стремленіемъ оградить справедливые интересы рабочихъ и устранить всякіе поводы и причины къ недовольству въ ихъ средѣ [1])». Исторія стачечнаго движенія въ Россіи [2]) съ полной очевидностью показываетъ, что борьба труда съ капиталомъ пустила глубокіе корни въ нашей промышленной жизни. Первая стачка была зарегистрована печатью въ 1870 г., въ 1901 г. число ихъ равнялось 121, въ 1902 г.—123. Г. Литвиновъ-Фалинскій приписываетъ стачкамъ и волненіямъ рабочихъ не практическое значеніе соціальной силы, а теоретическое-обнаруженіе ненормальностей въ жизни рабочихъ. Онъ забываетъ о цитированныхъ выше трудахъ комиссій и ходатайствахъ, въ которыхъ «обнаружено» было для своего времени очень много соціальныхъ неустройствъ, и которыя, однако, не имѣли практическихъ результатовъ. Почему обнаруженныя комиссіями неустройства не были устранены, и обнаруженные стачками—были? Если бы правительство было доступно теоретическимъ аргументамъ и соображеніямъ, такое различіе въ послѣдствіяхъ «обнаруженія» не могло бы имѣть мѣста. Обнаруженіе неустройствъ—дѣло литературы и комиссій, а не стачекъ. Стачки не только обнаруживаютъ соціальное зло, но и требуютъ его устраненія. Практическую силу г. Литви-

---

[1]) Фабричное законодательство въ Россіи, стр. XVIII.

[2]) См. библіографію стачечнаго движенія въ Россіи въ послѣдней книжкѣ трудовъ И. Вольн. Эк. Об-ва за прошлый годъ.

Digitized by Google

новъ-Фалинскій склоненъ приписать не рабочимъ, а фабрикантамъ. По его мнѣнію, «законы, регулирующіе рабочее время (акты 1882, 1885 и 1897 годовъ) явились результатомъ борьбы представителей петербургской и лодзинской мануфактурной промышленности съ представителями московскаго раіона; первые изъ нихъ являлись поборниками законодательнаго регулированія условій труда, а послѣдніе—противниками этого регулированія [1])». Взглядъ этотъ отчасти раздѣляется и М. И. Туганъ-Барановскимъ [2]). Неправильность его доказывается безуспѣшностью ходатайствъ петербургскихъ и лодзинскихъ фабрикантовъ, когда они не подкрѣплялись волненіями и стачками рабочихъ. Ходатайства эти имѣли существенное значеніе въ выработкѣ нормъ новаго права, но не въ проведеніи его, не въ его законодательной санкціи.

Что же касается «особыхъ причинъ», мѣшающихъ въ Россіи развитію классовой борьбы, о которыхъ упоминаетъ г. Литвиновъ-Фалинскій, то подъ ними онъ разумѣетъ, безъ сомнѣнія, сверхъ моментовъ экономическихъ, также нашъ политическій строй. Вопросъ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. На западѣ, въ конституціонныхъ странахъ, рабочій вопросъ носитъ соціальный и политическій характеръ; у насъ, въ Россіи—соціальный и полицейскій характеръ. Нелюбовь бюрократическаго правительства къ нарушеніямъ общественнаго порядка и спокойствія дѣлаетъ его особо чувствительнымъ къ фабричнымъ стачкамъ и безпорядкамъ. Поэтому, при нашемъ режимѣ, творческая законодательная сила принадлежитъ не организованной политической силѣ рабочаго класса, какъ въ конституціонныхъ странахъ, а опасности и гроз-

[1]) Тамъ же, стр. 122.

[2]) Русская фабрика, стр. 430.

Digitized by Google

ности его движеній съ полицейской точки зрѣнія. Правъ-ли г. Литвиновъ-Фалинскій, что при такомъ политическомъ строѣ рабочій вопросъ лишенъ политическаго характера и, слѣдовательно, рабочее движеніе въ Россіи имѣетъ принципіально отличный характеръ отъ рабочаго движенія въ конституціонныхъ странахъ?

II.

Мы попытаемся освѣтить только что поставленный вопросъ въ рамкахъ нашей темы—законодательнаго регулированія рабочаго дня.

Конечно, и при современномъ политическомъ режимѣ возможно дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня: отмѣна необязательныхъ сверхурочныхъ работъ, ограниченіе обязательныхъ сверхурочныхъ работъ случаями технической необходимости, нормировка рабочаго времени сдѣльныхъ рабочихъ, сокращеніе рабочаго дня на 1—1½ часа и т. п. мѣры. Въ этихъ предѣлахъ требованія рабочихъ могутъ быть удовлетворены въ цѣляхъ предупрежденія нарушеній ими общественнаго порядка и спокойствія. Но радикальная реформа положенія рабочихъ, напр., введеніе максимальнаго 8 часоваго рабочаго дня, рѣшительно невозможна при современномъ строѣ. Въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности и отдѣльныхъ предпріятіяхъ, пользующихся высоко-квалифицированнымъ [1]) трудомъ, конечно, и теперь уже возможно введеніе 8—9 часоваго рабочаго дня, напр. на машиностроительныхъ и орудійныхъ заводахъ. Но вѣдь законодательная нормировка рабочаго дня предполагаетъ установленіе максимальнаго рабочаго време-

[1]) Квалифицированный трудъ — болѣе искусный или болѣе сложный.

Digitized by Google

ни въ 8 часовъ для всего рабочаго класса, включая въ его составъ и рабочихъ, занятыхъ въ наиболѣе отсталыхъ отрасляхъ промышленности.

Дѣло въ томъ, что длина рабочаго дня самымъ тѣснымъ образомъ связана съ другими сторонами жизни рабочихъ. Чѣмъ больше рабочій трудится на фабрикѣ, тѣмъ меньше онъ живетъ для себя; но пользованіе жизнью стоитъ денегъ; поэтому, чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ меньшею заработною платою можетъ довольствоваться рабочій [1]). Далѣе: чѣмъ длиннѣе рабочій день чѣмъ меньше живетъ рабочій для себя, тѣмъ ничтожнѣе его духовные и общественые запросы. При длинномъ рабочемъ днѣ рабочій невѣжественъ и дикъ, лишенъ духовныхъ и политическихъ запросовъ. Поэтому, сокращеніе длины рабочаго дня необходимо сопровождается повышенною расцѣнкою единицы труда, развитіемъ духовной жизни и коллективной самодѣятельности рабочихъ.

Какъ правило, $^0/_0$ интенсификаціи [2]) труда, сопровождающій сокращеніе рабочаго дня, отстаетъ въ своемъ ростѣ отъ $^0/_0$ этого сокращенія; иначе капиталистамъ не зачѣмъ было бы бороться противъ сокращенія рабочаго дня, требуемаго рабочими. Тогда классовая борьба въ вопросѣ о рабочемъ времени была бы ненужна, и все сводилось бы къ разъясненію предпринимателямъ ихъ истинныхъ интересовъ, къ ихъ просвѣщенію и убѣжденію. Но въ отдѣльныхъ производствахъ, въ которыхъ особенно большую роль играетъ вниманіе рабочаго, особенно утомляемое длиннымъ рабочимъ временемъ, $^0/_0$ интенсификаціи труда можетъ даже превышать $^0/_0$ сокращенія рабочаго дня. Чѣмъ развитѣе машинное производство, чѣмъ выше его техника,

---

[1]) Cp. Simon N. Patten, The theory of dynamic Economies. Philadelphia 182, pp. 57—58. 70—71.

[2]) Интенсификація—наибольшее напряженіе.

Digitized by Google

тѣмъ выгоднѣе сокращеніе рабочаго дня, потому что тѣмъ больше вызываемая имъ интенсификація труда. Поэтому развитіе капиталистическихъ способовъ производства, замѣна ручной работы машинною, благопріятствуетъ улучшенію этой стороны жизни рабочихъ. Сравнивая между собою длину рабочаго дня въ различныхъ странахъ, мы легко замѣтимъ, что день этотъ тѣмъ короче, чѣмъ выше стоитъ въ странѣ техника производства. Если % интенсификаціи труда не покрываетъ % сокращенія рабочаго времени, или, въ лучшемъ случаѣ, равенъ ему, то заработная плата рабочаго, при сохраненіи прежней оплаты труда, должна была бы понизиться или остаться прежней. Между тѣмъ, какъ мы уже указывали, сокращеніе рабочаго дня всегда сопровождается повышеніемъ заработной платы. Этотъ плюсъ къ прежней заработной платѣ можетъ имѣть своимъ источникомъ только болѣе высокую расцѣнку единицы труда. Другими словами, паралельно сокращенію рабочаго дня повышается стоимость труда, рабочій получаетъ болѣе высокую плату за единицу труда.

Изъ этого обстоятельства вытекаютъ весьма важныя послѣдствія. Промышленность наша влачитъ существованіе тепличнаго растенія; покровительственными пошлинами ограждена она отъ вольнаго воздуха международной конкурренціи Усиленное покровительство промышленности тяжело отражается на положеніи рабочихъ. На таможенныя пошлины, которыми правительство ограждаетъ отечественную промышленность, иностранныя государства отвѣчаютъ пошлинами на нашъ хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты; сельскій хозяинъ, теряя на низкой цѣнѣ продуктовъ, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на высокой цѣнѣ промышленныхъ издѣлій. Доходы, получаемые промышленниками, привлекаютъ къ обрабатывающей промышленности всѣ свободные капиталы страны, отвлекая ихъ отъ сельскаго хо-

Digitized by Google

зяйства и лишая земледѣліе необходимыхъ средствъ производства. Покровительство промышленности, такимъ образомъ, дѣлаетъ бездоходнымъ сельское хозяйство, разоряетъ хлѣбопашца. Отсюда усиленный приливъ рабочихъ изъ деревень въ города и промышленные центры, понижающій уровень заработной платы и ухудшающій условія труда промышленныхъ рабочихъ. Благодаря этой конкурренціи пришлыхъ рабочихъ, промышленные рабочіе лишаются выгодъ отъ покровительства обрабатывающей промышленности, идущихъ цѣликомъ на пользу незначительной кучки крупныхъ капиталистовъ - предпринимателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря колоссальному росту государственнаго бюджета, расходуемаго на непроизводительныя съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ цѣли въ странѣ или вовсе не происходитъ накопленія національнаго капитала, или накопленіе это совершается въ весьма замедленномъ темпѣ; отсюда бѣдность нашей промышленности капиталами, ея отсталость въ техническомъ отношеніи. Богатство немногихъ капиталистовъ еще болѣе оттѣняетъ общую бѣдность нашей промышленности. При такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи о серьезномъ, радикальномъ улучшеніи матеріальнаго положенія рабочихъ. Давленіе прогрессирующей промышленности конституціонныхъ странъ на осталую отечественную промышленность съ одной стороны, давленіе обнищалаго крестьянства, бѣгущаго въ промышленные центры, на уровень жизни фабричнаго рабочаго съ другой,—имѣютъ въ данномъ вопросѣ рѣшающее значеніе. Матеріальное положеніе рабочихъ тысячью невидимыхъ нитей связано съ положеніемъ всего русскаго народа, улучшеніе положенія рабочихъ возможно лишь при условіи экономическаго прогресса страны, свободнаго развитія производительныхъ силъ народа. А для этого прежде всего нужно измѣненіе финансовой политики правительства,

Digitized by Google

подчиненіе ея дѣйствительнымъ интересамъ русскаго народа, прекращеніе агрессивной колоніальной политики, приведшей насъ къ разорительной войнѣ съ Японіей, отказъ отъ новыхъ завоеваній и обращеніе всей политической энергіи русскаго народа на внутреннія реформы.

Такимъ образомъ, рабочій вопросъ въ Россіи—въ его современномъ видѣ—по самому существу своему является политическимъ вопросомъ. Необходимою предпосылкою для его разрѣшенія является созданіе такого политическаго режима, при которомъ производительныя силы страны получатъ возможность свободнаго развитія. Развитіе этихъ силъ сдѣлаетъ возможнымъ радикальное улучшеніе матеріальнаго положенія рабочаго класса.

Есть еще другая сторона вопроса о сокращеніи рабочаго дня, которой мы коснулись только мимоходомъ. Сокращеніе рабочаго дня означаетъ развитіе духовной и общественной жизни рабочихъ. Увеличеніе количества свободнаго времени поведетъ къ усиленію запросовъ рабочихъ въ области образованія, создастъ новаго читателя, новый спросъ на книги и газеты, поведетъ къ развитію коллективной самодѣятельности, обществъ взаимопомощи, профессіональныхъ союзовъ, потребительныхъ товариществъ и т. п.,—словомъ, подниметъ личность рабочаго на ту высоту, на которой она будетъ такъ же непереносима для нынѣшняго бюрократически-полицейскаго режима, какъ и этотъ режимъ для нея. Законодатель не можетъ не предвидѣть этихъ культурныхъ, правовыхъ и политическихъ послѣдствій сокращенія рабочаго дня,—послѣдствій, для него еще болѣе непріятныхъ и опасныхъ, чѣмъ нынѣшнія фабричныя стачки и движенія. Поэтому, только при условіи перехода законодательной власти отъ бюрократіи къ народу рабочій классъ можетъ разсчитывать на удовлетвореніе своихъ главныхъ требованій,—тѣхъ требованій, осу-

Digitized by Google

ществленіе которыхъ раскрѣпоститъ личность рабочаго отъ нищеты, невѣжества и безправія. Московскіе заводчики и фабриканты вполнѣ правильно указываютъ въ своей запискѣ, что въ 1861 г. русскій народъ получилъ свободу тѣла; теперь наступила пора для освобожденія его духа отъ опеки бюрократіи.

Эти соображенія—экономическаго и политическаго характера—показываютъ намъ, что рабочій классъ не можетъ ограничиваться тѣснымъ кругомъ своихъ узко-классовыхъ интересовъ и игнорировать судьбы народа, къ которому онъ принадлежитъ, судьбы государства, въ которомъ онъ живетъ. Разоренный народъ не можетъ имѣть здоровой, богатой производительными силами промышленности, чахлая же промышленность не можетъ содержать рабочаго съ высокимъ уровнемъ жизни. Не можетъ одна часть трудящихся классовъ, классъ промышленныхъ рабочихъ, работать 8 часовъ въ день, когда другая часть—сельскіе батраки и крестьяне—работаютъ въ страду 16—18 часовъ. Улучшеніе положенія рабочаго класса самымъ непосредственнымъ, самымъ тѣснымъ образомъ зависитъ отъ матеріальнаго, культурнаго и правового прогресса всего народа, слѣдовательно отъ укрѣпленія въ странѣ началъ политической свободы. Какъ отдѣльная, частная реформа, подлежащая немедленному осуществленію, 8-ми часовой рабочій день является, конечно, утопіей, но какъ одно изъ звеньевъ общихъ реформъ, которыя должны обновить жизнь всего русскаго народа и вдохнуть въ него новыя силы, 8-ми часовой рабочій день не только возможенъ, но и необходимъ.

Digitized by Google

„Новая Библіотека".

№ 6

Изъ исторіи рабочаго движенія и соціалдемократіи въ Россіи

1900—1904 г.г.

Очеркъ Ф. Дана

съ предисловіемъ ко второму изданію.

Изданіе второе.

Digitized by Google

Типографія Я. БАЛЯНСКАГО, Загородн. пр., д. 74, прот. Технолог. Института.

Digitized by Google

Предисловіе ко 2-му изданію.

Предлагаемая брошюра написана въ іюлѣ 1904 года къ Амстердамскому международному соціалистическому конгрессу и вышла въ свое время на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ея задачею было дать по возможности всесторонній, хотя бы и бѣглый очеркъ судебъ рабочаго движенія и россійской соціалдемократіи за 4 года, протекшіе со времени парижскаго конгресса. Въ этомъ—и оправданіе появленія настоящаго изданія.

Наша литература столь бѣдна по части исторіи русскаго рабочаго движенія вообще и той партіи, которая, съ момента своего возникновенія, поставила себѣ цѣлью быть выразительницею классовыхъ интересовъ пролетаріата, въ особенности, что, мы думаемъ, предлагаемый очеркъ будетъ не безполезенъ для тѣхъ, кто задумывается надъ проблемами, встающими передъ русскимъ рабочимъ движеніемъ и русскою соціалдемократіею еще сегодня въ самомъ разгарѣ революціи.

Брошюра наша касается періода, бывшаго непосредственнымъ прологомъ революціи, останавливающагося въ предверіи ея. Внимательный читатель легко замѣтитъ, какъ уже тогда ясно вырисовывались тѣ общественно-политическіе и соціальные факторы и то настроеніе, которые сдвинули, наконецъ, съ мѣста застоявшуюся лавину россійскаго самодержавія и заставили ее быстро катиться подъ гору. Онъ замѣтитъ и то, что уже и тогда намѣчались тѣ своеобразныя формы борьбы, которыя сыграли столь замѣтную роль въ ходѣ революціи. Всеобщая забастовка 1903 года—это какъ бы генеральная репетиція того колоссальнаго движенія, которое нанесло неизлѣчимую рану абсолютизму въ славные октябрскіе

дни 1905 года. Намѣчались въ то время и тѣ основныя тактическія трудности, на которыя наталкивается россійская соціалдемократія въ своемъ стремленіи выразить интересы класса, являющагося застрѣльщикомъ буржуазной революціи и въ то-же время будущимъ могильщикомъ всего буржуазнаго строя Вся внутренняя исторія партіи за разсматриваемый въ брошюрѣ періодъ есть не что иное, какъ исканіе разрѣшенія этого противорѣчія. Не зачѣмъ говорить, что оно и сейчасъ еще не рѣшено окончательно. Особенно дискуссія по вопросу о тактикѣ по отношенію къ выборамъ въ Государственную Думу показала, что тѣ—даже элементарные—вопросы тактики, которые стояли передъ партіей на ея II съѣздѣ и послѣ него, стоятъ въ той же неприкосновенности и до сихъ поръ...

Конечно, многое измѣнилось со времени написанія брошюры. Измѣнилась и политическая обстановка, измѣнились и организація партіи. и формы ея дѣятельности. Но и сейчасъ еще ближайшее прошлое накладываетъ на все свой отпечатокъ. Мы не хотимъ передѣлывать брошюры применительно къ тому новому, что явилось послѣ ея написанія. Она должна остаться тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности: памятникомъ состоянія соціалдемократической партіи и вопросовъ, волновавшихъ ее на грани между двумя историческими эпохами. Всякая передѣлка только исказила бы этотъ характеръ ея и лишила бы ее значенія пособія, помогающаго изъ прошлаго понять настоящее.

Digitized by Google

Изъ исторіи рабочаго движенія и соціалдемократіи въ Россіи 1900—1904 гг.

I. Общій ходъ русской политической жизни за 1900—1904 г.г.

Періодъ, истекшій со времени послѣдняго международнаго конгресса (Парижскаго), былъ знаменательной эпохой въ жизни всего русскаго общества, и, въ частности рабочаго движенія и, руководящей имъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Широко разлившееся стачечное движеніе второй половины 90-хъ г.г., и связанное съ нимъ пробужденіе впервые наглядно показало всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ слоямъ русскаго общества и народа существованіе массовой силы, готовой встать на борьбу противъ самодержавнаго строя. И одного этого факта было достаточно для немедленнаго подъема и усиленія того напора на самодержавіе со стороны студенчества, демократической интеллигенціи, либеральнаго земства, который до тѣхъ поръ оставался столь безплоднымъ. И вмѣстѣ съ этимъ ростомъ либеральной и демократической оппозиціи, въ лицѣ своихъ крайнихъ представителей, искавшей опоры все въ тѣхъ же рабочихъ массахъ и пытавшейся подойти къ нимъ съ той внѣклассовой quasi-соціалистической программой, которая такъ много обѣщаетъ всѣмъ «трудящимся» и такъ мало даетъ пролетаріату, вмѣстѣ съ этимъ необычайно усложнились задачи соціалдемократической партіи, до тѣхъ поръ въ теченіе довольно продолжительнаго времени, бывшей почти единственной представительницей организованнаго революціоннаго движенія.

Охватившій русскую промышленность, особенно на югѣ, кризисъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, сопровождался сильнѣйшей безработицей, пониженіемъ заработной платы, ухудшеніемъ всѣхъ условій труда, и породилъ огромный подъемъ недовольства и политическаго броженія въ широкихъ рабочихъ массахъ. Это броженіе въ свою очередь

сказалось въ цѣломъ рядѣ, часто совершенно стихійно возникавшихъ протестовъ и достигло апогея въ той грандіозной всеобщей стачкѣ, которая лѣтомъ 1903 г., какъ эпидемія, охватила весь югъ Россіи и на нѣсколько дней остановила всю промышленную и торговую жизнь огромнаго района.

Одновременно выступила на сцену и необходимость бороться съ той политикой правительства, которая извѣстна подъ именемъ «зубатовщины» и сводится къ попыткѣ развратить и политически поработить рабочія массы мнимымъ покровительствомъ ихъ ближайшимъ экономическимъ интересамъ. Политика эта, пущенная въ ходъ московскимъ жандармомъ Зубатовымъ, широко практиковалась полиціей и на первыхъ порахъ внесла нѣкоторую смуту въ ряды рабочихъ... Скоро, однако, правительство должно было убѣдиться, что нельзя безнаказанно играть съ огнемъ, и что, разъ пробудившись, хотя бы и подъ вліяніемъ нашептываній полиціи, къ борьбѣ за свои, даже мелкіе интересы, пролетаріатъ не остановится на той точкѣ, которая предуказана ему свыше, а быстро пойдетъ впередъ къ болѣе широкимъ сферамъ борьбы, разрушая грязные замыслы полицейскихъ демагоговъ.

Зашевелилось за этотъ періодъ и крестьянское населеніе. Освобожденное формально отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 г., русское крестьянство, благодаря самимъ условіямъ освобожденія, оставалось и остается въ сущности въ значительной мѣрѣ закабаленнымъ помѣщикамъ. Не малую роль—на почвѣ самодержавныхъ порядковъ—играютъ тѣ земли, которыя были изъяты въ пользу помѣщиковъ изъ крестьянскаго владѣнія при «освобожденіи» и теперь служатъ могучимъ средствомъ для закабаленія крестьянъ. Еще въ большей мѣрѣ сохранилось закрѣпощеніе крестьянъ государству. Цѣлая система государственной опеки—со времени изданія въ 1889 г. закона о земскихъ начальникахъ, получившей отчасти сословно-дворянскій характеръ,—стѣсненіе права передвиженія и распоряженія своей землей, политическое и гражданское неравноправіе, доходящее до примѣненія тѣлеснаго наказанія, затрудненіе доступа образованія въ деревню, почти полное устраненіе крестьянъ отъ земскаго самоуправленія, непосильные налоги, прямые и въ особенности косвенные,—все это дѣлаетъ необычайно болѣзненнымъ тотъ процессъ проникновенія въ деревню новыхъ, построенныхъ на капиталистическихъ основаніяхъ, отношеній, который начался немедленно по освобо-

Digitized by Google

жденіи. Затрудняя переходъ къ новымъ, высшимъ формамъ хозяйства для тѣхъ крестьянъ, которые имѣютъ еще возможность удержаться на землѣ; препятствуя полному разрыву связи съ землей для тѣхъ, кому уже теперь наемный трудъ служитъ главнымъ источникомъ пропитанія; стѣсняя развитіе промышленной жизни вообще—самодержавный режимъ, закрѣпощающій крестьянина, не можетъ задержать разложеніе деревни, и если препятствуетъ *пролетаризаціи* (превращенію въ наемныхъ рабочихъ крестьянства), то лишь цѣною его усиленной *пауперизаціи* (обнищанія). Такое положеніе дѣлъ создало для русской деревни цѣлый рядъ неслыханныхъ страданій, выражающихся ярче всего въ голодовкахъ, изъ года въ годъ охватывающихъ то тотъ, то другой районъ Россіи. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, быстрыми шагами шло и разрушеніе той традиціонной деревенской идеологіи, которая привыкла видѣть защитника въ Богѣ на небѣ и въ царѣ на землѣ. Недовольство существующимъ положеніемъ охватывало все болѣе широкіе, особенно бѣднѣйшіе слои крестьянства. Тѣ сѣмена политической агитаціи, которыя заносились пролетаріями, возвращавшимися въ родныя деревни, какъ вслѣдствіе безработицы, такъ и вслѣдствіе тѣхъ высылокъ «на родину» недовольныхъ элементовъ, которыя такъ широко практиковались царскимъ правительствомъ, — эти сѣмена находили благодарную почву въ деревнѣ. Крестьянство зашевелилось, и «крестьянскіе бунты» 1902 г. явились показателемъ остраго недовольства, охватившаго деревенскія массы. Но сверхъ того во многихъ мѣстахъ началось и организованное крестьянское движеніе, частью—особенно на Кавказѣ—ставшее подъ руководство соціалдемократіи. Крестьянское движеніе, конечно, поставило передъ соціалдемократіей самымъ острымъ образомъ вопросъ объ аграрной программѣ, и ниже мы изложимъ то, что сдѣлано въ этомъ направленіи.

Новое поле дѣятельности открылось для соціалдемократіи и въ арміи.

Въ своей борьбѣ съ растущимъ революціоннымъ движеніемъ правительство не остановилось и передъ такими средствами, самая мысль о которыхъ кажется чудовищною въ XX вѣкѣ. Еврейскіе погромы, прежде всего Кишиневскій, были—какъ это съ неопровержимой ясностью доказано даже тѣми quasi-судами, которые больше всего заботились о сокрытіи истины—организованы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ

Digitized by Google

и имѣли цѣлью не только натравить народную массу на мнимаго врага—евреевъ, чтобы отвлечь ея вниманіе отъ дѣйствительнаго самодержавія, но и запугать революціонеровъ. Уже Кишиневскій погромъ былъ устроенъ за нѣсколько дней до 1 мая; во многихъ другихъ городахъ губернаторы прямо угрожали, что, если 1 мая будутъ устроены рабочія демонстраціи, правительство отвѣтитъ погромами.

Наконецъ, колоссальный фіаскъ русско-японской войны, который, какова бы ни была ея исходъ, не можетъ не потрясти до основанія все устарѣлое зданіе русскаго самодержавія, возложилъ на соціалдемократическую партію такія обязанности и внесъ такое осложненіе въ ея дѣятельность, какихъ она не знавала никогда ранѣе.

Неудивительно, что всѣ эти обстоятельства, на почвѣ той основной проблемы, которая стоитъ передъ русской соціалдемократіей съ самаго ея зарожденія и сводится къ созданію классовой партіи пролетаріата въ такую эпоху, когда еще все буржуазное общество въ цѣломъ борется за элементарныя условія своего свободнаго развитія; неудивительно, что все это сдѣлало необычайно богатою и внѣшнюю и внутреннюю жизнь Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи за разсматриваемый періодъ.

Къ краткому обзору этой жизни, мы теперь и перейдемъ, заранѣе оговариваясь, что обстоятельства, не отъ насъ зависящія, помѣшали намъ придать нашему очерку даже ту минимальную степень полноты и подробности, которая была бы необходима, чтобы дать достаточно ясное представленіе о пережитомъ періодѣ.

II. Рабочее движеніе за разсматриваемый періодъ.

а) Стачки.

Докладъ, представленный делегаціей Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи Парижскому международному конгрессу 1900 г., весьма подробно останавливался на перечисленіи и описаніи того стачечнаго движенія, которое для эпохи 90-хъ годовъ являлось новымъ и знаменательнымъ факторомъ русской общественно-политической жизни.

Теперь мы не могли бы дать такого перечисленія, и не только потому, что намъ мѣшаютъ тѣ внѣшнія обстоятельства;

Digitized by Google

о которыхъ мы говорили въ концѣ предыдущаго параграфа. Нѣтъ, и само по себѣ стачечное движеніе приняло такіе размѣры, стало такимъ обыденнымъ фактомъ русской политической дѣйствительности, что сколько-нибудь полная регистрація его стала совершенно невозможной. Не нужно забывать, что, при отсутствіи свободы печати и систематическомъ подавленіи цензурой свѣдѣній о рабочемъ движеніи и при почти полномъ отсутствіи профессіональныхъ союзовъ, огромное большинство стачекъ возникаетъ и протекаетъ чисто стихійно и даже—поскольку рѣчь идетъ о стачкахъ, не выдающихся по числу участниковъ или сопровождающимъ стачку событіямъ,—привлекаетъ къ себѣ сравнительно весьма мало вниманія. Партійнымъ организаціямъ, во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ не удалось подчинить своему руководству все стачечное движеніе; для этого не хватаетъ ни силъ, ни средствъ, ибо самое простое—на европейскій масштабъ — вмѣшательство соціалдемократіи въ ходъ стачки, при условіяхъ нелегальной дѣятельности, предполагаетъ сравнительно огромную затрату революціонной энергіи. Надо, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторую роль въ этомъ сравнительно слабомъ участіи соціалдемократіи въ ходѣ и развитіи стачечнаго движенія сыграло и концентрированіе вниманія ея за послѣдніе годы, главнымъ образомъ, на непосредственной политической агитаціи и борьбѣ, и уже на второмъ съѣздѣ Партіи поднятъ былъ вопросъ объ исправленіи этой односторонности. Какъ бы то ни было, можно сказать, что нѣтъ уже на всемъ пространствѣ Россіи отъ Архангельска до Кавказа и отъ Петербурга до самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Сибири—Приморской, Якутской области и даже оккупированной Манджуріи—такого, сколько-нибудь замѣтнаго и промышленнаго и торговаго поселенія, которое не видало бы въ своихъ стѣнахъ стачки. И нѣтъ такой отрасли труда— отъ фабрично-заводскихъ, горныхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ и до извозчиковъ и рабочихъ на торфяныхъ болотахъ и сельскихъ—представители которой не пытались бы путемъ стачечной борьбы улучшить свое экономическое положеніе. Нерѣдко причиной стачки служило и требованіе болѣе вѣжливаго обращенія, отмѣны фабричныхъ «обысковъ» и т. п.— вѣрный показатель повышенія чувства собственнаго достоинства въ рабочей средѣ.

Сравнительно съ предшествующимъ періодомъ нельзя не замѣтить возрастающаго стремленія рабочихъ вести стачечную

Digitized by Google

борьбу безъ тѣхъ насилій, разрушеній фабричныхъ зданій, поджоговъ и т. п., которыми вездѣ, въ томъ числѣ и въ Россіи, сопровождается на первыхъ порахъ борьба закабаленныхъ, опутанныхъ темнотой и невѣжествомъ массъ. И если, какъ будетъ видно ниже, значительное число крупныхъ стачекъ все же сопровождалось стычками съ полиціей и даже войсками, при чемъ падали десятками раненые и убитые, то объясняется это обстоятельство отнюдь не насильственнымъ образомъ дѣйствій забастовщиковъ, а упорнымъ желаніемъ царскаго правительства во что бы то ни стало силою подавить развивающееся рабочее движеніе. Такихъ грубыхъ насилій, такого массоваго убійства, такого обширнаго употребленія оружія противъ собственныхъ гражданъ не знала, конечно, ни одна страна. Всѣ тѣ матеріальныя силы, которыя капиталистическое производство даетъ въ руки современной государственной власти, служили правительству, прежде всего, для борьбы съ рабочимъ классомъ. Въ противоположность, такъ называемымъ, соціалистамъ-революціонерамъ наша партія старалась по возможности предотвращать кровопролитные конфликты съ войсками и полиціей. Ставя себѣ задачей развитіе классоваго сознанія и классовой организаціи рабочихъ, мы не имѣемъ причины желать ненужнаго кровопролитія, которое, быть можетъ, и обостряетъ временами чувство недовольства администраціей, но не освѣщаетъ этого недовольства свѣтомъ классоваго сознанія, вноситъ дезорганизацію въ ряды рабочаго движенія и истощаетъ преждевременно его силы. Поэтому вездѣ мы рекомендовали рабочимъ вести свою борьбу въ возможно болѣе выдержанныхъ и спокойныхъ формахъ, стараясь не поддаваться на провокацію полиціи и удерживая своихъ болѣе неразвитыхъ или пылкихъ товарищей отъ проявленія своего законнаго гнѣва въ насильственныхъ дѣйствіяхъ.

Мы не можемъ дать описанія даже всѣхъ крупныхъ стачекъ за разсматриваемый періодъ, но перечислимъ вкратцѣ хотя бы наиболѣе выдающіяся изъ нихъ.

3-го октября 1900 г. забастовали *рудокопы Донецкаго бассейна*. Требованія рабочихъ были самыя умѣренныя: возстановленіе прежней заработной платы, которая была сокращена за два мѣсяца до стачки. Были вызваны казаки, которые, не разбирая дѣла, бросились, на стоявшую невдалекѣ, толпу женщинъ и дѣтей и стали бить нагайками. Это страшно озлобило и разгорячило рабочихъ, бросившихся на помощь своимъ семьямъ; началась настоящая свалка, кончившаяся тѣмъ, что рабочіе разгромили контору, уничтожили бумаги, били стекла. Разгромъ продолжался цѣлый день. Вызван-

ный второй казачій отрядъ окружилъ и арестовалъ 800 чел. рабочихъ, а затѣмъ прогналъ ихъ *сквозь строй*. Стачка кончилась частичнымъ успѣхомъ: на нѣкоторыхъ рудникахъ была возстановлена прежняя плата, на другихъ не такъ сильно сокращена, какъ предполагалось вначалѣ. Въ стачкѣ участвовало около тысячи рабочихъ.

Даже въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ, какъ *Якутская область*, за десять тысячъ верстъ отъ центральныхъ губерній Россіи, имѣли мѣсто двѣ большія стачки рабочихъ: на *Приленскихъ золотыхъ пріискахъ* 2—9 января 1901 г. (принимало участіе 1700 рабочихъ) и на *Бодайбинскихъ*—9—16-го января 1901 г. (принимало участіе 800 раб.). Требованія предъявлены были во время обѣихъ стачекъ почти одинаковыя: 1) выдача платы ежемѣсячно—при томъ не болѣе $^1/_3$ припасами, 2) разрѣшеніе свободной торговли припасами, 3) замѣна нѣкоторыхъ служащихъ другими, 4) правильный подсчетъ заработка, 5) никого изъ рабочихъ не разсчитывать. Большинство требованій удовлетворено.

Въ началѣ марта 1901 г. была стачка ткачей *Норской мануфактуры Ярославской губ.* Причиной послужило предполагаемое пониженіе расцѣнковъ на лѣто; рабочіе требовали прежней платы. Участвовало въ стачкѣ 3.500 ткачей. Кончилась неудачно.

6-го іюня 1901 года вспыхнула стачка въ г. *Саратовѣ* на *желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ*. Непосредственной причиной стачки была, практикуемая администраціей мастерскихъ, система произвольныхъ штрафовъ и пониженіе расцѣнковъ почти на 50%. Въ переговоры между рабочими и администраціей вмѣшался жандармскій полковникъ, но все-таки рабочіе добились, хотя и не полнаго удовлетворенія своихъ требованій, но повышенія платы и пониженія штрафовъ. Въ стачкѣ принимало участіе 3.000 рабочихъ.

3-го августа 1901 года началась стачка рабочихъ *Тамбовскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ*, въ связи съ предыдущей стачкой въ Саратовѣ. Администрація мастерскихъ, по примѣру Саратовской, ввела новыя болѣе строгія правила относительно штрафовъ, что и послужило непосредственной причиной стачки. Рабочіе, кромѣ отмѣны новой системы штрафовъ, требовали вообще улучшенія нѣкоторыхъ условій труда и регулированія расцѣнковъ; между прочимъ было среди требованій и хорошее обращеніе съ рабочими. Вслѣдствіе угрозы губернатора выслать всѣхъ рабочихъ на родину, а „зачинщиковъ“ въ восточныя губерніи, рабочіе прекратили стачку. Участвовало въ ней 2.000 рабочихъ.

Въ *Саратовѣ* 17-го августа 1901 г. удаленіе нѣсколькихъ «подозрительныхъ» (въ политическомъ смыслѣ) рабочихъ за участіе въ іюньской стачкѣ вызвало новую забастовку въ *желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ*. Въ числѣ требованій, предъявленныхъ рабочими, было требованіе отвести особое помѣщеніе для совѣщанія уполномоченныхъ отъ рабочихъ, дать рабочимъ возможность свободно собираться для совѣщанія съ ихъ уполномоченными и установить часы для пріема послѣднихъ начальникомъ. Мастерскія были закрыты. Принимало участіе въ стачкѣ 3.000 чел.

Въ октябрѣ 1901 г. въ *Туапсѣ* вспыхнула стачка рабочихъ *желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ*, въ которой участвовало 4.000 рабочихъ,

Digitized by Google

между требованіями были выставлены: 8-ми часовой рабочій день, повышеніе заработной платы и вообще улучшеніе условій труда. Стачка продолжалась 15 дней, но безъ успѣха, такъ какъ была подавлена вызванными войсками и арестомъ 1.500 рабочихъ.

Въ февралѣ 1902 года въ *Твери* была стачка *ткачей* (1.500 чел.) изъ-за принужденія работать въ праздникъ. Стачка кончилась неудачею.

Въ *Батумѣ* 28-го февраля 1902-го года вспыхнула стачка *на керосиновыхъ промыслахъ* Ротшильда изъ-за того, что на этомъ заводѣ разсчитали 420 старыхъ рабочихъ, какъ лицъ «неблагонадежныхъ». Рабочіе требовали принятія ихъ обратно. Во время стачки было арестовано много рабочихъ; стачечники требовали ихъ освобожденія; собрались въ количествѣ 600 человѣкъ и двинулись съ революціонными пѣснями къ тюрьмѣ, гдѣ сидѣли арестованные товарищи. Полиція пошла на хитрость и освободила всѣхъ рабочихъ, но просила остальныхъ 600 чел. пройти не по улицѣ, а черезъ дворъ тюрьмы; когда же они вошли во дворъ, то она всѣхъ ихъ арестовала, и тутъ они наткнулись на двѣ роты солдатъ. Возмущенные рабочіе стали бросать въ солдатъ грязь и камни. Отданъ былъ приказъ стрѣлять — одинъ убитъ и 19 ранено, изъ нихъ вскорѣ умерло 9. Принимало участіе болѣе 2.000 человѣкъ.

26-го марта 1902 года бастовали рабочіе *Воткинскаго завода Вятской губ.* Выставили требованія: 8-ми часовый рабочій день и повышеніе расцѣнковъ. Рабочіе арестовали управляющаго, разгромили камеру судьи и освободили нѣсколько арестованныхъ рабочихъ. Были вызваны войска, назначено административное слѣдствіе, результатомъ котораго было наказаніе *розгами* 35 рабочихъ. Рабочіе ничего не выиграли; участвовало 5.000 человѣкъ.

18-го сентября 1902 года началась стачка въ *Красноярскѣ* рабочихъ *желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ*. Непосредственной причиной стачки послужила задержка расчета. Стачка на другой же день кончилась полнымъ успѣхомъ. Участвовало 1.500 раб.

4 ноября 1902 г. вспыхнула огромная стачка въ *мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги въ Ростовѣ на Дону*, нашедшая откликъ, какъ въ другихъ заводахъ этого города, такъ и въ *Тихорѣцкой* и *Новороссійскѣ*. Объ этихъ стачкахъ мы будемъ еще говорить ниже.

9 декабря 1902 г. снова вспыхнула стачка въ *Батумѣ на керосиновыхъ промыслахъ* Ротшильда; рабочіе требовали возвращенія всѣхъ штрафныхъ денегъ и наградныхъ къ Рождеству, въ размѣрѣ мѣсячной заработной платы. Штрафныхъ денегъ скопилось въ рукахъ предпринимателя 600.000 руб. Рабочихъ всѣхъ разсчитали — 1.500 чел.

16 января 1903 г. въ г. *Таганрогѣ* началась стачка на *металлургическомъ заводѣ* вслѣдствіе несвоевременнаго расчета. Рабочіе требовали немедленнаго расчета за двухнедѣльный срокъ, а не черезъ три недѣли, какъ это практиковалось. Стачка продолжалась четыре дня и кончилась полнымъ успѣхомъ для рабочихъ. Принимало участіе 850 чел.

Въ *С.-Петербургѣ* 23 января 1903 г. длинный рабочій день (15 ч.) вызвалъ стачку на *Ниточной фабрикѣ Штиглица*. Требовали сокра-

Digitized by Google

щенія до 13 часовъ и повышенія расцѣнки. По приказу градоначальника разсчитаны всѣ 3.000 рабочихъ.

Во время стачки въ *Златоустѣ* 13 марта 1903 г. правительство устроило настоящую *бойню*. Стачка вспыхнула изъ-за введенія новыхъ разсчетныхъ книжекъ съ измѣненными правилами. Этими правилами вводились денежныя взысканія за поломку инструментовъ, станковъ, машинъ; крупные штрафы за опозданіе и угроза тюремнымъ заключеніемъ за разныя нарушенія правилъ. Рабочіе отказались принять книжки и бросили работу. Явились войска во главѣ съ губернаторомъ, который запретилъ рабочимъ собираться и приказалъ выбрать депутатовъ. На другой день депутаты были арестованы и увезены. Возбужденная толпа въ количествѣ 5 000 чел. собралась на площади и требовала отъ губернатора освобожденія арестованныхъ. На отказъ губернатора освободить депутатовъ, изъ толпы послышались угрожающіе возгласы: «Мы васъ всѣхъ перебьемъ!» Тотчасъ, безъ всякаго предупрежденія, хотя рабочіе начали уже расходиться, былъ отданъ приказъ стрѣлять—въ результатѣ 69 убитыхъ и 100 раненыхъ. На другой день работы возобновились, книжки остались не принятыми.

Въ мартѣ 1903 г. *въ Вязникахъ Владимірской губ.* началась стачка *ткачей*. Рабочіе требовали смѣны управляющаго. Бастовала вся фабрика—900 рабочихъ. Стачка кончилась полнымъ успѣхомъ.

22 марта 1903 г. въ *С.-Петербургѣ* забастовали рабочіе *Варшавскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ* изъ-за пониженія расцѣнковъ, требовали оставленія прежняго расцѣнка и сокращенія рабочаго дня. Вызванные въ мастерскія казаки избивали рабочихъ нагайками. Послѣ пріѣзда градоначальника и обѣщанія исполнить требованія рабочихъ стачка превратилась. Принимали участіе всѣ мастерскія—нѣсколько тысячъ человѣкъ.

5 мая 1903 г. въ *Костромѣ* на *бумаготкацкой фабрикѣ Бѣлыйскаго Акціонернаго Общества*, вслѣдствіе страшно низкой заработной платы, которая доходила до 9½ коп. въ день, и еще большаго ея пониженія, вспыхнула стачка. Рабочіе требовали повышенія заработной платы и удаленія грубаго директора. Администрація фабрики не уступала, рабочіе собирались большими толпами около фабрики, полиція разгоняла, и такимъ образомъ произошло нѣсколько стычекъ съ полиціей. Ниже мы разсказываемъ о происшедшей, въ связи съ этой стачкой, *демонстраціи*.

Отказъ хозяевъ расплатиться полностью за вынужденный праздникъ 16 мая 1903 г. (день 200-лѣтія Петербурга) послужилъ причиной стачки 2.000 *петербургскихъ ткачей*.

Характерна по своей причинѣ стачка, начавшаяся 22 мая 1903 г. въ городѣ *Николаевѣ* на *судостроительномъ заводѣ* и охватившая болѣе 7.000 рабочихъ; она отличалась также замѣчательной стойкостью, выдержанностью и единодушіемъ рабочихъ, громадными собраніями и содержательными рѣчами, произносившимися самими рабочими. 22 мая былъ разсчитанъ одинъ рабочій за прогулъ одного дня. Рабочій пошелъ къ инженеру, который встрѣтилъ его площадной руганью. Рабочій отвѣтилъ ему пощечиной. Инженеръ выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ, но промахнулся. Это и послужило поводомъ къ немедленному возникновенію стачки.

Digitized by Google

Рабочіе отправились въ контору требовать фабричнаго инспектора, прокурора и градоначальника. На слѣдующій день появились листки Николаевскаго комитета Р. С. Д. Р. П., приглашавшіе къ забастовкѣ и выставлявшіе 14 требованій, которыя рабочіе и предъявили: 1) удаленіе инженера, 2) оставленіе рабочаго, давшаго пощечину, 3) отмѣну обысковъ, 4) отмѣна штрафовъ, 5) отмѣна принудительныхъ сверхъурочныхъ работъ, 6) отмѣна принудительнаго участія въ устроенной заводомъ кассѣ и другія болѣе мелкія требованія. Войска были наготовѣ, но по настоянію рабочихъ на заводъ не были введены. Администрація завода согласилась удовлетворить часть требованій.

Въ *Борисоглѣбскѣ* 20 іюня 1903 г. вспыхнула стачка въ *желѣзнодорожныхъ мастерскихъ* Общества Юго-Восточныхъ жел. дорогъ. Причиной послужили вообще очень тяжелыя условія труда, настроеніе же было подготовлено листками с.-д-ой организаціи. Требованія рабочихъ были формулированы въ листкахъ: 1) удаленіе помощника начальника мастерскихъ, 2) повышеніе заработной платы, 3) сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ, 4) уничтоженіе штрафовъ. Стачка продолжалась 9-ть дней—принимало участіе 3.000 рабочихъ.

9-го сентября 1903 г. въ *Москвѣ* началась громадная стачка почти всѣхъ *типографщиковъ и переплетчиковъ* города. Стачка эта подготовлялась заранѣе самими рабочими. За недѣлю до стачки правильныя сходки устраивались человѣкъ въ 300—500, куда являлись представители всѣхъ типографій. Требованія были выработаны рабочими наканунѣ забастовки: 1) сокращеніе рабочаго дня до 9 ти часовъ днемъ и до 8-ми ночью (2 часа на обѣдъ), 2) повышеніе жалованья до 30%, 3) особая плата за корректуру, 4) прогрессивно растущее вознагражденіе мальчиковъ-учениковъ, 5) постоянный фельдшеръ, 6) тождество расцѣнковъ и условій труда во всѣхъ типографіяхъ, 7) Отмѣна штрафовъ за опозданіе, 8) введеніе ~~рабочихъ старостъ~~ по закону 1 іюня 1902 г., 9) уничтоженіе посредниковъ между рабочими и предпринимателями, 10) новыя условія должны быть подписаны всѣми хозяевами и фабричнымъ инспекторомъ. Всякіе частные переговоры съ отдѣльными владѣльцами типографій отвергались. Въ стачкѣ принимало участіе 15 000 рабочихъ. Рабочіе добились слѣдующихъ результатовъ: 1) въ типографіяхъ и литографіяхъ установлена была *одинаковая* продолжительность ежедневныхъ работъ въ 10 часовъ, 2) введена новая общая расцѣнка труда рабочихъ, повышенная на 20—50%. Рабочіе держались все время такъ выдержано, что не было ни одного столкновенія съ полиціей.

25-го февраля 1904 года вспыхнула стачка въ *Твери* на *вагоностроительномъ заводѣ*. 21 февраля столярный цехъ заявилъ администраціи завода требованіе объ удаленіи одного мастера и повышеніи расцѣнковъ, но администрація отказала. Рабочіе волновались нѣсколько дней, а затѣмъ подъ вліяніемъ прокламаціи Тверского Комитета Р. С. Д. Р. П., гдѣ говорилось о безобразіяхъ администраціи и положеніи рабочихъ, 28 февраля сталъ весь заводъ. Требовали отмѣны штрафовъ и обысковъ, вѣжливаго обращенія, повышенія расцѣнковъ и другихъ улучшеній условій труда.

Digitized by Google

Вызванные на заводъ солдаты, по требованію рабочихъ, были удалены. Уступокъ не было сдѣлано никакихъ. Рабочихъ разсчитали и набрали вновь. Въ стачкѣ принимало участіе 3.000 рабочихъ.

Особо отмѣтимъ *Петербургскія стачки* 1901 года, стоявшія въ связи съ празднованіемъ 1-го мая. Въ результатѣ ихъ произошли *столкновенія съ войсками и полиціей на Выборгской сторонѣ* (ткацкія фабрики), гдѣ было много раненыхъ, и на *Обуховскомъ* заводѣ. Здѣсь рабочіе (3.600 чел.) построили баррикады и энергично защищались отъ натиска войскъ градомъ каменьевъ. Въ результатѣ со стороны рабочихъ пало 6 убитыхъ и 8 тяжело раненыхъ. Такъ называемые «зачинщики» были преданы суду и приговорены къ заключенію въ арестанскія роты съ лишеніемъ правъ. Особенно геройски держалась въ этомъ процессѣ 18-ти лѣтняя работница, Марѳа Яковлева, произнесшая пламенную рѣчь и открыто заявившая о своей готовности и впредь всѣми силами служить рабочему дѣлу. Она обвинялась въ томъ, что во время столкновенія подавала рабочимъ камни.

Подобныя же волненія были и на другихъ Петербургскихъ заводахъ, напр., *Семянниковскомъ* (болѣе 5.000 чел.) и др.

Общее количество участниковъ этихъ, наиболѣе крупныхъ, стачекъ—не менѣе 100.000 человѣкъ. Около сотни убитыхъ и еще больше раненыхъ стоили пролетаріату эти попытки улучшить свое экономическое положеніе. О числѣ арестованныхъ, высланныхъ «на родину» и въ отдаленныя сѣверныя и сибирскія губерніи, говорить не приходится, потому что нѣтъ возможности учитать сколько-нибудь точно это, столь обычное для Россіи, проявленіе административнаго произвола. Подчеркнемъ только еще разъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ поведеніе рабочихъ во время стачекъ не давало и тѣни повода для вмѣшательства полиціи и войскъ. Аресты, ссылки и массовыя убійства во время стачекъ объясняются исключительно необузданнымъ произволомъ администраціи, не выносящей и проблеска самостоятельной борьбы рабочихъ за лучшую долю.

Дадимъ еще краткій — очень неполный — перечень болѣе мелкихъ стачекъ за разсматриваемый періодъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія:

Въ 1900 г. въ городахъ: С.-Петербургъ; с. Сѣтунь, Моск. губ.; Ив.-Вознесенскъ; Тула; Кіевъ; ст. Константиновка, Екат. губ.; Екатеринбургъ; Тифлисъ; Красноярскъ; Олекминскъ. Въ промыслахъ: желѣзопрокатные заводы; механическіе заводы; патронный заводъ; желѣзнодорожныя мастерскія; стеклянные заводы; рудокопы; ткачи; бумагопрядильщики; трепальщики; типографщики; булочники.

Въ 1901 г. бастовали рабочіе въ слѣдующихъ городахъ: Петербургъ; Москва; Серпуховъ; Ярославль; Романово-Борисоглѣбскъ, Яросл. губ.; Ив.-Вознесенскъ; С. Каменка, Костром. губ.; Курскъ; Брянскъ; Нижній-Новгородъ; Тамбовъ; Воронежъ; Харьковъ; Кіевъ; Черкассы, Кіевск. губ.; Екатеринославъ; Одесса; Кишиневъ; Николаевъ; Таганрогъ; Ливадія; Симферополь; Тифлисъ; Саратовъ; с. Николаевское, Сарат. губ.; Николаевскъ. Сам. губ.; Уфимск. губ.; Пермск. губ.; Томскъ. Бастовавшіе рабочіе распредѣляются по очень разнообразнымъ промысламъ, какъ-то: судостроит. заводы;

Digitized by Google

желѣзодѣлательные заводы; металлургическіе заводы; чугунно-литейные заводы; механическіе заводы; желѣзно-дорожныя мастерскія; механическія мастерскія; сахаро-рафинадные заводы; гвоздильные заводы; мастерскія плуговъ; табачныя фабрики; ткацкія фабрики; прядильныя фабрики; красильныя фабрики; типографщики; переплетчики; шорники; кожевники; портные; трамвайщики; кондуктора и кучера конно-жел. дорогъ; столяры; фармацевты; грузчики; банщики и сельско-хозяйственные рабочіе.

Въ 1902 г. были забастовки въ городахъ и селахъ: Тверь; Ярославль; Рославль; Харьковъ; Кіевск. губ.; Кременчугъ; Екатеринославъ; Херсонъ; Ростовъ на Дону; Сулинъ, Донской области; Батумъ; Тифлисъ; Астрахань; Ливадія; Ялта; ст. Еланская, Енисейск. губ.; Иркутскъ; онѣ охватили промыслы: паровозостроительные заводы; металлургическіе заводы; стеклянные заводы; желѣзнодорожныя мастерскія; жел. дор. рабочіе; сахаро-рафинадные заводы; керосиновые промысла; рабочіе механическ. производства обуви; ткацкія фабрики; заготовщики; фармацевты; портные; маляры и бондари.

Въ 1903 г. были многочисленныя стачки въ цѣломъ рядѣ городовъ и селъ: С.-Петербургъ; Тверь; Вышній-Волочекъ; Москва; с. Озеры, Моск. губ.; Владим. губ.; Ив.-Вознесенскъ; Шуя; Борисоглѣбскъ; Кострома; Брянскъ; Кіевъ; Черниговъ; Городня, Чер. губ.; Екатеринославъ; ст. Алмазовка, Екатеринослав. губ.; с. Каменское, Екатеринослав. губ.; Бахмутъ, Екат. губ.; Оникшты; Томна; Одесса; Кременчугъ; Ростовъ на Дону; Таганрогъ; Донецъ; Юзовка; Керчь; Севастополь; Николаевъ; Бердянскъ, Тавр. губ.; Симферополь; Баку; Тифлисъ; Батумъ; Самара; Пермск. губ.; Уфа; Архангельскъ; Томскъ; Красноярскъ; Иркутскъ; Чита; Харбинъ. Стачки были въ слѣдующихъ промыслахъ: пароходо-строит. заводы; листопрокатные заводы; чугунно-литейные заводы; металлургическіе заводы; механическіе заводы; желѣзодѣлательные заводы; желѣзно-дорожныя мастерскія; желѣзно-дорожные рабочіе; рабочіе арсенала; мебельно-столярн. фабрики; прядильныя фабрики; ткацкія фабрики; ковровыя фабрики; табачныя фабрики; картонныя фабрики; фабрики концертн. піанино; резиновая мануфактура; керосиновые промысла; рудокопы; рабочіе механическаго производства обуви; сапожныя мастерскія; каменоломни; заготовщики; гладильщики; рабочіе станц. электрич. силы; лѣсопильщики; столяры; слесаря; мельники; типографщики; трамвайщики; кондуктора и кучера конно-жел. дорогъ; портные; булочники; кондитеры; служ. почтамта.

Въ первой половинѣ 1904 года были стачки въ городахъ: Рига; Витебскъ; Таганрогъ; Юзовка; Кутаисъ; Баку; Бахмутъ, Екатеринославской губ.; Тульча; Жлобино; Рогачевъ Волынскій; Кіевъ; село Голта, Херс. губ.; Мусники; Никополь; Севастополь; Егорьевскъ, Рязанск. губ.; въ промыслахъ: металлургическіе заводы; механическіе заводы; сахаро-рафинадные заводы; керосиновые промысла; джутовая фабрика; табачныя фабрики; бумаго-прядильныя фабрики; кондуктора и кучера конно-жел. дорогъ; портные; перчаточники; упаковщики; приказчики; булочники.

Digitized by Google

b) Демонстраціи.

Эпоха кризиса, конечно, была мало благопріятна для достиженія экономическихъ улучшеній. Не удавалось даже сохранить тѣ условія труда, которыя нерѣдко были завоеваны упорной борьбой въ предшествующій періодъ промышленнаго подъема. Заработная плата падала, рабочихъ разсчитывали тысячами, и администрація крупныхъ городовъ, опасаясь скопленія голоднаго и озлобленнаго рабочаго люда, на казенный счетъ насильственно отправляла безработныхъ на «родину», въ деревни, съ которыми многіе рабочіе давнымъ-давно уже порвали всякую связь, гдѣ у нихъ не было ни семьи, ни дома, и гдѣ имъ оставалось только умирать съ голоду или увеличивать собой штатъ тѣхъ рабовъ, которые за нищенскую плату обрабатываютъ земли нашихъ аграріевъ.

Неудивительно, что постепенно въ самыхъ широкихъ слояхъ рабочей массы начало распространяться, сначала смутное, а затѣмъ все болѣе и болѣе ясное пониманіе невозможности ограничиться въ своей борьбѣ за лучшую жизнь тѣсными стѣнами фабрики. Связь тѣхъ бѣдствій, которыя непрерывнымъ потокомъ обрушивались на рабочій классъ, съ общими основами современнаго строя начала проникать въ сознаніе русскихъ рабочихъ, и въ самомъ ходѣ развитія русской экономической и общественной жизни пропаганда и агитація соціалдемократіи встрѣчала могучую опору. Особенно же очевидно становилась для массы невозможность сколько-нибудь планомѣрной и успѣшной борьбы даже за мелкіе экономическіе интересы при существующемъ режимѣ деспотизма. Недовольство общимъ строемъ русской политической жизни, хотя бы и не отлившееся еще въ сознательное требованіе политической свободы, охватило такіе сѣрые слои рабочаго класса, которые вчера еще, можно сказать, спали глубокимъ политическимъ сномъ. Подъемъ чувства собственнаго достоинства; особо повышенная чувствительность къ тѣмъ униженіямъ, оскорбленіямъ и насиліямъ, которымъ на каждомъ шагу подвергается въ Россіи личность всякаго, не имѣющаго счастья принадлежать къ «верхнимъ десяти тысячамъ»; жгучая ненависть къ полиціи, какъ къ ближайшему орудію того угнетенія, которое лежитъ тяжелымъ бременемъ на «низшихъ классахъ»; постепенное исчезновеніе того полурабскаго, полумистическаго

чувства преклоненія передъ «начальствомъ», которое оставила народу въ наслѣдіе крѣпостная эпоха; — вотъ въ чемъ проявлялось прежде всего нарастаніе политическаго протеста въ отсталыхъ слояхъ пролетаріата. Вмѣстѣ съ этимъ, конечно, усиленно росло и число рабочихъ, довольно широко понимавшихъ задачи и интересы своего класса и сознательно становившихся подъ знамя соціалдемократіи. Подъ вліяніемъ примѣра, поданнаго студенческимъ движеніемъ, проявленіе нараставшаго политическаго недовольства вылилось въ форму демонстрацій.

Если инициатива демонстрацій исходила вначалѣ отъ студентовъ, и первая демонстрація въ Петербургѣ—въ мартѣ 1901 г.—происходила во имя требованія академической свободы, то очень скоро главными организаторами ихъ стали соціалдемократическіе комитеты, а главными участниками соціалдемократическая интеллигенція и организованные рабочіе. И обычнымъ знаменемъ, которое поднимали демонстранты, стало красное знамя съ надписями, требующими политической свободы и иногда, особенно при майскихъ демонстраціяхъ, восьмичасового рабочаго дня. «Долой самодержавіе» стало,—какъ съ невольнымъ остроуміемъ выразился одинъ сыщикъ, дававшій показанія на судѣ надъ саратовскими демонстрантами,—обычной «поговоркой».

Первой большой демонстраціей, въ которой горячее участіе приняли рабочіе, была *харьковская* демонстрація 19 февраля 1901 года. Демонстрація эта была устроена въ день сорокалѣтія освобожденія крестьянъ и организована студентами. Сначала собралось всего человѣкъ 60 студентовъ, но они были избиты казаками и арестованы. Вѣсть объ ихъ арестѣ быстро разнеслась по всему городу, и на мѣсто демонстраціи собралось много заводскихъ рабочихъ, ремесленниковъ и сочувствующей публики. Пѣли «Марсельезу», «Дубинушку» и «Волю». Во время пѣсенъ опять налетѣли казаки и сильно избили всѣхъ демонстрантовъ. Демонстрація продолжалась до самой ночи. Нѣсколько разъ возобновлялась свалка съ полиціей. Рабочіе защищались кольями. Арестовано было до 200 человѣкъ.

Еще большую роль играли рабочіе въ *московской* демонстраціи 1901 года; началась она 23 февраля и повторялась нѣсколько дней подрядъ. Иниціаторами ея также были студенты. Съ 23 февраля начались студенческія волненія, вызванныя отдачею нѣсколькихъ петербургскихъ и кіевскихъ студентовъ въ солдаты за участіе въ «безпорядкахъ». Студенты и курсистки собирались около университета, требовали возвращенія товарищей съ военной службы, отмѣны «временныхъ правилъ» и возстановленія университетскаго устава 1863 года. На другой день, 24 февраля, къ студентамъ примкнуло много рабочихъ; весь день прошелъ очень бурно, въ большихъ сходкахъ передъ домомъ оберъ-полиціймейстера и въ много-

людныхъ процессіяхъ (больше 2.000 чел.), шествовавшихъ по всему городу. Казаки много разъ атаковали толпу и били ее нагайками. Рабочіе пытались освободить арестованныхъ и заключенныхъ въ манежѣ студентовъ и уже выломали двери, но были разсѣяны нагайками казаковъ и конныхъ жандармовъ. 25 февраля возбужденіе достигло высшей степени, и десятки тысячъ рабочихъ и мастеровыхъ приняли участіе въ демонстраціяхъ. Утромъ демонстранты задержали натискъ казаковъ, мчавшихся во весь опоръ, устроивъ баррикаду изъ бульварныхъ скамеекъ. Демонстрація продолжалась цѣлый день, происходили много разъ стычки съ полиціей и казаками, и много разъ демонстрантамъ удавалось отбивать казаковъ, благодаря тому, что толпа, руководимая вожаками изъ интеллигентныхъ, сознательныхъ рабочихъ, проявляла удивительное единодушіе и дисциплинированность. Демонстраціи происходили въ пяти мѣстахъ города, баррикады тоже устраивались въ нѣсколькихъ мѣстахъ, пѣлись революціонныя пѣсни и выкидывались революціонныя красныя знамена. За эти дни было арестовано больше тысячи рабочихъ и студентовъ. Послѣднее столкновеніе съ полиціей произошло 26 февраля. Для характеристики общественнаго настроенія стоитъ отмѣтить, что въ этомъ столкновеніи съ полиціей рабочимъ и студентамъ помогали приказчики-охотнорядцы, въ 1896 г. вмѣстѣ съ полиціей избивавшіе манифестантовъ-студентовъ и издавна славившіеся, какъ усердные защитники «престолъ-отечества».

Вскорѣ послѣ этихъ бурныхъ дней въ Москвѣ, произошла большая демонстрація въ *Петербургѣ* — 4 марта 1901 года. Въ ней также приняли участіе рабочіе, но болѣе пассивное, чѣмъ въ предыдущей. Возникла демонстрація по тому же поводу, что и въ Москвѣ. Иниціаторомъ и организаторомъ явилось, главнымъ образомъ, студенчество. На Казанской площади, по Невскому проспекту, собралось нѣсколько тысячъ демонстрантовъ, а вмѣстѣ съ сочувствующей публикой количество манифестантовъ доходило до 20.000 человѣкъ. Казаки еще съ ранняго утра были спрятаны въ сосѣднихъ съ площадью дворахъ. Какъ только собралась большая толпа демонстрантовъ, градоначальникъ вывелъ казаковъ и безъ всякаго предупрежденія приказалъ бить ее безпощадно нагайками. Безоружная толпа не оказывала никакого сопротивленія. Было много раненыхъ и около 1.500 человѣкъ арестованныхъ.

11 марта 1901 года была небольшая демонстрація въ *Казани*; участниковъ было только 150 человѣкъ, благодаря тому, что еще наканунѣ полиціей были оцѣплены два главныхъ завода и дамба, соединяющая городъ со слободой, гдѣ сосредоточены, главнымъ образомъ, рабочіе.

Въ *Кишиневѣ* 11 сентября 1901 года была небольшая демонстрація при проводахъ одного студента въ ссылку. Сначала на вокзалѣ собралась толпа человѣкъ въ 80; когда же она вышла на улицу, къ ней присоединилось нѣсколько сотъ рабочихъ. Проходя по городу, между прочимъ, подошли къ квартирѣ Крушевана, редактора «Бессарабца», извѣстнаго негодяя и антисемита,— впослѣдствіи одного изъ иниціаторовъ еврейскихъ погромовъ и «черной сотни,»—гдѣ перебили стекла и кричали: «Долой Крушевана».

Digitized by Google

Можно упомянуть еще нѣсколько небольшихъ демонстрацій, бывшихъ въ 1901 году:

Въ *С.-Петербургѣ* 19 сентября 1901 года у Народнаго дома Николая II; участвовало въ ней 400 рабочихъ. Вызванная на мѣсто демонстраціи пѣшая и конная полиція и эскадронъ жандармовъ окружили и арестовали почти всѣхъ демонстрантовъ.

7 ноября 1901 года въ *Нижнемъ-Новгородѣ*. Поводомъ къ демонстраціи послужила высылка Максима Горькаго изъ Нижняго-Новгорода. Участвовало 150 человѣкъ.

Въ *Москвѣ* 8 ноября 1901 года была демонстрація по тому же поводу, что и предыдущая. Демонстранты, 400 человѣкъ, хотѣли встрѣтить Максима Горькаго, ѣхавшаго изъ Нижняго-Новгорода въ Крымъ, но полиція высадила его, не довозя до Москвы, и демонстранты скоро должны были разойтись.

Въ *Москвѣ* же 18 ноября 1901 года опять была демонстрація по поводу неразрѣшенія литературнаго вечера въ память Добролюбова. Участвовало 500 человѣкъ.

2 декабря 1901 года въ *Харьковѣ* была демонстрація, организованная студенчествомъ; къ ней примкнуло много рабочихъ. Было вызвано нѣсколько сотъ казаковъ, страшно избившихъ и изувѣчившихъ многихъ демонстрантовъ. Это избіеніе послужило поводомъ къ двумъ демонстраціямъ въ Екатеринославѣ.

Въ *Екатеринославѣ* одна за другой произошли двѣ большія демонстраціи, 15 и 16 декабря 1901 года. 15 декабря сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ Екатерининскій проспектъ, гдѣ собралось сначала 500 рабочихъ и студентовъ, потомъ къ нимъ присоединилось до 5.000 человѣкъ, вмѣстѣ же съ сочувствующей публикой и зрителями было до 15.000 человѣкъ. Демонстранты выбросили красное знамя съ революціонными надписями, пѣли революціонныя пѣсни и громко провозглашали «Долой самодержавіе», «Да здравствуетъ политическая свобода», «Да здравствуетъ соціалдемократія». Иниціаторами были студенты, поводомъ-же къ демонстраціи послужило избіеніе студентовъ и рабочихъ въ Харьковѣ 2 декабря 1901 года и протестъ противъ университетскихъ порядковъ. Вызванные на мѣсто манифестаціи нѣсколько сотъ городовыхъ, казаковъ и жандармовъ безпощадно избили демонстрантовъ нагайками. Рабочимъ, вооруженнымъ лишь палками, удалось нѣсколько разъ отбить нападеніе и освободить многихъ арестованныхъ. На другой день, 16 декабря, демонстрація повторилась въ рабочемъ кварталѣ, Чечеловкѣ, и въ ней приняло участіе 2.000 рабочихъ. Въ столкновеніяхъ съ полиціей и жандармами было пять раненыхъ; 63 человѣка арестовано.

Отмѣтимъ отдѣльно пять демонстрацій, устроенныхъ рабочими въ 1901 году по поводу празднованія 1 мая — въ *Тифлисѣ*, *Харьковѣ*, двѣ демонстраціи въ *С.-Петербургѣ* и *Симферополѣ*. Самая крупная (3.000) происходило въ *Тифлисѣ* 22 апрѣля (ст. ст.); несмотря на то, что полиція знала о ней заранѣе и готовилась, такъ что много рабочихъ было арестовано еще до демонстраціи, рабочіе все же хотѣли устроить ее во что бы-то ни стало, и она удалась. Были красныя знамена, раздавались революціонные возгласы и пѣлись революціонныя пѣсни. Полиція и казаки отвѣ-

Digitized by Google

тили ожесточеннымъ избіеніемъ демонстрантовъ нагайками, шашками и саблями. Рабочіе энергично защищались, были раненые, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Послѣ демонстраціи было арестовано больше ста человѣкъ, и г. Тифлисъ три дня былъ на военномъ положеніи.

Въ *Харьковѣ* 1 мая была манифестація, очень небольшая (70 чел.), столкновеній съ полиціей не было.

Въ *С.-Петербургѣ* же празднованіе маевки послужило поводомъ къ двумъ крупнымъ столкновеніямъ рабочихъ съ вооруженной силой на Выборгской сторонѣ и на Шлиссельбургскомъ трактѣ (Обуховскій заводъ). Объ этихъ столкновеніяхъ мы уже упоминали при описаніи стачекъ.

Въ *Симферополѣ* 5 мая 1901 года, была небольшая демонстрація; участвовало всего 100 человѣкъ, главнымъ образомъ, ремесленники и рабочіе табачныхъ фабрикъ. Демонстранты прошлись съ красными знаменами въ рукахъ и съ пѣніемъ «Марсельезы» по всему городу. Не понявъ на первыхъ порахъ смысла этой невиданной въ провинціальномъ городѣ манифестаціи, полиція вначалѣ услужливо расчищала дорогу демонстрантамъ, которые, выполнивъ свою задачу, разошлись совершенно спокойно.

Въ 1902 году рядъ демонстрацій открылся демонстраціей въ *Кіевѣ* 2-го февраля. Демонстрировали 2 дня подрядъ. Общее число демонстрантовъ и сочувствующей публики достигло 15.000 человѣкъ. Манифестанты выкинули три красныхъ знамени съ надписями: «Свобода», «Долой самодержавіе», «8-ми час. рабочій день», пѣли революціонныя пѣсни; раздавались крики: «Долой самодержавіе», «Да здравствуетъ политическая свобода», «Да здравствуетъ соціалдемократія». Въ продолженіе цѣлаго дня пѣшая и конная полиція, казаки и солдаты врывались въ толпу демонстрантовъ, вырывали знамена, избивали и разгоняли нагайками, но лишь только имъ удавалось это въ одномъ мѣстѣ, многотысячная толпа собиралась въ другомъ. Много было избитыхъ, раненыхъ и 200 человѣкъ было арестовано. На другой день, 3-го февраля манифестація опять повторилась. Въ ней, главнымъ образомъ, принимали участіе рабочіе; повторялось и избіеніе рабочихъ казаками. Демонстрація продолжалась оба дня до самой поздней ночи.

Въ февралѣ же были три небольшія демонстраціи: въ *Екатеринославѣ* 17-го февраля (200 чел.), въ *Ростовѣ на Дону* 19-го февраля (100 чел.) и въ *Одессѣ* 23 февраля (50 чел.).

9-го февраля 1902 года въ *Москвѣ* была, хотя и большая по количеству участниковъ, но не вполнѣ удачная демонстрація. Студенты, организаторы этой демонстраціи, назначили сборнымъ пунктомъ университетъ и собрались тамъ въ количествѣ 1.000 человѣкъ; но рабочіе не могли къ нимъ присоединиться, такъ какъ еще наканунѣ и въ день манифестаціи всѣ большіе заводы и фабрики были оцѣплены войсками, и рабочимъ не удалось прорваться къ сборному пункту, студенты сначала забаррикадировались въ университетѣ, но ночью ворвались солдаты, и они сдались. Всѣ были арестованы и сосланы въ Восточную Сибирь *).

*) Вскорѣ почти всѣ были возвращены обратно.

Digitized by Google

3-го марта 1902 года въ *Петербургѣ* была демонстрація, по количеству участниковъ хотя и не очень многочисленная, но зато по своему составу преимущественно рабочая. Были знамена, пѣлись революціонныя пѣсни, раздавались возгласы многотысячной толпы: «Долой самодержавіе», «Да здравствуетъ политическая свобода». Полиція, казаки и жандармы вырывали знамена и безпощадно избивали демонстрантовъ нагайками, шашками и саблями, рабочіе же энергично защищались палками. Арестовано 500 чел.; много было также избитыхъ и раненыхъ; были раненые и со стороны полиціи.

Въ *Тифлисѣ* 21-го ноября 1902 г. была манифестація, въ которой приняло участіе 300 рабочихъ.

Майскія демонстраціи происходили въ этомъ году во многихъ городахъ.

Въ *Красноярскѣ* была небольшая демонстрація 18 апрѣля 1902 года.

Демонстрація 18-го апрѣля въ *Ростовѣ на Дону*, хотя и собрала большую толпу до (8.000 чел.), но прошла не совсѣмъ удачно, такъ какъ организаторы—рабочіе затерялись въ толпѣ сочувствующихъ и не могли собрать вокругъ себя плотнаго ядра. Знамя было вырвано шпіономъ, и революціонныя пѣсни не удались.

Въ *Баку* 21 апрѣля 1902 г. была удачная демонстрація (5.000 чел.), заранѣе подготовленная сознательными рабочими. До демонстраціи устраивались сходки и собранія, гдѣ распредѣлялись роли и намѣчался планъ дѣйствій во время демонстраціи. На знаменахъ, какъ и въ прокламаціяхъ, распространенныхъ во время манифестаціи, были выставлены требованія рабочихъ: «Свобода», «8-ми часовой рабочій день» и др. Манифестація прошла съ полнымъ успѣхомъ, столкновенія съ полиціей не было.

Въ *Харьковѣ* 1-го мая провести большой демонстраціи не удалось, и этотъ день ознаменовался лишь волненіями на паровозостроительномъ заводѣ, которыя приняли довольно обостренную форму столкновенія съ полиціей.

День -го мая въ *Сормовѣ* начался разгромомъ конторы завода и канцеляріи пристава. Разгромъ этотъ былъ дѣломъ неорганизованныхъ рабочихъ. Потомъ подоспѣли организованные рабочіе и убѣдили первыхъ прекратить разгромъ и выйти на улицу. Всѣ рабочіе примкнули къ демонстраціи и выкинули красное знамя съ революціонными надписями: „Долой самодержавіе", „Да здравствуетъ политическая свобода", „Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день". Полиція и солдаты накинулись на демонстрантовъ и избили ихъ прикладами; безоружные рабочіе должны были уступить и разсѣяться. Нѣсколько человѣкъ интеллигентовъ и рабочихъ были арестованы и преданы суду.

5-го мая 1902 года въ *Саратовѣ* произошла первая въ этомъ городѣ демонстрація, и довольно удачно. Демонстрантамъ удалось пройти съ развернутыми красными знаменами довольно значительное пространство. Знамена развѣвались минутъ 20. Произошла свалка съ полиціей и шпіонами, въ результатѣ которой нѣсколько человѣкъ было избито. Арестовано человѣкъ 50, изъ нихъ 15 были преданы суду.

Digitized by Google

Въ 1903 году первая демонстрація произошла въ *Одессѣ* 17-го января. Размѣры ея были очень невелики. Демонстрировали человѣкъ 70 желѣзно-дорожныхъ рабочихъ при отправкѣ товарищей въ ссылку.

Въ *Томскѣ* была демонстрація 18-го февраля того-же года. Манифестація (200 человѣкъ демонстрантовъ и до 1.000 зрителей) была устроена студентами и кончилась страшнымъ избіеніемъ манифестантовъ полиціей. Это вызвало вторую демонстрацію, 20-го февраля, какъ протестъ противъ полицейскихъ насилій. Было до 3.000 участниковъ и до 15.000 зрителей. Полиція, по требованію демонстрантовъ, была удалена, послѣ чего было произнесено нѣсколько рѣчей, и демонстранты разошлись.

23 февраля 1903 г. была демонстрація въ *Тифлисѣ*, участниковъ было до 6.000 человѣкъ.

2-го марта 1903 г. произошла грандіозная демонстрація въ *Ростовѣ на Дону*, о ней упоминается ниже.

2-го же марта 1903 года была также демонстрація въ *Баку*, устроенная въ память мартовскихъ событій предыдущихъ лѣтъ. Эта демонстрація была подготовлена и организована соціалдемократическимъ комитетомъ. Демонстрація началась шествіемъ рабочихъ съ краснымъ знаменемъ и пѣніемъ марсельезы. Въ толпѣ разбрасывали прокламаціи. Полиція пыталась разогнать толпу, но была нѣсколько разъ отбита градомъ камней. Рабочихъ было больше 2.000 человѣкъ.

9-го марта 1903 г. была устроена грандіозная демонстрація въ *Батумѣ*, въ годовщину прошлогоднихъ безпорядковъ. Съ четырьмя развернутыми знаменами рабочіе обошли весь городъ съ пѣніемъ и крикомъ: «Да здравствуетъ политическая свобода»; по дорогѣ разбрасывали прокламаціи и стрѣляли въ воздухъ изъ револьверовъ. Рабочихъ было 3.000 человѣкъ, и почти всѣ были вооружены. Полиція не оказала никакого сопротивленія.

Укажемъ еще рядъ другихъ манифестацій: въ *Тулѣ* 14-го сентября 1903 г. (200 чел.); въ *Клинцахъ* въ октябрѣ 1903 г. большая манифестація рабочихъ изъ-за продажи думой лѣса, принадлежащаго фабричному посаду. Волненія вспыхивали по этой же причинѣ нѣсколько разъ и, наконецъ, подъ вліяніемъ соціалдемократической Новозыбковской организаціи, вылились въ грандіозную манифестацію въ октябрѣ, охватившую до 3.000 рабочихъ; въ *Томскѣ* 27-го октября 1903 г. (300 чел.); въ *Чахотурахъ* (Кутаисской губ.) 4-го ноября 1903 г. (80 чел.); въ *Александровскѣ* (Екатеринославск. губ.) 4-го ноября 1903 г. (500 чел.); въ *Таганрогѣ* 9-го ноября 1903 г. (200 чел.); въ *Ригѣ* 16-го ноября 1903 г. (1.000 чел.); въ *Батумѣ* 19-го ноября 1903 г. (2.500 чел.); въ *Митавѣ* 12-го декабря 1903 г. (200 чел.).

Майскія демонстраціи въ этомъ году были устроены въ *Балтѣ* 7-го апрѣля; въ *Кулашахъ* (Кутаисск. губ.) 18-го апрѣля; въ *Томскѣ* 18-го апрѣля. Здѣсь участниковъ было до 5.000 челов.; пѣли революціонныя пѣсни, были красныя знамена; произносились рѣчи. Ораторовъ слушали съ громаднымъ вниманіемъ. Послѣ одной изъ рѣчей солдаты и полиція бросились на демонстрантовъ съ нагай-

Digitized by Google

ками и обнаженными шашками. Рабочіе сначали ихъ градомъ камней, солдаты и полиція отступили. Было нѣсколько раненыхъ.

Въ *Смоленскѣ* 26 апрѣля (уч. 300 ч.). Въ *Тифлисѣ* 27-го апрѣля (уч. 500 чел.). Въ *Баку* 27-го апрѣля была грандіозная майская демонстрація въ 10.000 человѣкъ. Произошло нѣсколько столкновеній съ полиціей и войсками, но въ общемъ рабочіе устояли.

Въ *Нижнемъ-Новгородѣ (Сормово)* 1-го мая была небольшая манифестація въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ *Сводосіи* 1-го мая (уч. 45 чел.). Въ *Тулѣ* 4-го мая (уч. 120 чел.).

Въ *Костромѣ* 8-го мая (уч. 500 чел.); окончилась страшнымъ избіеніемъ демонстрантовъ солдатами. Объ этой демонстраціи сказано ниже.

Изъ демонстрацій имѣвшихъ мѣсто за-первую половину 1904 г. можно указать слѣдующія:

Въ *Ригѣ* 1-го января 1904 г. Въ *Тифлисѣ* 5-го января 1904 г. (уч. 700 чел.). Въ *Ростовѣ на Дону* въ февралѣ (уч. 60 чел.). Въ *Батумѣ* 2-го февраля (уч. 100 чел.). Манифестація была устроена рабочими для протеста противъ организованныхъ полиціей «патріотическихъ» манифестацій. Въ *Дерптѣ* (Юрьевѣ) 19-го февраля (уч. 600 чел.). Въ *Тифлисѣ* 11-го апрѣля, во время которой было сильное столкновеніе съ полиціей. Было ранено 13 рабочихъ. Въ *Митавѣ* 1-го мая (уч. 70 чел.).

Изъ этого краткаго перечня болѣе замѣтныхъ демонстрацій видно, что нѣкоторое время онѣ стали какъ бы повальнымъ увлеченіемъ, и всѣ организаціи наперерывъ спѣшили какимъ бы то ни было образомъ вынести на улицу протестъ противъ самодержавія. И конечно, такія публичныя проявленія революціоннаго протеста имѣли огромное агитаціонное дѣйствіе, выводя революціонное движеніе изъ нелегальнаго подполья и заставляя сотни тысячъ обывателей на всѣ лады толковать о рабочемъ движеніи, о политической свободѣ, о звѣрствахъ полиціи и казаковъ и пр. и пр. Если уже массовое распространеніе прокламацій давало знать о существованіи революціонныхъ организацій и ихъ дѣятельности широкому кругу городского населенія, то послѣ демонстраціи, послѣ выступленія на улицу, конечно, не могло быть ни одного человѣка въ городѣ, который, такъ или иначе, со злобой или съ симпатіей, не говорилъ бы о революціонерахъ и о рабочемъ движеніи, который не слыхалъ бы—хотя бы подчасъ и въ самой нелѣпой формѣ—о происшедшей демонстраціи или «бунтѣ», который не задумывался бы и не разрѣшалъ бы по своему вопроса о смыслѣ всего происходившаго. Въ этомъ отношеніи, въ отношеніи пробужденія политическаго интереса въ массахъ городского населенія и популяризаціи соціалде-

мократическаго организацій, демонстрацій, несомнѣнно, сыграли большую роль.

Значительную роль въ увлеченіи демонстраціями сыграло и настроеніе сознательныхъ организованныхъ рабочихъ. Пока борьба велась, главнымъ образомъ, на экономической почвѣ, стачки и ихъ подготовка давали нѣкоторый исходъ жаждѣ непосредственнаго дѣйствія. Съ переходомъ же организацій преимущественно къ политической агитаціи, активная, самостоятельная дѣятельность передовыхъ рабочихъ значительно сократилась. Агитація велась почти исключительно лекціями, составленіе которыхъ—уже по самому содержанію ихъ, затрагивавшему темы, менѣе доступныя рабочему, чѣмъ вопросы профессіональнаго характера—лежало цѣликомъ на обязанности комитета, состоявшаго почти всегда только изъ интеллигентовъ. На долю рабочихъ оставались такимъ образомъ лишь чисто техническія функціи распространенія. Пропагандистскіе кружки и рѣдкія немноголюдныя агитаціонныя собранія тоже не давали достаточнаго простора той жаждѣ активной дѣятельности, которая обуревала передовыхъ рабочихъ, насчитывавшихся въ этотъ періодъ сотнями въ каждомъ, сколько-нибудь крупномъ городѣ. Имъ начинало казаться, что партія занимается только безконечными разговорами, словами, когда нужно дѣлать дѣло. Это впечатлѣніе еще усиливалось благодаря тому характеру, который по необходимости приняла на первыхъ порахъ политическая агитація. У партіи не хватало силъ, чтобы ввести хотя бы передовые слои рабочихъ въ весь кругъ конкретныхъ политическихъ вопросовъ, которые составляютъ дѣйствительное содержаніе русской общественной жизни. Приходилось въ значительной мѣрѣ ограничиваться чисто «схематической» абстрактной агитаціей противъ самодержавія, какъ принципа государственнаго строя—съ одной стороны, противъ капитализма, какъ принципа общественно-экономическаго устройства—съ другой. И объ эти категоріи выступали не столько какъ облеченныя въ кровь и плоть явленія русской политической дѣйствительности, взаимно связанныя многообразными и часто весьма трудно поддающимися анализу нитями, а скорѣе какъ логическія обобщенія, какъ теоретическія формулы. И поскольку пытались связывать политическую и экономическую агитацію, эта связь отражала не столько на дѣйствительномъ изученіи реальныхъ взаимоотношеній различныхъ классовъ и группъ русскаго народа, съ

Digitized by Google

ихъ сложной, имѣющей историческіе корни идеологіей, съ одной стороны и самодержавія—съ другой, сколько опять-таки на общихъ положеніяхъ о правительствѣ, поддерживающемъ имущіе классы противъ неимущихъ. Конечно, многіе товарищи чувствовали и понимали всю недостаточность такой постановки работы и дѣлали попытки слить политическую и экономическую агитацію въ единое соціалистическое цѣлое, встать на почву наличной политической жизни, но въ общемъ и цѣломъ агитація въ силу необходимости оставалась нѣсколько теоретичной, книжной. Это обстоятельство еще больше заставляло передовыхъ рабочихъ чувствовать, что имъ чего-то недостаетъ, искать какого-нибудь выхода, какого-нибудь практическаго дѣла. И хотя участіе большинства передовыхъ рабочихъ въ подготовкѣ и организаціи демонстрацій въ сущности также не выходило изъ рамокъ чисто техническихъ функцій, но самая сложность дѣла, сопряженный съ нимъ рискъ, возможность хоть разъ дать волю накипѣвшему въ груди протесту заставляли ихъ съ упоеніемъ и увлеченіемъ отдаваться этому новому дѣлу. И рабочіе бросились на организацію демонстраціи со всѣмъ пыломъ, на который только способенъ борющійся пролетарій. Съ началомъ подготовки демонстраціи жизнь въ кругу организованныхъ рабочихъ начинала бить ключемъ, и долго еще послѣ нея, несмотря на всѣ жертвы, не улегалось, вызванное смѣлымъ выступленіемъ, возбужденіе.

Скоро, однако, начали обнаруживаться и отрицательныя стороны такого увлеченія. Прежде всего, какъ ни велико бывало иногда скопленіе зрителей и какъ ни много было среди нихъ сочувствующихъ демонстрантамъ, активныхъ участниковъ демонстрацій обыкновенно было не особенно много, въ лучшемъ случаѣ нѣсколько сотенъ. Благодаря этому, демонстранты почти никогда не могли дать успѣшнаго отпора полиціи и казакамъ, набрасывавшимся съ шашками и нагайками и звѣрски избивавшимъ всѣхъ, попадавшихъ подъ руку. Плохая организаціонная подготовка демонстрацій также сказывалась. При такихъ условіяхъ проекты вооруженнаго отпора во что бы то ни стало, возникавшіе въ нѣкоторыхъ пылкихъ головахъ и пропагандируемые такъ-называемыми, соціалистами-революціонерами, могли бы привести лишь къ безплодному кровопролитію, и соціалдемократія предостерегала отъ такой неразсчетливой тактики, совѣтуя обратить усиленное вниманіе

Digitized by Google

на лучшую подготовку и организацію демонстрацій и не стремиться во что бы то ни стало множить ихъ число.

Но, кромѣ избіенія демонстрантовъ, демонстраціи всегда сопровождались массовыми арестами, а такъ какъ огромное большинство участниковъ стояло въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ партійнымъ организаціямъ, и трудно было при такомъ публичномъ выступленіи соблюдать всѣ правила конспираціи, аресты эти нерѣдко вели къ разрушенію организацій, созданныхъ съ такимъ трудомъ.

Наконецъ,—великолѣпное средство для подъема настроенія и политическаго пробужденія,—демонстраціи не давали всего того, что съ соціалдемократической точки зрѣнія необходимо для дѣйствительнаго *классоваго* воспитанія пролетаріата. Между тѣмъ въ дѣятельности соціалдемократіи эта сторона вопроса, конечно, должна всегда стоять на первомъ планѣ. Такимъ образомъ, задача изысканія методовъ такого воспитанія путемъ активнаго участія рабочихъ массъ въ политической дѣятельности партіи, оставалась открытой и послѣ періода демонстрацій.

с) 1902- 1903 г. въ Тихорѣцкой, Ростовѣ на Дону и Костромѣ.

Въ началѣ мая 1902 года на станціи *Тихорѣцкой* Владикавказской желѣзной дороги, гдѣ имѣются желѣзно-дорожныя мастерскія, произошла исторія, наглядно показавшая, съ какою напряженною нервностью относится рабочая масса ко всѣмъ проявленіямъ политическаго и общественнаго гнета, и съ какою силою готова она протестовать противъ насилія и произвола. Молодая, красивая дѣвушка Золотова — по официальнымъ увѣреньямъ будто-бы проститутка, — приглянулась ѣхавшему съ ней въ одномъ вагонѣ судебному слѣдователю. Такъ какъ она не уступала его настояніямъ, слѣдователь велѣлъ ее арестовать, будто-бы по подозрѣнію въ кражѣ у него зонтика.

И вотъ, въ сторожкѣ при станицѣ Тихорѣцкой несчастная подверглась ряду изнасилованій, сначала, какъ говорятъ, со стороны слѣдователя, потомъ, что несомнѣнно доказано, всѣхъ станичныхъ властей до часовыхъ казаковъ включительно, наконецъ, всѣхъ желающихъ, платившихъ по 20 коп. ея стражникамъ. Несчастная не выдержала этихъ мученій,

отравилась или—это такъ и осталось не разъясненнымъ,—была отравлена. Когда узнали объ этомъ рабочіе Тихорѣцкихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, они толпою бросились въ слѣдницу, разнесли въ щепы сторожку, разрушили слѣдственное правленіе, жел. дор. станцію, избили полицію и казаковъ. Ихъ энергичный протестъ не далъ замять эту исторію, какъ обыкновенно дѣлается въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ. Правительство нѣсколько разъ производило слѣдствіе, одубликовало цѣлый томъ матеріаловъ, но, несмотря на всѣ его старанія обѣлить высшее начальство и свалить всю вину на рядовыхъ казаковъ, у всѣхъ осталось ясное впечатлѣніе, что тутъ дѣло не чисто. Это впечатлѣніе получило огромное подкрѣпленіе въ той обстановкѣ, при которой происходилъ судъ надъ пролетаріями, самоотверженно протестовавшими противъ гаусностей застѣнка и—нужно-ли прибавлять это?—оказавшимися единственными «обвиняемыми» по этому дѣлу. Коронный судъ не только происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, но защитникамъ было запрещено вообще касаться обстоятельствъ смерти Золотовой. Адвокаты удалились изъ залы, заявивъ протестъ противъ такого способа мѣшать раскрытію истины. И однако вся возмутительность этого дѣла была такъ очевидна, что всѣ обвиняемые отдѣлались непродолжительнымъ—на русскій масштабъ—арестомъ.

Эпохой въ развитіи русскаго рабочаго движенія составила стачка, вспыхнувшая 4 ноября 1902 г. въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ Владикавказской ж. д. въ Ростовѣ на Дону. Стачка была подготовлена и организована Донскимъ комитетомъ Р. С. Д. Р. партіи, формулировавшимъ въ своей прокламаціи требованія стачечниковъ. Требованія эти не выходили за предѣлы чисто профессіональныхъ интересовъ. Но съ первыхъ же дней забастовщики въ количествѣ 4000 человѣкъ начали собираться во дворѣ мастерскихъ для совмѣстнаго обсужденія положенія дѣлъ. Къ стачкѣ начали присоединяться и другіе рабочіе: жел.-дор. депо, желѣзодѣлательнаго завода Пастухова (400 чел.), пекаря, желѣзодѣлательныхъ заводовъ Токарева и Дутикова, плугостроительныхъ — Аксай и Григорьева, цементнаго — Союзъ, табачныхъ фабрикъ—Асмолова и Работникъ. Соціалдемократическій комитетъ рѣшилъ воспользоваться массовыми собраніями стачечниковъ и послалъ на сходку своихъ ораторовъ. Такъ какъ дворъ мастерскихъ, и по своей величинѣ, и по своему мѣстонахожденію, не удо-

влетворялъ потребностямъ сходки, то собранія были перенесены на окраину города. Сюда въ теченіе цѣлой недѣли стекались тысячи (иногда сборища доходили до 30.000 человѣкъ) народа слушать рѣчи, произносившіяся агитаторами комитета. Сначала рѣчи на политическія темы съ призывомъ къ борьбѣ противъ самодержавія встрѣчали нѣкоторое неудовольствіе со стороны рабочихъ, особенно пожилыхъ, но затѣмъ народъ сталъ самъ требовать рѣчей именно на эти темы. Происходило нѣчто, до тѣхъ поръ невиданное и неслыханное въ Россіи: ежедневные многолюдные митинги подъ открытымъ небомъ, многотысячная толпа, съ замираніемъ сердца внимающая смѣлымъ рѣчамъ о самодержавіи, о чиновничьемъ произволѣ и насиліи, о пристрастіи судовъ, о капиталистической эксплоатаціи, толпа, громкими криками отвѣчающая «Да» на вопросъ оратора: «Нужна ли намъ политическая свобода?» Тутъ же самая разнообразная публика, сбѣгавшаяся со всего Ростова на невиданное зрѣлище: рабочіе, оставлявшіе мастерскія, чтобы пойти «послушать» на сходку, мѣщане, купцы, чиновники, дамы въ экипажахъ съ лорнетками въ рукахъ. И тутъ же растерянное начальство, не знающее, что предпринять, полиція и казаки, слушающіе рѣчи соціалдемократическаго оратора.

Цѣлую недѣлю продолжались такіе митинги (и толпа заботливо укрывала ораторовъ, давая имъ возможность незамѣтно пробираться на сходку и возвращаться съ нея), пока начальство рѣшилось пустить казаковъ въ атаку на толпу; но атаки нѣсколько разъ были отбиты камнями, кольями, досками. И только 11 ноября, когда уже сходка была распущена, и почти всѣ рабочіе разошлись, въ отвѣтъ на нѣсколько камней, брошенныхъ дѣтьми, казаки вдругъ произвели залпъ и, положивъ на мѣстѣ шесть убитыхъ и 12 тяжело раненыхъ, сейчасъ же ускакали. Эти убійства не только не напугали толпу, но еще больше озлобили ее, и долго еще послѣ того продолжались такіе же ежедневные митинги, такія же рѣчи, такіе же протесты. Начальство уже не рѣшалось больше вмѣшиваться, ибо весь городъ былъ въ волненіи, симпатіи огромнаго большинства были на сторонѣ стачечниковъ, ждали возстанія, революціи.

Тайная типографія соціалдемократическаго Комитета работала неутомимо, сколько позволяли ея крайне скромные размѣры. Прокламаціи выходили ежедневно. Всего ихъ было распространено 17 въ количествѣ болѣе 30.000 экземпляровъ

Digitized by Google

Слѣдуетъ отмѣтить поразительную выдержку и дисциплинированность, проявленную тысячами «сѣрыхъ» рабочихъ. Попытки шпіоновъ вызвать драку и замѣшательство систематически кончались неудачею. Толпа понимала, что это полицейскія затѣи, и молча выпроваживала изъ своихъ рядовъ шпіоновъ. Жандармскаго офицера, явившагося на сходку, рабочіе слушать не пожелали. Точно такъ же отказывались они читать всѣ прокламаціи, на которыхъ не стояла красная печать Донского комитета Р. С. Д. Р. П.

Только 23 ноября стали рабочіе Владикавказской жел.-дор. на работу, и правительство могло массовыми арестами и высылками удовлетворить свою жажду мщенія.

Благодаря агитаціи соціалдемократическаго комитета, ростовскія событія нашли откликъ и въ другихъ пунктахъ Владик. ж. д., гдѣ имѣются мастерскія: въ Новороссійскѣ, гдѣ забастовало 600 чел., и, особенно въ Тихорѣцкой, рабочіе которой уже обнаружили столько мужества въ своемъ протестѣ по поводу смерти Золотовой. Здѣсь тоже происходили митинги, тоже говорились рѣчи и — увы! — тоже 5 убитыхъ и 17 тяжело раненыхъ были жертвой, принесенной пролетаріатомъ на алтарь борьбы за свободу! О легко раненыхъ, а также о тѣхъ звѣрствахъ, грабежахъ, изнасилованіяхъ женщинъ и проч., которыми слуги правительства озлобленные вмѣшательствомъ рабочихъ въ дѣло Золотовой, праздновали въ Тихорѣцкой свою побѣду надъ пролетаріями, мы уже не говоримъ. Грабежи и изнасилованія — непремѣнный спутникъ всякаго «усмиренія», производимаго правительствомъ надъ рабочими и крестьянами, и всякаго «нападенія» его на россійскихъ гражданъ, какъ это мы видѣли въ Кишиневѣ.

Ростовская стачка открыла новые методы для соціалдемократической агитаціи, по своей интенсивности далеко превосходившіе все то, что казалось доступнымъ раньше, когда агитація велась почти исключительно прокламаціями или—въ рѣдкихъ случаяхъ—устно на небольшихъ собраніяхъ съ нѣсколькими десятками участниковъ. И хотя этой стачкой рабочіе не добились немедленнаго осуществленія своихъ требованій, вліяніе ея глубоко врѣзалось въ душу ростовскихъ рабочихъ.

Это наглядно выяснилось очень скоро—въ мартѣ слѣдующаго года, когда соціалдемократическому комитету съ организованными рабочими достаточно было явиться на поле, гдѣ

Digitized by Google

происходила—остатокъ средневѣковыхъ обычаевъ — кулачная борьба, чтобы немедленно отвлечь всю многотысячную толпу (5—6000) зрителей отъ этого варварскаго зрѣлища и повести ее за собой въ городъ на демонстрацію. Снова весь Ростовъ высыпалъ на улицу, и полтора часа красовались надъ десятками тысячъ головъ два красныхъ знамени съ надписями: «Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день» и «Да здравствуетъ политическая свобода». Полиція, не ожидавшая ничего подобнаго, потратила очень много времени, чтобъ собраться съ силами. Толпа неоднократно отбивала ее, бросала ей подъ ноги проволоку. Все организованное ядро и знамена остались невредимы, большинство арестованныхъ пришлось скоро выпустить. Но въ свалкѣ полицейскій приставъ получилъ ударъ палкой по головѣ, отъ котораго и умеръ. Эта смерть стоила многихъ лѣтъ каторжныхъ работъ нѣсколькимъ товарищамъ, о чемъ мы еще скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Скоро и на другомъ концѣ Россіи, въ *Костромѣ*, произошли событія, показавшія, что не только въ Ростовѣ бьется горячее пролетарское сердце, рвется изъ груди пролетарскій протестъ, накипѣвшее чувство озлобленія и недовольства. Костромская стачка наиболѣе поразительна тѣмъ, что въ ней значительно меньше, чѣмъ въ Ростовѣ, сказалось организаціонное руководительство нашей партіи. Сами рабочіе устроили демонстрацію, пройдясь по всему городу съ красными знаменами и революціонными пѣснями къ дому губернатора. И здѣсь не обошлось безъ жертвъ. Были вызваны войска. Озлобленные рабочіе разобрали мостовую и построили баррикаду. Солдаты стрѣляли, но количество жертвъ до сихъ поръ точно неизвѣстно. Затѣмъ началась обычная экзекуція...

d) Всеобщая стачка.

Ростовскія и Костромскія событія явились какъ бы непосредственнымъ прологомъ того грандіознаго движенія рабочихъ массъ, которое лѣтомъ 1903 года охватило весь югъ Россіи. Въ нихъ уже сказалось то напряженное ожиданіе невѣдомыхъ, крупныхъ грядущихъ событій, то нервное предреволюціонное настроеніе, та смутная вѣра въ какой-то предстоящій общественный переворотъ, то мучительное сознаніе невозможности жить дальше такъ, какъ жилось до сихъ поръ,

Digitized by Google

которое за послѣдніе годы стало обычнымъ для широкихъ массъ народа. И вотъ, на почвѣ этого настроенія зародилась и бурей пронеслась по всему югу стачка, по количеству участниковъ, по всеобщности, по тому особому настроенію, которымъ были проникнуты рабочіе, не много знающіе себѣ равныхъ во всемъ мірѣ, не говоря уже о Россіи.

Забастовали рабочіе почти всѣхъ промысловъ, до 225.000 человѣкъ. Стачка подготовлялась постепенно. Еще въ апрѣлѣ и маѣ происходили многочисленныя частныя стачки и демонстраціи, вызванныя предмайской агитаціей соціалдемократическихъ организацій. Рабочіе были въ возбужденномъ состояніи съ самаго наступленія весны. Въ *Баку* первыми забастовали рабочіе керосиновыхъ промысловъ 1 іюля, а 4 и 5 іюля стачка уже охватила весь городъ и окрестности. Въ *Тифлисѣ* настроеніе было подготовлено демонстраціей 1 іюля по поводу ссылки въ Восточную Сибирь 4 «политическихъ». Во время этой демонстраціи было столкновеніе съ полиціей—ранено 5 рабочихъ, одинъ изъ нихъ умеръ въ тотъ же день. Первыми (14 іюля) забастовали рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, приказчики и мелкія мастерскія, за ними поднялись и всѣ остальные рабочіе. Въ первой половинѣ іюля забастовали и *Батумскіе* рабочіе изъ симпатіи къ Бакинскимъ и Тифлисскимъ товарищамъ; настроеніе было подготовлено убійствомъ (въ концѣ іюня) одного рабочаго провокаторомъ и демонстраціей на похоронахъ этого рабочаго, которая собрала до 3.000 человѣкъ. 17 іюля бастовалъ уже весь городъ. Въ *Одессѣ* забастовку начали 1 іюля портовые (босяки) и желѣзнодорожные рабочіе Большого вокзала въ количествѣ 2.000. Ближайшимъ поводомъ къ стачкѣ послужило увольненіе изъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ одного рабочаго котельнаго цеха. 2 іюля забастовалъ уже весь Большой вокзалъ, а 4 іюля всѣ рабочіе порта и города. Прокламаціи, побуждающія рабочихъ къ всеобщей забастовкѣ, были распространены по всему городу. Подъ вліяніемъ усиленнаго распространенія листковъ и слуховъ о всеобщей стачкѣ въ другихъ городахъ, вспыхнуло сильное броженіе и въ *Николаевѣ*; даже массовые рабочіе говорили: «Не хотимъ работать, когда другіе бастуютъ». Первыми прекратили работу рабочіе котельной мастерской Французскаго завода. Съ крикомъ: «Да здравствуетъ стачка» бросились они къ другимъ мастерскимъ и заводамъ, и всюду рабочіе присоединялись къ нимъ. Въ *Кіевѣ* Комитетъ соціалдемократической партіи 21 іюля обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ типографщикамъ и желѣзнодорожнымъ рабочимъ съ призывомъ ко всеобщей стачкѣ и поддержкѣ одесскихъ и бакинскихъ товарищей. Въ тотъ же день бросили работу всѣ желѣзнодорожныя мастерскія, депо и рабочіе русскаго машиностроительнаго завода въ числѣ 4.000 человѣкъ. 22-го присоединились 1.400 типографщиковъ и рабочіе всѣхъ другихъ профессій. Въ *Елисаветградѣ* забастовку начали 28 іюля каменщики (300 чел.), плотники (200 чел.) и рабочіе завода Якульскаго, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ событій въ сосѣднихъ южныхъ городахъ, такъ какъ елисаветградскіе рабочіе даже не выставили никакихъ требованій. Послѣдними

Digitized by Google

забастовали, уже послѣ окончанія забастовки въ другихъ городахъ, рабочіе городовъ *Екатеринослава* и *Керчи*. Въ Екатеринославѣ Комитетъ Р. С. Д. Р. Партіи назначилъ забастовку на 7 августа, и, дѣйствительно, въ этотъ день бросили работу, сначала рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, а затѣмъ и рабочіе и другихъ заводовъ и ремесленники.

Во всѣхъ упомянутыхъ городахъ рабочіе, начавшіе забастовку, ходили тысячными толпами по городу и приглашали всѣхъ рабочихъ присоединяться къ нимъ, входили въ заводы и въ фабрики, давали гудокъ о прекращеніи работъ и потомъ объясняли рабочимъ, чего они хотятъ отъ нихъ; выпускали паръ изъ паровиковъ на заводахъ, пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, заходили въ ремесленныя мастерскія, булочныя, магазины, на пристани, останавливали пароходы, срывали флаги и колокола, и призывали рабочихъ всѣхъ профессій, и даже военныхъ матросовъ, ко всеобщей стачкѣ; останавливали трамваи и конки, распрягали лошадей и отправляли ихъ въ депо. Большей частью рабочіе съ радостью, присоединялись къ стачкѣ. Испуганные буржуа, при появленіи многотысячной толпы рабочихъ на улицѣ, закрывали передъ ними со страхомъ свои магазины. Рабочіе успокаивали ихъ, заявляя: «Мы не грабители и не громилы, мы никого не тронемъ». Бастовали рабочіе рѣшительно всѣхъ профессій: рабочіе всѣхъ заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, портовые рабочіе, начиная съ машинистовъ и кончая чернорабочими босяками, строительные рабочіе: плотники, каменщики, штукатуры, маляры, столяры, слесаря, трамвайщики, кондуктора и кучера конно-желѣзныхъ дорогъ, типографщики, булочники, караульщики, всевозможные ремесленники, подметальщики улицъ, мусорщики, ассенизаторы, ресторанная прислуга, приказчики, мельники, телеграфисты, мясники, носильщики, стрѣлочники и даже дворники, которые между прочимъ заявляли, что они желаютъ работать для хозяевъ, а ихъ заставляютъ работать для полиціи.

Въ трехъ кавказскихъ городахъ количество участниковъ достигло 100.000 человѣкъ; въ Одессѣ—50.000; въ Кіевѣ—30.000; въ Николаевѣ—10.000; въ Екатеринославѣ—20—30.000; въ Елисаветградѣ -20.000; въ Ѳеодосіи, Керчи и Конотопѣ по нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Своеобразенъ былъ видъ большихъ городовъ во время стачки: всѣ магазины, конторы, пекарни, мастерскія закрыты, конки и трамваи не ходятъ; извозчиковъ почти не видно; газетъ нѣтъ; поѣзда стоятъ на станціяхъ; горы товаровъ заваливаютъ платформы; пароходы и шхуны стоятъ въ рейдахъ приморскихъ городовъ безъ движенія. Продукты дорожаютъ. Нѣтъ ни хлѣба, ни мяса. Небольшое количество хлѣба берутъ съ бою. Нѣтъ ни электричества, ни газа, вечеромъ на улицахъ темно, а въ квартирахъ плохое освѣщеніе свѣчами. Улицы не подметаются, нѣтъ ни разносчиковъ, ни носильщиковъ, ни даже чистильщиковъ сапогъ. Полный застой торговой и промышленной жизни въ городѣ, но зато огромное оживленіе и возбужденіе города въ общественномъ отношеніи. Тысячныя толпы рабочихъ ходятъ по улицамъ, устраиваютъ сходки, митинги, на которыхъ соціалдемократическіе

ораторы произносятъ рѣчи, демонстраціи съ красными знаменами въ рукахъ. Раздаются революціонныя пѣсни и крики. Масса патрулей, полиціи, городовыхъ и солдатъ.

Въ прокламаціяхъ, десятками тысячъ распространенныхъ соціалдемократическими организаціями, требованія были формулированы почти вездѣ одинаково: восьми (кое-гдѣ девяти)-часовой рабочій день, увеличеніе заработной платы отъ 20 до 70 процентовъ и установленіе минимальной величины ея, отмѣна штрафовъ, вѣжливое обращеніе и рядъ мелкихъ требованій по улучшенію условій труда. Выпускались кромѣ того прокламаціи и съ требованіями чисто политическаго характера: созывъ всероссійскаго народнаго собранія, свобода стачекъ, союзовъ и собраній, свобода слова и печати, свобода совѣсти, свобода и неприкосновенность личности. Интересно, что въ Одессѣ видную роль въ подготовкѣ стачки играли организованные агентами Зубатова «независимцы». Ихъ глава, Шаевичъ, нѣсколько разъ выступалъ даже съ рѣчами. Но лишь только забастовка приняла громадные размѣры, она вышла изъ рамокъ маленькихъ, узкихъ экономическихъ требованій и приняла характеръ стихійнаго протеста противъ всего политическаго и экономическаго гнета. Тутъ уже организаторамъ «независимцевъ» пришлось стушеваться и сойти со сцены, такъ какъ сами рабочіе изгоняли ихъ со своихъ сходокъ. Такъ, когда на одно громадное собраніе рабочихъ явился Шаевичъ и обратился къ рабочимъ: «Чего вы хотите? Головой объ стѣну или сверлить ее?» тысячи рабочихъ единодушно закричали: «Головой объ стѣну!» Шаевичу пришлось удалиться. Среди рабочихъ ходилъ даже по рукамъ, писанный самими рабочими, листокъ съ призывомъ: «Долой обманъ, долой мелкія требованія, хотимъ большаго».

Въ *Баку* происходили ежедневныя массовыя собранія стачечниковъ за городомъ: обычно собиралось около 3.000 человѣкъ, но иногда число участниковъ и зрителей доходило до 20—30.000. На собраніяхъ соціалдемократическіе ораторы произносили рѣчи. Ежедневно выходили прокламаціи на русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ языкахъ. Группы въ 400—500 рабочихъ останавливались на улицахъ, читали прокламаціи и слушали ораторовъ на глазахъ полиціи. Собранія устраивались при такомъ громадномъ скопленіи рабочихъ, что правительство не рѣшалось пустить въ ходъ войска, но демонстрація, устроенная во время забастовки, прошла не совсѣмъ удачно, такъ какъ демонстранты вскорѣ были разсѣяны нагайками казаковъ. Когда же настроеніе рабочихъ улеглось, и на сходки являлось уже меньше народу, устраивать собранія было уже труднѣе. Рабочихъ нагайками гнали на работу и заставляли исполнять ее подъ конвоемъ солдатъ. Подъ конецъ стачки бывали такія картины: ѣдетъ конка, а впереди и сзади, около кондуктора и кучера, по солдату. Въ *Тифлисѣ* и въ *Батумѣ*, гдѣ стачка не приняла такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ Баку, съ рабочими обращались еще болѣе безцеремонно. Такъ, въ Тифлисѣ арестованныхъ пропускали «сквозь строй» казацкихъ нагаекъ. На станціи же *Михайловка* разыгралась ужасная драма. Рабочіе хотѣли отцѣпить паровозъ у подошедшаго

Digitized by Google

поѣзда; на нихъ бросились стражники. Приставъ приказалъ стрѣлять, — и на мѣстѣ осталось 36 человѣкъ тяжело раненыхъ и убитыхъ. *Въ Одессѣ, Кіевѣ* и *Екатеринославѣ* происходили сходки и собранія, еще болѣе многолюдныя, чѣмъ въ Баку, въ десятки тысячъ рабочихъ. Бывали собранія въ 40—50 тысячъ рабочихъ. Соціалдемократическія организаціи ежедневно выпускали тысячи экземпляровъ прокламацій, которыя читались и передавались другъ другу на глазахъ у полиціи. Выступало много ораторовъ, нерѣдко изъ среды самихъ организованныхъ рабочихъ. Устраивали многократно шествія по городу съ красными знаменами въ рукахъ и революціонными пѣснями и криками. Происходили неоднократно столкновенія съ полиціей и войсками. Казаки и солдаты безпощадно били рабочихъ нагайками и штыками; рабочіе защищались палками и камнями, и нѣсколько разъ имъ удавалось отбить арестованныхъ во время демонстрацій. 19 іюля въ *Одессѣ* жестоко расправились съ кондукторами и кучерами конки. Ихъ заманили въ депо, тамъ связали и жестоко избили нагайками. Двое изъ нихъ вскорѣ умерли. Арестовывали сотни рабочихъ и страшно избивали, многіе умерли въ больницахъ. Въ *Кіевѣ* произошло кровавое столкновеніе съ полиціей на третій день забастовки, 23 іюля. Въ этотъ день желѣзнодорожные рабочіе, въ количествѣ 2.000 человѣкъ легли на рельсы около паровознаго депо, чтобы прекратить движеніе. На толпу были посланы казаки и полиція. Произошло столкновеніе, во время котораго летѣли камни, свистали нагайки, рубили шашки; раненые были съ обѣихъ сторонъ. Путь былъ очищенъ, и паровозы выведены изъ депо. Толпа опять собралась, къ ней приблизились войска и казаки, во главѣ съ вице-губернаторомъ. Было приказано стрѣлять. Одинъ за другимъ раздались три залпа. Сразу было убито 4 рабочихъ и ранено 20; изъ нихъ нѣкоторые потомъ умерли. Послѣ этой бойни забастовка стала дѣйствительно всеобщей. Рабочіе прямо говорили: «Вчера на вокзалѣ стрѣляли, а сегодня мы не будемъ работать; какъ не бунтовать? На фабрикахъ прижимки и обирательство, кругомъ—всякое нахальство». 25 іюля повторилась бойня на Подолѣ. Во время скопленія громадной толпы рабочихъ, подростки разбили окна на мельницѣ Бродскаго и табачной фабрикѣ Каца. Явились казаки и городовые и начали безпощадно бить рабочихъ нагайками; послѣдніе защищались каменьями. Рота солдатъ выпустила въ толпу до 10 выстрѣловъ. Это страшно озлобило рабочихъ, и они, еще болѣе возбужденные, стали бросать камни въ солдатъ. Наконецъ, толпа стала расходиться, но тутъ войска дали въ тылъ рабочимъ 4 залпа — 3 убито, очень много ранено. Всего убито въ Кіевѣ во время всеобщей стачки 15 чел. и ранено 200; со стороны полиціи и казаковъ—человѣкъ 15. Столкновенія съ полиціей возобновлялись еще много разъ, но стрѣлять больше не рѣшались. Въ *Екатеринославѣ* полиція, казаки и солдаты страшно избивали рабочихъ нагайками съ желѣзными наконечниками и шашками. Въ одну изъ такихъ свалокъ, у Брянскаго завода, одна женщина подбѣжала къ офицеру и ударила его въ голову. Офицеръ, безъ всякаго предупрежденія велѣлъ стрѣлять—11 убито, изъ нихъ двое дѣтей, 13 тя-

Digitized by Google

жело (всѣ умерли) и 15 легко ранены. Въ *Николаевѣ* также происходили многократныя столкновенія съ полиціей, казаками и войсками, и чуть было не разыгралась такая же драма, какъ и въ Кіевѣ и Екатеринославѣ, когда рабочіе, при выходѣ съ Черноморскаго завода, встрѣтили солдатъ съ ружьями «на прицѣлъ». Однако, одному рабочему удалось предотвратить бойню, убѣдивъ офицера, что рабочіе разойдутся, если солдаты возьмутъ «къ ногѣ». Грандіозное демонстративное шествіе рабочихъ по городу (10.000 чел.) обошлось безъ кровавыхъ столкновеній. Отдѣльныя же кучки рабочихъ были страшно избиты, много было раненыхъ и еще болѣе арестованныхъ. Въ концѣ концовъ, и въ Николаевѣ, при столкновеніи рабочихъ съ войсками у элеватора, солдаты сдѣлали одинъ залпъ; нѣсколько человѣкъ было ранено, убитъ случайно проходившій старикъ. Рабочіе защищались камнями—убили одного околодочнаго и нѣсколько солдатъ ранили. Въ *Елисаветградѣ* рабочіе, возбужденные слухомъ объ убійствѣ 200 чел. рабочихъ въ Кіевѣ солдатами, при столкновеніяхъ съ полиціей и войскомъ оказали стойкое сопротивленіе, защищаясь дубинами, палками и камнями; имъ удалось отбивать солдатъ нѣсколько разъ. Ранили помощника пристава, шпіона и нѣсколько человѣкъ солдатъ. Арестовано было больше 50 рабочихъ. Товарищи пытались освободить ихъ, но это имъ не удалось, изъ боязни же предъ рабочими въ тюрьмѣ была поставлена рота солдатъ. Въ *Керчи*, при такой же попыткѣ освобожденія арестованныхъ, нѣсколько человѣкъ было убито и ранено выстрѣлами полиціи.

Мало-по-малу, однако, возбужденное настроеніе стихало, и рабочіе—неохотно, вяло—снова становились на работу.

Такъ постепенно улеглась эта волна народнаго возбужденія, прокатившаяся по всему югу. Не ставя себѣ въ сущности никакихъ опредѣленныхъ, конкретныхъ цѣлей, рабочіе вылили въ форму всеобщей забастовки свое общее недовольство, какъ экономическимъ, такъ, пожалуй, еще больше — политическимъ положеніемъ своимъ. Съ гордостью видѣли они, какъ вся жизнь огромныхъ городовъ замирала, когда пролетарій складывалъ на груди свои руки, и чувство собственнаго достоинства, сознаніе первостепенной важности и значительности роли рабочаго въ общемъ ходѣ общественной жизни наполняло ихъ сердца радостнымъ удовлетвореніемъ. Пролетаріатъ осязательно почувствовалъ свою силу. И съ тѣмъ большей горечью и болью чувствовалось то униженіе и безправіе, которыя окружаютъ русскаго рабочаго человѣка. Политическое недовольство зрѣло и отливалось въ болѣе опредѣленныя формы. И конечно, десяткамъ тысячъ пролетаріевъ врѣзалось въ душу неизгладимыми чертами воспоминаніе о славныхъ дняхъ забастовки, о митингахъ и рѣчахъ ораторовъ, о трупахъ товарищей, павшихъ жертвою насилій самодержавія.

Digitized by Google

Придетъ день, и, какъ показываетъ сама всеобщая стачка, онъ недалекъ,—когда эти воспоминанія вспыхнутъ яркимъ пламенемъ, гнѣвомъ и жаждой борьбы отзовутся въ сердцахъ пролетаріата и воодушевятъ его на великій подвигъ низверженія русскаго деспотизма...

По всей своей обстановкѣ, по своему специфически классовому характеру, всеобщая стачка явилась могучимъ орудіемъ подъема классоваго сознанія пролетаріата. Соціалдемократическія организаціи дѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы использовать эти великіе дни для соціалдемократической агитаціи. Тысячи прокламацій пускались ежедневно въ обращеніе, и вездѣ, гдѣ было можно, раздавалось свободное слово соціалдемократа. Но, конечно, нечего говорить о томъ, что потребность въ соціалдемократическихъ газетахъ, брошюрахъ, прокламаціяхъ, ораторахъ безконечно превышала то, что организаціи могли предложить при всемъ напряженіи своихъ силъ. Какъ бы то ни было, всеобщая стачка еще разъ показала ту крѣпкую, неразрывную связь, которая уже установилась между русскимъ пролетаріатомъ и соціалдемократіей, и которую не удастся разорвать никакимъ демагогамъ, въ какіе бы «внѣклассовые» соціалистическіе плащи они ни рядились. Попытки соціалистовъ-революціонеровъ вмѣшаться въ ходъ стачки и ихъ призывы къ демонстраціямъ (подъ которыми они понимаютъ только шествіе по улицамъ города) во что бы то ни стало и насильственнымъ дѣйствіямъ прошли совершенно безслѣдно и не успѣли внести сколько-нибудь замѣтной дезорганизаціи въ движеніе рабочихъ. Соціалдемократическіе комитеты повсюду тщательно заботились о предотвращеніи той безполезной бойни рабочихъ, которая такъ легко могла возникнуть въ эти дни и надолго затопить въ морѣ крови начавшееся движеніе пролетаріата. Въ дни рѣшительной битвы соціалдемократія сумѣетъ повести въ бой рабочіе батальоны, но считаетъ преступнымъ преждевременно истощать рабочій классъ рядомъ кровопусканій. И безъ того слишкомъ много жертвъ уноситъ изъ среды пролетаріата каждый новый шагъ по пути къ освобожденію его и всего народа отъ гнета деспотизма...

е) Агитація по поводу войны.

Описанные эпизоды классовой борьбы пролетаріата показываютъ, въ какомъ настроеніи застало его объявленіе войны.

Digitized by Google

Эта война, не оправдываемая даже интересами русскихъ господствующихъ классовъ, явилась плодомъ авантюристской политики самодержавнаго правительства, въ погонѣ за золотомъ и властью и подъ гнетомъ народнаго недовольства ищущаго успѣховъ во внѣшнихъ приключеніяхъ. Можно смѣло сказать, что кромѣ небольшой кучки «высокопоставленныхъ» спекулянтовъ, заполучившихъ всевозможныя концессіи въ Манджуріи и Кореѣ, да еще немногочисленной группы поставщиковъ военнаго вѣдомства, всѣ слои русскаго общества и народа недовольны войной. Патріотическія манифестаціи, организованныя при непосредственномъ участіи полиціи, жандармеріи и шпіоновъ, не имѣли рѣшительно никакого успѣха и очень скоро должны были прекратиться. Онѣ только лишній разъ вынесли на улицу обсужденіе политическихъ вопросовъ, а въ атмосферѣ того возбужденія, которое царитъ за послѣдніе годы въ Россіи, это пошло, въ концѣ концовъ, на пользу революціи.

Рабочихъ патріотическій годъ почти не коснулся. По крайней мѣрѣ организаціи соціалдемократической партіи нигдѣ не замѣчали ни ослабленія связей въ рабочей средѣ, ни враждебнаго отношенія къ той анти-военной кампаніи, которую партія ведетъ самымъ энергичнымъ образомъ. Промышленный застой, необычайно усилившійся со времени объявленія войны, созывъ запасныхъ, насильственное вычитаніе изъ заработной платы, такъ называемыхъ, «добровольныхъ» пожертвованій на войну — конечно, еще меньше могли настроить рабочихъ на воинственный патріотическій ладъ. А обнаружившіеся немедленно же по начатіи войны недостатки правительственнаго механизма, вопіющія хищенія въ интендантствѣ, полная неподготовленность правительства къ той войнѣ которую оно само такъ настойчиво провоцировало, неспособность командировъ, неумѣніе организовать сложное дѣло обезпеченія войска продовольствіемъ и боевыми снарядами, рядъ пораженій, свидѣтельствующихъ о культурномъ и техническомъ превосходствѣ японцевъ—все это дало богатый матеріалъ для агитаціи.

Агитація велась посредствомъ прокламацій, выходившихъ все время во множествѣ, и небольшихъ собраній, на которыхъ принимались резолюціи съ выраженіемъ протеста противъ войны и привѣта японскимъ соціалистамъ. Для примѣра агитаціи посредствомъ прокламацій приведемъ перечень листковъ, изданныхъ за время войны редакціей центральнаго органа

Digitized by Google

Р. С. Д. Р. П.—«Искры“ (помимо статей, многія изъ которыхъ также распространялись въ массѣ перепечатокъ): 1) «За что долженъ умирать русскій солдатъ?» 2) «Война противъ войны»; 3) «Ко всему рабочему народу» (причина войны и политика рабочаго класса); 4) «Международный жандармъ»; 5) «Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ»; 6) «Патріотическій грабежъ»; 7) «Жертвуйте, русскіе люди!»; 8) «Къ обществу»; 9) «Кому помогать?»; 10) «Правдивое слово министра финансовъ»; 11) «Зачѣмъ нужны еврейскіе погромы?» (по поводу попытки вызвать еврейскіе погромы во время войны); 12) «Кризисъ, безработица, война»; 13) «Уроки войны» (обзоръ за четыре мѣсяца); 14) «Къ солдатамъ»; 15) «Пора!» (война и безработица); 16) «Кто долженъ побѣдить?» (необходимость активнаго вмѣшательства пролетаріата съ требованіемъ прекращенія войны и созыва учредительнаго собранія). Кромѣ этихъ листковъ, перепечатанныхъ многими комитетами партіи и Ц. К., и мѣстные комитеты издавали еще и свои собственныя прокламаціи. Такъ что можно сказать безъ преувеличенія, что уже сотнями тысячъ экземпляровъ считаются распространенныя соціалдемократической партіей прокламаціи противъ войны. Была издана также особая брошюра: «Во что обходится народу война?», а рядъ статей въ «Искрѣ» пытался по возможности использовать весь доставляемый военными событіями агитаціонный матеріалъ.

И, повторяемъ, несмотря на эту рѣзкую полемику противъ войны рабочій классъ не отвернулся отъ соціалдемократіи. А если вспомнить, въ какомъ настроеніи застала его война, можно съ полнымъ правомъ питать самыя свѣтлыя надежды относительно будущаго. Можно надѣяться, что именно война послужитъ тѣмъ могучимъ тараномъ, который окончательно расшатаетъ прогнившее зданіе самодержавія, и что одинъ побѣжденный будетъ въ этой войнѣ несомнѣнно—это русскій деспотизмъ.

f) Еврейскіе погромы.

Въ качествѣ примѣра роста классовой солидарности среди россійскаго пролетаріата укажемъ ту готовность, съ какой русскіе организованные рабочіе откликнулись на призывъ соціалдемократическихъ комитетовъ придти на помощь евреямъ при устраиваемыхъ правительствомъ погромахъ. Въ ноябрѣ

Digitized by Google

1903 года, когда распространились слухи о готовящемся погромѣ въ Гомелѣ, Кіевскій комитетъ Р. С. Д. Р. П. направилъ туда нѣсколько русскихъ рабочихъ изъ своей организаціи. Впечатлѣніе, произведенное этимъ фактомъ на еврейскую массу, было огромно. Во всѣхъ городахъ, гдѣ имѣются комитеты Р. С. Д. Р. П., были изданы прокламаціи къ рабочимъ, приглашавшія ихъ въ случаѣ погрома встать на защиту евреевъ. Въ этомъ году, когда, по случаю войны, правительство опять прибѣгло къ антиеврейской и антиармянской агитаціи съ цѣлью выжать деньги изъ еврейской и армянской буржуазіи и запугать пролетаріатъ, повсемѣстно была организована соціалдемократическими комитетами самооборона. Этой организаціи, а также категорическому заявленію, что, если погромъ все-таки начнется, организованные рабочіе дадутъ рѣшительный отпоръ (на необходимость такого отпора «Искра» указала немедленно послѣ кишиневскаго погрома), слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ, приписать, тотъ отбой, который очень быстро забило правительство. Погромовъ рѣшительно нигдѣ не было, и россійскій пролетаріатъ можетъ поздравить себя съ успѣшнымъ выполненіемъ той роли стража культуры и гуманности, которая въ Россіи, еще болѣе, чѣмъ во всемъ мірѣ, выпадаетъ на его долю.

g) Зубатовщина.

Быстрый и непрерывный ростъ рабочаго движенія скоро обнаружилъ все безсмысліе надеждъ однѣми мѣрами полицейскаго насилія положить конецъ борьбѣ пролетаріата. Въ отношеніи самаго грубаго насилія, самыхъ безпощадныхъ жестокостей правительство дѣлало и дѣлаетъ все, что въ его силахъ. И все же волны пролетарской борьбы съ каждымъ годомъ вздымались все выше и выше и грозили залить ветхое зданіе самодержавія.

Если нельзя было окончательно прекратить рабочее движеніе, то тѣмъ соблазнительнѣе была мысль ввести его по возможности въ русло, не угрожающее существующему «порядку». По самой природѣ своей, самодержавіе и думать не могло о томъ, чтобы попытаться совершить этотъ поворотъ путемъ прогрессивныхъ соціальныхъ реформъ; ибо для этого ему надо было бы прежде всего упразднить самого себя. Оно

Digitized by Google

пошло по другому пути, сходному съ тѣмъ, по которому уже пытались пойти въ свое время Наполеонъ III и Бисмаркъ, и по которому только и можетъ идти правительство, самый принципъ котораго враждебенъ прогрессивному развитію страны. Это путь полицейскаго развращенія передовыхъ элементовъ рабочаго класса, путь отвлеченія вниманія пролетаріата отъ широкой *классовой* постановки его борьбы къ такъ называемымъ, *непосредственнымъ*, экономическимъ интересамъ минуты. И если шпіонско-провокаторскій характеръ всей затѣи въ Россіи бросается въ глаза такъ ярко, какъ онъ не бросался въ другихъ странахъ, то только потому, что такого рѣзкаго антагонизма между правительствомъ и всѣми потребностями экономическаго, соціальнаго и культурнаго развитія общества, какой существуетъ въ Россіи, не знали ни Франція, ни Германія эпохи Наполеона III и Бисмарка.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже говорили, что иниціаторомъ этого прибавленія «пряника» мнимаго покровительства экономическимъ интересамъ рабочихъ къ тому историческому «кнуту», въ которомъ искони воплощалось отношеніе самодержавнаго правительства къ эксплоатируемымъ массамъ, иниціаторомъ этой политики, «сердечнаго попеченія» въ примѣненіи къ рабочимъ явился московскій жандармъ Зубатовъ. Свою славную карьеру шпіона, провокатора и палача этотъ господинъ началъ еще на школьной скамьѣ съ предательства кружка своихъ товарищей гимназистовъ. Цѣлый рядъ такихъ же подвиговъ привелъ его, наконецъ, на постъ начальника охраннаго отдѣленія въ Москвѣ. Здѣсь онъ и положилъ начало новой тактикѣ правительства по отношенію къ рабочимъ.

Прежде всего Зубатовъ попытался внести развратъ въ среду революціонеровъ; многимъ изъ политическихъ заключенныхъ въ московскихъ тюрьмахъ стали оказывать невиданныя льготы. Имъ позволяли выходить изъ тюрьмы въ театры и концерты, самъ Зубатовъ велъ съ ними длинные разговоры, убѣждая давать, по взаимному соглашенію съ нимъ и съ товарищами по дѣлу, показанія и обѣщая за это скорое освобожденіе изъ тюрьмы и сравнительно легкія наказанія. Въ то же время онъ распинался въ своей преданности рабочему дѣлу, увѣряя, что борьба за политическую свободу при данномъ положеніи дѣлъ есть лишь выраженіе стремленія буржуазной интеллигенціи и только вредитъ интересамъ рабочихъ; что правительство склонно дать рабочимъ свободу союзовъ и

Digitized by Google

стачекъ и покровительствовать ихъ борьбѣ съ хозяевами, но его останавливаетъ политическая агитація соціалдемократовъ. Наконецъ, онъ указывалъ на тотъ «кризисъ» марксизма, который начался на Западѣ и будто бы подтверждаетъ его, Зубатова, воззрѣнія; при этомъ онъ рекомендовалъ для чтенія произведенія Бернштейна, Зомбарта, Геркнера и русскихъ «ревизіонистовъ».

Нашлись среди заключенныхъ лица, которыя—частью изъ расчета, но еще больше искренно—согласились съ разсужденіями Зубатова и, опираясь на этихъ лицъ, онъ сдѣлалъ попытку провести свою политику въ широкомъ масштабѣ. Прежде всего опытъ былъ произведенъ въ районѣ еврейскаго рабочаго движенія, въ Минскѣ, гдѣ уже и до того часть приказчиковъ подпала подъ вліяніе зубатовскаго ставленника—жандарма Васильева. Здѣсь въ 1901 г. была—съ благословенія и при непосредственномъ покровительствѣ жандармеріи—основана, такъ называемая, «Еврейская независимая рабочая партія», ставившая себѣ задачей содѣйствовать экономической борьбѣ рабочихъ, рѣшительно отказываясь отъ всякой примѣси, «политики» и рѣзко протестуя противъ соціалдемократіи.

Въ томъ же году основано было „Общество взаимопомощи механическихъ рабочихъ“ въ Москвѣ. Главари этого общества дѣйствовали подъ непосредственнымъ руководствомъ московскаго охраннаго отдѣленія. На собраніяхъ общества рабочимъ твердили о покровительствѣ самодержавнаго правительства, о необходимости ограничиться борьбой чисто экономическаго характера; тутъ же полицейскіе ораторы обличали соціалдемократію, какъ партію буржуазіи, и доходили до того, что публично читали и критиковали выдержки изъ «Искры». Духовенство служило молебны, устраивало совмѣстныя пѣнія молитвъ; московскій епископъ благословлялъ собравшихся; учителя читали курсы русской исторіи въ извѣстномъ казенно-патріотическомъ стилѣ. Нашлись и профессора, согласившіеся—будемъ думать, лишь по свойственному профессорамъ всего міра недомыслію—читать рабочимъ лекціи, въ которыхъ они «научно» обосновывали и прославляли зубатовскую политику, увѣряя будто она знаменуетъ наступленіе новой «соціальной эры».

Подобныя же общества были основаны въ той же Москвѣ (ткачей), Петербургѣ, гдѣ первое же выступленіе пріѣхавшихъ изъ Москвы организаторовъ было встрѣчено бурнымъ проте-

Digitized by Google

стомъ рабочихъ, Одессѣ и другихъ городахъ. «Независимые», какъ назывались эти приверженцы политики «пряника и нагайки», становились виднымъ факторомъ политической жизни. Соціалдемократія въ цѣломъ рядѣ газетныхъ статей и прокламацій разъясняла рабочимъ истинный характеръ правительственной затѣи. Сначала рабочіе соціалдемократы пробовали выступать и на устраиваемыхъ «независимыми» собраніяхъ, но это скоро оказалось невозможнымъ, ибо, по доносамъ присутствовавшихъ на всѣхъ собраніяхъ шпіоновъ, такихъ ораторовъ немедленно арестовывали.

Успѣхи зубатовщины достигли своего апогея въ московской манифестаціи, организованной полицейскими властями у памятника Александру II 19 февраля 1902 г.—въ годовщину освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тысячи рабочихъ согласились принять участіе въ этой манифестаціи, тѣмъ болѣе, что въ ихъ глазахъ она означала не столько выраженіе вѣрноподданическихъ чувствъ, сколько празднованіе дня освобожденія. Кромѣ того, всѣмъ участникамъ манифестаціи была обѣщана выдача заработной платы за этотъ день, а многимъ были выданы и особыя наградныя деньги.

Однако морочить рабочихъ одними обѣщаніями долго было невозможно. Отказавшіеся отъ политической борьбы, рабочіе съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ожидали экономическихъ улучшеній. Начался рядъ стачекъ, сейчасъ же поставившихъ полицейскихъ агентовъ въ двусмысленное положеніе. Чтобы не утратить немедленно довѣрія рабочихъ, они должны были дѣлать видъ, что сочувствуютъ стачкамъ, и въ странѣ, гдѣ стачка считается уголовнымъ преступленіемъ, полиція оплачивала руководителей забастовки, а полицеймейстеръ попытался оказывать давленіе на фабрикантовъ. Желаніе овладѣть непокорнымъ рабочимъ движеніемъ заглушало всѣ другія соображенія. Но первый же шагъ въ этомъ направленіи вызвалъ самый рѣзкій отпоръ и протестъ со стороны московскихъ промышленниковъ. Московская биржа подала министру финансовъ жалобу на дѣйствія московской администраціи, а особое совѣщаніе крупныхъ промышленниковъ составило даже секретную докладную записку, въ которой указывало, что такой образъ дѣйствія правительства заставитъ ихъ добиваться огражденія своихъ правъ конституціей. Поставленное межъ двухъ огней, правительство должно было отступить и несмотря на обѣщанія поддержки со стороны московской администра-

Digitized by Google

ціи—стачка на шелковой фабрикѣ Муси окончилась тѣмъ, что всѣ 1.200 рабочихъ были разсчитаны, и полиціи пришлось на свой счетъ отправлять ихъ на родину, оказывать пособіе на время безработицы и пр.

И хотя Зубатовъ вскорѣ былъ назначенъ на должность чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Плеве, а зубатовской политикѣ приданъ былъ такимъ образомъ ясно выраженный «всероссійскій» характеръ, значеніе ея было подорвано московской неудачей.

Еще болѣе сильный ударъ зубатовщинѣ нанесли событія въ Одессѣ во время всеобщей стачки 1903 года. Здѣсь демагогія «независимыхъ», успѣвшихъ завязать довольно широкія связи съ рабочими, по своему культурному уровню и боевому настроенію стоящими выше московскихъ, дала толчокъ сильному стачечному движенію, вышедшему далеко за тѣ предѣлы, которые рисовались въ замыслахъ иниціаторовъ. Мы уже описывали выше вкратцѣ всеобщую забастовку, и намъ не зачѣмъ повторять здѣсь, что не къ такимъ формамъ пролетарской борьбы готово было поощрять рабочихъ правительство. Немедленно послѣ этихъ событій Зубатовъ былъ уволенъ въ отставку и высланъ изъ столицы въ провинцію, а его одесскіе клевреты арестованы и частью даже сосланы въ Сибирь.

Если зубатовскіе пріемы правительства въ отношеніи къ рабочему движенію и не прекратились вполнѣ; если зубатовскія общества еще продолжаютъ существовать и даже кое-гдѣ основываются вновь,—то въ общемъ и цѣломъ правительство сознаетъ, что эта его затѣя потерпѣла полное крушеніе, и «зубатовскія» начинанія еле влачатъ свое существованіе, играя роль совершенно второстепеннаго орудія борьбы съ соціалдемократіей. А, по первоначальному замыслу своихъ иниціаторовъ, зубатовская политика должна была сыграть роль универсальнаго средства противъ освободительной борьбы пролетаріата. Опираться одновременно на «пряники и нагайку» оказалось невозможнымъ, а если надо было выбирать, то самодержавное правительство, конечно, не могло не выбрать привычной нагайки.

h) Профессіональное движеніе.

Разочарованіе въ зубатовщинѣ и пониманіе невозможности построить свою политику на союзѣ съ полиціей не уничто-

Digitized by Google

жили, однако, присущаго широкимъ кругамъ рабочихъ стремленія организоваться на почвѣ профессіональной борьбы. Неоднократныя попытки такой организаціи неизмѣнно терпѣли крушеніе при столкновеніи съ политическими условіями русской жизни и также неизмѣнно толкали рабочихъ къ болѣе широкой политической борьбѣ, подъ знамя соціалдемократіи.

Извѣстно, что въ концѣ 90-хъ годовъ въ средѣ русской соціалдемократіи появилось сильное теченіе, такъ называемый «экономизмъ», пытавшееся построить все рабочее движеніе на почвѣ профессіональныхъ интересовъ и профессіональной организаціи. Опытъ жизни скоро показалъ, какъ при такомъ направленіи сводится къ нулю самостоятельная роль рабочаго класса въ политической жизни страны, и какъ не достижима при русскихъ политическихъ условіяхъ та цѣль прочнаго улучшенія своего экономическаго положенія, ради которой приносились въ жертву болѣе широкіе интересы пролетаріата.

И единственная среди русскихъ рабочихъ сколько-нибудь обширная профессіональная организація, при своемъ возникновеніи ставившая себѣ лишь узко профессіональныя цѣли, сейчасъ же должна была значительно измѣнить свою исходную точку зрѣнія. Мы говоримъ о Московскомъ Союзѣ типографскихъ рабочихъ, возникшемъ въ сентябрѣ 1903 года и организовавшемъ ту стачку, о которой мы говорили въ другомъ мѣстѣ. Союзу этому, благодаря высокому культурному уровню типографовъ и, особенно, благодаря удачно проведенной стачкѣ, удалось довольно скоро организовать значительное число типографскихъ рабочихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже бюджетъ его, достигавшій, напр., за время съ сентября по 15 ноября 1903 г., 1313 руб. А между тѣмъ однимъ изъ главныхъ источниковъ этого бюджета служатъ взносы самихъ организованныхъ рабочихъ. Такъ, за указанный періодъ эти взносы составляли 573 руб.

Союзъ создаетъ свой собственный органъ, и первые номера стоятъ на почвѣ крайняго «экономизма». Но очень скоро союзъ рѣшилъ принять программу Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, и если не вошелъ еще окончательно въ ряды ея, то, главнымъ образомъ, изъ-за организаціонныхъ соображеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась и программа органа союза. Въ послѣднихъ №№ (пока ихъ вышло всего 5) редакція пытается, и довольно успѣшно, оцѣнивать событія общественно-политической жизни съ точки зрѣнія соціалдемократіи.

Digitized by Google

Трудно, конечно, предсказать, насколько долговѣчной окажется эта профессіональная организація. Особо квалифицированный составъ ея участниковъ и особыя условія ихъ работы, быть можетъ, сулятъ нѣкоторый успѣхъ этой интересной попыткѣ и въ русской политической обстановкѣ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о тѣхъ формахъ, въ какія должны вылиться широкія профессіональныя организаціи при условіяхъ нелегальной дѣятельности, остается еще въ значительной мѣрѣ открытымъ. Нерѣшеннымъ остается и вопросъ о возможномъ и желательномъ организаціонномъ отношеніи такихъ профессіональныхъ союзовъ къ партіи.

і) Фабричное законодательство.

Въ отношеніи фабричнаго законодательства обозрѣваемый періодъ былъ въ высшей степени безплоденъ. Объясняется это, прежде всего, тѣмъ, что самодержавное правительство не рѣшается вообще на сколько-нибудь серьезные законодательные акты въ какой бы то ни было области государственнаго управленія или соціально-экономическихъ отношеній. Опасеніе нарушить то крайне неустойчивое равновѣсіе, въ которомъ пребываетъ весь общественно-политическій укладъ Россіи, парализуетъ руку самодержавія каждый разъ, какъ напоръ развивающейся жизни предъявляетъ ему тѣ или иныя требованія. Вотъ истинная причина, почему, несмотря на неоднократно возникавшіе проекты всевозможныхъ «реформъ», торжественно возвѣщенные, между прочимъ, манифестомъ 26 февраля 1903 г., ни одинъ изъ нихъ не былъ въ дѣйствительности выполненъ.

Въ этомъ смыслѣ, какъ нельзя болѣе, характерна судьба возникшаго еще лѣтомъ 1902 года *проекта закона о свободѣ стачекъ*. Несмотря на всѣ полицейскія оговорки и ограниченія, превращавшія проектируемое «право» стачекъ въ пустую комедію; несмотря на настоянія самихъ фабрикантовъ, крайне раздраженныхъ непрерывнымъ вмѣшательствомъ полиціи въ ихъ «домашнія» дѣла, вмѣшательствомъ, превращающимъ нерѣдко мелкую и незначительную стачку въ крупные «безпорядки»; несмотря на «зубатовскій» курсъ политики по отношенію къ рабочимъ,—проектъ такъ и остался проектомъ, не получивъ законодательной санкціи.

30 мая 1903 г. былъ изданъ законъ, въ значительной

Digitized by Google

мѣрѣ подчиняющій фабричную инспекцію представителямъ полицейской власти—губернаторамъ. И до тѣхъ поръ русская фабричная инспекція, за малыми исключеніями, больше заботилась объ охраненіи, такъ называемаго, государственнаго «порядка», чѣмъ о профессіональныхъ интересахъ рабочихъ. Съ изданіемъ же новаго закона фабричные инспектора еще больше стали исполнять функціи полицейскихъ чиновниковъ, завѣдующихъ фабриками.

10 іюня 1903 года былъ утвержденъ законъ о *«старостахъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ»*. Фабрикантамъ было дано «право» съ дозволенія присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, разрѣшать рабочимъ различныхъ цеховъ выбирать изъ своей среды кандидатовъ въ старосты, при чемъ возрастъ этихъ кандидатовъ установленъ не моложе 25 лѣтъ; однако, фабриканты могутъ по своему усмотрѣнію еще повысить этотъ предѣльный возрастъ. Фабриканты же назначаютъ изъ среды этихъ кандидатовъ старостъ. Старосты являются «уполномоченными» рабочихъ по «дѣламъ, касающимся исполненія условій найма, а также быта рабочихъ». Губернаторъ имѣетъ право во всякое время смѣщать старостъ. Вотъ всѣ «права», которыя предоставляетъ новый законъ рабочимъ. Надо еще прибавить, что сколько-нибудь энергичное выступленіе старостъ въ защиту рабочихъ немедленно обращаетъ на нихъ благосклонное вниманіе полиціи, а послѣдствія такого вниманія достаточно извѣстны. Однако, 2-ой съѣздъ Р. С. Д. Р. П. рекомендовалъ рабочимъ не отказываться отъ участія въ выборѣ кандидатовъ въ старосты, видя въ такомъ участіи извѣстнаго рода политическую школу и разсчитывая на тотъ агитаціонный матеріалъ, который при русскихъ условіяхъ неизбѣжно должны доставлять всякіе выборы. Будущее покажетъ, насколько правильна такая тактика; пока же дискуссія по этому вопросу еще не закончена, и многіе соціалдемократы, подчиняясь рѣшенію съѣзда, въ то же время энергично настаиваютъ на необходимости устраненія отъ участія въ выборахъ, съ цѣлью подчеркнуть рѣзко отрицательное отношеніе къ попыткѣ правительства обмануть рабочихъ дарованіемъ имъ мнимаго «представительства».

Намъ остается упомянуть еще только законъ 2-го іюня 1903 года *о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья*. Основанія закона таковы. Прежде всего законъ касается только рабочихъ фабричныхъ, горныхъ и горнозаводскихъ. Вознагражде-

Digitized by Google

ніе полагается только за тѣлесныя поврежденія, при чемъ фабрикантъ освобождается отъ отвѣтственности, если докажетъ, что причиною несчастнаго случая былъ злой умыселъ потерпѣвшаго или грубая неосторожность его. Такая оговорка, разумѣется, въ значительной мѣрѣ парализуетъ дѣйствіе закона, ибо какъ не быть „неосторожнымъ“ при безконечно длинномъ рабочемъ днѣ и возмутительныхъ техническихъ и санитарныхъ условіяхъ русскихъ фабрикъ. Еще больше сводится весь законъ на нѣтъ допущеніемъ добровольныхъ соглашеній о вознагражденіи съ потерпѣвшимъ или его семьей. Кто знаетъ волокиту и дороговизну русскихъ судовъ и исторически воспитанную нелюбовь къ нимъ въ средѣ рабочихъ, тотъ пойметъ, какъ часто рабочій и его семья будутъ предпочитать самое ничтожное «добровольное» вознагражденіе всѣмъ мытарствамъ судебнаго иска. Самое вознагражденіе, къ какой бы категоріи ни принадлежалъ пострадавшій, опредѣляется по среднему поденному заработку чернорабочаго, устанавливаемому фабричными присутствіями, въ которыхъ засѣдаютъ представители отъ фабрикантовъ, но нѣтъ представителей отъ рабочихъ. Разумѣется, такія присутствія опредѣляютъ заработокъ непомѣрно низко. Напримѣръ, Варшавское присутствіе установило такія нормы поденной платы: для взрослаго мужчины—54 к., для женщины—37 к., т. е., по крайней мѣрѣ, въ $1^1/_2$—2 раза ниже дѣйствительнаго заработка чернорабочихъ. Наибольшая сумма годовой пенсіи (въ случаѣ смерти или полной утраты работоспособности) опредѣляется въ $^2/_3$ «годового содержанія», которое въ свою очередь получается отъ помноженія «средняго поденнаго заработка чернорабочаго на 260, какъ будто дѣйствительно только 260 дней въ году работаетъ русскій рабочій!

Изъ изложеннаго видно уже, какъ ничтожны выгоды, предоставляемыя рабочимъ новымъ закономъ. Атмосфера же полицейскаго произвола, въ которой будетъ происходить примѣненіе новаго закона позволяетъ съ увѣренностью предсказать, что и эти ничтожныя выгоды будутъ въ дѣйствительности еще больше урѣзаны. Объ этомъ съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуетъ судьба прежнихъ фабричныхъ законовъ, особенно закона о сокращеніи рабочаго времени. Цѣлый рядъ дополненій, исключеній, изъятій, и еще больше открытое попустительство фабричной инспекціи и полиціи привели къ тому, что въ дѣйствительности, такъ называемыя,

Digitized by Google

сверхъурочныя работы практикуются самымъ неограниченнымъ образомъ.

Законы самодержавнаго правительства не могутъ охранить экономическихъ завоеваній рабочихъ. И только тамъ, гдѣ эта борьба ведется неустанно, непрерывно, только тамъ, гдѣ фабриканту грозитъ стачка рабочихъ, только тамъ съ грѣхомъ пополамъ и соблюдаются еще изданные въ защиту труда законы; правда, лишь до тѣхъ поръ, пока застой въ дѣлахъ не лишитъ рабочихъ и этого орудія борьбы за лучшія условія труда.

III. Крестьянское движеніе и демократія.

Вопросъ о революціонной работѣ въ крестьянствѣ занималъ русскихъ соціалистовъ еще въ 60-хъ и 70 годахъ, когда общественное значеніе городского пролетаріата въ Россіи было еще очень ничтожно, и понятіе «народъ» можно было отождествлять съ крестьянствомъ. Революціонеры-народники 70-хъ годовъ ставили себѣ непосредственной задачей распространеніе соціалистическихъ идей въ деревнѣ. Но всѣ ихъ попытки постигла неудача, обусловленная политической отсталостью русской крестьянской общины и низкимъ развитіемъ классовыхъ противорѣчій въ ней. Съ конца 70-хъ годовъ большинство русскихъ революціонеровъ отказывается отъ попытки революціонизировать деревню, и только черезъ 20 лѣтъ, въ новой обстановкѣ, вопросъ о пропагандѣ и агитаціи среди крестьянъ становится вновь на очередь.

За эти 20 лѣтъ процессъ революціонизированія общественныхъ отношеній деревни сдѣлалъ гигантскіе шаги. Первоначальное равенство въ той нищетѣ, оставленное русскимъ крестьянамъ пресловутымъ „освобожденіемъ“ 61 года, смѣняется самой яростной борьбой за существованіе, изъ которой побѣдителемъ выходитъ небольшое меньшинство зажиточнаго крестьянства, концентрирующаго въ своихъ рукахъ значительную часть рабочаго скота, пахотной земли и улучшенныхъ орудій и отбивающаго у крестьянской массы всѣ земли, которыя можно получить въ аренду. На другомъ полюсѣ, рядомъ съ сравнительно немногимъ „чистымъ“ безземельнымъ и безлошаднымъ пролетаріатомъ, обреченнымъ на наемный трудъ въ земледѣліи, накопляется та деревенская бѣднота мнимыхъ собственниковъ и хозяевъ, которая характеризуетъ собой современ-

Digitized by Google

ную русскую деревню съ ея чисто-азіатскими голодовками и до-буржуазными формами эксплуатаціи, приближающей положеніе „рядового“ крестьянина къ положенію крѣпостного.

Хотя и очень медленно, благодаря препятствіямъ, которыя съ такимъ усердіемъ ставило самодержавіе, но все же культурный уровень деревни поднимался въ результатѣ просвѣтительной дѣятельности либерально-буржуазныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія—земствъ (съ 1889 г. крестьяне лишены права самостоятельнаго участія въ нихъ). На почвѣ, подготовленной буржуазіей, сталъ работать пролетаріатъ. Тысячи изгнанныхъ за стачки и демонстраціи рабочихъ, имѣвшихъ въ деревняхъ семьи, а иногда и болѣе или менѣе номинальную собственность, заносили въ сельскую жизнь сѣмена революціоннаго недовольства и политическіе запросы. То, что правительство запрещало дѣлать легально—распространять полезныя знанія и просвѣтительную литературу — то эти тысячи рабочихъ, для которыхъ въ городѣ книжка стала незамѣнимой потребностью, дѣлали «нелегально», но оттого не менѣе успѣшно. И къ моменту, когда общій революціонный подъемъ захватилъ самые широкіе круги деревенской интеллигенціи—учителей, врачей и агрономовъ, которая поставляетъ теперь главные кадры сельскихъ пропагандистовъ,—къ этому моменту въ деревнѣ уже имѣлись многіе крестьяне, готовые жадно внимать революціонному слову.

Какъ и въ другихъ классахъ населенія, эта подготовительная работа въ крестьянствѣ, совершенная рабочимъ движеніемъ, въ значительной мѣрѣ пошла на пользу другихъ партій. Живущее въ условіяхъ до-буржуазной эпохи, русское крестьянство въ своей массѣ слишкомъ еще далеко отъ тѣхъ общественныхъ интересовъ, разрѣшеніе которыхъ даетъ марксистскій, научный соціализмъ. Имущественный—т. е. земельный—вопросъ, волнующій наше крестьянство, не требуетъ для своего разрѣшенія *соціалистической революціи*; онъ болѣе или менѣе сносно можетъ быть разрѣшенъ *аграрной реформой*, какъ вопросъ о ликвидаціи отношеній между привилегированнымъ сословіемъ—дворянствомъ—и не вышедшимъ еще изъ крѣпостной зависимости отъ него крестьянствомъ. Поэтому *демократическая* агитація съ требованіемъ аграрной реформы имѣетъ всѣ шансы скорѣе увлечь крестьянъ, чѣмъ *соціалистическая* классовой борьбой. Громадныя крестьянскія волненія 1902 г., охватившія нѣсколько губерній и такъ же-

Digitized by Google

стоко раздавленныя, не имѣли въ себѣ ничего соціалистическаго, какъ не имѣетъ его всякая идея „раздѣла земель“, хотя бы на основѣ симпатичнаго мелкому хозяину „уравненія“ участковъ. Не выходятъ за рамки такихъ же революціонно-демократическихъ протестовъ и наполнившіе слѣдующіе годы многочисленные частные «бунты» крестьянъ и такъ называемые «аграрныя преступленія», происходящія нынѣ постоянно во всѣхъ концахъ Россіи въ видѣ убійствъ помѣщиковъ, ихъ управляющихъ и полицейскихъ чиновъ, въ видѣ поджоговъ и захвата помѣщичьихъ земель.

Для систематической работы въ крестьянствѣ у соціалдемократическихъ организацій, поглощенныхъ колоссальной работой въ городскомъ пролетаріатѣ, оставалось слишкомъ мало силъ, и дѣло пріобщенія крестьянъ къ рабочему соціалистическому движенію происходило, главнымъ образомъ, черезъ посредство соціалистическихъ брошюръ и газетъ, заносимыхъ въ деревню городскими рабочими. Лишь за послѣдніе два года нѣкоторыя соціалистическія организаціи могли отдать извѣстныя силы непосредственно дѣлу систематической пропаганды и агитаціи въ деревнѣ. Все чаще становятся соц. дем. прокламаціи, выпускаемыя спеціально къ крестьянамъ; во многихъ мѣстахъ имѣются среди крестьянъ группы соц. дем. пропаганды. О болѣе планомѣрной и успѣшной работѣ соціалдемократіи въ деревнѣ имѣются свѣдѣнія изъ Новгородской губ. (особенно Бѣлозерскій уѣздъ, гдѣ существовала долгое время спеціальная «аграрная» соц. дем. организація), Московской, Тверской, Владимірской, Нижегородской, Воронежской, Самарской, Саратовской, Вятской, Херсонской, Таврической, Кубанской области, Екатеринославской губерніи, Кіевской, Харьковской. Нерѣдки теперь случаи, когда крестьяне празднуютъ майскій праздникъ пролетаріата, подчасъ публичными демонстраціями. Но особенно значительные успѣхи сдѣлала соц. дем. агитація среди крестьянъ Кавказа, ведущаяся систематически Кавказскимъ Союзомъ (особенно Гурійскимъ и Мингрельско-Имеретинскимъ Комитетами, работающими спеціально въ деревнѣ). И здѣсь начало крестьянскаго движенія связано съ массовыми вспышками городскихъ рабочихъ въ деревнѣ (изъ Батума въ 1902 году), подъ непосредственнымъ вліяніемъ которыхъ начались въ томъ же году значительные аграрные безпорядки на Кавказѣ, стоившіе крестьянамъ много жертвъ. Съ тѣхъ поръ кавказскіе крестьяне соц.-демократы

Digitized by Google

сотнями перебывали въ тюрьмахъ и десятками въ мѣстахъ ссылки. Движеніе не прекращается и въ день 1 мая въ 1904 году проявилось энергичными демонстраціями, повлекшими за собой кровавую бойню съ убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ.

Созданіе спеціально приспособленной для агитацій въ крестьянствѣ соц.-дем. литературы составляетъ теперь насущную задачу Р. С. Д. Р. П. Первымъ опытомъ въ этомъ направленіи была брошюра Н. Ленина «Къ деревенской бѣднотѣ», популяризирующая аграрную программу Партіи.

Двойственный характеръ крестьянства,—какъ единаго сословія, скованнаго остатками крѣпостническихъ отношеній, съ одной стороны, и слоя землевладѣльческаго и земледѣльческаго населенія, внутри котораго уже развивается классовый антагонизмъ буржуа и пролетарія съ другой, — обусловилъ собой характеръ соціалдемократической аграрной программы. Поскольку капиталистическія отношенія уже укоренились въ деревнѣ, программа эта распространяетъ на сельскій наемный трудъ всю ту защиту, которой она требуетъ для наемнаго труда вообще, и ставитъ сельскому пролетаріату тѣ же ближайшія и конечныя задачи, которыя стоятъ передъ всѣмъ пролетаріатомъ. Поскольку же крестьянство, какъ сословіе, связано общей цѣпью крѣпостной кабалы, программа требуетъ его полнаго раскрѣпощенія и уничтоженія того экономическаго базиса, на которомъ, въ значительной степени, держится закабаленіе крестьянъ. Отсюда вытекаютъ требованія: 1) отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей за землю, полученную при «освобожденіи», и всѣхъ специфическихъ крестьянскихъ повинностей, 2) отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей; 3) возвращенія крестьянамъ всѣхъ взысканныхъ уже съ нихъ выкупныхъ платежей, конфискаціи съ этой цѣлью монастырскихъ и церковныхъ имуществъ и имѣній кабинетскихъ, удѣльныхъ и принадлежащихъ лицамъ царской фамиліи, а также обложенія особымъ налогомъ земель дворянъ, получившихъ выкупныя деньги; 4) учрежденія крестьянскихъ комитетовъ для возвращенія крестьянамъ тѣхъ земель, которыя были отрѣзаны у нихъ въ пользу помѣщенныхъ при «освобожденіи» и ликвидаціи уцѣлѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ специфическихъ формъ крѣпостническихъ отношеній; 5) контроля судовъ надъ арендными сдѣлками и цѣнами. Таковы основы, на которыхъ по-

Digitized by Google

строена соціалдемократическая аграрная программа, принятая II съѣздомъ партіи. Эта часть программы болѣе всего вызвала дебатовъ на съѣздѣ и сейчасъ еще служитъ предметомъ дискуссій.

IV. Внутренняя жизнь Р. С. Д. Р. П.

а) Ростъ партіи.

Число комитетовъ и мѣстныхъ организацій партіи за разсматриваемый періодъ времени сильно возросло. И этотъ ростъ можетъ служить — хотя и не полнымъ—показателемъ роста соціалдемократическаго движенія.

Докладъ партіи Парижскому конгресу 1900 года могъ назвать всего шесть комитетовъ (Петербургъ, Москва, Иваново-Вознесенскъ, Кіевъ, Екатеринославъ, Харьковъ) и три болѣе или менѣе регулярно работавшихъ группы (Одесса, Николаевъ, Саратовъ) и указать на попытки соціалдемократической пропаганды и агитаціи кое-гдѣ на Уралѣ (Златоустъ и Екатеринбургъ), въ Нижнемъ Новгородѣ, Ярославлѣ, Твери, Брянскѣ (орловск. губ.), Полтавѣ, Кременчугѣ и Ростовѣ на Дону. Между тѣмъ, въ 1904 г. партія насчитываетъ 39 комитетовъ и 11 мѣстныхъ организацій, еще не успѣвшихъ завязать настолько прочныя связи и обезпечить непрерывный ходъ работы, чтобы превратиться въ комитеты. Всѣхъ же мѣстъ, гдѣ спорадически и случайно ведется соціалдемократическая пропаганда, перечислить невозможно, потому что пришлось бы назвать всѣ губернскіе и чуть не всѣ уѣздные города Россіи, не говоря уже о деревняхъ, гдѣ теперь тоже не рѣдко раздается вольное слово соціалдемократа—рабочаго, высланнаго на родину, и появляется соціалдемократическая литература.

Сибирская желѣзная дорога съ ея обширными мастерскими привлекла много рабочихъ изъ Европейской Россіи, а вызванное ею оживленіе промышленной и общественной жизни создало и въ мѣстномъ населеніи благопріятную почву для дѣятельности соціалдемократіи. Тысячи сосланныхъ въ Сибирь соціалдемократовъ рабочихъ и интеллигентовъ — выдѣлили изъ своей среды нужныхъ для возникновенія движенія организаторовъ, пропагандистовъ и агитаторовъ. Такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ, и далекая Сибирь стала, хотя и для немногихъ соціалдемократовъ — тѣхъ, которые поселены не слишкомъ далеко отъ линіи желѣзной дороги—мѣстомъ не только ссылки, но и работы. И хотя теперь все больше и больше начинаютъ поселять ссыльныхъ лишь въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Сибири, за тысячи верстъ отъ желѣзной дороги, но брошенное сѣмя уже начинаетъ всходить, соціалдемократія пустила уже корни и въ Сибири, и теперь ничто не вырветъ ее оттуда, какъ не вырветъ и отовсюду, гдѣ только началось великое освободительное движеніе пролетаріата.

Вотъ списокъ мѣстныхъ комитетовъ и группъ Р. С. Д. Р. П. къ началу августа 1904 г. *).

Комитеты:

1. Архангельскій.
2. Астраханскій.
3. Сѣверо-Западный (Двинскъ, Витебскъ, Минскъ, Вильна).
4. Воронежскій.
5. Сѣверный (Ярославль, Кострома, Ив.-Вознесенскъ).
6. Донской (Ростовъ на Дону).
7. Донецкій (Таганрогъ, Юзовка, Маріуполь, Славянскъ, Луганскъ и ихъ горный округъ).
8. Екатеринославскій.
9. Кіевскій.
10. Курскій.
11. Рижскій.
12. Полѣсскій (Клинцы, Новозыбковъ, Черн. губ., Гомель, Могил. губ.).
13. Московскій.
14. Нижегородскій.
15. Орловско-Брянскій.
16. Уральскій (Екатеринбургъ, Пермь, Уфа и весь уральскій горноз. районъ).
17. Полтавскій.
18. Кременчугскій.
19. Петербургскій.
20. Самарскій.
21. Саратовскій.
22. Смоленскій.
23. Крымскій (Ялта, Ѳеодосія, Керчь, Симферополь, Севастополь, Мелитополь).
24. Тверской.

*) Мы опускаемъ многія группы, лишь примыкающія къ партіи, а также имѣющія спеціальныя функціи, или не успѣвшіе еще окончательно оформить свою организацію.

Digitized by Google

25. Тульскій.
26. Харьковскій.
27. Елисаветградскій.
28. Николаевскій.
29. Одесскій.
30. Кубанскій.
31. Бакинскій
32. Батумскій
33. Тифлисскій
34. Мингрельско-Имеретинскій
35. Гурійскій

} Объединены въ Кавказскій союзъ.

36. Читинскій
37. Томскій
38. Красноярскій
39. Иркутскій

} Объединены въ Сибирскій союзъ.

Группы:

1. Житомирская.
2. Александровская (Ек. губ.).
3. Бердичевская.
4. Бобруйская.
5. Васильсурская (Нижег. губ.).
6. Балтинская (Подольск. губ.).
7. Херсонская.
8. Черкасская.
9. Конотопская (Черн. губ.).
10. Новороссійская.
11. Дерптская (Юрьевск.).

Одновременно съ территоріальнымъ ростомъ партіи, росла и сфера ея вліянія. Мы уже говорили о работѣ среди крестьянства, начавшейся лишь за послѣдніе годы. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о той регулярной работѣ въ арміи и и организаціонной дѣятельности среди учащейся молодежи, которая также представляетъ новое явленіе въ жизни соціалдемократической партіи.

Агитація въ арміи началась еще съ 1901 года и велась путемъ прокламацій, при чемъ вначалѣ онѣ обращались исключительно къ офицерамъ и имѣли цѣлью не столько привлечь ихъ къ соціалдемократіи, сколько просто заставить задуматься надъ той ролью палачей народа, которую они играютъ въ рукахъ самодержавнаго правительства. Однако и тогда уже были отдѣльныя попытки распространять прокламаціи такого же содержанія и среди рядовыхъ. Въ декабрѣ 1902 года возникла «военно-революціонная организація», состоящая изъ офице-

Digitized by Google

ровъ и тѣсно примыкающая къ Р. С. Д. Р. П., хотя и не вошедшая въ ея ряды. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась и при отдѣльныхъ Комитетахъ партіи регулярная работа среди солдатъ, и не только путемъ прокламацій, но и при посредствѣ кружковъ, задающихся цѣлью выработать изъ входящихъ въ нихъ солдатъ сознательныхъ соціалдемократовъ. Особенно успѣшно идетъ работа въ этомъ направленіи на югѣ, и въ частности—среди матросовъ Черноморскаго флота. И за послѣдніе годы среди «политическихъ преступниковъ» появилась новая фигура—рядовой въ сѣрой солдатской шинели. Война дала поводъ распространить среди солдатъ и мобилизуемыхъ запасныхъ большое количество прокламацій; а доходящія свѣдѣнія показываютъ, что и на самомъ театрѣ войны революціонное слово соціалдемократіи будитъ умы и заставляетъ несчастныхъ жертвъ задумываться надъ тѣми порядками, которые погнали ихъ, невѣдомо зачѣмъ, умирать за тысячи верстъ отъ родныхъ очаговъ.

Русская учащаяся молодежь издавна пополняла собой ряды борцовъ революціи, и соціалдемократія не составляла въ этомъ отношеніи исключенія. Наоборотъ, ясность и опредѣленность программы; явная революціонность русскаго пролетаріата; дискредитированіе старыхъ народническихъ предразсудковъ, приведшихъ революціонную интеллигенцію въ тупой уголъ, изъ котораго лишь марксизмъ сумѣлъ указать выходъ; вліяніе западно-европейскаго рабочаго движенія,—всѣ эти факторы соединились, чтобы обезпечить соціалдемократической партіи на долгое время преобладающее сочувствіе въ средѣ революціонно-настроенной учащейся молодежи.

За послѣдніе годы болѣе серьезно былъ поставленъ вопросъ о надлежащей теоретической и практической подготовкѣ учащихся къ той роли пропагандистовъ и агитаторовъ, которую они должны впослѣдствіи выполнять въ рядахъ партіи. Не говоря уже о студентахъ-соціалдемократахъ, имѣющихъ свои организаціи при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и учащіеся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній—мужскихъ и женскихъ—организовались за послѣдніе годы довольно прочно. Размѣры нашего очерка не позволяютъ намъ долѣе останавливаться на этомъ вопросѣ; поэтому мы ограничимся указаніемъ, что эти гимназическіе кружки не только посвящаютъ свое время теоретическому изученію соціализма, но—особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ не имѣется высшихъ учеб-

Digitized by Google

ныхъ заведеній—оказываютъ весьма серьезныя практическія услуги организаціямъ соціалдемократической партіи; изъ своей среды они выдѣляютъ не только исполнителей чисто техническихъ функцій, но подчасъ и пропагандистовъ для рабочихъ кружковъ.

b) Экономизмъ и рабочее дѣло.

Одновременно съ ростомъ партіи совершался и процессъ ея внутренняго развитія, общія черты котораго мы постараемся кратко обрисовать въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Въ отличіе отъ западно-европейскаго соціалдемократическаго рабочаго движенія, русская соціалдемократія выступила вначалѣ на историческую сцену не какъ организація передового слоя пролетаріата, въ процессѣ политической борьбы, пришедшаго къ сознанію своихъ классовыхъ интересовъ; она зародилась, прежде всего, какъ организація части революціонной интеллигенціи, разочаровавшейся въ прежнихъ методахъ своей борьбы за свободу и понявшей, что въ капиталистически развивающейся Россіи только пролетаріатъ можетъ дать надежную опору для борьбы съ самодержавнымъ строемъ. Чтобы придти къ такому убѣжденію, русская интеллигенція должна была пережить огромный переворотъ въ своемъ міровоззрѣніи. Народничество, подъ знаменемъ котораго боролось такъ долго русское революціонное движеніе, успѣло создать цѣлую стройную систему соціально-политическихъ взглядовъ, въ основѣ которой лежало представленіе о «самобытномъ» ходѣ развитія Россіи, которое можетъ и, при планомѣрныхъ усиліяхъ интеллигенціи, должно привести ее прямо отъ крестьянской общины въ царство соціализма. Въ связи съ такимъ представленіемъ стояло признаніе невозможности развитія капитализма въ Россіи и необходимости искать опоры соціалистическимъ стремленіямъ, прежде всего, въ крестьянствѣ.

Чтобы разрушить эту традиціонную идеологію и оправдать теоретически свое тяготѣніе къ городскому рабочему классу, нужно было, прежде всего, начать съ доказательства возможности и даже неизбѣжности капитализма въ Россіи, и, уже исходя изъ этой основной предпосылки, приступить къ переоцѣнкѣ соціально-политическаго вѣса всѣхъ классовъ русскаго народа и, прежде всего, крестьянства. Для такой критики на-

Digitized by Google

родничества, критика, которая, въ противовѣсъ субъективнымъ настроеніямъ и традиціямъ интеллигенціи, должна была опереться на объективно необходимую связь соціальныхъ явленій, марксизмъ давалъ незамѣнимое оружіе. Подъ знаменемъ марксизма совершился поворотъ русской интеллигенціи отъ утопическаго народническаго, крестьянскаго соціализма къ соціализму пролетарскому, рабочему *).

Но какъ бы остро ни было отточено въ этой борьбѣ съ народничествомъ теоретическое оружіе зарождавшейся русской соціалдемократіи, ея политическая практика на первыхъ порахъ была крайне бѣдна. Не надо забывать, что не только соціальный составъ русской соціалдемократіи въ эту эпоху отличался своеобразіемъ. Своеобразны были и тѣ соціально-политическія условія, въ которыхъ пришлось соціалдемократіи начать свою боевую кампанію. Развивающееся капиталистическое общество, сдавленное тисками абсолютизма съ его крѣпостническими аттрибутами, съ одной стороны, и рабочій классъ, еще не пробудившійся къ политической жизни и политическимъ интересамъ, никогда не ведшій еще политической борьбы, хотя бы и подъ руководствомъ буржуазіи, съ другой— таковы были два наиболѣе выдающіеся момента наличной исторической обстановки. И отсюда уже вытекаетъ для русской соціалдемократіи задача: сохраняя характеръ пролетарской партіи, ставящей себѣ конечной цѣлью освобожденіе пролетаріата отъ ига *капиталистической* эксплуатаціи, въ то же время взять на себя и огромную часть бремени борьбы за демократическую свободу, борьбы противъ *абсолютистско-крѣпостническихъ* пережитковъ, за условія свободнаго развитія *капиталистическаго* общества, бремени, которое вездѣ на западѣ несли передовые отряды самой буржуазіи.

И, прежде всего, нужно было связать себя съ рабочими массами и втянуть рабочій классъ въ сферу политическихъ интересовъ вообще. Естественна была мысль исходить при такомъ «вовлеченіи» рабочихъ въ политическую борьбу изъ ихъ непосредственныхъ, повседневныхъ интересовъ, прежде всего,

*) Мы игнорируемъ здѣсь совершившійся одновременно, и тоже подъ знаменемъ марксизма, хотя и окрасившагося очень скоро въ цвѣтъ „ревизіонизма"—процессъ освобожденія значительной части интеллигенціи отъ соціализма вообще и переходъ къ чистому буржуазному демократизму и либерализму (г. Струве и его единомышленники).

Digitized by Google

конечно, экономическихъ. Начавшееся въ половинѣ 90-хъ годовъ широкое стачечное движеніе заставило соціалдемократію еще больше сосредоточить свои силы на руководствѣ профессіональнымъ движеніемъ рабочихъ и агитаціи на почвѣ этихъ интересовъ. Эта, по необходимости ограниченная, политическая практика очень скоро была возведена въ теорію, и такъ называемый «экономизмъ» овладѣлъ умами значительной части русскихъ соціалдемократовъ.

Сущность «экономизма», послѣдовательной выразительницей котораго была газета «Рабочая мысль» (осн. въ 1897 г.), сводилась, въ общихъ чертахъ, къ представленію, что борьба за политическую свободу есть дѣло буржуазіи, «чисто-рабочіе» же интересы требуютъ, прежде всего, борьбы профессіональной, борьбы лишь съ непосредственно ощущаемыми массой притѣсненіями и за непосредственно ею сознаваемые интересы. Въ конечномъ счетѣ, такая постановка вопроса сводилась къ ограниченію самостоятельности рабочаго движенія лишь сферою профессіональной борьбы и отказу отъ организаціи самостоятельной *политической* рабочей партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ соціализма въ его научномъ видѣ. Но, такъ какъ всѣ соціально-политическія условія Россіи неизбѣжно должны были рано или поздно поставить лицомъ къ лицу народъ и самодержавіе; такъ какъ и сама профессіональная борьба рабочихъ непрерывно наталкивалась на преграды, созданныя абсолютизмомъ; такъ какъ ни передовые рабочіе, ни революціонно настроенные элементы не могли подавить въ себѣ жажды политической свободы,—то, объективно, «экономизмъ» долженъ былъ привести къ такому положенію, когда рабочіе, организуясь самостоятельно для борьбы за свои профессіональные интересы, борьбу за политическую свободу вели бы лишь въ качествѣ недовольной аморфной массы. При наличныхъ соціально-политическихъ условіяхъ это означало бы, конечно, гегемонію буржуазныхъ фракцій въ борьбѣ за политическую свободу, низведеніе рабочаго класса до роли простого орудія въ рукахъ буржуазіи, а тѣмъ самымъ подрывался бы самый смыслъ существованія русской соціалдемократіи.

Сами сторонники «экономизма» не дѣлали этихъ крайнихъ выводовъ изъ занятой ими позиціи и не понимали всего ея политическаго значенія. Но явилась «марксистская» фракція, которая и эти выводы отчетливо формулировала въ своемъ «символѣ вѣры» (Credo). Эта фракція положила начало тому

Digitized by Google

чисто либеральному направленію, которое представлено теперь органомъ г. Струве—«Освобожденіе».

Теоретическому обоснованію «экономизма» сильно содѣйствовало «ревизіонистское» теченіе въ западно-европейской соціалдемократіи. Та же самая книга Бернштейна, которая дала на Западѣ опору преувеличенной оцѣнкѣ самодовлѣющаго значенія парламентской политической борьбы, у насъ послужила для теоретическаго обоснованія проповѣди отказа рабочихъ отъ самостоятельнаго участія въ политической борьбѣ и ограниченія своихъ задачъ областью «экономики». Такъ, въ разной, подчасъ противоположной формѣ сказывались тѣ же самыя буржуазныя тенденціи ревизіонизма!

Появленіе «Credo» съ его опредѣленной и ясной постановкой вопросовъ, открыло глаза многимъ соціалдемократамъ на опасности той позиціи, которую занялъ «экономизмъ». Да и ранѣе полный, принципіальный отказъ «экономистовъ» отъ политической борьбы билъ въ глаза своей несообразностью при русскихъ политическихъ условіяхъ и не могъ надолго стать символомъ вѣры той революціонной интеллигенціи, которую жажда свободы, прежде всего, толкнула въ ряды соціалдемократіи. Но въ то же время убогость русской политической дѣйствительности, отсутствіе широко развитой политической жизни, относительно слабое соціальное разслоеніе народа, малая степень политической сознательности рабочихъ массъ—не давали объективныхъ условій, ни для дѣйствительно широкой постановки соціалдемократической политики, ни для широкаго политическаго воспитанія революціонеровъ—соціалдемократовъ, какъ интеллигентовъ, такъ и передовыхъ рабочихъ.

«Рабочее дѣло» (осн. въ 1898 г.) выразило въ своей программѣ это промежуточное состояніе: пониманіе необходимости участія соціалдемократіи въ политической борьбѣ и неумѣнье поставить это участіе на дѣйствительно соціалдемократическую почву. Отъ «экономизма» «Рабочее дѣло» унаслѣдовало цѣнную черту его—пониманіе необходимости тѣсной связи съ рабочей массой; но отъ него же унаслѣдовало оно и непониманіе дѣйствительныхъ цѣлей и методовъ соціалдемократической борьбы, равнодушное отношеніе къ марксистской теоріи, симпатіи «ревизіонизму» или, въ лучшемъ случаѣ къ непониманію всей реакціонности этого «критическаго» пересмотра марксовой «догмы».

Digitized by Google

При такихъ условіяхъ, борьба рабочаго класса за политическую свободу представлялась «Рабочему Дѣлу» въ видѣ привѣска къ профессіональной борьбѣ рабочихъ и ея непосредственнаго продолженія. Вести политическую борьбу пролетаріатъ долженъ былъ постольку, поскольку профессіональная борьба наталкивала его на «политику». «Чисто-рабочими» политическими вопросами являлись, такимъ образомъ, лишь вопросы, *непосредственно* вытекающіе изъ повседневныхъ экономическихъ нуждъ пролетаріата. Политическія задачи, которыя долженъ ставить себѣ въ этой борьбѣ рабочій классъ— это завоеваніе «осязательныхъ» практическихъ результатовъ, въ видѣ свободы стачекъ, союзовъ и т. п. И лишь впослѣдствіи, на извѣстной «стадіи» развитія движенія, рабочій классъ сможетъ поставить передъ собой болѣе широкія задачи, и тогда же должна будетъ заняться этими вопросами и соц.-демократія. Такимъ образомъ, политика, рекомендуемая «Рабочимъ Дѣломъ», должна была вести къ тому, что вполнѣ самостоятельно пролетаріатъ организовался бы опять-таки лишь на почвѣ профессіональной борьбы. Активное и самостоятельное вмѣшательство рабочаго класса въ «политику» ограничивалось бы сферой самыхъ примитивныхъ и общихъ политическихъ вопросовъ, и, разумѣется, и политическое воспитаніе пролетаріата при такихъ условіяхъ должно было бы оставаться на уровнѣ примитивности. Роль соціалдемократіи, при такой постановкѣ вопроса, сводилась къ роли простой выразительницы «уже достигнутаго» уровня сознанія рабочей массы. Словомъ, и путь, указанный «Рабочимъ Дѣломъ», не могъ повести къ образованію дѣйствительно самостоятельной политической партіи пролетаріата и объективно, независимо отъ воли и сознанія сторонниковъ «Рабочаго Дѣла», велъ къ политическому порабощенію пролетаріата демократической буржуазіей.

с) «Искра» и «Заря».

Если теоретически вся недостаточность рекомендуемой «Рабочимъ Дѣломъ» политики была ясна извѣстному числу товарищей съ самаго начала, то политическое возбужденіе, охватившее русское общество къ концу 1900 года, и выразившееся, прежде всего, въ студенческихъ волненіяхъ, приковавшихъ къ себѣ вниманіе всѣхъ свободолюбивыхъ элемен-

Digitized by Google

товъ, на практикѣ показало, какъ при данныхъ условіяхъ соціалдемократія стушевывается передъ демократическимъ движеніемъ, а рабочій классъ играетъ роль не самостоятельнаго борца за свободу, ведущаго свою особую классовую политику, а лишь чисто физической силы, поддерживающей буржуазную демократію. Особенно ярко и, такъ сказать, осязательно проявилось это въ первыхъ демонстраціяхъ: и иниціаторами ихъ, и организаторами были студенты и радикальная интеллигенція; требованія, во имя которыхъ призывалась на улицу толпа, не выходили подчасъ за предѣлы академическихъ порядковъ и, въ лучшемъ случаѣ, сводились къ неопредѣленному требованію политической свободы; и все-же рабочіе рвались принимать участіе въ этихъ демонстраціяхъ, придавали имъ характеръ массоваго порыва. И если даже красное знамя развѣвалось надъ головами демонстрантовъ, то всей сознательной *политической* ноты пролетаріатъ въ демонстраціи не вносилъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда (декабрь 1900 г.), при ближайшемъ участіи родоначальницы русской соціалдемократіи—«Группы Освобожденія труда», появилась политическая газета «Искра» и научно-политическій журналъ «Заря».

Въ передовицѣ перваго номера «Искра» формулируетъ свой взглядъ на русскую соціалдемократію и ея задачи: «Соціалдемократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ, ея задачи—не пассивное служеніе рабочему движенію на каждой его отдѣльной стадіи, а представительство интересовъ всего движенія въ цѣломъ, указаніе этому движенію его конечной цѣли, его политическихъ задачъ, охрана его политической и идейной самостоятельности». И далѣе: «... Задача, которую призвана осуществить русская соціалдемократія: внѣдрить соціалистическія идеи и политическое самосознаніе въ массу пролетаріата и организовать революціонную партію, неразрывно связанную со стихійнымъ рабочимъ движеніемъ». И еще разъ газета настаиваетъ: «Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса—наша главная и основная задача», и протестуетъ противъ тѣхъ, кто «угощаетъ рабочихъ политикой» только въ исключительные моменты ихъ жизни, только въ торжественныхъ случаяхъ».

Но разъ «соціалдемократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ», то, очевидно, прежде всего нужно было ясно поставить вопросъ о соціализмѣ, отдѣлить соціал-

демократію отъ тѣхъ quasi-марксистовъ, которые «ревизіонистскими» и «критическими» плащами прикрывали свою буржуазную наготу. Нужно было «отмежеваться» отъ этихъ господъ и вмѣстѣ съ тѣмъ положить конецъ и вліянію ихъ «ревизіонистскихъ» идей на представителей соціалдемократіи. Словомъ, нужно было бороться съ соціалдемократами за торжество соціалдемократіи; нужно было подготовить тѣ кадры сознательныхъ и послѣдовательныхъ соціалдемократовъ, которые могли бы взять на себя и сумѣли бы выполнить ту задачу—«соединенія соціализма съ рабочимъ движеніемъ» и «организаціи революціонной партіи, неразрывно связанной съ стихійнымъ рабочимъ движеніемъ», — которую ставила «Искра». Въ этомъ смыслѣ работа «Искры» въ первую эпоху ея существованія можетъ быть названа подготовительной къ періоду дѣйствительно соціалдемократической политической дѣятельности.

Въ рядѣ статей «Заря» разоблачала ненаучность и буржуазную сущность «ревизіонизма», и въ то-же время «Искра» упорно боролась противъ всѣхъ проявленій его на практикѣ, какъ они выразились въ Россіи—въ «экономизмѣ» и въ ограниченной «политикѣ» Рабочаго Дѣла». Одновременно, поскольку позволяли матеріалы и литературныя силы, «Искра» пыталась освѣщать съ точки зрѣнія рабочаго класса самыя разнообразныя явленія русской политической жизни. Можно сказать, что «Искра» была первой въ Россіи дѣйствительно *соціалдемократической* политической газетой. Если практика партіи еще не давала возможности вести широкую классовую политическую борьбу, то въ литературѣ вопросъ объ этой борьбѣ и указаніе той линіи, по которой она должна идти, были поставлены довольно широко и опредѣленно.

Кромѣ борьбы съ «экономизмомъ» во всѣхъ его проявленіяхъ, «Искрѣ» пришлось энергично возставать противъ того возрожденія террористическихъ симпатій, которое явилось слѣдствіемъ подъема политическаго возбужденія интеллигенціи, съ одной стороны, и относительной политической пассивности и неопредѣленности того стихійнаго рабочаго движенія, которое и породило этотъ подъемъ. «Экономическое» самоограниченіе соціалдемократіи, конечно, ослабляло силу ея сопротивленія террористическимъ увлеченіямъ, которыя эксплуатировались политически «соціалистами-революціонерами» — партіей возродившагося народничества, революціонно-настроенной ин-

Digitized by Google

теллигенціи, опирающейся въ своей политикѣ не на ясно сознанные интересы опредѣленнаго класса, а на силу чисто стихійнаго недовольства и возбужденія, откуда бы оно ни исходило. «Соціалисты-революціонеры» эксплоатируютъ одинаково и соціалистическія стремленія пролетаріата и мелкобуржуазныя и первобытно-коммунистическія склонности крестьянства, и террористическія увлеченія интеллигенціи.

Отсюда—ожесточенная борьба «Искры» съ «соціалистами-революціонерами»: борьба противъ той мѣшанины народничества, ревизіонизма и обрывковъ марксизма, которую представляетъ собою «соціалистическая» программа «соціалистовъ-революціонеровъ», это борьба за вліяніе на пролетаріатъ, и въ этой борьбѣ соціалдемократія осталась и остается побѣдительницей по всей линіи; борьба противъ террора во имя массовой политической борьбы — это борьба за вліяніе на интеллигенцію, и тутъ кое-гдѣ «побѣда», естественно, склонилась на сторону «соціалистовъ-революціонеровъ», хотя и здѣсь, какъ мы уже говорили, перевѣсъ все еще на сторонѣ соціалдемократіи. Однако, проявлявшейся кое-гдѣ—особенно въ связи съ звѣрскими истязаніями рабочихъ-демонстрантовъ и выстрѣломъ Гирша Лекkерта—склонности къ террору и среди соціалдемократіи полемика «Искры» положила разъ навсегда конецъ. Особенно настойчиво указывала «Искра» на ту дезорганизаторскую роль, которую играетъ по отношенію къ классовой борьбѣ рабочихъ массъ терроръ, переносящій центръ тяжести борьбы съ массъ на единичныхъ лицъ и тѣсныя группки, концентрирующій *пассивное* сочувствіе массъ на активной дѣятельности террористовъ и заставляющихъ забрасывать дѣло организаціи и политическаго воспитанія пролетаріата.

d) Организаціонное строительство.

А между тѣмъ, задачи такой организаціи и такого воспитанія стояли на очереди и требовали самой напряженной работы. Эпоха «экономизма» и «Рабочаго Дѣла» оставила въ наслѣдіе организацію, опиравшуюся на небольшой, сравнительно, слой лучше оплачиваемыхъ рабочихъ. Вся организація была построена или, по крайней мѣрѣ, должна была быть построенной на принципѣ выборности. Но, такъ какъ дѣйствительно массовые выборы при наличныхъ условіяхъ были

Digitized by Google

совершенно невозможны, то на дѣлѣ выборы бывали лишь выраженіемъ воли небольшого круга обученныхъ рабочихъ, который примыкалъ къ комитету и нерѣдко выше всего ставилъ свои профессіональные интересы. Появилось раздѣленіе на «рабочій» комитетъ и «интеллигентскій» комитетъ, причемъ послѣднему отводились функціи чисто исполнительнаго органа въ рукахъ «рабочаго» комитета: писаніе по заказу прокламацій, доставка литературы, собираніе денегъ и т. п. А такъ какъ фактически вся технико-конспиративная сторона дѣла все же была въ рукахъ «интеллигентскаго» комитета, то возникали постоянныя столкновенія съ комитетомъ «рабочимъ». Въ то-же время, занятая чисто профессіональными вопросами «рабочая» организація теряла и соприкосновеніе со всей массой рабочаго люда. Организаціи различныхъ городовъ были мало связаны другъ съ другомъ, ибо, при отсутствіи широкой политической дѣятельности, не было общаго дѣла. Да и внутри каждой организаціи начинала царить мертвечина, такъ какъ рѣдкія сравнительно стачки, на подготовкѣ которыхъ концентрировалось вниманіе рабочихъ организацій, не давали исхода жаждѣ живого дѣла.

Полоса политическаго возбужденія начала XX вѣка, показавъ общую отсталость русской соціалдемократіи, обнаружила и всѣ вопіющіе недостатки ея организаціи. Новыя задачи, выдвинутыя «Искрой», требовали новыхъ формъ организаціи, требовали созданія дѣйствительно единой партіи. Прежде всего, нужно было поставить на очереди вопросъ объ объединеніи политическаго руководства партіей, а для этого было необходимо создать всероссійскую централизованную организацію революціонеровъ—организацію, въ основу которой былъ бы положенъ принципъ представительства не разрозненныхъ профессіональныхъ интересовъ, а интересовъ всего соціалдемократическаго движенія въ цѣломъ. Вокругъ такой организаціи, подъ ея политическимъ руководствомъ, должна была слагаться и дѣйствовать партія пролетаріата. И вмѣстѣ съ тѣмъ, эта организація должна была взять на себя выполненіе въ широкомъ масштабѣ всѣхъ технико-конспиративныхъ функцій: постановку транспорта и распространеніе литературы, устройство типографій и т. п.

Такая организація, разумѣется, не могла быть создана сразу, однимъ почеркомъ пера. Она должна была естественно складываться вокругъ дѣла, дѣйствительно устанавливающаго

Digitized by Google

связь между всѣми разрозненными мѣстными организаціями, дѣйствительно, воплощающаго въ себѣ интересы партіи въ цѣломъ. Но такимъ общерусскимъ дѣломъ была, и при данныхъ условіяхъ только и могла быть, партійная литература, прежде всего—политическая газета. Въ эту эпоху «профессіонализма» только партійная литература представляла ту соціалдемократическую «идею», которая объединяла духовными нитями раздробленные элементы партіи; и естественно, что организація, слагавшаяся вокругъ газеты «Искры» и ставившая себѣ цѣлью поддержку ея денежными средствами и литературными матеріалами, транспортировку ея въ Россію, перепечатку, распространенія и т. д., должна была послужить тѣмъ кристалломъ, вокругъ котораго будетъ складываться и расти Партія, ставящая себѣ, дѣйствительно, *партійныя* задачи. Вѣдь такая организація, дѣйствительно, клала начало *техническому* объединенію разрозненныхъ кружковъ: всѣ ея функціи требовали непрерывныхъ сношеній со всѣми мѣстными организаціями и оцѣнки ихъ требованій, запросовъ и т. п. съ точки зрѣнія высшаго коллектива—партіи. А то дѣло, вокругъ котораго слагалась такая организація—распространеніе политической газеты—должно было создать элементъ и *политическаго* объединенія. Таковъ именно и былъ организаціонный планъ «Искры» — планъ, дававшій отвѣтъ на вопросъ: *«Съ чего начать?»*. *Начать* строительство *партіи* предполагалось съ созданія *партійной организаціи* профессіональныхъ революціонеровъ; а эту *партійную* организацію нужно было *начинать* строить съ группировки революціонеровъ вокругъ *общерусскаго дѣла*—политической газеты. Затѣмъ уже, когда партійная организація на дѣлѣ свяжетъ всѣ мѣстные комитеты и группы въ единое цѣлое, съѣздъ долженъ былъ санкціонировать и закрѣпить объединеніе соціалдемократіи, представлявшей собой со времени ея основанія единую партію болѣе въ идеѣ, чѣмъ въ реальной дѣйствительности.

Въ такомъ именно направленіи и должна была дѣйствовать организація «Искра». Пока «экономисты» и «Рабочее Дѣло» крѣпко владѣли еще умами большинства соціалдемократовъ, задача новой организаціи была очень трудна и требовалось много терпѣнія, умѣнія и такта, чтобы хотя бы получить доступъ къ враждебно настроеннымъ комитетамъ.

Другое дѣло, когда общее политическое возбужденіе страны и проповѣдь «Искры» произвели переворотъ въ настроеніи

Digitized by Google

большинства членовъ комитетовъ. Проповѣдь эта — въ силу указанныхъ выше особенностей историческаго положенія и развитія русской соціалдемократіи — усваивалась, прежде всего, съ ея *демократической*, а не *соціалдемократической* стороны, со стороны противопоставленія *политики — экономикѣ*. Это обстоятельство, въ связи съ «трэдъ-юніонистскимъ» направленіемъ тѣхъ рабочихъ организацій, которыя непосредственно облекали комитеты, наложило особый отпечатокъ на объединительную дѣятельность организаціи «Искры» въ послѣдній періодъ ея дѣятельности. Задачей дня было вѣдь созданіе партійной организаціи революціонеровъ-спеціалистовъ, строеніе самой пролетарской партіи должно было начаться послѣ. Естественно, что эта послѣдняя задача въ глазахъ многихъ практиковъ отодвигалась на задній планъ, совершенно стушевывалась передъ задачей завоеванія и объединенія комитетовъ. И такое завоеваніе нерѣдко сопровождалось разрывомъ съ существовавшими уже рабочими организаціями. Вчера еще пользовавшіяся правомъ «выборовъ» и рѣшающимъ голосовъ во всѣхъ дѣлахъ комитета, онѣ сегодня, съ завоеваніемъ комитета «искровцами», лишались всѣхъ правъ. Соціалдемократическая партійная организація, естественно, не могла быть построена на той системѣ «цензовыхъ» выборовъ, которая составляла основу былого «демократизма» и вмѣстѣ съ тѣмъ преобладанія профессіональныхъ интересовъ надъ интересами соціалдемократической борьбы; переоцѣнка же *самодовлѣющаго* значенія партійной организаціи мѣшала задуматься, какъ слѣдуетъ, надъ методами привлеченія существовавшихъ рабочихъ кружковъ къ активному участію въ дѣлахъ организаціи, взамѣнъ прежняго «формальнаго» права выборовъ. Созданныя прошлымъ силы «рабочихъ» организацій оставались въ значительной мѣрѣ неиспользованными при переходѣ къ интенсивной политической агитаціи, а, на первыхъ порахъ, и прямо бросались въ «оппозицію». Такимъ образомъ, недостатки «искровской» практической работы, недостатки, неизбѣжно вытекавшіе изъ всей исторически сложившейся обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать, сводились къ преобладанію демократическихъ тенденцій надъ соціалдемократическими въ области политической дѣятельности и переоцѣнкѣ самодовлѣющаго значенія партійнаго центра въ области организаціоннаго строительства партіи. Но, какъ бы то ни было, практическая дѣятельность организаціи «Искры» впервые положила

Digitized by Google

начало объединенію всѣхъ комитетовъ и группъ партіи въ одно неразрывное цѣлое и сдѣлала возможнымъ и формальное объединеніе партіи на съѣздѣ.

е) II съѣздъ партіи.

II съѣздъ Р. С. Д. Р. Партіи (не надо забывать, что — въ смыслѣ представительства — дѣло идетъ лишь о партійной организаціи революціонеровъ-соціалистовъ) былъ подготовленъ Организаціоннымъ Комитетомъ. Идея Организаціоннаго Комитета, составленнаго изъ представителей разныхъ мѣстныхъ организацій, съ преобладающимъ вліяніемъ организаціи «Искра», была выдвинута «Искрой» еще въ мартѣ 1902 года на конференціи нѣсколькихъ комитетовъ партіи. Но лишь въ ноябрѣ того же года удалось поставить дѣло на болѣе широкую ногу. Подготовительная работа Орг. Ком. (временно взявшаго на себя и выполненіе функцій будущаго Цен. Ком.), по организаціи съѣзда, заняла тоже не мало времени.

На съѣздѣ присутствовало 43 делегата съ 51 рѣшающимъ голосомъ. Въ томъ числѣ было 30 делегатовъ отъ мѣстныхъ организацій партіи съ 36 голосами, 3 делегата отъ Центр. Ком. Бунда, 2 отъ Загр. Ком. Бунда, 1 делегатъ съ двумя голосами отъ организаціи „Искра", 2 дел. отъ группы, издававшей газету „Южный Рабочій", и 5 дел. съ 6 гол. отъ заграничныхъ организацій партіи — группы „Освобожденія труда", „Лиги русской революціонной Соціалдемократіи" и „Союза русскихъ Соціалдемократовъ" („Рабочее Дѣло"). Затѣмъ присутствовало 14 лицъ съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Съѣздъ принялъ программу и организаціонный уставъ партіи и рядъ тактическихъ резолюцій. Протоколы его отпечатаны въ типографіи партіи. Здѣсь мы постараемся вкратцѣ обрисовать важнѣйшія работы съѣзда.

1) Теоретическая программа.

Проектъ программы партіи былъ выработанъ редакціей „Искры" и „Зари" и опубликованъ заблаговременно; съѣздъ внесъ въ этотъ проектъ лишь нѣсколько мелкихъ поправокъ.

Теоретическая часть программы стоитъ цѣликомъ на почвѣ революціоннаго марксизма и въ корнѣ отвергаетъ всѣ «по-

Digitized by Google

правки», которыя «ревизіонизмъ» пытался внести въ научный соціализмъ. Исходя изъ международнаго характера великаго освободительнаго движенія пролетаріата и признавая россійскую соціалдемократію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи рабочаго класса, программа констатируетъ, что соціализмъ, конечная цѣль соціалдемократіи, вытекаетъ изъ характера и хода развитія современнаго буржуазнаго общества. Указывая на все растущее разслоеніе всего народа на пролетаріатъ и буржуазію, на непрерывный ростъ капиталистическаго способа производства, вытѣсняющаго всѣ остальныя формы хозяйства, на техническій прогрессъ, относительно уменьшающій потребность въ живой рабочей силѣ и позволяющій усиленно эксплуатировать трудъ женщинъ и дѣтей, программа подчеркиваетъ повышенія уровня эксплуатаціи наемнаго труда. Кризисъ и періоды промышленнаго застоя—слѣдствіе господствующей въ капиталистическомъ обществѣ конкуренціи и анархіи производства — еще болѣе обостряютъ и ускоряютъ процессъ общественной дифференціаціи со всѣми его соціальными послѣдствіями. По мѣрѣ роста всѣхъ этихъ противорѣчій, свойственныхъ капиталистическому обществу, растутъ и матеріальныя силы и психологическія предпосылки для совершенія рабочимъ классомъ соціальной революціи, необходимымъ условіемъ которой является диктатура пролетаріата.

Отсюда вытекаетъ основная задача соціалдемократіи: она «организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную политическую рабочую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, руководитъ всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ и выясняетъ ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей соціальной революціи». На почвѣ своей программы, соціалдемократія ставитъ своей задачей привлекать въ свои ряды и всѣ остальные слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата.

2) Программа minimum.

Переходя къ практическимъ требованіямъ, программа прежде всего указываетъ на тѣ остатки до-капиталистическаго порядка, которые препятствуютъ экономическому прогрессу,

Digitized by Google

не допускаютъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата въ Россіи и содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи.

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ всего этого варварства является самодержавіе, и потому Рос. Соц. Дем. Раб. Партія ближайшей политической задачей ставитъ *низверженіе самодержавія*, созывъ *учредительнаго собранія*, свободно избраннаго всѣмъ народомъ, и установленіе *демократической республики*. Программа подробно перечисляетъ тѣ демократическія гарантіи, на основѣ которыхъ должна быть построена конституція республики. Главнѣйшія изъ этихъ гарантій: сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ однопалатнаго народнаго собранія; всеобщее, равное, прямое и тайное, активное и пассивное избирательное право въ законодательное собраніе и органы мѣстнаго самоуправленія для мужчинъ и женщинъ, достигнувшихъ 20 лѣтъ; широкое мѣстное и областное самоуправленіе; неприкосновенность личности, свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ, и союзовъ, свобода передвиженія и промысловъ; уничтоженіе сословій и полное равноправіе всѣхъ, независимо отъ пола, религіи, расы и національности; право самоопредѣленія за всѣми націями и употребленія роднаго языка; отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ присяжныхъ, выборность судей; замѣна постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа; отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви, обязательное даровое обученіе, общее и профессіональное, для всѣхъ дѣтей до 16 лѣтъ и снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства. Партія требуетъ отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія, прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства.

Часть программы, касающаяся вопросовъ труда, разработана очень подробно. Въ основу ея положено требованіе 8-го час. раб. дня для всѣхъ наемныхъ рабочихъ. Кромѣ того, программа выставляетъ слѣдующія требованія: еженедѣльный непрерывный отдыхъ не менѣе 42 час; запрещеніе сверхъурочныхъ работъ и ночного труда (отъ 9 час. вечера до 6 час. утра), особое огражденіе дѣтскаго и женскаго труда; государственное страхованіе рабочихъ на случай старости и потери трудоспособности, съ возложеніемъ всѣхъ издержекъ на капиталистовъ; запрещеніе расплаты товарами и ежене-

Digitized by Google

дѣльная выдача заработка; запрещеніе штрафовъ и т. д.; обезпеченіе правильной постановки фабричной инспекціи съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ и работницъ; надзоръ органовъ мѣстнаго самоуправленія, съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ, за санитарнымъ состояніемъ жилищъ, отводимыхъ капиталистами рабочимъ, санитарный надзоръ за мастерскими и безплатная медицинская помощь за счетъ хозяевъ; уголовная отвѣтственность предпринимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда; промысловые суды, составленные поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей, учрежденіе органами мѣстнаго самоуправленія посредническихъ конторъ по найму рабочихъ съ участіемъ представителей отъ рабочихъ организацій.

Аграрная программа партіи и принципы, легшіе въ ея основу, уже изложены нами въ другомъ мѣстѣ.

3) *Тактическія резолюціи.*

Работы съѣзда по принятію программы и выработкѣ организаціоннаго устава, а также продолжительные дебаты по вопросу о положеніи Бунда въ партіи, заняли столько времени, что тактическія резолюціи, заранѣе выработанныя въ видѣ проектовъ, не могли быть подвергнуты такому детальному обсужденію, какого требовала бы важность затронутыхъ вопросовъ. Упомянемъ важнѣйшія изъ принятыхъ резолюцій.

По вопросу о *профессіональной борьбѣ* съѣздъ высказался за то, чтобы партія приняла на себя руководство ею и стремилась объединить частныя столкновенія отдѣльныхъ группъ рабочихъ въ одну организованную борьбу класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ рекомендовалъ продолжать вести неустанную борьбу противъ „зубатовщины“.

Законъ о *фабричныхъ старостахъ* поставилъ на очередь вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли партіи рекомендовать рабочимъ принимать участіе въ выборахъ этихъ старостъ. За утвердительное рѣшеніе этого вопроса говорило, главнымъ образомъ, то соображеніе, что, подобно всѣмъ проявленіямъ «зубатовской» политики, новый институтъ и сопряженные съ нимъ выборы могутъ дать хорошую исходную точку и богатый матеріалъ для соціалдемократической агитаціи. Въ этомъ смыслѣ и высказался съѣздъ. Однако, хотя, лишь только стало извѣстно рѣшеніе съѣзда, ему подчинились тѣ рабочіе (напр.

Digitized by Google

въ Одессѣ), которые сначала вели агитацію противъ участія въ выборахъ—все же вопросъ о фабричныхъ старостахъ служатъ еще предметомъ дискуссіи въ рядахъ партіи. Главными аргументами противъ участія въ выборахъ выставляются: 1) «зубатовскій» характеръ всей затѣи и 2) опасность подвергнуть полицейскому надзору и преслѣдованію тѣхъ организованныхъ рабочихъ, которые ставятъ свою кандидатуру на должность старостъ.

Съѣздъ высказался и по вопросу о *демонстраціяхъ*. Резолюція характеризуетъ демонстраціи, какъ «одно изъ самыхъ важныхъ средствъ политическаго воспитанія самыхъ широкихъ массъ народа и расширенія и укрѣпленія вліянія соціалдемократіи». Кромѣ того, демонстраціи служатъ средствомъ систематической дезорганизаціи правительственнаго механизма и подготовляютъ массы къ возстанію противъ существующаго строя. Въ виду этого съѣздъ рекомендовалъ всѣмъ комитетамъ партіи пользоваться удобными случаями для организаціи демонстрацій. Констатируя недостатки практики, резолюція рекомендуетъ: 1) подготовку демонстрацій широкой предварительной агитаціей; 2) выборъ для демонстрацій момента, подходящаго по настроенію рабочихъ массъ: 3) обезпеченіе многолюдности, организованности и подготовки активнаго ядра демонстрантовъ; 4) принятіе мѣръ для возможности активнаго отпора демонстрантовъ полицейскимъ ордамъ; 5) ознакомленіе солдатъ съ характеромъ и цѣлью демонстрацій и привлеченіе ихъ симпатій къ демонстрантамъ. Ц. К. партіи съѣздъ поручилъ организацію обще-русскихъ политическихъ демонстрацій по одному общему плану.

Съѣздъ принялъ еще резолюціи объ улучшеніи постановки соціалдемократической пропаганды; объ отношеніи къ учащейся молодежи, объ еврейскихъ погромахъ; о работѣ среди сектантовъ; о показаніяхъ на слѣдствіи (рекомендовано всѣмъ членамъ партіи отказываться отъ какихъ бы то ни было показаній на жандармскомъ дознаніи); объ Амстердамскомъ конгрессѣ.

4) Отношеніе къ другимъ партіямъ.

Согласно принципамъ, изложеннымъ въ программѣ Р. С.Д.Р.П. «партія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Рос-

Digitized by Google

сіи общественнаго и политическаго порядка, рѣшительно отвергая въ то-же время всѣ тѣ реформаторскіе проекты, которые связаны съ какимъ бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ полицейско-чиновничьей опеки надъ трудящимися классами».

а) Либералы

Исходя изъ этихъ принциповъ, съѣздъ двумя резолюціями опредѣлилъ свое отношеніе къ либераламъ.

Первая резолюція, ссылаясь на только что цитированное нами принципіальное заявленіе программы, говоритъ: «Р. С. Д. Р. П., самостоятельная политическая партія пролетаріата,—... не отказывается вступать и, если къ тому представится надобность, вступитъ, при посредствѣ своихъ центральныхъ учрежденій, во временныя соглашенія съ либеральными или либерально-демократическими теченіями, при томъ, однако, условіи, а) что эти теченія ясно и не двусмысленно заявятъ, что въ своей борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ они становятся рѣшительно на сторону россійской соціалдемократіи; б) что они не выставятъ въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и демократіи вообще или затемняющихъ его сознаніе, и в) что своимъ лозунгамъ борьбы они сдѣлаютъ всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право».

Въ то-же время вторая резолюція, подчеркивая «обязанность соціалдемократіи разоблачать передъ пролетаріатомъ ограниченность и недостаточность освободительнаго движенія буржуазіи, «рекомендуетъ» обращать въ пропагандѣ вниманіе рабочихъ на анти-революціонный и противо-пролетарскій характеръ того направленія, органомъ котораго является «Освобожденіе» (г. Струве).

б) «Соціалисты-революціонеры».

Нѣсколько иначе долженъ былъ поставить соціалдемократическій съѣздъ вопросъ о «соціалистахъ-революціонерахъ». Эта фракція буржуазной демократіи, не имѣющая твердыхъ политическихъ принциповъ и не связывающая своей борьбы съ борьбой пролетаріата, дѣйствуетъ въ то же время подъ

флагомъ «соціализма» (хотя и въ высшей степени неопредѣленнаго) и тѣмъ самымъ вноситъ элементы явной дезорганизаціи въ то дѣло воспитанія классоваго сознанія и самостоятельной политической организаціи рабочаго класса, которое составляетъ главную задачу соціалдемократіи. Выше мы уже нѣсколько разъ приводили примѣры такой дезорганизаціи и «затемнѣнія классового сознанія рабочихъ». Мѣсто не позволяетъ намъ подробно остановиться на значеніи дѣятельности «соціалистовъ-революціонеровъ», и потому мы ограничиваемся воспроизведеніемъ подробной, мотивированной резолюціи, принятой съѣздомъ по этому вопросу.

«Принимая во вниманіе: а) что интересы россійскаго пролетаріата вообще и его освободительнаго движенія въ особенности требуютъ, чтобы онъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ выступалъ, какъ вполнѣ самостоятельная политическая сила; б) что только дѣятельность, направленная на объединеніе пролетаріата въ такую силу, вноситъ соціалистически-революціонное содержаніе въ борьбѣ съ абсолютизмомъ; принимая далѣе во вниманіе: в) что «соціалисты-революціонеры» теоретически и практически противодѣйствуютъ усиліямъ соціалдемократовъ сплотить рабочихъ въ самостоятельную политическую партію, стараясь, наоборотъ, удержать ихъ въ состояніи политически-безформенной массы, способной служить лишь орудіемъ либеральной буржуазіи;—съѣздъ констатируетъ, что «соціалисты-революціонеры» являются не болѣе, какъ буржуазно-демократической фракціей, принципіальное отношеніе къ которой со стороны соціалдемократіи не можетъ быть иное, чѣмъ къ либеральнымъ представителямъ буржуазіи вообще.

Принимая затѣмъ во вниманіе: а) что свои буржуазныя тенденціи «соціалисты-революціонеры» преслѣдуютъ подъ флагомъ соціализма и б) что, кромѣ того, или именно потому, какъ буржуазно-революціонная фракція, оказываются совершенно несостоятельными, съѣздъ считаетъ ихъ дѣятельность вредной не только для политическаго развитія пролетаріата, но и для обще-демократической борьбы противъ абсолютизма. Исходя изъ всего этого, съѣздъ безусловно осуждаетъ всякія попытки затушевать принципіальное и политическое значеніе разногласій между «соціалистами-революціонерами» и соціалдемократами. Наоборотъ, онъ признаетъ необходимымъ, какъ въ интересахъ развитія политической самостоятельности россійскаго пролетаріата, такъ и въ спеціальныхъ интересахъ

освободительнаго движенія противъ абсолютизма, чтобы соціалдемократы выясняли и подчеркивали буржуазныя тенденціи «соціалистовъ-революціонеровъ» и ихъ практическую несостоятельность съ точки зрѣнія общедемократической.

Въ виду вышеуказанныхъ соображеній съѣздъ рѣшительно осуждаетъ всякія попытки объединенія соціалдемократовъ съ «соціалистами-революціонерами», признавая возможными лишь частныя соглашенія съ ними въ отдѣльныхъ случаяхъ борьбы съ абсолютизмомъ, при чемъ условія такихъ соглашеній подлежатъ контролю Ц. К.»

Мотивировка и смыслъ резолюціи показываютъ, почему русскіе соціалдемократы не могутъ не протестовать противъ того включенія этихъ буржуазныхъ «соціалистовъ» въ семью соціалистическихъ партій, руководящихъ классовой борьбой пролетаріата, которое практикуется до сихъ поръ многими западно-европейскими товарищами, недостаточно освѣдомленными о дѣйствительномъ характерѣ и дѣятельности этой фракціи. Такое включеніе, поднимая «соціалистическій» престижъ «соціалистовъ-революціонеровъ», не перестающихъ, между тѣмъ, въ своемъ органѣ открыто нападать на теоретическіе принципы и политическую тактику международной (а не русской только) соціалдемократіи, наноситъ несомнѣнный ущербъ дѣлу классоваго развитія и самостоятельной организаціи россійскаго пролетаріата.

в) Бундъ и другія національныя организаціи.

Еврейское рабочее движеніе, съ самаго начала своего возникновенія, развивалось въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи съ движеніемъ всего россійскаго пролетаріата. При основаніи партіи «Обще-еврейскій рабочій Союзъ въ Россіи и Польшѣ» вошелъ въ нее, какъ «автономная организація, самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата».

Та эпоха раздробленности и отсутствія широкой общепартійной дѣятельности, которая характеризуется почти исключительнымъ господствомъ профессіональныхъ интересовъ, не могла не отражаться на отношеніи Бунда и Партіи. Если всѣ мѣстныя организаціи и группы Партіи замыкались въ это время въ свои обособленные ближайшіе интересы, то тѣмъ

болѣе это имѣло мѣсто у Бунда, отдѣленнаго отъ партіи и райономъ дѣйствій, и особенными условіями еврейской жизни, вытекающими изъ гражданскаго неравноправія евреевъ, и особымъ языкомъ, на которомъ велась пропаганда и агитація. Теряя связи и живое соприкосновеніе съ партіей, Бундъ росъ и укрѣплялся, какъ обособленная организація.

Такая обособленность, въ связи съ относительной примитивностью тѣхъ соціально-политическихъ условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать Бунду (господство ремесленнаго производства и домашней формы крупной промышленности) позволяло ему стоять въ сторонѣ во время волновавшихъ всю россійскую соціалдемократію споровъ съ «экономистами». Вопросы, рѣзко выдвинутые для русской соціалдемократіи самымъ ходомъ ея исторической жизни, не вставали въ такой обостренной формѣ передъ Бундомъ. Національное же угнетеніе, связывающее общими цѣлями и общими надеждами еврейскій пролетаріатъ съ другими слоями еврейскаго населенія помогало вырости націоналистическимъ чувствамъ на почвѣ обособленности Бунда, и объединительныя стремленія Россійской Соціалдемократіи начинали ему иногда казаться, какъ это кажется и Польской Соціалистической Партіи (P. P. S.), проявленіемъ «великорусскаго шовинизма».

Постепенно Бундъ сталъ выдвигать на первое мѣсто тѣ специфическіе интересы еврейскаго пролетаріата, которые вытекаютъ не изъ его пролетарскаго соціальнаго положенія, а изъ принадлежности его къ еврейской націи. Разумѣется, пролетаріатъ всей Россіи не менѣе, чѣмъ еврейскій, заинтересованъ въ устраненіи всѣхъ видовъ національнаго угнетенія, и Р. С. Д. Р. Партія, которая насчитываетъ въ своихъ рядахъ не мало еврейскихъ рабочихъ и людей, работавшихъ прежде въ районѣ Бунда, никогда не забывала этого. И если Бундъ все же требуетъ, чтобы въ основу организаціоннаго строенія и взаимоотношенія различныхъ частей Партіи былъ положенъ не объединяющій весь рабочій классъ и отдѣляющій его отъ всѣхъ буржуазныхъ слоевъ—принципъ соціалдемократической борьбы, а принципъ національности, разъединяющій рабочій классъ на рядъ отдѣльныхъ національныхъ группъ съ обособленными интересами, и, напротивъ, объединяющій каждую національную группу съ другими, не пролетарскими слоями той же націи,— то въ такомъ требованіи нельзя не увидѣть, въ специфической формѣ, все того же преобладанія демокра-

тическихъ интересовъ движенія надъ соціалистическими, которое, въ другихъ формахъ, неоднократно уже встрѣчалось намъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе историческихъ условій развитія соціалдемократіи въ Россіи.

Конечно, если партія стремится построить свою партійную организацію на такихъ основаніяхъ, чтобы она была единой соціалдемократической организаціей для всего пролетаріата, объединеннаго общностью государственно-правовыхъ условій, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, то это не значитъ, чтобы Р. С. Д. Р. П. не хотѣла считаться съ существованіемъ исторически сложившихся организацій и думала положить имъ конецъ однимъ росчеркомъ пера. Процессъ сліянія всѣхъ національныхъ организацій въ единое цѣлое, съ автономными группами въ предѣлахъ каждаго мѣстнаго комитета и общепартійной организаціи, поскольку это вызывается техническими удобствами, потребностями пропаганды и агитаціи, этотъ процессъ можетъ, разумѣется, совершаться лишь медленно и постепенно. Важно было построить или, вѣрнѣе, сохранить организаціонныя отношенія между Партіей и Бундомъ въ такомъ видѣ, чтобы они могли безъ потрясеній и затрудненій развиваться въ намѣченномъ направленіи. Автономія и федерація—такъ былъ поставленъ вопросъ въ области организаціонной. А въ основѣ этой организаціонной дилеммы лежала другая, болѣе принципіальная: долженъ ли Бундъ быть частью общероссійской соціалдемократіи, хотя и пользующейся всѣми автономными правами, необходимыми для удовлетворенія особыхъ потребностей, вызываемыхъ дѣятельностью среди еврейскихъ рабочихъ; или же Бундъ долженъ быть единственной организаціей и единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата, гдѣ бы онъ ни жилъ? Представляетъ ли Бундъ обще-соціалдемократическіе интересы въ средѣ еврейскихъ рабочихъ, или, наоборотъ, онъ является представителемъ какихъ-то спеціально еврейскихъ пролетарскихъ интересовъ въ сонмѣ представителей другихъ, тоже національныхъ, рабочихъ группъ? Разумѣется, съ точки зрѣнія соціалдемократіи, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: соціалдемократія вездѣ и всюду представляетъ интересы рабочаго движенія въ цѣломъ; только особыя государственно-правовыя условія превращаютъ соціалдемократію каждой страны въ обособленное цѣлое; принципъ «національнаго» или «племеннаго» представительства никоимъ образомъ не можетъ быть положенъ въ основу соціалдемократической организаціи.

Такъ рѣшался вопросъ принципіально. Практическія же неудобства того рѣшенія, котораго требовалъ Бундъ, были очевидны. Если раньше дѣятельность бунда сосредоточивалась исключительно въ районѣ Польши, Литвы и Бѣлоруссіи, гдѣ не было обще-партійныхъ комитетовъ (и гдѣ, прибавимъ, вслѣдствіе этого интересы не еврейскаго рабочаго движенія сильно страдали, что въ концѣ концовъ, не могло не отзываться и на ходѣ самого еврейскаго движенія), то теперь Бундъ, считая себя единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата, предъявлялъ притязанія на основаніе собственныхъ Комитетовъ и въ тѣхъ городахъ, гдѣ движеніе рабочихъ всѣхъ національностей происходило уже подъ руководствомъ единаго Комитета Партіи. Въ такихъ городахъ, какъ Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ и т. п. съ многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ, еврейскіе рабочіе служили сильной опорой для Комитетовъ. И если теперь Бундъ (въ Одессѣ и Кіевѣ ему это отчасти удается, въ Екатеринославѣ попытка его окончилась полной неудачей) началъ настаивать на выдѣленіи еврейскихъ рабочихъ изъ общепартійной организаціи, то какъ иначе могъ онъ мотивировать необходимость такого обособленія, если не подчеркивая раздѣляющія рабочихъ національныя перегородки и отодвигая на задній планъ классовые интересы, которые объединяютъ въ одномъ классовомъ движеніи весь пролетаріатъ и уничтожаютъ всѣ, раздѣляющія его, національныя, профессіональныя, групповыя и иныя перегородки?

Вотъ почему съѣздъ Партіи, не жертвуя интересами соціалдемократическаго дѣла, не могъ согласиться на признаніе Бунда единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата. Для Бунда этого было достаточно, чтобы выйти изъ Партіи. Нужно, однако, думать, что дальнѣйшій подъемъ и развитіе соціалдемократическаго движенія еврейскихъ рабочихъ покажетъ членамъ Бунда весь вредъ такого обособленія, уничтожитъ нерѣдкое теперь взаимное непониманіе и приведетъ ихъ обратно въ ряды единой соціалдемократической партіи всероссійскаго пролетаріата.

Въ вопросѣ о другихъ національныхъ организаціяхъ — польской, латышской, литовской, армянской — партія стоитъ въ общемъ на той же точкѣ зрѣнія, что и по отношенію къ Бунду, и питаетъ надежду, что день объединенія всѣхъ обособленныхъ организацій въ единое цѣлое уже недалекъ.

Digitized by Google

F) Организація Партіи.

1) Постановка мѣстной работы.

Основой партійной организаціи являются *мѣстные комитеты и группы.* Перечисленіе ихъ мы дали выше. Каждый мѣстный Комитетъ, состоящій обыкновенно изъ 5—6, рѣдко болѣе, членовъ, самостоятельно пополняетъ свой составъ въ случаѣ выбытія изъ него членовъ или нужды въ людяхъ. Комитетъ организуетъ группы пропагандистовъ и агитаторовъ, а также различныя техническія группы, каждый изъ которыхъ имѣетъ собраніе районныхъ представителей изъ организаторовъ и агитаторовъ, занятыхъ въ данномъ районѣ. Другъ съ другомъ нерѣдко районы, съ большимъ ущербомъ для дѣла, весьма мало связаны изъ-за соображеній конспиративнаго характера. Пропаганда ведется въ небольшихъ рабочихъ кружкахъ (человѣкъ въ 10), по заранѣе намѣченному плану. Однако, недостатокъ подходящихъ интеллигентныхъ силъ и полицейскія трудности не позволяли до сихъ поръ поставить дѣло такъ, какъ того требуетъ его важность. Съ одной стороны, пропагандисты изъ интеллигентной молодежи часто оказываются недостаточно подготовленными къ выпавшей на ихъ долю функціи, съ другой—вслѣдствіе невозможныхъ полицейскихъ условій занятія часто ведутся нерегулярно, бросаются на серединѣ намѣченнаго курса и т. д.

За послѣдніе годы на веденіи пропаганды отразилось и то сосредоточеніе всѣхъ силъ на политической агитаціи, о которомъ мы уже говорили. Между тѣмъ пропаганда, имѣющая цѣлью подготовить политическихъ руководителей рабочаго класса изъ среды самихъ рабочихъ, имѣетъ огромное значеніе для всей будущности партіи, и вопросъ о ея правильной постановкѣ выдвинуть теперь на очередь и служить предметомъ дискуссій среди членовъ партіи.

Агитація велась за послѣдніе годы очень оживленно, но, главнымъ образомъ, посредствомъ прокламацій. Устраивать агитаціонныя собранія, въ которыхъ рабочіе принимали бы живое участіе въ разработкѣ политическихъ вопросовъ, препятствовали, прежде всего, полицейскія условія. Кромѣ того, стремленіе охватить агитаціоннымъ словомъ, хотя бы въ самой общей формулировкѣ, возможно большую массу рабочихъ

заставляло отдавать предпочтеніе прокламаціямъ и подчасъ забывать о всей важности политическаго воспитанія передового слоя рабочихъ, воспитанія, достигаемаго активнымъ участіемъ этихъ рабочихъ въ детальномъ обсужденіи текущихъ политическихъ вопросовъ и въ выработкѣ того политическаго поведенія, котораго долженъ держаться рабочій классъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Благодаря такой постановкѣ агитаціи, создалось, въ значительной мѣрѣ, такое положеніе, что даже передовые слои пролетаріата не столько активно участвуютъ въ выработкѣ и направленіи политической дѣятельности партіи, сколько пассивно воспринимаютъ и, по мѣрѣ возможности, приводятъ въ исполненіе лозунги, выработанные безъ ихъ сознательнаго участія и даваемые «сверху» комитетомъ. Съ другой стороны, втиснутая въ узкія рамки прокламаціи, агитація поневолѣ должна была ограничиваться «схематизированіемъ», постановкой политическихъ вопросовъ въ ихъ самомъ общемъ видѣ; а между тѣмъ, только знакомство съ самимъ механизмомъ политическихъ событій, съ ихъ движущими пружинами и сложной обстановкой можетъ дать пролетаріату, въ лицѣ его передовыхъ слоевъ, возможность настолько ориентироваться въ политической жизни страны, чтобы умѣть всегда и всюду найти линію, соотвѣтствующую классовымъ интересамъ пролетаріата. Наконецъ, агитація, какъ она сложилась за послѣдніе годы, имѣла еще одинъ очень существенный недостатокъ. Силою вещей она велась почти всегда post factum; разъясняя (по скольку разъясняла) смыслъ уже происшедшихъ политическихъ событій, не задаваясь цѣлью подготовить активное и сознательное вмѣшательство пролетаріата въ ту пеструю смѣну событій политической жизни, которыхъ можно было ожидать впереди.

За послѣднее время и вопросъ о постановкѣ агитаціи служитъ предметомъ оживленнаго обсужденія въ рядахъ Партіи, и все большее и большее число членовъ ея приходитъ къ убѣжденію, что здѣсь необходимы коренныя измѣненія. Все должно быть направлено къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, передовые слои пролетаріата становились активными участниками и творцами партійной политики. Сохраняя широкую агитацію посредствомъ прокламацій, необходимо сдѣлать болѣе разнообразнымъ и конкретнымъ содержаніе ея и быстрѣе отвѣчать на всякое, сколько-нибудь замѣтное, явленіе политической жизни страны. Нужно напречь всѣ усилія, чтобы воз-

можно чаще собирать, хотя бы небольшія, собранія передовыхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ ними обсуждать всѣ вопросы партійной политики. Война уже дала поводъ нѣкоторымъ комитетамъ вынести вопросъ о политическомъ поведеніи партіи по отношенію къ войнѣ на обсужденіе рабочихъ собраній, принимавшихъ соотвѣтствующія резолюціи. Такъ называемыя «летучки» и «массовки» также все болѣе и болѣе входятъ въ обиходъ комитетской работы. Въ этомъ направленіи передъ партіей еще необозримое поле работы.

Политическая пресса при русскихъ условіяхъ не можетъ замѣнить прокламацій и живого агитаціоннаго слова. Издающійся за границей «Центральный Органъ» слишкомъ неаккуратно и поздно доходитъ до рабочихъ. Изданіе же мѣстныхъ газетъ, правильно и быстро выходящихъ, встрѣчаетъ огромныя техническія и конспиративныя затрудненія. Быть можетъ, вопросъ этотъ найдетъ свое рѣшеніе въ изданіи ряда мѣстныхъ бюллетеней съ общерусской и мѣстной политической хроникой и коротенькими статьями на политическія и экономическія темы. Попытки въ этомъ направленіи предпринимались уже нѣсколькими комитетами Партіи. На очередь поставленъ также вопросъ объ изданіи популярнаго политическаго органа для рабочихъ, статьи изъ котораго могли бы служить, между прочимъ, для перепечатки въ мѣстныхъ бюллетеняхъ-хроникахъ.

Кромѣ пропаганды и агитаціи, работа Комитета сводится къ организаціи новыхъ рабочихъ кружковъ и собраній, писанію, воспроизведенію (большей частью печатанію) и распространенію прокламацій и другой партійной литературы, собиранію денежныхъ средствъ и т. д. Во главѣ болѣе важныхъ группъ стоитъ обыкновенно одинъ изъ членовъ Комитета, самъ подбирающій себѣ сотрудниковъ. Секретарь комитета ведетъ переписку съ другими комитетами партіи, Ц. К. и редакціей Ц. О.

Для правильнаго функціонированія комитета ему необходимо обезпечить себѣ, кромѣ денежныхъ источниковъ, рядъ адресовъ для полученія конспиративныхъ писемъ, «явочныхъ» квартиръ, куда могутъ являться прибывающіе въ городъ для свиданія съ членами комитетовъ лица, квартиръ для храненія складовъ литературы, для временнаго пребыванія пріѣзжихъ, вынужденныхъ скрывать свой пріѣздъ отъ полиціи и т. д. Все это требуетъ связей въ интеллигентныхъ и имущихъ слояхъ общества, и престижемъ комитета, а также, конечно, составомъ

Digitized by Google

жителей города, обусловливается въ значительной мѣрѣ успѣшное выполненіе этихъ задачъ комитета. Каждый крупный фактъ партійной жизни—частый выходъ прокламацій, демонстраціи, митинги, всеобщая забастовка и т. п. — отзывается и непосредственнымъ улучшеніемъ, какъ денежныхъ средствъ, такъ и дѣла собиранія адресовъ, квартиръ и другихъ видовъ помощи общества.

Большая часть комитетовъ имѣетъ собственныя небольшія типографіи, служащія, главнымъ образомъ, для печатанія прокламацій. Постановка типографіи, закупка шрифта и бумаги, доставленіе ихъ въ помѣщеніе типографіи и вывозъ оттуда отпечатанныхъ листовъ требуютъ затраты массы силъ и огромныхъ предосторожностей. И однако, съ этой задачей комитеты въ общемъ справляются удачно: ростовская типографія, выпускавшая прокламаціи во время стачки ежедневно, бакинская, три раза накрытая и разоренная жандармами и каждый разъ немедленно возобновлявшаяся; кіевская, дѣйствовавшая безъ перерыва почти пять лѣтъ,—служатъ тому убѣдительнымъ примѣромъ.

2) *Центральныя учрежденія Партіи.*

Верховной инстанціей партіи является, съѣздъ, который на будущее время долженъ собираться по возможности не рѣже одного раза въ годъ.

Представительство на съѣздѣ имѣютъ центральныя учрежденія партіи и мѣстные комитеты ея. Съѣздъ выбираетъ Цен. Ком. партіи, на который возложено руководство и объединеніе всей партійной дѣятельности; онъ же обязанъ организовать и вести общепартійныя техническія предпріятія (транспортъ, большія общепартійныя типографіи и т. п.) и заботиться о возстановленіи комитетовъ и мѣстныхъ организацій партіи въ случаѣ ихъ полнаго разгрома полиціей. Кромѣ Ц. К. съѣздъ выбираетъ редакцію Цен. Орг., каковымъ признана «Искра». Ред. Цен. Орг. совершенно независима отъ Цен. Ком., и уставъ предоставляетъ ей право непосредственныхъ сношеній съ комитетами и ознакомленія со всѣмъ ходомъ ихъ дѣятельности. «Искра» выходитъ не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ, каждый номеръ въ размѣрѣ 8—12 страницъ газетнаго формата. Для объединенія и согласованія дѣятельности Ц. К. и Ц. О., а также для представительства партіи въ сношеніяхъ

съ другими партіями, существуетъ Совѣтъ Партіи, составленный изъ делегатовъ отъ Цен. Ком. и Цен. Органа (по два отъ каждаго) и пятаго члена, выбираемаго съѣздомъ И. Ц. К. и Ц. О. имѣютъ право самопополненія новыми членами, при чемъ однако требуется единогласіе; если единогласіе не достигнуто, по предложенію Совѣта выборы должны быть произведены снова, и въ такомъ случаѣ для пріема новаго члена нужно лишь простое большинство голосовъ.

Отношенія Ц. К. къ мѣстнымъ комитетамъ не опредѣлены точно въ уставѣ: сказано лишь, что всѣ входящія въ партію организаціи вѣдаютъ автономно всѣ дѣла, относящіяся спеціально и исключительно къ той области партійной дѣятельности, для завѣдыванія которой они созданы.

3) Заграничная дѣятельность партіи.

Заграничная Лига Русской Революціонной Соціалдемократіи признана съѣздомъ единственной партійной организаціей. Въ составъ Лиги вошло и значительное число членовъ другихъ заграничныхъ организацій, прекратившихъ свое существованіе послѣ съѣзда—«Союза русскихъ соціалдемократовъ» (Рабочее дѣло) и группы «Борьба». Главная задача Лиги: пропаганда и агитація среди русской молодежи и русскихъ рабочихъ за границей, распространеніе партійной литературы, освѣдомленіе иностранной печати о ходѣ русскаго движенія, сборъ денежныхъ средствъ.

Лига руководитъ дѣятельностью цѣлаго ряда «Группъ содѣйствія Партіи» (болѣе 20), имѣющихся во всѣхъ центрахъ скопленія русскихъ за границей. Въ составъ этихъ группъ входятъ обыкновенно и живущіе на мѣстахъ члены Лиги. «Группы» завѣдуютъ распространеніемъ литературы и сборомъ денегъ и устраиваютъ кружки для пропаганды научнаго соціализма, дискуссіонныя и агитаціонныя собранія, библіотеки и т. п. Рефераты читаются обыкновенно членами Лиги. При отдѣльныхъ группахъ содѣйствія существовали до сихъ поръ кассы для помощи эмигрантамъ, ссыльнымъ и заключеннымъ. Дѣло помощи эмигрантамъ, число которыхъ неудержимо растетъ съ ростомъ числа жертвъ революціонной борьбы (большинство этихъ эмигрантовъ черезъ нѣкоторое время возвращается въ Россію «нелегально», т. е. подъ чужимъ именемъ),

Digitized by Google

объединяется подъ совмѣстнымъ руководствомъ Лиги и Загр. Ком. Бунда.

За 1904 годъ Лигою, совмѣстно съ другими соціалдемократическими организаціями за границей, былъ устроенъ рядъ митинговъ протеста противъ русско-японской войны и избіенія политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ. Былъ организованъ также особый денежный сборъ для стачечниковъ въ Кримичау (Саксонія).

Бюджетъ Лиги, при нормальныхъ условіяхъ, достигаетъ 25—30.000 фр. въ годъ.

V. Тюрьма и ссылка.

Невозможно вычислить всѣ жертвы, понесенныя рабочимъ движеніемъ въ Россіи за этотъ періодъ. Участіе въ профессіональной борьбѣ такъ же, какъ и участіе въ политической борьбѣ, карается русскимъ правительствомъ безпощадно. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ репрессія слѣдуетъ не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ, что еще больше затрудняетъ регистрацію. Можно сказать съ увѣренностью, что количество лицъ, подвергшихся за эти 4 года преслѣдованію за участіе въ «нелегальной» дѣятельности, значительно больше 20.000. И изъ этого количества, какъ показываютъ отдѣльныя анкеты, произведенныя въ центральныхъ тюрьмахъ, значительно болѣе половины приходится на долю лицъ, работающихъ подъ знаменемъ Р. С. Д. Р. П.

Нѣкоторое представленіе о количествѣ жертвъ революціонной борьбы могутъ дать лишь слѣдующія официальныя данныя, извлеченныя изъ «представленія Министерства Юстиціи въ государственный совѣтъ» (28 января 1904 г.): (См. таблицу № 1).

Что же касается мѣръ взысканія, принятыхъ по «высочайшимъ повелѣніямъ» въ отношеніи обвиняемыхъ по означеннымъ дѣламъ, то мѣры эти распредѣляются такимъ образомъ: (См. таб. № 2).

Необходимо замѣтить, что въ эту таблицу не вошли дѣла, разрѣшенныя въ так. наз. «охранномъ порядкѣ», т. е. единоличною властью министра Внутрен. Дѣлъ (а число такихъ дѣлъ было за послѣдніе годы огромно), а также то безконечное количество высылокъ на родину, арестовъ, штрафовъ и

Digitized by Google

пр., которое налагаютъ, въ силу представленной имъ власти, генералъ-губернаторы, губернаторы, градоначальники и т. д.

ТАБЛИЦА № 1.

Г О Д Ы.	Число поступившихъ въ Мин. Юстиціи формальныхъ дознаній.	Число привлеченныхъ къ симъ дѣламъ лицъ.	Число дознаній, разрѣшенныхъ по высочайшимъ повелѣніямъ.	Число привлеченныхъ къ этимъ дознаніямъ лицъ.	Число лицъ, понесшихъ по высочайшимъ повелѣніямъ взысканіе.	Число дознаній, переданныхъ на военный судъ.	Число привлеченныхъ по симъ послѣднимъ дознаніямъ лицъ.	Число дознаній, пріостановленныхъ и прекращенныхъ.	Число привлеченныхъ къ прекращеннымъ дознаніямъ лицъ.
1894	158	919	56	559	366	3	3	61	120
1895	259	944	90	623	367	2	2	175	407
1896	309	1668	67	561	345	3	4	180	385
1897	289	1427	122	1474	1051	4	11	180	409
1898	257	1144	149	1004	706	1	1	108	135
1899	338	1884	166	1325	866	2	4	156	82
1900	384	1580	144	1363	919	4	10	119	162
1901	520	1724	250	1238	914	1	3	197	310
1902	1053[1])	3774[1])	347	1678	1147	5	5	364	303
1903	1988[2])	5590[2])	1522	6405	4867	10	45	791	429

[1]) Изъ всего числа 3 дѣла о 38 лицахъ переданы на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ порядкѣ, опредѣленномъ 2 ч. 1030 ст. уст. угол. суд.

[2]) Изъ сего числа 12 дѣлъ о 28 лицахъ переданы на разсмотрѣніе судебнымъ палатамъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ порядкѣ, опредѣленномъ 2 ч. 1030 ст. уст. угол. суд.

Digitized by Google

ТАБЛИЦА № 2.

ГОДЫ	Выслано иностранцевъ безвозвратно за границу.	Выслано въ Сибирь.	Выслано въ отдаленныя не сибирскія губерніи.	Подчинено гласному надзору полиціи.	Подвергнуто.	
					Тюремному заключенію.	Аресту.
1894	5	21	34	244	156	20
1895	6	42	66	219	104	20
1896	1	53	42	218	105	10
1897	11	117	79	767	198	92
1898	2	47	119	340	162	88
1899	11	49	105	308	108	195
1900	1	49	85	618	57	102
1901	9	38	51	486	203	141
1902	10	115	77	193	362	217
1903	31	910	592	1268	332	845

Приведемъ еще на выдержку краткія данныя о нѣкоторыхъ тюрьмахъ, показывающія соціальный составъ политическихъ заключенныхъ.

Въ *Кіевской тюрьмѣ*, напр., составъ этотъ представляется въ такомъ видѣ:

Digitized by Google

		1901 г.		%		1903 г.		%	
Всего имѣются свѣдѣнія о		285 чел.				600 чел.			
Въ томъ числѣ:									
Интеллигентовъ	М.	103	131	36,8	46,3	160	236	26,4	69,0
	Ж.	28		9,5		76		42,6	
Рабочихъ . . .	М.	138	154	48,1	53,7	331	371	55,0	61,0
	Ж.	16		5,6		40		6,0	

Нижегородская тюрьма за 1902 годъ.

Всего имѣются свѣдѣнія о 170 чел.

		въ томъ числѣ		%	
Интеллигентовъ . .	М. 62	79		36,5	46,5
	Ж. 17			10,0	
Рабочихъ	М. 90	91		53,0	53,5
	Ж. 1			0,5	

Изъ этихъ, наудачу выхваченныхъ, примѣровъ видно, что рабочіе неизмѣнно преобладаютъ среди политическихъ заключенныхъ.

Количество стачечныхъ процессовъ за эти года было очень велико. Наиболѣе значительными были: процессъ обуховскихъ рабочихъ (1901 г.) кончившійся для двухъ обвиняемыхъ каторжными работами, для 20 съ лишнимъ остальныхъ—арестантскими ротами на срокъ 1—4 года. Двѣ работницы, привлеченныя по этому дѣлу, были приговорены къ 3 и 1 году тюремнаго заключенія. Далѣе—процессъ батумскихъ рабочихъ,

рабочихъ тверской фабрики Зологина, рабочихъ тифлисскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, керченскихъ (послѣдніе два по поводу всеобщей стачки 1903 г.), златоустовскихъ и др. Обыкновенно, во время каждой стачки десятки, а то и сотни рабочихъ бросаются въ тюрьмы, чтобы затѣмъ быть высланными на мѣсто родины, т. е. обреченными на всѣ муки голода и безработицы; «зачинщиковъ» же ссылаютъ въ сѣверныя и восточныя губерніи Россіи, а иногда и въ восточную Сибирь, гдѣ теперь ужъ не мало находится лицъ, сосланныхъ за участіе въ чисто профессіональномъ движеніи.

По отношенію къ собственно-политическимъ дѣламъ, описываемый періодъ времени отличается крайнимъ усиленіемъ репрессіи. Все большая часть арестуемыхъ по сомнительнымъ даннымъ «охранныхъ отдѣленій» ссылается въ Восточную Сибирь и другія отдаленныя мѣста и на все болѣе долгіе сроки— на 5, 6, 8 и 10 лѣтъ. Ежегодно въ каждомъ крупномъ центрѣ происходятъ нѣсколько разъ крупныя «облавы» на соціалдемократовъ, во время которыхъ вылавливаются всѣ намѣченныя полиціей «подозрительныя» лица. Число арестуемыхъ такимъ образомъ въ одну ночь доходитъ часто до 80—100 и 150 человѣкъ. Часть ихъ, по истеченіи нѣкотораго времени, освобождается, за отсутствіемъ противъ нихъ уликъ даже съ русско-полицейской точки зрѣнія, остальные надолго остаются въ тюрьмѣ, откуда распредѣляются по разнымъ мѣстамъ ссылки.

Многочисленные хорошо обученные сыщики переѣзжаютъ изъ города въ городъ и наполняютъ станціи желѣзныхъ дорогъ. Спеціальная ихъ задача—поимка рецидивистовъ, т. н. „нелегальныхъ“, которые, скрывшись изъ мѣста ссылки, продолжаютъ свою революціонную дѣятельность подъ чужими именами. Количество такихъ «нелегальныхъ» въ рядахъ соціалдемократической партіи чрезвычайно увеличилось за эти годы.

Каждая политическая демонстрація, разумѣется, служитъ поводомъ къ усиленной репрессіи, какъ по отношенію къ ея захваченнымъ полиціей на мѣстѣ участникамъ, такъ и къ организаціямъ, вызвавшимъ ее. Главной же мишенью полицейскихъ преслѣдованій являются типографіи и пункты транспорта литературы изъ-за границы. Накрыть типографію— значитъ на нѣкоторое время пріостановить мѣстную агитацію и разстроить наиболѣе хорошо прикрытую часть комитетской организаціи. Разумѣется, организація оправляется отъ поне-

сенныхъ ударовъ и сейчасъ же ставятъ новыя тайныя типографіи—этотъ нервъ агитаціоннаго аппарата. Въ теченіе одного послѣдняго года (1903-1904) жандармамъ удалось арестовать 21 тайныхъ типографій соціалдемократрической партіи. (1 въ Петербургѣ, 2 въ Ярославлѣ, 1 въ Ростовѣ на Д., 1 въ Бердичевѣ, 1 въ Кіевѣ, 1 въ Тифлисѣ, 2 въ Одессѣ, 1 въ Батумѣ, 3 въ Баку, 3 въ Николаевѣ, 1 въ Севастополѣ, 1 въ Бобруйскѣ, 1 въ Томскѣ, 1 въ Красноярскѣ, 1 въ Харьковѣ). Въ Баку мѣстный комитетъ на взятіе типографіи каждый разъ отвѣчалъ появленіемъ новыхъ прокламацій, извѣщавшихъ объ открытіи новой печатни. Послѣ трехъ разъ жандармы сбились со слѣда, и Бакинская типографія продолжаетъ работать. Особенное значеніе имѣло для жандармеріи взятіе типографіи Донского (Ростовъ) и Кіевскаго комитетовъ, причинившихъ за время своего существованія особенное огорченіе правительству. Ростовская типографія прославилась во время большой стачки 1902 г., когда забрасывала городъ листками. Въ теченіе года послѣ этого ее не удавалось отыскать, пока несчастная случайность не погубила ее въ концѣ 1903 года. Кіевская типографія была старѣйшая въ соціалдемократической партіи. Съ 1900 г., благодаря необычайному самоотверженію и умѣлости ея работниковъ, она работала неустанно, вызывая страшное озлобленіе жандармовъ, которымъ только на 5-й годъ, въ апрѣлѣ 1904 г., удалось открыть ее. Обѣ типографіи были вскорѣ же возстановлены мѣстными комитетами.

Съ вступленіемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве правительство рѣшило, сохраняя для большинства своихъ враговъ обычную процедуру административнаго слѣдствія и приговора, въ отдѣльныхъ случаяхъ прибѣгать къ торжественной комедіи спеціальнаго суда—коронного суда при закрытыхъ дверяхъ, на каждомъ шагу нарушающаго элементарныя положенія судебныхъ уставовъ. Плеве стремился воспользоваться противъ революціонеровъ старинными статьями уголовнаго кодекса, позволяющаго за каждое мирное проявленіе „незаконной“ политической дѣятельности карать безсрочной ссылкой съ лишеніемъ правъ, каторгой, а подчасъ и смертью. Прежде всего, судебныя кары обрушились на участниковъ майской демонстраціи 1902 г., и соціалдемократы изъ Саратова, Нижняго Новгорода и Сормова, въ числѣ 38 человѣкъ, были подвергнуты суду въ трехъ процессахъ. Это были первые судебные процессы противъ соціалдемократической партіи, и члены ея

умѣло воспользовались представившимся случаемъ демонстрировать передъ судомъ значеніе русскаго рабочаго движенія. Рѣчи рабочихъ Заломова и Воеводина и нѣкоторыхъ другихъ обвиняемыхъ, излагавшихъ свою соціалдемократическую программу, произвели сильное впечатлѣніе на публику, ознакомившуюся съ ними изъ многочисленныхъ нелегальныхъ изданій и сыграли значительную агитаціонную роль. 20 человѣкъ были осуждены коронымъ судомъ на вѣчное поселеніе въ Сибири съ лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ, нѣсколько человѣкъ приговорены къ долголѣтнему тюремному заключенію, и въ числѣ этихъ осужденныхъ находятся люди, завѣдомо не участвовавшіе въ „преступныхъ“ майскихъ демонстраціяхъ, но поплатившіеся за то, что на судѣ заявили о своей солидарности съ демократами. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали суды надъ соціалдемократами, арестованными при раскидкѣ прокламацій, призывающихъ къ демонстраціямъ. Трое рабочихъ въ Саратовѣ, 1 въ Екатеринославѣ, 2 въ Николаевѣ и 1 въ Елисаветградѣ появились на скамьѣ подсудимыхъ. Опять тѣ же драконовскіе приговоры, при чемъ рабочій Сосюкъ въ Елисаветградѣ, 17 лѣтъ, былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 3 года—за расклейку соціалдемократическихъ прокламацій. Рѣчь саратовскаго рабочаго Денисова, приговореннаго за такое же „преступленіе“ къ ссылкѣ на вѣчное поселеніе въ Сибирь, еще разъ показала судьямъ, какая моральная сила таится въ той пролетарской массѣ, которая вступила въ борьбу съ абсолютизмомъ. Процессъ тайной типографіи «Искры» (въ Кишиневѣ) послужилъ снова поводомъ для Л. Гольдмана произнести сильную рѣчь, а для судей—осудить 6 пролетаріевъ на вѣчную ссылку. Но всего этого мало. Произведшая грандіозное впечатлѣніе демонстрація 2 марта 1903 г. въ Ростовѣ на Дону, организованная Донскимъ комитетомъ, привела правительство въ ярость. Во время демонстраціи произошла схватка толпы съ налетѣвшей на нее кучкой полицейскихъ, при чемъ былъ убитъ ударомъ палки одинъ полицейскій офицеръ. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы правительство предало около 20-ти лицъ, частью замѣченныхъ на демонстраціи, частью вовсе не бывшихъ на ней, но оговоренныхъ шпіонами,—военному суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени. Молодой соціалдемократъ, Александръ Браиловскій, сказавшій рѣчь, въ которой приглашалъ отъ имени комитета рабочихъ на мирную демонстрацію, былъ, вмѣстѣ съ

Digitized by Google

двумя рабочими, приговоренъ къ смертной казни, другіе — къ каторжнымъ работамъ и ссылкѣ. Чудовищный приговоръ былъ «смягченъ», и Браиловскій, Колосковъ, Куксинъ, Васильченко и др. рабочіе отправлены въ сибирскія каторжныя тюрьмы, на большіе сроки (до 15 лѣтъ). И опять полное достоинства и беззавѣтной смѣлости поведеніе этой молодежи на судѣ послужило лучшимъ агитаціоннымъ матеріаломъ для партіи.

Жертвы, которыя несетъ соціалдемократическая партія въ борьбѣ съ абсолютизмомъ, неисчислимы. Въ многочисленныхъ тюрьмахъ десятки и сотни рабочихъ и интеллигентовъ, мужчинъ и женщинъ ведутъ ежедневно упорную борьбу съ тюремщиками, методически проводящими, по внушенію изъ Петербурга, систему моральныхъ и физическихъ пытокъ надъ политическими заключенными. Послѣдніе протестуютъ главнымъ образомъ „голодовками“ — примитивнымъ, страшно много жертвъ стоющимъ, но подчасъ незамѣнимымъ, при отсутствіи свободы печати, средствомъ борьбы противъ системы униженій и мучительства. Иногда эти „голодовки“ улучшаютъ положеніе заключенныхъ, но сколько жизней разбивается въ нихъ, сколько нервныхъ системъ въ конецъ расшатываются! Хроники революціонныхъ изданій пестрятъ извѣстіями о преждевременной смерти, сумасшествіяхъ, самоубійствахъ жертвъ тюремныхъ порядковъ. А въ мѣстахъ ссылки—въ Сибири и въ отдаленныхъ губерніяхъ Европейской Россіи—изнываютъ тысячи революціонеровъ, которымъ запрещены полиціей почти всѣ виды труда, и которые подвергнуты невыносимому режиму полицейскихъ преслѣдованій. Десятки и сотни успѣваютъ бѣжать изъ этихъ захолустій, но для массы—особенно рабочихъ—побѣгъ, стоющій много денегъ, невозможенъ. Приходится въ ссылкѣ продолжать ту борьбу, которая велась въ тюрьмѣ—борьбу за элементарныя условія существованія. И эта борьба уноситъ не мало жертвъ. Съ появленіемъ во главѣ правительства Плеве, ссыльные стали объектомъ новой гнусной травли, имѣющей цѣлью довести ихъ до отчаянія. Послѣ жестокаго избіенія, совершеннаго надъ группой ссыльныхъ въ Иркутской губ., въ другомъ центрѣ ссылки—въ Якутскѣ—соціалдемократы рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать выполненіе указанныхъ въ законѣ положеній о ссылкѣ. Предъявивъ свои требованія губернатору, они, въ числѣ 57 лицъ, среди которыхъ были соціалдемократическіе дѣятели со всѣхъ

Digitized by Google

концовъ страны, забаррикадировались въ одномъ домѣ, заявивъ, что не выйдутъ до исполненія этихъ требованій. Домъ подвергся осадѣ войскъ, а, подъ конецъ и обстрѣливанію. 2000 пуль было выпущено въ осажденныхъ (среди, нихъ было 7 женщинъ) но, благодаря хорошей организаціи защиты, былъ убитъ только одинъ—видный агитаторъ соціалдемократической партіи, кузнецъ Ю. Матлаховъ. Остальные вынуждены были сдаться, были преданы суду и получили каторжный приговоръ; но ихъ смѣлое возстаніе не осталось безъ вліянія на положеніе ссыльныхъ, сдѣлавъ администрацію болѣе осторожной въ провоцированіи.

Предложеніе правительства помиловать (февраль 1904 г.) и тѣхъ изъ политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ, которые подадутъ прошенія о зачисленіи ихъ рядовыми въ дѣйствующую армію, было встрѣчено во всѣхъ ссыльныхъ колоніяхъ единодушными протестами, какъ противъ самой войны, преступно затѣянной правительствомъ, такъ и, въ частности, противъ попытки воспользоваться борцами за свободу, какъ пушечнымъ мясомъ. Даже изъ Акатуевской каторжной тюрьмы, гдѣ томились ростовскіе демонстранты и польскіе рабочіе, раздался призывъ къ протесту противъ войны и къ борьбѣ за свободу.

Конецъ.

Digitized by Google

Оглавленіе.

	стр.
I. Общій ходъ русской политической жизни за 1900—1904 г.г	5
II. Рабочее движеніе за разсматриваемый періодъ.	—
a) Стачки.	8
в) Демонстраціи.	17
c) 1902—1903 г. въ Тихорѣцкой, Ростовѣ на Дону и Костромѣ.	27
d) Всеобщая стачка	31
e) Агитація по поводу войны.	37
f) Еврейскіе погромы.	39
д) Зубатовщина.	40
ц) Профессіональное движеніе.	44
i) Фабричное законодательство.	46
III. Крестьянское движеніе и соціалдемократія.	49
IV. Внутренняя жизнь партіи.	—
a) Ростъ партіи.	53
в) Экономизмъ и Рабочее дѣло.	57
c) Искра и Заря.	61
p) Организаціонное строительство.	64
e) II Съѣздъ партіи	68
1) Теоретическая программа.	—
2) Программа-[illegible].	69

Digitized by Google

3) Тактическія резолюціи. 71
4) Отношеніе къ другимъ партіямъ. 72
а) Либерлы. 73
б) Соціалисты-революціонеры. . . . . —
в) Бундъ и другія національныя организаціи. 75
f) Организація партіи. 79
1) Постановка мѣстной работы. . . . . —
2) Центральныя учрежденія партіи. 82
3) Заграничная дѣятельность партіи. 83
V. Тюрьма и ссылка. 84

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
Спасскій пер. д. 5.
въ С.-Петербургѣ.

ЦѢНА ВЪ ГОДЪ 20 руб.

Редакторъ-издатель С. П. Шепелевъ

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Редакція В. Я. Богучарскаго.

I-ая серія книгъ:

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Вышли I и II тома.

Содержаніе перваго тома: Предисловіе. 1825 годъ: Первое правительственное сообщеніе о событіи 14 декабря. Высочайшій манифестъ о томъ же. Подробное описаніе происшествія 14 декабря. 1826 годъ: Прибавленіе къ подробному описанію. Первое сообщеніе о возстаніи войскъ Сергѣя Муравьева-Апостола. Дальнѣйшія сообщенія о томъ же. Первое сообщеніе о ходѣ слѣдствія надъ декабристами. Высочайшій манифестъ о волненіяхъ среди крестьянъ. Судъ надъ декабристами. Донесеніе слѣдственной комиссіи. Списокъ лицъ, преданныхъ Верховному Уголовному Суду. Высочайшій манифестъ о дѣлѣ декабристовъ. Высочайшая благодарность Дибичу. Верховный Уголовный Судъ. Роспись государственнымъ преступникамъ. Указъ Верховному Суду. Выписка изъ протоколовъ Верховнаго

Суда. Высочайшій приказъ объ исключеніи осужденныхъ изъ списковъ войскъ. Приговоръ надъ соучастниками Сергѣя Муравьева-Апостола. Высочайшій приказъ россійскимъ войскамъ. Высочайшій приказъ о наказаніяхъ офицерамъ, замѣшаннымъ въ заговорѣ, но не преданнымъ суду.—1827 годъ: Приговоръ надъ офицеромъ Усовскимъ. Приговоръ надъ офиц. Вегелинымъ и др. Донесеніе варшавскаго слѣдственнаго комитета. Приговоръ надъ офиц. Старковымъ и Таптыковымъ. Приговоръ надъ офиц. Раевскимъ.—1830 г.: Приговоръ надъ офиц. кн. С. Оболенскимъ. Приговоръ надъ чиновникомъ Дороховымъ. Высочайшій манифестъ о возстаніи въ Польшѣ—1831 г.: Указъ сенату о мѣрахъ къ подавленію возстанія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западнаго Края. Высочайшій манифестъ объ окончаніи польскаго возстанія. Указъ главнокомандующему дѣйствующей арміей. Указъ объ облегченіи наказаній нѣкоторымъ изъ декабристовъ. Указъ о наказаніяхъ виновнымъ въ польскомъ возстаніи.—1837 г. Приговоръ надъ Масловскимъ. — 1839 г.: — Приговоръ надъ Вейсомъ и друг.—1840 г.: Указъ о лицахъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ Канарскаго.—1848 г.: Приговоръ по дѣлу Холмскаго. — 1849 г.: Приговоръ по дѣлу Петрашевскаго и петрашевцевъ.—1856 г.: Амнистія декабристамъ. — 1861 г.: Приговоръ надъ М. Л. Михайловымъ. — 1862 г. Арестъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ. Высылка профессора Павлова. Приговоръ надъ офицеромъ Обручевымъ. Закрытіе двухъ воскресныхъ школъ. Увольненіе отъ службы братьевъ гр. Ростовцевыхъ. Закрытіе народныхъ читаленъ и шахматнаго клуба. Закрытіе всѣхъ воскресныхъ школъ въ войскахъ. Закрытіе повсемѣстно воскресныхъ школъ и читаленъ. Закрытіе Общества для пособія учащимся. Приговоръ надъ офиц. Янковскимъ. Казнь офицеровъ Аргольда, Сливицкаго и Ростковскаго. Преданіе суду офиц. Григорьева. Приговоръ надъ тверскими мировыми посредниками. Преданіе суду офиц. Даниловича и др. Приговоръ надъ юнкеромъ Кудрявымъ. Приговоръ надъ офиц. Григорьевымъ. Приговоръ надъ офиц. Красовскимъ. Приговоръ надъ учителемъ Викторовымъ. Приговоръ надъ офиц. Посниковымъ и Ѳллинскимъ. — 1863 г.: Приговоръ надъ студ. Яковлевымъ. Приговоръ надъ студ. Веневольскимъ и др. Приговоръ надъ студ. Вороновымъ и др. Приговоръ надъ офиц. Ушаковымъ. Приговоръ надъ юнкер. Шукшта. Приговоръ надъ офиц. Крушевскимъ. Приговоръ надъ мѣщ. Мартьяновымъ. Приговоръ надъ двор. Муравскимъ. Приговоръ надъ лекар. Павловскимъ. Приговоръ надъ студ. Сунгуровымъ. Приговоръ надъ студ. Фрязиновскимъ и др.—1864 г.: Приговоръ надъ студ. Стахевичемъ и Цвѣтковымъ. Приговоръ надъ врачемъ Стрижевскимъ. Приговоръ надъ Н. Г. Чернышевскимъ. Публичное объявленіе приговора Чернышевскому. Приговоръ надъ учителемъ Курбаковскимъ. Дѣло о заговорѣ въ Казани. Приговоръ надъ Д. И. Писаревымъ и друг. Казнь офицеровъ Иваницкаго, Мрочека и Станкевича. — 1865 г.: Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ о московскомъ дворянскомъ собраніи. Приговоръ надъ студ. Самаринымъ и гимн. Бекеневымъ. Приговоръ надъ Н. А. Серно-Соловьевичемъ и др. Приговоръ надъ инженеромъ Дейхманомъ. Казнь офицера Черняка.—1866 г.: Дѣло о послабленіяхъ властей, оказанныхъ М. Л. Михайлову въ Тобольскѣ. Правительственное сообщеніе о покушеніи Караковова на жизнь Государя. Назначеніе Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи. Пожалованіе

Digitized by Google

дворянства Комиссарову. Свѣдѣнія о Каракозовѣ. Объявленіе приговора Мосолову и друг. Свѣдѣнія о сообщникахъ Каракозова. Приговоръ надъ Каракозовымъ. Казнь Каракозова. Приговоръ надъ докторомъ Кобылинымъ. Приговоръ надъ солдатомъ Невѣдомскимъ. Дѣло Каракозовцевъ. Приговоръ надъ офиц. Кувязевымъ.—1867 г.: Высочайшее повелѣніе о закрытіи петербургскаго земства. Приговоръ надъ офиц. Нечмировымъ. Рѣшеніе сената по дѣлу петербургскаго земства. Покушеніе Березовскаго на жизнь государя. Свѣдѣніе о Березовскомъ. Процессъ Березовскаго.—1871 г.: Процессъ нечаевцевъ.—1872 г.: Процессъ Гончарова.—1873 г.: Процессъ Нечаева. Правительственное сообщеніе объ учащихся въ Цюрихѣ русскихъ женщинахъ.—1874 г.: Правительственное сообщеніе о 19 эмигрантахъ. Процессъ Долгушина и др.—1875 г.: Процессъ Дьякова и др.—1876 г.: Правительственное сообщеніе о демонстраціи на Казанской площади.

Содержаніе второго тома: Прокламація М. Л. Михайлова. «Къ молодому поколѣнію» (полностью). Отрывки изъ записокъ М. Л. Михайлова (печатается въ первый разъ). Листки «Великоруссъ» (полностью). Къ дѣлу подп. Аргольда и его товарищей. Къ дѣлу подполковника Красовскаго. Къ дѣлу подп. Григорьева. Къ дѣламъ Хмѣленскаго, Карзона и др. Къ біографіи Огарева. Прокламація «Молодая Россія», «Земская Дума», «Къ офицерамъ», «Къ образованнымъ классамъ» и «Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти» (всѣ полностью). Рѣчь проф. Павлова. Письмо Верви къ предводителямъ дворянства. Къ дѣлу Мартьянова. Листокъ «Свобода» № 1 (съ подлинника). Прокламація «Офицерамъ всѣхъ войскъ Общества «Земля и воля» (воспроизводится впервые съ подлинника). Сенатская записка по дѣлу Чернышевскаго. Секретный циркуляръ, касающійся Чернышевскаго (никогда не бывавшій въ печати). Статьи о дѣлѣ Чернышевскаго изъ «Колокола». Дѣло Андрущенко и др. Къ дѣлу о заговорѣ въ Казани. Рѣчь Н. В. Соколова (автора книги «Отщепенцы») на судѣ (печатается въ первый разъ). Къ дѣламъ Карпова, Мартышевскаго и друг. (печатается въ первый разъ). Очеркъ Славянской Секціи Интернаціонала. Ралли. — Приложеніе: Зарубежные журналы и сборники пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. (Полный перечень содержанія слѣдующихъ изданій: «Полярная Звѣзда» (1855—1869 г); «Историческій Сборникъ» (1859—и 1861 г.); „Голоса изъ Россіи“ (1856—1860 г.): „Колоколъ“ (1867—1868 г.); „Подъ судъ“ (1859—1862 г;) „Общее Вѣче“ (1862—1864 г.); La Cloche“ (брюссельскій, 1862 — 1864 2.); „Колоколъ“ въ ред. Нечаева (неполный; 1870 г.); «Русскій Заграничный Сборникъ» (1858—1861 г.); «Благонамѣренный» (1859—1861 г.); «Будущность» 1861 г.); «Правдивый» 1862 г.); «Правдолюбивый» (1862 г.); «Le Véridique» (1862 г.); «Листокъ изданный кн. Долгоруковымъ» (1862—1864 г.); «Свободное Слово» (1862 г.); «Летучій Листокъ» (Гейдельбергъ, 1826 г.); «Подпольное Слово» (1866 г.); «Народное Дѣло» (1868—1870 г.); «Летучій Листокъ» Женева, 1868 г.): «Народная Расправа» (1869—1870 г.); «Община (ред. Нечаева; неполный; 1870 г.).

Digitized by Google

Digitized by Google

58.-09 ant

11-1849(1)

Digitized by Google

1694
Ta 1

Digitized by Google

WIDENER LIBRARY
HX VAKP 7
HD